

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 512. Март

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 512. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Andreeva Ya.E., Marshaniya K.M., Ma X. Elimination of lacunas in Russian and English Translations of *Cat Country* by Lao She 5
- Кондратьев В.А., Волков И.О. Гуманистический идеал в романах И.А. Гончарова «Обломов» и Г. Торо «Уолден»: к проблеме типологического сближения 13
- Корженевская А.Ю., Гумова Н.Д., Ханова А.Ф., Оглы Б.А., Бгуашева А.А., Протопова М.А., Макирова С.Р., Драгой О.В. Зрительное опознание слов у адыго-русских билингвов по данным теста Рея 22
- Михайленко К.А. Мемуары сибирских авторов о декабристах 29
- Се Ш. Функции цветообозначений в автобиографической прозе Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» 42
- Харитоновна Е.Ю., Баева М.П. Стержневые анималистические образы компаративной фразеологии 52

ФИЛОСОФИЯ

- Логиновская Ю.В. Перспективы исследования метапознания для развития естественного и искусственного интеллектов 61
- Московец С.А. Трансиндивидуация в цифровую эпоху: Бернар Стиглер об изменениях третьей памяти 70

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Баных Г.А., Костина С.Н. Профессиональная социализация студентов в условиях цифровизации: опыт социологического исследования 76
- Новик Н.Н., Гацковская В.А. Политика памяти как инструмент внешней политики Чешской Республики в отношении России (на примере чехословацких легионов) 90

ИСТОРИЯ

- Андреев А.Н., Андреева Ю.С. «Бахусоподажательные» британцы в Санкт-Петербурге при Петре Великом 99
- Галкина Т.В. О специфике функционирования тыловых школ в годы Великой Отечественной войны (на примере школ Вокзального (ныне Октябрьского) района г. Томска) 108
- Мажинский С.В. Национальный характер в начале XXI в.: эволюция методологических поисков в западной и постсоветской науке 115
- Марей Е.С. «Отец монахов»: основания духовного авторитета настоятеля в восточных монастырях VII в. 127
- Митюков Н.В., Баутина С.Л. Реконструкция состава флотилии завода № 74 на Ижевском пруду 137
- Морев В.А., Морева А.В. Дороги, средства транспорта и особенности путешествия по Российской империи в XIX в. (на материале путевых заметок немецкоговорящих ученых и путешественников) 149
- Шереметьева Д.Л. Публицистика генерал-майора А.И. Андогского на востоке России в ноябре 1918 – декабре 1919 г. 158

ПЕДАГОГИКА

- Головко Н.В. Генерация учебных текстов по русскому языку как иностранному с помощью российских чат-ботов: опыт автоматизированной сравнительной оценки 170
- Гричанов А.С., Котельников Н.С., Булавкин А.А. Влияние на спортивные результаты особенностей тренировки и физических данных любителей бега на длинные дистанции 178

CONTENTS

PHILOLOGY

- Andreeva Ya.E., Marshaniya K.M., Ma X. Elimination of lacunas in Russian and English Translations of *Cat Country* by Lao She 5
- Kondratyev V.A., Volkov I.O. The humanistic ideal in the novels *Obломov* by Ivan Goncharov and *Walden* by Henry Thoreau: Towards the problem of typological convergence 13
- Korzhenevskaya A.Yu., Gumova N.D., Khanova A.F., Ogly B.A., Bguasheva A.A., Protopova M.A., Makerova S.R., Dragoi O.V. Visual word recognition in Adyghe-Russian bilinguals according to the Rey test 22
- Mikhaylenko K.A. Memoirs of Siberian authors about the Decembrists' 29
- Xie Sh. The functions of color terms in Irina Odoevtseva's autobiographical prose *On the Banks of the Neva* 42
- Kharitonova E.Yu., Baeva M.P. Core animalistic images in comparative phraseology 52

PHILOSOPHY

- Loginovskaya Yu.V. Prospects of metacognition research for the development of natural and artificial intelligence 61
- Moskovets S.A. Transindividuation in the digital age: Bernard Stiegler on the changing third memory 70

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Bannykh G.A., Kostina S.N. Professional socialization of students in the context of digitalization: An experience of a sociological research 76
- Novik N.N., Gatskovskaya V.A. Regional and national politics of memory as an instrument of foreign policy in relations between the Czech Republic and Russia (on the example of the Czechoslovak legions) 90

HISTORY

- Andreev A.N., Andreeva Yu.S. Brits impersonating Bacchus in Saint Petersburg under Peter the Great 99
- Galkina T.V. The functioning of schools in the rear during the Great Patriotic War (on the example of schools in Vokzalny (now Oktyabrsky) District of Tomsk) 108
- Mazhinskiy S.V. National character at the beginning of the 21st century: Evolution of methodological searches in Western and post-Soviet science 115
- Marey E.S. "Father of the monks": Sources of the spiritual authority of the abbot in Visigothic monasteries in the 7th century ... 127
- Mitiukov N.W., Bautina S.L. Reconstruction of the flotilla of Plant No. 74 on the Izhevsk Pond 137
- Morev V.A., Moreva A.V. Roads, means of transport, and features of travel around the Russian Empire in the 19th century (based on travel notes of German-speaking scientists and travelers) 149
- Sheremeteva D.L. The publicistic writings of Major General Alexander Andogsky in the East of Russia, November 1918 – December 1919 158

PEDAGOGICS

- Golovko N.V. Generation of educational texts in Russian as a foreign language using Russian chatbots: An attempt of automatized comparative evaluation 170
- Grichanov A.S., Kotelnikov N.S., Bulavkin A.A. Influence of long-distance runners' training characteristics and physical data on their athletic performance 178

Жданова М.В., Аликина Е.В., Черникова И.Ю. Социокультурный профессионально-ориентированный проект как средство формирования экстралингвистических знаний иностранцев-лингвистов	185
Колесников А.А. Реализация интеллектуально-личностной направленности обучения иностранному языку в курсе по выбору «Германия и Россия в глобальной перспективе»	194
Панчук Н.С. Сохранение культурной идентичности студентов вуза средствами физической культуры и спорта	205
Соколова Н.А., Гуль И.Д. Влияние технологии <i>mobile first</i> на цифровую компетентность одаренных детей в системе дополнительного образования	212

ПРАВО

Боренштейн А.Л., Кухарев Ю.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде	223
Горбунов М.Д. Политико-правовые взгляды Джозефа Раза: основные положения и проблемные аспекты	233
Конин В.В., Кудрявцева А.В., Петров А.В. Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора как составную часть права на защиту: анализ явления, ошибки и рекомендации	242
Кравец И.А., Саленко А.В. Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституционализма и непосредственного народовластия	252
Макарцева (Раздьяконова) Е.В. О сбалансированности прав и обязанностей как новом принципе социального государства	266

Zhdanova M.V., Alikina E.V., Chernikova I.Yu. Sociocultural professionally-oriented project as a means of forming foreign students' extralinguistic knowledge in linguistics	185
Kolesnikov A.A. Implementation of the intellectually and personally oriented approach to foreign language teaching in the elective course "Germany and Russia in a Global Perspective"	194
Panchuk N.S. Preservation of university students' cultural identity by means of physical culture and sports	205
Sokolova N.A., Gul I.D. The impact of mobile first technology on the digital competence of gifted children in the supplementary education system	212

LAW

Borenstein A.L., Kukharev Yu.S., Balashov K.G. Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment	223
Gorbunov M.D. Political and legal views of Joseph Raz: Main provisions and problematic aspects	233
Konin V.V., Kudryavtseva A.V. & Petrov A.V. The right to qualified legal assistance during sentence execution as a component of the right to defense: Analysis of the phenomenon, errors, and recommendations	242
Kravets I.A., Salenko A.V. Freedom of peaceful assembly and the idea of people's assemblies as elements of communicative constitutionalism and direct democracy	252
Makartseva (Razdyakonova) E.V. On the balance of rights and responsibilities as a new foundation for the welfare state	266

ФИЛОЛОГИЯ

Original article
UDC 821.581+81.25
doi: 10.17223/15617793/512/1

Elimination of lacunas in Russian and English translations of *Cat Country* by Lao She

Yana E. Andreeva¹, Kristina M. Marshaniya², Xun Ma³

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

³ Qufu Normal University, Qufu, China

¹ y.e.andreeva@utmn.ru

² k.m.marshaniya@utmn.ru

³ maxun198821@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a comparative study of a Chinese novel *Cat Country* by Lao She and its translations into Russian by Vladimir Semanov and English by William Lyell. It aims at identifying associative and textual lacunas and considering the ways of their elimination in Russian and English texts. Various strategies are used, such as translators' notes and a loan translation technique to convey the specific historical and cultural context of Lao She's work. The features of individual translation solutions have also been analyzed.

Keywords: Lao She, "Cat Country", lacuna, elimination of lacunas, literary translation, translator's note

For citation: Andreeva, Ya.E., Marshaniya, K.M. & Ma, X. (2025) Elimination of Lacunas in Russian and English Translations of "Cat Country" by Lao She. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 5–12. doi: 10.17223/15617793/512/1

Introduction

Lao She's novel *Cat Country* (猫城记, 1932) is often characterized as the author's most controversial work and a turning point in his oeuvre. Nevertheless, it has not been spotlighted by the researchers for a long time. Only after the end of Cultural Revolution in the 1980s–1990s the interest of researchers to Lao She's work has risen in the People's Republic of China [1–3].

The exceptional role of Lao She, who supported the May Fourth Movement, in developing the theme of national character was repeatedly emphasized in Chinese and Soviet criticism. As the researcher Chang Yonghong remarked, Lao She's works had a unique "Beijing flavor" (京味) [4. P. 37]. In his texts, he revealed the national spirit of the Chinese and reflected on the fate of people. In his first novels, written in Great Britain (*The Philosophy of Lao Zhang* (1926), *Zhao Ziyue* (1927), *Mr. Ma and Son* (1928)), Lao She addressed the socio-cultural attitudes and behavioral models of the Chinese, pondered on traditions and rituals of his native country. As the researcher Rodionov notes, Lao She condemns "excessive worship of traditions, conventions in social communication" [5. P. 61]. Besides, he often compared the Chinese and foreigners. It may be explained by his personal experience while living abroad. For instance, he drew psychological portraits of the Chinese and the English in the novel *Mr. Ma and Son*, paying attention to their differences.

Critics pointed out that Lao She's works could convey "a Chekhov's laughter and a Gorky's sadness" (老舍具有契可夫的微笑和高尔基的苦涩) [6]. In fact, Chekhov's

creativity had a significant influence on Lao She [7]. Chekhov's tradition is particularly evident in Lao She's play *Teahouse* (1957). In this play, the author shows the turning points in the history of Chinese society through the fates of visitors to a Beijing teahouse. In the playwriting of the prominent Russian author, tea ceremony takes place against the backdrop of events that change people's lives (*Three Sisters*, *Uncle Vanya*). This artistic technique becomes a plot-forming component of Lao She's play. Like Chekhov, Lao She was always great at "fusion of tragic with comic" [7. P. 206]. Despite the comic tone, there is always a tragic subtext in his works, which shows the pain and suffering of the people living in an imperfect world.

The problem of a "little man" also plays a crucial role in Lao She's works, for example in such novels as *Divorce* (1933) and *Rickshaw Boy* (1935) [8, 9]. Depicting the life path, aspirations and hopes of a "little man", Lao She always noted that his works were dedicated to common people: "Perhaps because I myself come from a poor family, I have always had deep sympathy for people in need. Due to my professional duties, I had to move in the so-called intelligentsia, but my friends were not always doctors and scientists" [10. P. 9]. This appeal to common people was mainly due to the fact that he wrote in *baihua*, the language of everyday communication.

Although Lao She's general tendency is towards realism, in some of his works (*Little Po's Birthday*, 1931; *Cat Country*) he develops an idea of a travel to the unrealistic world, where the traveler exposes the morals and vices of the society he observes.

According to researchers, it is a powerful tool to use for a satirical and allegorical purpose [5, 11, 12]. It is noteworthy that this theme of a travel to the unrealistic world was quite popular in China at the beginning of the 20th century and was used by other authors, for example, by Zhang Tianyi (*Ghostland Diary*, 1931) and Shen Congwen (*Alice in China*, 1928).

Thus, Lao She's artistic method is a rich and complex tapestry woven from various influences and experiences. It can be characterized by some creative principles such as the portrayal of the national character of the Chinese, the comparison of the Chinese with foreigners, the idea of a travel to the unrealistic world, irony and satire on Chinese society, which manifest patriotism and a deep sense of responsibility to the country, a problem of a "little man".

All the mentioned above creative principles are reflected in Lao She's satirical novel *Cat Country*, where the images of cats represent Chinese society of the 1930s. Describing the life of a fictional civilization of Cat People on Mars, the author depicts social and political realities at the time of the Kuomintang regime. The main character of the novel is a Chinese man from Earth whose spacecraft crashed on the surface of Mars. Trying to survive in a new environment, he gets acquainted with customs and traditions of Cat People society. He observes Cat Country's decline, the collapse of its economy and education system, the ignorance and moral degradation of Cat People, who are addicted to "reverie leaves" [13]. He also witnesses Cat People defeated in the battle with foreign invaders.

Cat Country is the first work written by Lao She after his return from England to China. The writer admitted that he was influenced by English literature and especially by dystopian novels, which was consequently reflected in the plot of his novel [14. P. 494]. It reminds a science fiction novel *The First Men in the Moon* (1901) by Herbert George Wells that tells about the journey of two earthlings to the Moon, which is inhabited by insect-like people and where plants that cause euphoria and hallucinations grow. Another example is a dystopian satirical novel *Brave New World* (1932) by the English writer Aldous Huxley, which describes people who constantly consume a drug called "soma". Researchers also point out some similarities between *Cat Country* and other literary texts, for instance, *Penguin Island* (1908) by Anatole France, which is about a fictitious country Penguinia, populated by humans who are originally the great auks, mistakenly baptized by a Christian missionary monk and then converted to humans by The Lord. The novel *The History of a Town* (1869–1870) by Mikhail Saltykov-Shchedrin is also remarkable for its whimsical plot [15]. It presents an imaginary chronicle of a provincial Russian town of Glupov (Foolsburg). The depiction of strange governors of the town and the events that take place there offers a picture of Russian society of the 18th–19th centuries.

Lao She's works and *Cat Country* in particular attract attention of Russian and foreign researchers. They provoke scientific discussion on several crucial aspects, such as the influence of social and political processes in China of the

first third of the twentieth century on the ideas of the writer [16–18]; the author's attitude to Chinese and European literary traditions (he has been working as a Chinese teacher at the University of London for nearly six years) [5, 19]; questions of human morality and timeless values that resonate with representatives of any culture [20, 21]. However, according to the analysis of some sources on Lao She's works, the translations of *Cat Country* into Russian and English have never become the object of comparative study. The consideration of linguistic and cultural aspects of the literary translation of *Cat Country* is extremely significant not only for a complete understanding of Lao She's novel, but also for the analysis of obstacles in the process of intercultural communication. It allows identifying numerous lacunas (gaps) that represent the specifics of Chinese culture and do not have means of verbalization in the target language. Thus, this article aims to identify lacunas and to consider the ways of their elimination in Russian and English translations of the Chinese satirical novel *Cat Country* by Lao She. It is also crucial to analyze the features of individual translation solutions.

Material and Methods

To conduct a comparative analysis of Russian and English translations of *Cat Country* it is pivotal to provide their historical background. In Russia (USSR that time), Lao She's novel was published in 1969 in the sixth issue of the *New World* ("Новый мир") magazine. The novel was translated by Vladimir Ivanovich Semanov (1933–2010), a translator and researcher. The sphere of scientific interests of the distinguished professor of Moscow State University was connected with Chinese literature of the 19th – early 20th centuries, and the work of Lu Xun (or Lu Hsun in some sources). Semanov also translated some works into Russian, such as *Fate* by Lu Yao, *The Lone Swan* by Su Manshu, *Tales and Stories* by Lu Xun, *In the Valley of the Lotuses* by Gu Hua, *Flowers in the Sea of Evil* by Zeng Pu, and others.

The first publication of *Cat Country* ("Записки о Кошачьем городе") was accompanied by an introductory note of the sinologist Aleksey Zhelokhovtsev, where he tells about the challenges in the process of publishing of Lao She's novel. Despite the fact that the author himself gave up on his satirical novel many times, *Cat Country* managed to become one of the most world famous literary works of the 20th-century Chinese literature. According to Zhelokhovtsev, only "a true patriot, driven by a deep consciousness of public duty, could write such a cruel but truthful book" [22. P. 84].

The author of the English translation of *Cat Country* is William Alfred Lyell (1930–2005). Since 1972, he was a professor of Chinese language and literature at Stanford University. Lyell's writings and research primarily focused on modern Chinese literature, especially the works of 20th-century writers Lu Xun (*The Diary of a Madman*) and Lao She (*Blades of Grass: The Stories of Lao She*). His works also include the translation of *Shanghai Express: A Thirties Novel* by Zhang Hensui, and he is the author of *Lu Hsun's Vision of Reality* [23].

The English translation by Lyell was first published almost at the same time as the Russian translation, in 1970. The text was accompanied by an introductory note of Ian Johnson, a journalist, author and literary critic, who is also the author of *China: When the Cats Rule*, published in "The New York Review" in 2013. As the researcher Ho Koon-Ki Tommy highlights in his article "Cat Country: A Dystopian Satire" (1987), Chinese critics expressed little enthusiasm towards the publication of *Cat Country*. Ho Koon-Ki Tommy found only five Chinese reviews of the novel (all published in 1933–34). References to the novel at that time were mostly negative. Articles with positive criticism began to appear only after 1980. However, outside of China *Cat Country* was welcomed by critics. Ho Koon-Ki Tommy mentioned the works of the English critic-translator Lyell and the Russian critic Fedorenko, who highly appreciated the work of Lao She [17. P. 73].

According to the aim of the article, the following research methods were chosen: the method of comparative analysis, contextual analysis, and the method of linguocultural commentary. They allow observing how two translators, representatives of different cultures, eliminate lacunas in their texts. Some concepts of Chinese culture, historical features, and the specifics of each translation are considered in this research.

Results and Discussion

Lacunas of various types can inevitably occur in the process of literary translation due to national specifics of intercultural dialogue. In a broad sense, a lacuna is everything that is perceived by the translation recipient as incomprehensible. Turning to fiction as a verbal aspect of culture, researchers claim that one of the most relevant problems in the field of translation is the retaining of linguistic and cultural context of the original text. It is undeniable that translation should not be considered only as the transfer of individual linguistic units from one language to another.

The existence of lacunas is explained by the incompatibility of categories and conceptual levels of linguistic worldviews, which reflect a certain system of knowledge, ideas about the surrounding reality, and nationally determined sociocultural values of native speakers. The linguistic worldview is "a certain universal and at the same time nationally specific way of perceiving and organizing (conceptualizing) the world, in which the expressed meanings form a single system of views (collective philosophy), which is imposed as mandatory on all speakers of the language" [24. P. 39]. This way of viewing the world, reflected in language, determines the concept of the "lacunized character" of translation as a type of intercultural communication [25. P. 110]. In this regard, in this study, "lacuna" is considered not only as a lexical gap in the target language, but also as "a discrepancy that arises when comparing conceptual, linguistic, emotional and other categories of two or more linguistic and cultural communities" [26. P. 52].

Specific elements of one linguistic culture, which are not understood by representatives of another culture in

the process of intercultural communication, are considered in a number of Chinese studies within the framework of various terminological apparatuses. The researchers use the following terms to denote lacunas: 文化词语 (cultural words), 文化空缺词 (words-cultural gaps) or 词汇空缺 (lexical gaps), 国俗词语 (words of national customs).

Thus, in Li Jiao's work "A Review of Research on Teaching Chinese Cultural Words", "cultural words" (文化词语) are understood as "words associated with a certain cultural environment and cultural background of a nation" [27. P. 69]. Researchers Dai Weiping and Pei Wenbin point out that cultural words, which inevitably arise in intercultural dialogue, explain differences between China and Western countries in religious traditions, natural environments, traditional concepts, values and social systems [28].

In Chinese linguistics, the understanding of another term, "lexical gap" (词汇空缺), also refers to the unique cultural connotation of such words that cannot be replaced by the equivalents from another culture in the process of translation [29. P. 2496]. Wang Dechun, the author of *Chinese Dictionary of National Customs*, has formed the concept of "words of national customs" (国俗词语), meaning lexical units related to the politics, economics, culture, history, national customs and characteristics [30].

Thus, in Chinese linguistics, according to the considered sources, the concept of "lacuna" is represented by various terms, which can be often interpreted as the absence of a lexical analogue (or at least an unambiguous interpretation) of a particular concept in the target language.

In Russian linguistics, lacunas are considered at various linguistic levels. There is no generally accepted classification of lacunas. In numerous scientific works lacunas are divided into absolute and relative, cultural and linguistic (lexical, grammatical, stylistic), ethnographic, associative, and many others. In humanities and social sciences, lacunary units are classified taking into account the material and direction of research, as well as linguistic and cultural characteristics. A comparative analysis of the original novel by Lao She and its translations into Russian and English shows that the majority of lacunas are author's neologisms and allusions to significant socio-political and cultural events in China of the 1930s. In this regard, this article is focused on the description of associative and textual lacunas.

According to the researcher V.L. Muravyov, associative lacunas are capable of evoking stable associations in native Chinese speakers. However, for recipients of Russian and English translations they might have no sense [31]. Addressing topics of his contemporaries' concern, Lao She touches upon different facts known to Chinese readers, as well as to foreign readers who are familiar with Chinese history to some extent. Thus, a lacuna "reverie leaves" can be easily understood by the translation recipients. It refers to the history of the Opium Wars between the West and China in the 19th century. Another example of associative lacuna is a description of foreign enemies of Cat People: "This was the first time that I had seen the enemy army. In stature, most of them were a bit shorter than

the Cat People..." [13]. It is a reference to the Japanese invasion to Manchuria in 1931, which also evokes certain associations in the erudite reader that help them foresee a turn of the plot and come to particular conclusions.

However, some of the author's allusions are limited to the framework of national culture and a specific historical time, and require certain clarifications. For example, Lao She mentions the existence and confrontation of several "brawls" [13] obsessed with political ambitions. Cat People began to unite in "brawls" after news from abroad that ordinary people could participate in governing their state. The purpose of the brawl of popular government was to expel the emperor. This allusion refers to the Chinese Civil War, which began in 1927 as an armed confrontation between the Kuomintang and the Communist Party of China.

The first thing that attracts attention when comparing the original text of Lao She and the translations of Semanov and Lyell is the title of the novel. The original title of the novel is 猫城记 (猫 – cat, 城 – city, 记 – notes, remarks, essay) is an allusion that is associated with the writer's biography: in 1930 Lao She returned to China after six years abroad and saw the changes in the country. Lyell translated the title as *Cat Country*. In his translation, lexeme "notes" is omitted. This lexeme is important

because it refers to the image of the narrator (a main character of the novel). It is Lao She himself, who hides behind the mask of the narrator and expresses his personal emotions and reaction concerning the events happening in China at that time. In contrast, this lexeme "notes" is retained in Semanov's translation of the title – "Записки о Кошачьем городе".

One of the main ways to eliminate associative lacunas in translation is translator's note. It presents additional information that cannot be integrated into the general text of the translation. This method of filling gaps gives the translator the opportunity to retain the features of the original text without significant changes. It also gives the reader an opportunity to know more about the cultural and historical specifics of another country.

Even a superficial review of Semanov's and Lyell's translations demonstrates that the translators perceive their target audience and estimate the potential readers' background knowledge differently. There is a small number of translator's notes (only three comments at the bottom of some pages) in the Russian text. As for the English translation, it provides 18 linguistic and cultural comments in a special section after the text of the novel. Consider some examples:

Table 1

Associative lacunas in the translations of *Cat Country*

Original text	Semanov's translation	Lyell's translation
走了半天 遇见一群学生 都在地上跪着 面前摆着一大块石头 上边写着几个白字: "马祖大仙之神位" [32. P. 171].	Я пошёл обратно по другой улице и вдруг увидел группу студентов, которые не наслаждались спектаклем или отрубленной головой, как их земляки, а стояли на коленях перед большим камнем с надписью "Памятник великому святому Мацу" [33. P. 282].	But after I had been walking for a while, I finally came upon a group of students. They were all kneeling on the ground. There was a stone laid out in front of them with a few white characters written on it: SPIRIT DWELLING OF THE GREAT IMMORTAL UNCLE KARL [13]
"在古时候 我们的女子有把脚裹得这么小的, 我把大指和食指捏在一块比了一比. "现在已经完全不裹脚了" [32. P. 123–124].	В той стране, где я родился, женщины раньше бинтовали ноги, и они у них были совсем маленькие. Сейчас уже перестали бинтовать... [33. P. 256]	"In antiquity our women sometimes bound their feet until they'd get them as tiny as this". I brought my thumb and forefinger together to give them an idea of the size. "But nobody binds a girl's feet any more..." [13]
迷叶是真正好药 [32. P. 100].	Здесь это универсальное средство. Если уж и оно не помогает – значит, пропал человек [33. P. 242]	Reverie leaves make excellent medicine [13]

In the first example in Table 1, Lyell comments on the anthroponym *Uncle Karl*: "Suggestive of the influential German philosopher Karl Marx, who co-authored *The Communist Manifesto* with Friedrich Engels" [13]. In the original text by Lao She, the Cat People worshiped the saint 马祖 *Mazu*, whose name is similar in sound to the surname "Marx" (马克思 *Makesi*). Despite the fact that the allusive anthroponym 马祖 *Mazu* is not an exact reproduction of the surname "Marx", it is associated with the personality of the famous German philosopher, economist and public figure, author of the works *Manifesto of the Communist Party* and *Capital. A Critique of Political Economy*. Marx, as one of the founders of the communist idea, influenced China a lot. The ideas of Marxism were introduced in China at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries.

The second example in Lyell's translation provides a cultural and historical commentary on the tradition of binding women's feet in imperial China, which was called

三寸金莲 (three cun golden lotus). The translator's explanation clarifies the historical timeframe of the custom: "Towards the end of the nineteenth century, various interest groups such as Christian missionaries, educated women and the feminist movement began to advocate for an end to foot-binding and by the early twentieth century the imperial Qing court and Republican government that came after, made attempts to prohibit the practice" [13]. Lyell's note helps the reader understand the peculiarities of the described time and the society of Cat People. After the fall of the Qing dynasty in 1912, there was an active struggle against the custom of "lotus feet", but it took a lot of time to destroy it. Lao She shows that Cat People are not ready for innovations. When the narrator told them that there was no this tradition in China any more, they were astonished: "Why have you stopped binding them? Why? That's a stupid thing to do" [13]. Although Lyell pays attention to this fragment of the text, in Semanov's translation there is no note on it.

In the third example, there is a lacuna *reverie leaves*. Lyell highlights that it is an allusion to opium: "Similarly, opium was often used in China to treat diseases or even minor indispositions in the nineteenth and early twentieth century" [13]. Imported to China by Western powers, opium was initially used for medical purposes. However, opium smoking quickly spread throughout China due to its narcotic properties. The defeat in two Opium Wars had a severe impact on China, leading to economic collapse, civil wars, migration, and total addiction to opium. All these events were described by Lao She as the points of Cat Country's history. It is remarkable that Semanov does not explain the meaning of lacuna *дурманные листья* in his text, giving his readers an opportunity to do it themselves.

The small number of notes in the Russian translation may indicate that, in the translator's opinion, the Russian-speaking reader has an idea of the Opium Wars, the tradition of foot binding of women, the history of the Communist Party in China. So indirect references to these facts are enough for the reader to understand the content of the text. At the same time, the number of Lyell's notes shows that he might have predicted some difficulties in decoding

these allusions by the reader. Therefore, he provides more extra information to eliminate associative lacunas in his translation.

The difference in the number of notes can be interpreted by the established translation tradition, the translators' own ideas about the audience, and the validity of each explanation. However, while working with the original text, both the Russian and English translators might have tried to ensure a sufficient level of understanding of the text by the potential reader.

Textual lacunas are another type of lacunary units that can be identified in the process of comparing translations of the novel. This type of lacunas, described in works by Irina Markovina and Yuri Sorokin, "is determined not by the national specificity of the cultures which the author and reader belong to, but by the particular specification of the text, presented as a tool of communication" [34. P. 153]. According to the works of these researchers, various factors lead to the formation of lacunas, such as the peculiarities of the author's poetics, the genre of the text, the type of reader, etc. There are some interesting examples of intentional textual lacunas such as author's occasionalisms.

Table 2

Textual lacunas in translations of *Cat Country*

Original text	Semanov's translation	Lyell's translation
他的名字叫做猫拉夫斯基 [32. P. 132].	Фамилия его была Кошкарский [33. P. 261]	I learned that his name was Cat Lafuszji [13]
马祖主义万岁! 扑罗普洛立扑万岁! [32. P. 132].	Да здравствует мацизм! Да здравствует пуло-пулан! [33. P. 282]	Long live Uncle Karl-skyism! Long live Pinsky-pansky Pospos! [13]
还有呢, 大家夫斯基主义是给人人以适当的工作, 而享受着同等的酬报 [32. P. 145].	Кроме того, согласно всеизму, каждый человек получает подходящую работу и равное вознаграждение [33. P. 268]	Everybody Shareskyism advocated allocating jobs on the basis of ability while at the same time equalizing compensation for all jobs [13]

The first example refers to the situation when the protagonist of Lao She's story gets acquainted with a young scholar who is a curator at the Museum of Antiquities. Semanov translates the scholar's surname 猫拉夫斯基 *Maolafusiji* as *Кошкарский*. The combination of characters 夫斯基 *fusiji* is traditionally used in Chinese to transliterate surnames ending in *-вский*. Thus, the original text of Lao She is involved in the context of Sino-Soviet intercultural dialogue. Lyell also pays attention to this anthroponym and translates it as *Cat Lafuszji*. In his notes he explains: "In the original Chinese, these foreign phrases resemble the transliteration of the Russian language in Chinese" [13].

A textual commentary on the lexeme 扑罗普洛立扑 *puluopuluolapu* in the second example, which is an errative (a deliberate distortion of the word "proletariat"), is observed in the Russian translation: the word *пулопулан* is a parody of the awkward transcription of the word "пролетариат" ("пулолэталитэ") [33. P. 282]. There is a deliberate mistake in the spelling of the word 普罗列塔利亚特 *puluolietaliyate* in the original text. It is intended to demonstrate that the society of Cat People described in the novel is extremely ignorant and does not understand the content of the words they use. This errative 扑罗普洛立扑 *puluopuluolapu* is translated into English as *Pinsky-pansky Pospos*. Lyell uses the technique of alliteration (repetition of the consonant sound [p] at the beginning of words). It is

worth noting that he does not explain why this errative was translated like that.

There is one more interesting example of translation of Lao She's occasionalism 大家夫斯基主义 *dajiafusiji zhuyi*. In the original text, this lexeme is formed by adding the words 大家 *dajia* (everybody), which conveys the semantic kernel of the word "communism", 夫斯基 *fusiji* (as already noted, the combination of hieroglyphs 夫斯基 *fusiji* is traditionally used in Chinese for transliteration of Russian surnames) and the suffix 主义 *zhuyi*, which is involved in the formation of nouns indicating dogma and ending in *-изм* in Russian. Lyell translates this neologism as *Everybody Shareskyism*. It is equivalently replaced with the lexemes *everybody*, *share* and the suffix *-ism*.

So, lacunas presented in Table 2 are occasionalisms, which are created by the author of *Cat Country* in accordance with the laws of word formation in the Chinese language. The author's neologisms and erratives are used by Lao She as a lexical means of artistic expression and as a way to portray the characters. The comparison of the text fragments in Table 2 demonstrated that Semanov and Lyell took into account the word-formation model used by Lao She while creating his occasionalisms.

The loan translation method was used for such author's occasionalisms as 马祖主义 (мацизм, *Uncle Karl-skyism*), 大家夫司基主义 (всеизм, *Everybody Shareskyism*), as well as the anthroponym 猫拉夫司基 (Кошкарский, *Cat Lafuszji*). The errative 扑罗普落扑 (пулопулан, *Pinsky-pansky Pospo*) was translated into Russian and English by means of phonetic compensation. Thus, when translating Lao She's occasionalisms, Semanov and Lyell create their own ones.

The translation solutions by Semanov and Lyell are different and unique in the choice of techniques for eliminating the gaps.

It is worth noting that Semanov's translation is different from Lyell's one in style and language means (informal words are used), it has a wider range of transformations (author's additions and lexical substitutions). Table 3 shows some text illustrations:

Table 3

Translation solutions

Original text	Semanov's translation	Lyell's translation
路过一个图书馆, 我不想进去看, 恐怕又中了空城计 [32. P. 136].	Показавшаяся впереди библиотека вновь сулила "хитрость с пустой крепостью" [33. P. 263]	I passed a library and felt like going in to have a look, but was afraid of being the victim of an empty-bookshelf hoax [13]
大家虽然闭着眼, 可是似乎能用鼻子闻到响声——一片叶子落地的那点响声——立刻全睁开眼, 嘴唇一齐吧唧起来 [32. P. 51].	"Нюхатели" не видели и не слышали его мягкого падения, но, казалось, чуяли носом: они мгновенно открывали глаза, шевелили губами, однако Большой Скорпион всегда опережал жаждущих [33. P. 214]	If by chance a ripe leaf fell from a tree, they would immediately open their eyes, and their mouths would twitch in anticipation. It was almost as though they had perceived the faint sound of the falling leaf with their noses! [13]
你看, 我们自古以来总是皇上管着大家的, 人民是不得出声的 [32. P. 142].	С древности мы беспрекословно подчинялись императору, не смели даже пискнуть и считали высшей добродетелью так называемую моральную чистоту [33. P. 266]	You see, since ancient times the emperor has kept a tight reign on everyone, and the common people were never allowed to express their opinions [13]

In the first example, the author uses Chinese idiomatic expression 空城计 (empty city maneuver). It is based on the story about the military ingenuity of the legendary commander from the *Romance of the Three Kingdoms*. Semanov explains that this is an allusion to the legend about a famous Chinese commander Zhuge Liang (3rd century), who, left without an army, opened the city gates to the enemy. Frightened by the ambush, the enemy retreated from the walls of the fortress. When the narrator (the main character of *Cat Country*) examined the museum and the library in Cat City, he discovered that there were no exhibits and books. Semanov made a decision to keep this idiom as a unique author's reference to Chinese culture. Foreseeing some difficulties for the Russian reader to understand the author's idea, he translated this idiom literally and added his note.

Lyell translates the same idiom as *an empty-bookshelf hoax* using the descriptive method of translation because Chinese idioms come from ancient treatises, literary texts, myths and legends, which require extensive cultural and historical knowledge from readers.

In the second example, the stylistically neutral pronoun 大家 (everybody) is replaced with the neologism *нюхатели* by Semanov. Lyell uses a neutral equivalent replacement with the pronoun *they* in his translation.

In the third example, the Chinese lexeme 出声 (to make a sound) was translated into Russian with the stylistically marked (informal) verb *пискнуть*. Lyell translates this Chinese lexeme as *to express their opinions* using an equivalent replacement without any stylistic connotation, as in the original text. The comparative analysis shows that Lyell tries to copy the stylistic manner of the original text. In Semanov's translation there are freer lexical and stylistic transformations.

Moreover, in the third example, Semanov provides some additional information: "...и считали высшей добродетелью так называемую моральную чистоту" [33. P. 266]. Apparently, moral purity (моральная чистота) refers to the philosophical principle 道德 as a concern for the welfare of the people, "the highest political ideals, the basic principles of human life, concentration of power, moral principles" [35. P. 43]. Therefore, Semanov alludes to the traditions of the national morality of China and allows the Russian reader to understand why Cat People unquestioningly obeyed the will of the emperor since ancient times.

Conclusion

The analysis of the historical and cultural context, ideological and plot originality of the novel *Cat Country* by Lao She, as well as the study of its translations into Russian and English, made it possible to identify associative and textual lacunas. These lacunas appear due to the reflection of the social, political and cultural situation in China in the 1930s, on the one hand, and the variety of the author's neologisms, the translation of which is complicated by structural differences between the source language and the target languages, on the other hand.

Based on the contextual use of lacunas presented in this study and on the findings of specific translation decisions, some features of the translations under analysis have been pointed out. First and foremost, translations of Semanov and Lyell differ in the number of translator's notes. In most cases, these notes clarify the information about some historical events, cultural phenomena and specific author's word formations. Lyell's numerous notes perform an explanatory function, helping to compensate for his potential reader's

lack of knowledge about Chinese culture. There are much fewer notes in Semanov's translation, which may be caused by the translator's own ideas about the validity of each explanation.

On balance, the research demonstrates that the English translation of *Cat Country* is characterized by a more literal

reproduction of the original text and selective notes containing factual information on the historical and cultural context of the novel. At the same time, the Russian text is distinguished by a greater number of translation transformations, sometimes emotional and free, which reflect the individuality of the translator.

References

1. Song, B. (1997) *Impression of Lao She*. Xuelin Publishing. (In Chinese).
2. Song, Y. (1988) *Lao She and Chinese Cultural Concepts*. Xuelin Publishing. (In Chinese).
3. Wang, X. (1999) *Lao She's New Discussion*. Capital Normal University Press. (In Chinese).
4. Chang, Y. (2012) Analysis of the "Beijing flavor" language in Lao She's works. *The Road to Success*. 15. pp. 37–38. (In Chinese).
5. Rodionov, A.A. (2006) *Lao She and the Problem of National Character in Chinese Literature of the 20th Century*. Saint Petersburg: Roza mira. (In Russian).
6. Li, F. (2013) A Brief Discussion on the Language Art of Lao She's Novels. *Extracurricular Reading*. 24. [Online] Available from: <https://www.chinawriter.com.cn/2013/2013-12-11/184845.html> (In Chinese).
7. Boldyreva, E.M. (2020) Chekhov's traditions in XXth century Chinese drama: tea drinking ritual in Lao She's play "Teahouse". *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (112). pp. 206–216. (In Russian).
8. Boldyreva, E.M. (2022) Rickshaw as a cultural hero in Russian and Chinese literature of the twentieth century. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (124). pp. 234–247. (In Russian).
9. Amineva, V.R., Chen Ch. (2024) N.V. Gogol's novel "The Overcoat" and Lao She's novel "Rickshaw": typological parallels. *Philology. Theory & Practice*. 17. 7. pp. 2258–2263. (In Russian).
10. Fedorenko, N. T. (1981) Lao She and his works. *Selected Works of Lao She*. Moscow, Progress. pp. 5–16. (In Russian).
11. Agenosov, V. V. (2022) Zamyatin's Chinese adherents: Zhang Tian-yi and Lao She. *Neofilologiya*. 8 (4). pp. 759–771. (In Russian).
12. Dubakov, L.V. & Li Y. (2024) "The Republic of the Southern Cross" by Valery Bryusov and "Cat Country" by Lao She: moral zoomorphization in oligarchic dystopias. *The World of Russian-Speaking Countries*. 3 (21). pp. 51–64. (In Russian).
13. Lao She. (2013) *Cat Country*. Translated by W. A. Lyell. Beijing, Penguin Books China. [Online] Available from: <https://www.amazon.com/Cat-Country-Lao-She/dp/0143208128>
14. Lao, She. (1981) Lao She. Old Ox, Broken Cart: Essay: Translated from Chinese by V. Sorokin. In: *Selected Works of Lao She*. Moscow: Progress. pp. 483–511. (In Russian).
15. Antipovskii, A.A. (1967) *Early Works of Lao She: Themes, Characters, Images*. Moscow, Nauka. (In Russian).
16. Lin, O. V. (2015) Social Existence: In Lao She's Cat City. *Scientific Result. Social and Humanities Research*. 2 (4). pp. 95–100. (In Russian).
17. Ho, K. (1987) Cat Country: A Dystopian Satire. *Modern Chinese Literature*. 3 (1/2). pp. 71–89.
18. Zhou, L. (2010) "Cat Country" from the perspective of dystopia. *Journal of Chongqing Sanxia University*. 4. pp. 85–89. (In Chinese).
19. Raphals, L. (2013) Alterity and Alien Contact in Lao She's Martian Dystopia, Cat Country. *Science Fiction Studies. Special Issue on Chinese Science Fiction (Edited by Yan Wu and Veronica Hollinger)*. 40 (1). [Online] Available from: <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/119/Raphals.html>
20. Yang, Zh. (2011) Self-loss in Cultural Pessimism: a Review of Lao She's "Cat Country". *Modern Languages (Academic Comprehensive)*. 3. pp. 45–46. (In Chinese).
21. Ma, Zh. (2012) "Cat Country" from the Perspective of Defamiliarization. *Mangzhong*. 4. pp. 190–191. (In Chinese).
22. Lao She. (1969) Notes on Cat City, a story. Translated from Chinese by V. Semanov. Foreword by A. Zhelokhovtsev. *Novy mir*. 6. pp. 83–153. (In Russian).
23. Lin, Y. (1979) Review Work: Lu Hsün's Vision of Reality. *The Journal of Asian Studies*. 38 (2). pp. 365–368.
24. Apresyan, Yu. D. (1995) The Image of a Person Based on Language Data: an Attempt at a Systematic Description. *Questions of Linguistics*. 1. pp. 37–67. (In Russian).
25. Sorokin, Yu. A. (1988) *Ethnopsycholinguistics*. Moscow: Nauka. (In Russian).
26. Danilchenko, T. Yu. (2014) The Concept and Essence of Lacunae. *Science. Art. Culture*. 3. pp. 51–57. (In Russian).
27. Li, J. (2010) A Review of Research on Teaching Chinese Cultural Words. *Overseas Chinese Education*. 3. pp. 69–73. (In Chinese).
28. Dai, W. & Pei, W. (2008) *Research on English-Chinese Cultural Words*. Beijing, Science Press. (In Chinese).
29. Lu, H. (2023) An Analysis of the Phenomenon of Vocabulary Gaps in Russian-Chinese Translation: Taking the Current Chinese Internet Buzzwords as an Example. *Modern Linguistics*. 11 (6). pp. 2495–2501. (In Chinese).
30. Wang, D. (1990) *Chinese Traditional Dictionary*. Nanjing, Hohai University Press. (In Chinese).
31. Muravyov, V.L. (1975). *Lexical Gaps Based on the Vocabulary of French and Russian Languages*. Vladimir: Vladimir Pedagogical Institute. (In Russian).
32. Lao She. (2017) *Notes on Cat City*. Tianjin, Tianjin People's Publishing. (In Chinese).
33. Lao She. (1981) Notes on Cat City: Novel: Translated from Chinese by V. Semanov. In: *Selected Works of Lao She*. Moscow: Progress. pp. 187–295. (In Russian).
34. Antipov, G.A., Donskikh, O.A., Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (1989) *Text as a Cultural Phenomenon*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).
35. Zhu, R. (2017) *The Content of Moral Values in the Linguistic Picture of the World (Based on the Chinese and Russian Languages)*. Philology Cand. Diss. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Information about the authors:

Ya.E. Andreeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: y.e.andreeva@utmn.ru

K.M. Marshaniya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: k.m.marshaniya@utmn.ru

MA Xun, lecturer, Qufu Normal University (Qufu, China). E-mail: maxun198821@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Андреева Я.Е. – канд. филол. наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: y.e.andreeva@utmn.ru

Маршания К.М. – канд. филол. наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: k.m.marshaniya@utmn.ru

Ма Сюнь – преподаватель кафедры русского языка Цюйфуского педагогического университета (Цюйфу, Китай). E-mail: maxun198821@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

*Статья поступила в редакцию 04.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1+821.111(73)
doi: 10.17223/15617793/512/2

Гуманистический идеал в романах И.А. Гончарова «Обломов» и Г. Торо «Уолден»: к проблеме типологического сближения

Владимир Антонович Кондратьев¹, Иван Олегович Волков²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ kondratev.v27@yandex.ru

² wolkoviv@gmail.com

Аннотация. Ставится проблема типологического сближения романа русского реалиста И.А. Гончарова «Обломов» (1859) с романом американского трансценденталиста Г.Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854). Оба произведения оказываются близки прежде всего идейно-тематически: на первом плане изображения – человек, испытывающий силы и возможности своей личности во взаимодействии с природным началом и в соседстве с жизнью других. Делается вывод о поиске гуманистического идеала как авторском представлении о гармонии человеческого существования, многоуровневой проекцией которой стала судьба главного героя.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Обломов», «Сон Обломова», Г.Д. Торо, «Уолден, или Жизнь в лесу», природа, гуманистический идеал

Для цитирования: Кондратьев В.А., Волков И.О. Гуманистический идеал в романах И.А. Гончарова «Обломов» и Г. Торо «Уолден»: к проблеме типологического сближения // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 13–21. doi: 10.17223/15617793/512/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/2

The humanistic ideal in the novels *Oblomov* by Ivan Goncharov and *Walden* by Henry Thoreau: Towards the problem of typological convergence

Vladimir A. Kondratev¹, Ivan O. Volkov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ kondratev.v27@yandex.ru

² wolkoviv@gmail.com

Abstract. The article presents the issue of typological convergence between two seminal works of fiction: the Russian realist Ivan Aleksandrovich Goncharov's novel *Oblomov* (1859) and the American transcendentalist Henry David Thoreau's novel *Walden, or Life in the Woods* (1854). The article reviews the problematic presence of Thoreau's figure and work in Russian literature, which is found to be primarily connected with the names of Leo Tolstoy and Anton Chekhov. These authors provide examples of direct and explicit contact with the novel *Walden*. Goncharov's and Thoreau's novels are compared based on an examination of their moral and natural philosophical perspectives as they relate to the modern personality. The ideological and thematic proximity of the works is established by the commonality of the plan of depiction, which initially presents a man who tests his strength and capabilities, thereby experiencing the process of their awakening. Firstly, both authors comprehend the personality in interaction with the natural beginning, which is manifested on a large scale in the novels. Nature can be considered both a concrete pictorial "text", a landscape in its entirety, and a living element through which the value generalisation of human life occurs. In the case of *Oblomov*, nature plays a significant role in the protagonist's life, influencing the ethical and philosophical aspects of his existence across different stages of his life, from childhood, where he is still discovering the world around him, to adulthood, where he begins to engage with the world in a more active manner. In the case of *Walden*, nature plays a similarly pivotal role, serving as the organizing force behind the chronotope. In this context, the narrator seeks to gain a deeper understanding of the world and to establish his place within it, while also exploring the boundaries of his individual identity. Secondly, in Goncharov and Thoreau, the protagonist is observed in the context of the neighbourhood and in interaction with the lives of other characters. This can be seen as a "practical" model of the author's reflection on the social conditionality of the individual and the ways of creating an ideal common world order (e.g. the Canadian wood-cutter and the poet in *Walden*). Conversely, the writer's engagement with social interactions is essential for the examination of the inherent contradictions of human nature and the pursuit of a reconciliation of opposing forces. This is exemplified by the explicit contrast between *Oblomov* and *Stoltz*, as well as the contrasting portrayals of Olga Ilyinskaya and Agafya Pshenitsyna in *Oblomov*. It can be concluded that both Russian and American writers sought to

identify a humanistic ideal, which they viewed as the harmonious existence of the human being. This ideal is reflected in the fate of the protagonist in a multilevel projection.

Keywords: Ivan Goncharov, "Oblomov", "Oblomov's Dream", Henry David Thoreau, "Walden, or Life in the Forest", nature, humanistic ideal

For citation: Kondratev, V.A. & Volkov, I.O. (2025) The humanistic ideal in the novels *Oblomov* by Ivan Goncharov and *Walden* by Henry Thoreau: Towards the problem of typological convergence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 13–21. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/2

Проблема сближения творчества И.А. Гончарова и Г.Д. Торо оказывается на данный момент в русском и, насколько можно судить, зарубежном литературоведении не разработана. Во многом это связано с тем, что нет прямых свидетельств – из писем или дневников – о знакомстве русского писателя с американским и наоборот. Это закономерно еще и потому, что связям Гончарова с литературой США посвящена практически только одна статья [1]. Не изучена и тема вхождения наследия Гончарова в американскую литературу, хотя В.В. Мерлин, например, указывает на возможное влияние русского писателя (посредством И.С. Тургенева) на роман Г. Джеймса «Женский портрет» [2. С. 169].

Вопрос присутствия Торо в русском художественном сознании тоже освещен достаточно слабо, что обусловлено поздним вхождением американского автора в сферу восприятия отечественной культуры – лишь к рубежу XIX–XX вв. В конце 1880-х гг. с ним знакомятся две ключевые фигуры: Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Поздний Толстой не просто знал о существовании Торо, но и положительно выделял его фигуру среди всех американских литераторов. В 1887 г. в журнале «Новое время» (№ 4177, 27 октября) был напечатан перевод первой главы романа «Walden; or, Life in the Woods» под названием «В лесах». В предисловии к публикации А.С. Суворин писал, что она вдохновлена Толстым, который «с большой любовью говорил об американском поэте и натуралисте» [3]. Толстой действительно непосредственно был знаком с творчеством Торо и имел в своей библиотеке оригинальные и переводные издания отдельных его сочинений [4. С. 356–359; 5. С. 424]. В романе «Воскресение» (1899) дана отсылка на публицистический текст Торо «О гражданском неповиновении» (On Civil Disobedience, 1849):

Он вспоминал слова американского писателя Торо, который, в то время как в Америке было рабство, говорил, что единственное место, приличествующее честному гражданину в том государстве, в котором узаконивается и покровительствуется рабство, есть тюрьма [6. С. 304].

Далее имя Торо возникает в большом количестве текстов Толстого разного рода, включая книгу «мыслей многих писателей» – «Круг чтения» (1906), где встречаются десятки цитат из произведений трансценденталиста. Н.К. Гудзий собрал полную библиографию случаев упоминания американского автора в многообразном толстовском наследии, однако относительно восприятия его главного романа исследователь сделал неутешительный вывод: «...содержание книги не привлекло внимания Толстого > потому, что в ней Торо выступает как утопист-индивидуалист, занятый преимущественно вопросами сугубо личного бытия»

[7. С. 68]. Безусловно, такое несправедливое заключение сейчас нуждается в существенной корректировке, необходимость которой диктует уже обилие помет на книгах Торо из Яснополянской библиотеки.

Вскоре с переводом «В лесах» в суворинской газете познакомился Чехов, который в письме к В.Г. Короленко от 17 октября 1887 г. писал:

Кстати же посылаю Вам вырезку из «Нового времени». Этого Торо, о котором Вы из нее узнаете, я буду вырезать и беречь для Вас. Первая глава многообещающая; есть мысли, есть свежесть и оригинальность, но читать трудно, Архитектура и конструкция невозможны. Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, выжимают друг из друга соки и, того и гляди, запищат от давки [8. С. 130].

Это знакомство Чехова с Торо было впервые подробно и доказательно проанализировано Э.М. Жиликовой, обнаружившей «очевидные типологические сближения двух писателей как на уровне общей концепции человека и природы, так и на уровне художественной образности, в характере символики» [9. С. 179]. По мнению исследователя, роман «Уолден» оказывается органичен поискам русского писателя, выразившимся в повести «Степь» (1888) и связанным как с общей этико-философской концепцией, так и с конкретной жанрово-повествовательной моделью.

В начале XX в. появляются новые варианты русского перевода романа Торо: в 1900 г. выходит не совсем полный текст под названием «В лесу», а в 1903 г. – «Философия естественной жизни. Избранные мысли Г.Д. Торо». Последняя публикация включала в себя 213 отрывков из произведений и дневников писателя. С.Н. Кузнецова, указывая на отсутствие предисловия в этом издании, предполагает, «что имя Торо читателям уже было знакомо» [10. С. 232]. Наконец, в 1910 г. роман публикуется на русском языке в полном виде: «Вальден, или Жизнь в лесах». С этого времени американский писатель проникает в русское читательское сознание наиболее явно – именно тогда, когда в США было опубликовано «уолденское» 20-томное собрание его сочинений, включившее обширные дневники [11. С. 423].

Долгое время имя Торо – как в Америке, так и за ее пределами – было связано с развитием смыслов гражданственности, поиском способов взаимодействия человека с цивилизацией (правительство это или незримый дух цивилизации, сковывающий личную свободу), но художественно-эстетическое своеобразие его романа (гуманистический поиск идеала, связь человека и природы, борьба духовного начала в эпоху подавляющего буржуазно-промышленного развития) из-

начально не было воспринято широким кругом читателей. Это обусловлено социально-историческими веяниями эпохи, когда решался вопрос о моделях нового общества и положения человека в них, а большая часть идей писателя-философа казалась слишком абстрактной и утопической. Кроме того, критический пафос произведений Торо спровоцировал продолжительный миф о его асоциальности, особенно после публикации романа «Уолден», когда он был воспринят как эгоист, отшельник, бежавший от общества и жизни [12. С. 268]. При этом образованный русский читатель не мог не отметить бросающихся в глаза перекличек между книгой американского трансценденталиста и произведениями отечественных классиков, основательно размышлявших о триаде человек-природа-общество (например, И.С. Тургенев в «Записках охотника»). К подобному выводу приходит Э.М. Жиликова, говоря о Торо как о важной для русской литературной традиции части единого художественного «поиска путей совершенствования человеческой личности» [9. С. 181].

Трудно утверждать, насколько Гончаров был знаком с личностью Торо и его произведениями, не имея фактических сведений, хотя общий интерес русского писателя к молодой литературе Северо-Американских Штатов проявил себя на примере Дж. Купера. Вполне очевидна близость творческого мышления Гончарова и Торо в понимании отношений человека и природы, их этическая и философская проблематизация, что и задает перспективу типологического схождения. Примечательно одно хронологическое пересечение двух ключевых текстов избранных авторов с близким идейно-тематическим содержанием: в 1848 г. впервые опубликована глава «Сон Обломова», в 1859 г. вышел весь роман; роман Торо опубликован в 1854 г., но сам «эксперимент» проходил с 1845 по 1847 гг.

В романе Торо прямой художественной установкой является природное начало, в непосредственное активное взаимодействие с которым вступает человек, на что указывает уже само название. В русле философии трансцендентализма, с которой было тесно связано мировоззрение Торо, такой подход закономерен: для трансценденталистов общение человека и природы – это ключ к познанию недоступной, скрытой стороны бытия. Основные понятия этого направления были заложены Р. Эмерсоном, его эссе «Природа» (1836) и «Доверие к себе» (1841) стали программными текстами, где задана модель отношений человека и мира, поставлены вопросы понимания Бога и природы, совершенствования и гармонизации личности.

В «Уолдене» «философские и социальные рассуждения писателя наполняются художественной образностью в рамках единой пространственно-временной структуры» [12. С. 273]. Одной из важнейших художественных категорий, задающих закономерности природного бытия и организующих подчинение ему человека, является время. Всего в тексте Торо можно выделить три типа хроноса. Во-первых, время биографическое, которое соотносится исключительно с главным героем («В конце марта 1845 г. я одолжил топор и пошел в лес...») [13. С. 50]. Во-вторых, время циклическое, которое связано с движением природного дня и

природного года в смене суток или сезонов соответственно («Каждое утро радостно призывало меня к жизни простой и невинной, как сама природа» [13. С. 105], «В начале мая дубы, орехи, клены и другие деревья, выглядывая среди соснового леса вокруг пруда, освещают пейзаж» [13. С. 368]). В-третьих, время натур-философское, которое в видимости цикличности на деле соотносится со временем общемировым («Утро возвращает нас в героические эпохи» [13. С. 150]). Эти три категории, конечно, не изолированы друг от друга, а наоборот, находятся в единстве, они охватывают не только жизнь героя, но существование мира вообще, соединяя пласты прошлого, настоящего и будущего.

Жизнь всех элементов, включенных в природу (человек, животные, события исторического прошлого), подчинена единству времен в романе. Соответственно, каждый отдельный элемент в устройстве повествовательной категории времени, представленном выше, хронологически по-разному может осмысливать существование живого мира, его представителей. Показателен пример описания встречи героя с погибшей лошастью:

На пути к моему дому лежала дохлая лошадь, и я иногда далеко обходил это место; но я видел в ней доказательство неистребимого аппетита и несокрушимого здоровья Природы, и это меня утешало. Меня радует, что Природа настолько богата жизнью, что может жертвовать мириадами живых существ и дает им истреблять друг друга: сколько нежных созданий она преспокойно перемалывает в своих жерновах – головастики, проглоченных цаплями, черепах и жаб, раздавленных на дорогах [13. С. 367].

Здесь в категории циклического времени жизнь животных сознается повествователем как сменяющаяся последовательность этапов – от малого к большому (головастики, жабы), а в категории природного времени их существование оказывается бесконечно мало – настолько, что его едва ли можно учитывать. Нередко мысли Торо о времени и вечности принимают «форму иносказания» [12. С. 284]. Интересна в этом плане притча о посохе, где рассказывается о мастере, стремящемся создать совершенное во всех отношениях творение:

Делая посох, он создал целую систему, целый новый мир прекрасных и гармоничных пропорций, и в этом мире место старых городов и династий заняли новые, более прекрасные и могучие. А глядя на кучу еще свежих стружек у своих ног, он понял, что для него и его творения протекшее время было всего лишь иллюзией, и что времени прошло не больше, чем надо одной искре из мозга Браммы, чтобы воспламенить труп смертного ума [13. С. 378].

Человек у Торо – субъект вселенной, его гениальная натура может выражать собой необъятное и неизмеримое, но оно становится таковым именно ввиду соотношения с малым. Масштабное и всеобъемлющее открывается в понимании и признании складывающихся в бесконечное частей.

Роман Гончарова «Обломов», в отличие от Торо, не выдержан строго в русле какой-либо философской идеи, хотя первыми читателями на передний план была поставлена социально-критическая концепция. Глава

«Сон Обломова», появившаяся как самостоятельное произведение в эпоху так называемой «натуральной школы», резонировала с читательским ожиданием: в центре – герой и среда с включенными в описание не только социальными, но и природными детерминантами. Однако индивидуально и в ткани всего романа глава является не увертюрой к «обломовщине», а картиной целого мира, поэтически воссозданной «с помощью образного слова, с подчеркнутой ориентацией на эстетическую традицию», и аналитически описанной с опорой «на суждения и выводы, которые подаются как объективные и едва ли не научно обоснованные» [14. С. 78].

Пространство «Сна» сентиментально-идиллическое, здесь «смягчены все грани времени», а спаянность человека и места содействует созданию «циклической ритмичности времени», человеческая жизнь сочетается с жизнью природы, задан «общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни», «единство места жизни поколений ослабляет и смягчает временные границы между индивидуальными жизнями и между различными фазами одной и той же жизни» [15. С. 374–375]. При этом «Сон» – это «тот мир, в который переносит нас сон Обломова, а не самый сон» [16. С. 301–302]. Пространство Обломовки представляет собой не реальную географическую точку, а условный идиллический локус, своего рода «потерянный рай» [17. С. 240]. Идиллическое устройство хронотопа этой главы задает и иное читательское восприятие, основанное на внимании к темпу жизни людей и, что, возможно, более важно, к ритму природной жизни, жизни окружающего мира. Важно и то, что, по замечанию А.Г. Гродецкой, «большинство социально-исторических реалий в романах Гончарова, и не только в «Обломове», даются как явления устоявшиеся, повторяющиеся, ритуализованные, не привязанные к конкретным датам и событиям» [18. С. 48].

Онейрический мир главы определен неоднозначно: «благословенный уголок земли», «чудный край», «мирный», «избранный» и вместе с этим «забытый всеми уголок» [19. С. 98–101]. И хотя этот мир структурирован, логичен и строен, он воображаемый мир, созданный сознанием Обломова по его воспоминаниям, впечатлениям детства и юности, т.е. это не действительная Обломовка с ее неурожаем и плутоватым старостой, а та, которая существует как часть личности главного героя. Показанное читателю пространство есть не что иное, как проекция героя на миромодель, и оно получает продолжение за счет начертания Обломовым плана будущего имения, где присутствуют те же чувство мирной радости, семейное начало и чувство любви вообще.

«Сон...» – это мир героя, явленный многоуровнево: как среда, повлиявшая на его личностное становление, как картина жизни. В этом мире Обломов (и частично жители деревни) показан как человек естественный, на что указывает и возраст – Илюше сначала семь лет, а потом тринадцать-четырнадцать, и определенные взаимоотношения природы и обитателей Обломовки: «Радостно приветствует дождь крестьянин: “Дождичек вымочит, солнышко высушит!”» – говорит он, подставляя с наслаждением под теплый ливень лицо, плечи и

спину» [19. С. 101], «Та же глубокая тишина и мир лежат и на полях; только кое-где, как муравей, гомозится на черной ниве палимый зноем пахарь, налегая на соху и обливаясь потом. Тишина и невозмутимое спокойствие царствуют и в нравах людей в том краю» [19. С. 103]. Изображение детского сознания, отражающего зерно личности взрослого Обломова, Е.А. Краснощекова связывает с влиянием Ж.-Ж. Руссо на Гончарова и говорит, ссылаясь на Ю.М. Лотмана, о демонстрации естественного существа: «Основная оппозиция “человек (естественное) – общество (протиестественное)” распадается на ряд частных противопоставлений. Естественное приравняется к реальному, существу, осязаемому, а протиестественное – мнимому, кажущемуся, выдуманному. <...> Естественным оказывается прежде всего от природы присущее человеку» [20. С. 260]. Илюша – человек естественный, вероятно, по этой же причине остается единственным бодрствующим в общее время сна: «Он был как будто один в целом мире; он на цыпочках убегал от няни; осматривал всех, кто где спит...» [19. С. 112]. В его памяти, в его становящейся картине мира он активно фиксирует те элементы быта и природы, которые в своем сочетании стирают грань между бытовым и природным:

...остановится и осмотрит пристально, как кто очнется, плюнет и промычит что-то во сне; потом с замирающим сердцем взбегал на галерею, обегал по скрипучим доскам кругом, лазил на голубятню, забирался в глушь сада, слушал, как жужжит жук, и далеко следил глазами его полет в воздухе; прислушивался, как кто-то все стрекочет в траве, искал и ловил нарушителей этой тишины; поймает стрекозу, оторвет ей крылья и смотрит, что из нее будет, или проткнет сквозь нее соломинку и следит, как она летает с этим прибавлением; с наслаждением, боясьдохнуть, наблюдает за пауком, как он сосет кровь пойманной мухи, как бедная жертва бьется и жужжит у него в лапах. Ребенок кончит тем, что убьет и жертву, и мучителя. Потом он заберется в канаву, роется, отыскивает какие-то корешки, очищает от коры и ест всласть, предпочитая яблокам и варенью, которые дает маменька. Он выбежит и за ворота: ему бы хотелось в березняк; он так близко кажется ему, что вот он в пять минут добрался бы до него, не кругом, по дороге, а прямо, через канаву, плетни и ямы; но он боится: там, говорят, и лешие, и разбойники, и страшные звери [19. С. 112–113].

Здесь заданы границы мира маленького Илюши, которые в его взрослой жизни станут определяющими (ср. невозможность пересечь реку ради встречи с Ольгой, где река – граница, порог). При этом движение героя не замкнуто в одной точке: от бытового мира родового поместья (галерея, доски, голубятня) герой перемещается в переходное между бытом и природой пространство (глушь сада), а потом в природный мир (канавы, местность за воротами). Однако он не уходит совсем в дикий и неизведанный, чуждый природный мир (там, где «лешие, и разбойники, и страшные звери»).

Читатель видит Обломова в определенные биографические точки его жизни, но пейзажи и жизнь обломовцев дана и в отрыве от героя: идеальная календарная сменяемость циклов времен года никоим образом

от героя не зависит, пусть даже и существует она в его воображении-воспоминании Обломовки. Сознание Обломова становится центром, точкой преломления массы представлений о природном, социальном и бытовом мире собственного детства. И течение этих аспектов «законсервировано», «однообразно» и «идеально», потому что выстроено в полном согласии с человеческим существованием.

В «Уолдене» сам пруд оказывается идеальным объектом, отражающим жизнь, в том числе материалом для художественного фиксирования категории времени: «Уолден лучше всех здешних водоемов отражает движение времен года, так как менее всего подвержен временным колебаниям температуры» [13. С. 346]. Несмотря на то, что умозрительно это связано с естественно-научным определением времени (время как сменяемость природных циклов – погодных условий и температуры), Уолден именно «отражает» течение времени, поскольку оказывается независим от погодных условий. Очевидно, что и рефлексия героя, связанная с различными элементами природы, также приложима к пруду вообще. Это обуславливает принцип соответствия части и целого.

Пространственно роман организован тоже вокруг образа пруда. Герой строит свой дом на берегу Уолдена, оказывается к нему ближе остальных людей. Пруд – центр художественного мира, так как фигура героя по своему значению редуцируется им самим относительно природы, хотя моделирующим художественным сознанием романа остается рассказчик. Таким образом, одним основанием романного повествования становится Уолден, он определяет пространственно-временной строй текста, а другим – сознание героя, оно выражает связь природного мира и художественного, эстетического. За счёт этого пруд как конкретное пространство и как образ (что связано уже с художественным сознанием) сближаются. Это объясняет положение различных предметов и явлений повествования, которое становится значимо только в пределах экосистемы Уолдена – там, где явление сопоставимо с миром природы и миром героя. Пруд – «символ чистоты и гармонии, эталон совершенства» [12. С. 278], он подчеркнутый, правильный, «математически» точный, отражает не просто принцип соответствия сторон и глубины, но становится универсалией, константой:

Заметив, что цифра, означавшая наибольшую глубину, оказалась примерно в центре карты, я положил линейку сперва вдоль карты, а затем поперек и к своему удивлению обнаружил, что линия наибольшей длины пересекала линию наибольшей ширины как раз в точке наибольшей глубины... [13. С. 335].

Герой же, выполняя функцию эстетического центра, своим сознанием позволяет объединиться биологическим процессам и выйти им на уровень общебытийного (заключение об одинаковом принципе определения глубины и высоты производятся непосредственно героем).

Природа концентрировано совмещена с образом пруда, но при этом она, как было сказано выше, мыслится и много шире – в качестве основы мироздания. Это оказывается близко Гончарову,

поскольку природа в том же «Сне Обломова» важна и сама по себе, вне определений относительно героя: «Потом Обломову приснилась другая пора: он в бесконечный зимний вечер робко жмет к няне, а она нашептывает ему о какой-то неведомой стороне...» [19. С. 115]. Природа обретает иные характеристики, многократно превосходящие фигуру человека, она может разворачиваться не только в циклическое время (время года, время суток), но и в бесконечное. Это служит основой для изображения народности и выступает контекстом воспитания души:

Няня между тем уже рисует другую картину воображению ребенка.

Она повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали *Ильи Муромца*, *Добрыни Никитича*, *Алеши Поповича*, о *Полкане-богатыре*, о *Колещице* проходим (курсив автора. – В.К., И.В.), о том, как они странствовали по Руси, побивали несметные полчища басурманов, как состязались в том, кто одним духом выпьет чару зелена вина и не крикнет; потом говорила о злых разбойниках, о спящих царевнах, окаменелых городах и людях; наконец переходила к нашей демонологии, к мертвецам, к чудовищам и к оборотням [19. С. 116–117].

Вслед за емкой характеристикой природы – «бесконечный» – текст наполняется вереницей поликультурных мифологем. Во внутреннем отношении все они следуют один за другим, формируя единую картину мира и жизни героя. Дополнительно природное время накладывает и отпечаток восприятия легенд, мифов, сжатых в один емкий образ. «Бесконечный зимний вечер» (обобщенный топос) противопоставлен дому как очагу, полной чаше, где протекает не только бытовая жизнь, но и духовная, явленная в устных сказаниях няни. При этом культурно-мифологический человеческий опыт не только не дает способы к познанию природы и мира, но и оказывается драматичным в своей безответности по отношению к вопросам бытия, заданным Обломовым: «...сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка» [19. С. 116]. Представление мира как синтеза сказки и реальности за счет определенного хронотопа приближается к представлению героя о мире как единстве бытового и природного. Это, в свою очередь, ставит его в срединное положение, что в дальнейшем и будет объяснять стремление Обломова к полноте и завершенности жизни, его желание воплощения своего идеала.

Природа в романе сопутствует герою в моменты его настоящей активности, когда внутренняя работа не подменяет действительность, а оказывается подспорьем для деятельности. Когда же Обломов подавляет свою физическую явленность – как в личном, так и в социальном отношении (в начале: «с ними со всеми все более и более порывались живые связи» [19. С. 41]; и в финале: «Обломов был полным и естественным отражением и выражением того покоя, довольства и безмятежной тишины» [19. С. 473]), – природа заменяется лишь копией, суррогатом. В начале романа природные образы наполняют быт Обломова, но они не относятся к природному миру в полном объеме: «красивые ширмы с вышитыми небывальными в природе птицами и

плодами», «около картин, лепилась в виде фестонов паутина», «если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха», «послышалось сначала точно ворчанье цепной собаки» [19. С. 6–7, 9]. Здесь Обломов окружен или бытовыми насекомыми (ср. наблюдение маленького Илюши в «Сне» над пауком и мухой в паутине [19. С. 113]), или лишь изображениями природы. В финале природный мир явлен не так скупо – перед читателем движущаяся бытовая картина с животными и растениями: «на окнах теснились горшки с еранью и бархатцами и висели четыре клетки с чижами и канарейками» [19. С. 306], «куры и петухи засуетятся и побегут прятаться в углы; собака начнет скакать на цепи, заливаясь лаем» [19. С. 469]. Однако это не знак «испорченности» героя. Даже в моменты внешней бездеятельности или Обломов не теряет тех качеств, которые неоднократно положительно выделяются иными персонажами, или быт, окружающий его, поэтизируется. На протяжении всего романа Обломов – это заверченный образ с установленным набором качеств и определенным характером. Он существует в гармонии с миром природы, даже в те моменты, когда читатель видит только лишь намеки на действительно природное.

В «Уолдене» характеристика героя Торо не исчерпывается художественно-философским опытом взаимодействия «Я» с природой. Убегающий от цивилизации в лес на берег пруда – он не дан в исключительно романтическом вакууме идеальной жизни. Для него оказываются не менее существенны возникающие в ходе эксперимента социальные контакты, которые подвергаются философско-эстетическому осмыслению. На уровне системы персонажей особенно важными для раскрытия образа героя-рассказчика оказываются посещающие его или встреченные на территории пруда люди: например, канадец-лесоруб и поэт.

Первый демонстрирует ту сторону личностного идеала, которая связана с гармонией соприродной жизни: «Трудно найти человека более простого и естественного» [13. С. 172]. И хотя он отличен от главного героя на бытовом уровне: один ест мясо, другой – вегетарианец, у лесоруба есть собака, а герой Торо одинок в своем опыте погружения в природу, но на уровне философской идеи лесоруб – это идеальное воплощение натурального человека. Канадец наделен в романе сближающими его с природным миром чертами, которые открывают в нем иное начало: «...синицы сажались ему на руку и клевали картофелину, которую он держал, и он говорил, что ему “нравится компания этих пичуг”», «Он жил преимущественно телесной жизнью» [13. С. 174]. С этим связана витальность персонажа: «Однажды я спросил его, не устает ли он иногда к вечеру, после долгого рабочего дня; на это он ответил искренне и серьезно: “Такого еще не бывало, чтобы я устал”» [13. С. 174]. Дополнительно он также наделен и чертами ребенка, что раскрывает его как естественного человека с другой стороны: «Но интеллект и то, что зовется духовной жизнью, дремали в нем, как у ребенка», «...ребенок не возмужал, а остался ребенком», «...чтобы он прожил ребенком все свои 70 лет...» [13. С. 174]. Детская непосредственность и

зачаточное состояние интеллекта становятся положительными чертами персонажа. Это и сближает его вновь с животными, и становится той положительной точкой начала постижения мира, относительно которой выстраиваются трансцендентальные (т.е. позитивно в русле философии американского трансцендентализма: с глубинным восприятием жизни природы и однозначным определением своего места относительно нее) отношения человека и природы: календарь представлялся ему «энциклопедией всех человеческих познаний...» [13. С. 176], «От избытка жизнерадостности он иногда падал на землю и катался в приступах смеха, а насмешить его могло все, что угодно. Оглядывая деревья, он восклицал: “Честное слово, веселая у меня работа! Чего еще мне надо?”» [13. С. 173]. Смех – это выражение радости бытия, ощущение естественности своего положения в природе. И даже профессия лесоруба не налагает на персонажа отрицательных характеристик, наоборот, это тип гармоничной профессии, где в деятельности размывается понятие о субъекте и объекте действия: «По физической выносливости и спокойствию он был сродни сосне и угесу» [13. С. 174].

Поэт – другая сторона идеальной личности. Вновь герой Торо связывает достоинство человека со способом существования в природе: «Тот, кому приходилось шагать ко мне дальше всех, по самому глубокому снегу и в самую свирепую вьюгу, был поэтом» [13. С. 310]. Поэт – это, в первую очередь, носитель чувства любви – любви, созидающей мысль. Он же и противопоставлен житейскому, бытовому, суетному. Поэт являлся в час уединения, благодаря чему «домик оглашался шумным весельем или наполнялся журчаньем мудрой беседы, и долина Уолдена вознаграждалась таким образом за долгую тишину» [13. С. 310]. Вместе с тем поэт и лесоруб соединяет их близость к природному началу, которое в тексте может даже не предполагаться в качестве вместилища человеческого мира романа: «Кто-то шуршит листвою. Должно быть, некормленный деревенский пес пришел поохотиться, или свинья, которая, говорят, где-то здесь заблудилась, – я видел ее следы после дождя. Все ближе и ближе – раскачивает мои сумахи и шиповник. А, это вы, господин поэт» [13. С. 262]. Но поэт – это уже не ребенок, не редуцированная форма интеллектуального сознания. Если лесоруб сопричастен природе в своей сближающей с ней деятельности, то поэт – в созерцательном чувстве переживания, которое связывает отдельные элементы действительности, поставленные в один ряд ассоциаций, сравнений: «Взгляните на тучи – как они нависли. Ничего прекраснее я сегодня не видел. Вы не увидите подобного даже на картинах старых мастеров, и за границей тоже не увидите – разве что у побережья Испании» [13. С. 262]. Созерцательное переживание неизбежно ведет человека за пределы лишь умозрительного опыта наблюдения (Уолден – «картины старых мастеров» – побережье Испании).

Через образы других персонажей в романе раскрыты стороны личности главного героя. Единство различных и не совмещенных в полной мере сторон человеческого существования формирует гуманистический идеал Торо. Человек, по мысли писателя, должен отказываться от социальной обусловленности в пользу

деятельностной, причастной к природе жизни (деятельность и физическая – лесоруб, и умственная – поэт). Природа не мыслится героем как статичный объект изучения, постижения – напротив, она динамична в жизни малых частей и в сменяемости целого. Соответственно, и человек должен быть в состоянии постоянной динамичности души или тела. Это обеспечивает прочную связь его и природы. Единство жизни человека и природы – это гуманистический идеал, показанный в романе «Уолден».

У Гончарова Обломов на протяжении всего романа тоже находится в разного рода диалоге с другими персонажами, которые в системе «зеркал» принимают участие в формировании «образа главного героя, выключенного благодаря своей “лени” из любого самостоятельного сюжетного действия» [21. С. 151]. В социальном взаимодействии Илья Ильич как получает возможность стать сопричастным действительности, так и оказывается призмой для взгляда других на свою жизнь. Система персонажей в романе – это в том числе и особенно отражение гуманистического идеала Гончарова. Он строится на основании Обломова – носителя высоких качеств, но трагически бездеятельного. Находясь в постоянно иронической позиции по отношению ко всем действующим лицам романа, Гончаров подчеркнуто повышает пафос жизни своего героя, а кульминацией и своеобразным итогом человеческой характеристики станут слова Штольца, в которых выражение не столько истины, сколько стремления к правде:

Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет навыворот – никогда Обломов не поклонится идола лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердца не подкупить ничем; на него всюду и везде можно положиться. <...> Многих людей я знал с высокими качествами, но никогда не встречал сердца чище, светлее и проще; многих любил я, но никого так прочно и горячо, как Обломова [19. С. 467].

Штолец, которого Гончаров нарисовал прямыми линиями – безукоризненно и однозначно – это иллюстрация иного человека, однако не абсолютно противоположного Обломову. О главном героя сказано в романе: «Что ж он делал? Да все продолжал чертить узор собственной жизни» [19. С. 63], и позже о Штольце будет сказано: «...все это отводило Андрея от прямой, начертанной отцом колеи; русская жизнь рисовала свои невидимые узоры и из бесцветной таблицы делала яркую, широкую картину» [19. С. 448] – к концу романа герой достигнет «гармонической согласованности» [22. С. 50], приблизится к идиллии Обломова с красавицей женой, в тихом уголке, на морском берегу.

«Узор русской жизни» – это и план (действительный план имени Обломова), и путь, но оба они лишены строгого прагматизма. Скорее, наоборот, «узор жизни» раскрывается в вольной природе творения

жизни (Обломов в голове, в виде идей и воспоминаний, а Штолец в действительности). Герои схожи и в своем признании друг друга, и в устройстве жизни, но если Обломов более замкнут, деятелен внутренне, то Штолец оказывается представлением идеала общественного, в котором воплотились активная жизнь. И ритм жизни Штольца мог быть нарушен, замедлен только Обломовым: «Андрей часто, отрываясь от дел или из светской толпы, с вечера, с бала ехал посидеть на широком диване Обломова» [19. С. 165]. Оба представляют собой два образца человека, но ни один из них у Гончарова не оказывается завершенным и совершенным. Решением задачи по поиску гуманистического идеала, который стоял перед писателями в то время, видится в слиянии этих типов – в сыне Обломова и Пшеницыной, Андрее.

Львиная доля в романе принадлежит чувству, мысли и действию ключевых героинь – Ольге Ильинской и Агафье Пшеницыной. Идеал, воплощенный в Ольге, – это образ женщины, живущей яркой внутренней жизнью, объемно переживающей целеустремленное чувство. Вместе с этим она способна воспринимать мир эстетически: здесь и связанная с ней «музыка» романа – каватина «Casta diva...», одухотворенность, символизм чувства (ветка сирени). Пшеницына – это идеал бытовой женщины, чья жизнь связана с домом-очагом, с рождением и воспитанием детей. Она смогла стать хозяйкой дома Обломова, но, в отличие от Ольги, не сделалась «царицей всего окружающего», «божеством». Наоборот, Обломов превратился для Пшеницыной в идола, бога, которого она оберегает и хранит. С одной стороны, яркость этих двух образов, а с другой – нерешенность проблемы поиска женского идеала, наталкивают на мысль или о редукции женского начала в идеальном гуманистическом начале, или о положении этого идеала в несколько ином плане романа, который находился бы над системой персонажей. Вероятно, идеальное женское начало скрыто, распространено более глубоко и тонко, что не имеет возможности открытия в одном новом персонаже. Если Ольга – это «мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни целого счастливого поколения» [19. С. 455], то Пшеницына – это воплощение вечного интимного материнства, она не мать поколения, не мать участница жизни, а мать-покровительница жизни: «И чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, бескорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающих ее и для нее самой» [19. С. 382].

Таким образом, Гончаров и Торо в своей идее человека оказываются во многом близки: в «Обломове» и «Уолдене» выражено внимание к личности, к ее положению в мире, задана особая конституирующая роль природы, установлено равновесное положение деятельного и созерцательного начал как основы гармонического существования, сделана вообще попытка художественно-эстетического осмысления жизни. Примечательно и то, как оба романиста тщательно воссоздают образ природы, где человек – часть, которую невозможно оторгнуть от ее лоно, он ищет гармонию, обретает ответы на вопросы бытия, дополняя тем самым соб-

ственное мировидение и мироощущение. Конечно, в деталях русский и американский художники не совпадают, да и не должны совпадать. Так, у Торо совсем отсутствуют женские персонажи, отличается сам стиль организации повествования (от авторского «Я»), отсутствует собственно «романный» сюжет. Однако американский писатель, реализуя в своей книге «принцип бытия в его становлении» [23. С. 81], также решает проблему цельности человеческого духа, предполагая полноту личности в тесном общении с природой и социальной реальностью (не случайно он отдельно останавливается на образах чернокожих американских рабов). Свобода (во всей полноте этого слова) оказывается у Торо определяющей для человека вне зависимости от

пола и возраста – для Гончарова индивидуальность также немислима без независимого и естественного развития. Повторяя мысль Э.М. Жиликовой, сказанную в начале, роман «Уолден», поставленный рядом с «Обломовым», типологически раскрывает важный для русской литературной традиции единый процесс художественного «поиска путей совершенствования человеческой личности» [9. С. 181].

Последующее имманентное [24] рассмотрение прозы Гончарова в сопоставлении с традицией американской словесности усложнит и расширит представление как о своеобразии индивидуально-авторского, так и о парадигмальных закономерностях в развитии русской литературы.

Список источников

1. Павлович К.К. «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и морские романы Д.Ф. Купера («Лоцман», «Красный корсар») // Культурные коды русской литературы : материалы Всерос. (с междунар. участием) очно-заочной науч.-практ. конференции (15 декабря 2017 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. С. 246–256.
2. Мерлин В.В. Как живете, Обломов? // Простор. 1988. № 5. С. 166–169.
3. А.С. [Суворин А.С.] <Предисловие> // Новое время. 1887. № 4177 (27 октября). С. 2.
4. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. М. : Книга, 1975. Т. 1. 519 с.
5. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Тула : Ясная поляна, 1999. Т. 3. 670 с.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1933. Т. 32. 324 с.
7. Гудзий Н.К. Лев Толстой и Торо // Русско-европейские литературные связи. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 63–68.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1975. Т. 2. 587 с.
9. Жиликова Э.М. «В лесу» Генри Торо и «Степь» А.П. Чехова (Версия, или опыт типологического анализа) // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова: К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф.З. Кануновой : сб. статей. Томск : Знамя Мира, 1997. С. 171–182.
10. Кузнецова С.Н. «Уолден» Торо в русской критике // К проблеме романтизма и реализма в зарубежной литературе конца XIX и XX вв. М. : МОПИ им. Н.К. Крупской, 1973. С. 231–236.
11. Старцев А.И. Генри Торо и его «Уолден» // Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Наука, 1979. С. 389–424.
12. Осипова Э.Ф. Генри Дэвид Торо // История литературы США. М. : Наследие, 1999. Т. 2. С. 247–304.
13. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Наука, 1979. 453 с.
14. Отрадин М.В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И.А. Гончарова и его современников. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2012. 328 с.
15. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.
16. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 360 с.
17. Балакин А.Ю. Незамеченный античный след в «сне Обломова» (Гончаров и Вергилий) // Русская литература. 2024. № 2. С. 238–240.
18. Гродецкая А.Г. Реалии в «Обломове»: стратегии деисторизации // Art Logos. 2023. № 4 (25). С. 43–56.
19. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений : в 20 т. СПб. : Наука, 1998. Т. 4. 496 с.
20. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб. : Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
21. Постнов О.Г. Эстетика И.А. Гончарова. Новосибирск : Наука, 1997. 240 с.
22. Тирген П. Обломовка как Анти-Итака: архетип Одиссея в творчестве И.А. Гончарова // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 27–73.
23. Хомук Н.В. Художественная антология американской литературы XIX века : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 566 с.
24. Лотман Ю.М. О типологическом изучении литературы // Проблемы типологии русского реализма. М. : Наука, 1969. С. 123–132.

References

1. Pavlovich, K.K. (2017) ["The Frigate Pallada" by I.A. Goncharov and the Sea Novels of D.F. Cooper ("The Pilot", "The Red Rover")]. *Kul'turnye kody russkoy literatury* [Cultural Codes of Russian Literature]. Conference Proceedings. Ufa: BashSU. pp. 246–256. (In Russian).
2. Merlin, V.V. (1988) *Kak zhivete, Oblomov?* [How are you, Oblomov?]. *Prostor*. 5. pp. 166–169.
3. A.S. [Suvorin, A.S.] (1887) <Predislovie> [<Preface>]. *Novoe vremya*. 4177 (27 October). p. 2.
4. Anon. (1975) *Biblioteka Lva Nikolaevicha Tolstogo v Yasnoy Polyane: bibliograficheskoe opisaniye* [The Library of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana: Bibliographic Description]. Vol. 1. Moscow: Kniga.
5. Anon. (1975) *Biblioteka Lva Nikolaevicha Tolstogo v Yasnoy Polyane: bibliograficheskoe opisaniye* [The Library of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana: Bibliographic Description]. Vol. 3. Tula: Yasnaya polyana.
6. Tolstoy, L.N. (1933) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Vol. 32. Moscow; Leningrad: GIKhL.
7. Gudziy, N.K. (1966) *Lev Tolstoy i Tora* [Leo Tolstoy and Thoreau]. In: *Russko-evropeyskie literaturnye svyazi* [Russian-European Literary Connections]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 63–68.
8. Chekhov, A.P. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete Collection of Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
9. Zhilyakova, E.M. (1997) "V lesu" Genri Toro i "Step" A.P. Chekhova (Versiya, ili opyt tipologicheskogo analiza) ["In the Woods" by Henry Thoreau and "The Steppe" by A.P. Chekhov (A Version, or an Attempt at Typological Analysis)]. In: *Motivy i syuzhety russkoy literatury. Ot Zhukovskogo do Chekhova: K 50-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti F.Z. Kanunovoy* [Motifs and Plots of Russian Literature. From Zhukovsky to Chekhov: To the 50th Anniversary of the Scientific and Pedagogical Activity of F.Z. Kanunova]. Tomsk: Znamya Mira. pp. 171–182.
10. Kuznetsova, S.N. (1973) "Uolden" Toro v russkoy kritike ["Walden" by Thoreau in Russian Criticism]. In: *K probleme romantizma i realizma v zarubezhnoy literature kontsa XIX i XX vv.* [On the Problem of Romanticism and Realism in Foreign Literature of the Late 19th and 20th Centuries]. Moscow: MOPI im. N.K. Krupskoy. pp. 231–236.

11. Startsev, A.I. (1979) Genri Toro i ego "Uolden" [Henry Thoreau and his "Walden"]. In: Thoreau, H.D. *Uolden, ili Zhizn v lesu* [Walden, or Life in the Woods]. Moscow: Nauka. pp. 389–424.
12. Osipova, E.F. (1999) Genri Devid Toro [Henry David Thoreau]. In: *Istoriya literatury SShA* [History of US Literature]. Vol. 2. Moscow: Nasledie. pp. 247–304.
13. Thoreau, H.D. (1979) *Uolden, ili Zhizn v lesu* [Walden, or Life in the Woods]. Moscow: Nauka.
14. Otradin, M.V. (2012) "Na poroge kak by dvoynogo bytiya...": *O tvorchestve I.A. Goncharova i ego sovremennikov* ["On the Threshold of a Double Existence...": On the Work of I.A. Goncharov and His Contemporaries]. St. Petersburg: Philological Faculty, St. Petersburg State University.
15. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozh. lit.
16. Likhachev, D.S. (1979) *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Nauka.
17. Balakin, A.Yu. (2024) Nezametchennyy antichnyy sled v "sne Oblomova" (Goncharov i Vergilii) [An Unnoticed Ancient Trace in "Oblomov's Dream" (Goncharov and Virgil)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 238–240.
18. Grodetzkaya, A.G. (2023) Realii v "Oblomove": strategii deistoricizatsii [Realities in "Oblomov": Strategies of Dehistoricization]. *Art Logos*. 4 (25). pp. 43–56.
19. Goncharov, I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.* [Complete Works: in 20 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka.
20. Krasnoshchekova, E.A. (1997) *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: The World of Creativity]. St. Petersburg: Pushkinskii fond.
21. Postnov, O.G. (1997) *Estetika I.A. Goncharova* [The Aesthetics of I.A. Goncharov]. Novosibirsk: Nauka.
22. Tirgen, P. (2018) Oblomovka as anti-Ithaca: The Odyssey archetype in I.A. Goncharov's works. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 10. pp. 27–73. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/10/2
23. Khomuk, N.V. (2018) *Khudozhestvennaya antologiya amerikanskoy literatury XIX veka: ucheb. posobie* [Literary Anthology of American Literature of the 19th Century: Textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Lotman, Yu.M. (1969) O tipologicheskom izuchenii literatury [On the Typological Study of Literature]. In: *Problemy tipologii russkogo realizma* [Problems of the Typology of Russian Realism]. Moscow: Nauka. pp. 123–132.

Информация об авторах:

Кондратьев В.А. – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kondratev.v27@yandex.ru

Волков И.О. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Kondratev, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kondratev.v27@yandex.ru

I.O. Volkov, Dr. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 12.05.2024;
approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 81-23
doi: 10.17223/15617793/512/3

Зрительное опознание слов у адыго-русских билингвов по данным теста Рея

Александра Юрьевна Корженевская^{1, 2}, Нафисет Довлетбиевна Гумова^{3, 4},
Айгуль Филусовна Ханова⁵, Бэла Азметовна Оглы⁶, Аида Азаматовна Бгуашева⁷,
Мария Артуровна Протопова⁸, Сусанна Рашидовна Макерова⁹, Ольга Викторовна Драгой^{10, 11}

^{1, 3, 5, 6, 8, 10} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^{2, 11} Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

^{4, 7, 9} Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

^{1, 2} akorzhenetskaya@iling-ran.ru

^{3, 4} ndgumova@hse.ru

⁵ aigulkhanova1985@gmail.com

⁶ bela.170599@gmail.com

⁷ aidabguaseva@gmail.com

⁸ mprotopova@hse.ru

⁹ s.makerova@adygnet.ru

^{10, 11} odragoy@hse.ru

Аннотация. Изучен процесс распознавания слов у адыго-русских билингвов (N = 69). Результаты теста Рея, предназначенного для оценки вербальной рабочей памяти в слуховой и зрительной модальностях, показали, что билингвы опознали меньше слов в зрительной модальности на адыгейском языке по сравнению с русским. Было показано, что количество правильно распознанных русских слов связано с использованием языка при переписке: опрошенные адыго-русские билингвы, которые используют оба языка при переписке – русский и адыгейский, хуже распознавали слова на русском языке по сравнению с теми участниками, которые используют в основном или только русский язык.

Ключевые слова: лексический доступ, дисбаланс модальностей, вербальная рабочая память, распознавание слов, билингвизм, малые языки

Источник финансирования: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Корженевская А.Ю., Гумова Н.Д., Ханова А.Ф., Оглы Б.А., Бгуашева А.А., Протопова М.А., Макерова С.Р., Драгой О.В. Зрительное опознание слов у адыго-русских билингвов по данным теста Рея // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 22–28. doi: 10.17223/15617793/512/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/3

Visual word recognition in Adyghe-Russian bilinguals according to the Rey test

Alexandra Yu. Korzhenevskaya^{1, 2}, Nafiset D. Gumova^{3, 4}, Aigul F. Khanova⁵, Bela A. Ogly⁶,
Aida A. Bguasheva⁷, Maria A. Protopova⁸, Susanna R. Makerova⁹, Olga V. Dragoy^{10, 11}

^{1, 3, 5, 6, 8, 10} HSE University, Moscow, Russian Federation

^{2, 11} Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^{4, 7, 9} Adyghe State University, Maykop, Russian Federation

^{1, 2} akorzhenetskaya@iling-ran.ru

^{3, 4} ndgumova@hse.ru

⁵ aigulkhanova1985@gmail.com

⁶ bela.170599@gmail.com

⁷ aidabguaseva@gmail.com

⁸ mprotopova@hse.ru

⁹ s.makerova@adygnet.ru

^{10, 11} odragoy@hse.ru

Abstract. Research addressing the imbalance between auditory and written modalities has suggested that consistent language practice involving reading and writing activities enhances lexical access through that specific modality. In individuals with advanced reading skills, word meaning is accessed through the parallel activation of orthographic and phonological lexicons. Conversely, in individuals with poor reading skills, the orthographic lexicon is activated first, followed by the phonological lexicon. The impact of reading skills on lexical access has been previously investigated

in heritage bilinguals and second language learners. Several studies showed that second language learners perform tasks in the written modality better than in the auditory modality. This can be explained by the fact that the language practice of these bilinguals involved mainly reading and writing activities. However, heritage bilinguals perform better in auditory modality, presumably because of their greater experience in oral communication. The impact of reading skills on task performance has not been investigated previously in a group of minority language bilinguals. This study focuses on the effects of task modality in Adyghe (West Caucasian)-Russian bilinguals. Participants ($N = 69$) were asked to memorize words in two languages, Adyghe and Russian, and then recall them orally and recognize them in written form. We hypothesized that the limited use of the Adyghe language in reading and writing might affect word recognition in the written form. First, we collected self-reported background information from bilingual speakers using the Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). Then the Rey Auditory Verbal Learning Test (RAVLT) was used to assess verbal working memory in both auditory and written modalities. The questionnaire results showed that the vast majority of respondents prefer to use Adyghe in the auditory modality and Russian in the written modality. The results of the Rey Auditory Verbal Learning Test revealed that bilinguals recognized significantly fewer words ($p < 0.001$) in the visual modality when presented in the Adyghe language compared to Russian. This effect was related to the language used in texting. The Adyghe-Russian bilinguals who use both languages in texting recognized words in Russian significantly worse ($p < 0.001$) than those who use mostly or only Russian. The findings from our study correspond with previous studies on the correlation between modality and quality of task performance in bilinguals.

Keywords: lexical access, modality effects, verbal working memory, word recognition, bilingualism, minority languages

Financial support: The study was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

For citation: Korzhenevskaya, A.Yu., Gumova, N.D., Khanova, A.F., Ogly, B.A., Bguasheva, A.A., Protopova, M.A., Makerova, S.R. & Dragoi, O.V. (2025) Visual word recognition in Adyghe-Russian bilinguals according to the Rey test. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 22–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/3

Введение

При визуальном распознавании слов отмечается активация различных отделов ментального лексикона, связанных как с графическим (визуальным), так и фонологическим (звуковым) представлением слова [1. Р. 218]. Доступ к семантике слова может осуществляться двумя способами – «лексическим» и «нелеклексическим» [2. Р. 1]. Первый способ предполагает прямой доступ к семантике слова через параллельную активацию орфографической и фонетической информации о слове; второй – «нелеклексический» – предполагает последовательную активацию орфографической, а затем фонетической информации. Ряд исследований показывают, что у носителей языка со сформированным навыком чтения доступ к семантике слова осуществляется «лексическим» способом [3. Р. 220; 4. С. 182]. У людей с несформированным навыком чтения отмечается «нелеклексический» способ извлечения семантической информации: поскольку доступ затруднен тем, что графическое представление слова должно быть перекодировано в фонетическое, скорость извлечения этого слова из ментального лексикона значительно ниже, чем в процессе «лексического» анализа [3. Р. 220].

Влияние навыков чтения на организацию лексического доступа ранее было исследовано в особой популяции билингвов – наследников языка (эритажных носителей, *'heritage speakers'*) [5. Р. 69]. Данная категория билингвов усваивает язык преимущественно устно, по этой причине у них слабо сформирован навык чтения [6. С. 130]. Результаты исследования [5. Р. 69] показали, что эритажные носители более точно оценивают приемлемость предложений в устной модальности по сравнению с письменной. При этом в работе [7. Р. 224] было показано, что билингвы, которые изучали второй язык в рамках образовательной программы, намного лучше справлялись с заданиями на лексическое решение в письменной форме, так как их

языковая практика включала преимущественно чтение текстов и письменный перевод. Таким образом, постоянная языковая активность в одной из форм – устной или письменной – облегчает процесс лексического доступа в соответствующей модальности.

В настоящей работе мы исследуем организацию лексического доступа у носителей миноритарного языка Российской Федерации – адыгейского. Носители адыгейского, как и большинство носителей других малых языков, являются билингвами. Функциональный статус адыгейского языка определяется языковой ситуацией – в значительной мере это язык домашнего общения, преимущественно среди сельских жителей [8. С. 89]. В рамках языковой политики в образовательной сфере с 1965 г. адыгейские классы национальных школ были переведены на русский язык обучения. С принятием закона «О языках народов Республики Адыгея» в 1994 г. обучение на адыгейском языке велось в начальных классах, с 5-го класса по 11-й адыгейский изучался как предмет [9. С. 121]. Как следствие, сложившаяся языковая ситуация характеризуется асимметричным использованием адыгейского и русского языков в письменной сфере.

Ранее миноритарные языки не обсуждались с позиции доступа к ментальному лексикону через графическое представление слова. Для изучения процессов лексического доступа у адыго-русских билингвов мы использовали тест Рея [10], который предназначен для оценки вербальной рабочей памяти в слуховой и зрительной модальностях. Отличительной особенностью данного теста является его применимость в билингвальных исследованиях [11. Р. 229; 12. Р. 146]. Языковой профиль билингвов был составлен на основании анкеты-самоотчета LEAP-Q [13].

В рамках данного исследования мы провели эксперимент, в котором просили носителей запомнить слова

на двух языках – адыгейском и русском, а затем воспроизвести их в устной и опознать в письменной форме. Мы предполагали, что ограниченное использование адыгейского языка при чтении и письме может влиять на качество выполнения языковых задач, связанных с письменной модальностью.

Метод

Участники. В исследовании приняли участие 69 адыго-русских билингвов из аула Джамбечий Красногвардейского района Республики Адыгея в возрасте от 18 до 67 лет ($Mage = 40,9$; $SD = 13,7$). Участники исследования не имели речевых или когнитивных нарушений, а также неврологических заболеваний. У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение. Языковой профиль участников представлен в табл. 1.

Таблица 1

Языковой профиль участников исследования. Приведены средние значения и стандартное отклонение (в скобках)

Показатель	Адыгейский	Русский
Возраст освоения языка, лет	2,1 (1,5)	5,1 (2,5)
Возраст беглого говорения, лет	4,3 (2,7)	7,4 (3,7)
Возраст освоения навыков чтения, лет	7,0 (2,3)	6,8 (1,4)
Возраст беглого чтения на языке, лет	9,2 (3,2)	8,9 (2,1)
Использование языка, %	53,9 (18,2)	46,1 (18,9)
Оценка навыков чтения (шкала от 1 до 10)	7,5 (2,6)	9,7 (0,7)
Язык, на котором предпочитают читать испытуемые, %	27 (23,1)	73 (22,5)

Материалы. В настоящем исследовании была использована анкета-самоотчет LEAP-Q [13], в которой участники указывали информацию о языковой биографии: уровне владения языками, использовании языков, возрасте усвоения и начале беглого говорения и чтения на языке. Некоторые вопросы в анкете подразумевали только один вариант ответа, например, отвечая на вопрос об использовании языка при общении с друзьями, участники могли выбрать один вариант из пяти: «только адыгейский», «в основном адыгейский», «русский и адыгейский в равной степени», «в основном русский», «только русский». Участники исследования оценивали степень использования русского и адыгейского в ситуациях чтения, переписки, составлении заметок, просмотре видео и телевизионных программ, прослушивании музыки и радиопередач, а также при общении с семьей и друзьями. Кроме того, носителям было предложено определить собственный уровень понимания, говорения и чтения на двух языках по шкале от 0 до 10.

Основным инструментом исследования является тест Рея [10], который предназначен для оценки вербальной рабочей памяти в слуховой и зрительной модальностях. Мы использовали две версии теста Рея, которые были адаптированы на русский [14] и адыгейский языки. Русская версия теста представлена в трёх вариантах, адыгейская версия – в двух. Каждый вариант теста включал основной список из 15 слов (Список А), список из 15 отвлекающих слов (Список В) и список для визуального опознания из 50 слов (Список С). Стимульный материал для теста на русском

языке отбирался из нормативной базы русских существительных [15. Р. 700], для теста на адыгейском языке – из Адыгейского корпуса текстов [16]. При составлении теста учитывались такие параметры, как представимость слова, возраст усвоения, частотность слова и его длина в слогах [14].

В каждой версии теста слова из Списка А не содержали очевидных семантических или фонологических ассоциаций. В Списке В пять слов были семантическими дистракторами к пяти словам из списка А, такое же количество слов было фонологическими дистракторами, остальные пять слов не имели семантических или фонологических ассоциаций со словами из Списка А. Список для визуального опознания (Список С) включал все слова из Списка А и Списка В, а также 20 других слов, которые были фонологическими (10 слов) и семантическими (10 слов) дистракторами к словам из Списков А и В.

Процедура

Перед началом тестирования участники подписывали информированное согласие, затем заполняли анкету-самоотчет LEAP-Q [13], после этого проходили тест Рея на адыгейском и русском языках. Очередность прохождения теста на том или ином языке была сбалансирована, а само исследование проводилось в два этапа: половина участников исследования в первый день выполняли адыгейскую версию теста, а на следующий день – русскую версию теста. Другая половина участников проходила тестирование в обратной последовательности. Вся процедура занимала в среднем 70 минут.

Прежде чем приступить к тесту Рея, исследователь знакомил участника с инструкцией. Само тестирование включало этап обучения (пробы 1–5), воспроизведение отвлекающих слов, или интерференцию (проба 6), немедленное воспроизведение после интерференции (проба 7), отсроченное воспроизведение (проба 8) и зрительное опознание слов (проба 9). На этапе обучения участники прослушивали перечень слов из Списка А, после чего их просили вспомнить и воспроизвести максимальное количество услышанных слов. Данный этап повторялся пять раз (пробы 1–5). Затем исследователь включал запись с перечислением слов из Списка В, и от участника требовалось воспроизвести как можно больше слов (проба 6). Сразу после этого участника просили вспомнить слова из Списка А (проба 7). После 20-минутного перерыва участнику нужно было снова вспомнить слова из Списка А (проба 8). Наконец, участнику предъявлялся Список С, и задача участника заключалась в том, чтобы визуально опознать слова из Списка А (проба 9).

Анализ

Для сравнения результатов двух тестов мы провели статистический анализ с применением линейной регрессии с использованием пакетов *lme4* [17] и *ggplot2* [18] в программной среде R, версия 4.3.2. При анализе данных мы не учитывали шестую пробу, так как она используется в тесте в качестве дистрактора. Также из анализа были исключены все участники, назвавшие меньше двух слов на одном из этапов (3%, 2 человека).

Зависимой переменной было количество правильно названных слов, предикторами – язык, на котором проводился тест, проба и возраст участника. Остатки в линейной модели распределены нормально ($D = 0,02$, $p = 0,697$), модель оказалась значимой ($F(16,1055) = 47,57$, $R\text{-adj} = 0,4103$, $p < 0,001$).

Для дальнейшего анализа мы использовали данные из анкеты LEAP-Q [13], представленные ответами по шкале Ликерта. Порядковые модели оказались неприменимыми к нашим данным по результатам теста параллельных линий ($\chi^2(2) = 24,09$, $p = 0,002$), поэтому была использована мультиномиальная логистическая регрессия.

В качестве зависимых были выбраны те переменные, которые содержат информацию об использовании языка при чтении и переписке, а также самооценка навыков чтения участников. Данные представлены ответами по шкале Ликерта («только адыгейский», «в основном адыгейский», «русский и адыгейский в равной степени», «в основном русский», «только русский») и ответами по шкале от 0 до 10. Ни один из участников не указал вариант «только адыгейский», отвечая на вопрос об использовании языка при чтении и переписке, и только два человека (4%) выбрали вариант «в основном адыгейский». В анализе эти данные не учитывались. В качестве независимых переменных были использованы результаты последней пробы – визуального опознания, проведенной на русском и адыгейском языках, а также возраст участника.

Результаты

Результаты линейной регрессии представлены в табл. 2. Значимыми оказались возраст и все пробы: количество правильно названных слов различалось в зависимости от пробы, а также от возраста испытуемого. Так, чем моложе был участник, тем больше он назвал слов.

Таблица 2
Связь возраста, языка и пробы с количеством правильно названных слов

Предикторы	Количество правильно названных слов		
	Оценка параметра	95% доверительный интервал	p
Свободный коэффициент	7,45	6,73–8,15	< 0,001 (***)
Вторая проба	2,71	1,89–3,51	< 0,001 (***)
Третья проба	4,53	3,72–5,34	< 0,001 (***)
Четвертая проба	5,74	4,93–6,55	< 0,001 (***)
Пятая проба	6,32	5,52–7,13	< 0,001 (***)
Седьмая проба	4,49	3,68–5,31	< 0,001 (***)
Восьмая проба	4,35	3,55–5,16	< 0,001 (***)
Девятая проба	4,95	4,14–5,76	< 0,001 (***)
Вторая проба * язык	–0,21	–1,35–0,93	0,719
Третья проба * язык	0,04	–1,09–1,18	0,938
Четвертая проба * язык	–0,31	–1,45–0,82	0,591
Пятая проба * язык	–0,25	–1,39–0,88	0,663
Седьмая проба * язык	–0,01	–1,16–1,13	0,979
Восьмая проба * язык	–0,11	–1,24–1,03	0,857
Девятая проба * язык	1,91	0,76–3,05	< 0,001 (***)
Язык	0,28	–0,52–1,09	0,491
Возраст	–0,03	–0,04–0,02	< 0,001 (***)

Примечание: T1 – первая проба, T2 – вторая, T3 – третья, T4 – четвертая, T5 – пятая, IR – немедленное воспроизведение, DR – отсроченное воспроизведение, VR – визуальное опознание. Здесь и в табл. 3 звёздочками отмечены значимые различия между пробами.

Также значимым оказалось взаимодействие языка теста и девятой пробы – визуального опознания: билингвы опознали меньше слов на адыгейском языке, чем на русском, когда слова были предъявлены им в письменной форме.

Язык теста и взаимодействие языка теста с остальными пробами оказались незначимыми. Результаты по каждой пробе на адыгейском и русском языках показаны на рис. 1.

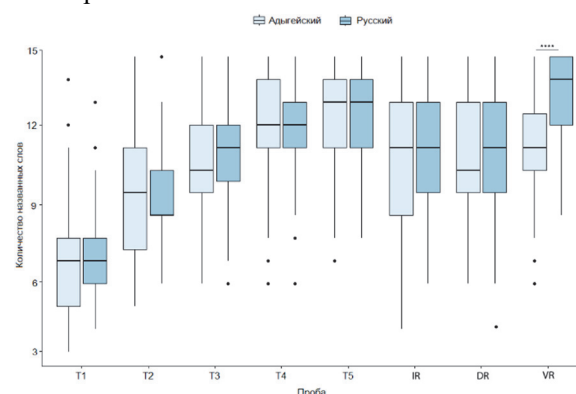

Рис. 1. Результаты по пробам теста Рея для адыгейского и русского языков

Последние две пробы (восьмая и девятая), которым предшествовал обязательный перерыв в двадцать минут, проводились в разных модальностях: устной и письменной. Распределение результатов в зависимости от модальности и языка пробы показано на рис. 2.

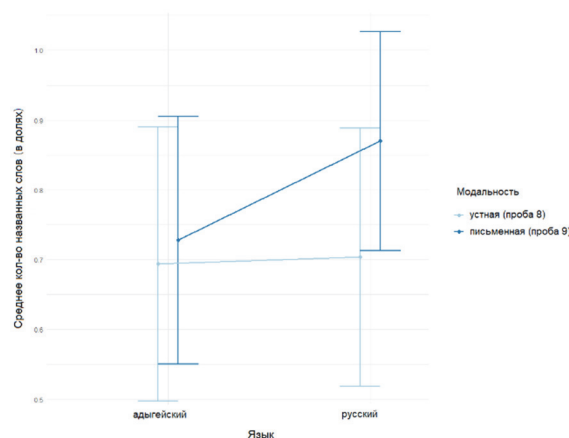

Рис. 2. Сравнение результатов двух последних проб, проведенных на двух языках – русском и адыгейском, в разных модальностях – устной и письменной. Усы обозначают стандартное отклонение

Результаты мультиномиальной регрессии представлены в табл. 3. Одним из значимых предикторов оказался предпочитаемый язык переписки: те участники, которые указали, что предпочитают использовать в основном русский язык при переписке, распознали на 70% больше слов на русском языке, чем те, кто использует оба языка. Те участники, которые используют только русский язык, распознали в 2,5 больше слов, чем те, кто использует оба языка при переписке. Кроме того, было отмечено, что при увеличении возраста на 1 год отношение шансов того, что участник использует в основном русский язык при переписке, увеличиваются на 10%, а также уменьшаются на 6%, если участник использует в основном русский язык при чтении.

Таблица 3

Связь использования языка с количеством правильно отмеченных слов при визуальном опознании

Предиктор	Количество правильно названных слов		
	Отношения шансов	95% доверительный интервал	p
Язык теста: русский			
Предпочитаемый язык чтения			
Оба языка в равной степени (базовый уровень)	–	–	–
В основном русский	0,86	0,56–1,32	0,498
Только русский	1	0,67–1,48	0,991
Предпочитаемый язык переписки			
Оба языка в равной степени (базовый уровень)	–	–	–
В основном русский	1,7	1,05–2,74	0,031 (*)
Только русский	2,49	1,45–4,27	<0,001 (***)
Оценка навыков чтения от 0 до 10			
0–5 (базовый уровень)	–	–	–
6–8	1,22	0,79–1,88	0,366
9–10	1	0,69–1,45	0,985
Язык теста: адыгейский			
Предпочитаемый язык чтения			
Оба языка в равной степени (базовый уровень)	–	–	–
В основном русский	1,04	0,71–1,51	0,843
Только русский	0,98	0,71–1,36	0,911
Предпочитаемый язык переписки			
Оба языка в равной степени (базовый уровень)	–	–	–
В основном русский	0,91	0,62–1,31	0,599
Только русский	0,74	0,52–1,03	0,071
Оценка навыков чтения от 0 до 10			
0–5 (базовый уровень)	–	–	–
6–8	1,09	0,78–1,52	0,626
9–10	1,14	0,82–1,58	0,431
Возраст			
Предпочитаемый язык чтения			
Оба языка в равной степени (базовый уровень)	–	–	–
В основном русский	0,96	0,91–1,02	0,168
Только русский	0,94	0,91–0,99	0,021 (*)
Предпочитаемый язык переписки			
Оба языка в равной степени (базовый уровень)	–	–	–
В основном русский	1,1	1,03–1,18	0,002 (**)
Только русский	1,05	0,99–1,12	0,126
Оценка навыков чтения от 0 до 10			
0–5 (базовый уровень)	–	–	–
6–8	0,98	0,93–1,03	0,338
9–10	1	0,95–1,05	0,914

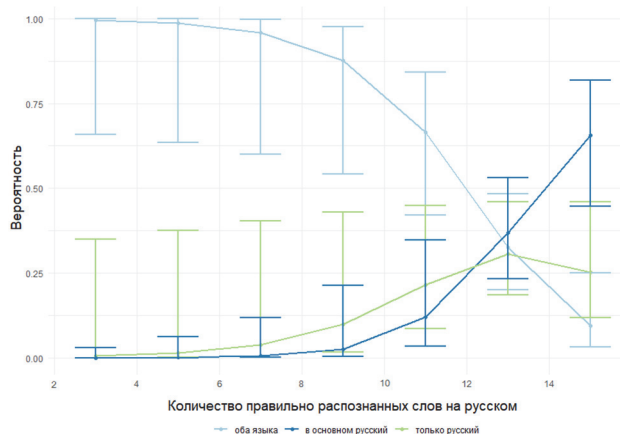

Рис. 3. Связь предпочитаемого языка переписки с количеством правильно распознанных слов на русском

На рис. 3 показана связь предпочитаемого языка переписки с количеством правильно распознанных слов на русском.

Обсуждение

В настоящем исследовании мы изучили процесс распознавания слов у адыго-русских билингвов. Слухоречевая и зрительная память оценивались при помощи теста Рея, адаптированного на русский [14] и адыгейский языки. Использование и уровень владения языками оценивались данными анкеты LEAP-Q [13]. Результаты показали, что большинство опрошенных предпочитают использовать адыгейский язык в устной модальности и русский – в письменной. В целом ограниченное использование адыгейского в письменной модальности свойственно для большинства носителей этого языка. Также большинство опрошенных указали, что они начали усваивать адыгейский язык раньше русского, а начало освоения навыков чтения на двух языках отмечается в возрасте 7 лет.

Результаты линейной регрессии показали, что количество правильно названных слов различается в зависимости от пробы, а одним из значимых предикторов оказался возраст участников. Так, люди старшего возраста называли меньше слов, чем молодые участники. Данное наблюдение подтверждается другими исследованиями, в которых использовался тест Рея [14; 19. Р. 296]. Кроме того, мы обнаружили значимое взаимодействие девятой пробы – визуального опознания – и языка, на котором проводился тест. Это означает, что на заключительном этапе теста билингвы опознали меньше слов на адыгейском языке, чем на русском.

На следующем этапе анализа мы построили модель, в которой учитывались данные об использовании языков в письменной модальности и результаты визуального опознания на двух языках. Мы обнаружили, что количество правильно распознанных русских слов связано с использованием языка при переписке: участники, которые используют оба языка при переписке – русский и адыгейский, хуже распознавали слова на русском языке по сравнению с теми участниками, которые используют в основном или только русский язык. Мы не обнаружили связи между количеством правильно распознанных адыгейских слов и использованием языков при чтении и письме.

Полученные результаты соотносятся с предыдущим исследованием связи дисбаланса модальностей и качеством выполнения языковых задач у наследников языка [5. Р. 69]: адыго-русские билингвы хуже справились с визуальным опознанием слов на адыгейском языке, который используется преимущественно в устной модальности, но показали более высокие результаты на русском, который используется билингвами при чтении и письме.

Стоит отметить некоторые ограничения настоящего исследования. При выявлении факторов, способных повлиять на визуальное восприятие слов у адыго-русских билингвов, был рассмотрен небольшой объем данных из анкеты LEAP-Q [13].

В дальнейшем необходимо учитывать больше информации о языковом профиле билингвов и использовать объективные методы оценки уровня языковой компетенции, например, тест на лексическое решение.

Заключение

В данном исследовании мы впервые рассмотрели процесс лексического доступа у адыго-русских билингвов с помощью теста Рея, который предназначен для оценки вербальной рабочей памяти в разных модальностях: устной и письменной. Мы использовали две версии теста Рея, которые были адаптированы на русский [14] и адыгейский языки. Результаты теста показали, что билингвы опознали значительно меньше

слов на адыгейском языке по сравнению с русским в письменной модальности.

Мы не обнаружили связи между количеством правильно распознанных адыгейских слов и предпочтением в использовании языка – русского или адыгейского – при чтении и письме. В то же время было выявлено, что адыго-русские билингвы, которые используют оба языка при переписке – русский и адыгейский, хуже распознавали слова на русском языке по сравнению с теми участниками, которые используют преимущественно или исключительно русский язык.

Результаты настоящего исследования расширяют представление об организации лексического доступа у билингвов, у которых отмечается дисбаланс устной и письменной модальностей.

Список источников

1. Grainger J., Ferrand L. Phonology and orthography in visual word recognition: Effects of masked homophone primes // *Journal of Memory and Language*. 1994. № 33 (2). P. 218–233.
2. Grainger J., Ziegler J. A dual-route approach to orthographic processing // *Frontiers in Psychology*. 2011. № 2. P. 1–13.
3. Jared D., Levy B.A., Rayner K. The role of phonology in the activation of word meanings during reading: Evidence from proofreading and eye movements // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1999. № 128 (3). P. 219–264.
4. Чернова Д.А. Фонологическая и графическая репрезентации слова в ментальном лексиконе: восприятие омофонов при чтении // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. № 19 (1). С. 181–194.
5. Iranzo V. The Effect of Task Modality in Heritage Bilingualism Research // *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 2022. № 17. P. 59–70.
6. Жарова Е.В. Эритажные говорящие как особая категория изучающих русский язык как иностранный // *Современное педагогическое образование*. 2023. № 1. С. 127–131.
7. Shiu L.-J., Yalçın Ş., Spada N. Exploring second language learners' grammaticality judgment performance in relation to task design features // *System*. 2018. № 72. P. 215–225.
8. Донежук М.Ю. Языковое поведение и компетенции адыгейского студенчества // *Вестник антропологии*. 2021. № 4. С. 75–91.
9. Нагучев Х.И. Из истории языковой политики СССР и России // *Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева*. 2013. № 3 (27). С. 118–125.
10. Rey A. L'examen clinique en psychologie [The Clinical Psychological Examination] // *Presse Universitaires de France*. Paris, 1964. P. 1–22.
11. Blumenau J., Broom Y. Performance of South African adolescents on two versions of the Rey Auditory Verbal Learning Test // *South African Journal of Psychology*. 2011. № 41 (2). P. 228–238.
12. Kardooni M., Mohammadzadeh A., Nazeri A.R., Tabatabaee S.M., Amiri M. Evaluation of the effects of bilingualism on auditory-verbal working memory using the Persian version of Rey auditory-verbal learning test // *Auditory and Vestibular Research*. 2016. № 25 (3). P. 145–152.
13. Kaushanskaya M., Blumenfeld H.K., Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. № 23 (5). P. 945–950.
14. Malyutina S., Zubareva N., Buivolova O., Zontov Y., Shestakova E., Chernova M., Bedo A., Andriushchenko A., Savilov V., Kurmysheva E., Kotova N., Sobko A., Akbarova Z., Dragoy O. The Rey Auditory Verbal Learning Test: Adaptation into Russian and a New Digital 'RAVLT World' // *The Clinical Neuropsychologist*. 2024. P. 1–23. doi: 10.1080/13854046.2024.2446028.
15. Akinina Y., Malyutina S., Ivanova M., Iskra E., Mannova E., Dragoy O. Russian normative data for 375 action pictures and verbs // *Behavior Research Methods*. 2015. № 47 (3). P. 691–707.
16. West Circassian (Adyghe) Corpus. URL: <https://www.adyghe.web-corpora.net>
17. Bates D., Machler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. № 67. P. 1–48.
18. Wickham H. Ggplot2: Elegant graphics for data analysis. Cham, Switzerland : Springer International Publishing, 2016. 260 p.
19. Van Der Elst W., Van Boxtel M.P.J., Van Breukelen G.J.P., Jolles J. Rey's verbal learning test: Normative data for 1855 healthy participants aged 24–81 years and the influence of age, sex, education, and mode of presentation // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2005. № 11(3). P. 290–302.

References

1. Grainger, J. & Ferrand, L. (1994) Phonology and orthography in visual word recognition: Effects of masked homophone primes. *Journal of Memory and Language*. 33 (2). pp. 218–233.
2. Grainger, J. & Ziegler, J. (2011) A dual-route approach to orthographic processing. *Frontiers in Psychology*. 2. pp. 1–13.
3. Jared, D., Levy, B.A. & Rayner, K. (1999) The role of phonology in the activation of word meanings during reading: Evidence from proofreading and eye movements. *Journal of Experimental Psychology: General*. 128 (3). pp. 219–264.
4. Chernova, D.A. (2022) Fonologicheskaya i graficheskaya reprezentatsii slova v mentalnom leksikone: vospriyatie omofonov pri chtenii [Phonological and graphic representation of a word in the mental lexicon: perception of homophones while reading]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 19 (1). pp. 181–194.
5. Iranzo, V. (2022) The Effect of Task Modality in Heritage Bilingualism Research. *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 17. pp. 59–70.
6. Zharova, E.V. (2023) Eritazhnye govoryashchie kak osobaya kategoriya izuchayushchikh russkii yazyk kak inostrannyi [Heritage speakers as a special category of learners of Russian as a foreign language]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 1. pp. 127–131.
7. Shiu, L.-J., Yalçın, Ş. & Spada, N. (2018) Exploring second language learners' grammaticality judgment performance in relation to task design features. *System*. 72. pp. 215–225.
8. Donezhuk, M.Yu. (2021) Yazykovoe povedenie i kompetentsii adygeiskogo studenchestva [Language behavior and competencies of Adyghe students]. *Vestnik antropologii*. 4. pp. 75–91.
9. Naguchev, Kh.I. (2013) Iz istorii yazykovoy politiki SSSR i Rossii [From the history of the language policy of the USSR and Russia]. *Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T.M. Kerasheva*. 3 (27). pp. 118–125.

10. Rey, A. (1964) *L'examen clinique en psychologie*. Paris: Presse Universitaires de France. pp. 1–22.
11. Blumenau, J. & Broom, Y. (2011) Performance of South African adolescents on two versions of the Rey Auditory Verbal Learning Test. *South African Journal of Psychology*. 41 (2). pp. 228–238.
12. Kardooni, M. et al. (2016) Evaluation of the effects of bilingualism on auditory-verbal working memory using the Persian version of Rey auditory-verbal learning test. *Auditory and Vestibular Research*. 25 (3). pp. 145–152.
13. Kaushanskaya, M., Blumenfeld, H.K. & Marian, V. (2020) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. *Bilingualism: Language and Cognition*. 23 (5). pp. 945–950.
14. Malyutina, S. et al. (2024) The Rey Auditory Verbal Learning Test: Adaptation into Russian and a New Digital 'RAVLT World'. *The Clinical Neuropsychologist*. pp. 1–23. doi: 10.1080/13854046.2024.2446028
15. Akinina, Y. et al. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods*. 47 (3). pp. 691–707.
16. Van Der Elst, W., Van Boxtel, M.P.J., Van Breukelen, G.J.P. & Jolles, J. (2005) Rey's verbal learning test: Normative data for 1855 healthy participants aged 24–81 years and the influence of age, sex, education, and mode of presentation. *Journal of the International Neuropsychological Society*. 11 (3). pp. 290–302.
17. Bates, D., Mächler, M., Bolker, B. & Walker, S. (2015) Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*. 67. pp. 1–48.
18. Wickham, H. (2016) *Ggplot2: Elegant graphics for data analysis*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing.
19. Van Der Elst, W., Van Boxtel, M.P.J., Van Breukelen, G.J.P. & Jolles, J. (2005) Rey's verbal learning test: Normative data for 1855 healthy participants aged 24–81 years and the influence of age, sex, education, and mode of presentation. *Journal of the International Neuropsychological Society*. 11 (3). pp. 290–302.

Информация об авторах:

Корженевская А.Ю. – стажер-исследователь Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); лаборант-исследователь отдела экспериментальных исследований речи Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: akorzhenevskaya@iling-ran.ru

Гумова Н.Д. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ассистент кафедры педагогики и психологии Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия). E-mail: ndgumova@hse.ru

Ханова А.Ф. – канд. филол. наук, научный сотрудник Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com

Оглы Б.А. – стажер-исследователь Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: bela.170599@gmail.com

Бгуашева А.А. – стажер-исследователь лаборатории экспериментальной лингвистики Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия). E-mail: aidabguaseva@gmail.com

Протопова М.А. – стажер-исследователь Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mprotopova@hse.ru

Макурова С.Р. – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия). E-mail: s.makurova@adygnet.ru

Драгой О.В. – д-р филол. наук, профессор факультета гуманитарных наук школы филологических наук, директор Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник отдела экспериментальных исследований речи Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: odragoy@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.Yu. Korzhenevskaya, intern researcher, HSE University (Moscow, Russian Federation); research assistant, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: akorzhenevskaya@iling-ran.ru

N.D. Gumova, postgraduate student, HSE University (Moscow, Russian Federation); teaching assistant, Adyghe State University (Maykop, Russian Federation). E-mail: ndgumova@hse.ru

A.F. Khanova, Cand. Sci. (Philology), research fellow, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com

B.A. Ogly, intern researcher, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bela.170599@gmail.com

A.A. Bguasheva, intern researcher, Adyghe State University (Maykop, Russian Federation). E-mail: aidabguaseva@gmail.com

M.A. Protopova, intern researcher, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mprotopova@hse.ru

S.R. Makurova, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of English Philology, Adyghe State University (Maykop, Russian Federation). E-mail: s.makurova@adygnet.ru

O.V. Dragoi, Dr. Sci. (Philology), professor, HSE University (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: odragoy@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.05.2024;
одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 27.05.2024;
approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 82-94 (571.1/.5)
doi: 10.17223/15617793/512/4

Мемуары сибирских авторов о декабристах

Кристина Антоновна Михайленко¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Mikhaylenko_ka@mail.ru

Аннотация. Исследуются посвященные декабристам воспоминания сибирских авторов, обозначается их жанровое своеобразие, специфика нарратива и фикциональная наполненность. Актуализируются продуктивные для сибирской мемуаристики XIX в. мифологемы, в том числе детерминированные феноменом декабризма. Формулируется положение о сложном палимпсестном построении текстов воспоминаний. Анализ мемуаров проводится с использованием идей имагологии, мифопоэтического и культурно-исторического подходов.

Ключевые слова: мемуары, декабристы, ученики декабристов, образ Сибири, имагология, мифопоэтика

Для цитирования: Михайленко К.А. Мемуары сибирских авторов о декабристах // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 29–41. doi: 10.17223/15617793/512/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/4

Memoirs of Siberian authors about the Decembrists

Kristina A. Mikhaylenko¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Mikhaylenko_ka@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of Siberians' memories of the exiled Decembrists. The aim of the study is to identify the authentic features of the memoirs of Siberian authors in their connection with the phenomenon of the Decembrists, which had a tremendous impact on the socio-cultural development of the Siberian region. The work explores the main topics that worried the memoirists, the features of narrative construction, including the use of fictitious techniques in the narrative. The dynamics of mastering the image of the Decembrist by local residents is considered in detail: from the image of an educator carrying knowledge to a "folk" hero endowed with biblical features. Turning to the memoirs of Siberian authors about the Decembrists in a literary context and in connection with its influence on the formation of the Siberian text, we first introduce the memoirs of N.A. Belogolovy, P.I. Pershin-Karaksarsky, M.S. Znamensky, A.P. Sozonovich, M.D. Frantseva, S.I. Cherepanov, I.V. Efimov about the Decembrists in scientific discourse. Thus, an attempt is made to solve the problem of the unexplored corpus of memoirs of Siberian authors in the literary (not historical-source) aspect, in the context of the formation of the Siberian text. In addition, a comprehensive view of these sources is proposed, combining genre, imagological, mythopoeic, cultural and historical approaches. In the course of the research, the author comes to the following conclusions. The memoirs of Siberians about the Decembrists not only reiterated the values and beliefs that the Decembrists themselves adhered to, but also represented a special original text, including an individual author's intention. The multilevel palimpsest structure of memoir sources, highlighting someone else's word, at the same time represents a text that is still uneven due to its genre "immaturity" (and unique in this). It synthesizes various ways of the author's representation of the surrounding reality. In addition, the memoirs of Siberians, as a fragment of a specific historical time in which differential points of view on events are mounted, also become one of the existing "versions" of the Decembrist myth.

Keywords: memoirs, Decembrists, disciples of Decembrists, image of Siberia, imagology, mythopoetics

For citation: Mikhaylenko, K.A. (2025) Memoirs of Siberian authors about the Decembrists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 29–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/4

Мемуаротворчество всегда сопряжено с авторской интенцией самопознания и самоидентификации в потоке исторических событий посредством нарративной практики, что способствует формированию исторического самосознания личности [1], включающего специфику мирообразов и мироощущений той страны, этноса, к которым мемуарист себя относит.

В этом смысле мемуары декабристов можно назвать духовной практикой, направленной на поиски

своего Я как в движении декабристов, в том числе в событиях 14 декабря 1825 г., так и в судьбе страны в целом. Воспоминания сибирских авторов о декабристах, на первый взгляд, далеки от исторической масштабности мемуаров А.Е. Розена или Н.В. Басаргина, но это тоже попытка вписать свою личность в общероссийскую историю, найти в ней свою роль, опосредованно – через осознание своей сопричастности к участникам декабристского восстания.

Кроме того, сибирская мемуаристика о декабристах – это пример «взгляда» на декабристов, декабризм, историю России извне по отношению к ним, из сибирской ментальности, проявившегося в оригинальном и самобытном тексте мемуаров.

Изучение воспоминаний сибирских авторов о декабристах, безусловно, является закономерным этапом в исследовании становления мемуарного жанра в сибирском тексте, включая специфику последнего, и в контексте выявления мифогенных образов, присущих Сибири и ее населению (аборигенам и временным жителям, в том числе декабристам). Отметим, что, несмотря на наличие многих работ, посвященных региональному литературному процессу, в том числе репрезентации образа Сибири (В.И. Тюпа, Б.А. Чмыхало, К.В. Анисимов, А.В. Юдельсон, В.А. Ламин, М.В. Шиловский, Н.Н. Родигина, А.Ю. Горбенко и др.), корпус мемуаров сибирских авторов о декабристах практически не исследован, их значение в развитии местной литературы не установлено, они лишь упоминаются в работах С.Ф. Ковалы, Т.А. Перцевой, Е.А. Кулешовой, В.П. Бойко, Т.П. Савченковой, О.П. Еланцевой. Наиболее полную картину, проясняющую состав корпуса мемуаров сибирских авторов о декабристах, представила Н.П. Матханова в монографии «Сибирская мемуаристика XIX века». Однако материал здесь осмысливается не с точки зрения филологического дискурса, а, скорее, как исторически значимый источник. Таким образом, обозначенные проблемы требуют осмысления в контексте системного изучения сибирских мемуаров как неотъемлемой части сибирского текста. Целью предлагаемой статьи является введение воспоминаний сибиряков о декабристах в научный оборот и их анализ как значимой части сибирской мемуаристики и как своеобразного диалога с декабристскими воспоминаниями о Сибири (см. об этом подробно в нашей статье «Образ Сибири в мемуарах декабристов»).

Изучение обозначенных вопросов связано, с одной стороны, с синтетической природой мемуарного жанра, представляющего собой, как известно, сплав документального и фикционального компонентов, с другой – со спецификой феномена Сибири как особого топоса и одновременно локуса (пространства инобытия, запускающего духовную инициацию героев), в котором находятся герои, повествователи мемуаров. Поэтому в работе используются базовые идеи имагологии как науки об интерпретации и создании образа «другого», концепция гетеротопии пространства М. Фуко и теория палимпсестной природы памяти Ж. Женетта. Кроме того, образ Сибири в мемуарах сибиряков рассматривается с точки зрения рецептивной эстетики и его мифотворческого и мифогенного потенциала. Используются также историко-литературный, культурно-исторический подходы и методики жанрово-стилевого нарративного анализа.

Корпус мемуаров сибиряков о декабристах можно условно разделить на две группы: мемуары сибирских учеников декабристов и последователей их идей (воспоминания Н.А. Белоголового, П.И. Першина-Караксарского, М.С. Знаменского, О.Н. Балакшиной, А.П. Созонович, Е.О. Дубровиной, М.Д. Францевой);

мемуары сибирских знакомых декабристов (воспоминания С.И. Черепанова, К.М. Голодникова, И.Ф. Парфентьева, А.К. Кузьмина), включая представляющие собой в некоторых случаях критические отзывы на публикации о декабристах (мемуары И.В. Ефимова, А.А. Лушникова, А.И. Лучшева). Материалом для статьи послужили воспоминания учеников декабристов, довольно близких к ним: Н.А. Белоголового, П.И. Першина-Караксарского, М.С. Знаменского, А.П. Созонович, М.Д. Францевой, а также мемуары знакомых С.И. Черепанова, И.В. Ефимова, транслирующие видение уже не такое близкое к декабризму и менее беспристрастное.

Анализ указанных источников включает: выявление смыслообразующих для базисных текстов тем, в том числе в их связи с мемуарами самих декабристов о Сибири и сибиряках; рассмотрение специфики образов Сибири, декабристов, самих сибиряков в контексте их мифогенного значения; изучение особенностей построения нарратива, включая функцию автора на документальном и фикциональном уровнях повествования.

Основной темой в мемуарах сибирских авторов о декабристах является, конечно, тема декабризма, осмысление которой происходит прежде всего в *лирических отступлениях*, отражающих индивидуально-авторскую рецепцию. Для примера приведем размышления Петра Ивановича Першина-Караксарского, родившегося и выросшего в селе Караксар на берегу реки Онон в Забайкалье, оставившего воспоминания о М.А. Бестужеве и И.И. Горбачевском, с которыми познакомился, будучи молодым человеком, в конце 1850-х – в 1860-е гг. В своих мемуарах он ставит вопрос о *месте и роли декабристов в русской истории*, затрагивая и социально-политический контекст восстания на Сенатской площади: *«Неудержимый ход истории народов делает свое дело не прерываясь, не останавливаясь идет вперед, делая государственное строительство. Тогда только маленькая горстка передовых русских людей пришла к сознанию неизбежности перехода от абсолютизма к свободе, от непроглядной тьмы к свету. И эта маленькая величина предприняла грандиознейший государственный переворот, оказавшийся не по силам и кончившийся гибелью цвета русской интеллигентной молодежи. Тогдашняя Россия крепостного права и чиновничества, можно сказать, сплошь малограмотная, была совершенно не подготовлена к гражданственности и свободным учреждениям, не имела достаточного контингента образованных людей, чтоб воспринять новые формы правления, проникнуться убеждением в их необходимости. Понятно, что попытка этой маленькой кучки людей не имела под собой почвы, а масса не только ее не поддержала, но даже встретила враждебно»* [2. С. 541].

Приведенный фрагмент, во-первых, передает представление мемуариста об истории как «неудержимом» и «неостановимом» развитии общества и «государственном строительстве», а также видение в декабристах «цвета русской интеллигентной молодежи», передовых людей, каковыми их делали и такое понимание истории, и «сознание неизбежности перехода» от абсолютистской власти к «свободе».

Здесь важно обратить внимание на используемое автором понятие «переход», которое далее все же конкретизируется в понятии «государственный переворот», и синонимичное оппозиции «абсолютизм – свобода» метафорическое противопоставление «непроглядная тьма» – «свет». Не менее важно авторское понимание причин поражения декабристов: их малочисленность, отсутствие поддержки со стороны «чиновничества» и, главное, образования у большей части населения страны, что не дало передовым людям эпохи внедрить бескровным путем передовые идеи «гражданственности» в общество и привело к кровопролитию.

Эти проблемы выливаются в схожие размышления самих декабристов. Например, Н.В. Басаргин в своих «Записках» отмечал: *«И точно – много добрых людей на земле русской. Если бы только правительство пожелало действовать в духе народном, если бы несчастное придворное раболепство и эгоизм не ставили между государем и народом такой завесы, через которую трудно проникать его оку, то, конечно, и сам он, и народ его были бы и счастливее, и теснее, крепче связаны между собою!»* [3. С. 48].

Герой-повествователь воспоминаний Николая Андреевича Белоголового, получившего начальное образование в семье сосланного в Сибирь А.П. Юшневского, а позднее его учителем стал декабрист А.В. Поджио, рассуждает о причинах вступления братьев Поджио в ряды участников восстания, объясняя их деятельность не столько идеологическими убеждениями, сколько горячностью темперамента и рыцарским благородством. Задуманные для «возрождения России» «коренные реформы», в том числе отмена крепостного права, квалифицируются мемуаристом как «увлечение», порыв, «революционный пыл», подпитывавшиеся «надеждой на близкую перемену к лучшему»: *«Братья скоро завоевали себе видное положение как на службе, так и среди гвардейской молодежи и петербургского общества, так как отличались изяществом и красотой, прекрасным воспитанием и своими рыцарски благородными и в то же время живыми, чисто южными характерами. Нет поэтому ничего удивительного, что братья вскоре очутились в числе первых в том новом положении, которое, по возвращении наших войск из Парижа, распространилось в гвардии и в армии, точно так же, как нет ничего естественнее, что они со всею горячностью своих 20-летних южных темпераментов увлеклись идеею возрождения России путем коренных реформ и отмены крепостного права. Примерно до 1820 года братья Поджио считались в числе самых ревностных пропагандистов новых идей и самых деятельных посетителей тайных совещаний, но около этого времени революционный пыл среди их товарищей стал заметно остывать. <...> Александр Викторович, чувствуя полный разлад своих убеждений со служебною деятельностью и потеряв всякую надежду на близкую перемену к лучшему, решил бросить службу, вышел в 1822 или 1823 году в отставку и поехал помогать матери в деревенском хозяйстве»* [4. С. 25–26].

Кроме того, смыслообразующей в воспоминаниях сибиряков о декабристах становится тема **свободы**, но не физической, а духовной, идеи которой несли с собой

декабристы, сосланные в Сибирь, которую они демонстрировали сибирякам своей ежедневной жизнью. Так, герой-нарратор Першина-Каракасарского, сравнивая два десятилетия XIX в. – 50-е и 60-е гг., подчеркивает кардинальные изменения, произошедшие в «маленьком горном мирке» Петровского завода, где дух свободы и просвещения, привнесенный декабристами, породил новое поколение людей, не угнетающих других, а соперничающих, сочувствующих окружающим, познающих себя в этом мире: *«Этот маленький горный мирок имел и свою интеллигенцию, группировавшуюся, разумеется, около Ивана Ивановича (Горбачевского. – К.М.). Интересы современной литературы были не чужды кружку, а также и литературы заморской, с «Того Берега», которая проникала в эти трущобы не без труда и риска. Но зрелые люди не злоупотребляли запретным плодом, не вели преступной пропаганды, свободное слово ничего не колебало, ни на что не вызывало, кроме тесно-семейных бесед втихомолку. Нельзя не сказать, что это слово благотворно влияло и на начальствующих, на их убеждения и на поступки в отношении к их подчиненным. Даже до освобождения прикрепленных к заводам крестьян прежняя жестокость стала уступать место человечности. Кто читал Герцена, тот уже не решался гнуть в бараний рог своего раба. Дух свободы, гуманности, гражданского долга веял точно в воздухе и облагораживал поступки предрержащих властей. Вспоминая эти добрые начала, сердечно радовавшие меня, я охотно их отмечал, как характеризующие горное начальство 60-х годов по сравнению с предшествовавшими»* [2. С. 55].

Повествователь очевидно акцентирует идею «**свободного слова**», которое представляется ему, анализирующему историю из ее ретроспективы, даже в «трущобах» Сибири куда более действенным, чем кровопролитие, попытка свержения власти. Слова, «тесно-семейная беседа» «ничего не колебали», «не вызывали» на противоправные действия, не являлись «преступной пропагандой», постепенно воздействовали на людские души, побеждая в них жестокость «человечностью». «Дух свободы, гуманности, гражданского долга», «веявшие точно в воздухе и облагораживавшие поступки» даже «начальствующих», «предрержащих властей», явно гиперболизируются и идеализируются нарратором, утверждая в читателях мемуаров его просветительскую веру во внутреннюю свободу человека, его врожденную духовность, нравственность, склонность следовать «нравственным примерам», из которой следует концепция совершенствования общества, последовательного мирного развития истории путем постепенного самосовершенствования отдельной личности. К этим идеям в сибирской ссылке пришли многие декабристы, обратившись к «наиболее коренному и одновременно наиболее сложному», по словам Ю.М. Лотмана, вопросу о том, «каким образом система, оставаясь собой, может развиваться» [5. С. 7], и отказавшись от «исторических взрывов» в пользу «постепенного прогресса» и культуры.

Особым примером высокой духовности, нравственности, самопожертвования в мемуарах сибиряков являлись образы декабристок, дополняя и, как нам представляется, наиболее полно раскрывая тему декабризма в целом.

Так, герой-нарратор И.В. Ефимова, сибиряка, прошедшего детство среди декабристов и их родных, в «Заметках на воспоминания А.Ф. Львова» весьма подробно останавливается на своих воспоминаниях о женах декабристов, характеризуя и отношение сибиряков к ним: «...я хотел бы сказать многое о женах декабристов, но писать что-либо от себя лично в их защиту я считаю излишним. Обелять белое не нужно. Оставление в жертву долгу своего общественного положения и материальных средств, лишение не только всех удобств жизни, но и всех прав, и взамен того поездка к мужьям в глубь Сибири, в ссылку, навстречу всевозможным неудобствам и даже оскорблениям, как это и было на самом деле — все это говорит само за себя <...> Что же касается нас, сибиряков, то мы и через полвека вспоминаем о них как о живых примерах всего доброго, чистого и прекрасного и храним глубокую благодарную память к этим добровольным изгнанникам» [6. С. 563–564].

Одной из важнейших тем в воспоминаниях сибирских авторов о декабристах становится Сибирь. И если мемуары декабристов отражают восприятие Сибири извне, как «другой» мир (нереальную гетеротопию), то воспоминания сибирских авторов — это перцепция пространства изнутри. Вместе с тем мемуары местных жителей о декабристах представляют еще один вариант освоения «другого» («чужого») мира — декабристского — через привычное «свое». Так, понимание Сибири, родного для них края, происходит сквозь рецепцию декабристов, для которых Сибирь изначально выступала как мифическое замкнутое и закрытое пространство, изолирующее их от родного, лишавшее их идентичности. И несмотря на то, что образ Сибири в воспоминаниях декабристов однозначно эволюционировал, в них происходил слом мифа о «гиблой земле», в воспоминаниях местных жителей, которые росли в декабристской среде, Сибирь во многом запечатлелась именно как темное место, где отсутствуют образование и культура. Так, в воспоминаниях Першина-Караксарского Сибирь представлена отдаленной необразованной провинцией («Семь лет скачи, из Сибири ни до какого учебного заведения не доскачешь <...>. В далекой провинции, как Сибирь, в захолустных городках общество группировалось только в большие праздники, именины, свадьбы и крестины. В остальное буднее время все ютились по своим уголкам, в своих семьях») [2. С. 538]. Сибирь передается нарратором с помощью таких метафор: «пустынный край», «угрюмая холодная страна».

Ограниченность и примитивность интересов провинциального общества как примету сибирского социоландшафта конца 1820–1830-х гг. описывает и героиня повествовательница воспоминаний Марии Дмитриевны Францевой, дочери тобольского прокурора Д.И. Францева, активно общавшегося с декабристами, прежде всего, с Н.Д. Фонвизиной-Пушиной, братьями Н.С. и П.С. Бобрищевыми-Пушкиными, Ф.Б. Вольфом, П.Н. Свистуновым: «Общества почти никакого; круг чиновников тогда был очень неразвитый, грубый. Все удовольствия заключались для них в

вине и картах. Бывало, празднуют именины три дня, пьют и кушают целые ночи, уезжают домой на несколько часов, а потом опять возвращаются и кушают. Порядочному человеку, попавшему в их круг, становилось невыносимо. Купечество хотя очень богатое, но замкнутое тоже в своей однообразной, грубой среде» [7. С. 383–384].

Однако даже в этой пагубной среде декабристы не теряли своего человеческого достоинства и на долгие годы становились для немногочисленной сибирской интеллигенции, образованной молодежи примером порядочности, культуры, образцом для подражания, ориентиром в саморазвитии. В этом, уверяет повествовательница, ссыльным и каторжным декабристам помогал Бог. Например, в воспоминаниях описано пребывание П.В. Аврамова на каторге в Читинском остроге, а потом в Петровском заводе, потом на поселении в Чите, потом в Акшинской крепости, где он и умер в возрасте 46 лет: «Не легче было, конечно, и Аврамову, почти заживо погребенному в дикой, суровой стране, далеко от всего родного, близкого, цивилизованного. Но хороший человек не падает духом и везде, с помощью Божию, устроит себя так, что найдет возможным быть полезным другим» [7. С. 385]. Идеи принесения пользы в общественную жизнь, сохранения силы духа в любых обстоятельствах навсегда закрепились в памяти Францевой как важнейшие характеристики декабристов и транслировались ею в мемуарах.

Очевидно, что миф о Сибири, высветивающийся в воспоминаниях сибиряков, повторяет декабристскую рецепцию края как холодной страны, что демонстрирует силу их влияния на местное население. Например, у Н.А. Белоголового, воспроизводившего спуск много лет свои юношеские образы Сибири, край предстает «*дебрями*», «*глухим и страшно удаленным от европейской жизни уголком*», в котором имеется одно лишь «*животное прозябание и самоопошлявание, какими отличалась жизнь тогдашнего провинциального захолустья*» [4. С. 48]. В этом смысле примечательна следующая ремарка автора о Сибири как о подземном царстве, откуда нет пути назад: «...все это происходило в 20-х годах, когда Сибирь представлялась издали каким-то *мрачным, ледяным адом*, откуда, как с того света, возврат был невозможен и где властвовал произвол таких легендарных жестокосердных воевод, которыми были только что сошедшие со сцены правители Пестель, Трескин и другие» [4. С. 32].

Будучи рожденным в Иркутске, Белоголовый в своих мемуарах, по сути, ретранслирует образ Сибири в восприятии декабристов первых лет их пребывания на каторге и в ссылке, который, в свою очередь, во многом повторял стереотипы Центральной России. При этом именно в воспоминаниях Белоголового находим подтверждение нашей мысли о том, что Сибирь для многих декабристов и их жен стала своего рода порталом в новый мир, возвращающим их в первобытие, где природа и человек неразделимы, где природные начала, свойственные народному сознанию, берут верх над сословными, навязанными обществом: женщины сами вскармливают своих детей и готовят пищу мужьям (мемуары П.Е. Анненковой), мужчины занимаются охотой и земледелием (мемуары А.Е. Розена).

Яркую иллюстрацию этого тезиса находим в следующем отрывке о Волконском: *«Старик Волконский – ему уже тогда было около 60 лет – слыл в Иркутске большим оригиналом. Попав в Сибирь, он как-то резко порвал связь со своим блестящим и знатным прошедшим, преобразился в хлопотливого и практического хозяина и именно **опростился**, как это принято называть нынче. С товарищами своими он хотя и был дружен, но в их кругу бывал редко, а больше водил дружбу с крестьянами; летом **пропадал по целым дням на работах в поле, а зимой любимым его времяпрепровождением в городе было посещение базара, где он встречал много приятелей среди подгородных крестьян и любил с ними потолковать по душе о их нуждах и ходе хозяйства**»* [4. С. 36]. Здесь, конечно, слышны переключки с нравственно-социальной концепцией Л.Н. Толстого, с которым Белоголовый был знаком, хорошо знал он и его творчество, и его философские взгляды. Не разделяя его «проповеди христианского аскетизма, его отрицания науки», которые, по мнению Белоголового, «внесли много сумбура в молодые умы и имело, скорее, вредные последствия» [8. С. 654], мемуарист, по-видимому, скептически относился и к толстовской философии опрощения, что явствует из запечатленного в мемуарах отношения сибиряков к «старика-Волконскому» как «большому оригиналу»: речь идет о С.Г. Волконском, отбывавшем каторгу на Благодатском руднике, в Читинском остроге, в Петровском заводе. Воспоминания Белоголового относятся к периоду проживания Волконского с семьей в Иркутске.

Возможно, эти иронические интонации были вызваны и тем, что по возвращению из ссылки Волконский снова вошел в светское общество, проявляя интерес к политической жизни России и Европы: *«Возвращение же после амнистии в Россию, поездка и житье за границей, встречи с оставшимися в живых родными и с друзьями молодости и тот благоговейный почет, с какими всюду его встречали за вынесенные испытания, — все это его как-то преобразило и сделало и духовный закат этой тревожной жизни необыкновенно ясным и привлекательным. Он стал гораздо словоохотливее и тотчас же начал живо рассказывать мне о своих впечатлениях и встречах, особенно за границей; политические вопросы снова его сильно занимали, а свою сельскохозяйственную страсть он как будто покинул в Сибири вместе со всей своей тамошней обстановкой ссыльнопоселенца»* [4. С. 37].

Вместе с тем описываемая героем-нарратором Белоголового перемена в образе Волконского подтверждает нашу идею о сибирской гетеротопии, в которой время будто поворачивается вспять, обращая человека к первоистокам, смыслом привычные общественные отношения. В сибирском пространстве происходит кристаллизация личности и обретение своей настоящей бытийности. Возвращение же к привычным паттернам, с одной стороны, упрощает мировидение, детерминируя тем самым построение знакомых социальных связей, с другой – перед нами все же уже другая личность, обогащенная новыми апостериорными знаниями.

В этом смысле репрезентативен фрагмент из мемуаров Францевой, посвященный возвращению из Сибири в Россию М.А. Фонвизина: *«Тяжело было ему, одинокому, убитому горем, поселиться в родовом имении, где жили его отцы и деды, где все когда-то кипело жизнью, общию с ним, тогда как теперь он был **одинок и в среде общества, совершенно чуждого ему по взглядам и по понятиям**. Все, что было дорого ему на родине, лежало в свежих могилах, а все дорогое и близкое его сердцу: жена, приемные дети, товарищи, друзья, **все были далеко, в стране изгнания, куда неволью летело его сердце**. Он сам впоследствии передавал мне, какую сердечную муку пришлось ему вынести первое время по своему возвращении в Россию»* [4. С. 639].

Привычное, когда-то родное пространство России стало чужим для Фонвизина, а «чужое», изначально казавшееся враждебным и губительным пространство Сибири, буквально вывернувшее многих декабристов наизнанку, стало *своим*. По наблюдению мемуаристов, и не только сибиряков, декабристы возвращались на родину уже другими людьми, с Сибирью в сердце, навсегда сохранив уже то мировидение, которые пришло к ним и закрепилось в них в холодной стране: *«<...> любил очень беседовать с мужиками, вникал во все их нужды, помогал им и словом и делом. Все они имели к нему свободный доступ и большую доверенность. Гуляя с ним, мы часто заходили к крестьянам в избы, где все встречали его как родного отца; но несмотря на всю его доброту, он не потакал дурным их качествам и был неумолим, когда нужно было оказывать правосудие, что хорошо знали крестьяне и чтили его за это»* [9. С. 69], – так героиня-повествовательница Францевой описывает жизнь Фонвизина в России после каторги: неподдельный интерес к народной жизни, уважение к человеку из народа, демократизм, чем и поддерживался авторитет Фонвизина в народе, который подчеркивает повествовательница в мемуарах Францевой.

Демократизм как нравственно-этическое качество личности, присущий декабристам и укрепившийся у них в Сибири в способе восприятия себя как части целого, органично гармонировал с их аристократизмом как особой поведенческой моделью. Именно благородство, требовательность к себе и к окружающим не позволяли, например, М.А. Фонвизину «потакать дурным качествам» крестьян, а утонченной М.Н. Волконской, оставшейся и в Сибири светской дамой в самом высоком смысле этого слова, устроившей *«из своего дома главный центр иркутской общественной жизни»* [4. С. 40], принять христосование от пьяного чиновника, апеллировавшего к «народному обычаю», на что Мария Николаевна ответила с достоинством, что *«в России это не принято»* [10. С. 64].

Принципиально важно понимание того, что образ декабристов, транслируемый в мемуарах сибирских авторов, есть своего рода запечатление, закрепление в памяти, в том числе и читателей, образов ссыльных декабристов в период их пребывания в гетеротопическом пространстве Сибири, отражающем их переход в новое состояние личности. Возникавшая идеализация образов декабристов в Сибири в некотором смысле является следствием этого запечатления, произошедшего в

сознании мемуаристов в детском возрасте и породившего нечто вроде «реакции следования за родителем», укоренив в памяти ролевую модель учитель–ученик.

В связи с этим присущая рассматриваемым мемуарам идеализация образов декабристов и их жен, абсолютизация того влияния, которое на них оказало общение с ними, нередко доходит до предельных значений: «Они сделали меня человеком, своим влиянием разбудили во мне живую душу и приобщили ее к тем благам цивилизации, которые скрасили всю мою последующую жизнь. Более всех из них я обязан этим своим пробуждением Ал. Викт. Поджио» [4. С. 93], – заключает, например, герой-нарратор Белоголового, отдавая все заслуги в своем личностном становлении А.В. Поджио.

Несколько более сдержанны, но не менее патетичны интонации, с которыми Ефимов описывает воздействие декабристов на местное население, вводя в их образ черты, находящие отклик в религиозном народном сознании: самопожертвование, мученичество, смиренное принятие посланных им испытаний: «Пробывание декабристов в Сибири, насколько я знаю, едва ли оставило в ком-либо из нас, сибиряков, дурные о себе воспоминания. Напротив, оно имело **широкое образовательное влияние**, за которое многие из нас, а в том числе и я, храним искреннюю к ним благодарность. Не политических деятелей видели мы в них, а людей, которые тридцать лет сряду несли на наших глазах тяжелое наказание, несли его спокойно, с достоинством и верою в Промысел Божий» [6. С. 553].

Об этом прямо писал в своих мемуарах Н.В. Басаргин: «Лишив... нас всего и вдруг поставив на самую низкую, отверженную ступень общественной лестницы, оно (правительство. – К.М.) давало нам право смотреть на себя, как на очистительные жертвы будущего преобразования России; одним словом, из самых простых и обыкновенных людей делало политических страдальцев за свои мнения, этим самым возбуждало всеобщее к нам участие, а на себя принимало роль ожесточенного, неумолимого гонителя» [3. С. 53].

Таким образом, в мемуарах сибирских авторов формируется свой, сибирский, миф о декабристах, состоящий из нескольких смыслообразующих уровней, отражающих структуру рецепции нарраторов. Верхний (начальный) уровень освоения ссыльнокаторжных как некоего явления социокультурной действительности отражается в формировании образа **декабриста-просветителя**, который приносит в сибирское пространство новые знания: «...могу сказать, что Петровский Завод составлял для меня нечто похожее на академию, или университет, со 120 академиками или профессорами, напичканными многосторонними познаниями, которыми охотно делятся от скуки» [11. С. 31], – читаем в воспоминаниях С.И. Черепанова. Герой-нарратор Першина-Караксарского, характеризуя вклад декабристов в образование региона, также отмечает просветительское значение их пребывания в Сибири: «Нужно помнить, что окраинная Восточная Сибирь, разбросанная на тысячи верст, почти не имела учебных заведений, кроме иркутской гимназии. При всей жажде к просвещению молодежь оставалась без образования, довольствуясь только

текущей литературой, сжатой цензурными тисками. <...> Понятно, что декабристы ответили на запрос и были хоть для маленького кружка просветителями и учителями, разумеется, **учителями не в школьном смысле**. Впрочем, и в последнем случае по недостатку педагогического персонала они охотно брали на себя обязанности домашних учителей и руководителей по воспитанию юношества» [2. С. 537–538]. Здесь, как видим, появляется и иная характеристика декабристов как **духовных учителей**, наставников, которые способствовали нравственному возвышению местного населения и Сибири в целом. Характеризуя влияние М. Бестужева на своих подопечных, Першин-Караксарский писал: «Многие ученики его, что называется, вышли в люди и своим честным направлением и относительным образованием резко выделялись из окружающей среды купечества, в то время жившего по Домострою» [2. С. 544]. Одновременно темное население Сибири, жившее по Домострою, противопоставлялось цивилизованному образу декабриста, принесшего свет просвещения в «сибирские дебри».

В этой связи в мемуарных нарративах сибиряков о декабристах прослеживается и некий **мотив миссии** декабристов, их предназначения стать для местных жителей проводниками в мир просвещения и культуры, что в дальнейшем трансформируется в образ «народного» декабриста, выделяемый нами именно в мемуаристике сибиряков. Однако по мере продвижения авторов в пространстве памяти, углубляется и рефлексия, что обусловливает усложнение образа декабриста. Так, на следующем (более глубинном) условно выделяемом нами уровне проявляется **сакральная семантика** образов декабристов, отражающая индивидуально-ценностную картину мира сибиряков-мемуаристов.

Так, например, у Першина-Караксарского читаем: «Мы, молодежь того времени, за 200 верст ездили на **“поклонение” к Горбачевскому, как правоверные в Мекку**» [2. С. 544]. В ряде мемуарных сочинений учеников декабристов о своих учителях складывается своего рода концепция декабриста – **совершенного человека**, образ которого мыслится в следующих библейских категориях: нестяжание, кротость, смирение, покаяние, целомудрие (духовная чистота), безупречность, жертвенность. Например, в воспоминаниях Августы Павловны Созонович, ставшей после смерти матери воспитанницей М.И. Муравьева-Апостола, выросшей в кругу ссыльных декабристов И.И. Пущина, Е.П. Оболенского, И.Д. Якушкина, А.В. Ентальцева, Н.В. Басаргина. В.К. Тизенгаузена, появляется образ декабриста, в котором отражаются архетипичные характеристики прообраза Мессии, духовного Учителя: «Но вместе с тем перед ним **благоговели за чистоту его безупречной жизни и безграничную любовь к ближнему, благотворительно отражавшуюся на всех, кто бы ни встречался на его пути. Его проницательный взгляд быстро подмечал выдающиеся в людях способности; он не пропускал возможности развить их, чтоб приложить к делу, ответственному положению человека, и считал себя счастливым, если ему удавалось ободрить кого-нибудь, убедив, что и у него есть доля способностей, над которыми стоит потрудиться,**

а не оставлять их под спудом» [12. С. 129], – так героиня-повествовательница описывает И.Д. Якушкина.

Не только поступки декабристов наделяются мемуаристами особым сакральным смыслом, но и их внешность: «<...> его длинные серебристые волосы были тщательно причесаны, его такая же серебристая борода подстрижена и заметно выхолона, и все его лицо с тонкими чертами и изрезанное морщинами делали из него такого изящного, картинно-красивого старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой **библейской красотой**» [4. С. 37], – так описывает Волконского герой-повествователь Белоголового.

Кроме того, сам образ жизни декабриста уподобляется монашескому, транслирующему идею простой, жертвенной жизни в скромной обители: «<...> старый князь, тяготея больше к деревне, проживал постоянно в Урике и только время от времени выезжал к семейству, но и тут – до того барская роскошь дома не гармонировала с его вкусами и наклонностями – он не останавливался в самом доме, а отшел для себя комнату где-то на дворе <...>» [4. С. 37].

Истинное смирение и в некотором смысле отречение от всего мирского подчеркивает героиня Францевой, характеризуя П.С. Бобрищева-Пушкина: «Посвятив свою жизнь на служение ближнему, он старался во многом изменить свои привычки, любил читать Св. Писание, которое знал не хуже настоящего богослова, вел жизнь почти аскетическую, вырабатывая в себе высокие качества смирения и незлобия, ко всем был одинаково благорасположен и снисходителен к недостаткам других. В Тобольске он занимался еще изучением гомеопатии и там много помогал своим безвозмездным лечением, что к нему постоянно стекался народ, особенно бедный» [7. С. 410].

На данном уровне семантики образов декабристов проявляется и идея жертвенного подвига, переплетающаяся с концепцией «постепенного прогресса», в их образах видятся настоящие «образцовые русские патриоты»: «...в душе он был чисто русский человек и безгранично любил Россию <...> просвещенным чувством истинного патриота, которое видит первое условие для благоденствия родины в правильном и постепенном прогрессе, жертвует собственной личностью для достижения этого благоденствия и не разочаровывается и не падает духом, когда его самопожертвование не приносит явного результата» [4. С. 23], – повествует герой-нарратор Белоголового об А.В. Поджио.

Мотив самопожертвования постепенно складывает в мемуарах сибирских авторов образ «**народного**» декабриста, деятельность которого обусловлена стремлением к увеличению народного блага. Примечательна в этом смысле история об И.И. Горбачевском, которого народ, по воспоминаниям Першина-Караксарского, называл не иначе как «**патриархом**» (существительное, как известно, полисемантно: это и титул духовного лица, и старейшина родовой общины, и наиболее почитаемый в коллективе человек):

«Купленное зерно он размалывал и муку раздавал в долг жителям завода и окрестным крестьянам. Долги, разумеется, собирались туго и частью совсем пропадали.

– Обождите, пожалуйста, Иван Иванович, до осени, отдам с благодарностью.

И осень прошла, и весна подошла, – долг остался, да еще подросла новая нужда и новая ссуда.

– Да, что же, матушка моя, как же это будет? Мне ведь надо самому пшеницу-то купить, где же я буду деньги брать?

Перед Иван Ивановичем был из деревни Подлопоток Сидор Евстафьев, а не «матушка», но Иван Иванович привык всех мужиков называть «матушка моя». И вот «матушка моя» разжалобит разными невзгодами и снова получает мучки пудик-другой, да и крупки не забудет припросить» [2. С. 552].

Здесь очевидны библейские смыслы образа «патриарха»-декабриста: раздача хлебов, отпущение долгов, равная ко всем любовь и готовность помочь.

Для многих сибирских авторов участие декабристов в их личной жизни стало по-настоящему глубоко вошедшей в память историей, определившей всю их жизнь. Например, герой-рассказчик воспоминаний Михаила Степановича Знаменского, ученика И. Якушкина, открывшего школу в Ялуторовске для детей мещан и крестьян, описывает следующий случай: «Мы жили тогда бедно, и Фон-Визины **старались помочь нам, чем могли**. Помню, в это время отца перевели на службу в город Ялуторовск. Отцу не хотелось отрывать моего старшего брата Колю от наладившегося уже ученья. Тогда Фон-Визины предложили отцу взять Колю к себе на воспитание. Отец согласился» [13. С. 101]. У самого Михаила Степановича Знаменского декабристы открыли способности к рисованию, они привили ему любовь к литературе, впоследствии помогли ему получить духовное образование в Санкт-Петербургской образцовой духовной семинарии, которую он окончил по классу живописи. В своих воспоминаниях он писал: «С того времени, как я начал помнить себя, и до 23-х лет, я был с ними (декабристами. – К.М.). И если теперь подлость, низость и взятки болезненно действуют на меня, то этим я обязан людям, о которых всегда говорю с почтением и любовью» [13. С. 101]. Николай Степанович Знаменский, окончив Казанскую духовную академию, тоже преподавал в Тобольском духовном училище, потом стал успешным чиновником, сочетая свою службу с широкой просветительской деятельностью.

Мифотворчество сибиряков, относящееся к декабристам, развивалось и в народных мифах о «сверхъестественных» способностях ссыльнокаторжных. Овеянные тайной, они порождали наполненные мистическими мотивами истории среди необразованного простого люда, не имевшего близких знакомств с декабристами, что также нашло отражение в мемуарах сибирских авторов.

Например, герой-рассказчик воспоминаний Знаменского передает услышанный однажды им, семилетним ребенком, разговор: «Вечером, когда жарко топились печь, хозяйская дочка, барышня, рассказывала о декабристе Якушкине: – Якушкин? Ой какой страшный... В вострой шапке, с усами... У него во дворе есть высокий столб. Он часто на него лазит. Говорят, он

колдует... погоду делает. Он тоже из несчастных» [13. С. 102].

Героиня-повествовательница Созонович подтверждает существование подобных рассказов о Якушкине: «...Иван Дмитриевич в самом деле подозревался в чернокнижии за собрание растений (он составлял гербарий растений Тобольской губ.), постоянную письменную работу, за клейку различной величины глобусов из картона, чтение книг, сначала даже и за катанье на коньках в отдаленной от города местности по р. Имбирею, так как он поздною порой при лунном свете неожиданно вылетал стрелой из развалин водяной мельницы и исчезал из вида случайных наблюдателей. При подобной обстановке в высокой, почти остроконечной шапке, в коротенькой шубейке, перетянутой кожаными ремешком, весь в черной одежде, при его худобе он должен был казаться народу **колдуном**, стремительно летевшим на пир или на совет к нечистой силе» [12. С. 128–129]. Объясняя все кажущиеся мистическими действия Якушкина его научными занятиями, любовью к активному образу жизни, подчеркивая его неординарный наряд, повествовательница чутко улавливала пропасть между народным языческим сознанием, уживавшимся с христианской верой, и сознанием просвещенного, образованного человека.

Таким образом, в мемуарных текстах проявляется индивидуально-авторская дифференциация точек зрения в отношении декабристов. Если ученики, близкие знакомые из числа местной интеллигенции воспринимали их прежде всего как своих учителей, как образцы жизнестроения, то крестьянский люд отнесся к декабристам изначально с настороженностью. В попытках понять другой (чужой) для их мировидения элемент, народ выстраивал свой миф, в котором образ декабриста тоже наделялся универсальными функциями, сверхчеловеческими возможностями воздействовать на всё и на всех, но эти возможности объяснялись связью с нечистой силой.

Показателен диалог крестьян, приведенный в воспоминаниях Знаменского:

«— Кто ж такой?

— Барин какой-то. Сказывали — Якушкин.

— С какого он боку барин? **Такой же как и наши брат — варнак**, — отозвалась кухарка.

— Да ты его за что? — вступился Петр.

— Сослали — значит, варнак. Был барин, да сплыл...

— Варнаков, тетка, секут, вот как нас с тобой, а его нет.

— Все едино, — продолжала мужеподобная девица и потом спросила

— Тебя за что?

— Я, вишь, мальчишкой от барина убежал; да все и бродяжил. Я — не помнящий.

— Ну, а я с барыней не помирила... А они, говорят, **хуже, хотели царя убить...**» [13. С. 102].

Здесь видим еще один ракурс восприятия декабристов: они — **варнаки**. Так в Сибири называли каторжников, ссыльных, в том числе беглых, позднее слово стало бранным, обозначая человека с преступными наклонностями. Так же в Сибири называли воров, мо-

шенников. Судя по диалогу, декабристы хуже варнаков, каковыми, как выясняется, Петр и «тётка» сами являются, поскольку декабристы совершили гораздо более тяжкое преступление, они **«хотели царя убить»**. Примечательно употребленное, по оценке повествователя, «мужеподобной девицей» вводное слово «говорят», подчеркивающее мотив тайны, слухов, покрывающих этих людей. Обращение Петра к женщине, участвующей в диалоге, «тётка», также как и ее оговорка «говорят», подчеркивает в передаче этого разговора повествователем, прежде всего, необразованность, невежество, неразвитость обоих.

Однако сибиряки постепенно привыкали к декабристам, впускали их в свою повседневность. Следствием этого стали достаточно частые обращения местных жителей за помощью к ссыльным, о чем также свидетельствуют мемуарные тексты сибирских авторов. Например, герой-повествователь Знаменского приводит следующую историю: «В передней хлопнула наружная дверь, и зазвонил колокольчик. Кто же это? <...> Там стоял промокший насквозь пожилой крестьянин, пришедший, по его словам, к его благородию с просьбицей насчет своего делишка. И он спокойно безыскусственным слогом начал повествовать о своих горьких хождениях по судебным мытарствам. <...> Пуцин предложил ему еще несколько вопросов. Записал, что нужно и, пообещав крестьянину похлопотать за него, возвратился к компании, сидевшей молча под влиянием тяжелого рассказа. <...> Пуцин сел к письменному столу и принялся за письмо. Всем сделалось легче, потому что все знали — в письме излагается дело только что ушедшего «Антон Горемыки». Все знали, что письмо Пуцина к губернским друзьям имеет большой вес. Знали это ялutorовцы и поэтому вскоре после его прибытия в город устремились к нему все униженные и оскорбленные, предпочитая его всем дипломированным адвокатам» [13. С. 110].

Как видим, в воспоминания сибиряков входят образы декабристов, всегда готовых помочь просящим, принять активное участие в судьбах крестьян, чем со временем они и заслужили народное сибирское признание. Так мемуаристы отражают еще одну грань создаваемого ими образа декабриста — человека добродетельного, несущего свет просвещения, служителя народа. А в целом многогранный образ декабриста, созданный в воспоминаниях сибиряков, включает следующие мифологемы: просветитель, духовный учитель, защитник и служитель народа, наделяемый чертами сакральности, с одной стороны, и колдун, чернокнижник, варнак, преступник, поднявший руку на царя, «чудной» — с другой стороны.

Одной из характерных черт жанровой поэтики мемуаров сибиряков о декабристах является их **портретность**: практически каждый из текстов посвящен описанию реальных исторических лиц, которые, будучи пропущены сквозь сознание мемуариста, наделяются индивидуальными характерами. «Индивидуальность конкретного реального человека, показываемая и интерпретируемая как неповторимо-целое, является тем центром притяжения, тем полюсом, к которому тя-

готеют и вокруг которого как бы располагаются различные элементы синтетического жанра», – писал по этому поводу В.С. Барахов [14. С. 48]. Именно историческая личность становится смыслообразующим центром в мемуарном дискурсе, направляя движение нарратора по типичной траектории: от характеристики личности к историко-культурным обобщениям. Таким образом, воспоминания сближаются, но не отождествляются с жанром литературного портрета, вплетая его элементы в общую повествовательную канву, выводя мемуары на метажанровый уровень¹. Можно сказать, что портрет как «синтез исторического и литературного, субъективного и объективного, реального и “домысливаемого”» [15. С. 10] становится основным художественным приемом, формирующим образ декабриста в мемуарах сибирских авторов, где очевидно стремление к психологизму.

Так, в воспоминаниях Белоголового создана целая портретная галерея декабристов (А.П. Юшневский, М.К. Юшневская, А.В. Поджио, О.В. Поджио, А.З. Муравьев, П.И. Борисов, А.И. Борисов, А.И. Якубович, Н.А. Панов, С.П. Трубецкой, Е.И. Трубецкая, С.Г. Волконский, М.Н. Волконская), позволяющая наиболее объемно увидеть декабристское общество в Сибири². Подробные, полные портреты декабристов, в которых переплетаются, дополняя друг друга, внешние и внутренние черты, составляют основу мемуаров Першина-Караксарского (М.А. Бестужев, И.И. Горбачевский, М.К. Кюхельбекер) и Францевой (М.А. Фонвизин, Н.Д. Фонвизина, П.Н. Свистунов, П.С. Бобрищев-Пушкин, Ф.Б. Вольф).

Кроме портретов декабристов, некоторые мемуарные тексты содержат характеристики местных жителей, что также способствует формированию объемного изображения описываемого биографического фрагмента. Так, например, в мемуарах А.П. Созонович появляются характеристики Анисьи Николаевны Балакшиной, дочери ялutorовского купца Н.Я. Балакшина, сблизившегося с И.И. Путиным, участвовавшего в организации И.Д. Якушкиным школы для мальчиков с ланкастерским методом обучения и женской школы. В этой школе, будучи наставницей Якушкина, училась, а потом преподавала Анисья Николаевна. Повествовательница воспоминаний А.П. Созонович представляет и портрет протоиерея Стефана Яковлевича Знаменского, настоятеля курганского Троицкого собора, также участвовавшего в открытии школ Якушкина.

В стремлении создать выразительный многогранный образ декабриста, сибирские авторы нередко прибегают к достраиванию действительности вымыслом, переводя повествование из документального, фиксирующегося достоверные факты, припоминаемые автором, в художественное, отличающееся мелкими деталями, вряд ли воспроизводимыми по памяти или такими, о которых мемуарист не мог знать, подобранными им в процессе создания мемуарного текста: «Якушкин выкурил еще трубку, пожелал покойной ночи и тоже вышел. Домой ему не хотелось. Он повернул к темневшим вдали роцам... Он обдумывал вопрос: каким образом о сегодняшнем событии дать знать в губернский город Тобольск? И он шагнул дальше и

дальше от мирно спящего города. Где же причина окружающего зла? Причина: всеобщее беспросветное невежество и глупость. Вот с ними-то и надо вести борьбу... Нужно доказать, что нужно вести борьбу даже и тогда, когда руки у тебя крепко связаны. И он шагнул дальше и дальше, стараясь успокоиться» [13. С. 106], – читаем в воспоминаниях Знаменского, запечатлевшего даже внутренний монолог декабриста. Очевидно, что созданный автором образ Якушкина шире реального воспоминания из раннего детства. В данной сцене биографический автор воплощается в образе Знаменского-рассказчика, при этом субъектность Знаменского-героя переходит на Якушкина-героя, который будто действует сам по себе, безотсылочно к памяти мемуариста.

Таким же самостоятельным, действующим персонажем становится Муравьев: «Муравьев же вовсе не смыкал очей в эту ночь. Оставшись один в своем кабинете, он беспокойно принялся бегать из угла в угол. По временам он бросался в свои покойные кресла и принимался за газеты, привезенные Каролиной Карловной, но буквы и строчки мелькали в его глазах. И он бросал газеты, брался за трубку и снова принимался мерять диагональ своей комнаты. Так и прошла вся ночь. Утром по обыкновению он вылил на себя в бане два ведра холодной воды и почувствовал себя бодрее. Он вышел на чистый дворик, сияющий утренним светом. На крыльце сладко спал пожарный, охранявший приезжую. Вскоре явился к чаю Якушкин и рассказал о своем предприятии. Мрачное расположение духа Муравьева сменилось надеждой и он застучал по клавишам» [13. С. 107].

И чем далее мы продвигаемся по ткани мемуаров Знаменского, тем отчетливее проявляются отличительные черты именно **художественных образов героев**: «Якушкин готовил необходимые наглядные пособия для школы – склеил превосходный большой глобус. Он с любовью смотрит на свое произведение. Грезится ему, что пройдет немного годов и в Ялutorовске и его окрестностях не останется ни одного безграмотного; умная, честная, хорошая книга заменит и вытеснит штоф водки; может быть, имена их, невольных временных жильцов, будут помянуты с любовью. Окончив глобус, Якушкин подошел к столу, чтобы записать свои метеорологические наблюдения: барометр предсказывал грозу» [13. С. 108].

В конструировании мемуаристом исторического события проявляется так называемый «фермент “недоверности”», заложенный в самом существе жанра» воспоминаний [16. С. 9], детерминированный субъективностью индивидуально-авторской рецепции. В этой связи воссоздание фрагментов реальной действительности дистантно во времени, с учетом настоящей для автора точки зрения, приводит к формированию нового мирозобраза, в котором существенно значим фикциональный компонент. Это, в свою очередь, формирует новый, эстетически организованный уровень мемуарного повествования, надстраивающийся над документальным. Такого рода синтез документального и художественного приводит к усилению эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя мемуаров.

Более того, редуцированный факт исторической действительности может оказаться менее значим, чем эстетически оформленный комплекс, выраженный в созданных автором-творцом документально-художественных образах, транслирующих оригинальную точку зрения, пропущенную через эстетическую картину мира мемуариста и его ценностные установки. В ней прослеживаются внутренние процессы самонаблюдения автора, его внутренняя динамика, через которую реализуется построение образов мемуарного произведения.

Наряду с этим мемуары имманентно интертекстуальны, вследствие чего обладают своеобразным нарративным многоголосием. Оно выявляется прежде всего в использовании автором чужого слова, которое, конечно, являясь примером транстекстуальных отношений, становится той самой спецификой мемуарного нарратива, что, в свою очередь, приводит к формированию многоголосого опосредованного чужим сознанием повествования, для которого имманентна речевая фрагментарность и особая авторская модальность. При этом вшитое в мемуары чужое сознание постоянно высвечивается. Например, когда герой-нарратор Белоголового представляет портрет А.П. Поджио, он отмечает, что данные для него были позаимствованы из рассказов самого декабриста: «<...> из рассказов А.В. Поджио за это время я ничего не мог бы прибавить такого.. что дало бы новые и доселе еще неизвестные подробности» [4. С. 26].

Мы видим в мемуарном тексте наличие внутри одного нарратива другие протонарративы, послужившие неким первичным текстом, что соотносимо с **нарративным палимпсестом**, где один текст просвечивает через другой, «вплоть до главного – архитекта» [17. С. 222]. В нашем случае это, скорее, архинарратив: рассказы реальных людей, их воспоминания, воспринятые мемуаристом, переработанные и актуализированные (концептуализированные) им как собственные воспоминания, транслируемые нарратором. Вследствие этого мы можем говорить о многоголосом мемуарном нарративе и, более того, интернарративе (подобно интертексту), который является отражением не только инкорпорированных в мемуарный текст индивидуализированных чужих сознаний, но и воплощением общей памяти народа. В этом смысле понятие палимпсеста представляется весьма продуктивным в понимании природы мемуарного нарратива, в том числе в связи с мифотектоникой сибирского текста.

С одной стороны, палимпсест присутствует как способ организации человеческой памяти вообще, где мысли и воспоминания находятся в бесконечном наложении, просвечивая друг через друга, переплетаясь в своей одновременности [18. Т. 1. С. 101]. С другой, говоря о сибирском тексте как некоем мифогенном архитексте, мы улавливаем «напластывание текстов – семиотическое образование палимпсестного характера» [19]. Текст «явно или тайно» оказывается «связан с другими текстами» [18. Т. 2. С. 338] в единую сеть, где особый интерес представляют именно общие смысловые узлы, в нашем случае – это мифологемы Сибири, прежде всего, как ключевого топоса и декабристов как

осмысляемых в историческом контексте субъектов. Кроме того, сама память как палимпсестная структура в то же время становится частью мемуарного повествования.

Например, у Белоголового читаем: «*Доктор Вольф умер тоже в первой половине 40-х годов, а потому я его не помню, но память о нем долго сохранялась в иркутском обществе, как о весьма искусном и гуманном враче; вера в него была такая, что и двадцать лет спустя мои иркутские пациенты мне показывали его рецепты*» [4. С. 31]. Как видим, в мемуарный текст входит ключевой **мотив памяти**: вещи, связанные с декабристами, бережно хранятся нарратором, а истории, составляющие основу народных «преданий» о декабристах, передаются читателям, обрастая новыми деталями.

Мотив памяти в мемуарах проявляется и в фиксации самого процесса вспоминания прожитого опыта, что выражается, в том числе, на языковом уровне авторской модальности, например, в присутствии следующих слов-маркеров: *кажется, помню, видно, чуть ли, смутно припоминаю, не могу наверное припомнить, вспоминается, забыл* и др. Эфемерность воспоминаний выражается и в целых синтаксических конструкциях: «*память мне изменяет, и я смутно вызываю в себе только немногие подробности этого первого приезда нашего в М. Разводную*» [4. С. 2]; «*невольнo должен ограничиваться только смутными воспоминаниями, которые у меня сохранились, причем все крупное и рельефное проходило для меня незамеченным, а врезывались в памяти все такие впечатления, которые более были доступны моему детскому пониманию*» [4. С. 9].

Кроме того, именно в воспоминаниях Белоголового ярко проявляется не только индивидуализированный протонарратив (рассказ Поджио), но и коллективный, по своей природе сближаемый со **слухами**. Так, в портрете Волконского встречаем прямое на то указание: «<...> в городе носился слух, что он был очень скуп». Сюда же можно отнести характеристики образов Волконской («*Говорят, она была хороша собой, но, с моей точки зрения 11-летнего мальчика, она мне не могла казаться иначе, как старушкой, так как ей перешло тогда за 40 лет*» [4. С. 37] (в этом примере отражается авторская рефлексия о памяти, осознание искаженности воспоминаний, в данном случае, в силу юного возраста нарратора) и Трубецкой («*иного отзыва о ней не слышал, как тот, что это была олицетворенная доброта, окруженная обожанием не только своих товарищей по ссылке, но и всего оекского населения*» [4. С. 35]). Можно сказать, что рассказы о декабристах, передаваемые из уст в уста, образуют аутентичный фольклор о ссыльных, ретранслируемый в мемуарах сибирских авторов.

Но не только народное слово и народная память вплетены в мемуарную ткань сибирских воспоминаний о декабристах, в ней встречаются целые фрагменты из «чужих» текстов, например, письма М. Бестужева и И.И. Горбачевского, включенные в воспоминания Першина-Караксарского; или песни в мемуарах Знаменского («*Бывало, в доме преобишрном, / В кругу*

друзей, среди родных/ Живешь себе в веселье мирном/ И спишь в постелях пуховых» [13. С. 104]), или цитаты из чужих воспоминаний в записках Ефимова (Л.Ф. Львова, А.Ф. Фролова, А.И. Одоевского, А.П. Беляева).

Эта вторичная рецепция, отсылки (явных – письма Бестужева или неявных в форме реминисценций) к другим текстам и нарративам отражает жанровую особенность мемуаров, обусловленную наличием разного рода транстекстуальных отношений. В текстах воспоминаний органично переплетается авторское слово, выраженное героем-повествователем, и слово чужое, за которым скрыт иной текст. Эта многослойность, приводящая к композиционной и содержательной сложности, и характеризует мемуары как палимпсест, в котором не только присутствует скрытый текст, но и просматривается за индивидуально-авторским нарративом чужой протонарратив.

Помимо того, одной из характерных черт анализируемой мемуаристики является композиционная мозаичность. Такую особенность можно соотнести с приемом монтажа, в котором «преобладает прерывность (дискретность) изображения, его “разбитость” на фрагменты» [20. С. 277], что обусловлено спецификой памяти человека, где действительность рецептируется фрагментами реальности, выхваченными в определенном времяпространстве и закрепленными в виде ярких значимых для реципиента кадров. Однако, обладая фрагментарностью, тексты воспоминаний не являются в полной мере фрагментарной прозой в том смысле, в котором данный термин используется некоторыми исследователями литературы [21]. Мемуары обладают четко определяемой авторской интенцией, они всегда вписаны в исторический контекст и, несмотря на присущую им свободу (в смене точек зрения, в переключении ролей, в перемещениях между разными время-пространствами), они все же ограничены и документально-художественной формой, и жанром как таковым. Фрагментарные воспоминания (отпечатки, запечатленные кадры действительности) в процессе их ретрансляции и фиксации монтируются (сшиваются) в единый целостный текст, отражающий сложный комплекс авторских впечатлений, ассоциаций (опыт), авторской модальности, которая, в свою очередь, «открыто эксплицирует концептосферу языковой личности и передает стратегию повествования» [22. С. 13].

При этом наиболее важное значение имеет связь кадров (узлов повествования), опосредуемая фигурой автора. Это могут быть вставные истории (например, про ссыльного М.С. Гаевского, причастного к движению декабристов, у Белоголового), ретроспективы и проспекции, различные точки зрения. Все это свидетельствует об особом положении автора по отношению к описываемым событиям, в котором он внеаудим героям и всему художественному миру, он над ними, в другом пространственно-временном континууме. Эта позиция «над» событиями, характеризующаяся, в том числе, знанием автором всей полноты картины, отличается «эпической широтой» [20. С. 279–280].

Так, воспоминания Белоголового, начинающиеся с первой встречи с декабристами, затем переносят читателя из детства автора в его юность, и уже с этой точки зрения они описываются повествователем, фиксирующим произошедшие за это время изменения в их жизни: А.В. Поджио женился, стал отцом, занялся золотодобычей; П.И. Борисов «окончательно погреб себя заживо в малоразводничьем домике, из окон которого только и был виден мертвый двор, поросший крапивой, лебедой и лопухом, и где он доживал свои дни вместе со своим помешанным братом Андреем и старым котом Гарушиным» [4. С. 93]. Существует и еще одна позиция нарратора – времени написания мемуаров, отражающая эмоциональную индивидуально-авторскую рефлексию с высоты прожитых лет: «Писал я эти воспоминания, будучи сам 60-летним и больным стариком, стоя одною ногой в гробу и желая перед смертью очистить свою совесть, воздавая должное этим людям за то, чем считал им себя обязанным и за что внутренне благодарил их всю жизнь» [11. С. 41].

Герой-повествователь Першина-Караксарского не только свободно перемещается во времени, но и меняет функции автора: «Таков был **первый день моего знакомства с Михаилом Александровичем Бестужевым. Этому минуло чуть не полвека, а в настоящее время, когда я решился огласить в печати мои воспоминания, исполнился 80-летний юбилей со дня декабрьских дней**» [2. С. 540] – рассказчик сначала перемещается из 1859 г. в 1905 г. (где он уже в роли повествователя), потом в 1925 г. (внеаудимый автор-творец): «**Восемьдесят лет тому назад, 14 декабря, лучшие образованные люди того времени на Сенатской площади кровью запечатали свои идеи**» [2. С. 540]. Это «трансгрессирование» нарратора создает сложную и невероятно объемную картину конструируемой действительности, затягивающую имплицитного читателя, который вслед за героем-повествователем становится своеобразным путешественником во времени. В этом проявляется специфическая динамика мемуарного произведения, где ретроспективный взгляд, чередующийся с проспекциями («**Неволью увлечься физиономией Петровского Завода, я сделал опять значительное отступление и прервал нить рассказа. От удручающих картин перехожу к более светлым**» [2. С. 558]), осложняется и рефлексивной позицией автора из будущего.

Таким образом, в мемуарах сибирских авторов о декабристах встречаем явное смещение в сторону фикциональности повествования. Репрезентация их центральных образов – декабристов, проявившаяся в некоторых мемуарных текстах в позиции авторской внеаудимости, привела к проявлению «избытка видения» и конструированию нового художественного мирозобраза. Герои начинают жить в нём своей собственной, неподвластной мемуаристу жизнью, что проявляется в субъективной индивидуализированной траектории движения в мемуарном пространстве как на физическом уровне (перемещение в пространстве), так и на уровне внутренней жизни героя (мысли, чувства, переживания). Такая авторская позиция мемуари-

ста отличается от той, в которой находились декабристы, создавая свои воспоминания. В этом – специфика мемуарных текстов сибиряков, посвященных декабристам, в которых осознанное продуцирование фикционального уровня произведения было обусловлено конструированием сибирского мифа о декабристах.

В связи с этим закономерным результатом социокультурного влияния декабристов на регион, на формирование местной литературы, где одним из начальных продуктивных жанров становятся мемуары, в том числе посвященные ссыльноаторжным. Наполненные эмоциональной рефлексией (переживанием переживания) воспоминания задают иной угол зрения, изнутри, на общество декабристов, и в их лице – на центральную Россию, ее передовые идеологии. При этом процесс создания мемуаров как диалог с нехудожественной действительностью, отражающий дистантную рефлексию, сложную по своей структуре, задает тот особый эмоционально-экспрессивный уровень авторской модальности, который отражает аутентичный мифотектонический подтекст, характерный как для корпуса воспоминаний сибирских авторов, так и для всего сибирского текста. Последний, в свою очередь, есть политекстуальное единство, в котором происходит взаимоложение текстов, образующее мегатекстовое смысловое пространство [19].

Говоря о некоем семантическом ядре воспоминаний сибиряков о декабристах, отметим наличие в них ретрансляции народных преданий, фольклора, комплекса авторских нарративов, что формирует сибирский миф о декабристах как один из существующих «изводов» [23. С. 9] декабристского мифа в целом, который становится не только источником ключевых компонентов образа декабриста в Сибири XIX в., но и способом осмысления движения истории и человека в ней, ведь «не существует другого способа приобретения понимания любого общества, включая наше собственное, кроме освоения множества историй, которые составляют исходный драматический ресурс общества. Мифология, в ее исходном смысле, есть сердцевина вещей» [24. С. 292]. Действительно сибирский миф о декабристах – мифогенный центр в декабрист-

ском дискурсе в целом. Так, основополагающими мифологемами в сибирском мифе о декабристах можно назвать подвиг принесения себя в жертву, подвиг дарения «Прометеева огня» (просвещения), подвиг самоотречения. Это смысловое наполнение образа декабристов способствовало формированию образа героя-декабриста, который был достаточно продуктивен вплоть до конца XX в.

Кроме того, в мемуарах сибирских авторов проявляются и другие специфические черты сибирской мемуаристики. Еще неуверенная, находящаяся в процессе зарождения, она была достаточно фрагментарна и эклектична. Порой чересчур «сухая» и документальная (например, воспоминания О.Н. Балакшиной), иногда она являет собой настоящее художественное повествование, где биографические герои обладают самостоятельным голосом (многоголосие в мемуарах М.С. Знаменского). В сложной палимпсестной структуре мемуарного нарратива сибирских авторов высвечиваются не только транстекстуальные отношения сами по себе, но и видится социокультурная диалогичность, выразившаяся, в том числе, в центральном пространстве трансграничья, где находятся не только сами декабристы (гетеротопия, переходное пространство), но и, опосредованно, их ученики, для которых Сибирь – это уже утопичное пространство, формируемое в процессе воспоминания. Такая многоуровневая структура мемуарного произведения, насыщенная отсылками, вставными текстами, чужой речью, соотносится с монтажной организацией композиции, в центре которой вненаходимый автор, видящий и пространство, и действующих в нем лиц из иного пространственно-временного континуума. Органично меняя роли и точки зрения, автор-творец разворачивает перед читателем своего рода панораму Сибири, где живет его герой-праведник, декабрист.

В этой связи можно утверждать, что мемуары сибирских авторов о декабристах, обладающие самостоятельным социокультурным объемом, содержащие попытки реконструкции исторической действительности и ретранслирующие народную память, принципиально важны в изучении сибирского текста в контексте регионального литературного процесса.

Примечания

¹ Подробнее см.: Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации: На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 28 с.

² См., напр., портрет А.П. Юшневского.

Список источников

1. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35–55.
2. Першин-Караксарский П.И. Воспоминания о декабристах // Исторический вестник. 1908. Т. 114. С. 537–569.
3. Басаргин Н.В. Записки Николая Васильевича Басаргина. М. : Тип. Ф. Иогансон, 1872. 171 с.
4. Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М. : Типо-лит. К.Ф. Александрова, 1897. 654 с., 9 л. ил.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
6. Ефимов И.В. Заметки на воспоминания А.Ф. Львова // Русский архив. 1885. № 12. С. 553–564.
7. Францева М.Д. Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. 1988. Т. 32. С. 381–412, 610–640.
8. Белоголовый Н.А. Свидание с гр. Л.Н. Толстым // Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М. : Типо-литография К.Ф. Александрова, 1897. С. 642–654.
9. Францева М.Д. Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. 1988. Т. 33. С. 61–87.
10. Волконская М.Н. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. Бумаг, 1904. 212 с.
11. Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний С.И. Черепанова, напечатанные в «Древней и новой России» 1876 г. Казань : Типо- и лит. А.И. Линимайер, 1879. 82, [1] с.
12. Созонович А.П. Из воспоминаний А.П. Созонович // Декабристы. Материалы для характеристики. М. : Зензинов, 1907. С. 117–171.

13. Знаменский М.С. Детство среди декабристов // Сибирские огни. 1946. № 2. С. 101–111.
14. Барахов В.С. Литературный портрет (истoki, поэтика, жанр). Л.: Наука, 1985. 312 с.
15. Руднева И.С. Искусство словесного портретирования в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2011. 21 с.
16. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1976. 448 с.
17. Шатин Ю.В. Минья и палимпсест // Ars interpretandi: сборник статей к 75-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. С. 222.
18. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. Т. 1–2.
19. Тюпа В.И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Новый филологический вестник. 2011. № 3. С. 122–137.
20. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 432 с.
21. Тарнарукская Е.В. Монтаж и фрагментарная проза: к вопросу о разграничении техник // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2–1. С. 230–234.
22. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 48 с.
23. Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти. 2000–2014 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 48 с.
24. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.

References

1. Tartakovsky, A.G. (1999) Memuaristika kak fenomen kultury [Memoir writing as a cultural phenomenon]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 35–55.
2. Pershin-Karakssarskiy, P.I. (1908) Vospominaniya o dekabristakh [Memoirs about the Decembrists]. *Istoricheskii vestnik*. 114. pp. 537–569.
3. Basargin, N.V. (1872) *Zapiski Nikolaya Vasilevicha Basargina* [Notes of Nikolai Vasilievich Basargin]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
4. Belogolovyy, N.A. (1897) *Vospominaniya i drugie stat'i* [Memoirs and Other Articles]. Moscow: Tipo-lit. K.F. Aleksandrova.
5. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis; Izdatel'skaya gruppa "Progress".
6. Efimov, I.V. (1885) Zametki na vospominaniya A.F. Lvova [Notes on the memoirs of A.F. Lvov]. *Russkiy arkhiv*. 12. pp. 553–564.
7. Frantseva, M.D. (1988) Vospominaniya M.D. Frantsevoy [Memoirs of M.D. Frantseva]. *Istoricheskii vestnik*. 32. pp. 381–412, 610–640.
8. Belogolovyy, N.A. (1897) Svidanie s gr. L.N. Tolstym [Meeting with Count L.N. Tolstoy]. In: Belogolovyy, N.A. *Vospominaniya i drugie stat'i* [Memoirs and Other Articles]. Moscow: Tipo-litografiya K.F. Aleksandrova. pp. 642–654.
9. Frantseva, M.D. (1988) Vospominaniya M.D. Frantsevoy [Memoirs of M.D. Frantseva]. *Istoricheskii vestnik*. 33. pp. 61–87.
10. Volkonskaya, M.N. (1904) *Zapiski knyagini Marii Nikolaevny Volkonskoy* [Notes of Princess Maria Nikolaevna Volkonskaya]. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. Bumag.
11. Cherepanov, S.I. (1879) *Otryvki iz vospominanii S.I. Cherepanova, napechatannye v "Drevney i novoy Rossii" 1876 g.* [Fragments from the memoirs of S.I. Cherepanov, printed in "Drevnyaya i novaya Rossiya" in 1876]. Kazan': Tipo- i lit. A.I. Linimaier.
12. Sozonovich, A.P. (1907) Iz vospominanii A.P. Sozonovich [From the memoirs of A.P. Sozonovich]. In: *Dekabristy. Materialy dlya kharakteristiki* [Decembrists. Materials for characterization]. Moscow: Zenzinov. pp. 117–171.
13. Znamenskiy, M.S. (1946) Detstvo sredi dekabristov [Childhood among the Decembrists]. *Sibirskie ogni*. 2. pp. 101–111.
14. Barakhov, V.S. (1985) *Literaturnyy portret (istoki, poetika, zhanr)* [Literary Portrait (origins, poetics, genre)]. Leningrad: Nauka.
15. Rudneva, I.S. (2011) *Iskusstvo slovesnogo portretirovaniya v russkoy memuarно-avtobiograficheskoy literature vtoroy poloviny XVIII – pervoy treti XIX vv.* [The art of verbal portraiture in Russian memoir-autobiographical literature of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
16. Ginzburg, L.Ya. (1976) *O psikhologicheskoy proze* [On Psychological Prose]. Leningrad: Khudozh. lit.
17. Shatin, Yu.V. (1997) Minya i palimpsest [Menaion and palimpsest]. In: *Ars interpretandi: sbornik statei k 75-letiyu professora Yu.N. Chumakova* [Ars interpretandi: a collection of articles for the 75th anniversary of Professor Yu.N. Chumakov]. Novosibirsk. p. 222.
18. Genette, G. (1998) *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
19. Tyupa, V.I. (2011) Mifopoetika sopryazheniya khudozhnika i zhizni [The mythopoetics of the conjunction of the artist and life]. *Novyy filologicheskii vestnik*. 3. pp. 122–137.
20. Khalizev, V.E. (2013) *Teoriya literatury: uchebnik dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya* [Theory of Literature: a textbook for students of higher professional education institutions]. 6th ed. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
21. Tarnarutskaya, E.V. (2012) Montazh i fragmentarnaya proza: k voprosu o razgranichenii tekhnik [Montage and fragmentary prose: on the issue of distinguishing techniques]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2–1. pp. 230–234.
22. Romanova, T.V. (2015) *Modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoy memuarноy literature* [Modality as a text-forming category in modern memoir literature]. Abstract of Philology Dr. Diss. SPb.
23. Erlikh, S.E. (2015) *Dekabristy v istoricheskoy pamyati. 2000–2014 gg.* [Decembrists in historical memory. 2000–2014]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.
24. MacIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory]. Translated from English by V.V. Celishcheva. Moscow: Akademicheskii Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga.

Информация об авторе:

Михайленко К.А. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Mikhaylenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025;
одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 17.01.2025;
approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 81'28
doi: 10.17223/15617793/512/5

Функции цветообозначений в автобиографической прозе Ирины Одоевцевой «На берегах Невы»

Шуан Се¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, xy131521@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются семантика и функции прилагательных цветообозначения в произведении Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Отмечено, что цветочные прилагательные могут использоваться для описания внешности человека, передавать его внутреннее состояние, отражать культурный и социальный контекст, раскрывать физическое и эмоциональное состояние героев произведения, а также активизировать и стимулировать их воспоминания. Прилагательные цвета детализируют содержание произведения, наполненное символикой, передавая атмосферу места, облик города, социальный статус героев, смену времен года.

Ключевые слова: автобиографическая проза, память, цветообозначения, образ, прилагательные

Для цитирования: Се Ш. Функции цветообозначений в автобиографической прозе Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 42–51. doi: 10.17223/15617793/512/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/5

The functions of color terms in Irina Odoevtseva's autobiographical prose *On the Banks of the Neva*

Xie Shuang¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, xy131521@yandex.ru

Abstract. When interacting with the world around us, we primarily rely on the sense of perception such as vision, one of its main functions being the recognition of color. The aim of the article is to identify the functions and semantics of color-denoting adjectives in Irina Odoevtseva's work *On the Banks of the Neva*. The primary source of material was the autobiographical prose *On the Banks of the Neva*, from which 267 statements were selected, featuring 46 adjectives with color semantics. The study employed the method of linguistic description. Contextual and quantitative analysis methods were used for lexical analysis. The study was conducted in several stages: (1) identification of words with color semantics in the text of the work; (2) systematization of color-denoting adjectives based on the objects they describe; (3) counting of the frequency of color vocabulary usage; (4) analysis of the functions and meanings of color adjectives based on the contexts in which they are used; (5) analysis of the figurative meanings of color adjectives. In *On the Banks of the Neva*, color adjectives play a significant role not only in creating vivid visual images but also in reflecting the author's emotional world and memories. Color serves as a powerful tool that aids in reviving memory and reconstructing images of the past. Odoevtseva's recollections are imbued with a range of colors. Irina Odoevtseva prefers to use color adjectives that are simple in structure and direct in meaning, avoiding complex and multi-component combinations. A characteristic feature of Odoevtseva's style is the introduction of series of homogeneous sentence elements, in which a particular color adjective is placed, forming contextual synonyms with adjectives of different semantics and linking them through associative connections. This technique allows the author to convey her personal perception of long-past events and people involved in them. The urban space is colored in muted tones. Black, white, gray, and blue set the overall tone of St. Petersburg, conveying its heavy and oppressive atmosphere. However, when describing the poets and the city's inhabitants, the colors become more diverse. Instead of dark shades, bright colors appear, contrasting with the city's grayness. This adds emotional depth to the images of the poets, setting them apart from the monotonous black-and-white world. Color adjectives reflect the cultural and social context, reveal the physical and emotional state of the characters and their social status, convey character traits, and shape the image of the city. In the analyzed work, the author organically and with utmost precision reproduces an important stage of her life and of society, which allows the text to be viewed as a document of its era. At the same time, the work is imbued with individual associations, including color-related ones, which defines its stylistic uniqueness.

Keywords: autobiographical prose, memory, color terms, image, adjectives

For citation: Xie, Sh. (2025) The functions of color terms in Irina Odoevtseva's autobiographical prose *On the Banks of the Neva*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 42–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/5

Постановка проблемы

При соприкосновении с окружающим нас миром мы в основном полагаемся на такой орган восприятия, как зрение, одна из главных функций которого – распознавание цвета. Цвет является неотъемлемой частью человеческой культуры, так как он несет в себе информацию исторического, культурного и эмоционального характера. Как отмечает А. Вежицкая, «цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические явления» [1. С. 257]. Все сферы общественной жизни наполнены цветом: литература, живопись, наша повседневная жизнь, ведь цвета определяют то, как мы воспринимаем окружающий мир. По мнению З.И. Комаровой и М.Б. Талапиной, цвет «представляет собой схему восприятия, в соответствии с которой у всех объектов окружающего нас мира выделяется характеристика “окрашенности”, передаваемая в языке посредством прилагательных цвета» [2. С. 33].

В настоящее время лексика цветообозначения стала неотъемлемым элементом изучения различных видов дискурса: поэтического [3], регионального и общероссийского [4], рекламного [5], юридического [6], мифологического [7], художественного [8] и т.д. Существует большое количество исследований, объектом которых является изучение цветовой лексики, в частности, анализ цветowych прилагательных. Так, Н.В. Белова делает акцент на анализе словообразовательной транспозиционной парадигмы русских прилагательных и описывает его семантико-коммуникативный потенциал [9]. А.П. Василевич рассматривает проблемы этимологии цветоименований [10]. Исследование цветовой лексики осуществлено как в поэзии [11], так и в прозаических произведениях. В числе авторов, занимавшихся этой проблематикой, можно выделить Г.К. Тойлибаеву [12], Т.Ю. Зимину-Дырду [13] и других.

Г.К. Тойлибаева подчеркивает, что цветовая лексика выполняет множество функций: она играет роль лейтмотива, формирует образы и основные темы произведения, а также связывает персонажей и сюжетные ситуации, создавая их единую структуру. Цветовая лексика выделяет ключевые элементы повествования, способствует динамичности изображения, выполняет функции стилизации и пародии. Особое внимание уделяется оценочной функции цветовой лексики [12].

Цветовая лексика в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А. М. Фёдорова выполняет различные функции, такие как создание образов, передача эстетической и символической значимости. Цветообозначения также играют важную роль в психологической характеристике персонажей, формировании пророчеств и предупреждений. Цвет помогает выделить в произведении важные и светлые мотивы, показать типологическое сходство персонажей, изобразить конфликты и ситуации [13].

Лексикографическое описание цветовой лексики представлено в Словаре цвета: полная версия: около 6,5 тыс. слов в 12,5 тыс. контекстов, составленного В.К. Харченко [14].

Обзор существующих работ показывает, что исследовательский интерес к цветовой лексике не ослабевает, а продолжает расти.

Автобиографическая проза – жанр, основанный на памяти рассказчика. Он фокусируется на воссоздании сцен прошлого через личный опыт и восприятие. Память – это не просто воспоминание, а процесс языкового воспроизведения личного опыта, насыщенного деталями воспоминаний. Эти детали выражаются через цветочные прилагательные, которые отражают авторское восприятие и интерпретацию прошлого. В этом контексте идиостиль проявляется не только в выборе событий, но и в их языковой интерпретации. Идиостиль определяется как уникальная форма выражения автора в языке и как «творческая индивидуальность автора плюс языковые средства ее выражения» [15. С. 9], где такие элементы, как цветочные прилагательные, составляют основу этой индивидуальности.

Цель статьи – выявить функции и семантику прилагательных цветообозначения в произведении Ирины Одоевцевой «На берегах Невы».

Новизна исследования заключается в том, что впервые проведен анализ функций и семантики (включая переносные значения) прилагательных, обозначающих цвет, в автобиографическом тексте. Данные, полученные на основе анализа 267 высказываний, содержащих 46 таких прилагательных, свидетельствуют об индивидуальном использовании цветочных обозначений автором.

Выбор материала обусловлен тем, что в автобиографической прозе Ирины Одоевцевой отражен достаточно длительный период истории России, а также представлены жизнь и творчество русских поэтов в переломный период истории.

В работе использован метод лингвистического описания. Для анализа лексики применялись методы контекстуального и количественного анализа.

Исследование осуществлялось в несколько этапов: 1. Выявление слов с семантикой цвета в тексте произведения. 2. Систематизация прилагательных цветообозначения в зависимости от описываемых ими объектов. 3. Подсчет частоты употребления цветочной лексики. 4. Анализ функций и значений цветочных прилагательных на основе контекстов их употребления. 5. Анализ переносного значения цветочных прилагательных.

Результаты исследования

Л.А. Качаева отмечает, что «изображение цвета в литературе – не самоцель, и все тончайшие цветочные оттенки существуют не сами по себе, не вне художественного целого, а служат воплощению творческих замыслов художника слова. И здесь, в использовании цвета, лежит, без сомнения, одна из наиболее индивидуальных черт авторского видения мира и воплощения его в художественной практике» [16. С. 86].

Р.М. Фрумкина пишет, что в русском языке «наивная картина мира» включает не только хроматические цвета (так называемые “семь цветов радуги”), но и такие, как розовый, коричневый, а также ахроматические – белый, черный и серый. Носители языка воспринимают их как “основные” с обширным спектром оттенков, тогда как менее распространенные относятся к категории “прочих (оттеночных)” [17. С. 64–66].

По способу образования И.В. Макеенко выделяет следующие группы:

а) сложные, содержащие форманты ярко-, светло-, темно-, нежно-, уточняя интенсивность окраски;

б) двусоставные, представляющие собой наименования смешанных цветов или разноцветных объектов: сине-белый, желто-зеленый [18. С. 28].

В тексте Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» представлено 46 прилагательных, которые имеют в 285 словоупотреблений. На основе проведенного описания групп цветowych прилагательных мы классифицировали выявленные цветowe прилагательные следующим образом:

Первая группа: прилагательные ахроматических цветов (82 употребления): черный (38), белый (32), серый (12).

Вторая группа: прилагательные хроматических цветов, а также розовый и коричневый (84 употребления): красный (24), синий (12), зеленый (12), голубой (12), коричневый (10), розовый (9), желтый (4), оранжевый (1).

Третья группа включает прилагательные оттеночных цветов (97 употреблений): *бледный* (19), *золотой* (15), *рыжий* (13), *светлый* (9), *темный* (8), *пестрый* (8), *седой* (6), *смуглый* (3), *малиновый* (2), *серебряный* (3), *алый* (1), *рыженький* (1), *палевый* (1), *золотистый* (1), *красноватый* (1), *лазурный* (1), *пунцовый* (1). Следует отметить, что к этой группе также относятся прилагательные *разноцветный* (2), *малахитовый* (1) и *япислазуревый* (1). «Темный» и «светлый» рассматриваются как элементы, относящиеся к цвету, в соответствии с утверждением Е.А. Кожемяковой о том, что насыщенность цвет может быть охарактеризован как «светлый» или «темный» при выделении «яркости» как отдельной характеристики цвета [19. С. 8–9].

Четвертая группа – цвета, указывающие на более детализированные оттенки, образованные составными и двухсложными прилагательными (22 употребления): ярко-желтый (3), светло-белый (2), темно-белый (2), темно-синий (2), ярко-зеленый (2), кроваво-красный (2), ярко-рыжий (1), светло-голубой (1), матово-бледный (1), бедно-серый (1), бело-розовый (1), пепельно-серый (1), сияющий-белый (1), светло-голубой (1), черно-рыжий (1).

Ирина Одоевцева широко использует цветowe прилагательные для описания различных сторон жизни персоналий. Стоит отметить, что в произведении «На берегах Невы» такие единицы приобретают дополнительный смысл в зависимости от контекста, в котором они используются.

В тексте прилагательные используются в следующих случаях (порядок групп определяется частотностью единиц, в неё входящих):

1. Описание одежды (одежда, детали, аксессуары) производится с использованием прилагательных из различных групп.

1) Прилагательные ахроматических цветов (34): белый (15), черный (11), серый (8).

Белый: белый галстук, белый жилет, белое кисейное платье, белая матроска, белая шапка, белая рубашка, белая шляпа, белые носки, белые рукава, доха с

белым рисунком. **Черный:** черный бант, черный пиджак, черный платок, черный шнурок, черная разлетайка, черная шапочка, черная лента, черные носки. **Серый:** серый платок, серый воротник, серое пальто, серая тужурка, серая шляпа, серые сапожки.

При описании одежды чаще всего встречается прилагательное «белый»: *В то июльское воскресенье 1920 года, когда она открыла мне кухонную дверь, я, хотя и знала, что к Гумилеву на три дня приехала его жена, все же решила, что эта стриженная девочка-ломака в белой матроске, в сандалиях и коротких чулках никак не может быть женой и матерью* [20. С. 76]. В этом контексте подробное описание одежды используется для передачи контрастов, противоречий между ожиданиями и реальностью, что дополняет образ жены Гумилева.

«Белый» усиливает образ внешности персонажа в памяти: *На первой лекции Гумилева мы сами читали свои стихи, и Гумилев высказывал снисходительные суждения. Помню стихи, которые читал Коля Чуковский, его милое мальчишеское большеносое лицо, его удивительно чистую белую рубашку с разорванным от плеча рукавом* [20. С. 34]. Белая рубашка становится отличительным знаком в конкретных воспоминаниях автора о Чуковском. Визуальное воспоминание поддерживается и усиливается словосочетанием «удивительно чистая». Описание цветowych деталей одежды делает воспоминание конкретным, а не просто смутным впечатлением.

Необходимость выбора предметов одежды определенного цвета помогает рассказчику локализовать соответствующий фрагмент памяти: *Не смогу надеть фрак. Ведь все мои носки белые, шерстяные. В них невозможно, – повторял он, горестно вздыхая. Мне было смешно, но я старалась выразить сочувствие. Я вспомнила, что у меня дома, по всей вероятности, найдется пара черных носков моего отца* [20. С. 205]. Ситуация с белыми и черными носками вызывает активацию связанных воспоминаний. Одновременно цветowe прилагательное косвенно отражает характеристику личности персонажа: *Если не будет черных носков, – неожиданно решил Гумилев, – я вообще не пойду. Без фрака не пойду! Ни за что не пойду!* (это произошло на торжественном собрании, посвященном 84-й годовщине смерти Пушкина) [20. С. 205]. Черный цвет в одежде обычно ассоциируется с формальным и строгим дресс-кодом. И в тон к фраку Гумилев выбрал только черные носки. Это подчеркивает его стремление выглядеть и одеваться так, чтобы одежда соответствовала случаю.

Автор также использует цветowe прилагательные для описания своего образа. *В тот день я оделась и причесалась особенно тщательно и долго крутилась перед зеркалом, расправляя большой черный бант в волосах. Без этого банта меня тогда и представить себе нельзя было* [20. С. 24]. Черный бант в волосах – это не просто деталь одежды, это неотъемлемая часть внешности автора.

Но Ефим, слуга Дома искусств, знаменитый своим баснословным сходством с Николаем II и гордящийся

им – он даже носит **серую** суконную тужурку, как покойный государь на портрете Серова [20. С. 220]. Серая тужурка наводит на автора воспоминания о портрете Серова и о том, что герой стремится быть похожим на императора, подражая ему также и в одежде.

2) Прилагательные хроматических цветов (29): коричневый (8), синий (5), зеленый (5), розовый (3), красный (2), желтый (3), голубой (2), оранжевый (1).

Коричневый: коричневый пиджак, коричневый костюм, коричневый спортух, коричневая шуба, коричневая лента, коричневая спортука, коричневая куртка.

Синий: синий костюм, синий чулок, синий галстук, синее платье, синее шелковое платье. **Зеленый:** зеленый галстук, зеленый мешок, зеленое кашне, зеленое пальто, зеленые куртки. **Розовый:** розовое пальто, розовая подкладка, розовые туфельки. **Красный:** красный галстук, платок в красные розы. **Желтый:** желтый портфель, желтые сапоги. **Голубой:** голубая куртка, голубой башлык. **Оранжевый:** оранжевый жилет.

Коричневый цвет является неотъемлемой частью образа Гумилева как учителя. Классический коричневый костюм и потертый коричневый пиджак подчеркивают его классический, традиционный стиль одежды, обеспечивающий его узнаваемость: *Без самоходской дохи и ушастой шапки у него, в коричневом костюме с сильно вытянутыми коленями, был гораздо менее экзотичный вид* [20. С. 24]; *Он стоит в своем коричневом поношенном пиджаке, в фетровой шляпе, с портфелем под мышкой, прислонившись к стене, так спокойно, будто он у себя дома, а не на улице* [20. С. 47]; *И действительно, наверху на площадке дубовой лестницы появляется Гумилев, в коричневом костюме, темной фетровой шляпе, с портфелем под мышкой* [20. С. 178].

Синий цвет ассоциируется с официальными мероприятиями и является символом элегантности и солидности: *Дверь снова открывается. Входит Гумилев, и за ним Георгий Иванов, подчеркнуто элегантный, в синем костюме* [20. С. 259].

3) Прилагательные оттеночных цветов (14): пестрый (5), рыжий (4), светлый (2), малиновый (1), палевый (1), разноцветный (1).

Пестрый: пестрый портфель, пестрые варежки. **Рыжий:** рыжее пальтишко, рыжее пальто, рыжая шапочка. **Светлый:** светлые брюки. **Малиновый:** малиновые валенки. **Палевый:** палевые перчатки. **Разноцветный:** разноцветные обмотки.

Осенью 1919 года, накануне второй годовщины Октябрьской революции – ее готовились пышно отпраздновать, – он с таинственным видом сказал мне: – Завтра и мы с вами попразднуем и повеселимся. Не спрашивайте как. Увидите. Наденьте только ваше **рыжее**, клетчатое пальто и **рыжую** замшевую шапочку [20. С. 62]. На фоне событий, связанных с второй годовщиной Октябрьской революции, рыжий цвет символизирует праздничную атмосферу.

4) Составные и двухсложные прилагательные (10): ярко-желтый (3), ярко-зеленый (2), темно-белый (2), светло-белый (2), темно-синий (1).

Ярко-желтый: ярко-желтый портфель, ярко-желтые сапоги. **Ярко-зеленый:** ярко-зеленые носки.

Темно-белый: темно-белое платье, все темно-белое.

Светло-белый: светло-белое платье, светло-белый платок. **Темно-синий:** темно-синий костюм.

Цветовые прилагательные используются для контрастной характеристики ПОЭТОВ, подчеркивая различия в их стилях и предпочтениях: *У Георгия Иванова и рубашка, и манжеты, и выглядывающий из кармана носовой платок как раз светло-белые. У Гумилева все это темно-белое* [20. С. 89].

Автор обращает внимание на разнообразие и творческий подход к выбору стиля костюмом людьми творческих профессий, что является символом свободы: *Но многие студисты и актеры и художники безудержно рвутся в какие-то необычайные тулупы, зеленые охотничьи куртки, френчи, сшитые из красных бархатных портьер, и фантастические галифе. Не говоря уже о разноцветных обмотках и невероятно высоких и лохматых папах* [20. С. 241]. Создание образов с помощью цветовых прилагательных передает разнообразие стилей одежды в петербургском мире искусства: *Одно из неожиданных «революционных завоеваний»: теперь в петербургском художественном мире, как в мире птиц и зверей, самцы наряжены и эффектнее самок* [20. С. 241].

Из приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы: во-первых, цветовые прилагательные помогают автору формировать образы персонажей. Посредством цветовых сочетаний в одежде Ирина Одоевцева не только раскрывает уникальный характер окружающих ее людей, но и подчеркивает их стиль, что повышает их узнаваемость. В памяти автора присутствует молодая девушка с черным бантом. Этот бант является ярким символом её юности и индивидуальности; Гумилёв с его традиционной коричневой одеждой олицетворяет учительскую стойкость и упрямство; а Георгий Иванов в синем костюме демонстрирует элегантность и изящество. Во-вторых, цвет как сильный визуальный элемент не только усиливает память автора (белая рубашка усиливает воспоминание о Чуковском), но и вызывает ассоциации, возвращая автора к связанным с ними событиям и персонажам (белые носки вызывают воспоминание о черных носках отца, слуга в серой одежде напоминает об умершем монархе).

2. Описание внешности (физические особенности, образ персонажей) (74).

1) Прилагательные ахроматических цветов (5): черный (3), белый (2).

Белый: она белая, белые губы. **Черный:** черная челка, черные брови, черные глаза.

Черный цвет не несет в себе отдельной коннотативной окраски: *Под черными, резко очерченными бровями живые, насмешливые глаза. И черная челка до самых бровей* [20. С. 89].

Встречаются цветовые образные сравнения для описания внешности героев: *Я как-то зашел к ним. Открыла мне Серафима Павловна. Сейчас же, как всегда, стала «чайком поить». Она такая пыльная, белая, как сдобная булка* [20. С. 140].

2) Прилагательные хроматических цветов (11): красный (4), голубой (2), розовый (2), коричневый (1), зеленый (1), синий (1).

Красный: я красный, я красная, она вся красная, она красная от гнева. **Розовый:** розовая девушка, она

розовая. **Голубой:** голубые глаза. **Коричневый:** коричневые ручки. **Зеленый:** зеленые глаза. **Синий:** весь синий.

Прилагательное «красный» используется для описания эмоционального состояния персонажа: *Я стою красная, не в силах пошевелиться от ужаса и стыда* [20. С. 45].

Наконец Георгию Иванову удалось справиться с ключом, крюком и засовом, грянула цепь, и Мандельштам, весь **синий** и обледеневший, бросился ему на шею, крича: – *Я уже думал, крышка, конец. Замерзну у тебя здесь на лестнице* [20. С. 121]. Синий цвет усиливает визуальный компонент восприятия замерзшего человека, что подкрепляется позицией однородных членов предложения «синий» и «обледеневший».

Цветовые прилагательные используются не только для описания деталей внешности, но и косвенно раскрывают общее состояние персонажа, например, указывают на его возраст и здоровье: *Он жеманно, по-старушечьи касается клавишей маленькими коричневыми, высохшими ручками* [20. С. 290]. Прилагательные «коричневый» и «высохший» являются контекстуальными синонимами, их значения сближаются на основе общего признака «старость».

Визуальное впечатление от внешности описываемого человека, переданное через цвет, часто сохраняется в памяти Ирины Одоевцевой гораздо лучше, чем другие характеристики людей, с которыми она встречалась: *Я даже не помню, как ее звали, но у нее тоже были голубые глаза и светлые волосы* [20. С. 109–110].

3) Прилагательные оттеночных цветов (52): бледный (19), рыжий (9), темный (8), светлый (6), седой (6), смуглый (3), рыженький (1).

Бледный: он бледный, вы бледный, бледное лицо, бледные губы, вы бледная. **Седой:** Белый седой, я седой, седая дома, седые букли, седые волосы. **Рыжий:** рыжий пух (на подбородке и щеке), рыжий товарищ, рыжий Женя, этот рыжий, кто за рыжего, вы рыжая, рыжая жена, рыжая дама, эта рыжая. **Темный:** темный волос, темное лицо, темные глаза. **Светлый:** светлый локон, светлая кожа, светлые глаза, светлые волосы. **Смуглый:** жена смуглая, смуглая рука, смуглые глаза. **Рыженький:** испанские стихи принадлежат той рыженькой с бантом.

Бледный означает «без румянца, лишенный естественной окраски (о цвете лица)» [21]. Частое использование бледных цветов отражает усталое состояние персонажа: *Но стоило ему вернуться домой, как он надевал войлочные туфли и садился в кресло, бледный, в полном изнеможении* [20. С. 79]. Эти описания посвящены не только внешним признакам, но и тесно связаны с внутренним миром персонажей, их чувствами, эмоциональным состоянием: *Что это вы как воробей нахохлились? И отчего вы такая бледная? Неужели испугались?* [20. С. 79]. Частое использование лексемы «бледный» отражает чувство усталости и бессилия, которое испытывали люди в бурный период исторических событий. Это психологическое состояние не только проистекает из личных переживаний и чувств, но и отражает атмосферу и настроение всего общества.

«Рыжий» используется для цветовой характеристики волос персонажа: *Только одна, пышно разодетая, красивая, рыжая дама* [20. С. 181].

4) Составные и двухсложные прилагательные (6): **светло-голубой** (1), **крово-красный** (2), **пепельно-серый** (1), **матово-бледный** (1), **сияющий-белый** (1) (Светло-голубые глаза, крово-красные губы, пепельно-серое лицо, матово-бледный рот, Белый сияющий-белый.)

Сочетания цветовых прилагательных позволяют автору детализировать портреты персонажей, делая их более конкретными и выразительными. Визуализация и изобразительность достигаются также за счёт использования серии односоставных именных структур, включающих различные типы номинативных предложений: *Маленький. Худой. Седые, легкие как пух волосы до плеч. Черная атласная шапочка не вполне закрывает лысину. Морщинистое, бледное лицо. И большие, светло-голубые, сияющие, безумные глаза* [20. С. 84]. *Он высокий и тонкий, матово-бледный, с удивительно красным большим ртом и очень белыми зубами. Под черными, резко очерченными бровями живые, насмешливые глаза. И... черная челка до самых бровей* [20. С. 89].

Автор использует прием образного сравнения, чтобы описать голос главного героя: *Голос Мандельштама течет, как эта «золотистого меда струя», и вот уже я, забыв, что я «навсегда опозорена», вся превращаюсь в слух, и мое сердце вслед за орфической мелодией его стихов то взлетает ласточкой, то кубарем катится вниз* [20. С. 126]. Восприятие звука передается через цвет и текучесть, создавая визуальные образы. Голос Мандельштама не только воздействует на восприятие автора, но и активизирует память, вызывает приятные ассоциации.

Автор прибегает к сравнениям для описания внешних черт персонажей: *Сумерки все более сгущаются. Теперь бледное лицо Мандельштама превратилось в белое пятно и стало похожим на луну* [20. С. 140]. Для описания персонажа: *Он поворачивает ко мне лицо с огромными глазами. Они не такие, как всегда. В них сейчас, как в темных зеркалах, отражаются облака и луна. И мне кажется, что такими глазами можно видеть ангела* [20. С. 292]. *Его глаза смотрят прямо перед собой в окно, в закатное весеннее небо, и я знаю, что сейчас они не косят, что они синие, глубокие и сияют как звезды* [20. С. 173]. Автор акцентирует внимание на их цвете, усиливая детализацию внешности персонажа.

При описании людей, с которыми Ирина Одоевцева встречалась, она уделяет особое внимание деталям их внешности, включая лицо, глаза, губы и т. д. Такое подробное описание свидетельствует о визуальном характере ее восприятия окружающих и хранения в памяти именно этих визуальных впечатлений, которые являются. В свою очередь, они являются ключом к воспоминаниям об эмоциональных и интеллектуальных свойствах и качествах ее современников.

3. Состояние природы (20).

1) Прилагательные ахроматических цветов (12): белый (8), серый (2), черный (2).

Белый: белый тротуар, белый снег, белое небо, белое сияние, белые ночи, белые воды. **Серый:** серое небо, серая громада «дома по Бассейной, 60». **Черный:** черные тени, черные деревья.

Была весна, и наступили **белые** ночи. **Белые**, сияющие, прозрачные. В одну из таких ночей мы возвращались по Дворцовой набережной после концерта. Мандельштам был бледен и взволнован [20. С. 155]. «Белая ночь» – уникальное природное явление, характерное для широт Санкт-Петербурга. Однородный ряд контекстуальных синонимов «белый, сияющий, прозрачный» подчеркивает необычность и красоту «белой ночи», создавая ощущение волшебства и фантазии, в которую оказались погружены собеседники и внутреннее состояние которых оказывается созвучным окружающей атмосфере.

Белый цвет помогает создать яркий, но призрачный, мимолетный образ Санкт-Петербурга. *Дворцы, мосты и небо – все сияет и все бело и призрачно. Кажется, еще минута, и этот «гранитный рай» растает и растворится в белом сиянии. Останется только белое небо и белые воды Невы* [20. С. 156]. Через цветовые прилагательные создается впечатление, что весь город погружен в свет, отчего все вокруг кажется призрачным и нереальным.

Цвет символизирует время года. *Я подышал на стекло и стал смотреть в оттаявшую дырку на серое небо, на белый снег и черные деревья. Как, помните, у Андерсена Кай в сказке «Снежная королева»* [20. С. 215]. В этом предложении автор объединяет три прилагательных «черный, белый и серый», чтобы описать зиму и передать удручающее чувство одиночества.

2) Прилагательные хроматических цветов (6): синий (3), голубой (2), розовый (1).

Синий: синяя вода, синие лужи, синий вечер. **Голубой:** голубой день, голубое небо. **Розовая** заря.

Воспоминания автора о Санкт-Петербурге чаще имеют синий и голубой цвет: *Я возвращаюсь по набережной. Как все вокруг величественно и красиво. Какая чистая, какая синяя вода в Неве. Нигде в мире нет подобного города* [20. С. 218]. *Но сегодня, хотя день солнечный и голубой – настоящий «прогульный день», по его выражению, он не желает выходить из дома* [20. С. 81]. Использование голубого и синего цветов для изображения ясности и чистоты неба и прозрачности воды передает уникальность Петербурга как города, богатого водной стихией.

В тексте также присутствуют прилагательные **золотой** (1) и **бледно-серый** (1) (бледно-серое зимнее небо). Цвета указывают на различные сезоны: *Деревья легко шумят, падают золотые осенние листья, кружатся в осеннем воздухе и ложатся на землю шуршащим золотым ковром. Он идет, устало опираясь на палку, и вполголоса читает свои стихи* [20. С. 286]. Автор передает ощущения шуршания осенних листьев, образующих «золотой ковер», покрывающий холодную землю.

Цветовые прилагательные не только дарят читателям яркие визуальные впечатления, но и эффективно передают смену времен года через сочетание различных цветов, а также помогают воссоздать образ Петербурга.

Описание внутреннего пространства (здание, интерьер квартиры, мебель и предметы и другие вещи, находящиеся в здании) (22)

1) Прилагательные ахроматических цветов (2): **белый** (1), **черный** (1) (белая скатерть, черная лестница).

В столовой на столе, покрытом белой скатертью, чаши, вазочки с вареньем, с изюмом, медом, сухариками и ярко начищенный, клокочущий самовар. Полный парад [20. С. 87]. Белый цвет создает чистую и приятную обстановку в столовой.

Я уже думал, крышка, конец. Замерзну у тебя здесь на лестнице. Большие сил нет, – и уже смеясь, – умереть на черной лестнице перед запертой дверью. Очень подошло бы для моей биографии? А? Достойный конец для поэта [20. С. 121]. В данном контексте «черный» не только обозначает цвет лестницы, но и имеет негативный оттенок (атмосфера трагизма и безысходности).

2) Прилагательные хроматических цветов (9): **зеленый** (4), **красный** (4), **желтый** (1).

Зеленый: зеленый диван, зеленое кресло, зеленое креслице, зеленые кресла. **Красный:** красное сукно, красные ленты, красное кресло, красные портьеры. **Желтый** штоф.

Использование прилагательного «**красный**» для описания украшения подчеркивает важность и торжественность праздника или события: *Юбилей, стараниями Всеволодского, удался на славу. Стены ярко освещенного зала были разукрашены звездами и лавровыми венками с красными лентами* [20. С. 28].

Относительно частое присутствие зеленой мебели говорит о том, что она была популярна в описываемое время: *Перед заколоченной входной дверью три стула – для нас. На пороге столовой – два зеленых кресла – для Гумилева и Белого* [20. С. 83].

В квартире банкира Гандельблата было много пышно и дорого обставленных комнат. Был в ней и концертный зал с эстрадой и металлической мебелью, крытой желтым штофом [20. С. 34]. Желтый цвет в сочетании с другими элементами интерьера создает общий образ роскоши, подчеркивая социальный статус и финансовое могущество банкира.

3) Прилагательные оттеночных цветов (9): **пестрый** (2), **золотой** (2), **пунцовый** (1), **алый** (1), **светлый** (1), **малахитовый** (1), **ляпис-лазуревый** (1).

Пестрая клеенка, портьеры пунцовые с золотыми кистями, золотая рама, алое кресло, пунцовые кисти, светлое пятно, малахитовые колонны, ляпис-лазуревые вазы.

Цвет демонстрирует роскошь и изысканность квартиры Сологуба: *Вся квартира Сологуба была обставлена золоченой мебелью, на стенах картины и зеркала в широких золоченых рамах. Золоченые люстры и консоли. Портьеры бархатные или атласные, пунцовые с золотыми кистями* [20. С. 258]. Прилагательное «золотой» не обозначает непосредственно цветовые признаки, а относится к материалу, из которого изготовлено изделие.

В отличие от Сологубы, комната Гумилева скромна: *Мы идем в спальню, где висит Судейкин в золотой старинной раме. Гумилев становится на стул и снимает картину. На стене остается светлое пятно и большой черный крюк, и от этого плохо обставленная*

спальня становится еще некрасивее [20. С. 214]. Золотая рама контрастирует со светлым пятном на стене и грубостью большого черного крючка, подчеркивая простоту обстановки спальни.

4) Составные и двухсложные прилагательные (2): темно-синий (1), бело-розовый (1): все из слоновой кости и **бело-розовых** страусовых перьев.

*Я всегда весело и празднично, с удовольствием возвращался к ней. Придя домой, я по раз установленному ритуалу кричал: «Гуси!» И она, если была в хорошем настроении – что случалось очень редко, – звонко отвечала: «И лебеди», или просто «Мы!», и я, не сняв даже пальто, бежал к ней в «ту **темно-синюю** комнату», и мы начинали бегать и гоняться друг за другом [20. С. 299].*

Цветовые прилагательные не только детально описывают предметы интерьера, но и раскрывают предпочтения персонажей. Роскошный декор свидетельствует о социальном статусе и богатстве обитателей дома. Белые скатерти создают торжественную атмосферу за столом, черные лестницы воспроизводят гнетущую атмосферу, а красный цвет придает праздничный оттенок.

4. Предметы, связанные с бумагой или книгами (15).

1) Прилагательные ахроматических цветов (3): черный (2), белый (1) (черный переплет, белый лист).

*Так, она завела альбом в **черном** кожаном переплете, куда заставляла всех своих клиентов-писателей написать ей «какой-нибудь хорошенький стишок на память» [20. С. 134].*

2) Прилагательные хроматических цветов (11): голубой (5), красный (3), синий (2), розовый (1).

Голубой: голубая обложка, голубая бумага. **Красный:** красная книжка, красная тетрадь. **Синий:** синий переплет, синяя тетрадь. **Розовый:** розовые списки.

*Он берет из моих рук «Ночные часы» и укладывает их обратно в свой африканский портфель. Лист **голубой** бумаги остается у меня. Я протягиваю его Гумилеву. – Бросьте бумагу. На что она мне? Но я не бросаю. Мне она очень «на что». Мне она – воспоминание о Блоке [20. С. 166]. Синий цвет бумаги не только описывает внешний вид объекта, но и является важным элементом сохранения и укрепления памяти, выступая в качестве материализации воспоминаний о Блоке.*

3) Составное прилагательное: **ярко-рыжий** (1): ярко-рыжие афиши.

Ярко-рыжий считается цветом, привлекающим внимание людей и усиливающим содержание сообщения: *Огромные **ярко-рыжие** афиши ариинными буквами объявляют на стенах домов Невского об открытии Института живого слова и о том, что запись в число его слушателей в таком-то бывшем великокняжеском дворце на Дворцовой набережной [20. С. 14].*

Подробные цветные изображения книг и бумаг отражают глубокую эмоциональную привязанность автора к этим предметам. Будь то альбом в черную кожу, воспоминания на голубой бумаге или ярко-рыжие афиши, сообщающие о заветных годах жизни автора. В них отражается личность автора как поэта и специфическая культурная среда, в которой он живет.

Цветовые прилагательные используются для описания других предметов (14): **черный** (4) (черный гроб, черный мешок, черная маска, черная тень). **Красный** (6) (красный карандаш, красный кирпич, красный парус, красный отсвет, красное вино, красные флаги). **Золотой** (2) (золотые пятирублевки, золотое сиянье). **Красноватый свет. Разноцветные шары.**

Цвет вызывает индивидуальные ассоциации автора: *В кабинете было полутемно, тени скользили и тянулись по стенам и потолку, и косоглазое лицо Гумилева, освещенное **красным** пляшущим отсветом, чем-то напоминало мне никогда мной не виданную Кикимору, и мне казалось, что голос его звучит тоже по-кикиморски [20. С. 210] (отсвет от камина). Цвет не только освещает полутемное помещение, но и действует как триггер воспоминаний.*

5. Описание животных и описание людей через образ животных (11).

При изображении животных Ирины Одоевцева использует небольшое количество цветовых прилагательных. **Черный** (4), **розовый** (2), **серый** (1), **коричневый** (1), **зеленый** (1), **пестрый** (1), **черно-рыжий** (1). (Черный кот, черная муха, черные вороны, розовый какаду, серый котенок, коричневые бабочки, глазки зеленые (кот), пестрые собаки, черно-рыжие шерсти.)

Можно выделить метафоры, сравнивающие человека с животным (насекомым): *Как я сразу не догадалась? Ведь Белый вылитый профессор Тинтэ, превращавшийся в большую, **черную**, жужжащую муху. Меня бы не очень удивило, если бы Белый вдруг зажуужжал **черной** мухой под потолком [20. С. 87].* Цветовое прилагательное помещается автором в ряд однородных определений, что создает комплексность визуального и аудиального восприятия.

Цветовые прилагательные помогают создать визуальные образы и передать характеристики животных: *Зато у Анны Андреевны был **розовый** какаду, тот самый, знакомый вам по ее стихам [С. 296]. На что они смотрят? Мы подходим ближе и видим яростно грызущихся собак, грызущихся не на жизнь, а на смерть. Они сцепились так, что кажутся большим, оглушительно рычащим, катающимся по мостовой клубком **черно-рыжей** взъерошенной шерсти [20. С. 57].*

*Лилия Брик, красивая, немного скуластая, внимательно глазастая, в фантастической кружевной шляпе, похожей на крылья **коричневой** бабочки, сидит рядом с Маяковским на диване [20. С. 43].* Прилагательное «коричневый» описывает шляпу, сравнивая ее с крыльями коричневой бабочки, что придает ей нежный и элегантный вид.

Проведенный анализ показывает, что цветовые прилагательные в автобиографической прозе Ирины Одоевцевой выполняют множество функций:

- являются важной деталью образа персонажа и раскрывают его индивидуальность;

- служат важным инструментом активизации памяти, вызывая в сознании автора яркие воспоминания о конкретных сценах и персонажах;

- способствуют точной передаче эмоционального и психологического состояния персонажа и отражению его внутреннего мира с помощью цветовых деталей;

– помогают воссозданию исторических сцен и различных сезонных изменений;

– актуализируют социальный статус и культурный мир персонажей, становятся своеобразным «языком» для выражения их личных чувств и культурных особенностей.

Таким образом, цветовые прилагательные выходят за пределы простого визуального описания, становясь важными изобразительно-выразительными средствами, благодаря которым автобиография превращается в не просто перечень фактов, а в реконструкцию личной памяти.

Цветовые прилагательные в произведении «На берегах Невы» не ограничиваются функцией создания визуальных образов. С их помощью автор характеризует абстрактные понятия и ментальные операции, например:

Черный: 1) «перен. отрицательный, плохой» [21]: У Мандельштама глаза полны слез. – Полно, Осип. Скоро все кончится, все переменится. Я вернусь, и мы с тобой снова заживем в Петербурге. Но Мандельштам грустно вздыхает: – Ты никогда не вернешься. Георгий Иванов во что бы то ни стало хочет отвлечь его от **черных** мыслей, рассмешишь его [20. С. 163];

2) «перен. мрачный, безрадостный, тяжелый» [21]: Я иду с ней нога в ногу, боясь от радости, захлестнувшей меня всю, сбиться с шага. Теперь она говорит совсем по-новому, доверчиво и откровенно, о чувстве сохранности, никогда не покидавшем ее даже в самые страшные, самые **черные** ночи революции [20. С. 311]. «Черный» используется для описания ночи революции, вызывая негативные ассоциации и подчеркивая страх революционного времени. Зима 1919–1920 годов. Очень холодная, очень голодная, очень **черная** зима. Я каждый день возвращаюсь поздно вечером из Института живого слова одна [20. С. 65]. Вот если бы у меня была кошка, я бы, как китайцы, по ее зрачкам определял время, до полминуты. Но заведешь кошку – она всех мышей переловит. А я их берегу на случай настоящего голода, про **черный** день [20. С. 293]. «Черный» символизирует трудные времена и масштабные бедствия;

3) «по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистой» [21]: И сумеете ли вы отличить белую магию от **черной**? [20. С. 193].

Страшно это. Нигде так не страшно, как в церкви ночью. Читаю молитву и боюсь обернуться. Боюсь увидеть возле себя свой двойник, **черный**, греховный. И еще страстнее молюсь о спасении [20. С. 293]. «Черный» подразумевает присутствие зла и символизирует отрицательные черты характера. Когда речь идет о черном, греховном двойнике, это отражает страх и тревогу героя при столкновении с его собственной злоестью или негативной стороной;

4) «только полная форма. Предназначенный для каких-л. служебных или бытовых нужд» [21]: Я подвигаюсь с черного хода [С. 68]. Говорит он, ставя пустые стаканы и тарелки на столик перед раз навсегда запертой входной дверью: ведь теперь ходят с **черного** хода, через кухню [20. С. 111]. В обоих случаях «черный ход» означает скрытые проходы.

Белый: 1) «истор. то же, что белогвардейский» [21]: Документы? Ну конечно, в порядке, – и Мандельштам не без гордости достал из кармана пиджака свой «документ» – удостоверение личности, выданное Феодосийским полицейским управлением при Врангеле на имя сына петроградского фабриканта Осипа Мандельштама, освобожденного по состоянию здоровья от призыва в **белую** армию [20. С. 121]. В данном случае прилагательное «белый» связано с историческим событием и описывает определенную политическую группу;

2) «светлокожий (как признак расы)» [21]: Но у меня нет ни **белого** кузена, ни фантазии, чтобы создать его письмо [20. С. 237].

Красный: «относящийся к революционной деятельности» [21]: И завтра наши портреты появились бы в «**Красной** газете»! [20. С. 64]. «Красная газета» является ежедневной газетой Советской России. Прилагательное «красный» указывает на политический характер газеты.

Красный цвет символизирует власть коммунизма, революцию: На верхах, узнав о существовании явно контрреволюционной «изящнейшей поэтессы», клеветницей на представителей **Красной** Армии, могли, конечно, заинтересоваться ею и пожелать прекратить раз и навсегда ее зловерную деятельность – даже вместе с ее жизнью [20. С. 95].

В то же время красный цвет может символизировать гуманизм, мир: Вся эта амуниция досталась ему из шведского **Красного** Креста, где когда-то служил его теперь эмигрировавший старший брат [20. С. 197].

Серый: «перен. ничем не примечательный, бедный содержанием» [21]: Детство самая главная, самая важная часть жизни. У поэта непременно должно быть очень счастливое детство. – И, подумав, добавлял: – Или очень несчастное. Но никак не скучное, среднее, **серое** [20. С. 53].

Серебряный: С.К. Маковский в своих воспоминаниях «На Парнасе “Серебряного века”» совершенно честно описал того Гумилева, которого видел и знал. Но до чего этот Гумилев не похож на моего!. Слово-сочетание «серебряный век» означает конец XIX – начало XX в. [20. С. 73].

О, я знаю, – взволнованно повторяет он, – все будет чудесно, волшебю. Сон в летнюю ночь. **Серебряный** сон волшебной **серебряной** ночью. Идем скорее! [20. С. 234]. В этом примере сны и ночи описываются как «серебряные», что придает им особую таинственность и красоту.

Голубой: «идеализированный, идиллический» [21]: Это было удобно, мы все лето обходились без освещения, что придавало жизни какой-то фантастический оттенок, какой-то налет нереальности. Дни были удивительно **голубые**, поместительные, длинные, глубокие и высокие [20. С. 36].

Золотой: «перен. счастливый, благоприятный» [21]: Это все чушь про **золотое** детство. Тюрьма, пустыня детства. В сущности, и мое детство можно назвать **золотым** [20. С. 222].

Лазурный и золотой: Он чувствовал себя счастливым только тогда, когда мысли, как падающие звезды,

проносились в его сознании и наполняли его душу **лазурным и золотым** дождем [20. С. 174]. В этом контексте выражение «мысли как звезды наполняли дождем» представляет собой метафору, которая отражает индивидуально-авторское видение.

Цветовые прилагательные в тексте помогают воссоздать визуальную картину событий, людей и предметов, о которых вспоминает автор. Употребляясь в переносных значениях, они выполняют следующие функции:

– символическую: черный и серый ассоциируются со злом или несчастьем, а красный – с революцией, силой и страстью;

– эмоциональную: черный передает отрицательные эмоции;

– описательную: золотой и серебряный часто связаны с идеализированными воспоминаниями или мечтательными ситуациями;

– указывают на исторический или социальный контекст.

Заключение

В произведении Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» цветовые прилагательные играют важную роль не только в создании яркого визуального образа, но и отражают эмоционального мира автора и его воспоминаний. Цвет становится мощным инструментом, который помогает оживить память и воссоздать образы прошлого. Воспоминания Ирины Одоевцевой окрашены в разные цвета.

Ирина Одоевцева предпочитает использовать простые по структуре и прямые по семантике цветовые прилагательные, избегая сложных и многосложных комбинаций. Для стиля Одоевской является характер-

ным введение в текст рядов однородных членов предложения, в который помещается то или иное цветовое прилагательное, образуя контекстуальные синонимы с прилагательными иной семантики и сближающимися с ними на основе ассоциативных связей. Этот прием позволяет автору передать свое, индивидуальное восприятие давно прошедших событий и людей, участвующих в них. Большое количество цветовых прилагательных способствует приобщению читателя к давним событиям, делая его непосредственным наблюдателем. Цветовые прилагательные маркируют избирательность воспоминаний Ирины Одоевцевой.

В неяркие тона окрашено городское пространство. Черный, белый, серый и синий задают общий тон Петербурга, передавая его тяжёлую и угнетающую атмосферу. Однако при описании поэтов и жителей города цвета становятся более разнообразными. Вместо темных оттенков появляются яркие цвета, контрастирующие с серостью города. Это придает эмоциональную насыщенность образам поэтов, выделяя их из однообразного черно-белого мира. Цветовые прилагательные отражают культурно-социальный контекст, раскрывают физическое и эмоциональное состояние персонажей, их социальный статус, передают характер, создают облик города.

В анализируемом произведении автор органично с максимальной точностью воспроизводит важный этап из своей жизни и из жизни общества, что позволяет рассматривать текст произведения как документ эпохи, вместе с тем произведение оказывается насыщенным индивидуальными ассоциациями, в том числе цветовыми, что определяет его стилистическое своеобразие.

Список источников

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Познание, 1997. 411 с.
2. Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент. Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета, 2011. 220 с.
3. Корячканова С., Крюкова Л.Б., Хизниченко А.В. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Брно : MUNI PRESS, 2016. 231 с.
4. Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 194 с.
5. Печеникова Л.В. Цветовые обозначения в рекламном дискурсе: На материале англо-американской и российской рекламы предметов быта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 23 с.
6. Александрова Т.А., Рудченко Т.Л. Функционирование колоративной лексики в юридическом дискурсе (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 3. С. 749–754.
7. Ойроткина Н.Р. Цветовые обозначения в мифологическом дискурсе алтайцев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 1. С. 47–63.
8. Польщикова А.К. Функционально-семантическая и прагматическая роль цветовых номинаций в организации художественного дискурса: на материале американской литературы XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 24 с.
9. Белова Н.В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и ее семантико-коммуникативный потенциал: на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
10. Василевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. 2007. С. 10–28.
11. Двизова А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 399 с.
12. Тойлибаева Г.К. Цветовая лексика (состав, семантические преобразования, функции) в художественном тексте на материале произведений Ф.М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 18 с.
13. Зимина-Дырда Т.Ю. Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Фёдорова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 227 с.
14. Харченко В.К. Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 656 с.
15. Сивкова А.В. Идиостиль Н.В. Гоголя в аспекте лингвокогнитивной поэтики (на материале произведений «Ночь перед Рождеством» и «Мертвые души») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 216 с.
16. Качаева Л.А. Цветовая палитра А.И. Куприна // Писатель и жизнь. 1981. С. 187–201.
17. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М. : Академия, 2001. 320 с.
18. Макеенко И.В. Семантика цвета в разнотипных языках (универсальное и национальное) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 258 с.

19. Кожемякова Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 28 с.
20. Одоевцева И.В. На берегах Невы. М. : Художественная литература, 1988. 333 с.
21. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.

References

1. Wierzbicka, A. (1997) *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Poznanie.
2. Komarova, Z.I. & Talapina, M.B. (2011) *Lingvotsvetovaya kartina mira: akhromaticheskiiy fragment* [Linguistic Color Picture of the World: Achromatic Fragment]. Yekaterinburg: UrFU.
3. Korychankova, S., Kryukova, L.B. & Khiznichenko, A.V. (2016) *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [The Poetic Picture of the World Through the Prism of the Category of Perceptivity]. Brno: MUNI PRESS.
4. Demeshkina, T.A., Verkhuturova, N.A., Kryukova, L.B. & Kurikova, N.V. (2006) *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom diskurse* [Linguistic Modeling of the Perception Situation in Regional and All-Russian Discourse]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Pechennikova, L.V. (2006) *Tsvetooboznacheniya v reklamnom diskurse: Na materiale anglo-amerikanskoy i rossiyskoy reklamy predmetov byta* [Color Designations in Advertising Discourse: Based on Anglo-American and Russian Advertising of Household Items]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
6. Aleksandrova, T.A. & Rudchenko, T.L. (2021) *Funktsionirovanie kolorativnoy leksiki v yuridicheskom diskurse (na materiale angliiskogo yazyka)* [Functioning of color vocabulary in legal discourse (based on the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3. pp. 749–754.
7. Oinotkinova, N.R. (2021) *Tsvetooboznacheniya v mifologicheskoy diskurse altaitsev* [Color designations in the mythological discourse of the Altai people]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 1. pp. 47–63.
8. Pol'shchikova, A.K. (2023) *Funktsionalno-semanticheskaya i pragmaticheskaya rol' tsvetovykh nominatsii v organizatsii khudozhestvennogo diskursa: na materiale amerikanskoy literatury XX veka* [Functional-semantic and pragmatic role of color nominations in the organization of artistic discourse: based on American literature of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
9. Belova, N.V. (2007) *Slovoobrazovatel'naya transpozitsionnaya paradigma russkikh prilagatel'nykh i ee semanticheskoye-kommunikativnoye potentsial: na materiale prilagatel'nykh so znacheniem tsveta i intensivnosti* [Derivational transpositional paradigm of Russian adjectives and its semantic-communicative potential: based on adjectives with the meaning of color and intensity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Vasilevich, A.P. (2007) *Etimologiya tsvetonaimenovanii kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznaniya* [Etymology of color names as a mirror of national-cultural consciousness]. In: *Naimenovaniya tsveta v indoevropeyskikh yazykakh: Sistemy i istoricheskiy analiz* [Color Names in Indo-European Languages: Systemic and Historical Analysis]. S.l. pp. 10–28.
11. Dvizova, A.V. (2014) *Situatsiya chuvstvennogo vospriyatiya i sposoby ee yazykovoy reprezentatsii v poezii B.L. Pasternaka* [The Situation of Sensory Perception and Ways of its Linguistic Representation in the Poetry of B.L. Pasternak]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Toilibaeva, G.K. (1990) *Tsvetovaya leksika (sostav, semanticheskie preobrazovaniya, funktsii) v khudozhestvennom tekste na materiale proizvedenii F.M. Dostoevskogo* [Color Vocabulary (composition, semantic transformations, functions) in a literary text based on the works of F.M. Dostoevsky]. Abstract of Philology Cand. Diss. M.
13. Zimina-Dyrda, T.Yu. (2011) *Poetika tsveta i sveta v proze I.A. Bunina, P.A. Nilusa i A.M. Fyodorova* [Poetics of Color and Light in the Prose of I.A. Bunin, P.A. Nilus and A.M. Fedorov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Kharchenko, V.K. (2021) *Slovar' tsveta: polnaya versiya: okolo 6,5 tysyachi slov v 12,5 tysyakh kontekstov* [Dictionary of Color: Full Version: About 6.5 Thousand Words in 12.5 Thousand Contexts]. Belgorod: BelSU.
15. Sivkova, A.V. (2007) *Idiostil' N.V. Gogolya v aspekte lingvokognitivnoy poetiki (na materiale proizvedenii "Noch' perez Rozhdestvom" i "Mertvyye dushi")* [The Idiostyle of N.V. Gogol in the Aspect of Linguocognitive Poetics (based on the works "The Night Before Christmas" and "Dead Souls")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
16. Kachaeva, L.A. (1981) *Tsvetovaya palitra A.I. Kuprina* [The Color Palette of A.I. Kuprin]. In: *Pisatel' i zhizn'* [Writer and Life]. S.l. pp. 187–201.
17. Frumkina, R.M. (2001) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiya.
18. Makeenko, I.V. (1999) *Semantika tsveta v raznostrukturykh yazykakh (universal'noe i natsional'noe)* [Color Semantics in Differently Structured Languages (Universal and National)]. Philology Cand. Diss. Saratov.
19. Kozhemyakova, E.A. (2001) *Istoriya formirovaniya semantiki prilagatel'nykh-tsvetooboznacheni v russkom yazyke* [History of the Formation of Semantics of Adjective Color Designations in the Russian Language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhnii Novgorod.
20. Odoevtseva, I.V. (1988) *Na beregakh Nevy* [On the Banks of the Neva]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Poligrafresursy.

Информация об авторе:

СЕ Шуан – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: xy131521@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

XIE Shuang, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: xy131521@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 07.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 81-115
doi: 10.17223/15617793/512/6

Стержневые анималистические образы компаративной фразеологии

Елена Юрьевна Харитонова¹, Мария Павловна Баева^{2, 3}

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

³ Московский международный университет, Москва, Россия

¹ charitonova-elena@yandex.ru

^{2, 3} beva-maria@mail.ru

Аннотация. Анализируются компаративные фразеологические единицы и сопоставляются встречающиеся в них стержневые анималистические образы английской, немецкой, русской и китайской лингвокультур. Изучив национально-культурную специфику и семантические особенности фразеологических единиц, имеющих в своем составе зоонимы, орнитонимы и инсектонимы, авторы статьи выделяют универсальные для всех рассматриваемых языков, частично совпадающие, а также специфические для той или иной лингвокультуры стержневые образы.

Ключевые слова: компаратив, зооним, орнитоним, инсектоним, фразеология

Для цитирования: Харитонова Е.Ю., Баева М.П. Стержневые анималистические образы компаративной фразеологии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 52–60. doi: 10.17223/15617793/512/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/6

Core animalistic images in comparative phraseology

Elena Yu. Kharitonova¹, Maria P. Baeva^{2, 3}

^{1, 2} Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

³ Moscow International University, Moscow, Russian Federation

¹ charitonova-elena@yandex.ru

^{2, 3} beva-maria@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze comparative phraseological units and compare the core animalistic images of English, German, Russian, and Chinese linguacultures found in these units. The relevance of the article is due to the linguocultural analysis of the stable comparatives and the addition of Chinese to the Indo-European languages as the research material. The comparative phraseological units were divided into thematic groups: (1) wild animals, (2) domestic animals, (3) birds, (3) fish, mollusks, amphibians, and reptiles, and (4) insects. The total number of comparatives amounted to 517 units. Having studied the national, cultural specificity, semantic features of phraseological units with zoonyms, ornithonyms and insectonyms, as well as having analyzed examples of their use in the corpora of the languages under study, the authors of the article identify the universal core images for all the languages under consideration and partially coinciding core images. Special attention in the article is paid to the core images which are specific for this or that linguaculture. The authors infer that the differences at the level of connotative evaluation are explained by the different content of the images in the analyzed linguacultures. The reference image is formed by basic ideas about the appearance and habitat of a particular animal, and in the case of Chinese, also by the characteristics of special zooanthropomorphic creatures that have the features of this animal and are mentioned in myths and works of classical literature. Consequently, unlike Western linguacultures, in the Chinese one the core image can be multidimensional and ambivalent. Based on the comparison, the authors conclude that the national identity of linguacultures is expressed through the system of evaluative core images. Studying and comparing these images, we can acquire information not only about the aesthetic perceptions of the native speakers of a particular language, but also about the peculiarities of the national mentality.

Keywords: comparative, zoonym, ornithonym, insectonym, phraseology

For citation: Kharitonova, E.Yu. & Baeva, M.P. (2025) Core animalistic images in comparative phraseology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 52–60. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/6

Фразеологию невозможно назвать на данный момент малоизученной областью лингвистического знания. Достаточно глубоко исследованной является и компаративная фразеология (Г.И. Абрамова

[1], Н.И. Демьянович [2], Н.М. Кабанова [3], В.М. Мокиенко [4, 5], И.В. Кузнецова [6], Т.Н. Федуленкова, З.К. Адамия, М. Чабашвили [7] и др.). Однако научный интерес к данной сфере по-прежнему сохраняется, в том числе за счет привлечения в качестве материала исследования всё новых языков (З.Х. Пайзулаева [8], Желька Финк [9], Н.В. Бхатти, Е.В. Ковш, Е.Ю. Харитонова [10, 11], Ян Вэньхуэй [12], Ли Сьюй, Ван Дэндэн [13], Чжоу Ян [14] и др.).

Представляется интересным взглянуть на компаративные фразеологические единицы (КФЕ) с точки зрения совпадения или несовпадения их стержневых образов в различных языках и прокомментировать данные факты с лингвокультурологической точки зрения. Новизна представленного в статье исследования подтверждается набором языков для проведения сопоставительного фразеологического анализа, а именно: наряду с индоевропейскими языками (английским, немецким и русским) рассматривается язык сино-тибетской языковой семьи (китайский). В связи с тем, что фразеология долгое время не была выделена в отдельный раздел языкознания, а фразеологические единицы изучались в рамках лексикологии до середины XX в., вопросы внутриязыкового анализа и межъязыкового сопоставления остаются по-прежнему актуальными.

Принимая во внимание довольно внушительный объем компаративных фразеологизмов в каждом отдельном языке, в рамках данной статьи в качестве фактического материала исследования взяты КФЕ с компонентом-зоонимом в русском (119), английском (105), немецком (203) и китайском (90) языках, общим количеством 517 единиц. Выводы относительно заложенных в значении КФЕ символов строятся на основании анализа примеров с данными фразеологизмами, отобранными как из словарей (в

том числе фразеологических), так и из корпусов исследуемых языков – Национального корпуса русского языка [15], Большого словаря русских народных сравнений [4], Британского национального корпуса [16], Электронного словаря немецкого языка [17], Словаря немецкой идиоматики [18], Кембриджского словаря идиоматических выражений [19], Большого китайско-русского словаря [20] и Корпуса ВСС [21].

Анималистические сравнения относятся к древнейшим, что объясняется стремлением человека установить связь с окружающим его животным миром. Сопоставляя различные предметы и явления окружающего мира, человек запускает мыслительный механизм сравнения, который дает возможность наименования на основе ассоциативного ряда, необходимого для создания образа. Благодаря такому способу языковой номинации происходит процесс постижения самого себя и окружающего мира. Закономерно, что в таком случае в языке складывается определенная сравнительная модель, применяемая на регулярной основе при построении создаваемых словосочетаний. В настоящем исследовании под КФЕ понимается устойчивое, воспроизводимое сравнение, обладающее целостным, неделимым значением фразеологической единицы. Выборку КФЕ составили сравнительные конструкции, содержащие структурный элемент, указывающий на равноценность сравнения (англ. *as, like*; нем. *wie*; рус. *как*; кит. 如 *rú*, 像 *xiàng*, 若 *ruò*). Данные единицы характеризуются семантической устойчивостью и невыводимостью значения.

Ключевые компаративные компоненты-зоонимы в исследуемых языках были разделены на пять тематических блоков: дикие животные, домашние животные, птицы, рыбы / моллюски / земноводные / пресмыкающиеся, насекомые. Количественные показатели наполненности данных тематических групп наглядно отражены на рис. 1.

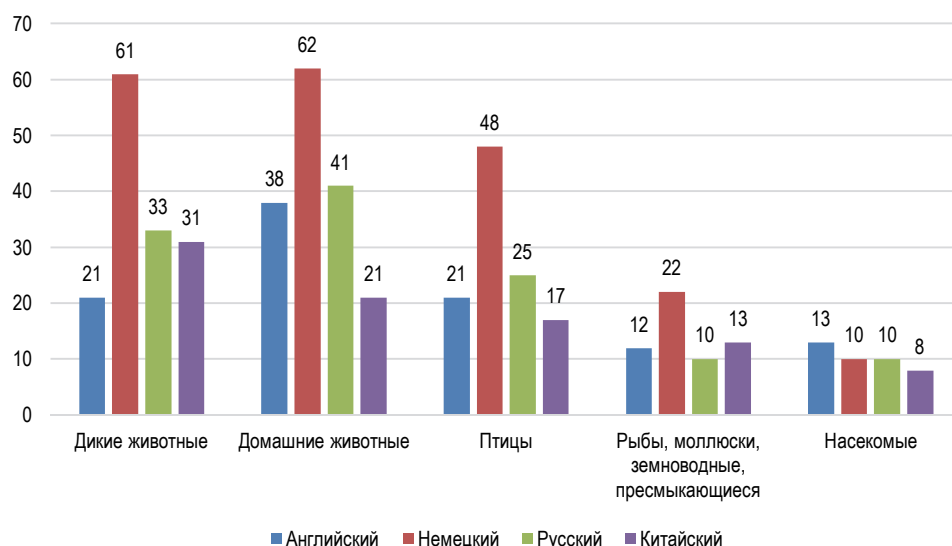

Рис. 1. Тематическая классификация ключевых компонентов фразеологических компаративов в английском, немецком, русском и китайском языках (количественные данные)

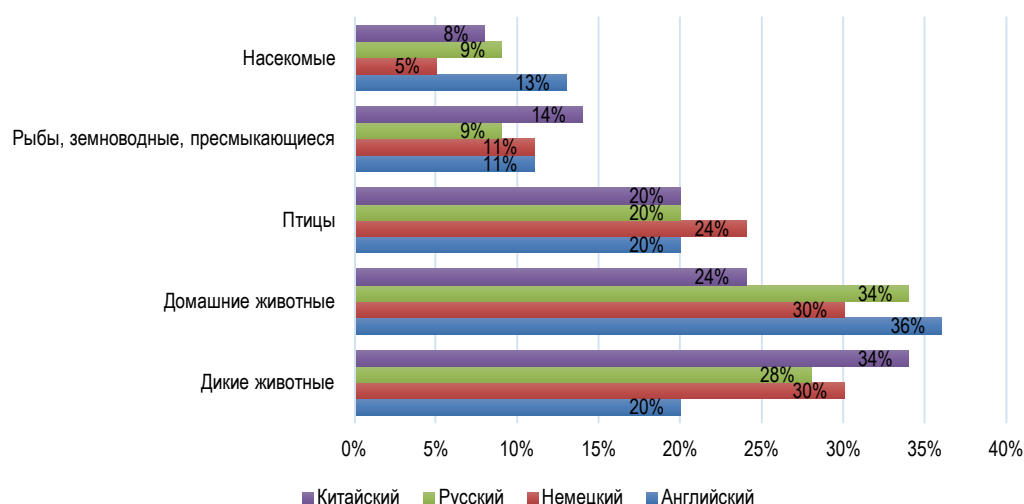

Рис. 2. Процентное соотношение распределения КФЕ по тематическим группам

Приведем также диаграмму, отражающую наполняемость тематических групп в процентном соотношении (см. рис. 2).

Обратимся к анализу представленных на диаграмме тематических блоков и начнем с лидирующей по наполненности среди выделенных нами тематических групп – «Домашние животные». Ее количественное превосходство над остальными группами объясняется тем фактом, что сравнение проще выстраивается с опорой на близкие, знакомые предметы, явления, сферы и т.п. Сопровождая человека в повседневной жизни с давних времен, домашние животные демонстрировали при этом специфические отличительные признаки, которые легли в основу КФЕ. Рассмотрим основные характеристики данной группы.

В 162 анализируемых КФЕ встречается 20 анималистических компонентов, обозначающих домашних животных. В количественном соотношении немецкие КФЕ (62) преобладают над английскими (38), русскими (41) и китайскими (21). Количественный анализ показывает, что наиболее проработанной данная семантическая область является в европейских языках: 16 зоонимов встречается в немецких КФЕ, в английских 13, в русских 12. В то время как в китайских компаративах отмечено только 7 обозначений домашних животных. Во-первых, это объясняется тем, что в анализируемых нами КФЕ используются зоонимы, которые не имеют гендерную пару в вербальном выражении. Зоонимы 牛 *niú*, 羊 *yáng*, 鸡 *jī*, 马 *mǎ* мы можем назвать гендерно-нейтральными. Существительное 牛 *niú* может обозначать как корову, так и быка, а существительное 羊 *yáng* – не только барана и овцу, но еще и животных того же вида (козел и коза). Петух и курица также не разграничиваются, в устойчивых сравнениях они обозначены иероглифом 鸡 *jī*, а лошадь и конь – иероглифом 马 *mǎ*. Во-вторых, в китайском языке есть понятие 六畜 *liùchù* (шесть основных домашних животных и птиц): корова/бык, конь/лошадь, баран/овца, свинья, собака, петух/курица. Они наделены значимыми коннотативными признаками и обладают большей продуктивностью в качестве стержневого компонента для КФЕ.

Наибольшее количество КФЕ построено на сравнении с *собаками* и *кошками*. Причем в английском языке встречается больше компаративов с упоминанием кошек, а в немецком языке – собак, в то время как в русском и китайском языках это количество в среднем сопоставимо со всеми остальными домашними животными. Также во всех исследуемых языках обнаружены компаративы, содержащие такие зоонимы, как *свинья*, *лошадь*, *осел*, *бык* и *корова*. Таким образом, мы видим очерченный круг наиболее распространенных домашних животных, которых держали носители изучаемых нами языков.

Необходимо отметить, что в отличие от китайского языка наименования самок/самцов, а также некоторых детенышей в английском, немецком и русском языках рассматриваются как отдельные зоонимы, так как они создают различные образные значения и не могут восприниматься как обозначение одного и того же животного. Например:

– баран (РЯ: *смотреть как баран новые ворота*), овца (НЯ: *dumm wie ein Schaf* 'глупый', *sanft wie ein Schaf* 'застенчивый', РЯ: *кроткий как овечка*) и ягненок (АЯ: *as innocent as a lamb*, НЯ: *unschuldig wie ein Lamm*, РЯ: *невинный аку/как агнец*);

– бык (АЯ: *like a bull in the china shop* букв. как бык в китайской лавке 'неуклюжий', НЯ: *dastehen wie der Ochs vom Berg* 'беспомощный, растерянный', РЯ: *реветь как бык* – очень громко (АЯ: *as awkward as a cow on roller skates* 'неловко, неуклюже', НЯ: *dumm wie eine Kuh* 'глупый', РЯ: *как корова языком слизала* – о быстром исчезновении ч.-л.) и теленок (НЯ: *mutwillig wie ein Kalb* 'резвый как теленок', *glotzen / Augen machen wie ein abgestochenes Kalb* 'очень удивленный взгляд', РЯ: *глаза как у теленка* – наивный, доверчивый взгляд);

– кошка (АЯ: *like a cat on hot bricks* 'как кошка на горячих камнях – очень нервничать', НЯ: *zäh wie eine Katze sein* 'живучий, выносливый', РЯ: *на душе будто кошки скребут*), кот (РЯ: *как кот вокруг сметаны* – не решаться на к-л. действие) и котенок (АЯ: *as weak as a kitten* 'слабый, хилый', РЯ: *беспомощный как котенок*).

По той же причине как отдельные зоонимы рассматриваются и породы собак. Однако стоит заметить, что наблюдаются они только в английском и в немецком языках, причем встречающиеся породы не повторяются. В английском языке отмечены бульдог (*like a bulldog chewing a wasp* 'как бульдог, проглотивший осу' – о перекошенном лице) и гончая (*as clean as a hound's tooth* 'чистый, как зуб гончей' – очень чистый), в немецком – пудель (*an jemandem ablaufen wie das Wasser am Pudel* 'стекать как с пуделя вода' к.-л. все нипочем, *nass wie ein Pudel* (букв.: мокрый, как пудель 'очень мокрый') и мопс (*sich ärgern wie ein Mops* 'очень злиться'). Данный факт, по-видимому, свидетельствует о том, что носители английского и немецкого языков имели больше возможностей наблюдать за поведением и повадками различных пород собак, чем носители русского и китайского, что и закрепилось в соответствующих устойчивых сравнениях.

Обозначим схожие образы, обнаруженные в изученных КФЕ. Бык во всех исследуемых языках символизирует силу: *as strong as an ox*, *stark wie ein Stier*, силен как бык, здоровый как бык, 气力如牛 *qì lì rú niú*, 壮健如牛 *zhuàngjiàn rú niú*. Осел символизирует упрямство: *as stubborn as a donkey*, *störrißch wie ein Esel*, упрямый как осел, 固执如驴 *gùzhì rú lǘ*. Сравнение со свиной часто говорит о лишнем весе – *as fat as a pig*, жирный как свинья, 胖得跟猪似的 *pàng de gēn zhū shìde*, 胖得像猪 *pàng de xiàng zhū*; и нечистоплотности – *as filthy as a pig*, *schmutzig wie ein Schwein*, грязный как свинья. Недружелюбное взаимодействие собак и кошек отмечается в английской, немецкой и русской фразеологии в сравнениях *to fight like cats and dogs*, *leben wie Hund und Katze*, *жить как кошка с собакой*. Лошадь выступает символом трудолюбия и тяжелой работы: *work like a horse*, *arbeiten wie ein Pferd*, работать / пахать как лошадь, фразеологизм 做牛做马 *zuò niú zuò mǎ*, который может быть расширен до 像牛马似地为人辛苦劳碌 *xiàng niúmǎ shìde wèi rén xīnkǔ láolù* 'работать как вол, пахать как лошадь'.

Стоит отметить также структурную особенность некоторых из анализируемых нами единиц. В китайском языке распространены КФЕ с параллельной конструкцией. Такие фразеологизмы содержат два равноправных двучленных звена, в каждом из которых есть компонент-зооним и основание для сравнения. Например, если у человека крепкое телосложение, то говорят 虎背熊腰 *hǔbèi xióngyāo*, т.е. 背宽厚如虎, 腰粗壮如熊 *bèi kuānhòu rú hǔ, yāo cūzhuàng rú xióng* 'спина широкая, как у тигра, поясница крепкая, как у медведя'. На наш взгляд, двойное сравнение усиливает впечатление, делает фразеологизм более экспрессивным, сохраняя лаконичность высказывания.

Также необходимо обратить внимание на специфические национальные символы, обнаруженные в некоторых проанализированных КФЕ. В китайском компаративе 人模狗样 *rén mú gǒu yàng*, т.е. 身分是人, 举止形容却像狗 *shēnfēn shì rén, jǔzhǐ xíng róng què xiàng gǒu* 'человек, а ведет себя, как собака', собака сравнивается с лицемером, притворщиком, т.е. человеком, внешний облик или поведение которого не соответствует реальности. Компаратив 像三脚猫 *xiàng sānjiǎomāo* 'как

трёхлапая кошка' обозначает человека, несведущего в каком-либо деле, дилетанта. Большой объем чего-либо в китайском языке сравнивается с количеством шерсти у быка: 多如牛毛 *duō rú niú máo*. В немецком языке собака помимо верности, усталости и болезней, связанных с плохими условиями жизни, символизирует также решительность: *rangehen wie Hund an die Buletten* 'решительно взяться за дело', что не совпадает с образами, представленными в смежных КФЕ исследуемых языков. Что касается кошки, то в немецкой фразеологии она символизирует коварство и лживость (*falsch wie eine Katze*), а также ловкость (*flink wie eine Katze*). В английской фразеологии закреплено использование морской свинки медиками и биологами в качестве подопытного животного – *serve as a guinea pig*. В русском языке бесполезность человека в какой-либо области отражается в КФЕ *толку как от козла молока*, где зафиксирована физиологическая невозможность самца давать молоко.

Перейдем к описанию группы «Дикие животные». В немецкой фразеологии дикая фауна представлена шире как по разнообразию встречающихся зоонимов – 22 из 27 (для сравнения в АЯ 14 из 27, РЯ 18 из 27, КЯ 11 из 27), так и по количеству КФЕ с отдельными компонентами. Например, барсук упоминается в 11 КФЕ (в то время как в АЯ – 2, РЯ – 3, КЯ – 0), медведь в 8 (АЯ – 3, РЯ – 3, КЯ – 2), обезьяна в 6 (АЯ – 1, РЯ – 2, КЯ – 3). Было бы излишне смело предположить, что данное количественное соотношение объясняется преобладающим богатством немецкой фауны над английской, русской и китайской, но ее фразеологическая репрезентация однозначно шире среди исследуемых языков.

Среди 27 ключевых компонентов КФЕ данной группы во всех рассматриваемых языках встречаются такие зоонимы, как лиса, волк, медведь, слон, обезьяна, мышь, лев. Очевидно, что перечисленные животные не являются одинаково типичными представителями фауны для всех стран, где распространены исследуемые языки. Повторяемость появления именно этих зоонимов в КФЕ свидетельствует скорее об особой яркости заложенных в них образов. При этом символизм, присущий тем или иным зоонимам, может как совпадать в изучаемых языках, так и различаться. Рассмотрим это на примерах.

Среди совпадающих во всех или нескольких из рассматриваемых языков символов можно назвать следующие: волк символизирует сильный голод (*as hungry as a wolf / hungrig wie ein Wolf / голодный как волк / 饿如虎狼 è rú hǔláng* 'голодный как волк и тигр'); лев – храбрость (*as bold as a lion / tapfer wie ein Löwe / храбрый как лев / 勇猛如狮 yǒngměng rú shī*); лиса – хитрость (*as sly as a fox / listig wie ein Fuchs / хитрый как лиса / 狡如狐 jiǎo rú hú*); крот – слабое зрение (*blind as a mole / blind wie ein Marmeltier / слепой как крот*); обезьяна – подвижность, озорство (*wie ein Affe springen, klettern / гримасничать, прыгать как обезьяна / 像猴子一样淘气 xiàng hóuzi yīyàng táoqì* 'озорная как обезьяна'); слон – неуклюжесть (*as clumsy as an elephant / wie ein Elefant im Porzellanladen / как слон в посудной лавке*).

Среди несовпадающих с другими исследуемыми языками можно отметить такие специфические символы, как хорошая память, приписываемая немцами слону (*ein Gedächtnis wie ein indischer Elefant haben, nachtragend wie ein indischer Elefant sein*) и крепкий сон, свойственный крысе (*schlafen wie eine Ratte*); покорность и робость, отмечающее зайца (*驯服如兔 xùnfú rú tù* 'покорный, как заяц'). Прежде всего, маленький размер этого животного создает впечатление существа слабого по сравнению с хищниками: *如兔起鹘落 rú tù qǐ hú luò* 'как заяц появляется, так ястреб бросится на него' (образно в значении 'быстро и метко'). Главные черты – скорость и гибкость – находят отражение во фразеологизмах: *动若脱兔 dòng ruò tuō tù* / *矫如脱兔 jiǎo rú tuō tù* 'действовать быстро словно спасающийся заяц'. Любопытно, что иероглиф, в состав которого входят три компонента *兔 tù* 'заяц / кролик' (*兔* разнопись от *趁*), имеет значение 'действовать быстро'. Принято считать, что помимо быстроты, зайцы хитры и изворотливы: *狡兔三窟 jiǎo tù sān kū* 'у хитрого зайца три норы', данное выражение используется в значении «выкручиваться». Как и европейцы, китайцы считают зайца животным трусливым (*胆小如兔 dǎnxiǎo rú tù*).

Амбивалентным в китайской культуре является образ лисы. Кроме хитрости, её наделяют такими качествами, как злонамеренность и мстительность. Выражения *像九尾狐 xiàng jiǔwěihú* 'как девятихвостая лиса' и фразеологизм *城狐社鼠 chéng hú shè shǔ* 'лиса в городской стене и крыса из храма земли' (производный от него компаратив *狡若城狐 jiǎo ruò chéng hú* 'хитрый как лиса в городской стене') используются для описания коварных и подлых людей, которые пользуются своей неприкосновенностью и тайно наносят вред другим.

В качестве специфического образного значения в английских КФЕ воспринимается неуклюжесть ежа (*as a hedgehog on ice*). В русской фразеологии национально окрашенным можно считать значение алчности в КФЕ *смотреть как мышь на крупу*, непредсказуемости – *как обезьяна с гранатой*, полного удовлетворения – *довольный как слон*.

Отдельно стоит сказать о зоонимах, встречающихся только в одном из изучаемых языков. Для английского языка – это бобр (*as busy as a beaver* 'энергичный, занятый') и летучая мышь (*like a bat out of hell* 'быстро, неожиданно', *as blind as a bat* 'слепой'); для немецкого – буйвол (*nachtragend wie ein Wasserbüffel* 'злопамятный'), косуля (*scheu wie ein Reh* 'застенчивый'), ласка (*flink sein wie ein Wiesel* 'ловкий'), рысь (*Augen / Ohren haben, wie ein Luchs, aufpassen wie ein Luchs* 'быть начеку, все видеть, слышать'); для китайского – панда (像大熊猫一样圆滚滚, 胖墩墩 *xiàng dàxióngmāo yīyàng yuángǔngǔn, pàngdūndūn* 'полная как панда', 黑眼圈像大熊猫一样 *hēiyǎnquān xiàng dàxióngmāo yīyàng* 'синяки под глазами как у панды'), а также тигр. Отметим, что в китайской культуре наблюдается амбивалентная оценка этого животного. Тигр (虎 *hǔ*) – это, с одной стороны, воплощение храбрости (虎将 *hǔjiàng* 'тигр-генерал' образно о храбром военачальнике), силы и здоровья (生龙活

虎 *shēnglóng huóhǔ* о человеке, полном энергии; 如虎添翼 *rú hǔ tiān yì* 'как если бы тигру ещё и крылья добавить' (делать что-то с удвоенной силой). С другой стороны, образ этого животного имеет отрицательную коннотацию. Нередко ему приписываются такие характеристики, как злость (像母老虎 *xiàng mǔlǎohǔ* 'как тигрица', так образно называют злую, свирепую женщину), жестокость (如狼似虎 *rúláng sìhǔ* 'подобный волку и тигру') и жадность (官虎吏狼 *guān hǔ lì láng* 'чиновники подобны тиграм и волкам'; 饿虎扑食 *èhǔ pūshí*, т.е. 像饥饿的老虎扑向食物一样 *xiàng jī è de lǎohǔ pū xiàng shíwù yīyàng* 'как голодный тигр набрасывается на пищу'). Можно сказать, что китайцы оценивают положительно внешний облик зверя и негативно относятся к его нраву. Тигр – это также символ власти, поэтому нередко встречаются сравнения правителей с тигром: 伴君如伴虎 *bàn jūn rú bàn hǔ* 'дружба с повелителем подобна дружбе с тигром' (ожидать от властного человека можно чего угодно). Вероломного и двуличного человека китайцы называют улыбающимся тигром (像笑面虎儿 *xiàng xiàomiàn hǔr*). Согласно легенде, дух убитого тигром человека (伥鬼 *chāngguǐ*) помогал зверю причинять вред еще живым людям, заманивая новые жертвы. Радикал тигра 虍 входит в иероглиф 虐 (прил. 'жестокий, зверский', глагол 'мучить, истязать', сущ. 'пытка, жестокость'). Среди русскоязычных КФЕ подобных примеров с уникальной коннотацией не обнаружено.

Следующая рассматриваемая группа – «Птицы», в нее были включены ФЕ с обозначениями как диких, так и домашних пернатых. Остановимся на некоторых ее характеристиках, представляющих исследовательский интерес.

В 111 проанализированных КФЕ встречаются 22 наименования птиц (17 диких и 5 домашних). Наибольшая семантическая проработанность по-прежнему наблюдается в немецкой фразеологии (48 КФЕ) в сравнении с 21 КФЕ в английском, 25 КФЕ в русском и 17 КФЕ в китайском языках. Европейские языки сопоставимы друг с другом и по количеству обнаруженных компонентов-орнитонимов: 13 в английском языке, 18 в немецком и 13 в русском. В китайском языке отмечено упоминание 9 птиц в устойчивых сравнениях, что логично продолжает иллюстрацию общего количественного соотношения, обусловленного исходным объемом собранного материала.

Среди ключевых компонентов КФЕ данной группы во всех рассматриваемых языках встречаются такие орнитонимы, как *воробей, гусь, утка, лебедь, курица и сорока*. Данные птицы, как домашние, так и дикие, выступают объединяющим фактором, отражающим сходство окружающей среды носителей исследуемых языков. Однако разная количественная наполненность некоторых других разделов свидетельствует и о существующих национальных «приоритетах».

Так, в китайском языке обнаруживается большее число КФЕ с компонентом *журавль*, в немецком – с орнитонимами *гусь* и *курица*, тогда как в английском и русском языках заметного численного перевеса в сторону каких-либо наименований птиц не наблюдается. Данный факт позволяет предполагать, что в связи со

своей большей распространенностью, а также бытовой важностью указанные птицы представляют и большую ценность для соответствующих лингвокультур.

Некоторые образы повторяются в КФЕ изучаемых языков. Например, черный цвет ассоциируется с вороном или вороной: *as black as a crow, schwarz wie ein Krähenflügel*, *черный как вороново крыло*. Гусь / гусыня символизирует глупость: *as silly as a goose, dumm wie eine Gans*, *глупая как гусыня*. Походка вразвалку свойственна утке или гусю, что зафиксировано в соответствующих сравнениях: *wie eine Gans / Ente watscheln, ходить как утка/гусь, 鵞行鴨步 éxíngyābù*, т.е. *像鵞和鴨子走路 xiàng é hé yāzi zǒulù*. Сорока часто выступает символом болтливости: *chatter like a magpie, wie eine Elster schwatzen*, *трепаться как сорока*. Образ мокрой / ощипанной курицы также закреплен во всех рассматриваемых языках в КФЕ, описывающих не слишком презентабельный внешний вид: *as mad as a wet hen, wie ein gerupftes Huhn aussehen*, *выглядеть как мокрая / ощипанная курица, 如落汤鸡 rú luòtāngjī* 'как курица в супе'.

Особый интерес представляют КФЕ, содержащие специфические для изучаемых языков образы. В китайской лингвокультуре образ совы преимущественно отрицательный. В китайском бестиарии известно существо под названием «сяоцзин» (枭獍 xiāojìng) – мифическая сова, которая выклевала глаза у вскормившей её матери [22]. В настоящее время так образно называют непочтительных детей и неблагодарных людей. Два орнитонима (филин и феникс 枭鸾 xiāoluán) используются для описания пары 'негодяй и совершенный человек'. Если человек угрожает кому-то, то китайцы используют скрытое сравнение 如鸱张 *rú chīzhāng* 'сова простирает крылья'). Коварный и свирепый человек сравнивается с тигром и совой 鸱目虎吻 *chīmùhǔwěn*, т.е. *目光似鸱鹰, 嘴形像猛虎 mùguāng shì yàoyīng, zuǐ xíngxiàng měnghǔ* 'глаза как у совы и уста как у свирепого тигра'. В немецком языке сова встречается в сравнении, основанном на ночном образе жизни данной птицы (*Gesicht wie eine Eule machen* – букв. *делать лицо как у совы 'заспанное лицо'*), а также ассоциируется с ситуацией преследования со стороны общества (*wie die Eule unter den Krähen leben* – букв. *жить как сова среди ворон*). В английском языке необычным символом выступает гусь (*as loose as a goose* может обозначать как распушенного человека без моральных принципов, так и спокойного человека).

Также в составе КФЕ группы «Птицы» встречаются орнитонимы, обнаруженные только в одном из исследуемых языков. Таковыми являются сойка (*as naked as a jaybird* 'голый') и хохлатый баклан (*as wet as a shag* 'мокрый') в английском языке, галка (*neugierig wie eine Dohle* 'любопытный') и орел (*frei wie ein Adler* 'свободный', *kühn / tapfer wie ein Adler* 'храбрый') в немецком языке, индюк (*важний как индюк*) и тетерев (*глухой как тетерев*) в русском языке, сокол (如鷹在籠 *rú yīng zài lóng* 'как сокол в клетке', 鷹瞵鸞視 *yīnglínèshì*, т.е. *像鷹一樣凶狠地注視着 xiàng yīng yīyàng xiōnghěnde zhùshì zhe* 'смотреть пристально, как свирепый сокол'), в китайском языке. Еще одним специфическим симво-

лом для китайцев является журавль – птица, символизирующая долгожительство. Активных и молодежавых пожилых людей китайцы описывают следующим образом: 鹤发童颜 *hèfà tóngyán*, т.е. *像鶴的羽毛那樣白的頭髮, 像兒童面頰那樣紅潤的臉色 xiàng hè de yǔmáo nàiyàng bái de tóufa, xiàng értóng miànjí nàiyàng hónggrùn de liǎnsè* 'волосы белые как перья журавля и детское лицо с румяными щеками'. Двойное сравнение представлено в другом КФЕ, которое также является пожеланием долголетия: 龟鹤齐寿 *guī hè qí shòu* 'жить долго, как черепаха и журавль'. В Китае журавль – это также символ знатности, благородства и таланта. Во времена династий Мин и Цин чиновники первого гражданского ранга носили платья с изображением журавлей на буфоне (квадратная нашивка на груди и спине) [23. С. 65]. Талантливый человек в китайском языке может быть описан КФЕ 鶴立鸡群 *hèlì jīqún*, т.е. *像鶴站在鸡群中一樣 xiàng hè zhàn zài jīqún zhōng yīyàng* 'стоит как журавль среди стаи кур'.

В следующую рассматриваемую группу были объединены **рыбы, моллюски, земноводные и пресмыкающиеся**. В сравнении с уже описанными разделами, данная группа не столь многочисленна, что, возможно, объясняется тем, что человек, во-первых, имел меньший контакт с различными представителями данного класса фауны, во-вторых, подробно не дифференцировал их. Косвенно этот факт подтверждается и тем, что наибольшее количество КФЕ во всех анализируемых языках содержит гипероним «рыба» как объединяющее обозначение всех водоплавающих. Исключение составляют такие наименования рыб, как *камбала, угорь и сардина/сельдь*, которые входят в состав КФЕ, встречающихся в европейских языках. Данный факт обусловлен, по-видимому, необычным внешним видом рыбы (камбала, угорь) и промышленной ценностью (сельдь/сардина).

Всего анализу было подвергнуто 57 КФЕ, содержащих 13 обозначений данных животных. Как уже было сказано, больше всего (6 КФЕ в НЯ и по 4 в остальных исследуемых языках) устойчивых сравнений во всех исследуемых языках включают в себя компонент «рыба». При этом обнаруживается как сходство образов, так и их различие. Например, в КФЕ *sich fühlen wie ein Fisch im Wasser*, *чувствовать себя как рыба в воде, 如魚得水 rú yú dé shuǐ* и *like a fish out of water, sich fühlen wie ein Fisch auf dem Trockenen*, *如魚離水 rú yú lí shuǐ* 'как рыба без воды' делается акцент на воде, как естественной среде обитания рыб; в КФЕ *as dumb as a fish, stumm wie ein Fisch*, *немой как рыба* подчеркивается природная «молчаливость» рыб. В то же время в некоторых других отобранных КФЕ обнаруживаются своеобразные, не типичные для других языков образы. Так в английском языке с рыбой сравнивают пьющего человека: *to drink like a fish*, в немецком языке хладнокровного, бесчувственного человека (*kalt wie ein Fisch*), в русском языке человека, предпринимающего бесполезные усилия (*биться как рыба об лед*).

Также объединяющим для всех языков ключевым компонентом КФЕ данной группы является «змея».

Однако образы, положенные в основу сравнений, совпадают не во всех изучаемых языках. Общим признаком для всех рассматриваемых языков является ядовитое свойство змеи, оно отражается в следующих компаративах: *as venomous as a snake*, *giftig wie eine Schlange*, *хитер как змей*, 毒如蛇蝎 *dú rú shé xiē* 'жестокий/ядовитый как змея и скорпион'. Помимо этого, в немецком языке змея выступает символом коварства (*falsch wie eine Schlange*), с одной стороны, и мудрости (*klug wie eine Schlange*) – с другой. В китайском языке жадный человек уподобляется змее, пытающейся проглотить слона (人心不足蛇吞象 *rén xīn bù zú shé tūn xiàng*). Китайцы также сравнивают плохой почерк со следовыми дорожками, которые оставляют извивающиеся змеи и черви: 春蚓秋蛇 *chūnyǐn qiūshé*, т.е. 像蚯蚓和蛇爬行的痕迹 *xiàng qiūyǐn hé shé páxíng de hénjì* 'как след дождевого червя и змеи'.

Помимо уже упомянутых схожих образов стоит отметить и некоторые другие. Так, улитка олицетворяет медленное передвижение: *langsam wie eine Schnecke*, *ползти как улитка*, 慢如蜗牛 *màn rú wōniú* 'медленный как улитка'; устрица – скрытность: *as close/dumb as oysters*, *verschlossen sein wie eine Auster*; угорь или уж – изворотливость: *as slippery as an eel*, *glatt wie ein Aal*, *sich winden wie ein Aal*, *извиваться как уж на сковороде*; сваренный рак – красный цвет: *as red as a lobster*, *rot wie ein Krebs*, *красный как рак*; упакованные для транспортировки или хранения сардины или сельдь – тесноту: *packed in like sardines*, *wie Sardinen in der Büchse*, *как селетки в бочке*.

Отметим и несколько образов, не совпадающих с другими исследуемыми языками. Так, черепаха в китайском языке, помимо долголетия, ассоциируется с безвыходным положением: 像瓮中之鳖 *xiàng wèng zhōng zhī biē* 'как черепаха в глиняном чане', тогда как в русском языке это животное, как и улитка, символизирует медленную скорость: *ползти / передвигаться как черепаха*. Лягушка или жаба в изучаемых языках также связывается с различными образами: в английском языке – *as calm as a toad in the sun* 'спокойный как жаба на солнце', в немецком языке – *sich wie ein Frosch / eine Kröte aufblasen* 'хвастаться, раздувать щеки', в русском языке – *противный как жаба*, в китайском языке – 像井底之蛙 *xiàng jǐngdǐ zhī wā* 'как лягушка на дне колодца (человек с узким кругозором)'.

Обратимся к последней из рассматриваемых тематических групп – «Насекомые». Данная группа является самой малочисленной по составу в сравнении с остальными выделенными группами.

В 41 изученной КФЕ обнаружено 15 инсектонимов. Из всех рассмотренных нами групп количественное распределение отобранных примеров в данной группе самое равномерное: 13 КФЕ в английском, по 10 КФЕ в немецком и русском и 8 КФЕ в китайском языках, что говорит по-видимому, о приблизительно одинаковом отношении представителей изучаемых лингвокультур к данному зоологическому классу.

В отличие от описанных ранее тематических блоков в группе «Насекомые» не обнаруживается абсолютных совпадений во всех рассматриваемых языках по создаваемому ключевым компонентом образу. Инсектоним *пчела* встречается во всех изучаемых языках,

но символом трудолюбия он выступает только в английском, немецком и русском: *busy as a bee*, *fleißig wie eine Biene*, *трудиться как пчелка*. В китайском языке иероглиф 蜂 *fēng* может обозначать не только пчёл, но и являться родовой морфемой для других пчелиных, например, для ос, шершней и шмелей. В Древнем Китае пчела – это символ жестокости, внимание акцентируется на том, что это прежде всего жалящее насекомое. Источником устойчивых сравнений и идиом в большинстве случаев являются древнекитайские тексты, где достаточно сложно идентифицировать, какое же конкретно насекомое имеется ввиду. Так, например, КФЕ 蜂拥而来 *fēngyōng ér lái*, т.е. 像蜂群似的拥挤着狂奔而来 *xiàng fēngqún shìde yōngjǐ zhe kuángbēn ér lái* 'налететь как пчелиный рой' по-видимому происходит от словосочетания 蜂起 *fēngqǐ*, т.е. осы/пчелы поднялись роем, первый раз его использовал Сы Мацян в «Исторических записках» [24. Р. 102], написанных в период с 109 по 91 гг. до н. э. С тех пор оригинальное словосочетание применяется для описания бунтов и мятежей, а производная идиома – для описания давки, большого скопления людей.

Отдельные образные совпадения можно найти и с другими инсектонимами. В отношении мухи в немецком и русском языках встречаем следующие примеры: *matt wie eine Fliege* – как сонная муха; *lästig / frech wie eine Fliege* – надоедливый как муха; *sterben / umfallen wie die Fliegen* – мрут как мухи. Также обнаруживаем образную пару в английском и русском языках: *float like a butterfly* – порхать как бабочка. Образ мотылька, летящего на свет, к своей верной гибели запечатлен в следующих КФЕ: *wie Motten*, *die das Licht umschwärmen / umschwirren* – как мотылек лететь на свет – 飞蛾投火 *fēi'é tóuhuǒ*.

Остановимся на примерах несовпадающих образов, рожденных насекомыми в разных языках. В то время как в немецком и русском языках отмечается трудолюбие муравья (*fleißig wie eine Ameise*, *трудолюбивый как муравей*), в китайском языке подмечаются другие особенности данного насекомого: 如蚁慕膻 *rú yǐ mù shān* 'как муравьи на запах'. В английском языке мухе приписывается завышенное самомнение: *like a fly on the wheel*; блохе – хорошее здоровье: *fit as a flea*.

Также необходимо отметить инсектонимы, обнаруженные в составе устойчивых сравнений только одного из изучаемых языков, что свидетельствует о национальной окрашенности отраженных в них образах. В китайском языке встречаем упоминание цикады (噤若寒蝉 *jìn ruò hán chán* 'молчать как цикада зимой – не смей и слова вымолвить') и богомола (螳臂当车 *tángbì dāngchē* 'как богомол, который лапками задерживает колесницу' – о непосильной задаче); в английском языке – шершня (*as mad as a hornet* 'злой как шершень') и сверчка (*as lively as a cricket* 'жизнерадостный как сверчок'); в немецком языке – паука (*giftig wie eine Spinne* 'ядовитый как паук') и майского жука (*pumpen wie ein Maikäfer* 'тяжело дышать').

Подводя итоги, отметим следующее. Проведенный анализ позволил подтвердить общие тенденции сравнений человека с животными для описания

определенных качеств характера или поведения, однако в отличие от европейских языков в китайском данные сравнения чаще имеют мифологические корни, чем бытовые. Прежде всего, различия на уровне коннотативной оценки КФЕ объясняются разной наполненностью образов-эталонов в проанализированных нами лингвокультурах. Обстоятельством, усложняющим сопоставление, явилась гендерная нейтральность некоторых образов китайской лингвокультуры. В большинстве случаев двойственность или многомерность образа в китайском языке объясняется наличием нескольких ипостасей одного и того же животного. Эталонный образ складывается из базовых представлений о внешнем облике

и нраве того или иного животного и характеристик особых зооантропоморфных существ, которые имеют черты данного животного и упоминаются в мифах и произведениях классической литературы. В отличие от западных лингвокультур, в китайской лингвокультуре этот пласт наложений толще. Таким образом, можно сделать вывод, что через систему оценочных образов-эталонов выражается национальная самобытность лингвокультуры. Изучая и сопоставляя образы-эталоны, мы можем получить информацию не только об эстетических представлениях народа-носителя того или иного языка, но и об особенностях национального менталитета.

Список источников

1. Абрамова Г.И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики: на примере русского, казахского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 24 с.
2. Демьянович Н.И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках: сопоставительный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 257 с.
3. Кабанова Н.М. Компаративные фразеологические единицы болгарского, сербохорватского и словенского языков : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 283 с.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
5. Мокиенко В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография. СПб. : Грайфсвальд, 2016. 278 с.
6. Кузнецова И.В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 14 с.
7. Федулёнок Т.Н., Адамия З.К., Чабашвили М. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте. М. : Академия естествознания, 2014. 218 с.
8. Пайзулаева З.Х. Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 25 с.
9. Финк Ж. Сравнительные фразеологизмы: национальные и общевропейские // Сборник докладов международной филологической конференции ИРК 2013. URL: <http://mfk.spbu.ru/ru/issues/2384/1431> (дата обращения: 14.07.2023).
10. Бхатти Н.В., Ковш Е.В., Харитонова Е.Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. № 23(3). С. 760–772.
11. Харитонова Е.Ю. Анималистические пейоративы в немецкой компаративной фразеологии: гендерный аспект // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М. : НОПриЛ, 2022. № 4 (40). С. 32–40.
12. Ян Вэнхуэй. Русские устойчивые сравнения с зоонимами, описывающие черты характера человека, в русском и китайском языках // Преподаватель XXI век. 2020. № 3-2. С. 436–451.
13. Ли Сьюй, Ван Дэнцзэн. Лингвокультурное своеобразие русской и китайской фразеологии на материале фразеологизмов, содержащих зоонимы // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 3 (61). С. 182–192.
14. Чжоу Ян. Устойчивые сравнения с компонентом-зоонимом для характеристики непривлекательной внешности человека в русской картине мира (на фоне китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 8. С. 2421–2425.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.03.2024).
16. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 30.03.2024).
17. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 30.03.2024).
18. Duden. Bd. 11. Redewendungen: Wörterbuch der Deutschen Idiomatik. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2002.
19. Cambridge international dictionary of idioms. Cambridge University Press, 2002. 604 p.
20. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.03.2024).
21. BLCU Corpus Center (BCC). URL: <http://bcc.bcu.edu.cn> (дата обращения: 30.03.2024).
22. 百度.百科: 泉鏡. URL: <https://baike.baidu.com/item/泉鏡> (дата обращения 31.03.2024).
23. Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика. История. М. : Наука, 1975. 172 с.
24. Animals through Chinese History. Earliest Times to 1911 / Ed. by Roel Sterckx, Martina Siebert, Dagmar Schäfer. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 277 p.

References

1. Abramova, G.I. (2004) *Etnosemantika frazeologicheskikh komparativnykh edinits kak element natsionalno-kulturnoy spetsifiki: na primere russkogo, kazakhskogo i angliiskogo yazykov* [Ethnosemantics of phraseological comparative units as an element of national-cultural specificity: on the example of Russian, Kazakh and English languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala.
2. Demyanovich, N.I. (1980) *Ustoichivye sravneniya so znacheniem sostoyaniya v russkom, cheshskom i slovatskom yazykakh: sopostavitelnyy analiz* [Stable comparisons with the meaning of state in Russian, Czech and Slovak languages: a comparative analysis]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
3. Kabanova, N.M. (1986) *Komparativnye frazeologicheskie edinitsy bolgarskogo, serbokhorvatskogo i slovenskogo yazykov* [Comparative phraseological units of Bulgarian, Serbo-Croatian and Slovenian languages]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
4. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bolshoy slovar russkikh narodnykh sravneniy* [Large Dictionary of Russian Folk Comparisons]. Moscow: OLMA Media Group.
5. Mokienko, V.M. (2016) *Ustoichivye sravneniya v sisteme frazeologii* [Stable Comparisons in the Phraseology System]. St. Petersburg: Graifsvald.
6. Kuznetsova, I.V. (1995) *Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka (v sopostavlenii s ukrainskimi i serbokhorvatskimi)* [Stable comparisons of the Russian language (in comparison with Ukrainian and Serbo-Croatian)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
7. Fedulenkova, T.N., Adamiya, Z.K. & Chabashvili, M. (2014) *Frazeologicheskoe prostranstvo natsionalnogo slovary v sopostavitelnom aspekte* [Phraseological space of the national dictionary in a comparative aspect]. Moscow: Akademiya estestvoznaniya.

8. Payzulaeva, Z.Kh. (2010) *Komparativnye frazeologicheskie edinit'sy avarskogo i angliiskogo yazykov* [Comparative phraseological units of Avar and English languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala.
9. Fink, Zh. (2013) [Comparative phraseological units: national and pan-European]. *Sbornik dokladov mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii IPK 2013* [Collection of reports of the international philological conference IPK 2013]. [Online] Available from: <http://mfk.spbu.ru/ru/issues/2384/1431> (Accessed: 14.07.2023). (In Russian).
10. Bkhatti, N.V., Kovsh, Ye.V. & Kharitonova, E.Yu. (2021) Kulturologicheskie osobennosti frazeologicheskikh komparativov v indoevropeyskikh yazykakh (na materiale angliiskogo, nemetskogo, russkogo yazykov i urdu) [Cultural features of phraseological comparatives in Indo-European languages (based on English, German, Russian and Urdu)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (3). pp. 760–772.
11. Kharitonova, E.Yu. (2022) Animalisticheskie peiorativy v nemetskoj komparativnoy frazeologii: gendernyy aspekt [Animalistic pejoratives in German comparative phraseology: gender aspect]. *Uchenye zapiski Natsionalnogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*. 4 (40). pp. 32–40.
12. Yan Venkhuey. (2020) Russkie ustoichivye sravneniya s zoonimami, opisyyvayushchie cherty kharaktera cheloveka, v russkom i kitaiskom yazykakh [Russian stable comparisons with zoonyms describing human character traits in Russian and Chinese]. *Prepodavatel' XXI vek*. 3-2. pp. 436–451.
13. Li Syuyuy & Van Denden. (2022) Lingvokulturnoe svoebrazie russkoy i kitaiskoy frazeologii na materiale frazeologizmov, sodержashchikh zoonimy [Linguocultural peculiarities of Russian and Chinese phraseology based on phraseological units containing zoonyms]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astafeva*. 3 (61). pp. 182–192.
14. Chzhou Yan. (2021) Ustoichivye sravneniya s komponentom-zoonimom dlya kharakteristiki neprivlekatel'noy vneshnosti cheloveka v russkoy kartine mira (na fone kitaiskogo yazyka) [Stable comparisons with a zoonym component for characterizing unattractive human appearance in the Russian worldview (against the background of the Chinese language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8. pp. 2421–2425.
15. Ruscopora.ru. (2024) *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <https://ruscopora.ru/> (Accessed: 30.03.2024).
16. English-corpora.org. (2024) *British National Corpus*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 30.03.2024).
17. Dwds.de. (2024) *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. [Online] Available from: <https://www.dwds.de/> (Accessed: 30.03.2024).
18. Duden. (2002) *Duden*. Bd. 11. Redewendungen: Wörterbuch der Deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
19. CUP. (2002) *Cambridge international dictionary of idioms*. Cambridge University Press.
20. Bkrs.info. (2024) *Bolshoy kitaisko-russkiy slovar* [Large Chinese-Russian Dictionary]. [Online] Available from: <https://bkrs.info> (Accessed: 30.03.2024).
21. BLCU Corpus Center (BCC). [Online] Available from: <http://bcc.blcu.edu.cn> (Accessed: 30.03.2024).
22. Baidu.Baike: *Xiao Jing*. [Online] Available from: <https://baike.baidu.com/item/窈窕> (Accessed: 31.03.2024).
23. Sychev, L.P. & Sychev, V.L. (1975) *Kitaiskiy kostyum. Simvolika. Istoriya* [Chinese costume. Symbolism. History]. Moscow: Nauka.
24. Sterckx, R., Siebert, M. & Schäfer, D. (eds) (2019) *Animals through Chinese History. Earliest Times to 1911*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторах:

Харитонов Е.Ю. – канд. филол. наук, зав. кафедрой индоевропейских и восточных языков Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: charitonova-elena@yandex.ru

Баева М.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Государственного университета просвещения (Москва, Россия); доцент кафедры романо-германских языков и востоковедения Московского международного университета (Москва, Россия). E-mail: beva-maria@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Kharitonova, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Indo-European and Oriental Languages, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: charitonova-elena@yandex.ru

M.P. Baeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation); associate professor, Moscow International University (Moscow, Russian Federation). E-mail: beva-maria@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024;
одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 165
doi: 10.17223/15617793/512/7

Перспективы исследования метапознания для развития естественного и искусственного интеллектов

Юлия Владимировна Логиновская¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, urucel@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты изучения философско-методологических аспектов метапознания. Раскрыта взаимосвязь метапознания с эпистемологией в целом и с личностной эпистемологией. Проанализирована триада метапознания (метазнание, метакогнитивные переживания, метакогнитивная регуляция) в контексте развития естественного и искусственного интеллекта. Показаны возможности и ограничения метапознания для искусственного интеллекта. Сделан вывод о перспективах дальнейшего исследования метапознания.

Ключевые слова: метапознание, метакогнитивная стратегия, личностная эпистемология, рефлексивное знание, неявное знание, мудрость

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Для цитирования: Логиновская Ю.В. Перспективы исследования метапознания для развития естественного и искусственного интеллектов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 61–69. doi: 10.17223/15617793/512/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/7

Prospects of metacognition research for the development of natural and artificial intelligence

Yuliya V. Loginovskaya¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, urucel@yandex.ru

Abstract. Today the research on metacognitive processes is mostly conducted in practice-oriented scientific fields: psychology, pedagogy, and the development of artificial intelligence systems. But philosophy (in particular, epistemology) has the theoretical potential to explicate metacognition. Therefore, the aim of the study is to identify the philosophical and methodological foundations of metacognition, as well as promising areas of research and development of metacognitive strategies for the development of natural intelligence and artificial intelligence. Based on a philosophical and methodological analysis, the article provides a philosophical interpretation of the concept of metacognition and its elements: meta-knowledge, metacognitive experience, and metacognitive regulation. The article reveals the ontological and epistemological prerequisites for studying metacognitive processes and draws analogies with relevant topics in philosophy. The author clarifies the relationship between knowledge and information, cautions against reducing knowledge to data or information, and substantiates the relationship between meta-knowledge and wisdom as characteristics of the maturity of consciousness. The research revealed three aspects of the study of metacognition: reflexive, epistemological, and ontological. As a result, the author highlights the role of reflection in the formation of metacognition in natural intelligence, taking into account the peculiarities of personal epistemology development. Then the author asserts the formation of a metacognitive subject as an observer with metareflexion. At the same time, the role of implicit knowledge is substantiated on the basis of the 4E-approach in cognition (embodied, embedded, enacted, extended). This leads to the understanding of the integrity of the cognitive situation, in which both bodily experience and subjective experiences are important, as well as skills of self-organization and self-regulation being the part of the metacognitive triad. The study of the use of metacognitive strategies in the development of artificial intelligence revealed the possibilities and limitations of metacognition for artificial systems related to their "metacognitive myopia". The author makes the conclusion about a tendency of interdisciplinary research combining philosophy and theories of consciousness, personal epistemology and metacognition to transform the process of the "natural – artificial intelligence" system development, in which human intelligence plays a leading role, and artificial intelligence plays an auxiliary role. The article ends with the conclusion about the inevitable development of metacognition as an individual metacognitive competence and the relevance of the formation of a metacognitive strategic type of thinking.

Keywords: metacognition, metacognitive experience, metacognitive strategy, personal epistemology, reflexive knowledge, implicit knowledge, wisdom

Financial support: The study was carried out within the framework of the Strategic Academic Leadership Programme "Priority 2030".

For citation: Loginovskaya, Yu.V. (2025) Prospects of metacognition research for the development of natural and artificial intelligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 61–69. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/7

В ситуации, когда научные дисциплины и технологии сталкиваются с новыми вызовами, не решаемыми старыми способами, на помощь приходит философия. Ускоряющиеся процессы разработки и применения искусственного интеллекта заставляют исследователей не только заново разграничивать и пересматривать часто используемые понятия, такие как «информация», «знание», «познание», но и переосмысливать процессы производства и передачи знания. Так, с помощью своеобразной рефлексивной надстройки с приставкой «мета-», в научно-исследовательской литературе и современных исследовательских проектах обозначается метауровень организации познания с помощью описания метакогнитивных процессов (метапознания, метакогнитивного опыта, метакогнитивных стратегий, метапонимания, метапамяти и т.д.). Насколько оправданным и перспективным является развертывание нового направления, можно понять, лишь разобравшись в его содержании. Поэтому целью настоящего исследования стало выявление философско-методологических оснований метапознания и перспективных направлений исследования и разработки метакогнитивных стратегий для носителей естественного интеллекта и искусственного интеллекта (ИИ).

Термин «метакогнитивные процессы» является зонтичным и включает в себя целый комплекс рефлексивных, организационных, регулятивных и даже телеологических аспектов метапознания [1]. Метапознание сегодня является в первую очередь предметом исследования метакогнитивизма – междисциплинарного направления, включающего помимо спектра когнитивных наук такие отрасли, как философия сознания, инженерия знаний, педагогическая психология и другие. Однако если в философии, в частности, в теории познания и эпистемологии, большее внимание сегодня уделяется собственно понятию и структуре знания, а также подходам к созданию нового знания [2], то метакогнитивные процессы, связанные с наблюдением, рефлексией, оценкой и организацией познания, чаще соотносятся с более узконаправленными и практико-ориентированными дисциплинами: педагогическая психология, когнитивные науки, философия образования и др.

Согласно автору термина «метапознание» Дж. Флейвеллу (1977), данный феномен тесно связан с самосознанием, а именно со способностью человека регулировать свою когнитивную деятельность [3]. Метакогнитивная компетенция опирается на «знание о собственных когнитивных процессах, их продуктах и обо всем, что связано со свойствами, имеющими отношение к изучению информации и данных» или, если выразиться кратко, является «знанием второго порядка». Флейвелл рассматривал явление метапознания

в двух измерениях: в первом рассматривается *метазнание* как *декларативный компонент* метапознания (личные знания или убеждения о собственных когнитивных процессах и факторах, способствующих или препятствующих получению знания, а также осознание ресурсов для познания). Другими словами, декларативное метазнание образует «*эпистемологическую осведомленность*» в купе с навыками самопонимания, самоэмпатии и саморепрезентацией, т.е. предполагает достаточно высокий уровень сознательности, характеризующийся наличием «внутреннего наблюдателя». Второй – *процедурный* – компонент метапознания затрагивает активный контроль и самостоятельное регулирование процесса познания для достижения определенного познавательного результата.

В современном представлении в структуре метапознания выделяются три основных составляющих: метакогнитивное знание, метакогнитивное переживание и метакогнитивная регуляция. Метакогнитивное знание можно определить как рефлексивное знание о когнитивных и личностных детерминантах познания, которое объединяет в себе следующие аспекты: *декларативное* знание о своих ресурсах и возможностях; *процедурное* знание цели познания и процессов, необходимых для решения проблем; *знание условий*, при которых можно генерировать, передавать и применять знание; знание *об особенностях познания на своем этапе развития* (developmental knowledge) [4].

В философско-методологическом ключе метазнание охватывает онтологические и гносеологические установки, понимание закономерностей познавательного процесса, осведомленность о своем незнании и о методах познания; именно поэтому можно утверждать, что способность к метапознанию нарабатывается при изучении философии и критического мышления. Нарботанное метапознание выводит ученых, исследователей к формированию собственной метапознавательной позиции в виде авторской разработанной методологии, которая может стать метазнанием для других [5. С. 17–18].

Метакогнитивные переживания или чувства весьма многообразны и связаны с ощущениями легкости или трудности обучения, опытом самоэффективности, уверенностью в способности решить задачу или состоянием неопределенности при встрече с познавательной задачей, что обозначается такими состояниями, как «чувство знания», «чувство близости к решению» и «чувство неуспешности в познании» и т.п. [6]. Схожее описание метакогнитивных чувств встречается у Б. Рассела: «Вызывает ли предложение чувство знания или чувство сомнения, зависит от того, оставляет ли оно открытыми альтернативы, призывающие к различным действиям и эмоциям».

Каждая дизъюнкция, которая не является логически исчерпывающей (то есть не имеет вид «А» или не-«А»), даёт некоторую информацию, если она истинна, но информация может оставить нас настолько сомневающимися в том, что делать, что она ощущается как незнание» [7]. В максимальном обобщении метакогнитивные чувства можно свести к интуиции как элементу неявного знания. Метакогнитивные переживания обуславливают субъективные особенности метапознания, которые напрямую связаны с неявным (или контекстуальным) знанием.

Наличие и роль такого интуитивного, контекстуального знания и опыта в метапознании можно назвать основным «камнем преткновения» для развития искусственного интеллекта, не обладающего интуицией как опытом глубинных, неявных связей знания с реальностью человеческого мира. Метакогнитивное переживание по сути является *квалиа* или *сознательным опытом*, в терминах Д. Чалмерса [8]. Соответственно, перспективно рассматривать данный компонент метапознания как атрибут телесно укорененного знания с соответствующей рефлексивной практикой (осознанием) и «проживанием» знания, встраиванием его в структуру жизненных связей. Мы исходим из того, что метапознание в целом определяется субъектностью, т.е. зрелостью сознания и личности, которая характеризуется наличием внутреннего импульса к действию и созидательной, организующей активность сознания. Конечной целью метапознания является выработка собственной эффективной метакогнитивной стратегии для успешного овладения знанием, а для этого должен существовать «сознательный метастратегический уровень мышления» [9].

Поскольку уровень доступности информации и объёма данных на сегодняшний день более чем высокий, особую значимость в метапознании приобретает также его третий компонент – саморегуляция как способность управлять процессом собственного когнитивного развития на основе знания о знании [6]. Саморегуляция в контексте метапознания тесно связана, во-первых, с умением взаимодействовать с информационным потоком, сознательно ограничивая поиск информации и выбирая релевантные источники познания; во-вторых, с самокоррекцией – выявлением и исправлением пробелов в своем познании, отображением качества своего познания на основе некой нормы. Внедрение метакогнитивной практики как саморегуляции при обучении. В исследовательской литературе отмечается, что по мере того, как вырастает значение метакогнитивных стратегий и укрепляется связь между самосознанием и когнитивной реакцией, метапознание в большей мере с саморегуляцией, нацеленной в первую очередь на когнитивную сферу, а не на психосоциальную или поведенческую [10]. Однако среди представителей когнитивных наук наблюдаются расхождения в понимании компонентов метапознания и его соотношения с саморегуляцией.

С философской точки зрения саморегуляция рассматривается как подчиненный элемент стратегического процесса метапознания, а регулятивное начало отводится мышлению как источнику метакогнитивных

компетенций, обеспечивающих возможность сознательной организации собственного познавательного процесса. «Эпистемический мониторинг» (саморефлексия и самопроверка результата познания) поддерживает сознательную регуляцию познавательного процесса, однако для его осуществления требуется способность внутреннего отстранения от познавательной ситуации и взгляда на неё с позиции «наблюдателя», что подразумевает определенную степень развития сознания. Возможно, именно на такой процесс указывает М. Фуко: «В современном когито речь идет о том, чтобы понять все значение того промежутка, который одновременно отделяет и вновь соединяет сознающую себя мысль и ту ее часть, которая укореняется в нем самом» [11. С. 146].

Метакогнитивная регуляция, третья составляющая в структуре метапознания, содержит такие элементы, как мониторинг, критическая оценка, контроль и планирование когнитивных процессов, а также включает стратегии исправления ошибок понимания и управление информацией посредством знания. В данном процессе учитываются не только внутренние механизмы самоорганизации и способы мышления, но и непосредственное влияние социокультурной среды и взаимодействий как стимулирующего фактора метапознания. С точки зрения последователей саморегулируемого обучения, саморегуляция понимается как сверхупорядоченное проявление метапознания [10]. В саморегулируемом обучении на первый план выходит организационная составляющая метакогнитивности как способность выбирать, координировать и комбинировать когнитивные стратегии, связанные с переводом информации в форму знания, его концептуализации и интериоризации [12].

Согласно Вайнштейну и Майеру, три типа когнитивных стратегий (повторение, разработка и организация) связаны с последовательными процессами кодирования новой информации и включения их в рабочую память, сохранением информации в долговременной памяти, структурированием и синтезом информации [13]. Но, кроме стратегий обработки информации, существуют и другие типы познавательных стратегий, затрагивающие иные аспекты актуализации знания (то же контекстуальное или неявное знание) с целью более глубокого его усвоения и использования. Помимо этого, для саморегуляции важно когнитивное моделирование – способность уметь моделировать метапознание, формируя способность к самопониманию, самодисциплине и самоорганизации (ключевые *self-навыки*) вкпе с наблюдением за метакомпетенциями других.

Особенность метапознания в том, что оно может быть как индивидуальным, так и коллективным. По мере совершенствования метакогнитивных навыков также повышаются шансы на успешное решение командных задач и проектов: «Исследования показывают, что метапознание в социальных условиях может помочь смягчить некоторые проблемы индивидуального метапознания и способствовать ему, поскольку каждый член команды сталкивается с метакогнитивной саморефлексией других, получает обратную связь

и рассматривает стратегии саморегуляции других» [14. Р. 151]. Таким образом, регулятивная триада «метапознание, саморегуляция и саморегулируемое обучение» становится методологическим ориентиром для более эффективной организации образовательного процесса и формирования метакогнитивной компетентности самого обучающегося. Но при этом под вопросом остается соотношение и значение каждого из аспектов триады для производства знания. Комплексная разработка каждого из выделенных аспектов метапознания позволяет более эффективно организовать, структурировать и корректировать когнитивную ситуацию и включить в нее творческий аспект.

Информация и знание в метапознании. В развитии концепции метапознания как для естественного, так и для искусственного интеллекта важным является вопрос разграничения информации и знания. Многие определения знания базируются на понятии информации и используются в словарях как тождественные или взаимозаменяемые, а базы данных в компьютерных науках часто называются базами знаний, хотя они взаимодействуют только с информацией. Например, взаимозависимость понятий «информация», «данные», «знание» разделяются Р. Буркхардом, согласно которому «данные – это факты, информация – это интерпретация фактов, знание – персонализированная информация» [15].

По справедливому замечанию С.Н. Костроминой, Д.С. Гнедых, подмена понятия «информация» понятием «знание» зачастую встречается в образовательной среде и в процессе «обмена знаниями» в профессиональных группах, где в процессе коммуникации, по сути, происходит «интеграция новой информации в смысловую систему субъекта, процедуры понимания, усвоения, применения и т.д.» [16]. В контексте современных когнитивных вызовов ценность метапознания будет заключаться в наработке способности осознанного выбора и различения информации как основания, на котором строится знание, однако личностное знание не сводится только к вербализованной части, а имеет более широкий спектр проявлений и также влияет на успешность познавательной ситуации.

Редукция понятия знания к процессу обработки и усвоения информации, которое происходит в процессе разработки систем искусственного интеллекта, можно назвать непродуктивным, поскольку: во-первых, не учитывается организационный и созидательный потенциал знания, а во-вторых, игнорируется аспект владения знанием, уровень компетентности, который больше относится к категории умения, чем осведомленности. Частично такую редукцию снимает разграничение декларативного «знания, что» и процедурного «знания, как». Согласно А.Л. Никифорову, знание «воплощается (конденсируется) в смысле наших слов» [17], т.е. знание можно рассматривать как динамическую смысловую интегративную единицу, оформленную вербализованно или образно и адекватно описывающую реальность. Активная метапознавательная рефлексия и задает эту динамику.

В философском понимании знание можно определять не как некую единицу, а единство форм человеческого опыта в целостном бытии. Так, единство знания,

согласно К.С. Пригову, отражает состояние реального мира: «Принципиальный факт множественности единого мира на всех уровнях (реальности, знаков и знаний) предполагает возможность знания только как единства знания» [18. С. 128]. Качественное отличие знания от информации состоит в единстве знания, его включенности в личностный опыт и в структуру социальных взаимосвязей: «В пределе мы действительно знаем (т.е. понимаем смысл информации), если сумели включить данную информацию в систему всех знаний, наличествующих в человечестве» [16].

Переход от информации к знанию на практике – это конструктивный процесс формирования знания, заключающийся в последовательной интеграции новой информации в смысловую систему субъекта и включающий процедуры понимания, усвоения, применения [17], а также и в социальную структуру взаимосвязей. Во всех познавательных процедурах надстройка в виде метапознания обеспечивает эффективность процесса включения знания в структуру сознания субъекта.

Перспективным видится исследование понятия мудрости в контексте метапознания. В известной иерархической модели Р. Акоффа «данные-информация-знание-мудрость» (DIKW) характеристики знания, описанные выше, будут соотноситься с верхним уровнем пирамиды, а именно проявлением мудрости как «знания правильных вещей», умения использовать знание во благо и возможности принимать взвешенные, здравые решения на основе знания [19]. Мудрость, понимаемая как форма общественного сознания или как целостная форма познания человека и мира, содержит регулятивный потенциал [20], который, на наш взгляд, заключается в целесообразности выбора стратегий получения и применения знания с учетом этических и жизнеспасающих критериев. С философской точки зрения связь метапознания и мудрости может быть обозначена в контексте понятия «логоса», т.е. обретения внутреннего нормирующего, упорядочивающего фактора саморазвития. Мудрость предполагает определенную зрелость сознания и напрямую относится к метапознанию. Можно утверждать, что метапознание без постижения мудрости вряд ли достижимо.

Очевидно, что основной проблемой использования метакогнитивных стратегий является недоразвитость как неспособность просчитать долгосрочные перспективы или трезво оценить необходимые шаги для получения результата со стороны познающего. Соответственно, обучение метапознанию обусловлено и сопровождается внутренним «взрослением» человека, повышением ответственности за познание и его результат; а в своем высшем проявлении – наработкой мудрости как высшей формы сознания и формированием экспертной системы знаний. Рассматриваемое в таком ракурсе метапознание – это способность осознавать свою недоразвитость в какой-либо области знания, а также понимание необходимости непрерывной познавательной активности и принятия ответственности за качество производимого и передаваемого знания.

Метапознание и эпистемология. Большинство практических вопросов в области метапознания решаются психологическими и когнитивистскими подходами.

Сегодня в педагогической теории постулируется успешность процесса познания в ее прямой связи с метапознанием и, соответственно, разрабатываются стратегии обучения. Философский же взгляд не ограничивается операциональными разработками метакогнитивизма, а позволяет содержательно дополнить понимание метапознания новым смысловым измерением. Чем же здесь может быть полезной философия и такой ее раздел, как эпистемология? Во-первых, раскрыть суть «знания о знании» или метапознания, во-вторых, оптимизировать работу со знанием как с динамическим явлением через определение и разработку критериев метанавыков и метакомпетенций.

Согласно В.А. Лекторскому, задача эпистемологии двуединая: сформулировать стандарты различения знания, незнания и псевдознания (прескриптивная) и вместе с тем описать реальный успешный познавательный процесс (дескриптивная и объяснительная) [2. С. 8]. Рассмотрим три философско-методологических основания для исследования метапознания, связанных с философским рассмотрением знания, познания и сознания: рефлексивное, эпистемологическое и онтологическое.

Рассматриваемое через призму рефлексии, метапознание характеризуется рефлексивной абстракцией новых или существующих когнитивных структур, обращаясь к самому процессу познания и мышления [21]. Рефлексирующее сознание как базовая метасистема «метакогнитивной сферы личности» (согласно А.А. и А.В. Карповым) становится ключевым, интегративным параметром изучения метапознания, позволяющим фиксировать «рефлексивное расслоение» и проявляющим наиболее глубинные, сущностные закономерности и механизмы метакогнитивного плана [22. С. 91]. Именно осознание или рефлексия является пусковым механизмом формирования суждений или оценок, являющихся элементами знания. И наоборот, метапознание можно рассматривать как катализатор процессов эмоциональной регуляции и общей рефлексии, т.е. метапознание и саморегуляция являются взаимовыгодными, синергетическими механизмами. Перспективной можно назвать такую точку зрения, в которой метапознание не отождествляется с рефлексией, а концептуализируется как фундаментальная конструкция (метарефлексия), дополняющая рефлексивную активность сознания.

Перспективные предпосылки к эпистемологической разработке вопросов метапознания встречаются у отечественных исследователей. Так, М.А. Розов в своей эпистемологической концепции социальных эстафет в рамках деятельностного подхода говорит о содержании знания как формы социальной памяти и ведет речь о «надрефлексивной позиции», когда «исследователь рефлектирующей системы пытается как бы вывести себя за пределы этой системы и посмотреть на нее со стороны» [23]. Любая деятельность, в том числе познавательная и производственная, тесно связана с целеполагающей рефлексией и проектированием. Рефлексивные преобразования в ходе познания и творчества выражаются сменой целевых установок и проявляются разными актами осознания одного содержания

знания на теоретическом и практическом уровне. Метапознание, таким образом, выступает условием трансформации и развития знания благодаря рефлексивной «проекции» сознания.

Эпистемология больше внимания уделяет собственно определению, организации, объективным структурам и критериям научного знания, поэтому фокус её внимания лишь косвенно относится к метапознанию. Так, Э. Агацци выделяет в эпистемологии два аспекта: дескриптивный и нормативный. Нормативный аспект является «предварительным», дающим некое достаточное определение знания и уточняющим требования к знанию, а дескриптивный состоит в выяснении способов, условий и критериев получения знания [24]. По замечанию Э. Агацци, эпистемология развивается по принципу формирования петель обратной связи, причем её парадигмальная динамика оказывается больше связана с развитием дескриптивного аспекта, что не даёт выхода на метауровень, связанный с исследованием метакогнитивных процессов. Тем не менее перспективы включения эпистемологии в исследовательское поле метапознания кажутся оправданными. Нарботки эпистемологии могли бы существенно дополнить изучение метапознания, к примеру, методами трансцендентальной феноменологии как философии, сопутствующей «информационно-коммуникационной, а потом и когнитивной революции» для прояснения метакогнитивного опыта познания [25]. Но при этом стоит признать, что возможности трансцендентальной феноменологии в данном случае ограничены, поскольку отказ феноменологии от «внешней» стороны человеческой деятельности не позволяет объяснить другие аспекты метапознания, связанные с регуляцией познавательного аспекта.

Онтологически обоснованную идею конструктивного принципа понимания в формировании «знаниевых образований» высказывал М.К. Мамардашвили в своей естественно-исторической гносеологии, опирающейся на онтологическую укорененность знания в сознании. Нарбатывая способность метапознания, мы формируем, как сформулировал бы это М.К. Мамардашвили, «понимательную связь субъекта познания с уходящим в бесконечность миром знания»; и это «путь метасферы» сознания, в котором рождается и переживается опыт познавательного взаимодействия [26. С. 53]. В конкретном содержании знания помимо структурных и одновременных связей существуют, преобразуются и непрерывно обновляются генетические мыслительные связи, коренящиеся в предметной деятельности и обладающие внутренней историей истины. Для искусственного интеллекта именно этот момент знания остаётся недоступным в силу отсутствия субъектности и историчности, выражаясь словами М.К. Мамардашвили, той «временной глубины, складок и полости конечной протяженности вечной истины», образующей «разнопространственные мешочки», «многие глубины» нашей памяти [26. С. 52–53].

Очевидно, что гораздо проще, особенно для разработчиков искусственного интеллекта, свести знание к информационной составляющей (как было указано

выше) и не учитывать онтологическое измерение знания, поскольку оно требует особых методологических принципов усвоения и генерации знания, но, тем не менее без понимания онтологической укорененности знания невозможно будет выстроить и адекватное человеческой реальности метапознание. Рассудочные менталистские представления о знании ограничиваются лишь информационной структурой, в то время как реальные явления и продукты связаны с генеративными свойствами жизни и познания, что дает глубину познания: «...есть такие вещи, которые должны быть пережиты и заново установлены, непрестанно рождаясь в лоне бесконечных потенций. Важно происходящее внутри индивидуального переживания, во внутрь протянутом измерении эмпирического факта испытания» [26. С. 16].

Если принять во внимание тезис М. Мамардашвили о временно-пространственно протяженной форме существования знания, сознательное «размещение» знания в культурно-исторический, социальный, практический, ценностный и другие контексты, синтез знания в процессе познания будет наиболее эффективным для конструирования знания как реального продукта, применимого в общей системе «человек-мир».

В отношении сознательного наблюдения (метакогнитивного мониторинга) как необходимого условия знания возникает вопрос: возможно ли, что метапознание в конечном итоге приведёт к формированию некоего наблюдательного и контролирующего «органа» или «центра познания», контролирующего процесс познания? В качестве ответа можно привлечь понятие метапознающего субъекта как наблюдателя, обладающего метарефлексией, в концепции, выросшей из системной теории. Предпосылки к метапозиции в познании видим у Б. Рассела: «Наблюдатель, когда ему кажется, что он наблюдает за камнем, на самом деле, если верить физике, наблюдает за воздействием камня на самого себя» [7. Р. 15]. У Н. Лумана не встречается термин «метапознание», но, по сути, мониторинг знания представляет собой «наблюдение второго порядка», т.е. наблюдение наблюдателя на предмет того, что он может и что он не может видеть» [27. С. 161].

Развивая концепцию «наблюдателя второго порядка», отечественные философы В.И. Аршинов, В.Г. Буданов и Я.И. Свирский делают важный вывод о том, что наблюдение является операцией, воспроизводящей наблюдателя: «Наблюдатель демонстрирует все особенности системы, поскольку для наблюдения она должна быть способна производить и воспроизводить себя в окружающей среде. Любому наблюдению присущи познание и воля, то есть при наблюдении наблюдатель... упорядочивает и обменивается указаниями, которые он использует, чтобы вызвать свой мир, указывая и тем самым различая его» [28]. Метапознающий субъект является конструктором-проектировщиком и одновременно корректором своего познания, который способен мыслить личностно, голографически, дифференциально и при этом «мыслить в контексте рекурсивно-целостного процесса саморазличий, где внутреннее и внешнее топологически связаны» [28. С. 59].

Следовательно, одной из основных компетенций, связанных с метапознанием, можно назвать дифференциацию теоретического знания на основе различения контекстов (культурно-исторических, родовых, социальных, пространственно-временных и пр.), а в плане практического знания – способность к интроспективному осознанию реалий текущей ситуации, возможных вариантов выбора и требуемых решений базируется на умениях «само» – самосознания, самооценки и, соответственно, различения границ «своего» и «чужого», которые тесно связаны и с телесностью, вписанной в рекурсивный процесс взаимодействия с окружающей средой.

Метапознание и личная эпистемология. В англоязычной литературе метакогнитивные процессы рассматриваются в рамках направления, обозначаемого как «личная эпистемология», которое в большей мере можно отнести к педагогической психологии, нежели к философии [29, 30]. Согласно представителям этого подхода, основанного на идеях Л.С. Выготского, субъект познания вырабатывает «личную эпистемологию» на основе понимания самого процесса познания, конструирования и оценки знания с учетом личностных характеристик. При этом эпистемологическое (метакогнитивное) развитие начинается в позднем подростковом или юношеском возрасте с постепенно «развивающейся способностью координировать субъективную и объективную природу знания» [30. Р. 225].

Практической задачей личной эпистемологии становится формирование индивидуальных концепций знания и познания (эпистемических убеждений и теорий). Проблема источника знания в личной эпистемологии тесно связана с представлением о соотношении информации и знания: знание, содержащееся на каком-либо внешнем для человека носителе, по сути, является для него лишь «источником информации» или «предварительным знанием», на основе которого конструируется смысл и знание как «свое».

В рамках личностно-эпистемологического направления исследуются различные виды знания: знание (knowledge) как некое устойчивое образование и знание (knowing) как процесс – гибкое, динамичное явление; простое (изолированное) знание и сложное (взаимосвязанное с другими знаниями), как достоверное и явное образование и неявное (близкое к догадке) [29]. Процессуальное понимание знания и его формирования предполагает не только активное включение познавательных процессов, мыслительных операций (аналитико-синтетических, трансформационных и творческих), но и непрерывный контакт с миром для сверки актуальности и применимости знания, что составляет суть метакогнитивной регуляции.

Базовые различия видов и источников знания определяют характер метапознания, в котором большую роль играет неявное знание. С.А. Филипенко, раскрывая природу неявного знания естественного интеллекта в рамках подхода 4E-Cognition как (embodied – телесно-воплощенное, embedded – вписанное в среду, enacted – связанное с действием и extended – расширенное), показывает, что при познании конкретное действие индивида порождает особую когнитивную ситуацию, в которой познавательный акт, приводящий к

появлению нового знания, зависит и от телесного опыта (психофизических особенностей), и от предпосылок когнитивного акта в субъективной реальности переживаний, и от влияния внешней среды. В познавательном акте человек участвует целостно, всем своим жизненным опытом. Применяя подход 4E-Cognition к искусственному интеллекту, С.В. Филипенко указывает, во-первых, на то, что «в познавательной и творческой деятельности участвует не сам по себе искусственный интеллект, а целостная система «естественный интеллект – искусственный интеллект», а во-вторых, на ограничения искусственного интеллекта в плане многообразного, неявного телесного и социального опыта, сформированного у человека эволюционным путем [31. С. 108]. Согласимся, что в деятельности искусственного интеллекта корректнее говорить об обработке информации, а не продуцировании знания, поскольку информация становится знанием в результате наделения ее человеческим смыслом, включающим в себя вышеуказанные аспекты.

Таким образом, обозначенная тенденция исследовательского объединения философии и теорий сознания, личностной эпистемологии и метапознания для трансформации процесса познания достаточно перспективна в большей степени для развития системы «естественный – искусственный интеллект», в которой человеческий интеллект играет ведущую роль, а искусственный – вспомогательную.

Метапознание у систем ИИ. Но всё же возможен ли самостоятельно действующий метакогнитивный искусственный интеллект? В 2024 г. разработчиками систем искусственного интеллекта была анонсирована возможность обретения метапознания искусственным интеллектом, хотя принципы саморегулируемого обучения, основанного на механизме обратной связи, уже давно используются. Отсутствие самости, телесности и живой рекурсии, не ограниченной информационными потоками, у искусственных интеллектуальных систем, соответственно, вносит ограничения в области метапознания. Проблема метапознания у искусственного интеллекта перекликается с вопросами его концептуальных возможностей (понимания, символического познания и т.п.). Среди исследователей взгляды различаются: встречается как скептическое отношение к способности понимания у генеративных моделей [32], так и перспективное видение обучения моделей на все более сложных эвристиках и паттернах человеческого интеллекта [33]. Фокус исследователей при обучении систем искусственного интеллекта сегодня состоит не в запоминании, а в моделировании, отображении взаимосвязей и закономерностей в данных, а это требует уже метапознавательной активности. Влияние окружающей среды в виде запросов и команд пользователей (для искусственного интеллекта – это информационная среда) является основным источником метакогнитивной саморегуляции и самообучения интеллектуальных искусственных систем.

Указываемое исследователями множество ошибок в оценке искусственным интеллектом ситуации и сбоев в его действиях говорит о преждевременном наделении его свойствами метапознания, однако некоторые исследователи утверждают, что именно в разра-

ботке метакогнитивного нейросимволического искусственного интеллекта можно найти решение для оптимизации процесса познания и минимизировать роль человека в обучении [34]. Если ранее языковые модели обучались с подкреплением на основе обратной связи с человеком (RLHF), то сегодня прорывным подходом расширения границ их познавательных возможностей используется обучение с подкреплением на основе обратной связи искусственного интеллекта, с «масштабируемым надзором» (RLAIF) [35]. Возможно ли чисто машинное метапознание и качественный скачок систем искусственного интеллекта к стратегическому метакогнитивному мышлению – вопрос открытый.

Серьёзные препятствия в развитии метапознания у ИИ могут быть обусловлены непредсказуемыми и новыми условиями (надёжность), отсутствием прозрачности в их рассуждениях (объяснимость), трудностями в общении и взаимодействии (сотрудничество) и рисками, связанными с потенциальными вредными действиями (безопасность). Эти факторы объясняются исследователями одним общим недостатком систем ИИ, связанным с «метакогнитивной близорукостью»: искусственному интеллекту не хватает мудрости [36]. Ведь если метапознание напрямую связано с мудростью, то системам ИИ необходимо нарабатывать способность решать неоднозначные, радикально неопределённые, ценностно неоднородные человекообразные задачи, адаптироваться к быстро меняющимся и непредсказуемым условиям и т.д. Но в первую очередь мудростью и совершенством метакогнитивных стратегий должны обладать и разработчики искусственных интеллектуальных систем. Поэтому, на наш взгляд, приоритет в исследованиях естественного и искусственного интеллекта на сегодняшний день должен отдаваться метапознанию в его сопряженности с мудрым использованием жизненного опыта и творчества при производстве знания.

В заключение отметим, что в любом познании как процессе возникает метауровень, который проявляется метапознанием и приводит к выбору или разработке своего метода познания или формированию индивидуальной метакогнитивной стратегии. Метапознание охватывает весь цикл познания, начинающегося от осознания своего незнания и познавательных способностей до формирования завершённого образа знания как элемента сознания. Метакогнитивный стратегический тип мышления достигается формированием и характеризуется определённой степенью зрелости сознания – мудростью.

Перспективы, открывающиеся в области исследования метапознания как для естественного, так и для искусственного интеллекта, отображают качественный переход в исследовательской и творческой работе с такой синтетической сложной системой, как «естественный – искусственный интеллект». Не менее перспективной в университетской среде видится разработка курса по личной эпистемологии или по метапознанию, что позволит конкретизировать и непосредственно применить наработки данных направлений в образовательной практике. Формирование личной эпистемологии в виде познавательных установок, убеждений и приемов познания соответствует обретению собственной метапознавательной позиции, которую и можно назвать «знающим знанием» в фихтовском понимании.

Список источников

1. Карпов А.В., Карпов А.А., Субботина Л.Ю. Методологические и методические основы исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности // Российский психологический журнал. 2017. № 1. С. 149–175.
2. Эпистемология вчера и сегодня / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. 188 с.
3. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring a new area of cognitive developmental Inquiry // American Psychologist. 1979. № 34 (10). P. 906–911.
4. Kompa J.S. Metacognition (Part 2): What Makes Us Truly Human? A Literature Review. 2017. URL: <https://joanakompa.com/2017/08/28/metacognition-part-2-what-makes-us-truly-human-a-literature-review/> (дата обращения: 08.09.2024).
5. Халин С.М. Познание и метапознание: проблема типологического единства. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2018. 352 с.
6. Тихонов Р.В., Амалайнен А.В., Морошкина Н.В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, вып. 3. С. 214–242. doi: 10.21638/11701/spbu16.2018.302
7. Russel B. An Inquiry into Meaning and Truth: The William James Lectures for 1940 Delivered at Harvard University. London, N-W: Psychology Press, 1995. 352 p.
8. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. 509 с.
9. Zohar A., Ben David A. Paving a clear path in a thick forest: a conceptual analysis of a metacognitive component // Metacognition Learning. 2009. № 4. P. 177–195. doi: 10.1007/s11409-009-9044-6
10. Dinsmore D.L., Alexander P.A., Louglin S.M. Focusing the conceptual lens on metacognition, self-regulation, and self-regulated learning // Educational Psychology Review. 2008. doi: 10.1007/s10648-008-9083-6
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 407 с.
12. Лопарева Т.А. Познательные стратегии и их роль в процессе обучения грамматической стороне говорения // Теория и практика образования в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. С. 144–146.
13. Weinstein C., Mayer R. The Teaching of Learning Strategies // Wittrock M. (Ed.) Handbook of Research on Teaching. New York: Macmillan, 1986. P. 315–327.
14. Keestra M. Metacognition and Reflection by Interdisciplinary Experts: Insights from Cognitive Science and Philosophy // Issues in Interdisciplinary Studies. 2017. Vol. 35. P. 121–169.
15. Burkhard R.A. Knowledge Visualization: The Use of Complementary Visual Representations for the Transfer of Knowledge. A Model, a Framework, and Four New Approaches: Dissertation for the degree of Doctor of Sciences. 2005. 156 p. doi: 10.3929/ethz-a-005004486
16. Костромина С.Н., Гнедых Д.С. Информация и знание: подходы к пониманию процессов усвоения информации и формированию знаний в обучении // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 5–14.
17. Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Epistemology & Philosophy of Science. 2009. № 3. С. 61–73.
18. Пигров К.С. Проблема единства знания и технологическая цивилизация // Естественнонаучное и социогуманитарное знание: методологические аспекты взаимодействия: межвуз. сборник. 1990. С. 126–134.
19. Ackoff R.L. From data to wisdom // Journal of Applied Systems Analysis. 1989. № 6. P. 3–9.
20. Басина Н.И., Ковалёва Е.А. Мудрость как социально-философская проблема // Advanced Engineering Research (Rostov-on-Don). 2012. № 2-2 (63). С. 104–109.
21. Merkebu J., Kitsantas A., Durning S.J., Ma T. What is metacognitive reflection? The moderating role of metacognition on emotional regulation and reflection // Frontiers in Education. 2023. Vol. 8. doi: 10.3389/educ.2023.1166195
22. Карпов А.В., Карпов А.А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2022. 816 с.
23. Розов М.А. Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. 440 с.
24. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 58–66.
25. Кутырев В.А. Трансцендентальная феноменология как философско-историческое (пред)шествование инфокогнитивной реальности // Философская мысль. 2013. № 7. С. 100–135.
26. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М.: Языки русской культуры, 1997. 304 с.
27. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.
28. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 50–61.
29. Fagnant A., Crahay M. Theories of Mind and Personal Epistemology: Their Interrelation and Connection with the Concept of Metacognition // European Journal of Psychology of Education. 2011. Vol. 26, № 2. P. 257–271.
30. Hofer B.K., Bendixen L.D. Personal epistemology: Theory, research, and future directions // Harris K.R., Graham S., Urdan T., McCormick C.B., Sinatra G.M., Sweller J. (Eds.) APA educational psychology handbook. Vol. 1: Theories, constructs, and critical issues. American Psychological Association. 2012. P. 227–256. doi: 10.1037/13273-009
31. Филипенко С.А. Неявное знание в цифровой гуманитаристике // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 103–113.
32. Marcus G., Leivada E., Murphy E. A Sentence is Worth a Thousand Pictures: Can Large Language Models Understand Human Language? 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.00109>
33. Ball D.W. The Era of Predictive AI Is Almost Over // The New Atlantis. 2024. 3 77. P. 26–35. URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/the-era-of-predictive-ai-is-almost-over> (дата обращения: 08.09.2024).
34. Wei H. et al. Metacognitive AI: Framework and the Case for a Neurosymbolic Approach // International Conference on Neural-Symbolic Learning and Reasoning. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 60–67.
35. Bay Y. et al. Constitutional AI: Harmlessness from AI Feedback // arXiv preprint arXiv:2212.08073. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2212.08073> (дата обращения: 21.09.2024).
36. Johnson S.G.B., Karimi A.-H., Bengio Y., Chater N., Gerstenberg T., Larson K., Levine S., Mitchell M., Rahwan I., Schölkopf B., Grossmann I. Imagining and building wise machines: The centrality of AI metacognition // arXiv preprint arXiv:2411.02478. 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2411.02478> (дата обращения: 08.11.2024).

References

1. Karpov, A.V., Karpov, A.A. & Subbotina, L.Yu. (2017) Metodologicheskie i metodicheskie osnovy issledovaniya metakognitivnykh determinant organizatsii deyatel'nosti [Methodological and methodical foundations for the study of metacognitive determinants of activity organization]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*. 1. pp. 149–175.
2. Lektorskiy, V.A. (ed.) (2010) *Epistemologiya vchera i segodnya* [Epistemology Yesterday and Today]. Moscow: IFRAN.
3. Flavell, J.H. (1979) Metacognition and cognitive monitoring a new area of cognitive developmental Inquiry. *American Psychologist*. 34 (10). pp. 906–911.
4. Kompa, J.S. (2017) *Metacognition (Part 2): What Makes Us Truly Human? A Literature Review*. [Online] Available from: <https://joanakompa.com/2017/08/28/metacognition-part-2-what-makes-us-truly-human-a-literature-review/> (Accessed: 08.09.2024).
5. Khalin, S.M. (2018) *Poznanie i metapoznanie: problema tipologicheskogo edinstva* [Cognition and Metacognition: The Problem of Typological Unity]. Tyumen: University of Tyumen.

6. Tikhonov, R.V., Ammalainen, A.V. & Moroshkina, N.V. (2018) Mnogoobrazie metakognitivnykh chuvstv: raznye fenomeny ili raznye terminy? [The variety of metacognitive feelings: different phenomena or different terms?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika*. 8 (3). pp. 214–242. doi: 10.21638/11701/spbu16.2018.302
7. Russel, B. (1995) *An Inquiry into Meaning and Truth: The William James Lectures for 1940 Delivered at Harvard University*. London, N-W: Psychology Press.
8. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchii um: V poiskakh fundamentalnoy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Translated from English. Moscow: URSS: Knizhnyy dom LIBROKOM.
9. Zohar, A. & Ben David, A. (2009) Paving a clear path in a thick forest: a conceptual analysis of a metacognitive component. *Metacognition Learning*. 4. pp. 177–195. doi: 10.1007/s11409-009-9044-6
10. Dinsmore, D.L., Alexander, P.A. & Loughlin, S.M. (2008) Focusing the conceptual lens on metacognition, self-regulation, and self-regulated learning. *Educational Psychology Review*. doi: 10.1007/s10648-008-9083-6
11. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from French. Moscow.
12. Lopareva, T.A. (2013) [Cognitive strategies and their role in teaching the grammatical aspect of speaking]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire* [Theory and Practice of Education in the Modern World]. Proceedings of the III International Conference. St. Petersburg: Renome. pp. 144–146. (In Russian).
13. Weinstein, C. & Mayer, R. (1986) The Teaching of Learning Strategies. In: Wittrock, M. (ed.) *Handbook of Research on Teaching*. New York: Macmillan. pp. 315–327.
14. Keestra, M. (2017) Metacognition and Reflection by Interdisciplinary Experts: Insights from Cognitive Science and Philosophy. *Issues in Interdisciplinary Studies*. 35. pp. 121–169.
15. Burkhard, R.A. (2005) *Knowledge Visualization: The Use of Complementary Visual Representations for the Transfer of Knowledge. A Model, a Framework, and Four New Approaches*. Dissertation for the degree of Doctor of Sciences. doi: 10.3929/ethz-a-005004486
16. Kostromina, S.N. & Gnedykh, D.S. (2015) Informatsiya i znanie: podkhody k ponimaniyu protsessov usvoeniya informatsii i formirovaniyu znaniy v obucheni [Information and knowledge: approaches to understanding the processes of information assimilation and knowledge formation in learning]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 5–14.
17. Nikiforov, A.L. (2009) Analiz ponyatiya "znanie": podkhody i problemy [Analysis of the concept of "knowledge": approaches and problems]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 3. pp. 61–73.
18. Pigrov, K.S. (1990) Problema edinstva znaniya i tekhnologicheskaya tsivilizatsiya [The problem of the unity of knowledge and technological civilization]. In: *Estestvennonauchnoe i sotsiogumanitarnoe znanie: metodologicheskie aspekty vzaimodeystviya* [Natural Science and Socio-Humanitarian Knowledge: Methodological Aspects of Interaction]. Interuniversity collection. S.I. pp. 126–134.
19. Ackoff, R.L. (1989) From data to wisdom. *Journal of Applied Systems Analysis*. 6. pp. 3–9.
20. Basina, N.I. & Kovalyova, E.A. (2012) Mudrost' kak sotsialno-filosofskaya problema [Wisdom as a socio-philosophical problem]. *Advanced Engineering Research* (Rostov-on-Don). 2-2 (63). pp. 104–109.
21. Merkebu, J., Kitsantas, A., Durning, S.J. & Ma, T. (2023) What is metacognitive reflection? The moderating role of metacognition on emotional regulation and reflection. *Frontiers in Education*. 8. doi: 10.3389/educ.2023.1166195
22. Karpov, A.V. & Karpov, A.A. (2022) *Struktura metakognitivnoy regulyatsii informatsionnoy deyatel'nosti* [The Structure of Metacognitive Regulation of Information Activity]. Yaroslavl: Filigran.
23. Rozov, M.A. (2012) *Filosofiya nauki v novom videnii* [Philosophy of Science in a New Vision]. Moscow: Novyy khronograf.
24. Agazzi, E. (2010) Epistemologiya i sotsialnoe: petlya obratnoy svyazi [Epistemology and the social: a feedback loop]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 58–66.
25. Kut'yev, V.A. (2013) Transsentsionalnaya fenomenologiya kak filosofsko-istoricheskoe (pred)shestvie infokognitivnoy realnosti [Transcendental phenomenology as a philosophical-historical (pre)sequence of infocognitive reality]. *Filosofskaya mysl'*. 7. pp. 100–135.
26. Mamardashvili, M.K. (1997) *Strela poznaniya (nabrosok estestvennoistoricheskoy gnoseologii)* [The Arrow of Cognition (A Sketch of a Natural-Historical Epistemology)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
27. Luhmann, N. (2007) *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to Systems Theory]. Moscow: Logos.
28. Arshinov, V.I. & Budanov, V.G. (2017) Sistemy i seti v kontekste paradigmy slozhnosti [Systems and networks in the context of the complexity paradigm]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 50–61.
29. Fagnant, A. & Crahay, M. (2011) Theories of Mind and Personal Epistemology: Their Interrelation and Connection with the Concept of Metacognition. *European Journal of Psychology of Education*. 26 (2). pp. 257–271.
30. Hofer, B.K. & Bendixen, L.D. (2012) Personal epistemology: Theory, research, and future directions. In: Harris, K.R., Graham, S., Urdan, T., McCormick, C.B., Sinatra, G.M. & Sweller, J. (eds) *APA educational psychology handbook*. Vol. 1: Theories, constructs, and critical issues. American Psychological Association. pp. 227–256. doi: 10.1037/13273-009
31. Filipenok, S.A. (2023) Neyavnoe znanie v tsifrovoy gumanitaristike [Tacit knowledge in digital humanities]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 103–113.
32. Marcus, G., Leivada, E. & Murphy, E. (2023) *A Sentence is Worth a Thousand Pictures: Can Large Language Models Understand Human Language?* [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/2308.00109> (Accessed: 08.09.2024).
33. Ball, D.W. (2024) The Era of Predictive AI Is Almost Over. *The New Atlantis*. 77. pp. 26–35. [Online] Available from: <https://www.thenewatlantis.com/publications/the-era-of-predictive-ai-is-almost-over> (Accessed: 08.09.2024).
34. Wei, H. et al. (2024) Metacognitive AI: Framework and the Case for a Neurosymbolic Approach. *International Conference on Neural-Symbolic Learning and Reasoning*. Cham: Springer Nature Switzerland. pp. 60–67.
35. Bay, Y. et al. (2022) *Constitutional AI: Harmlessness from AI Feedback*. arXiv preprint arXiv:2212.08073. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2212.08073> (Accessed: 21.09.2024).
36. Johnson, S.G.B. et al. (2024) *Imagining and building wise machines: The centrality of AI metacognition*. arXiv preprint arXiv:2411.02478. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2411.02478> (Accessed: 08.11.2024).

Информация об авторе:

Логиновская Ю.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: urucel@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Loginovskaya, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: urucel@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 26.12.2024;
approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 165
doi: 10.17223/15617793/512/8

Трансиндивидуация в цифровую эпоху: Бернар Стиглер об изменениях третьей памяти

Семен Андреевич Московец¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, moskovets.tsu@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются философские идеи Бернара Стиглера о технологичности памяти и знаний, а также их трансформация в условиях современных цифровых технологий. Исследуются угрозы и возможности цифровизации для трансиндивидуации, включая пролетаризацию знания и необходимость терапевтического подхода к использованию искусственного интеллекта. Рассматриваются перспективы для дальнейших исследований в области влияния искусственного интеллекта на человеческую память и культуру.

Ключевые слова: третья память, третичные ретенции, Бернар Стиглер, трансиндивидуация, пролетаризация, цифровые технологии

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Для цитирования: Московец С.А. Трансиндивидуация в цифровую эпоху: Бернар Стиглер об изменениях третьей памяти // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 70–75. doi: 10.17223/15617793/512/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/8

Transindividuation in the digital age: Bernard Stiegler on the changing third memory

Semyon A. Moskovets¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, moskovets.tsu@yandex.ru*

Abstract. The article explores Bernard Stiegler's philosophical ideas on the relationship between man and technology, focusing on changes in third memory in the context of modern digital technologies and artificial intelligence. The author analyzes Stiegler's concepts such as epiphylogenesis, tertiary retention, and transindividuation, and applies them to contemporary digital technologies. The study begins with an overview of futurological concepts of post-industrial society and a critique of the current state of knowledge. Stiegler argues that technology is integral to human cognition and evolution, which is supported by the concept of epiphylogenesis. External technical objects, such as writing and digital technologies, play a key role in the formation and preservation of knowledge and memories. Stiegler distinguishes three types of memory: genetic, epigenetic and epiphylogenetic, where the third memory is related to technical objects and their role in human cognition. The process of transindividuation, according to Stiegler, is the mutual constitution of the technical environment and society that shapes human culture and technology. The author of this article analyzes how tertiary retentions, while participating in the process of transindividuation, constantly modify the play between primary and secondary retentions and protentions, which gives rise to new patterns of transindividuation. Stiegler also draws attention to the threats of the digital age, such as the proletarianization of knowledge and automation, which can lead to the disintegration of traditional forms of transindividuation and systemic stupidity. Stiegler concludes by calling for a therapeutic approach in the use of digital technologies to avoid their poisonous effects and deploy new pathways of transindividuation. The article emphasizes the importance of critically reflecting on the impact of digital technologies on human cognition and culture, suggesting a politics of memory that will enable individuals to preserve their aesthetic and productive capacities in the face of the pervasive interference of automated digital technologies.

Keywords: tertiary memory, tertiary retentions, Bernard Stiegler, transindividuation, proletarianization, digital technologies

Financial support: The study was carried out within the framework of the Strategic Academic Leadership Programme "Priority 2030".

For citation: Moskovets, S.A. (2025) Transindividuation in the digital age: Bernard Stiegler on the changing third memory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 70–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/8

Введение

С момента создания футурологических концепций о постиндустриальном обществе, например, концепции Д. Белла, минуло уже более 50 лет [1]. Одним из ключевых положений, характерных для подобных концепций, является превознесение знания как основной ресурсной единицы и ценности, что также сопровождается увеличением количества его носителей. Оправдались ли эти надежды? Сложно сказать наверняка. С одной стороны, очевидно, что мы живем в эпоху небывалой доступности знания и действительного увеличения количества его носителей. В постиндустриальных обществах, скорее, сложно найти безграмотных и не имеющих хоть какого-то образования. А что же с другой стороны? Пожалуй, что критические замечания в духе научного социального теоретизирования стоит оставить подобного рода мыслителям. Есть поводы для сомнения с точки зрения философской теории. Так, в предваряющем интервью с французским философом Бернаром Стиглером тексте интервьюера Питера Лемменса указывается на совершенно обратный процесс – пролетаризацию знания, подразумевающее его систематическое уничтожение: «По мнению Стиглера, часто звучащий лозунг о том, что наши современные общества – это “общества знания”, является откровенной ложью» [2. Р. 33]. Следуя мысли Стиглера, можно скорее констатировать, что работники в постиндустриальном обществе становятся зависимыми от технологий и систем, которые они используют, что, в свою очередь, приводит к потере автономии и утрате знания.

В данной статье мы рассмотрим основные идеи французского философа Бернара Стиглера (1952–2020), касающиеся изначальной технологичности памяти и знаний. Затем мы совершим попытку анализа их трансформации, связанную с развитием современных цифровых технологий, и попытаемся выявить место искусственного интеллекта (ИИ) в этом движении.

Эпифилогенез и третичная ретенция

В своей первой крупной работе «Техника и время: ошибка Эпиметея» (1994), расширенной впоследствии до трёхтомника, Стиглер исследует взаимоотношения между человеком и техникой. Одна из основных идей книги состоит в том, что технологическое развитие является не просто результатом человеческого прогресса, но его фундирующим основанием, приводящим в движение саму человеческую эволюцию. Стиглер показывает, как наши инструменты, техника и системы знаний влияют на наши общественные структуры, культурные практики и даже на наше понимание времени.

Философское осмысление техники начинается ещё в Античности и тематизируется как навык или ремесло, связанное со знанием. И если для Платона и Ксенофонта различие между эпистемой (теоретическим знанием) и технэ не было явно выраженным, то начиная с Аристотеля их разделение приобретает более строгий характер [3], сохраняясь в качестве базового решения для последующей философии. Теорети-

ческое знание схватывает истину о мире, тогда как техника является лишь средством для достижения утилитарных целей. Подобное разделение также характерно для живого и материи, или органического и неорганического. Бернар Стиглер, опираясь на философские достижения последнего столетия, переосмысливает описанные выше классические противопоставления, связывая их как нечто изначальное сопряжённое. Он утверждает, что технэ – это не просто вспомогательный или побочный аспект, а неотъемлемая часть человеческого познания. Органическое и материальное же связывается как организованная неорганическая материя, изначальное объединение человека и техники.

Это сопряжение или коимпликация называется Стиглером эпифилогизмом (филогенез – эволюционное развитие животных, «эпи» = после. Следовательно, эпифилогенез «следует» после филогенеза), выраженным в качестве третьей памяти. А чем же тогда являются первые два вида памяти, в чём их отличие от третьего? Обратимся к самому Стиглеру: «<...> индивид развивается из трех воспоминаний: генетической памяти, памяти центральной нервной системы (эпигенетической) и техно-логической памяти (язык и техника здесь сливаются в процессе экстерниоризации). <...> Таким образом, следует выделить три типа памяти <...>. Эти три типа – генетическая память, эпигенетическая память и эпифилогенетическая память» [4. Р. 176–177].

Если, таким образом, первые два вида должны быть понятны любому человеку, сталкивавшемуся с личными воспоминаниями и знающему азы биологии, то третий вид нуждается в прояснении: «Эпифилогенез обозначает возникновение нового отношения между организмом и средой, которое также является новым состоянием материи. Если индивид – органически организованная материя, то его отношение к среде (к материи вообще, органической или неорганической), когда речь идет о “кто”, опосредовано организованной, но неорганической материей *органо*на, инструментом с его обучающей ролью, тем, “что”. В этом смысле “что” изобретает “кто” в той же мере, в какой оно изобретается им» [4. Р. 177].

Самым важным для Стиглера примером эпифилогенеза является письмо. Посредством письма человек экстернализирует свою память в технические объекты, которые становятся частью среды, формирующей его же и других людей. Если до появления письма знания и воспоминания передавались в основном устно и хранились в биологической памяти, которая подвержена ограничениям индивидуального человеческого познания, то с появлением письменности знания и воспоминания можно было записывать, сохранять и передавать из поколения в поколение с большей точностью и стабильностью. Так, человек, обученный грамоте, уже в процессе обучения будет сталкиваться с письмом, взаимодействовать со знаниями и воспоминаниями, хранящимися в письменных текстах, усваивать их. Это взаимодействие с внешней памятью формирует его когнитивное развитие, понимание мира, а также его собственную память и идентичность. Другим примером,

заимствованным Стиглером из работ археолога и антрополога Леруа-Гурана, является коимпликация каменных орудий и древнего человека. Когда древний человек использовал каменные орудия, то он не просто изготавливал и применял их, но закладывал в эти артефакты, технические объекты, свои знания, свою память. Процесс выбора подходящих камней, придание им формы с помощью таких техник, как обтесывание, передавался в том числе через сам технический объект и взаимодействие с ним. Более того, археология знает примеры людских захоронений с каменными орудиями, но с крайне неразвитым в сравнении с современным человеком мозгом [4. Р. 145].

Таким образом, человек изначально протезирован техникой, т.е. не просто окружен изобретенными им технологиями, но существует среди них как предзаданных, определяющих его отношение к миру [5]. Соответственно, третья память человека является коимплицированным с внешним техническим протезом, накапливающим и распространяющим опыт человечества, который, как и человек, находится в постоянном развитии. В философском отношении эта коимпликация представлена как изначально апоретичная, ни человек, ни материя (техника) не могут считаться порождением друг друга. Напротив, они взаимно организуют друг друга. Это означает, что происхождение человечества и происхождение техники взаимосвязаны и не могут быть сведены к простой причинно-следственной связи [6].

В следующих томах «Техники и времени» и других работах Стиглер развивает понятие третьей памяти в темпоральном измерении, обращаясь к феноменологии времени Эдмунда Гуссерля, он переосмысляет его положения и добавляет к ним своё понятие третичной ретенции. Если первичная ретенция позволяет удерживать непрерывность потока опыта, например, удерживая только что прошедшие ноты мелодии при восприятии следующих в настоящем, то вторичная ретенция является воспоминанием опыта (вспомнили ту мелодию), который уже не относится к настоящему. Таким образом, третичной ретенцией будет воспоминанием воспоминания [5. С. 94]. Если продолжать пример с мелодией, то третичная ретенция может реактивировать воспоминание мелодии, если мы, например, посмотрим на нотную запись той самой мелодии. Третичная ретенция не просто не является оттиском непосредственного опыта слушания мелодии, но неожиданным образом определяет его наличие. Чтобы прояснить это, Стиглер использует понятие грамматизации, которое означает процесс дискретизации и опространствливания неразличимого, которое теперь становится понятным, доступным для анализа [7]. Само гуссерлевское различие первичной и вторичной ретенции опирается на письмо, ограничивающее их конституирование в живом опыте. Чтобы окончательно прояснить эту мысль, снова обратимся к примеру с мелодией, на этот раз используемой самим Стиглером в третьем томе «Техники и времени». Итак, первичные ретенции с точки зрения теории Гуссерля не могут быть опосредованы каким-либо сознательным отбором, так как являются «просто» восприятием: «Однако достаточно прослушать мелодию дважды, чтобы утверждать, что в эти

два раза сознание слушало ее не одними и теми же ушами: между первым и вторым прослушиванием что-то произошло. Это происходит потому, что каждое из них дает новый феномен, более богатый, если музыка хорошая, менее богатый, если плохая <...> Это различие, очевидно, является результатом изменения феномена ретенции – т.е. изменения отбора: сознание удерживает не все» [8. Р. 17]. Этот опыт двухразового восприятия одной и той же мелодии иллюстрирует, что первичная ретенция опосредована третичной. Сама возможность повторного прослушивания одной и той же мелодии возможна только благодаря техническому объекту (например, аналоговой или цифровой записи), таким образом, третичные ретенции и являются третьей памятью, представленной через пространственные, материальные носители. Этим Стиглер полностью переворачивает теорию ретенций Гуссерля; фонографическая запись позволяет как воспринимать мелодии, так и модифицировать это восприятие при повторном прослушивании.

В третьем томе «Техники и времени» Стиглер концентрируется на исследовании кино как фото-фонографического объекта, и, хотя в рамках данной статьи мы не имеем возможности рассмотреть это подробнее, важно указать, что кино имеет ещё более сильное воздействие на человеческое сознание (в сравнении с музыкой), например, может подтолкнуть весь мир к принятию американского образа жизни [9. Р. 61].

Процесс трансиндивидуации

Ранее мы уже пришли к тому, что отношения технических протезов с человеком не могут быть истолкованы как причинно-следственные, в этом Стиглер следует за Жильбером Симондоном, значительно расширяя его идеи (в данном случае речь идёт о заимствовании понятия «трансдукция». Подробнее об этом понятии см.: [10]). Помимо этого, Стиглер обращается и к другим концептам философии Симондона, а именно индивидуации и трансиндивидуации. Индивидуация по Симондону является фундаментальным процессом становления сущего, динамичным и непрерывным процессом самоконституирования и дифференциации, выделившим индивида из доиндивидуального природного сущего [11]. Непрерывность индивидуации после выделения из доиндивидуального влетает индивида в трансиндивидуальные отношения, где пересекаются индивид и его среда, например общество. Стиглер, понимая трансиндивидуацию как темпоральный процесс между прошлым и будущим, добавляет к нему память и историю. Этим он ставит под сомнение мысль Симондона о переходе от доиндивидуального к трансиндивидуальному как выходу индивида из природного к духу, основой индивидуации, таким образом, оказывается техническая среда, весь комплекс третьей памяти человечества.

В конце концов Стиглер отождествляет трансиндивидуальность с третичными ретенциями. Ранее мы проанализировали как третичные ретенции сказываются на первичных, это же происходит и с вторичными, или памятью. Восприятия чего-то определяется

в том числе тем, что запомнено. На этот раз на это можно указать через понятия протенции, так же, как и ретенция относящегося к первичному восприятию, но обращённому в будущее, которое, таким образом, структурирует опыт восприятия за счёт предвосхищения. Профессиональный повар, увидев морковь, подумает о её кулинарных свойствах, а увлечённый садоводством – о посадке и сборе урожая моркови. Память, хоть и является сингулярной, что видно даже из данного примера, но определяется памятью коллективной, третичными ретенциями. Таким образом, трансиндивидуация – это процесс коимплицированного взаимоконституирования технической среды и общества, формирующего человеческую культуру и технологии [12. Р. 172] (этим Стиглер дополняет понятие эпифилогенеза).

В истории грамматизации, т.е. истории третичных ретенций, может быть выделено множество этапов (скорее даже модификаций) в зависимости от того, что именно за технические объекты используются для записи. Мы вернемся к этому чуть подробнее далее, сейчас же обратимся за иллюстрацией трансиндивидуации, произошедшей в прошлом. Исследователь идей Бернара Стиглера Джейсон Рид, рассматривая влияние грамматизации на культуру, отмечает следующее: «...грамматизация несколько анахронично делает возможной фигуру гражданина. Гражданин – это фигура трансиндивидуальной индивидуации, но такая, которая обязательно проходит через экстернизацию и интериоризацию законов, текстов. <...> Чтение и написание закона открывает отношения не только между индивидом и коллективом, “я” и “мы”, находящимися в напряжении между общим предписанием и единичной интерпретацией, но и между прошлым и будущим» [12. Р. 174–175].

Третичные ретенции, участвуя в процессе трансиндивидуации постоянно модифицируют игру между первичными и вторичными ретенциями и протенциями, что порождает всё новые и новые схемы трансиндивидуации. Делая такой акцент на технических объектах, Стиглер хочет показать их роль для трансиндивидуального как такового. Например, цифровизация, позволяющая передавать информацию со скоростью света, крайне отлична от литеральной технологии, где существует существенная задержка между передачей. Многие события сейчас доступны в режиме реального времени, тогда как ранее между событием и тем, как его осветят в печати, могло пройти много времени: «...аналоговые и цифровые технологии открывают совершенно новый опыт времени по отношению к письму. Это открытие – отход от исторического времени, воспринимаемого в качестве опирающегося на сущностно отсроченное время» [13]. Стиглер, следуя за Деррида, осмысливает подобные качественные изменения в изменении третичных ретенций как фармакон (выступающий в зависимости от ситуации в качестве либо яда, либо лекарства), который может как нести угрозу для трансиндивидуации, так и создавать для неё новые горизонты [14]. Какие угрозы и возможности несёт цифровизация для трансиндивидуации?

Пролетаризация знания: угрозы цифровой эпохи

В работе «Упадок индустриальных демократий» (2004) Стиглер обращается к понятию пролетаризации, снова заимствованному у Симондона. Пролетаризация в общем смысле представляет из себя «потерю индивидуации, когда рабочий, который когда-то был техническим индивидом, становится слугой станка, который становится новым техническим индивидом» [15. Р. 62]. Стиглер выделяет три основных эпохи, где технические объекты вызывают процесс пролетаризации в процессе трансиндивидуации: 1) промышленную революцию, где утрачиваются практические знания или навыки (*savoir-faire*); 2) индустриальную эпоху (в основном имеется в виду XX в.), где утрату претерпевает знание о том, как жить (*savoir-vivre*); 3) гипериндустриальную эпоху (современность), где процесс пролетаризации знания доходит и до знания теоретического (*saviors théoriques*). Если промышленная революция XIX в. пролетаризировала рабочих, передав их знания машинам, редуцировав их тем самым до простой рабочей силы, то индустриализация XX в. пролетаризировала людей до потребителей, лишив их собственного образа жизни, заменив его на заранее сформированные индустрией культуры «стили жизни». В гипериндустриальном обществе знание передается автоматическим алгоритмам, аналитические способности которых начинают походить на человеческие. В социальных сетях с помощью больших данных и связанных с ними алгоритмов происходит постоянная стимуляция производства персональных данных (оставляемых людьми в сети третичных ретенций), которые затем не трансиндивидуально, но автоматически используются алгоритмами, которые на выходе создают такие ответы, которые вмешиваются в коллективные ретенции и протенции пользователей. Такая тотальная интеграция автоматизмов дезинтегрирует привычные формы трансиндивидуации: «...поистине беспрецедентный аспект цифровой унификации заключается в том, что она позволяет установить связи между всеми этими автоматизмами: технологическими, социальными, психическими и биологическими – и в этом заключается суть нейромаркетинга и нейроэкономики <...> дезинтегрированными оказываются <...> государственная власть, социальные и образовательные системы, отношения между поколениями и психические структуры» [14. Р. 200].

Эта ситуация автоматического общества является одурманивающей, продуцирующей системную глупость. Как отмечает Дмитрий Кралечкин, эта глупость деклассирована и «выступает модусом действия всей современной экономики знания, начиная с экспертиз и заканчивая университетом» [16. С. 182]. В одном из своих последних интервью 2019 г. «Искусственный интеллект – это искусственная глупость», данному отечественному изданию, Стиглер приводит знакомый ему случай применения ИИ: «Возьмем пример с интерпретацией медицинских диагнозов. Один мой друг из Калифорнии разработал стартап для кардиологов. Это система медицинских данных, которая производит очень много информации, но никогда не дает ре-

комендаций. Вместо этого она задает вопросы. Потом врачи в социальных сетях работают вместе, чтобы решить возникшие проблемы путем делиберации. Используя эти алгоритмы, они не полностью оглушаются. А в медицине это очень важно. Вы, наверное, знаете про теорию черного лебедя: если для решения проблем использовать только усредненные данные, то однажды вы столкнетесь с черным лебедем, хотя видели до этого только белых, как это когда-то случилось в Австралии. <...> Когда вы используете данные, вы работаете только с так называемыми онтологиями, усиливающими текущее состояние знания. Но одного знания недостаточно. Если вы применяете его автоматически, это всегда своего рода глупость. Именно это и происходит сегодня, и поэтому я думаю, что нам надо поменять организацию искусственного интеллекта» [17].

Данный случай иллюстрирует скорее положительное применение ИИ, хотя тут же указываются возможные опасности, грозящие его бездумному использованию. В этом и заключается фармакологический подход Стиглера. Как письменность однажды стала и ядом, и лекарством, так и современные цифровые технологии, помимо оглушающего воздействия, имеют возможности для разворачивания новых путей трансиндивидуации, а для этого необходим терапевтический подход. Ввиду этого Стиглер призывает к формированию политики памяти, которая не является волюнтаристской политикой замедления, но способом понимания эпи-

филогенетического измерения человеческого, что является основанием для сдерживания ядовитости техники.

И хотя Стиглер не застал бум современного генеративного ИИ, можно предположить, что он мог бы быть осмыслен как моделирующий восприятие и память, т.е. является технологией, которая участвует в определенного рода восприятии с помощью сбора данных разнообразными датчиками, хранит в памяти базы данных, и генеративно создает третичные ретенции. Это стоит воспринимать с определенными оговорками, так как ИИ не создает смыслов по своему усмотрению, действуя автоматически. Политика памяти в отношении данной технологии должна быть такой, которая позволяет человеку не терять свои эстетические и продуктивные способности, т.е. не ограничивать процесс трансиндивидуации его заменой на автоматические алгоритмы: «Вопрос о таком искусстве – это вопрос о *терапевтическом* искусстве, для которого искусство было бы первичным, явно иницирующим элементом, но по своей сути недостаточным, и где оно должно было бы изобретать *наряду со всеми другими формами знания*, включая те технологические формы знания, которые делают возможным теоретическое знание, формируя, проектируя и изобретая, таким образом, *Ars позитивной фармакологии*» [14. Р.201]. Найдет ли человек такое искусство, которое позволит развивать его воображение в новых направлениях с учетом повсеместного вмешательства автоматизированных цифровых технологий, покажет будущее.

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. 783 с.
2. Lemmens P. 'This System Does not Produce Pleasure Anymore'. An Interview with Bernard Stiegler // *Krisis. Journal for contemporary philosophy*. 2011. Vol. 31, № 1. P. 33–41.
3. Санженяков А.А. Истоки аналитического подхода к проблемам техники: Аристотель об эпистеме и технэ // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 128–132. doi: 10.17223/1998863X/53/13
4. Stiegler B. *Technics and Time 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford : Stanford University Press, 1998. 298 p.
5. Подорога Б.В. Логос и протез: теория третьей памяти Бернарда Стиглера // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 6. С. 90–99.
6. Beardsworth R. From a Genealogy of Matter to a Politics of Memory: Stiegler's Thinking of Technics // *Technics and Finitude. Special issue of Tekhnema*. 1995. No. 2. URL: <http://tekhnama.free.fr/2Beardsworth.htm> (дата обращения: 15.11.2024).
7. Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии // *Художественный журнал*. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (дата обращения: 10.11.2024).
8. Stiegler B. *Technics and Time 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford : Stanford University Press, 2010. 276 p.
9. Roberts B. Cinema as mnemotechnics: Bernard Stiegler and the industrialisation of memory // *Angelaki*. 2006. № 11(1). P. 55–63.
10. Свирский Я.И. Трансдукция как способ междисциплинарной конвергенции // *Идеи и идеалы*. 2019. Т. 11, № 2, ч. 1. С. 63–78.
11. Свирский Я.И. Индивидуация Ж. Симондона как проект принципиальной незавершенности индивида // *Человек как открытая целостность*. Новосибирск : Академиздат, 2022. С. 295–306.
12. Read J. *The Politics of Transindividuality*. Brill, Leiden/Boston, 2016. 309 p.
13. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // *Сигма*. URL: <https://syg.ma/@tresk/biarnar-stighlier-vriemia-chtienii-i-novyie-instrumenty-pamiati> (дата обращения: 18.11.2024).
14. Stiegler B. Automatic society, Londres février 2015 // *Journal of Visual Art Practice*. 2016. Vol. 15, № 2-3. P. 192–203.
15. Stiegler B. *The Decadence of Industrial Democracies: Disbelief and Discredit*. Vol. 1. Cambridge : Polity Press, 2011. 200 p.
16. Кралечкин Д. Разум и глупость в цифровую эпоху // *Логос*. 2013. № 3 (93). С. 178–187.
17. Стиглер Б. Искусственный интеллект – это искусственная глупость // *Colta.ru*. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21731-bernard-stiegler-iskusstvennyy-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost> (дата обращения: 25.11.2024).

References

1. Bell, D. (1999) *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Translated from English pod red. V.L. Inozemtseva. Moscow: Academia.
2. Lemmens, P. (2011) 'This System Does not Produce Pleasure Anymore'. An Interview with Bernard Stiegler. *Krisis. Journal for Contemporary Philosophy*. 31 (1), pp. 33–41.
3. Sanzhenakov, A.A. (2020) The origins of an analytical approach to the problems of technology: Aristotle on episteme and techné]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 53. pp. 128–132. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/53/13

4. Stiegler, B. (1998) *Technics and Time 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press.
5. Podoroga, B.V. (2020) Logos i protez: teoriya tretei pamyati Bernarda Stiglera [Logos and prosthesis: Bernard Stiegler's theory of the third memory]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 6. pp. 90–99.
6. Beardsworth, R. (1995) From a Genealogy of Matter to a Politics of Memory: Stiegler's Thinking of Technics. *Technics and Finitude. Special issue of Tekhnema*. 2. [Online] Available from: <http://tekhnama.free.fr/2Beardsworth.htm> (Accessed: 15.11.2024).
7. Stigler, B. (2018) Dukh prosveshcheniya v epokhu filosofskoy inzhenerii [The spirit of enlightenment in the era of philosophical engineering]. *Khudozhestvennyy zhurnal*. 106. [Online] Available from: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (Accessed: 10.11.2024).
8. Stiegler, B. (2010) *Technics and Time 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford: Stanford University Press.
9. Roberts, B. (2006) Cinema as mnemotechnics: Bernard Stiegler and the industrialisation of memory. *Angelaki*. 11 (1). pp. 55–63.
10. Svirskiy, Ya.I. (2019) Transduksiya kak sposob mezhdistsiplinarnoy konvergentsii [Transduction as a way of interdisciplinary convergence]. *Idei i idealy*. 11 (2 (1)). pp. 63–78.
11. Svirskiy, Ya.I. (2022) Individuatsiya Zh. Simondona kak printsipialnaya nezavershennost individa [G. Simondon's individuation as a project of the fundamental incompleteness of the individual]. In: *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an Open Integrity]. Novosibirsk: Akademizdat. pp. 295–306.
12. Read, J. (2016) *The Politics of Transindividuality*. Leiden; Boston: Brill.
13. Stiegler, B. (2024) *Vremya chteniya i novye instrumenty pamyati* [Reading time and new tools of memory]. Translated from English. [Online] Available from: <https://syg.ma/@tresk/biarnar-stighlier-vriemia-htienia-i-novyie-instrumenty-pamiati> (Accessed: 18.11.2024).
14. Stiegler, B. (2016) Automatic society, Londres février 2015. *Journal of Visual Art Practice*. 15 (2-3). pp. 192–203.
15. Stiegler, B. (2011) *The Decadence of Industrial Democracies: Disbelief and Discredit*. Vol. 1. Cambridge: Polity Press.
16. Kralechkin, D. (2013) Razum i glupost' v tsifrovuyu epokhu [Reason and stupidity in the digital age]. *Logos*. 3 (93). pp. 178–187.
17. Stiegler, B. (2024) *Iskusstvennyy intellekt – eto iskusstvennaya glupost'* [Artificial intelligence is artificial stupidity]. Translated from English. [Online] Available from: <https://www.colta.ru/articles/society/21731-bernar-stigler-iskusstvennyy-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost> (Accessed: 25.11.2024).

Информация об авторе:

Московец С.А. – ассистент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: moskovets.tsu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Moskovets, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: moskovets.tsu@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 25.12.2024;
approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/512/9

Профессиональная социализация студентов в условиях цифровизации: опыт социологического исследования

Галина Алексеевна Банных¹, Светлана Николаевна Костина²

^{1, 2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ g.a.bannykh@urfu.ru

² s.n.kostina@urfu.ru

Аннотация. Изучены особенности профессиональной социализации студентов в цифровом обществе на материалах исследования, проведенного в Свердловской области. В ходе исследования изучались цифровые компетенции студентов, их мотивация и готовность к профессиональной деятельности, факторы их профессиональной социализации в ходе профессиональной подготовки студентов в современных условиях. Результаты эмпирического исследования демонстрируют признание респондентами гибких навыков и компетенций XXI в. в качестве одних из основных по выбранной профессии, при том что в наибольшей степени сформированными у себя они видят цифровые компетенции.

Ключевые слова: цифровое общество, профессиональная социализация, цифровые компетенции, компетенции XXI в., цифровизация, цифровой капитал, цифровая экономика

Для цитирования: Банных Г.А., Костина С.Н. Профессиональная социализация студентов в условиях цифровизации: опыт социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 76–89. doi: 10.17223/15617793/512/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/9

Professional socialization of students in the context of digitalization: An experience of a sociological research

Galina A. Bannykh¹, Svetlana N. Kostina²

^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ g.a.bannykh@urfu.ru

² s.n.kostina@urfu.ru

Abstract. The scientific problem of this study is the contradiction between the existing idea of the expert community and theorists that the successful implementation of professional activities in the context of digital transformation requires from the subject of this activity, in addition to professional skills and socio-psychological readiness, also sufficiently developed digital competencies and competencies of the digital economy, and the lack of development of the question of how, in what way, in what time frame, due to what these competencies will be formed in the process of mastering higher education programs. The problem of the study is the lack of systematized information on the features and factors of professional socialization of students in the context of digitalization of higher education (based on the materials of universities of Sverdlovsk Oblast implementing bachelor's and master's programs in the "Public and Municipal Administration" direction). Therefore, the aim of this article is to assess the formation of digital competencies of students and the conditions for their formation as a framework for their professional socialization. The main research questions addressed in the article are: analysis of theoretical sources that allow us to determine the factors and conditions of students' professional socialization at a university in the context of digitalization; analysis of factors of the professional digital environment at a university that influence students' professional socialization; assessment of the development of competencies based on the analysis of empirical research results. The results of the sociological study demonstrate a significant number of students for whom the professional training they receive will never become a stage of professional socialization. The first two stages of professional socialization practically do not form a value-motivational support for future professionals to pursue a profession. The results of the assessment of the use of information and communication technologies allow us to conclude that students mainly possess simple digital skills. The respondents – students – have the least developed specific skills related to the development of digital content, solving technical problems, protecting copyrights, and programming. Although these skills are becoming most in demand in the context of digitalization of public administration.

Keywords: digital society, professional socialization, digital competencies, 21st century competencies, digitalization, digital capital, digital economy

For citation: Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2025) Professional socialization of students in the context of digitalization: An experience of a sociological research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 76–89. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/9

Введение

Актуальность исследования. Происходящая цифровая трансформация подразумевает достаточно резкий переход во всех сферах общественной жизнедеятельности к использованию цифровых технологий. Вопросы особенностей освоения профессий, профессиональных ценностей и навыков в XXI в. стали остро актуальными. Переход к четвертой волне индустриализации, шестому технологическому укладу, цифровой экономике и экономике знаний привел к революционным изменениям в структуре профессий и наборе профессиональных компетенций.

Успешное осуществление профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации требует от субъекта этой деятельности, помимо профессиональных навыков и социально-психологической готовности, также и достаточно развитых цифровых компетенций и компетенций цифровой экономики. В то же время система высшего образования в этом вопросе отстает от требований экономики.

В настоящее время система образования оказалась в непростой ситуации – откровенно отстающие по многим параметрам от процессов мировой цифровой трансформации российские образовательные учреждения, переживающие этот цифровой переход крайне неравномерно, были поставлены перед вызовом не простой их устойчивости, но и выживания. Принципиально важными в настоящий момент являются изменения, происходящие в высшем образовании, поскольку именно там «куются» кадры для цифровой экономики и от качества и скорости протекания этого процесса зависит переход к ней в целом.

Цифровая экономика существенным образом изменила структуру и номинал профессий, на рынке труда возникают новые профессии, новые профессиональные потребности работодателей, что требует от системы высшего образования качественных изменений в образовательных программах, учебных планах и в целом в образовательном процессе. Современные студенты – будущие профессионалы – осваивают востребованные компетенции (и профессиональные, и цифровые, и цифровой экономики) и формируют свой капитал (интеллектуальный, социальный, цифровой). От того, насколько в университете организован этот процесс, на каком уровне находится его цифровая трансформация, зависит качество и эффективность профессиональной социализации будущего профессионала, его востребованность на рынке труда в условиях цифровой экономики.

Однако как раз эти вопросы зачастую рассматриваются в качестве проблемных при исследовании роли и потенциала российских университетов в цифровой экономике [1, 2]. Еще более сложной представляется та

ситуация, в которой оказались региональные вузы – высокая конкуренция за демографически невысокий контингент абитуриентов в условиях экстерриториальности поступления, социально-экономическое и цифровое неравенство и другие факторы привели многие вузы к слабой степени готовности к функционированию в условиях цифровой экономики и к формированию профессионалов с соответствующими навыками.

Научной проблемой настоящего исследования является противоречие между имеющимся представлением экспертного сообщества и теоретиков о том, что успешное осуществление профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации требует от субъекта этой деятельности, помимо профессиональных навыков и социально-психологической готовности, также и достаточно развитых цифровых компетенций и компетенций цифровой экономики, и неразработанностью вопроса о том, как, каким образом, в какие сроки, за счет чего эти компетенции будут формироваться в процессе освоения программ высшего образования.

Проблема исследования – отсутствие систематизированной информации об особенностях и факторах профессиональной социализации студентов в условиях или цифровизации высшего образования (на материалах вузов Свердловской области, реализующих программы бакалавриата и магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление»). Поэтому цель настоящей статьи – оценка сформированности цифровых компетенций студентов и условий их формирования как рамках их профессиональной социализации. Основные исследовательские вопросы, решаемые в статье:

- анализ теоретических источников, позволяющих определить факторы и условия профессиональной социализации студентов в вузе в условиях цифровизации;
- анализ факторов профессиональной цифровой среды в вузе, оказывающих влияние на профессиональную социализацию студентов;
- оценка сформированности компетенций на основе анализа результатов эмпирического исследования.

Обзор литературы. Впервые интерес к проблеме профессиональной социализации возникает в работах в конце XIX – начале XX в., научной базой которых была общая теория социализации. В развитие теории профессиональной социализации значительный вклад внесли П. Сорокин и Т. Парсонс, Н. Смелзер и др., рассматривая базовую категорию профессии и факторы «погружения» в нее, освоения профессиональных навыков.

Р. Мертон в 1957 г. заявил о значимости исследования вопросов социализации в процессе профессиональной подготовки в системе профессионального образования [3], Л. Фестингер также в 1957 г. обратил внимание исследователей на психологические аспекты профессиональной социализации студентов [4]. Позже, в зарубежной науке сформировалось два методологических подхода в изучении профессиональной социализации: идентификационный (соотнесение собственной деятельности с требованиями профессии и карьерными возможностями) и ролевой (соотнесение профессиональных ролей с трудовыми обязанностями).

Проблематика профессиональной социализации в системе образования достаточно широко представлена в отечественной научной литературе. Предметом изучения в ней выступают как теоретические аспекты профессиональной социализации, так и ее особенности у отдельных групп обучающихся по определенным направлениям (педагогическое, техническое, медицинское и другое образование). В настоящий период единого подхода к содержанию понятия профессиональной социализации не сложилось. В самом общем виде под профессиональной социализацией понимается процесс освоения индивидом профессиональных ценностей, традиций, норм профессионального поведения, который продолжается в течение всей жизни человека, пока он занят профессиональным трудом. Профессиональная социализация изучается в рамках различных наук (социологии, психологии, профессиональной педагогики) и теоретико-методологических подходов – диспозиционной и ролевой теории, деятельностного, феноменологического, этнометодологического и других подходов.

Согласно диспозиционной теории профессиональная социализация – это многоаспектный, поэтапный процесс, социально-детерминированный формированием социально-профессиональных ориентаций индивида [5]; в рамках ролевой теории она понимается как процесс освоения личностью роли, ролевых установок и норм, соответствующих определенному социально-профессиональному статусу и формированию готовности реализовать ожидания, связанные с выполнением определенной социальной роли [6]; в феноменологическом направлении профессиональная социализация рассматривается как процесс освоения профессионального пространства и активного поиска своего места в нем, который осуществляется в границах и на основе некой физической структуры, протекает во времени и реализуется в пространстве на основе постоянного профессионального взаимодействия [7].

Интегральное понятие профессиональной социализации предложил А.В. Вайсбург: «это социо-психологический адаптационно-интеграционный процесс, в ходе которого на основе существующей внутренней ориентации индивида, развития определенных личностных ресурсов, под влиянием определенных агентов и институтов происходит усвоение профессиональных ролевых установок, норм, знаний, образцов поведения и последующее их пожизненное воспроизводство в определенной профессиональной деятельно-

сти» [7]. В настоящей статье профессиональная социализация рассматривается как совокупность процессов по усвоению и воспроизводству индивидом образцов поведения, норм, ценностей, компетенций, требуемых в конкретной профессии и необходимых для достижения успеха.

В научном пространстве также можно встретить понятия, очень близкие по смыслу категории профессиональной социализации – профессионализация, профессиональная идентификация, профессиональное самоопределение. Профессионализация рассматривается как процесс становления индивида профессионалом в определенном виде деятельности, освоения им необходимых для выполнения этой деятельности компетенций. Профессиональная идентификация понимается как процесс отождествления индивида с определенным профессиональным статусом и присущими ему социальными ролями и рассматривается как основа социализации взрослых [8]. Этот процесс принципиально важен для эффективной деятельности в профессии дальше, и именно он формирует основу профессиональной социализации. В исследовании К. Кэрролл рассматривается, как профессиональная социализация влияет на успешную профессиональную деятельность в органах власти и то, как она связана с карьерными устремлениями [9]. В самом общем приближении все вышеперечисленные термины описывают процессы включения индивида в профессиональную среду посредством овладения им как знаниями и навыками, так и ценностями и нормами, процессы «погружения» в профессиональную деятельность и рефлексии в отношении профессии [10].

Профессиональная социализация протекает на трех уровнях: личностном, групповом и институциональном [11]. Личностный уровень предполагает накопление собственного опыта, формирование собственного профессионального мастерства, «взросление» личности как профессионала. Групповой уровень рассматривается через профессиональную микросреду, в которую погружена личность, т.е. тот профессиональный коллектив, с которым личность взаимодействует непосредственно. Например, утверждается, что предыдущий опыт работы и профессиональное образование – одни из наиболее важных факторов при вхождении в новую профессиональную среду [12]. Институциональный уровень обуславливает формирование профессиональных компетенций, профессиональной культуры и основ профессионального взаимодействия. Он предопределяет силу воздействия как на групповом, так и на личностном уровне. Так, например, показательные результаты лонгитюдного исследования, проведенного в израильском университете, в результате которого можно сделать вывод о влиянии процесса подготовки и институциональной среды вуза на формировании профессиональной идентичности, мягкое вхождение в профессию [13]. В качественном исследовании индийских ученых также наглядно продемонстрировано, что уровень профес-

сиональной социализации резко возрастает на последних курсах обучения и связан с обязательной практической деятельностью в профессиональных организациях [14].

Профессиональная социализация — это сложный, многоуровневый и многоструктурный процесс, обусловленный влиянием внешних и внутренних факторов. Так, например, A.S. Hirschy и M.E. Wilson с соавт. описывают влияние возраста, авторитетных людей и связей на формирование профессиональной идентичности, которое ложится в основу профессиональной социализации [15]. Как процесс профессиональная социализация предполагает несколько этапов: допрофессиональный этап (профориентационный, выбор профессии), этап профессиональной подготовки (освоение основных профессиональных компетенций и ценностей), трудовой этап профессиональной социализации.

Важнейшим этапом профессиональной социализации выступает этап профессиональной подготовки. Именно на этом этапе у будущего профессионала формируются (или не формируются) профессиональные компетенции, происходит (или не происходит) профессиональная идентификация. Исследователями отмечается наличие специфики профессиональной социализации студентов в зависимости от профессиональной сферы [16]. И действительно, как сама профессиональная сфера, так и непосредственно образовательное учреждение формируют институциональную среду профессиональной социализации.

Исследование особенностей социализации в условиях цифровизации — тема достаточно актуальная для современных гуманитарных и общественных наук. По мнению исследователей, рост уровня вовлеченности в Интернет у современной личности способствует замене и переходу от традиционной социализации к цифровой [17]. В научной среде можно встретить определения цифровой социализации личности как опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности, формирующего его цифровую личность как часть реальной личности [18]. Авторы отмечают влияние цифровых технологий на процесс взросления личности и необходимость изучения этого процесса [19], как следует учитывать сам процесс социализации, в ходе которого личность приобретает постепенно определенную автономность, может оказывать влияние на использование ее цифровых технологий [20].

С.Л. Кандыбович, Т.В. Разина методом семантического дифференциала изучили мнения 154 студентов вузов о пространстве цифровой среды. Авторы пришли к выводу, что на процессы социализации современной молодежи огромное влияние оказывают, с одной стороны, цифровые технологии — интернет, социальные сети и соответствующие технические устройства, с другой — ценности индивидуализма [21]. То есть и то и другое — это факторы общей цифровой

среды, в которой происходит формирование современной личности.

Интернет-среда теперь является средством профессионального развития и социализации [22] как для студентов, так и для работников, формируя профессиональную идентичность. Для успешной профессиональной социализации на стадии подготовки еще при поступлении в университет студенту приходится осваивать цифровые компетенции. Результаты исследований в Чили показывают, что внедренная с 2010 г. система тестирования цифровых навыков у студентов 1-го курса, дает результаты — легче происходит обучение в университете и возрастает цифровой и социальный капитал будущего профессионала [23]. Одной из основ современного процесса социализации в мире интернет-коммуникаций становятся социальные сети. Некоторые авторы считают, что «социальные сети становятся параллельными вселенными социализации» [24]. Профессиональная социализация — не исключение, сегодня формируются специальные цифровые платформы для взаимодействия и взаимопомощи профессионалов, для обмена информацией и услугами в той или иной профессиональной сфере, и зачастую они реализованы в контексте социальных сетей (например, LinkedIn, Researchgate и др.).

Л.Г. Пак, рассматривая социализацию студентов как процесс целенаправленный (на расширение их представлений, навыков, знаний, умений и пр.), на основе экспериментального факультативного курса показала, что процесс социализации может приводить к трансляции позитивного социального опыта онлайн- и офлайн-познания, общения и деятельности, к формированию софт и хард скиллс, необходимых в условиях цифровизации [25]. В данном случае автор наглядно демонстрирует потенциал сокращения второго уровня цифрового неравенства, связанного с формированием и использованием цифровых компетенций, посредством целенаправленного процесса социализации студентов. Однако стоит обратить внимание, что важно формирование не просто цифровых навыков, но тех, которые будут сфокусированы на эффективном выполнении будущей профессиональной деятельности. Поэтому обязательно, чтобы данные хард-скиллс с цифровым уклоном формировались в рамках дисциплин общих учебных планов образовательных программ.

Исследование Е.С. Попова и Я.В. Дидковской также показывает, что структура и содержание учебных планов, скорректированных под влиянием цифровизации, активно формируют у студентов мягкие цифровые навыки, гибкость и адаптивность. Однако отсутствие первичных цифровых компетенций может привести к обратному результату — неудовлетворенности и отказу от профессиональной подготовки в такой форме [26].

Интересное похожее взаимовлияние цифровых дистантных технологий и формирования профессиональных навыков обнаружили и зарубежные исследователи, изучая студентов программ медицинского сопровождения. Авторы сравнивали профессиональные навыки студентов, обучающихся на разных програм-

мах. Результаты показали, что у студентов на дистанционном обучении профессиональные навыки сформированы выше, чем у студентов традиционной формы обучения [27]. Это может говорить о тех же проблемах цифрового неравенства – несформированность первичных цифровых навыков негативно влияет на процесс профессиональной социализации студента.

Об этом же свидетельствуют исследования испанских ученых: цифровые навыки и грамотность сегодня обязательны для профессиональной успешности, но социальные практики, академическая и профессиональная грамотность могут выступать как второстепенные факторы процесса профессиональной социализации в цифровой среде [28]. При этом результат неоднозначен – цифровая инклюзия в профессию будет успешной у тех студентов, которые уже знакомы и мотивированы на использование цифровых технологий, в противном случае заинтересованность в использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в профессии и жизни снижается.

Методологические основания и методы

Основными исследовательскими задачами, которые решаются в статье, являются следующие:

- содержание понятия «профессиональная социализация» в условиях цифровизации;
- содержания понятий «цифровые компетенции» и «навыки XXI в.» (цифровой экономики), разнообразие моделей;
- роль институциональных субъектов во внедрении новых компетенций в образовательный процесс;
- особенности профессиональной социализации студентов по направлению «ГМУ» в условиях цифровизации: результаты социологического исследования.

В качестве методологических основ использовались теория информационного общества, теория цифровой экономики, компетентностный подход.

Изменения, происходящие сегодня в обществе, с одной стороны, эволюционные, с другой – революционные, как в обществе в целом, так и в отдельных его подсистемах (например, в образовании) приводят эти системы к качественно новым состояниям и начинают иметь все более возрастающее значение.

Исследователи считают, что в российском высшем образовании компетентностный подход «прижился»: «наряду с получением профессиональных знаний и умений [посыл – авт.] формировать важнейшие личностные качества: способность жить, работать и профессионально совершенствоваться в современном динамичном мире» [29]. В рамках парадигмы непрерывного образования инновационным компонентом содержания образования стали так называемые гибкие/мягкие навыки как метапредметные результаты образовательного процесса.

Еще одной особенностью методологического характера выступает отсутствие необходимости унификации наборов компетенций для обучения по единой программе. Таксономия определяет навыки, необходимые для включения в цифровую экономику через широкий спектр отраслей и профессий [30]. Цифровые

навыки, компетенции цифровой экономики становятся частью профессиональной подготовки будущих профессионалов, поскольку таковы условия новой цифровой эпохи.

Переход к новой индустриализации, цифровой экономике влечет за собой не только появление новых и исчезновение устаревших видов профессиональной деятельности, но и изменение содержания и технологий труда большинства профессий. Конкурентоспособность работника на рынке труда во многом определяется его владением «новыми» компетенциями цифровой экономики, ценностно-мотивационной готовностью осуществлять свою деятельность в новых условиях.

В современной науке и практике присутствуют два вида компетенций, связанных с цифровизацией, – «цифровые компетенции» и «компетенции цифровой экономики» (или компетенции XXI в.). Первая группа подразумевает наличие способности решать разнообразные задачи в области использования ИКТ: работа с информацией, извлечение контента, его поиск и создание и пр. при помощи цифровых технологий. Благодаря наличию этой группы компетенций у личности и ее применению в повседневной и/или профессиональной жизнедеятельности формируется цифровая грамотность [11].

Вторая группа компетенций определяется не столь однозначно: в течение первых десятилетий XXI в. исследовательские и проектные коллективы пытались определить структуру и набор компетенций, которые будут отвечать требованиям XXI в., требованиям цифровой и креативной экономики.

Модели компетенций цифровой экономики достаточно разнообразны, среди них можно выделить: модель, предложенную в докладе всемирного банка «Цифровые дивиденды» (включающую когнитивные, социальные и поведенческие, технические компетенции); модель DigComp (включающую 21 компетенцию в пяти областях); модель World Economic Forum (топ-10 компетенций); модель The New Foundational Skills of the Digital Economy (Human Skills, Domain Knowledge, Digital Building Block Skill, Business Enabler Skills); модель HR-клуба Сколково (включающую три группы компетенций – общие, междисциплинарные и метакомпетенции личностного развития).

Таким образом, в настоящее время можно отметить наличие разнообразных моделей актуальных «цифровых» профессиональных компетенций, требуемых современному профессионалу. Не является исключением и профессия государственного и муниципального служащего. Для проведения эмпирического исследования авторами за основу была взята модель, предложенная в федеральном проекте «Россия 2025».

Для подтверждения теоретических выводов авторами статьи было проведено социологическое исследование в несколько этапов. На первом этапе были изучены отдельные факторы, обеспечивающие успех профессиональной социализации будущих публичных служащих методом анализа документов, анализа статистических данных.

В качестве таких факторов изучены содержание ФГОС по образовательному направлению и учебные планы трех уральских вузов, реализующих образовательные программы по соответствующему направлению подготовки (на момент 2021/2022 учебного года).

На втором этапе исследования было проведено эмпирическое исследование методом онлайн-опроса (Google forms) в мае 2020 г., в нем приняли участие 140 студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление» (бакалавры и магистранты) в трех уральских вузах (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Уральский государственный экономический университет). В выборочной совокупности было представлено 77,9% женщин и 22,1% мужчин в возрасте от 17 до 50 лет в возрасте 19–21 год (64,7%) и 22–25 лет (14,7% опрошенных). Опрос позволил определить самооценку сформированности у студентов цифровых компетенций и навыков XXI в.

На третьем этапе исследования была предпринята попытка оценки сформированности у студентов цифровых компетенций. Данная задача носит достаточно нетривиальный характер, так как дискуссия о методологии оценки сформированности компетенций продолжается в науке и практике образования. Наиболее распространенным в образовательной деятельности методом оценки выступает промежуточная и итоговая аттестация по освоению образовательной программы. В данном исследовании при оценке сформированности компетенций мы опирались на теорию цифровых следов [31]. Объектом анализа выступили компоненты цифрового следа, представленные промежуточной успеваемостью студентов в виде оценок, полученных в ходе изучения дисциплин, и их взаимосвязь. Для этого были выявлены дисциплины учебного плана, в рамках которых формировались цифровые компетенции. Далее был произведен сбор информации о результатах промежуточной аттестации студентов по данным дисциплинам в информационных системах вузов, на основе чего была сформирована база оценок. Далее методами математической статистики был осуществлен анализ сформированности у студентов цифровых компетенций.

Результаты исследования

Рассмотрим, как цифровые компетенции и компетенции цифровой экономики нашли свое отражение в общих требованиях к содержанию образовательных программ по направлению «Государственное и муниципальное управление». Необходимо отметить, что в данной сфере отсутствуют профессиональные стандарты, которые должны были лечь в основу разработки нового ФГОС 3+. В заменяющем профессиональный стандарт Справочнике квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы, разработанном Министерством труда и

социальной защиты РФ, содержатся требования к знаниям и умениям, которые необходимы служащим с учетом области и вида их профессиональной служебной деятельности, в том числе в сфере информационно-коммуникационных технологий [32]. Эти требования предусматривают наличие знаний и умений на трех уровнях: базовом, продвинутом и специальном, а также базируются на категории и группе должностей [32]. Тем не менее знания и умения еще не отражают содержание профессиональных компетенций, а дополнительно – не в полной мере соответствуют современным требованиям цифровизации.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования бакалавриата по направлению подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», принятый в 2020 г. («ФГОС 3+»), в определенной степени содержит компетенции, которые соотносятся с компетенциями цифровой экономики. Это универсальные компетенции, направленные на формирование способностей работать с информацией и обеспечивать информационную безопасность [33].

Среди общепрофессиональных компетенций присутствует «способность использовать в профессиональной деятельности информационно-коммуникационные технологии, государственные и муниципальные информационные системы; применять технологии электронного правительства и предоставления государственных (муниципальных) услуг» [33]. Тем не менее результат во многом зависит от условий реализации: содержания учебного плана, модулей, их последовательности.

Изучение содержания учебных планов по направлению подготовки бакалавров «Государственное и муниципальное управление» позволяет сделать вывод о том, что студенты получают только общие представления об информационно-коммуникационных и цифровых технологиях, и в основном на начальных курсах (первом и втором). Так, в УрФУ в учебный план подготовки входит модуль «Информационно-математические основы профессиональной деятельности» с такими дисциплинами, как «Основы высшей математики», «Информационные технологии в профессиональной деятельности», «Статистика», «Теория принятия управленческих решений», «Логика» [34]. Похожая ситуация с учебным планом, разработанным в другом уральском вузе, Уральском государственном экономическом университете: в содержание плана включены такие учебные дисциплины, как «Информационные технологии», «Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении», «Информатика» [35]. Аналогичная ситуация прослеживается и в учебном плане, разработанном преподавателями Уральского института управления – филиале РАНХиГС.

Что касается магистерского уровня высшего образования, то и здесь учебные планы очень ограничены по формированию у студентов цифровых навыков и компетенций цифровой экономики. В основном требуемые компетенции формируются в рамках курса «Ин-

формационно-аналитических технологий государственного и муниципального управления». Ситуация осложняется еще и тем, что среди магистрантов одновременно находятся и действующие публичные служащие, и только выпускившиеся студенты бакалавриата (не всегда профильного), и просто желающие получить соответствующее образование.

Преподаватели в основном дают информацию о перечне информационно-коммуникационных технологий, применяемых в целом в управлении, в том числе публичном. Хотя в каждом направлении деятельности органов власти есть специфика, знание о которой, безусловно, необходимо будущим служащим: это конкретные информационные платформы, содержание отраслевых баз данных, прикладных сервисов, понимание инфраструктуры или элементов, обеспечивающих функционирование цифровой платформы и средств информационного взаимодействия. В основном преподаватели вузов не имеют доступа к информационным платформам, базам данных исполнительных органов власти, прикладным сервисам и соответствующей методической документации. К сожалению, содержание программ повышения квалификации, предлагаемым преподавателям, работающим по направлению «Государственное и муниципальное управление», не восполняет недостающих компетенций, так как курсы в основном посвящены технологиям дистанционного обучения.

В проведенном исследовании один из вопросов касался причин, повлиявших на выбор студентами будущей профессии публичного служащего. Более 40% опрошенных отметили, что их привлекли такие факторы, как престижность, разнообразие содержания трудовых функций, возможность карьерного роста, соответствие способностей требуемым профессиональным компетенциям.

Успешное профессиональное самоопределение студентов связано с формированием такой целевой установки, как готовность работать по профессии, по которой в настоящий момент они обучаются. 45,9% опрошенных планируют работать по профессии, 20% студентов полагают, что знают, где будут работать, почти такая же доля студентов (20,7%) еще не планировали. 5,2% респондентов не планируют работать по профессии и не представляют, где будут работать, а 8,1% не хотят работать по профессии, но примерно знают, где будут работать. Таким образом, мы наблюдаем значительное количество студентов, для которых получаемая профессиональная подготовка так и не станет этапом профессиональной социализации.

Среди причин, которые препятствуют положительному результату профессионального самоопределения, превалирует неуверенность респондентов в правильности выбора профессии – 63,5% отметили, что хотят в будущем заниматься другой деятельностью. Треть опрошенных отмечают в качестве препятствия в положительном завершении текущего этапа профессионального самоопределения низкую заработную плату, ожидаемую на должностях в органах публичного управления.

Каждый пятый разочаровался в будущей профессии в период обучения или на втором этапе профессионального самоопределения. 13,1% опрошенных полагают, что падает спрос на профессию, 6,6% считают, что их ожидает неудобный график (ненормированный рабочий день), а 2,9% оценивают профессию как непрестижную. Можно сделать вывод о том, что первые два этапа профессиональной социализации практически не формируют у будущих профессионалов ценностной мотивационной опоры для занятия профессией. А в таком случае большая часть профессиональной социализации приходится на третий ее этап.

Важнейшим условием, определяющим результаты профессионального самоопределения и далее профессиональной социализации, являются представления студентов о содержании будущей профессии. Большая часть опрошенных считает, что хорошо (41,2%) и отлично (34,6%) понимает содержание будущей профессиональной деятельности. Однако 17,6% оценили свое понимание профессии удовлетворительно, а 5,1% – неудовлетворительно. Таким образом, большинство студентов удовлетворены получаемым образованием по направлению подготовки: 19,7% опрошенных поставили оценку «отлично», 51,1% – «хорошо» и только 27% «удовлетворительно». При этом еще более серьезной проблемой выглядит отсутствие четко осознанного желания заниматься выбранной профессиональной деятельностью.

Учитывая, что профессиональное самоопределение сопряжено с процессом профессиональной идентификации (отождествлением индивида с определенным профессиональным статусом, социальной ролью, воспроизведением конкретных ценностей), студентам предлагалось оценить ценности, важные в их будущей профессии (ранжировать, используя баллы от 1 до 10). Выявлено, что среднее значение ранга ценностей варьируется от 4,68 до 5,34 баллов (разброс составляет менее одного балла). К таковым ценностям студенты относят профессиональное общение, общественное признание, творчество, достижение высоких результатов, профессиональное развитие, сохранение здоровья. На первое место выходят ценности, так или иначе связанные с особенностями труда в современных условиях цифровой экономики: коммуникация, креативность, развитие и пр.

В ходе исследования респондентам было предложено оценить, насколько они согласны с утверждениями, характеризующими изменения их будущего труда в условиях цифровой экономики (табл. 1). Наибольшее единодушие у опрошенных вызвали утверждения о том, что Интернет представляет собой глобальное информационное и коммуникационное пространство, что профессионал должен быть всегда готов к изменениям, т.е. должен обладать профессиональной мобильностью.

Таким образом, профессиональная гибкость и неопределенность признаются характеристиками современного этапа развития общества. С одной стороны – это личностные свойства, необходимые современному профессионалу. С другой – это свойства, свидетельствующие о неполной самоидентификации с профессией.

Таблица 1

Оценка студентами направления «Государственное и муниципальное управление» изменений характера их будущего профессионального труда в цифровой экономике, % от числа опрошенных

Значение	Да, полностью согласен	Скорее согласен, чем не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Полностью не согласен	Затрудняюсь ответить
Интернет – это глобальное информационное и коммуникационное пространство	85	13	2	0	2
Информационная и кибербезопасность – сегодня одни из важнейших личных и профессиональных принципов	52	42	1	1	5
Цифровые технологии – элемент образа жизни	42	36	13	4	5
Цифровые технологии – источник обновления социального опыта	49	32	13	1	5
Цифровые технологии – источник профессиональной и образовательной информации	52	42	4	0	2
Традиционные формы труда – более сложные и должны оплачиваться выше	28	29	26	8	10
Онлайн-труд (сетевые, цифровые формы труда) – так же важен, как и другие	52	36	7	2	4
Готовность к профессиональной мобильности (изменение профессии, места работы, должности) – характеристика современного профессионала	70	23	4	2	2
Хочешь быть успешным – умей меняться и подстраиваться	68	24	3	2	4
Профессиональный успех сегодня связан с цифровыми технологиями	34	40	16	3	7

В ходе исследования студентам предлагалось оценить степень сформированности у них компетенций цифровой экономики и цифровых компетенций (связанных с владением ИК-технологиями) по шкале, которая отражает традиционную дидактическую структуру компетенции: «знаю – умею – применяю в профессиональной деятельности (владею)» (табл. 2). Наиболее высоко студенты оценили у себя сформированность таких компетенций цифровой экономики, как «способность достигать поставленных целей при помощи различных цифровых средств» и «способность ставить себе образовательные цели и подбирать способы решения и средства развития» – более 40% опрошенных отметили, что применяют их в своей деятельности. В меньшей степени студенты оценили сформированность у себя компетенций, связанных со способностями креативно и критически мыслить, а также работать с большими данными.

Заметим, что способность креативно и критически мыслить, осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач относится к универсальным компетенциям, которые необходимо формировать у любого специалиста, получающего высшее образование.

В то же время результаты оценки по применению информационно-коммуникационных технологий позволяют сделать вывод о том, что студенты в основном владеют простыми цифровыми навыками: могут искать и понимать цифровую информацию, управлять своей идентификацией в Интернете, соблюдать правила сетевого этикета, фильтровать и анализировать

информацию из Интернета. Около трети студентов отметили, что владеют компетенциями, применение которых обеспечивает безопасность в Интернете (личных данных, здоровья и благополучия, безопасности технических устройств). В наименьшей степени у респондентов-студентов развиты специфические навыки, связанные с разработкой цифрового контента, решением технических проблем, защитой авторских прав, программированием. Хотя именно эти навыки становятся наиболее востребованными в условиях цифровизации публичного управления.

При интерпретации приведенных выше результатов необходимо учитывать тот факт, что это показатели самооценки студентов, которые могут значительно отличаться от их реального состояния. Данный вопрос требует отдельного изучения как для получения объективных данных, так и для понимания того, насколько отличаются самооценки от реального уровня владения компетенциями.

Обратимся к результатам оценки сформированности у студентов цифровых компетенций. Методом оценки выступала промежуточная аттестация по изучению таких дисциплин, как «Информационные технологии», «Информационные технологии в профессиональной деятельности», «Информационные технологии в управлении».

В табл. 3 представлены основные результаты в виде цифровых следов. Так, средний балл (по 100-балльной системе) по дисциплине «Информационные технологии в профессиональной деятельности» у студентов Уральского федерального университета стабильно низкий (соответствует удовлетворительному результату).

Таблица 2

Оценка студентами сформированности у них компетенций цифровой экономики, % от числа ответивших

Значение	Знаю	Умею	Применяю в деятельности
Компетенции цифровой экономики			
Способность достигать поставленных целей при помощи различных цифровых средств	22	36	42
Способность ставить себе образовательные цели и подбирать способы решения и средства развития	21	38	42
Способность мыслить креативно, генерировать новые идеи для решения задач цифровой экономики	32	38	30
Способность работать с большими и нестандартными данными, проводить оценку информации, ее достоверность	35	32	33
Способность критически мыслить	25	40	35
Цифровые компетенции			
Искать, понимать цифровую информацию	18	30	52
Фильтровать информацию, поступающую по ИКТ каналам	23	32	46
Анализировать информацию, поступающую по ИКТ каналам	24	31	45
Использовать цифровые технологии, чтобы заявлять свою гражданскую позицию (голосовать, подписывать электронные петиции, публиковать социально значимую информацию и пр.)	27	29	44
Соблюдать правила сетевого этикета (нэтикета)	18	36	46
Управлять своей идентификацией в Интернете	21	31	49
Разрабатывать цифровой контент	52	27	21
Соблюдать авторские права и лицензии	32	42	27
Программировать	71	21	7
Обеспечивать защиту своих личных данных в Интернете	25	35	40
Обеспечивать защиту электронного устройства в Интернете	33	37	30
Обеспечивать защиту своего здоровья и благополучия при помощи и от цифровых технологий	32	38	30
Решать возникающие технические проблемы	34	40	26

Таблица 3

Основные показатели оценки цифровых следов студентов при изучении дисциплин, связанных с формированием цифровых компетенций по исследуемым вузам и панели студентов, баллы

Год	Средний балл	Медиана	Мода
<i>Студенты УрФУ</i>			
2017	50	47	40
2018	55	54	41
2019	50	49	49
Информационные технологии и сервисы (2019)	77	82	86
<i>Студенты РАНХиГС</i>			
2017	4,05	4	4
2018	4,15	4	4
2019	4,64	5	5
<i>Студенты УрГЭУ</i>			
2017	55	53	50
2018	62	61	62
2019	76	74	71

Однако стоит принимать во внимание тот факт, что эта дисциплина нацелена на формирование у студентов не столько универсальных и общепрофессиональных компетенций, сколько профессиональных. То есть в ходе изучения дисциплины студенты знакомятся с государственными информационными

системами и сервисами, базами данных, платформами. При этом самыми распространенными баллами (мода) были самые низкие допустимые 40 баллов (в 2017 г.) и 49 баллов (в 2019 г.), что говорит о более успешном освоении программы студентами 2001–2002 годов рождения.

Лучше ситуация у студентов РАНХиГС – за 2017, 2018 и 2019 гг. средний балл по дисциплине «Информационные технологии в управлении» составил 4,05, 4,15 и 4,73 (по 5-балльной системе). При этом мода в 2019 г. составляет 5 баллов, что также свидетельствует о более успешных результатах для студентов 2001–2002 годов рождения.

Студенты УрГЭУ также показывают неплохие результаты в освоении цифровых навыков – удовлетворительные и хорошие оценки. При этом результаты имеют тенденцию к улучшению от 2017 до 2019 г.

Приведенные в табл. 3 результаты могут свидетельствовать о том, что в целом базовый уровень цифровых компетенций у студентов направления 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» сформирован. При этом необходимо отметить, что базового уровня может оказаться недостаточно для работы в современной системе государственного и муниципального управления. И это требует пересмотра учебных планов.

В условиях цифровизации деятельности органов государственной власти в различных сферах, оказания государственных услуг, цифровизации кадровых технологий на государственной службе, безусловно, необходимыми для всех служащих становятся знания системы электронного правительства РФ и навыки работы со специализированными системами различного вида – государственными информационными (ГИС), в том числе федеральными (ФГИС), информационно-аналитическими (ИАС), автоматизированными информационными (АИС), государственными автоматизированными (ГАС) и др. (ИС, ЕИС, ГИИС, ЕИАС). Количество государственных информационных систем, баз данных и ресурсов увеличивается с каждым годом как на федеральном уровне, так в субъектах РФ. При этом не всегда прослеживается единообразие в системах и ресурсах. Профессиональные компетенции и навыки как цифровые, так и цифровой экономики должны формироваться уже в ходе профессиональной подготовки, чтобы процесс профессиональной социализации был оптимальным.

Как видно из результатов исследования, этого не происходит в силу различных причин, в том числе неразработанности вопроса в учебных планах, неготовности цифровой среды вуза к работе с государственными информационными системами и цифровыми платформами, отсутствия общей концептуальной основы профессиональной подготовки служащих к условиям работы в цифровой экономике.

В качестве перспективных направлений следует отметить новые цели стратегического развития вузов в рамках программы Приоритет 2030, к которым относится и цифровая трансформация, предусматривающая формирование цифровых компетенций всех студентов, внедрение проекта «Цифровые кафедры», позволяющего любому студенту приобрести новые компетенции в сфере ИТ. В 2020 г. первые студенты направления 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» в УрФУ смогли поступить на цифровые кафедры и получить второй диплом уже с новыми информационными компетенциями.

Дискуссионные вопросы

Важнейшим этапом профессиональной социализации выступает этап профессиональной подготовки, формирующий профессиональные компетенции, запускающий процесс профессиональной идентификации. Профессиональная сфера и образовательное учреждение формируют институциональную среду профессиональной социализации, при этом вуз выступает важнейшим ее субъектом, а важнейшими условиями выступают наличие устойчивых связей с работодателями, совместная разработка программ и наборов компетенций, трансляция профессиональной культуры, вовлечение в профессиональную активность, наличие возможности освоения профессиональных систем, комплексов, оборудования, программного обеспечения и пр., наличие в составе ППС практиков и многое другое.

Как любое социальное явление профессиональная социализация динамична, так как зависит от влияния различных факторов. Так, в настоящее время динамика этого вида социализации детерминирована цифровизацией. Под цифровизацией будем понимать трансформационный процесс перехода всех сфер общественной жизнедеятельности к цифровым технологиям.

Несмотря на то, что цифровизация – безусловный фактор профессиональной социализации, концепт и само явление цифровой профессиональной социализации на сегодняшний момент не изучено. Предложим рассматривать цифровую социализацию как основанную на цифровых технологиях совокупность процессов по усвоению и воспроизводству индивидом образцов поведения, норм, ценностей, компетенций, требуемых в конкретной профессии и необходимых для достижения успеха в условиях цифровой экономики.

Цифровизация системы публичного управления оказала существенное влияние на содержание и технологии профессиональной деятельности служащих: активное внедрение информационно-коммуникационных технологий, переход к работе в государственных информационных системах и к платформенным взаимодействиям, «оцифровка» различных аспектов повседневной профессиональной деятельности и многое другое.

В то же время в результате цифровизации происходит и перестройка самого содержания административных процессов в органах власти, которая предполагает сокращение количества рутинных операций и рост профильных и аналитических функций. В процессе цифровой трансформации государственные и муниципальные служащие начинают выполнять новые профессиональные роли, которые, во-первых, связаны с разработкой, внедрением и использованием цифровых технологий в органах власти; во-вторых, предполагают деятельность по реализации государственной политики в сфере цифровизации (разработку и реализацию программ и проектов цифровизации территорий и отдельных отраслей). Высокие темпы изменений требуют от государственных и муниципальных служащих

постоянного овладения новыми универсальными компетенциями, необходимыми для новой цифровой экономики [36].

Изменения содержания профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих должны найти свое отражение на этапе их профессиональной подготовки в системе высшей школы при разработке и актуализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление». Частичная цифровая трансформация затронула и российские вузы, и процесс профессиональной подготовки: появились дистанционные образовательные технологии, образовательные онлайн-технологии, виртуальная (цифровая) образовательная среда (в том числе LMS, **геймификация с применением возможностей VR\AR**) и др. В таких условиях отдельные элементы профессиональной социализации упростились (передача и получении знаний экстерриториально и 24/7), в других – усложнились (освоение профессиональных навыков и элементов профессиональной культуры, профессиональная идентификация). Однако не всегда это сопровождается изменением содержания образования.

Заключение

Профессиональная социализация в новых условиях, условиях цифровизации выдвигает на первый план противоречия данного процесса, который подразумевает освоение цифровых компетенций и компетенций цифровой экономики в рамках существующей профессии.

В России также нет однозначного понимания ни набора цифровых компетенций, ни компетенций цифровой экономики. Тем не менее масштабное государственное регулирование процессов цифровизации (национальные проекты, государственные программы и пр.) привело к появлению требований к овладению цифровыми компетенциями в различных отраслях экономики, в том числе и в государственном и муниципальном управлении.

В этой связи важно, что новый ФГОС 3+ по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» содержит в качестве необходимых к освоению отдельные цифровые компетенции. Сложнее ситуация складывается с освоением в ходе второго этапа профессиональной социализации компетенций цифровой экономики. Значимым субъектом этого процесса выступают сами образовательные учреждения и отраслевые органы власти, курирующие их деятельность.

Изучение содержания учебных планов по направлению подготовки бакалавров «Государственное и муниципальное управление» в трех анализируемых университетах позволяет сделать вывод о том, что студенты получают только общие представления об информационно-коммуникационных и цифровых технологиях, и в основном на начальных курсах (первом и втором). Такая же ситуация наблюдается и в магистратуре. Еще одним ограничением можно считать недостаточно развитую цифровую среду вуза и уровень цифровой компетентности профессорско-преподавательского состава.

Определенным препятствием в профессиональной социализации в условиях цифровизации для студентов по образовательной программе «Государственное и муниципальное управление» становится многообразие ведомственных информационных продуктов и сервисов при одновременной невозможности получить навыки их использования в своей деятельности.

Результаты социологического исследования демонстрируют значительное количество студентов, для которых получаемая профессиональная подготовка так и не станет этапом профессиональной социализации. Первые два этапа профессиональной социализации практически не формируют у будущих профессионалов ценностной мотивационной опоры для занятия профессией. А в таком случае большая часть профессиональной социализации приходится на третий ее этап. При этом еще более серьезной проблемой выглядит отсутствие четко осознанного желания у студентов заниматься выбранной профессиональной деятельностью.

Среди профессиональных ценностей респонденты поставили на первое место профессиональное общение. В целом на первый план выходят ценности, так или иначе связанные с особенностями труда в современных условиях цифровой экономики: коммуникация, креативность, развитие и пр. Профессиональная гибкость и неопределенность признаются студентами основными характеристиками современного этапа развития общества.

Результаты оценки по применению информационно-коммуникационных технологий позволяют сделать вывод о том, что студенты в основном владеют простыми цифровыми навыками. В наименьшей степени у респондентов-студентов развиты специфические навыки, связанные с разработкой цифрового контента, решением технических проблем, защитой авторских прав, программированием. Хотя именно эти навыки становятся наиболее востребованными в условиях цифровизации публичного управления.

Список источников

1. Bannykh G.A., Kostina S.N. Formation of Digital Competence of State Servants in the Conditions of Government Digitalisation: The Problem Statement // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference, 20–21 March 2020, Yekaterinburg. KnE Social Sciences, 2020. P. 236–245. doi: 10.18502/kss.v5i2.8357
2. Bannykh G.A., Kostina S.N. Global trends in employment changes and their impact on professionalization // Globalization and its socio-economic consequences 2020 Slovak Republic, Rajec Teplice, 21–22 October 2020. SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 92. Art. No. 07007. doi: 10.1051/shsconf/20219207007
3. Merton R.K., Reader G.G., Kendal P.L. The Student Physician. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1957. 532 p.
4. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. IL. Row-Patterson, 1957. 452 p.

5. Ширяева Н.В. Противоречия процесса профессионального самоопределения студенчества // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия : материалы Третьего Рос. философского конгресса, 16–20 сентября 2002. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. Т. 4. С. 27–33.
6. Волегов В.А. Социологические подходы к изучению профессионального самоопределения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 167–173.
7. Вайсбург А.В. Модель процесса профессиональной социализации специалиста // Профессиональная ориентация. 2014. № 1. С. 32–43.
8. Савчук Д.А. Профессионализация кадров государственной гражданской службы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 6 (102). С. 94–97.
9. Carroll K. Ambition Is Priceless: Socialization, Ambition, and Representative Bureaucracy // The American Review of Public Administration. 2017. № 47 (2). P. 209–229. doi: 10.1177/0275074016671602
10. Костина С.Н., Банных Г.А., Воронина Л.И. Профессионализация публичных служащих в условиях цифровизации: кейс Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 73–85.
11. Саенко Л.А., Затева Т.Г. Профессиональное образование как базовый процесс профессиональной социализации // Дискуссия. 2014. № 5 (46). С. 123–127.
12. Kowtha N.R. Organizational socialization of newcomers: the role of professional socialization // International Journal of training and development. 2018. Vol. 22, № 2. P. 87–106. doi: 10.1111/ijtd.12120
13. Freund A., Cohen A., Blit-Cohen E., Dehan N. Professional socialization and commitment to the profession in social work students: A longitudinal study exploring the effect of attitudes, perception of the profession, teaching, training, and supervision // Journal of Social Work. 2017. № 17 (6). P. 635–658. doi: 10.1177/1468017316651991
14. Kaur R., Sharma K. Assessment of the level of professional socialization and its determinant factors // International Journal of Innovative Research and Advanced Studies (IJIRAS). 2017. № 4 (2). P. 71–73.
15. Hirschy A.S., Wilson M.E., Liddell D.L., Boyle K.M., Pasquesi K. Socialization to Student Affairs: Early Career Experiences Associated With Professional Identity Development // Journal of College Student Development. 2015. № 56 (8). P. 64–79.
16. Pronina A.N., Merenkova V.S., Popov S.E. Features of digital socialization of primary school students in the context of different levels of Internet involvement // Propositos y representaciones. 2020. Vol. 8, special issue. Art. No. e713. doi: 10.20511/pyr2020.v8nSPE3.713
17. Baretti M. What Do We Know about the Professional Socialization of Our Students? // Journal of Social Work Education. 2004. № 40 (2). P. 255–283.
18. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. doi: 10.17759/sps.2018090308
19. Smith J., Hewitt B., Skrbis Z. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood // Information, Communication & Society. 2015. № 18 (9). P. 1022–1038. doi: 10.1080/1369118X.2015.1007074
20. Stornaiuolo A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites // Human Development. 2017. № 60. P. 233–238. doi: 10.1159/000480341
21. Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды // Мировые цивилизации. 2019. № 3–4. URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf>
22. Ruan B., Yilmaz Y., Lu D., Lee M., Chan T.M. Defining the Digital Self: A Qualitative Study to Explore the Digital Component of Professional Identity in the Health Professions // Journal of medical internet research. 2020. Vol. 22 (9). Art. No. e21416. doi: 10.2196/21416
23. Ojeda P.A., Morales L.G., Albalat J.Q. Digital Competences: Reality of students starting university life // Digital education review. 2019. № 36. P. 68–84.
24. De Mesa J., Jacinto L. Digital competences and skills as key factors between connectedness and tolerance to diversity on social networking sites: Case study of social work graduates on Facebook // Current sociology. 2021. Vol. 70, Is. 2. P. 210–216. doi: 10.1177/0011392120983341
25. Пак Л.Г. Социализация студентов вуза в эпоху цифрового общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 5 (228). С. 66–72.
26. Попов Е.С., Дидковская Я.В. Профессиональная социализация студентов на этапе профессиональной подготовки в вузе в условиях цифровизации // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. Т. 1. С. 357–362.
27. Nesler M.S., Hanner M.B., Melburg V., McGowan S. Professional Socialization of Baccalaureate Nursing Students: Can Students in Distance Nursing Programs Become Socialized? // Journal of nursing education. 2001. № 40 (7). P. 293–302. doi: 10.3928/0148-4834-20011001-04
28. Gómez D.C. Technological socialization and digital inclusion: Understanding digital literacy biographies among young people in Madrid // Social Inclusion. 2020. № 8 (2). P. 222–232.
29. Хеннер Е.К. Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 9–31. doi: 10.17853/1994-5639-2018-2-9-31
30. Волкова И.А., Петрова В.С. Формирование цифровых компетенций в профессиональном образовании // Вестник Нижневартского государственного университета. 2019. № 1. С. 17–24.
31. Баранова Е.В., Швецов Г.В. Методы и инструменты для анализа цифрового следа студента при освоении образовательного маршрута // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 415–430.
32. Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Официальный сайт Министерства труда и социальных отношений РФ. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/gossluzhba/16/1> (дата обращения: 12.02.2021).
33. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление: Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1016 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/news/5/637> (дата обращения: 12.02.2021).
34. Образовательная программа «ГМУ», бакалавриат // Официальный сайт Уральского Федерального университета. URL: <https://programs.edu.urfu.ru/ru/8483/documents/2020/> (дата обращения: 12.02.2021).
35. Учебный план подготовки по направлению «Государственное и муниципальное управление» // Официальный сайт Уральского государственного экономического университета. URL: <http://gmu.usue.ru/> (дата обращения: 03.01.2021).
36. Kostina S., Bannykh G. Features of professional self-determination in the course of life in the digital economy // Proceedings of 12 th international conference of education, research and innovation (ICERI 2019). 21 November 2019, Seville, Spain. 2019. P. 2872–2879. doi: 10.21125/iceri.2019.0734

References

- Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2020) Formation of Digital Competence of State Servants in the Conditions of Government Digitalisation: The Problem Statement. *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference*. 20–21 March 2020, Yekaterinburg. KnE Social Sciences. pp. 236–245. doi: 10.18502/kss.v5i2.8357
- Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2021) Global trends in employment changes and their impact on professionalization. Globalization and its socio-economic consequences 2020. Slovak Republic, Rajecke Teplice. 21–22 October 2020. *SHS Web of Conferences*. 92. Art. No. 07007. doi: 10.1051/shsconf/20219207007
- Merton, R.K., Reader, G.G. & Kendal, P.L. (1957) *The Student Physician*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Festinger, L. (1957) *A theory of cognitive dissonance*. IL: Row-Patterson.
- Shiryayeva, N.V. (2002) [Contradictions of the process of professional self-determination of students]. *Ratsionalizm i kultura na poroge tretogo tysyacheletiya* [Rationalism and Culture on the Threshold of the Third Millennium]. Proceedings of the III Russian Philosophy Congress. Vol. 4. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh. pp. 27–33. (In Russian).
- Volegov, V.A. (2016) Sotsiologicheskie podkhody k izucheniyu professionalnogo samoopredeleniya [Sociological approaches to the study of professional self-determination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2. pp. 167–173.
- Vaisburg, A.V. (2014) Model protsessa professionalnoy sotsializatsii spetsialista [Model of the process of professional socialization of a specialist]. *Professionalnaya orientatsiya*. 1. pp. 32–43.
- Savchuk, D.A. (2016) Professionalizatsiya kadrov gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby [Professionalization of civil service personnel]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 6 (102). pp. 94–97.
- Carroll, K. (2017) Ambition Is Priceless: Socialization, Ambition, and Representative Bureaucracy. *The American Review of Public Administration*. 47 (2). pp. 209–229. doi: 10.1177/0275074016671602
- Kostina, S.N., Bannykh, G.A. & Voronina, L.I. (2020) Professionalizatsiya publichnykh sluzhashchikh v usloviyakh tsifrovizatsii: keis Sverdlovskoy oblasti [Professionalization of public servants in the context of digitalization: a case study of the Sverdlovsk region]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*. 3 (32). pp. 73–85.
- Saenko, L.A. & Zateeva, T.G. (2014) Professionalnoe obrazovanie kak bazovyy protsess professionalnoy sotsializatsii [Professional education as a basic process of professional socialization]. *Diskussiya*. 5 (46). pp. 123–127.
- Kowtha, N.R. (2018) Organizational socialization of newcomers: the role of professional socialization. *International Journal of Training and Development*. 22 (2). pp. 87–106. doi: 10.1111/ijtd.12120
- Freund, A., Cohen, A., Blit-Cohen, E. & Dehan, N. (2017) Professional socialization and commitment to the profession in social work students: A longitudinal study exploring the effect of attitudes, perception of the profession, teaching, training, and supervision. *Journal of Social Work*. 17 (6). pp. 635–658. doi: 10.1177/1468017316651991
- Kaur, R. & Sharma, K. (2017) Assessment of the level of professional socialization and its determinant factors. *International Journal of Innovative Research and Advanced Studies (IJIRAS)*. 4 (2). pp. 71–73.
- Hirschy, A.S., Wilson, M.E., Liddell, D.L., Boyle, K.M. & Pasquesi, K. (2015) Socialization to Student Affairs: Early Career Experiences Associated With Professional Identity Development. *Journal of College Student Development*. 56 (8). pp. 64–79.
- Pronina, A.N., Merenkova, V.S. & Popov, S.E. (2020) Features of digital socialization of primary school students in the context of different levels of Internet involvement. *Propositos y representaciones*. 8 (special issue). Art. No. e713. doi: 10.20511/pyr2020.v8nSPE3.713
- Baretti, M. (2004) What Do We Know about the Professional Socialization of Our Students? *Journal of Social Work Education*. 40 (2). pp. 255–283.
- Soldatova, G.U. (2018) Tsifrovaya sotsializatsiya v kulturno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*. 9 (3). pp. 71–80. doi: 10.17759/sps.2018090308
- Smith, J., Hewitt, B. & Skribi, Z. (2015) Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood. *Information, Communication & Society*. 18 (9). pp. 1022–1038. doi: 10.1080/1369118X.2015.1007074
- Sornaiuolo, A. (2017) Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites. *Human Development*. 60. pp. 233–238. doi: 10.1159/000480341
- Kandybovich, S.L. & Razina, T.V. (2019) Osobennosti sotsializatsii molodezhi v usloviyakh sovremennoy tsifrovoy sredy [Features of youth socialization in the modern digital environment]. *Mirovye tsivilizatsii*. 3–4. [Online] Available from: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (Accessed: 12.02.2021).
- Ruan, B., Yilmaz, Y., Lu, D., Lee, M. & Chan, T.M. (2020) Defining the Digital Self: A Qualitative Study to Explore the Digital Component of Professional Identity in the Health Professions. *Journal of Medical Internet Research*. 22 (9). Art. No. e21416. doi: 10.2196/21416
- Ojeda, P.A., Morales, L.G. & Albalat, J.Q. (2019) Digital Competences: Reality of students starting university life. *Digital Education Review*. 36. pp. 68–84.
- De Mesa, J. & Jacinto, L. (2021) Digital competences and skills as key factors between connectedness and tolerance to diversity on social networking sites: Case study of social work graduates on Facebook. *Current Sociology*. 70 (2). pp. 210–216. doi: 10.1177/0011392120983341
- Pak, L.G. (2020) Sotsializatsiya studentov vuza v epokhu tsifrovogo obshchestva [Socialization of university students in the era of digital society]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (228). pp. 66–72.
- Popov, E.S. & Didkovskaya, Ya.V. (2021) [Professional socialization of students at the stage of professional training at a university in the context of digitalization]. *Strategii razvitiya sotsialnykh obshchestv, institutov i territoriy* [Development Strategies of Social Communities, Institutions and Territories]. Proceedings of the VII International Conference. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural University. pp. 357–362. (In Russian).
- Nesler, M.S., Hanner, M.B., Melburg, V. & McGowan, S. (2001) Professional Socialization of Baccalaureate Nursing Students: Can Students in Distance Nursing Programs Become Socialized? *Journal of Nursing Education*. 40 (7). pp. 293–302. doi: 10.3928/0148-4834-20011001-04
- Gómez, D.C. (2020) Technological socialization and digital inclusion: Understanding digital literacy biographies among young people in Madrid. *Social Inclusion*. 8 (2). pp. 222–232.
- Khenner, E.K. (2018) Professionalnye znaniya i professionalnye kompetentsii v vyshem obrazovanii [Professional knowledge and professional competencies in higher education]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and science journal]. 20 (2). pp. 9–31. doi: 10.17853/1994-5639-2018-2-9-31
- Volkova, I.A. & Petrova, V.S. (2019) Formirovanie tsifrovyykh kompetentsii v professionalnom obrazovanii [Formation of digital competencies in professional education]. *Vestnik Nizhnevolzhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 17–24.
- Baranova, E.V. & Shvetsov, G.V. (2021) Metody i instrumenty dlya analiza tsifrovogo sleda studenta pri osvoenii obrazovatel'nogo marshruta [Methods and tools for analyzing the digital footprint of a student when mastering an educational route]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (50). pp. 415–430.
- RF Ministry of Labor. (2021) *Handbook of qualification requirements for specialties, areas of training, knowledge and skills necessary for filling positions in the state civil service, taking into account the area and type of professional official activity of state civil servants*. [Online] Available from: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/1> (Accessed: 12.02.2021). (In Russian).

33. Ministry of Science and Higher Education of Russia. (2021) *On the approval of the federal state educational standard of higher education – bachelor's degree in the field of study 38.03.04 State and Municipal Management: Order of the Ministry of Science and Higher Education of Russia dated 13.08.2020 No. 1016*. [Online] Available from: <http://fgosvo.ru/news/5/637> (Accessed: 12.02.2021). (In Russian).
34. UrFU. (2021) *Educational program "State and Municipal Management", bachelor's degree*. [Online] Available from: <https://programs.edu.urfu.ru/ru/8483/documents/2020/> (Accessed: 12.02.2021). (In Russian).
35. USUE. (2021) *Curriculum for the direction "State and Municipal Management"*. [Online] Available from: <http://gmu.usue.ru/> (Accessed: 03.01.2021). (In Russian).
36. Kostina, S. & Bannykh, G. (2019) Features of professional self-determination in the course of life in the digital economy. *Proceedings of 12 th international conference of education, research and innovation (ICERI 2019)*. 21 November 2019. Seville, Spain. pp. 2872–2879. doi: 10.21125/iceri.2019.0734

Информация об авторах:

Баннх Г.А. – канд. социол. наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: g.a.bannykh@urfu.ru. ORCID: 0000-0002-8175-591X

Костина С.Н. – канд. социол. наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.n.kostina@urfu.ru. ORCID: 0000-0001-9346-600X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.A. Bannykh, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: g.a.bannykh@urfu.ru. ORCID: 0000-0002-8175-591X

S.N. Kostina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.n.kostina@urfu.ru. ORCID: 0000-0001-9346-600X

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2021;
одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 16.03.2021;
approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 327.8
doi: 10.17223/15617793/512/10

Политика памяти как инструмент внешней политики Чешской Республики в отношении России (на примере чехословацких легионов)

Николай Николаевич Новик^{1, 2}, Варвара Александровна Гацковская³

^{1, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

^{1, 2} nnovik@hse.ru

³ vgatskovskaya@hse.ru

Аннотация. Выявляется специфика взаимодействия Чехии с российскими регионами с помощью политики памяти как инструмента внешней политики. Используется историко-описательный, сравнительный и метод кейс-стади, где кейсом выступает коммеморация Чехословацкого корпуса. Политика памяти, направленная на субъекты Федерации, может оказывать несущественное влияние на межгосударственные отношения по причине отсутствия противоречий относительно трактовки исторических событий на национальном уровне.

Ключевые слова: международные отношения регионов, политика памяти, чехословацкие легионы, Чехословацкий корпус, чешско-российские отношения, мемориальная политика, историческая память, коммеморация

Для цитирования: Новик Н.Н., Гацковская В.А. Политика памяти как инструмент внешней политики Чешской Республики в отношении России (на примере чехословацких легионов) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 90–98. doi: 10.17223/15617793/512/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/10

Regional and national politics of memory as an instrument of foreign policy in relations between the Czech Republic and Russia (on the example of the Czechoslovak legions)

Nikolay N. Novik^{1, 2}, Varvara A. Gatskovskaya³

^{1, 3} HSE University, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} nnovik@hse.ru

³ vgatskovskaya@hse.ru

Abstract. Politics of memory plays an increasingly important role in contemporary international relations, both promoting interstate cooperation and contributing to the emergence of conflicts and crises through the emotionalisation of relations between countries. In this article, the authors aim to identify the mutual influence of national and regional politics of memory in the context of its use as a tool of foreign policy on the example of Czech-Russian relations. The main materials of the study are speech acts of mnemonic actors in the Czech Republic and Russia – politicians, public figures, state institutions and public organisations – as commemorative practices in themselves and in connection with the implementation of memorial policy. They are presented mainly in the media and on the official resources of the respective organisations. In addition, laws and international treaties between the Czech Republic and Russia concerning the issues of memorial policy, as well as educational materials – textbooks and brochures – are used for the research. The methodology of the study is based on narrative analysis, through which historical events are conceptualised by representatives of the state. In addition, a case study approach is used, where the main case is the problem of commemorating the Czechoslovak Legion and its activities in Russia during World War I and the Civil War in Czech and Russian politics of memory. These events are important for the formation of Czech identity, as well as the Czech Republic's active politics of memory directed specifically at Russian regions. The study examines specific politics of memory's forms – narrative, educational and memorial – implemented at the national and regional level. The "memorial war" related to monuments to Czechoslovak legionnaires "deployed" in Russian regions is considered separately. In addition, a comparison is made between the politics of memory's influence associated with the image of Czechoslovak legionnaires and the role of politics associated with the Great Patriotic War and the socialist period in the history of Czechoslovakia. The study concludes that the active use of memory politics as an instrument of foreign policy may have little impact on interstate relations due to the absence of contradictions regarding the interpretations of historical events at the national level. It is the national historical memory that plays the main role in the problem of historical memory, the main interpretation of which is still left to the state.

Keywords: regional memory policy, Czechoslovak legions, politics of memory, Czechoslovak Legion, Czech-Russian relations, memorial policy, historical memory, commemoration

For citation: Novik, N.N. & Gatskovskaya, V.A. (2025) Regional and national politics of memory as an instrument of foreign policy in relations between the Czech Republic and Russia (on the example of the Czechoslovak legions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 90–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/10

Введение

В современных международных отношениях политика памяти играет все более заметную роль. С одной стороны, она может благоприятно влиять на сотрудничество между государствами, создавая основу для общих ценностей на основе разделяемого прошлого и его одинаковой интерпретации. С другой стороны, политика памяти может становиться причиной для эмоционализации отношений между государствами и провоцировать конфликты и кризисы.

Политика памяти часто используется в качестве инструмента внутренней политики, нередко она может становиться частью внешнеполитической повестки, особенно если один из центральных ее нарративов направлен на другую страну – как в случае антироссийских нарративов в странах Балтии [1. С. 129] или применения тактик забвения в случае внешней политики Японии относительно событий Второй мировой войны [2. С. 107–108].

Примером этого могут быть и отношения России со странами Центральной и Восточной Европы, где историческая память и политика памяти нередко выходят на передний план в отношениях. При этом конфликты могут провоцироваться даже не на уровне межгосударственных отношений, а вызываться действиями со стороны общества, в том числе на уровне регионов – как официальных властей, так и общественных движений или даже отдельных людей, если речь идет, например, об осквернении памятников на локальном уровне.

Исследование исторической памяти зачастую предусматривает подход к памяти именно как к памяти национальной (например, концепция «мест памяти» – форм, в которых существует коммеморативное сознание в истории, появляющееся из-за чувства, что спонтанной памяти нет, из-за чего нужны места коммеморации, события, явления, предлагаемая П. Нора) [3]. Кроме того, память (историческая или коллективная) зачастую понимается как основа идентичности [4], ее неотъемлемая часть (применительно к стране, нации, общности) [5].

Политика памяти, соответственно, в основном понимается через призму национальной политики (причем наиболее часто рассматривается именно как инструмент внутренней политики). По мнению В.А. Ачкасова современные массовые представления об истории – это результат деятельности профессиональных агентов исторической политики, причем решающая роль в конструировании прошлого принадлежит политическим элитам [6. С. 109]. Реинтерпретация прошлого (как часть символической политики) также является частью политики идентичности, проводимой для формирования публичного дискурса именно на уровне нации [7. С. 74].

Однако, политика памяти другого государства (как часть его внешней политики) может также быть направлена на другую нацию (к примеру, в случае исключительно дискурсивного воплощения политики памяти или коммеморативной политики в целом). Может она быть направлена и на отдельные регионы – особенно в случае отдельных форм политики памяти, например, образовательной или мемориальной. Это может быть как формой сотрудничества (как в случае восстановления памятников, связанных с иностранным государством, что было реализовано, например, в приграничном сотрудничестве России с Литвой, Эстонией и Польшей в рамках соответствующего проекта ЕС), так и формой противостояния.

Отметим, что отдельные регионы также могут иметь собственную политику памяти, ассоциированную с региональной идентичностью. Так, региональные политики памяти могут быть связаны с отдельными аспектами общенациональных нарративов, которые связаны с местом или регионом символически или географически [8. С. 128–129]. Регионы могут развивать как самостоятельные идентичности и воспоминания, так и собственную политику памяти (расширяющую или противоречащую национальной), в том числе за счет создания местными правительствами контрнарративов [9. С. 857]. То есть события, являющиеся элементами исторической памяти для нации в целом, могут быть предметами забвения или не находить места в региональной политике памяти.

Целью данного исследования является определение содержания политики памяти Чехии как инструмента внешней политики, направленного на взаимодействие с российскими регионами.

Основным методом данного исследования является историко-описательный метод. Анализируется прежде всего нарративная политика как форма политики памяти, также рассматриваются другие формы политики памяти – в частности, образовательная и мемориальная. Кроме того, используется сравнительный метод для анализа общего и особенного в региональной и национальной (в случае России – федеральной) политиках памяти.

Также используется подход кейс-стади. Выбор в качестве основного кейса проблемы коммеморации Чехословацкого корпуса и его деятельности в России в периоды Первой мировой и Гражданской войны обусловлен важностью данных событий для становления чешской идентичности, а также проведением Чехией активной политики памяти, направленной именно на российские регионы. При этом в отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы [10. С. 32] в Чехии тема Первой мировой войны, в которой участвовали чехословацкие легионы, сознательно подерживается в политике памяти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1993 г. (создание независимой Чешской Республики) по настоящее время, однако основное внимание уделяется периоду до 2020 г. в связи с активной реализацией чешской политики памяти в отношении России именно до начала пандемии коронавируса и до окончательного ухудшения отношений России с ЕС.

В академическом поле (как российском, так и зарубежном) основные вопросы, касающиеся Чехословацкого корпуса и чехословацких легионеров, в целом являются историческими [11–14] или историографическими [15]. Что касается исследований памяти, внутривластные аспекты российской памяти относительно «белочехов» (вместе с Комучем) в Гражданской войне анализировались на примере отдельных региональных кейсов Я. Голубиновым, пришедшим к выводу о расколе в российском мемориально-историческом дискурсе и нейтралитете власти относительно истории Гражданской войны [16. С. 61]. Однако, вопросы чехословацких легионеров практически не рассматривались в контексте международных отношений и чешской политики памяти, хотя эти события играют важную роль в ней, так как являются одними из ключевых для чешской национальной идентичности.

Политика памяти в чешско-российских отношениях

Чешская политика памяти институционализирована в рамках ограниченных вопросов – так, Институт изучения тоталитарных режимов Чехии – один из основных институтов и инструментов политики памяти, однако не единственный, а также зачастую подвергаемый критике [17] – занимается изучением двух периодов «несвободы» – фашистской оккупации (1939–1945) и «советской» (1945–1989) [18]. В 2008 г. чешская политическая и интеллектуальная элита стала одним из инициаторов Пражской декларации (подписанной на конференции, организованной чешским МИД) – одного из катализаторов введения Европейского дня памяти жертв сталинизма и нацизма. В ней в одной из первых на официальном уровне были уравнены советский и нацистский политические режимы – «два тоталитаризма» [19]. То есть коммунизм и нацизм в чешской исторической памяти соответствовали образу врага и угрозе национальной безопасности страны на равных.

Основное внимание в чешско-российских «мемориальных» войнах сегодня чаще всего уделяется вопросам памяти о Второй мировой войне (прежде всего, об участии и роли советских войск в освобождении Чехии) и социалистическом прошлом Чехословакии, особенно Пражской весне 1968 г. и ее подавлении. В частности, на межгосударственный уровень вышло и принятие в Чехии 21 августа как «Дня памяти жертв вторжения и последующей оккупации (ЧССР) войсками Варшавского договора в 1968 году», с точки зрения российского МИД демонстрирующее нежелание «пе-

релистнуть эту страницу истории» и не способствующее «успешному ходу двустороннего сотрудничества» [20].

Наибольшее влияние на чешско-российские отношения оказал скандал, связанный с памятником маршалу И.С. Коневу в Праге (снесенный в 2020 г.), чья личность, кроме освобождения столицы Чехии, также связывалась с подавлением венгерского восстания 1956 г. и «Пражской весны» (хотя решение было принято на уровне местных властей района Прага-6 и поддержано приматором Праги З. Гржибой).

Что касается переосмысления роли СССР во Второй мировой войне, сегодня в Чехии, по мнению М.В. Ведерникова, наблюдается общий ценностный «сдвиг» «в отношении участия советских войск в освобождении Праги», связанный со сменой поколений в политике и с внешнеполитическим контекстом, – в западных странах с 2014 г. преобладает нарратив о России как угрозе демократической Европе, ответственности СССР за начало Второй мировой войны и его влиянии в послевоенной Центральной и Восточной Европе [21. С. 38].

Однако исторические вопросы в чешско-российских отношениях не ограничиваются 1944–1989 гг. Одним из главных сюжетов в чешской исторической памяти, оказывающих влияние на внешнюю политику в отношении России, является деятельность чехословацких легионеров (Чехословацкого корпуса) в период Первой мировой и Гражданской войны в России. Безусловно, этот период истории не является ключевым для российской исторической памяти¹ (и, в частности, почти не находит отражения в государственной исторической политике), но именно иностранное вмешательство, согласно опросу ВЦИОМ 2018 г., стало причиной начала Гражданской войны [23].

Чехословацкие легионы в истории Чехии и России

Чехословацкие легионы – военные добровольческие образования чехословаков за рубежом, принимавшие участие в военных конфликтах – в Первой мировой и Гражданской войнах (как часть белого движения и как часть армии интервентов со стороны Антанты) против центральных держав и их союзников. В основном они состояли из граждан Австро-Венгрии, живших за границей, а также из пленных солдат австро-венгерской армии в Российской империи, в Италии, Румынии и Сербии, а также в рамках Иностранного легиона Французской армии. В Первой мировой войне Чехословацкая бригада сыграла важную роль в наступлении в Галиции в 1917 г. (сражение под Зборовом). В России в мае-августе 1918 г. Чехословацкий корпус (к тому моменту уже формально являвшийся частью французской армии) восстал против большевиков в Сибири, Поволжье, на Урале. После ареста членов отделения Чехословацкого национального совета конфликт с советской властью был усугублен, в частности, выпущен приказ Л.Н. Троцкого (в тот период – нарком по военным делам) о разоружении чехословаков и их расстреле в случае нахождения на железной

дороге [24]. Затем чехословацкие легионы (при формальном подчинении французской армии) выполняли задачу охраны Транссибирской магистрали, с районом которой сегодня и связаны легионеры в России географически.

Чехословацкие легионы являются одним из обоснований появления независимой чехословацкой государственности в 1918 г. Кроме того, именно с появления чехословацких легионов и их деятельности в Первой мировой войне и в России «начинает» историю чешская армия в официальном историческом дискурсе [25] (хотя в реальности чешские солдаты были и частью армии Австро-Венгрии, и ранее сражались независимо в периоды Средневековья и Нового Времени (включая масштабные гуситские войны). Еще Т.Г. Масарик – первый президент Чехословакии – писал, что именно с битвы легионеров в Зборове началась «самостоятельная армия для нас (прим. – чехословаков)», подчеркивался и их героизм – «своей гуситской храбростью вы завоевали признание России и союзного мира, вы доказали друзьям и врагам, что наша нация вечна, полна решимости добиться национальной и политической независимости» [26]. Обращение к этому признанию используется в коммеморативных практиках и сегодня, например, президентом М. Земаном [26] (хотя его предшественник, В. Клаус, называл «изменяющую мир роль легионеров» историческим мифом [27]).

Героизирован (наравне с первым президентом Чехословакии Т. Масариком и первым министром иностранных дел Э. Бенешем²) и образ Милана Штефаника – словацкого генерала и политика, первого министра обороны Чехословакии, одного из руководителей интервенции в Сибири, который становится частью коммеморативных практик (например, проведения памятных мероприятий по случаю годовщины гибели с участием представителей министерства обороны и Генерального штаба Чехии [28]).

В чешской образовательной политике также поддерживается общий «героический» нарратив об участниках чехословацких легионов. Так, в учебных материалах по истории Новейшего времени подчеркивается важность добровольной сдачи в плен для борьбы с Германией и монархией, героизм во время Зборовского сражения, а также реактивность восстания Чехословацкого корпуса на действия со стороны пришедших к власти Советов [29]. В онлайн-материалах для начальной школы, созданных в период пандемии, действия чехословацких легионеров после Октябрьской («большевистской») революции вообще связываются только с желанием легионеров «вернуться домой» (в Чехословакию) [30].

В целом в чешском мнемоническом поле основной нарратив о чехословацких легионерах является героическим, причем основное внимание – роли легионов в Первой мировой войне и в создании Чехословакии. Негативные же моменты (например, участие в «белом терроре») деятельности легионеров упускаются, причем даже в случае «оспаривания» героического нарратива, как в случае с президентом В. Клаусом.

Что касается российских нарративов, в официальном историческом дискурсе чехословацким легионерам внимание уделяется мало внимания, особенно на федеральном уровне.

В российских учебниках истории, представляющих часть образовательной политики как инструмента политики памяти, восстанию Чехословацкого корпуса в 1918 г. уделяется немного внимания. Например, в едином учебнике истории 2023 г. упоминается его участие в Гражданской войне в Сибири и восстание в период вывода иностранных интервентов, при этом они даются в форме безоценочных суждений. Учитывая политический и социальный контекст создания учебника, а также наличие оценок в иных главах учебника (например, о начале Первой мировой войны, о Великой Отечественной войне), эта ситуация представляется уникальной³. Участие же чехословацких легионеров в Первой мировой войне на стороне Антанты не упоминается, хотя самой войне уделяется внимание (авторы даже подчеркивают, что война «не является забытой») [31]. При этом события Первой мировой войны в российской политике памяти не являются значимыми ни на федеральном уровне, ни на национальном, затмеваясь Великой Отечественной войной, а также Революцией 1917 г. и Гражданской войной, причем из-за этого процесс «забвения» Первой мировой в исторической памяти российского народа начался почти сразу же [32].

Примечательно, что российскими мнемоническими акторами в основном используются относительно политически неокрашенные термины – «Чехословацкий корпус» или «Чехословацкий легион». Термин «белочехи», имеющий идеологическую окраску (и не относящийся непосредственно к политической ориентации чехословацких легионеров, а обозначающий их противостояние большевикам [33]), употребляется в основном представителями и сторонниками КПРФ.

На портале Российского исторического общества (некоммерческой исторической организации, которая, однако, напрямую связана с официальной властью – в частности, возглавляется С.Е. Нарышкиным) «История.рф» описание начала Гражданской войны и участия в этом Чехословацкого корпуса также не является агрессивным и не содержит обвинений в преступлениях [34].

Особенности представления Чехословацкого корпуса в российской образовательной политике могут свидетельствовать о том, что в официальном дискурсе существует индифферентный нарратив о чехословацких легионерах, вытекающий, вероятно, из общего «примирительного» нарратива федеральных властей относительно Революции 1917 г. в российской исторической политике. В частности, с 1990-х гг. на федеральном уровне проводится политика с целью утверждения в обществе идей «согласия и примирения». Однако в российском мнемоническом поле существует фрагментированный конфликтный режим памяти относительно событий Революции 1917 г. [35. С. 21–22], особенно на уровне общества [36], в котором присутствуют широко разделяемый «несоветский» нарратив и правоконсервативный, а на их основе выстраивается отношение к «красным» и «белым» [37. С. 40].

Кроме того, существуют попытки придания важной роли и Первой мировой войне. Например, в мемориальной политике на федеральном уровне это выразилось в учреждении в 2013 г. Дня памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (1 августа), организации по распоряжению правительства мероприятий в 2014–2018 гг., связанных со 100-летним юбилеем начала Первой мировой войны [38], открытии монумента героям, павшим в годы Первой мировой войны, на Поклонной горе в 2014 г.

Таким образом, для Чехии образ чехословацких легионеров является одним из ключевых и используется в политике памяти прежде всего на национальном уровне (что поддерживается на региональном уровне). Основным нарративом, выражаемым во всех рассмотренных формах политики памяти, является «героический», связанный с военными успехами и ролью чехословацких легионов в создании Чехословакии в 1918 г. Для России же, при наличии общей конфликтности в мнемоническом поле относительно событий Гражданской войны, нарратив, выражаемый на федеральном уровне о чехословацких легионерах, находится «на периферии» исторической памяти.

Мемориалы чехословацким легионерам как область «мемориальных войн»

Наиболее заметной для двусторонних отношений, и при этом наиболее выражающейся в региональной политике памяти, является мемориальная политика. Мемориал можно назвать одним из «мест памяти» — местом коммеморации, обеспечивающим «вспоминание» прошлого. Учитывая, что исторически чехословацкие легионы связаны не с Россией в целом, а именно с отдельными регионами, эта форма политики памяти заслуживает отдельного рассмотрения.

Установка и поддержание монументов в местах захоронения чешских граждан (а также граждан Чехословакии и Австро-Венгрии), погибших в период всех военных конфликтов, регулируется Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений [39]. В 2014–2020 гг. сооружение новых памятников и мемориалов реализуется в рамках программы Чехословацкого легионерского общества при поддержке правительства и Министерства обороны Чехии «Легион-100», предусматривающей, кроме увековечивания легионеров, просветительскую деятельность в Чехии и за ее пределами.

Чешская сторона обладала намерением установить более 50 мемориалов в местах захоронения своих солдат, на сегодняшний день в РФ всего находится более 10 мемориалов разного масштаба — от стел до масштабных памятников. Примечательно, что общее ухудшение отношений между Россией и ЕС после украинского кризиса 2014 г. не повлияло на попытки реализации этих планов — так, в 2016 г. велось обсуждение восстановления снесенного в 1985 г. памятника в Кургане [40], в 2015 г. был установлен памятный знак в Пензе, Ульяновске и Сызрани.

В отличие от России, где вопросами установки памятников в основном занимались местные исполнительные власти и органы самоуправления, проблема сохранения памяти о чехословацких легионерах в Чехии обсуждается на самом высоком уровне, включая президента республики М. Земана [41].

Однако установка многих из них была сорвана из-за протестов общественности, включая региональную элиту, в отдельных населенных пунктах. Наибольшие протесты были вызваны в Самаре, где при поддержке КПРФ неоднократно проходили акции и пикеты против установки памятника чехословакам в 2013 [42], 2015 [43] и 2018 гг. [44]. Протест со стороны общества и местных организаций был выражен и в Канске (Красноярский край), где планировалась установка памятника в центре города. Противники установки обосновывают решение именно негативным следом, оставленным чехословаками в истории края [45].

Кроме того, существующие монументы подвергаются осквернению — так, в мае 2020 г. монумент чехословацким легионерам в Челябинске, установленный в 2011 г. на братской могиле, был поврежден кувалдой, в связи чем посольство Чехии в России выразило официальный протест [46].

Чехословацкие легионеры в региональной исторической памяти не являются предметом коммеморации. При этом ее попытки со стороны Чехии также пресекаются — хотя нельзя сказать, что намеренно подвергаются «забвению», поскольку память о них хоть и имеет негативную окраску на уровне регионов, но не стирается.

Противодействие чешской мемориальной политики в отдельных регионах и со стороны отдельных политических сил при общей индифферентности отношения к чехословацким легионерам на федеральном уровне свидетельствует о конфликтности исторической памяти относительно и этих событий — как части общей дифференцированности исторической памяти в России о событиях Революции 1917 г. и Гражданской войны. Однако активное продвижение Чехией своей мемориальной политики в российских регионах даже после ухудшения отношений в 2014 г. свидетельствует, на наш взгляд, о том, что именно региональная направленность политики памяти и ее «незаметность» на федеральном уровне (где чехословацкие легионеры вообще находятся за пределами основных исторических нарративов) не позволяют конфликтам на уровне регионов отражаться на двусторонних отношениях между государствами.

Заключение

Рассмотренный кейс демонстрирует, что активное использование политики памяти в качестве инструмента внешней политики может практически не оказывать влияния на межгосударственные отношения. Кроме того, даже при возникновении конфликтов внешней политики одного государства с региональной политикой памяти другого (в том числе связь с актив-

ным «включением» коммеморации определенных событий в региональную память, где они не являются ее предметом), они редко ретранслируются на международный уровень и не отражаются на общей политике памяти государства – как проводящего активную политику памяти, так и ее объекта.

Таким образом, политика памяти как инструмент внешней политики Чехии не может воздействовать на российские регионы. Политика памяти играет основную роль в проблематике исторической памяти именно на межгосударственном уровне, основная трактовка которой все также остается за государством.

Примечания

- ¹ Так, «главным историческим событием» в истории России XX в., согласно данным ВЦИОМ, россияне считают победу в Великой Отечественной войне [22].
- ² В 1935–1948 гг. – президент Чехословакии (частично – в изгнании).
- ³ Особенно учитывая упомянутую фактическую «заморозку» дипломатических отношений между Чехией и Россией и их глубокий кризис, начавшийся в 2021 г. после публикации первых результатов расследования взрывов складов в чешской Врбнице и окончательно усугубившийся в 2022 г.

Список источников

1. Мегем М.Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников на местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 128–145. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-8
2. Гласер М.А., Новик Н.Н., Бондаренко Н.А. Дискурсы забвения в исторической политике Восточной Азии: Индонезия и Япония // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14, № 4. С. 107–114. doi: 10.17072/2218-1067-2020-4-107-114
3. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 333 с.
4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Connerton P. How Societies Remember. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989. 121 p.
6. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 106–123.
7. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2013. № 4. С. 71–77.
8. Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 112–136. doi: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136
9. Нерворт А. Localised, regional, inter-regional and national memory politics: The case of Spain's La Ránilla prison and Andalusia's mnemonic framework // Memory Studies. 2021. Vol. 14, № 4. P. 856–876. doi: i.org/10.1177/17506980211024316
10. Баранов Н.Н. Первая мировая война в популярной культуре памяти // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2018. № 4 (43). С. 31–39. doi: 10.17072/2219-3111-2018-4-31-39
11. Горохова М.Е. Роль «белочехов» в создании имиджа Чехословацкого государства в новом идеологическом пространстве России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 3. С. 89–100. doi: 10.28995/2073-6339-2020-3-89-100
12. Сеницын Ф.Л. Чехословацкие воинские части в СССР в годы Великой Отечественной войны: политические и правовые проблемы формирования и боевого применения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 152–161. doi: 10.15688/jvolsu4.2023.1.14
13. Chorvat P., Posch M. Československé legie – Slováci – Slovensko. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2022. 436 p.
14. Fixler N.W. An Inconceivable Odyssey: The Czechoslovak Legion in Russia, 1914–1918 // Central Europe Yearbook. 2019. Vol. 1. P. 73–85.
15. Мошечков П.В. Деятельность чешско-словацких легионеров в годы Первой мировой войны и в Первой Чехословацкой республике: к современной историографии проблемы // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 479–490. doi: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.26
16. Голубинов Я. Неопределенное прошлое: Комуч и Чехословацкий легион в памяти российских регионов // Scando-Slavica. 2018. Vol. 64, № 1. P. 47–63. doi: 10.1080/00806765.2018.1447817
17. Kopeček M. From the Politics of History to Memory as Political Language: Czech Dealings with the Communist Past after 1989 // Forum Geschichtskulturen, Czechia. Web. 2013. Vol. 16. URL: https://digital.herder-institut.de/publications/frontdoor/deliver/index/docId/39/file/Kopecek_Czech_Republic_From_the_Politic.pdf (дата обращения: 01.03.2024). doi: 10.25626/0011
18. Zákon Č. 181/2007 Sb. ze dne 8. Června 2007 o Ústavu Pro Studium Totalitních Režimů a o Archivu Bezpečnostních Složek a o změně některých zákonů. URL: <https://www.ustrcr.cz/o-nas/zakon-c-181-2007-sb/> (дата обращения: 22.03.2024).
19. Prague Declaration on European Conscience and Communism // Victims of Communism. Memorial Foundation. June 3, 2008. URL: <http://www.victimsofcommunism.org/media/article.php?article=3849> (дата обращения: 07.09.2023).
20. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием в Чехии закона о признании 21 августа «Днем памяти жертв вторжения и последующей оккупации (ЧССР) войсками Варшавского договора в 1968 году» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.12.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1479707/ (дата обращения: 03.03.2024)
21. Ведерников М.В. Российско-чешские отношения на фоне юбилея Победы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 3. С. 34–41. doi: 10.15211/vestnikieran320203441
22. Великая Победа – главное событие в истории нашей страны в XX в. // ВЦИОМ. 23.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 22.03.2024).
23. Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ. 26.06.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya> (дата обращения: 22.03.2024).
24. Приказ наркома по военным делам Л.Д. Троцкого всем совдепам и военным комиссариатам по пути следования Чехословацкого корпуса разоружить чехословаков, а в случае оказания сопротивления отправлять в лагеря для военнопленных. 25 мая 1918 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/84184-prikaz-narkoma-po-voennym-delam-l-d-trotskogo-vsem-sovdepam-i-voennym-komissariatam-po-puti-sledovaniya-chehoslovatskogo-korpusa-razoruzhit-chehoslovakov-a-v-sluchae-okazaniya-soprotivleniya-otpravlyat-v-lagerya-dlya-voennoplennyh-25-maya-1918-g> (дата обращения: 22.03.2024).
25. Projev prezidenta republiky při setkání u příležitosti 100. výročí vzniku Generálního štábu // ParlamentníListy.cz 15.10.2019. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/politici-volicum/?od=640&p=2032> (дата обращения: 22.03.2023).
26. Prezident Zeman: Bratři legionáři, skláním se před vámi // ParlamentníListy.cz. 02.07.2017. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Prezident-Zeman-Bratři-legionari-sklaním-se-před-vámi-před-vasi-odvahou-hrdinstvím-a-vlastenectvím-494681> (дата обращения: 22.03.2023).

27. Rok 2008 očima hlavy státu (poznámky pro Fórum Hospodářských novin) // Václav Klaus. 17.12.2008. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/251> (дата обращения: 22.03.2023).
28. Na Petříně se dnes vzpomínalo na renesanční osobnost generála Milana Rastislava Štefánika // Ministerstvo obrany a Armáda České republiky. 04.05.2022. URL: <https://mocr.army.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/na-petrine-se-dnes-vzpominalo-na-renesancni-osobnost-general-milana-rastislava-stefanika--235154/> (дата обращения: 22.03.2024).
29. Przybylová B. Historický úvod – československé legie 1914–1920. Českoslovenští legionáři, rodáci a občané Ostravy, Šenov u Ostravy 2002. Ostrava. URL: <https://www.moderni-dejiny.cz/clanek/ceskoslovenske-legie-1914-1920/> (дата обращения: 27.03.2024).
30. Československé legie v 1. světové válce // ČT.edu. URL: <https://edu.ceskatelevize.cz/video/1857-ceskoslovenske-legie-v-1-svetove-valce> (дата обращения: 27.03.2024).
31. Мединский В.Р., Торкунов А.В. История России. 1914–1945 годы. Учебник. 10 класс. Базовый уровень. М.: Просвещение, 2023. 496 с.
32. Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО университета. 2009. № 2. С. 31–37.
33. Валиахметов А.Н. Были ли чехословацкие легионеры «белочехами»? // Филология и культура. 2012. № 4. С. 300–304.
34. Восстание чехословацкого корпуса, начало Гражданской войны // Федеральный портал Истории России. URL: <https://histrf.ru/read/articles/vosstanie-chiekhoslovatskogho-korpusa-nachalo-grazhdanskoi-voiny-event> (дата обращения: 22.03.2024).
35. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции (й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9–25. doi: 10.17976/jpps/2018.01.02
36. Шиловский М.В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о Гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1. С. 133–138.
37. Бубнов А.Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о Гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 6. С. 29–43.
38. Распоряжение от 26 февраля 2013 года № 236-р. «Об образовании организационного комитета по подготовке мероприятий, связанных со 100-летием начала Первой мировой войны, и утверждении его состава» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003812> (дата обращения: 22.03.2024).
39. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений. 11 августа 1999 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901783313> (дата обращения: 22.03.2024).
40. Бояркина А. Курганцы выступили против восстановления памятника погибшим белочехам. «Это же кощунство!» // URA.RU. 06.07.2016. URL: <https://ura.news/news/1052254533> (дата обращения: 22.03.2024).
41. Zeman se opřel do šéfa komunistů: Neúcta k legionářům je hrubá chyba // Seznam Zprávy. 21.05.2020. URL: <https://www.seznam-zpravy.cz/clanek/zeman-se-oprel-do-sefa-komunistu-neucta-k-legionarum-je-hruba-chyba-106801> (дата обращения: 22.03.2024).
42. Красильников С. Самара. Что дальше – памятник фашистам? // Политическая партия «Коммунистическая Партия Российской Федерации». 19.02.2013. URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/115647.html> (дата обращения: 22.03.2024).
43. Арсеньев С. Пикет против установки памятника белочехам прошел в Самаре // Политическая партия «Коммунистическая Партия Российской Федерации». 01.12.2015. URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/149193.html> (дата обращения: 22.03.2024).
44. Дорохова С. Памятник белочехам в Самаре. Новая волна? // Политическая партия «Коммунистическая Партия Российской Федерации». 10.06.2018. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/179452.html> (дата обращения: 22.03.2024).
45. Чернявский А. Идея увековечить память белочехов сибирякам не по душе. // Независимая газета. 22.04.2015. URL: https://www.ng.ru/regions/2015-04-22/2_krasnoyarsk.html?ysclid=lv14i3pzhp886917439 (дата обращения: 22.03.2024).
46. Заявление Посольства Чешской Республики в Российской Федерации в связи с осквернением памятника чехословацким легионерам в Челябинске // Посольство Чешской Республики в Москве. 14.05.2020. URL: https://mzv.gov.cz/moscow/ru/soobschenia_sobytiya/x2020_05_14.html (дата обращения: 22.03.2024).

References

1. Megem, M.E. (2022) Snesti nelzya ostavit': klyuchevye tendentsii politiki pamyati stran Baltii v otnoshenii sovetskikh pamyatnikov na mestakh massovogo nasiliya [Key trends in the memory policy of the Baltic countries regarding Soviet monuments at sites of mass violence]. *Baltiiskiy region*. 14 (4). pp. 128–145. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-8
2. Glaser, M.A., Novik, N.N. & Bondarenko, N.A. (2020) Diskursy zabveniya v istoricheskoy politike Vostochnoy Azii: Indoneziya i Yaponiya [Discourses of oblivion in the historical politics of East Asia: Indonesia and Japan]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 14 (4). pp. 107–114. doi: 10.17072/2218-1067-2020-4-107-114
3. Nora, P. (ed.) (1999) *Les Lieux de mémoire*. St. Petersburg: St Petersburg University. (In Russian).
4. Assmann, J. (2004) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
5. Connerton, P. (1989) *How Societies Remember*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
6. Achkasov, V.A. (2013) "Politika pamyati" kak instrument stroitel'stva postsotsialisticheskikh natsii ["Politics of memory" as a tool for building post-socialist nations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 16 (4). pp. 106–123.
7. Achkasov, V.A. (2013) Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity politics in the modern world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4. pp. 71–77.
8. Malinova, O.Yu., Miller, A.I. & Pakhalyuk, K.A. (2022) Regional'nyy aspekt politiki pamyati v Rossii [The regional aspect of the politics of memory in Russia]. *Novoe proshloe / The New Past*. 2. pp. 112–136. doi: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136
9. Hepworth, A. (2021) Localised, regional, inter-regional and national memory politics: The case of Spain's La Ranilla prison and Andalusia's mnemonic framework. *Memory Studies*. 14 (4). pp. 856–876. doi: 10.1177/17506980211024316
10. Baranov, N.N. (2018) Pervaya mirovaya vojna v populyarnoy kul'ture pamyati [The First World War in popular culture of memory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* 4 (43). pp. 31–39. doi: 10.17072/2219-3111-2018-4-31-39
11. Gorokhova, M.E. (2020) Rol' "belochekhov" v sozdanii imidzha Chekhoslovatskogo gosudarstva v novom ideologicheskom prostranstve Rossii [The role of the "White Czechs" in creating the image of the Czechoslovak state in the new ideological space of Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3. pp. 89–100. doi: 10.28995/2073-6339-2020-3-89-100
12. Sinitsyn, F.L. (2023) Chekhoslovatskie voinskie chasti v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: politicheskie i pravovye problemy formirovaniya i boevogo primeneniya [Czechoslovak military units in the USSR during the Great Patriotic War: political and legal problems of formation and combat use]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 28 (1). pp. 152–161. doi: 10.15688/jvolsu4.2023.1.14
13. Chorvat, P. & Posch, M. (2022) *Československé legie – Slováci – Slovensko*. Bratislava: Vojenský historický ústav.
14. Fixler, N.W. (2019) An Inconceivable Odyssey: The Czechoslovak Legion in Russia, 1914–1918. *Central Europe Yearbook*. 1. pp. 73–85.

15. Moshechikov, P.V. (2023) Deyatel'nost' cheshsko-slovatskikh legionerov v gody Pervoy mirovoy voyny i v Pervoy Chekhoslovatskoy respublike: k sovremennoy istoriografii problemy [Activities of the Czech and Slovak legionnaires during the First World War and in the First Czechoslovak Republic: on the modern historiography of the problem]. *Slavyanskii al'manakh*. 3–4. pp. 479–490. doi: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.26
16. Golubinov, Ya. (2018) Neopredelennoe proshloe: Komuch i Chekhoslovatskii legion v pamyati rossiyskikh regionov [The indefinite past: The Komuch and the Czechoslovak Legion in the memory of Russian regions]. *Scando-Slavica*. 64 (1). pp. 47–63. doi: 10.1080/00806765.2018.1447817
17. Kopeček, M. (2013) From the Politics of History to Memory as Political Language: Czech Dealings with the Communist Past after 1989. *Forum Geschichtskulturen*, Czechia. 16. [Online] Available from: https://digital.herder-institut.de/publications/frontdoor/deliver/index/docId/39/file/Kopecek_Czech_Republic_From_the_Politic.pdf (Accessed: 01.03.2024). doi: 10.25626/0011
18. Czech Republic. (2007) *Zákon č. 181/2007 Sb. ze dne 8. června 2007 o Ústavu pro studium totalitních režimů a o Archivu bezpečnostních složek a o změně některých zákonů*. [Online] Available from: <https://www.ustrcr.cz/o-nas/zakon-c-181-2007-sb/> (Accessed: 22.03.2024).
19. Victims of Communism Memorial Foundation. (2008) *Prague Declaration on European Conscience and Communism*. June 3, 2008. [Online] Available from: <http://www.victimsofcommunism.org/media/article.php?article=3849> (Accessed: 07.09.2023).
20. Russian MFA Information and Press Department. (2019) *Comment by the Russian MFA Information and Press Department on the adoption in the Czech Republic of a law recognising August 21 as the "Day of Remembrance for the Victims of the Invasion and Subsequent Occupation (of the CSSR) by Warsaw Pact Troops in 1968"*. [Online] 18.12.2019. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1479707/ (Accessed: 03.03.2024). (In Russian).
21. Vedernikov, M.V. (2020) Rossiysko-cheshskie otnosheniya na fone yubileya Pobedy [Russian-Czech relations against the backdrop of the anniversary of the Victory]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*. 3. pp. 34–41. doi: 10.15211/vestnikieran320203441
22. VTsIOM. (2020) *Velikaya Pobeda – glavnoe sobytie v istorii nashei strany v XX v.* [The Great Victory is the main event in the history of our country in the 20th century]. 23.06.2020. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytiye-v-istorii-nashei-strany-v-xx-veke> (Accessed: 22.03.2024).
23. VTsIOM. (2018) *Grazhdanskaya vojna v Rossii: sto let spustya* [The Civil War in Russia: a hundred years later]. 26.06.2018. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya> (Accessed: 22.03.2024).
24. Russian Federation. People's Commissar for Military Affairs. (1918) *Order of the People's Commissar for Military Affairs L.D. Trotsky to all Soviets of Deputies and military commissariats along the route of the Czechoslovak Corps to disarm the Czechoslovaks, and in case of resistance, send them to prisoner of war camps. May 25, 1918*. [Online] Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/84184-prikaz-narkoma-po-voennym-delam-l-d-trotskogo-vsem-sovdepam-i-voennym-komissariatam-po-puti-sledovaniya-chehoslovatskogo-korpusa-razoruzhit-chehoslovakov-a-v-sluchae-okazaniya-soprotivleniya-otpravlyat-v-lageriya-dlya-voenno-plennyyh-25-maya-1918-g> (Accessed: 22.03.2024). (In Russian).
25. Zeman, M. (2019) *Projev předsedy republiky při setkání u příležitosti 100. výročí vzniku Generálního štábu*. 15.10.2019. [Online] Available from: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/politici-volicum/?od=640&p=2032> (Accessed: 22.03.2023).
26. Zeman, M. (2017) *Prezident Zeman: Bratři legionáři, skláním se před vámi*. 02.07.2017. [Online] Available from: <https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Prezident-Zeman-Bratri-legionari-sklanim-se-pred-vami-pred-vasi-odvahou-hrdinstvim-a-vlastenectvim-494681> (Accessed: 22.03.2023).
27. Klaus, V. (2008) *Rok 2008 očima hlavy státu (poznámky pro Fórum Hospodářských novin)*. 17.12.2008. [Online] Available from: <https://www.klaus.cz/clanky/251> (Accessed: 22.03.2023).
28. Czech Republic. Ministerstvo obrany a Armáda České republiky. (2022) *Na Petříně se dnes vzpomínalo na renesanční osobnost generála Milana Rastislava Štefánika*. 04.05.2022. [Online] Available from: <https://mocr.army.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/na-petrine-se-dnes-vzpominalo-na-renesanční-osobnost-general-milana-rastislava-stefanika-235154/> (Accessed: 22.03.2024).
29. Przybylová, B. (2002) *Historický úvod – československé legie 1914–1920. Českoslovenští legionáři, rodáci a občané Ostravy. Šenov u Ostravy: Ostrava*. [Online] Available from: <https://www.moderni-dejiny.cz/clanek/ceskoslovenske-legie-1914-1920/> (Accessed: 27.03.2024).
30. Česká televize. (n.d.) *Československé legie v 1. světové válce*. [Online] Available from: <https://edu.ceskatelevize.cz/video/1857-ceskoslovenske-legie-v-1-svetove-valce> (Accessed: 27.03.2024).
31. Medinskii, V.R. & Torkunov, A.V. (2023) *Istoriya Rossii. 1914–1945 gody. Uchebnik. 10 klass. Bazovyy uroven'* [History of Russia. 1914–1945. Textbook. Grade 10. Basic level]. Moscow: Prosveshchenie.
32. Senyavskaya, E.S. (2009) *Istoricheskaya pamyat' o Pervoy mirovoy voyne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade* [Historical memory of the First World War: features of formation in Russia and the West]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2. pp. 31–37.
33. Valiakhmetov, A.N. (2012) Byli li chekhoslovatskie legionery "belochekhami"? [Were the Czechoslovak legionnaires "White Czechs"?]. *Filologiya i kul'tura*. 4. pp. 300–304.
34. Histrf.ru. (2024) *Vosstanie chekhoslovatskogo korpusa, nachalo Grazhdanskoy voyny* [The uprising of the Czechoslovak Corps, the beginning of the Civil War]. [Online] Available from: <https://histrf.ru/read/articles/vosstanie-chechhoslovatskogho-korpusa-nachalo-grazhdanskoi-voyny-event> (Accessed: 22.03.2024).
35. Malinova, O.Yu. (2018) *Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: analiz strategii klyuchevykh mnemonicheskikh aktorov* [Commemoration of the centenary of the 1917 revolution(s) in the Russian Federation: an analysis of the strategies of key mnemonic actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 9–25. doi: 10.17976/jpps/2018.01.02
36. Shilovskiy, M.V. (2019) *Voyna s pamyatnikami ili za pamyatniki: memorializatsiya pamyati o Grazhdanskoy voyne v Sibiri* [War with monuments or for monuments: memorialization of the memory of the Civil War in Siberia]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1. pp. 133–138.
37. Bubnov, A.Yu. (2019) "Grazhdanskaya vojna pamyati": konstruirovaniye narrativov o Grazhdanskoy voyne v Rossii v onlain-diskussii ["Civil War of Memory": constructing narratives about the Civil War in Russia in an online discussion]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 6. pp. 29–43.
38. Russian Federation. (2013) *Order of February 26, 2013 No. 236-r. "On the establishment of an organizational committee for the preparation of events related to the 100th anniversary of the beginning of the First World War, and on the approval of its composition"*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/499003812> (Accessed: 22.03.2024). (In Russian).
39. Russian Federation & Czech Republic. (1999) *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Czech Republic on the mutual maintenance of war graves. August 11, 1999*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901783313> (Accessed: 22.03.2024). (In Russian).
40. Boyarkina, A. (2016) *Kurgantsy vystupili protiv vosstanovleniya pamyatnika pogibshim belochekham. "Eto zhe koshchunstvo!"* [Residents of Kurgan opposed the restoration of the monument to the dead White Czechs. "This is blasphemy!"]. 06.07.2016. [Online] Available from: <https://ura.news/news/1052254533> (Accessed: 22.03.2024).
41. Seznam Zprávy. (2020) *Zeman se opřel do šéfa komunistů: Neúcta k legionářům je hrubá chyba*. 21.05.2020. [Online] Available from: <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/zeman-se-oprel-do-sefa-komunistu-neucta-k-legionarum-je-hruba-chyba-106801> (Accessed: 22.03.2024).
42. Krasil'nikov, S. (2013) *Samara. Chto dal'she – pamyatnik fashistam?* [Samara. What's next – a monument to the fascists?]. 19.02.2013. [Online] Available from: <https://kprf.ru/actions/kprf/115647.html> (Accessed: 22.03.2024).
43. Arsen'ev, S. (2015) *Piket protiv ustanovki pamyatnika belochekham proshel v Samare* [A picket against the installation of a monument to the White Czechs was held in Samara]. 01.12.2015. [Online] Available from: <https://kprf.ru/actions/kprf/149193.html> (Accessed: 22.03.2024).

44. Dorokhova, S. (2018) Pamyatnik belochekham v Samare. Novaya volna? [A monument to the White Czechs in Samara. A new wave?]. 10.06.2018. [Online] Available from: <https://kprf.ru/party-live/regnews/179452.html> (Accessed: 22.03.2024).
45. Chernyavskiy, A. (2015) Ideya uvekovechit' pamyat' belochekhov sibiryakam ne po dushe. [Siberians don't like the idea of immortalizing the memory of the White Czechs]. *Nezavisimaya gazeta*. 22.04.2015. [Online] Available from: https://www.ng.ru/regions/2015-04-22/2_krasnoyarsk.html?ysclid=lv14i3pzhp886917439 (Accessed: 22.03.2024).
46. Czech Republic. Embassy of the Czech Republic in the Russian Federation. (2020) *Statement of the Embassy of the Czech Republic in the Russian Federation in connection with the desecration of the monument to the Czechoslovak legionnaires in Chebysk*. 14.05.2020. [Online] Available from: https://mzv.gov.cz/moscow/ru/soobschenia_sobytiya/x2020_05_14.html (Accessed: 22.03.2024). (In Russian).

Информация об авторах:

Новик Н.Н. – канд. экон. наук, доцент департамента международных отношений, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); доцент кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: nnovik@hse.ru

Гацковская В.А. – стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политической географии и современной геополитики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: vgatskovskaya@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Novik, Cand. Sci. (Economics), associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation); associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnovik@hse.ru. ORCID: 0000-0002-9373-5246. Scopus AuthorID: 57219277918

V.A. Gatskovskaya, intern researcher, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vgatskovskaya@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8536-3542

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.05.2024;
одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 03.05.2024;
approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(47).05
doi: 10.17223/15617793/512/11

«Бахусоподражательные» британцы в Санкт-Петербурге при Петре Великом

Александр Николаевич Андреев¹, Юлия Сергеевна Андреева²

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, alxand@yandex.ru

² Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия, iulyand@yandex.ru

Аннотация. Представлен опыт реконструкции «Бенго-коллегии, или Великобританского монастыря», – шутовской организации, учрежденной Петром I по аналогии со «Всешутейшим, всепьянейшим и сумасброднейшим собором» преимущественно для выходцев с Британских островов. На новых материалах подробно раскрывается персональный состав «Бенго-коллегии», впервые идентифицируются многие ее члены, выявляются особенности повседневного поведения и бытовой культуры петербургских англичан и шотландцев в первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: «Бенго-коллегия», британцы в России, иноземцы в России, англиканская община, Петр I, пародирование церковных организаций, петровская культурная политика

Для цитирования: Андреев А.Н., Андреева Ю.С. «Бахусоподражательные» британцы в Санкт-Петербурге при Петре Великом // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 99–107. doi: 10.17223/15617793/512/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/11

Brits impersonating Bacchus in Saint Petersburg under Peter the Great

Aleksandr N. Andreev¹, Yuliya S. Andreeva²

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, alxand@yandex.ru

² South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation, iulyand@yandex.ru

Abstract. The article presents a reconstruction experience of the "Bung College, or the British Monastery", which was a buffoonish organization established by Peter I by analogy with the "Most Clownish, Most Drunken and Madcap Congregation" (the "Most Clownish Sobor") specifically for natives of the British Isles. The aim of the article is to systematize the biographical information available in historical sources and literature about the participants of the Bung College, their social status and occupation, as well as to specify the structural and functional specifics of the British Monastery, interpreted as a special cultural institution of the "Peter-the-Great" Russia. Based on new materials, the article reveals in detail the personal composition of the Bung College, also called the Brotherhood in Bacchus Law, fixes some features of daily behavior and everyday culture of St. Petersburg Englishmen and Scots in the first quarter of the 18th century. For the first time, the authors identify many participants of the College, considered as a social and cultural phenomenon characteristic of the Petrine era, opposing the traditions of the "Holy Orthodox" Russia. Among the identified members of the Bung College are Jacob Hewitt, a businessman from Scotland ("Bishop Yakov Khuit"); his colleague Henry Sterling ("Chevalier Sterlin"); the Dutch merchant Hendrik Rasch ("treasurer Endrik Rash"); the merchant David Salmon, a native of London ("inspector and supervisor David Solomon"); the merchant Joseph Daikins ("adviser Osip Dekins"), etc. On the basis of the St. Petersburg non-Orthodox church registers (the Anglican Congregation, the Dutch Reformed Church and the Roman Catholic Church of St. Catherine), the article analyzes the kinship and social ties of the "monastic brethren". The methodology of this research is based on a cultural-semiotic approach using the method of structural and functional analysis (when clarifying the structure of the Bung College and its social significance), as well as the method of continuous name-by-name study of registers (when working with the church documents). The members of the College were mainly experienced merchants, educated people and highly respected in the business environment. However, the authors suggested that with the help of the Bung College, the tsar deliberately belittled the social status of Russian Brits and mocked their cultural mission. The analysis of the social status of the identified persons and the circle of their relatives and acquaintances confirms the conclusions made by Academician Sergey Platonov about the social specifics of the Bung College: it was part of a new (and still alien to Russia) burgher (bourgeois) world, separated from the upper and service classes. Besides, the article reveals that among the famous British natives in Russia, indeed, there were a few drunkards who could give the tsar the idea of a "drinking monastery".

Keywords: Bung College, British people in Russia, foreigners in Russia, Anglican Congregation, Peter I, parodying of church organizations, cultural politics of Peter the Great

For citation: Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2025) Brits impersonating Bacchus in Saint Petersburg under Peter the Great. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 99–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/11

Деятельность «Всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора», учрежденного Петром I в качестве потешной коллегии в Москве в конце 1690-х гг. и продолжившего свои процессии и заседания в новом веке в Санкт-Петербурге, хорошо известна, так как давно привлекает внимание исследователей [1. С. 734–739; 2. С. 845–890]. Интерпретируется она в зависимости от угла зрения. Для одних историков и антропологов «Всешутейший собор» – это социальное и культурное учреждение, созданное с педагогической целью, этакий системный транслятор антиповедения («перевернутого поведения»), служащий для дискредитации церковных порядков и разрушения «бытовых устоев» [3. С. 92]. Для других – «комический и пародический социальный институт», понять который можно лишь в контексте праздничной (скоморошьей) культуры [4. С. 89; 5. С. 22]. Для третьих ученых «Всешутейший собор» – это форма театральной жизни «молодой России», стремящейся к секуляризации своего социального и духовного пространства [6. С. 360–364]. Для четвертых собор, помимо всего вышесказанного, – еще и государственный орган, существовавший наряду с комиссиями, конторами и коллегиями, встроенный в административную систему и выступавший средством осуществления петровской культурной политики [7. С. 404–412]. Очевидно, что данный институт обладал поливалентностью, т.е. способностью порождать связи с различными элементами русского общества, и имел множество функций. Эти функции до конца не изучены, однако целостное представление о «Всешутейшем соборе» в науке уже сформировалось, чего не скажешь о его «младшем собрате» – «Бенго-коллегии, или Великобританском монастыре», пока еще сравнительно мало известном не только широкому кругу интересующихся историей, но и специалистам.

Шутовская «Бенго-коллегия» (Bung College, от английского слова «Bung» – «пробка в бочке», а также «пьяница», «трактирщик», «владелец пивной») была создана не позднее 1708 г. в Москве для совместного служения Бахусу и массовых гуляний по аналогии со «Всепьянейшим и всешутейшим» собором. «Бенго-коллегия», именовавшаяся также «сумасброднейшим собором в Бахусовом законе», большей частью состояла из английских купцов и промышленников. В 1720 г. она располагалась в Петербурге и имела своей штаб-квартирой дом на Санкт-Петербургском острове «в Дворянской улице», напротив хором князя-папы Петра Ивановича Бутурлина (возможно, ее заседания проводились на дворе торговца Самуэля Гартсайда, о чем будет сказано ниже). После перевода в 1723 г. английской фактории в Петербург «собор» в лице своих членов окончательно обосновался на невских берегах.

Главной работой по истории «Бенго-коллегии» до сих пор остается публикация С.Ф. Платонова, который ввел в оборот учредительные документы «собора», или «братства» (патент «архидиакону» Уильяму Ллойдю,

«Объявление о Великобританском славном монастыре» с реестром «братии» и др.), а также впервые дал оценку его деятельности и собрал сведения о его участниках [8]. Тем не менее многие действующие лица «монастыря», перечисленные в опубликованном академиком реестре «бахусоподражательных», остались неизвестными, а сведения о тех членах коллегии, которых С.Ф. Платонов все же сумел идентифицировать, трудно считать исчерпывающими. Академик признал «славный Великобританский монастырь» частью общего «шутовского культа» Петра Великого и считал его возникновение следствием привычки русского монарха «мешать дело с бездельем» [8. С. 544–545]. В дальнейшем иноземный филиал «Всешутейшего и всепьянейшего собора» был осознан как форма интеллектуального сближения русских с Западной Европой в контексте развивавшихся при Петре I русско-английских литературных связей [9. С. 74–76]. Наконец, глубокий культурологический анализ деятельности «Бенго-коллегии» предпринял в 1980-е гг. британский ученый Энтони Кросс, увидевший в «монастыре» не только средство вестернизации русской культуры, но и специфическую форму социальной организации своих земляков [10. С. 14–16; 11. С. 45–46]. При этом сведения о входивших в «Бенго-коллегию» иноземцах со времен С.Ф. Платонова не подвергались обстоятельному пересмотру и не дополнялись новыми материалами. Впрочем, некоторые наблюдения относительно «Бенго-коллегии» и ее участников нами уже были высказаны в ходе работы над воссозданием приходских структур британской колонии в Петербурге, однако биографических подробностей оказалось так много, что потребовалась отдельная их систематизация [12. С. 11–12].

Существенно детализировать представления о членах «Великобританского монастыря» позволяет метрическая книга петербургского англиканского прихода – наиболее репрезентативный источник по истории британского землячества на берегах Невы [13. Л. 20–132 об.], который С.Ф. Платоновым при разработке темы не был задействован. В предлагаемой статье на основании метрик англиканской церкви, а также регистрационных книг других инославных общин Петербурга восполняются недостающие звенья информации о персональном составе «Бенго-коллегии», а сама коллегия трактуется как социокультурный феномен, противостоящий традициям «Святой Православной Руси» с ее аскетическим началом, пиететом к церковной организации, выраженным религиозным изоляционизмом. Опорным источником при этом выступает реестр участников «Бенго-коллегии» 1720 г., в котором по именам перечислены 47 «служителей» Бахуса (всего их было более пятидесяти) [8. С. 528–532].

Одним из главных действующих лиц «монастыря», о котором академик С.Ф. Платонов, по собственному

замечанию, мог судить только «гадательно», был «епископ Яков Хуит». Потешный «епископ» не принадлежал к голландской фамилии Коетов, как предположил Сергей Федорович, а был чистокровным шотландцем, уроженцем Эдинбурга. Джейкоб Хьюит (Jacob Hewitt, в русских источниках фигурировавший как Якоб Гювит, Гэвитт, Хевитт и даже Гут) вместе «с братом Юрием» в России занимался торговлей с начала XVIII столетия [14. С. 54]. Используя в документах «Бенго-коллегии» вариант его русифицированной фамилии («Хуит»), безусловно, нужно рассматривать как отсылку к нецензурному обозначению мужского полового органа и один из примеров намеренного использования фаллической символики. Отметим, что фаллическая символика в политической культуре петровской России была обстоятельно изучена американским историком Эрнстом Зицером [15], однако, судя по всему, этот исследователь не обратил должного внимания на фамилию «епископа». С 1720 г. Джейкоб Хьюит состоял советником в Коммерц-коллегии [16. С. 1753] и продолжал занимать эту должность при преемниках Петра Великого, работая над проектом Вексельного устава [17. С. 181]. По некоторым сведениям, он умер в Петербурге в 1746 г. [18. С. 473], что весьма вероятно, хотя данный факт и не подтверждается церковным архивом англикан. Из-за смены пастора в регистрационной книге как раз отсутствуют записи между 13 марта 1746 г. и 19 октября 1747 г. – смерть советника, вероятно, пришлась на этот промежуток времени [13. Л. 26–27]. Дочь Хьюита Корнелия, согласно метрике англиканской церкви, в 1749 г. вышла замуж за английского купца Роберта Крампа и имела многочисленное потомство [13. Л. 28–28 об., 29–29 об., 30 об., 32, 33 об., 35 об., 42]. Возможно, родственником советника и «епископа» был Уильям (Виллем) Хуит (Willem Huit), прихожанин голландской реформатской церкви, женатый на Джине Хонд и умерший до 1721 г. [19. Л. 68 об.].

На основе метрических записей петербургских иноземцев нетрудно идентифицировать и других лиц «Великобританского монастыря». Так, очевидно, что «наместник и строитель» «монастыря» Иван Мануян – это француз Жан Маньян, сослуживец Дж. Хьюита по Коммерц-коллегии, занимавший в ней должность советника в начале 1720-х гг. [16. Стб. 1761]. Он вышел в отставку в 1723 г. [17. С. 52]. «Казначей Эндрик Раш» – голландец Хендрик Раш (Hendrik Rasch), коммерсант, очень уважаемый среди иноземцев человек, бывший в течение ряда лет (в 1724–1727 и 1731–1733 гг.) диаконом в голландской реформатской кирке [20. С. 167]. Хендрик Раш вращался в кругу петербургской творческой интеллигенции и был хорошо знаком с семьями живописцев Георга Гзелля и Даниеля Людвиг Вермёлена (Вермиюлена) [19. Л. 42–42 об.]. В круг его знакомств входили также чиновники иноземного происхождения: гоф-интендант Антуан Кормедон, почт-директор барон Фридрих Аш и иные. «Инспектор и надзиратель» «Бенго-коллегии» Давыд Соломон – это молодой купец Дэвид Сэлмон (David Salmon), уроженец Лондона, 6 февраля 1724 г. женившийся на петербурженке-англичанке Дороти Бирст

[13. Л. 20; 21. Л. 18 об.]. «Советник и губернатор серагли» (т.е. управитель потешного сераля) Осип Декинс – не кто иной, как коммерсант Джозеф Дайкинс (Joseph Daikins), скончавшийся в Петербурге 16 мая 1726 г. [13. Л. 21].

Весьма любопытна имевшаяся в шутовском братстве должность «профессора и доктора гражданского права» («доктор юрис севелис»), занимаемая неким «шевалером Стерлиным». По-видимому, речь идет о предпринимателе Генри Стерлинге (Henry Sterling), который по знатности своего происхождения вполне мог именоваться кавалером. Он был женат на дочери «шотландского джентльмена» Манипенни (Moneypenny), и в 1724 г. у них появился на свет сын Чарли [13. Л. 20–20 об.]. Семья Стерлинга принадлежала к петербургскому высшему свету: другой сын Генри Стерлинга, тоже Генри, появившийся на свет еще в начале XVIII в., состоял в браке с дочерью адмирала Томаса Гордона и носил титул сэра [22. С. 88]. Возможно, Генри Стерлинг старший действительно имел ученую степень, так как указанные вслед за ним в реестре «бахусоподражательных британцев» члены «пьяного братства» «профессор математикус Андрей Форхварсон» и «другой профессор же Стефан Вын» были настоящими учеными. Генри (Андрей Данилович) Фарварсон (Фаргварсон, Henry Fargwarson), стоявший у истоков создания московской школы математических и навигацких наук, а с 1715 г. служивший в Морской академии профессором математики, умер 14 декабря 1739 г. и был погребен англиканским пастором в Петербурге [13. Л. 23 об.]. Стивен Гвин (Stephen Gwyn) состоял профессором навигации в той же академии и был знаменит как автор первых в России учебников по навигационному делу (скончался в 1720 г.) [23. С. 293–294].

Под «штап-лекарем и пинкал-смыщем, или х**вым кузнецом Иваном Гудзоном», однозначно подразумевается военный хирург Джон Гудзон (John Goodson), скончавшийся, согласно метрической записи, 18 февраля 1725 г. [13. Л. 20 об.]. Введение в штат собора его «должности», очевидно, продолжает традицию нецензурных прозвищ, которые русский царь любил давать своим собутыльникам и шутовским «церковным иерархам» (вспомним, что князь-папа Никита Моисеевич Зотов именовался «патриархом кир-ети Никитой Заяюзским, от великих Мытищ и до мудищ», а сам Петр I носил прозвище «Пахомпихайх*й»). Гудзон был коллегой штап-лекаря англичанина Джона Блинмана, в «монастыре» специализировавшегося на «лече пиз**яной» [8. С. 529, 542].

«Бак-пипером» «монастыря» («он же и игрец на волынке») состоял Иван Баковар (Джон Баковер), английский купец, занимавшийся торговлей в 1711–1724 гг. [14. С. 311]. «Надзиратель рыбных промыслов и маляр Косой Велес» – это определенно Кристофер Уэллс (Christopher Wells), служивший в корабельном флоте малярным мастером, но в метрических документах отмеченный как «художник на службе его императорского величества». Впрочем, о его художественной деятельности ничего не известно. Он был женат на Элизабет Рамлей (Rumley), и у них в Петербурге родились по меньшей мере двое сыновей – Рэмли (1713) и

Уильям (1718), записи о крещении которых имеются в книгах голландского реформатского и англиканского приходов [13. Л. 20; 19. Л. 30]. Еще один его сын Питер умер в Петербурге 13 июня 1724 г. [13. Л. 20]. Сам же Кристофер Уэллс, уволенный из флота, скончался чуть позже, 23 февраля 1724 г., и был погребен пастором английской конгрегации [13. Л. 20].

Из ремесленников, состоявших в «Великобританском монастыре», реестр «бахусоподражательных» упоминает «инструментальных и табакирных мастеров Абрама да сына его Ямеса Вытлака» [8. С. 529]. Имелись в виду «галантерейные мастера» Джеймс Уитлок (Витлок) и Абрахам Дей, принятые на службу в 1716 г. [24. Л. 20 об., 26 об.]. Кроме мастеровых, в «братстве» существовала еще должность лесничего, или рейнджера («ранжер и ягармейстер и сокольник»), которую в 1720 г. занимал некий «Бенсъямин Гочкин». Очевидно, под ним надо разуместь английского коммерсанта Бенджамина Ходжкина (Benjamin Hodgkin), англиканина, умершего 24 января 1724 г. [13. Л. 20]. Он наверняка приходился близким родственником шутовскому «попу» Генри Ачкину (Henry Hodgkin), тоже купцу, активно торговавшему в России до 1730 г. [8. С. 528–529; 25. С. 101; 26. С. 21].

Помимо мужчин, действительных членов братства, при «Великобританском монастыре» состояли также и женщины в качестве его «питательниц», или благодетельниц. Никаких сведений о показанных среди них вдове-полковнице Агафье Михайловне Мээр (Мейер) и «герцогине» Фонпорт Мус найти не удалось [8. С. 543]. «Питательница» же мадам Валлес, скорее всего, принадлежала к английской семье Уоллес (Wallis), одна из представительниц которой, мадемуазель Элизабет, крестила ребенка в голландском реформатском приходе в 1743 г. [19. Л. 49]. Впрочем, в гугенотской общине Петербурга состояли еще купцы Пьер Вале (Pierre Vales) и Этьен Вале (Estienne Vales) [27. Л. 8], но удвоенная «л» в русскоязычной транскрипции фамилии «монастырской питательницы» («Валлес») явно не свидетельствует в пользу их родства. Наконец, под мастерицей «мадам Мичел», самой младшей по статусу благодетельницей «монастыря», очевидно, подразумевается Мэри Митчелл (Mary Mitchel), жена военного хирурга Уильяма, погребенная англиканским пастором в Петербурге 1 мая 1749 г. [13. Л. 27 об.].

Метрические книги инославных общин Санкт-Петербурга вкупе с иными источниками не только способствуют «опознанию» членов «монастыря», но и дополняют биографии уже известных его участников. Второй по значимости в «монастыре» человек (после «митрополита» Ивана Келлермана), «архиепископ и чудотворец Самойло Гарцын» (Самюэль Гартсайд), торгово-промышленный комиссионер казны, активно торговал в России в 1708–1719 гг. [14. С. 311; 28. С. 133–140]. Он был знатоком европейского делового мира и одним из первых стал использовать порт Петербурга для вывоза за границу экспортных товаров – смолы, дегтя, пеньки. Прибегая к различным уловкам, С. Гартсайд закупал для Петра I в Англии военные корабли [28. С. 134–136]. Разорившись, он начал службу в административном ап-

парате империи: сначала был бурмистром в Главном магистрате, затем ассессором, а с 1731 г. советником Коммерц-коллегии. Административная карьера Гартсайда оказалась неудачной – его проекты по созданию разных мануфактурных предприятий и целых промышленных отраслей в России не получили одобрения, а сам он был признан «неискусным в делах и советах» и уволен с назначением пенсии в размере 300 рублей в год [28. С. 140]. Его жена Анна скончалась в Петербурге 4 марта 1742 г., но сам пятидесятивосьмилетний шутовской иерарх тогда еще был жив [13. Л. 24]. Скорее всего, формальный адрес «Великобританского монастыря», указанный в объявлении о нем 1720 г., совпадал с местом жительства Гартсайда: согласно списку домовладельцев Санкт-Петербургского острова 1718 г., купец «Самойла Исаков сын Гарсин» владел домом на Третьей Дворянской улице, как раз по соседству с домом П.И. Бутурлина [29. С. 224].

Там же, на Санкт-Петербургском острове, недалеко от двора «Великобританского монастыря», проживали «шевалье» Генри Стерлинг и «соборный дьякон Питер Милля» [29. С. 224]. Последний, англичанин Питер Милл (Peter Mill), долгое время торговавший в Митаве, носил прозвище «Курляндец». В 1720-е и 1730-е гг. он являлся прихожанином голландской реформатской кирки [19. Л. 34 об., 45 об.], но после своей смерти в июне 1741 г. был отпет и погребен англиканским пастором [13. Л. 24]. «Чашник Александр Милля», также отмеченный в реестре членов «монастыря», приходился ему сыном или племянником. Александр Милл (Alexander Mill), исповедовавший кальвинизм, часто упоминается в документах голландской реформатской общины. Он был дважды женат: первый раз – на Софии Элизабет, урожденной Инкен (Innken Sophia Elisabeth); второй раз – на Анне Доротее, вдове Виллема Конрада Инкен, урожденной Блей (Bley). Из этого следует, что семейства Милл и Инкен состояли в кровном родстве. От первого брака у Александра Милла появились на свет восемь детей: сыновья Хильбрандт (1722), Джон-Иоганнес (1726), Генрих (1729) и Александр (1731); дочери Элизабет Христина (1723), Доротея (1725), Елена София (1727) и Мария Элизабет (1733) [19. Л. 34 об., 36 об., 37, 39–41, 42, 43]. От второго брака в семье Милла родились сыновья Александр (1738), Даниель (1741) и Андреас (1747) [19. Л. 45 об., 47 об., 51]. Их крестили в голландской церкви при участии некоторых членов «сумасброднейшего братства»: среди восприемников детей Милла отмечены «архимандрит» «Бенго-коллегии» Роберт Неттелтон и мастер Уильям Элмсейл. Вообще, судя по составу крестных, Питер и Александр Милл вращались преимущественно в деловом кругу столицы, среди предпринимателей и чиновников. Их приятелями были советник Голштинского герцога Геннинг Фридрих Бассевич, обер-комиссар Рентереи Иоганн Бернгард Мюллер, вице-президент Коммерц-коллегии Генрих фон Фик, вице-президент Юстиц-коллегии Сигизмунд Адам Вольф и др.

Метрические книги голландской реформатской церкви не раз упоминают шутовского «архимандрита» Роберта Неттелтона (Robert Nettelton), английского

купца, торговавшего смолой [19. Л. 36 об.]. Есть в формулярах метрик информация о родственных отношениях и других старейших членов «братства». Так, «стряпчий, или attorney general» Джон Эдвардс (Иван Эдварц, John Edwards), который за рамками «монастыря» был поверенным Английской компании в России, 31 августа 1722 г. вступил в брак с англичанкой Мэри Паддон. Он умер в Петербурге 30 мая 1748 г., но в метриках англиканской церкви имеются сведения о четверых его детях [13. Л. 20–21 об., 24, 27 об.; 19. Л. 42 об., 69]. Другой, «стряпчий, или solicitor general», Гиль Эванс (Hill Evans) – тоже известный английский предприниматель и многодетный отец. 1 октября 1725 г. он женился на Мэри Рамси (Mary Ramsey), и у них родились дочери Сьюзен (1726), Мэри (1727), Джейн (1728) и Анна (1730), а также сын Уильям (1735) [13. Л. 21; 19. Л. 40 об.–41 об.; 27. Л. 12]. Эванс скончался в Санкт-Петербурге 2 мая 1740 г., о чем сделана соответствующая запись в англиканском приходе [13. Л. 23 об.]. Гоф-маклер Самюэль Мюкс (Samuel Miux), в «монастыре» занимавший должность «порваера, или провиантмейстера», умер 12 февраля 1741 г. [13. Л. 23 об.]. Стекланный фабрикант, владевший стеклодувным предприятием на Фонтанке, Уильям Элмсейл (William Elmsale), в документах «монастыря» обозначенный как «мастер механикус, он же и часов починивальщик Вилим Элмзал», состоял в английской религиозной конгрегации и скончался 5 февраля 1738 г. [13. Л. 22]. Анализ метрических записей показывает, что из тридцати старейших участников «Бенго-коллегии» не меньше половины умерли не позднее 1740-х гг. То есть к середине столетия память о «коллегии» уже стала исторической.

Далеко не во всех случаях реестр участников «Бенго-коллегии» называет их имена и фамилии – безымянными остаются «служки монастыря», «рассылщики» и «подпивать охотники» общим числом девять человек. Регистрационный журнал англиканской общины, зафиксировавший большую часть из названных по именам членов «братства», надо полагать, упоминает и таких анонимных «служек». Метрики называют еще два десятка выходцев из Великобритании, которые, исходя из времени своего присутствия в англиканской общине, могли быть участниками «Бенго-коллегии». Это Роберт Антикава (Robert Antiqua), Александр Белл (Alexander Bell), Арчибальд Бучанан (Archibald Buchanan), Уильям Кейтнесс (William Caithness), Джон Кларк (John Clark), купцы Томас и Александр Арбутнот (Arbuthnot), предприниматели Джон Букер (John Booker), Мерсон (Merguson) и др.

Как видим, «Великобританский монастырь» почти сплошь состоял из протестантов (англикан и реформатов), однако его отождествление или даже простое сближение с англиканской общиной как религиозным учреждением было бы ошибочным. Не только потому, что Петр I, заложивший основы веротерпимости для иноземцев в России, не мог откровенно глумиться над церковной жизнью британцев. Но еще и потому, что среди «монастырской братии» все же находились лица разных вероисповеданий – это немец-лютеранин

Иоганн Вернер Паус (Паузе) («подкеларник и хлебодар»), православный русский предприниматель Осип Андреевич Баженин (монастырский «экипажмейстер»), англичанин-католик Уильям Хорн («медикус Вилим Горн»). При этом обращает на себя внимание высокий образовательный статус участников «Бенго-коллегии». Уже было отмечено присутствие среди членов «братства» видных петербургских профессоров Фарварсона и Гвина, однако по своей значимости и уровню ученого авторитета им не уступали Паус и Хорн. Иоганн Вернер Паус – известный лингвист и филолог, окончивший Галльский университет, с 1702 г. учительствовавший в школе Московской ново-лютеранской кирхи, а затем ставший профессором и директором знаменитой гимназии Глюка [30. Л. 4]. В его личных бумагах, собственно, и были обнаружены уставные документы «Бенго-коллегии». Уильям Хорн в церковных реестрах именуется не иначе, как «знаменитый профессор хирургии» (*chirurgiae professor celebrissimus*). Он был женат на англичанке-кальвинистке Мэри Элизабет, подарившей ему не менее шести детей, родившихся в Петербурге в 1723–1737 гг. [21. Л. 19 об.–20, 25 об., 43, 48 об., 55, 61]. Круг его знакомых, как и у других «бахусоподражательных» британцев, – среднее бюргерство, купцы и ремесленники, врачи, секретари иноземных посольств.

Безусловно, англичане и шотландцы, соблюдая свои корпоративные торговые интересы, стремились не отстать от тесного круга собутыльников царя, сочетавшего решение дел с распутным и пьяным весельем. Это объясняет их участие в деятельности «Бенго-коллегии», которое, впрочем, было добровольно-принудительным (из-за состояния упадка, в котором оказались английские купцы, они были «примучены» к участию в «сумасбродном братстве») [8. С. 546]. Однако тот факт, что для англичан потребовалось создать особую «всешутейшую» организацию, с одной стороны, может свидетельствовать об относительно замкнутом характере самой британской колонии (имеется в виду не «Бенго-коллегия», а гораздо более обширное британское землячество), а с другой – о вероятном желании Петра I выразить иронию по поводу культуртрегерской миссии чопорных британцев, показывая их простыми пьяными бюргерами и буффонами. Эту иронию подметил еще С.Ф. Платонов, указавший, что во всей затее с «Бенго-коллегией» «чувствуется элемент насмешки в отношении ученой братии», «глумление над ученостью и учеными» [8. С. 545]. Возможно, создание «Бенго-коллегии» имело еще и политический подтекст: королевство Великобритания образовалось в 1707 г., а уже через год название этого государства, подчеркивающее величие вновь объединенных Англии и Шотландии, царь закрепляет за «пьяной коллегией».

Сегодня бытует точка зрения, будто англичане, особенно английские купцы, имели большое влияние в Санкт-Петербурге при Петре I – в подтверждение тому приводится именно их участие в мероприятиях «Бенго-коллегии», выражавшее близость «бахусоподражательных» британцев к царю [14. С. 30]. Думается, однако, что это не совсем так. Вся история

с «Бенго-коллегией» подтверждает правоту С.Ф. Платонова, полагавшего, что англичане рядом обстоятельств были принуждены заниматься подобным «вздором», ибо «...нельзя было работать с правительством, не участвуя в официальных маскарадах и попойках» [8. С. 544]. Коллективный социальный портрет британцев являет нам людей с деловой хваткой, которые должны были твердо стоять на ногах, выступали рачительными хозяевами и опытными дельцами [12. С. 11]. Однако нарративные источники вносят в этот портрет дополнительные штрихи и дают понять, что англичане далеко не всегда чувствовали себя социально защищенными и могли выгодно вести бизнес. Так, в челобитной британских купцов 1726 г., подписанной членами «пьяной коллегии» Гилем Эвансом, Генри Ходжкиным (Ачкиным) и Уильямом Элмсейлом, содержатся жалобы на отсутствие выгодных условий для торговли и на ненадлежащее качество предоставляемых услуг по хранению товаров, подчеркивается неспособность купцов решать правовые и иные вопросы из-за незнания русского языка [31. С. 15–17]. Можно было бы счесть эти жалобы уловками коммерсантов, желавших добиться больших выгод, однако случаи реального банкротства английских предпринимателей подтверждают их неспособность, вопреки близости к царю, выдерживать конкуренцию. «Митрополит» «монастыря» Иван Томасович Келлерман разорился в 1720 г., «механикус» Уильям Элмсейл – в 1738 г., после чего служил управляющим в доме вице-адмирала Матвея (Матии) Христофоровича Змаевича [14. С. 54]. Самуэль Гартсайд в 1718 г. находился под следствием из-за невыплаты огромного долга российской казне [29. С. 224] – не потому ли, в насмешку, он был назначен «архиепископом и чудотворцем» шутовского, непотребного «собора»? Можно предположить, что неустойчивое социально-экономическое положение британских купцов Петербурга заставляло их усерднее других соблюдать петровские «Бахусовы законы», за нарушение которых царь к тому же наказывал.

Тем не менее в образовании «Бенго-коллегии», по видимому, были повинны конкретные представители британской общины, славившиеся своей невоздержанностью в употреблении горячительных напитков. Именно они могли подать Петру I идею «собора». Выходцы из Британии (хотя, естественно, не только они) неоднократно были замечены либо среди неумеренно пьющих, либо среди жертв царских возлияний, почему и получили титул «бахусоподажательных». Например, в 1724 г. корабельный мастер Ричард Козенс, которого Петр I очень любил и с которым обходился без церемоний, построил очередной корабль, и после спуска судна на воду на его борту, по воспоминаниям очевидца, все «страшно пили» [32. С. 240]. Самуэль Гартсайд, «архиепископ» «Бенго-коллегии», был уволен в 1737 г. из Коммерц-коллегии за многие провинности, в том числе «за невоздержанием» [28. С. 140]. 1 февраля 1721 г. после многодневного карнавала, проходившего под председательством «Всешутейшего патриарха» Н.М. Зотова, от отравления алкоголем

скончался Томас (Фома) Келлерман, глава известной торгово-промышленной фамилии. Исследователь Ю.Н. Беспятых ошибочно отнес эти события к 1715 г. [33. С. 190], однако в действительности смерть Келлермана произошла уже после перевода «Бенго-коллегии» на Невские берега. Томас Келлерман состоял «игуменом и духовником» «Великобританского монастыря», а его сын Иван Томасович был, как уже отмечалось, самим «митрополитом» [8. С. 528]. Шотландец на русской службе Питер Генри Брюс, нечаянно ставший свидетелем смерти старшего Келлермана, так описал эти события: купец, после царской аудиенции с поглощением содержимого «двойного орла», придя домой, «...пожаловался, что ему плохо от выпитого; он сел, положив голову на стол и, казалось, заснул. Поскольку подобное случалось с ним постоянно (выделено нами. – А.А. и Ю.А.), жена и дочери не обратили на это внимания, пока спустя некоторое время не заметили, что он мертв и окоченел. Это привело все семейство в огромное смятение» [34. С. 182].

Некоторые видные участники «Бенго-коллегии» – Генри Ачкин (Андрей Ячкин), Уильям Элмсейл (Вилим Эмсал), Дэвид Сэлмон (Давид Салмон), Роберт Неттелтон, Хендрик Рапш, Самуэль Мюкс, Джейкоб Хьюит (Хуит или Гювет) были задействованы в «компании маскарада в Санкт-Петербурге 1723 году» [32. С. 184, 188, 191]. Почти все они, уважаемые в деловой среде коммерсанты, предстали в роли «французских мужиков», в то время как знатные и влиятельные участники маскарада были одеты в костюмы «кавалерские», «аббатские» и «венецианские нобельские». Мужичьи костюмы явно унижали достоинство британских торговцев. Не было ли их участие в маскарадах в качестве потешных «мужиков», в свою очередь, следствием саркастического отношения к ним императора? Например, их соотечественники, весьма уважаемые Петром корабельные мастера Ричард Козенс, Джозеф Най, Ричард Броун и Ричард Рамси, явились на маскарад в шкиперском (т.е. капитанском) обличье, которое не могло оскорбить даже самого царя [32. С. 193]. Еще раньше, в 1714 г., на известной свадьбе князь-папы Н.М. Зотова английские кораблестроители также веселились в «шипорском платье» [2. С. 885].

Таким образом, на основе метрических записей инославных общин нам удалось идентифицировать еще 10 участников «Бенго-коллегии», а потому «без всякого определения» (выражение С.Ф. Платонова) ныне остаются уже не 14 человек, а всего четверо. Это дает возможность полнее представить состав британского шутовского «ордена», или «монастыря». Анализ социального положения выявленных лиц, круга их родственников и знакомых, подтверждает сделанные С.Ф. Платоновым выводы о социальной специфике «Бенго-коллегии»: она являлась частью нового и пока еще чуждого России бюргерского мира, отграниченного от высшего света и служилого сословия. Очевидно, что даже близкие ко двору торговые иноземцы и ученые, которых справедливо причислять к деловой элите, занимали в России более низкое социальное положение, нежели

русские и иноземные дворяне, офицеры и придворные с соответствующим чином в табели о рангах. Об этом говорят социальные роли, навязанные британцам «веселым» царем. Вполне допустимо, что в этом факте проявилась капиталистическая незрелость

русского общества, готового использовать культурный и социально-экономический потенциал стран Западной Европы, но не готового признать бизнесменов, ученых и врачей (как русских, так и иноземных) своей элитой.

Список источников

1. Носович И.И. Всепьянейший собор, учрежденный Петром Великим // Русская старина. 1874. Т. 11, № 12. С. 734–739.
2. Шутки и потехи Петра Великого. Петр Великий как юморист (собственноручно им написанные чины избрания и поставления князь-папы, шуточные послания, указы, росписи и подписки 1690–1725 гг.) // Русская старина. 1872. Т. 5, № 6. С. 845–892.
3. Андреев И.Л. Всешутейший, всепьянейший... // Знание – сила. 2002. № 2 (896). С. 90–92.
4. Трахтенберг Л.А. Сумасброднейший, Всешутейший и Всепьянейший собор // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2005. С. 89–121.
5. Трахтенберг Л.А. Проблемы поэтики русской пародии XVII – первой половины XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2008. 306 с.
6. Крюгер А. Самодеятельный театр при Петре I // Старинный спектакль в России: сб. ст. Л.: Academia, 1928. С. 359–380.
7. Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 381–438.
8. Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Известия Академии наук СССР. VI серия. 1926. Т. XX. № 7–8. С. 527–546.
9. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1982. 863 с.
10. Cross A.C. The Bung College or British Monastery in Petrine Russia // Newsletter of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. 1984. Vol. 12. P. 14–24.
11. Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятовых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
12. Андреев А.Н. Англикане и иноземцы других конфессий в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века по метрикам англиканского прихода // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 4. С. 6–15.
13. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1689 (Англиканские церкви в России). Оп. 1. Д. 1: Регистрационная книга всех крещенных, повенчанных и умерших в Санкт-Петербурге в английской конгрегации, подписанная священником Томасом Консеттом (1706–1812 гг.). 164 л.
14. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 346 с.
15. Зицер Э.А. «Мой Гаврилушка»: Фаллическая символика культа личности Петра Великого // Родина. 2007. № 11. С. 112–116.
16. Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом (Составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве министерства юстиции) // Русский архив. 1869. № 11. Стб. 1729–1766.
17. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: 20-е – начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.
18. Наумов В.П. Указатель имен // Юность державы / Фридрих Берхгольц. Генинг Бассевич. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 453–511.
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб.). Ф. 40 (Голландская реформатская церковь). Оп. 1. Д. 1: Метрическая книга для записей о родившихся, венчавшихся и умерших (1717–1808 гг.). 94 л.
20. Арнаутсе А.В., де Хаан Г.М. Старшины и дьяконы Голландской реформатской церкви Санкт-Петербурга (1717–1923) // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927): сб. ст. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. С. 161–169.
21. ЦГИА СПб. Ф. 347 (Петроградская римско-католическая церковь Св. Екатерины). Оп. 1. Д. 31: Метрическая книга о крещении на немецком и латинском языках (1710–1740 гг.). 68 л.
22. Джастис Э. Три года в Петербурге // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1997. С. 87–105.
23. Бобынин В.В. Гвин или Гвын, Степан // Русский биографический словарь: Издание Императорского Русского исторического общества под наблюдением А.А. Половцова. Т. 4: Гааг – Гербель. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. С. 293–294.
24. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию из фондов Посольского приказа, Полоняничного приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1 (1716 г.). Д. 1: Роспись из выезжих в Россию разных художеств мастеровых людем (1716 г.). 73 л.
25. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М.: Наука, 2005. 717 с.
26. Прощение британского купечества на имя Екатерины I о снижении таможенных пошлин, улучшении условий торговли и быта. 25 февраля 1726 г. // Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: сб. док. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. С. 14–21.
27. ЦГИА СПб. Ф. 444 (Французская реформатская церковь). Оп. 2. Д. 1: Метрическая книга (1724–1782 гг.). 87 л.
28. Репин Н.Н. Британские коммерсанты в России Петровского времени: деятельность компании «Ральф Робинсон – Самуил Гартсайд» // Вестник Рязанского государственного университета. 2009. № 3 (24). С. 133–141.
29. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 486 с.
30. РГАДА. Ф. 364 (Цветаев Д.В.). Оп. 1. Д. 109: Автобиография и письма Паузе за 1701–1706 гг. о гимназии Глюка (копии 1888–1896 гг.). 151 л.
31. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: сб. док. / сост. А.В. Демкин; под ред. А.А. Преображенского. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. 74 с.
32. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9–324.
33. Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. 280 с.
34. Брюс П.Г. Из «мемуаров...» // Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 162–191.

References

1. Nosovich, I.I. (1874) Vsep'yaneishiy sobor, uchrezhdenyy Petrom Velikim [The Drunken Synod, established by Peter the Great]. *Russkaya starina*. 11 (12). pp. 734–739.
2. *Russkaya starina*. (1872) Shutki i pokhekhi Petra Velikogo. Petr Velikii kak yumorist (sobstvenoruchno im napisannye chiny izbraniya i postavlenniya knyaz'-papu, shutochnye poslaniya, ukazy, rospisi i podpiski 1690–1725 gg.) [Jokes and amusements of Peter the Great. Peter the Great as a humorist (charters for the election and installation of the Prince-Pope written by his own hand, humorous messages, decrees, lists and subscriptions 1690–1725)]. 5 (6). pp. 845–892.
3. Andreev, I.L. (2002) Vseshuteishiy, vsep'yaneishii... [The Most Jestful, Most Drunken...]. *Znaniye – sila*. 2 (896). pp. 90–92.

4. Takhtenberg, L.A. (2005) Sumasbrodneishiy, Vseshuteishiy i Vsep'yaneishii sobor [The Most Extravagant, Most Jestful and Most Drunken Synod]. In: *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow: Nauka. pp. 89–121.
5. Takhtenberg, L.A. (2008) *Problemy poetiki russkoy parodii XVII – pervoy poloviny XVIII vv.* [Problems of the poetics of Russian parody of the 17th – first half of the 18th centuries]. Philology Cand. Diss. Moscow: MSU.
6. Kryuger, A. (1928) Samodeyatelnyy teatr pri Petre I [Amateur theater under Peter I]. In: *Starinnyy spektakl' v Rossii* [Ancient performance in Russia]. Collection of articles Leningrad: Academia. pp. 359–380.
7. Zhivov, V.M. (2002) Kul'turnye reformy v sisteme preobrazovaniya Petra I [Cultural reforms in the system of transformations of Peter I]. In: Zhivov, V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 381–438.
8. Platonov, S.F. (1926) Iz bytovoy istorii Petrovskoy epokhi. Bengo-Kollegiya, ili Velikobritanskii monastyr' v S.-Peterburge pri Petre Velikom [From the everyday history of the Peter the Great era. The Bung College, or the British Monastery in St. Petersburg under Peter the Great]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. VI seriya*. 20 (7–8). pp. 527–546.
9. Alekseev, M.P. (1982) *Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Russian-English literary connections (18th – first half of the 19th century)]. Moscow: Nauka.
10. Cross, A.G. (1984) The Bung College or British Monastery in Petrine Russia. *Newsletter of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. 12. pp. 14–24.
11. Cross, A.G. (2005) *Britantsy v Peterburge: XVIII vek* [Brits in Petersburg: 18th century]. Translated from English by N.G. and Yu.N. Bespyatykh. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
12. Andreev, A.N. (2019) Anglikane i inozemtsy drugih konfessiy v Sankt-Peterburge pervoy poloviny XVIII veka po metrikam anglikanskogo prikhoda [Anglicans and foreigners of other confessions in St. Petersburg in the first half of the 18th century according to the metrics of the Anglican parish]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 19 (4). pp. 6–15.
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1689 (Anglikanskii tserkvi v Rossii [Anglican Churches in Russia]). List 1. File 1: *Registratsionnaya kniga vseh kreshchennykh, povenchennykh i umerskhkh v Sankt-Peterburge v angliiskoy kongregatsii, podpisannaya svyashchennikom Tomasom Konsettom (1706–1812 gg.)* [Registration book of all those baptized, married and died in St. Petersburg in the English congregation, signed by priest Thomas Consett (1706–1812)]. 164 p.
14. Zakharov, V.N. (1996) *Zapadnoevropeyskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [Western European merchants in Russia. The era of Peter I]. Moscow: ROSSPEN.
15. Zitser, E.A. (2007) "Moy Gavrilushka": Fallicheskaya simbolika kul'ta lichnosti Petra Velikogo ["My Gavri l ushka": Phallic symbolism of the cult of personality of Peter the Great]. *Rodina*. 11. pp. 112–116.
16. Polenov, D.V. (1869) O prisyage inozemtsev, prinyatykh v russkuyu sluzhbu pri Petre Velikom (Sostavleno po podlinnym dokumentam, khranyashchimsya v Arkhive ministerstva yustitsii) [On the oath of foreigners accepted into Russian service under Peter the Great (Compiled from original documents stored in the Archive of the Ministry of Justice)]. *Russkii arkhiv*. 11. Cols 1729–1766.
17. Kozlova, N.V. (1999) *Rossiyskiy absolyutizm i kupechestvo v XVIII veke: 20-e – nachalo 60-kh godov* [Russian absolutism and the merchant class in the 18th century: 1720s – early 1760s]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr.
18. Naumov, V.P. (2000) Ukazatel' imen [Index of names]. In: Berkhgol'ts, F.V. & Bassevich, G. *Yunost' derzhavy* [Youth of the Russian Power]. Moscow: Fond Sergeya Dubova. pp. 453–511.
19. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 40 (Gollandskaya reformatskaya tserkov' [Dutch Reformed Church]). List 1. File 1: *Metricheskaya kniga dlya zapisei o rodivshikh, venchavshikh i umerskhkh (1717–1808 gg.)* [Metric book for records of births, marriages and deaths (1717–1808)]. 94 p.
20. Arnautse, A.V. & de Khaan, G.M. (2001) Starshiny i d'yakony Gollandskoy reformatskoy tserkvi Sankt-Peterburga (1717–1923) [Elders and deacons of the Dutch Reformed Church of St. Petersburg (1717–1923)]. In: *Gollandskaya reformatskaya tserkov' v Sankt-Peterburge (1717–1927)* [The Dutch Reformed Church in St. Petersburg (1717–1927)], Collection of articles. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyy tsentr "BLITS". pp. 161–169.
21. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 347 (Petrogradskaya rimsko-katolicheskaya tserkov' Sv. Ekateriny [St. Petersburg Roman Catholic Church of St. Catherine]). List 1. File 31: *Metricheskaya kniga o kreshchenii na nemeckom i latinskoy yazykakh (1710–1740 gg.)* [Metric book of baptisms in German and Latin (1710–1740)]. 68 p.
22. Dzhasis, E. (1997) Tri goda v Peterburge [Three years in Petersburg]. In: Bespyatykh, Yu.N. *Peterburg Anny Ioannovny v inostrannykh opisaniyakh* [The Petersburg of Anna Ioannovna in foreign descriptions]. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyy tsentr "BLITS". pp. 87–105.
23. Bobynin, V.V. (1914) Gvin ili Gvyn, Stepan [Stephen Gwyn]. In: *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko. pp. 293–294.
24. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 150 (Dela o vyezdakh inostrantsev v Rossiyu iz fondov Posol'skogo prikaza, Polonyanichnogo prikaza i Posol'skoy kantselyarii [Cases on the arrivals of foreigners in Russia from the funds of the Ambassadorial Office, the Captive Office and the Ambassadorial Chancellery]). List 1 (1716). File 1: *Rospis' iz vyezdhkh v Rossiyu raznykh khudozhestv masterovym lyudem (1716 g.)* [List of craftsmen of various arts who arrived in Russia (1716)]. 73 p.
25. Zakharov, V.N. (2005) *Zapadnoevropeyskie kuptsy v rossiyskoy torgovle XVIII veka* [Western European merchants in Russian trade of the 18th century]. Moscow: Nauka.
26. Institute of Russian History, RAS. (1726) Proshenie britanskogo kupechestva na imya Ekateriny I o snizhenii tamozhennykh poshlin, uluchsheni usloviiy torgovli i byta. 25 fevralya 1726 g. [Petition of the British merchants to Catherine I for the reduction of customs duties, improvement of trade and living conditions. February 25, 1726]. In: *Russko-britanskiiye torgovye otnosheniya v XVIII veke* [Russian-British trade relations in the 18th century]. Collection of documents. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 14–21.
27. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 444 (Frantsuzskaya reformatskaya tserkov' [French Reformed Church]). List 2. File 1: *Metricheskaya kniga (1724–1782 gg.)* [Metric book (1724–1782)]. 87 listy.
28. Repin, N.N. (2009) Britanskiiye kommersanty v Rossii Petrovskogo vremeni: deyatelnost' kompanii "Ral'f Robinson – Samuil Gartsaid" [British merchants in Russia of Peter the Great's time: activities of the company "Ralph Robinson – Samuel Hartsaidel"]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (24). pp. 133–141.
29. Kosheleva, O.E. (2004) *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of St. Petersburg Island of Peter the Great's time]. Moscow: OGI.
30. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 364 (Tsvetaev D.V.). List 1. File 109: *Avtobiografiya i pis'ma Pauze za 1701–1706 gg. o gimnazii Glyuka (kopii 1888–1896 gg.)* [Autobiography and letters of Pause for 1701–1706 about Gluck's gymnasium (copies of 1888–1896)]. 151 p.
31. Demkin, A.V. (ed.) (1994) *Russko-britanskiiye torgovye otnosheniya v XVIII veke* [Russian-British trade relations in the 18th century]. Collection of documents. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
32. Berkhgol'ts, F.-V. (2000) Dnevnik kamern-yunkera [Diary of a Chamberlain Junker]. In: Berkhgol'ts, F.V. & Bassevich, G. *Yunost' derzhavy* [Youth of the Russian Power]. Moscow: Fond Sergeya Dubova. pp. 9–324.
33. Bespyatykh, Yu.N. (1991) *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [The Petersburg of Peter I in foreign descriptions]. Leningrad: Nauka.

34. Bryus, P.G. (1991) Iz "memuarov..." [From the "Memoirs..."]. In: Bespyatykh, Yu.N. *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [The Petersburg of Peter I in foreign descriptions]. Leningrad: Nauka. pp. 162–191.

Информация об авторах:

Андреев А.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры теологии, культуры и искусства Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: alxand@yandex.ru

Андреева Ю.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного медицинского университета (Челябинск, Россия). E-mail: iulyand@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Andreev, Dr. Sci. (History), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alxand@yandex.ru

Yu.S. Andreeva, Cand. Sci. (History), associate professor, South Ural State Medical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: iulyand@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 27.09.2024;
approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 94(47)+94(57)
doi: 10.17223/15617793/512/12

О специфике функционирования тыловых школ в годы Великой Отечественной войны (на примере школ Вокзального (ныне Октябрьского) района г. Томска)

Татьяна Васильевна Галкина¹

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
galkina@tspu.edu.ru

Аннотация. Статья направлена на реализацию патриотического проекта Томского государственного педагогического университета «Карта Победы», главной идеей которого является идея общности вклада фронта и тыла в Победу в Великой Отечественной войне. Впервые в научный оборот вводятся архивные документы по истории школ Вокзального района г. Томска, функционировавших в годы войны. При этом выявлена специфика тыловой школы как социального института, раскрывающаяся в расширении социального функционала школы: от социально-бытовых, социально-медицинских, образовательно-воспитательных до функций трудового и патриотического воспитания. Эта специфика является типичной для школ других тыловых регионов страны в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыловая школа, специфика функционирования, патриотическое воспитание

Для цитирования: Галкина Т.В. О специфике функционирования тыловых школ в годы Великой Отечественной войны (на примере школ Вокзального (ныне Октябрьского) района г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 108–114. doi: 10.17223/15617793/512/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/12

The functioning of schools in the rear during the Great Patriotic War (on the example of schools in Vokzalny (now Oktyabrsky) District of Tomsk)

Tatyana V. Galkina¹

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
galkina@tspu.edu.ru

Abstract. The relevance of the study is in the need to restore the forgotten history of Tomsk schools during the Great Patriotic War within the framework of Tomsk State Pedagogical University's "Map of Victory" project. The school in the rear as a social institution was a full participant of organized public work and aid to the front. The history of the heroic deed of the school during the Great Patriotic War is a powerful activator of patriotic influence in the education of modern youth. Archival documents of the State Archive of Tomsk Oblast and the Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast, introduced into scientific discourse, allow identifying the specificity of the school as a social institution through the expansion of social functions: social services (school meals, provision of clothes and shoes, school supplies), social-medical ones (provision of health surveillance, medical care, epidemic prevention measures, organization of summer health programs, special medical services in schools), labor education (organization of socially useful work in the rear: agricultural work, railway lines construction, work in hospitals), patriotic education (military physical training together with anti-air and anti-chemical defense), organization of direct assistance to the front (collecting scrap metal, bottles for making the Molotov Cocktail, making ski rings for ski poles, sending parcels and letters to the front, collecting funds for combat equipment). The rear school during the war years fulfilled its main – educational and educative – function by providing universal education and improving the performance of students. Thus, during the war the rear school as a social institution was the conductor of state policy aimed at maintaining the life and health of children, as well as ensuring that they receive education. The above reliable facts from the history of Tomsk schools are a typical reflection of the wartime situation in other rear regions of our country.

Keywords: Great Patriotic War, rear school, specifics of functioning, patriotic education

For citation: Galkina, T.V. (2025) The functioning of schools in the rear during the Great Patriotic War (on the example of schools in Vokzalny (now Oktyabrsky) District of Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 108–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/12

Осуществляемый с 2020 г. патриотический проект Томского государственного педагогического университета «Карта Победы», посвященный документальной конкретизации вклада томской промышленности в Победу в Великой Отечественной войне, потребовал расширения объектов исследования за счет включения в него образовательных организаций (школ). Тыловая школа как социальный институт выступала полноправным участником организованного общественного труда и помощи фронту. История тылового подвига собственной школы в годы Великой Отечественной войны является мощным активатором патриотического воздействия в воспитании современной молодежи. Одним из ярких воплощений патриотической направленности является «Школьный музей Победы», демонстрирующий школьные истории побед выпускников, учителей и целых семей с актуализацией новых подвигов в специальной военной операции.

В связи с этим представляется актуальным исследование забытой истории томских школ и их деятельности в годы Великой Отечественной войны. Тому свидетельством краткая историография: статья Л.Э. Глока и О.Г. Андрейко [1. С. 89–98], сведения из книги под редакцией Н.М. Дмитриенко [2. С. 298–299] и статья А.С. Шевлякова и О.А. Горбуновой [3. С. 137–141]. В последней статье при отсутствии историографического обзора, анализа источниковой базы и отдельных ссылок трудно оценить достоверность приводимых количественных данных, что серьезно сужает научный потенциал публикации, сообщая лишь некоторые общие сведения о проблемах организации всеобщего и качестве образования в период войны. Таким образом, история деятельности томских школ в период Великой Отечественной войны настоятельно требует дальнейшего изучения. Накопленный архивный материал позволяет автору обратиться к истории школ Вокзального района г. Томска в годы войны.

Целью настоящей работы является выявление специфики функционирования школ Вокзального (ныне Октябрьского) района г. Томска в годы Великой Отечественной войны.

Источниковой базой исследования являются архивные документы Томского городского Совета депутатов трудящихся, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Вокзального района г. Томска из Государственного архива Томской области (фонды Р-1393, Р-1005) и партийные документы городского отдела образования г. Томска из Центра документации новейшей истории Томской области (фонд № 80).

Во время войны изменилась функциональная специфика школы как социального института общества. Это вызвано общей перестройкой народного хозяйства страны на военный лад, связанный с дефицитом материально-технической базы. По неполным архивным сведениям, в начале Великой Отечественной войны в Вокзальном районе г. Томска работало 17 школ: средние школы № 2, 3, 17, 19, 21, 24, 27, 36, 38, 42 (п. Чекист), неполные средние школы № 11, 14, 16, 20, железнодорожная школа № 43 и начальные

школы № 30, 37. Существовавшая система общего образования, в распоряжении которой был обширный недвижимый фонд, внесла свой вклад в обеспечение перехода страны на военные рельсы. Просторные, как правило, каменные школьные здания были переданы под госпитали, военным училищам и академиям, а также промышленным предприятиям.

Через месяц после начала войны, 26 июля 1941 г., исполнительный комитет (исполком) Вокзального Совета депутатов трудящихся принял решение о передаче под госпитали в 2-дневный срок помещений школ № 14 (с предоставлением здания зооветтехникума по ул. Иркутской, 30) и № 24 (с переездом в здание землеустроительного техникума по ул. Малой Подгорной, 3) [4. Л. 38]. 15 августа 1941 г. здание средней школы № 3 было выделено под спецобъект [4. Л. 32], а школе № 2, перемещенной с № 64 на № 47 по ул. Люксембург (в школу просветработников), был дополнительно предоставлен первый этаж флигеля стоматологического института во дворе того же дома № 47 [4. Л. 26]. В ноябре-декабре 1941 г. 7 школ Вокзального района были переданы военному ведомству. Так, помещения школы № 14 (площадью 956 кв. м, подвал 400 кв. м по ул. Люксембург, 7) и школы № 16 (площадью 908 кв.м., подвал 350 кв.м. по пер. Сухоозерному, 6) были переданы Тульскому оружейно-техническому училищу 4 ноября 1941 г. [5. Л. 94]. 10 декабря 1941 г. помещения школы № 27 (площадью 4 850 кв. м в спецгородке лесопромышленного комбината), учащиеся которой были переведены в школу № 38, затем помещения школы № 3 (Коммунистический пр., 15), школы № 2 (ул. Люксембург, 47), школы № 7 (ул. Лермонтова, 64), школы № 23 (ул. Дальне-Ключевская, 16) были переданы войсковым соединениям [5. Л. 113], а помещение школы № 24 (ул. Малая Подгорная, 3) – эвакуированной фабрике перевязочных материалов им. 8 Марта [5. Л. 115].

В апреле 1942 г. продолжились передачи школьных зданий госпиталю: например, 3 апреля 1942 г. здание школы № 2 по ул. Люксембург, 64 было передано эвакогоспиталю № 1506 [6. Л. 20], а 10 апреля 1942 г. – возвращено школе № 2 при том, что госпитальное здание по Кузнечному взвозу (Томлес), освобождаемое школой № 2, было временно передано без права переоборудования впредь до освобождения помещения по ул. Войкова, 9 – Военной академии связи им. Буденного с обязательным освобождением в суточный срок полностью помещения школы № 14 [6. Л. 24].

Переданные школьные здания порой использовались не по назначению. Так, Военной академии связи им. Буденного, занявшей здание школы № 14 по Иркутскому тракту, 50, уже в феврале 1942 г. предписывалось освободить школьное здание [7. Л. 89]. Сохранился документ о том, что неполная средняя школа № 16 Вокзального района занимает совершенно непригодное для учебных занятий помещение – два этажа бывшей тарной базы в доме № 39 по ул. Мельничной и начальной школы № 37 в доме № 83 по ул. Войкова, тогда как собственное здание школы № 16 в доме № 6 по Сухоозерному переулку используется совершенно

нерационально [8. Л. 54]. По этому поводу было принято решение о возврате с 1 июня 1942 г. здания школе № 16, ремонте и оборудовании его для школьных занятий.

Многочисленные перемещения школ (коллективов и инвентаря) объяснялись значительным дефицитом жилого недвижимого городского фонда для постоянно прибывающего эвакуационного контингента. При этом эпопея возвращения школьных зданий продолжалась в течение всей войны и в послевоенное время. В феврале 1946 г. заведующая томским горно Т. Зайцева писала в облздрав: «В 1941 г. в Томске было изъято 19 школьных зданий для нужд военных госпиталей, военных училищ и заводов. В 1942 г. было возвращено 8 зданий и затем ежегодно возвращение зданий продолжалось, но до сих пор не окончено. Не возвращено еще 4 здания: семилетняя школа № 24 по Белозерскому пер. № 18, занятая фармзаводом; начальная школа № 28 по Коммунистическому пр. № 15, занятая областными организациями; средняя школа № 43 по ул. Герцена № 74, школа взрослых № 1 по ул. Черепишной № 27 занята ремесленным училищем. О возвращении здания школы № 24 уже несколько месяцев назад состоялось решение горисполкома, но фармзавод его не выполняет. А это здание самое нужное, т.к. без него трудно осуществлять всеобуч» [9. Л. 44].

Передача школьных зданий для нужд обеспечения фронта была существенным вкладом городской системы общего образования. Однако изменение режимных условий функционирования тыловых школ (неприспособленность помещений (например, клуб ТЭЦ, контора городского молочного завода, тарная база государственной мельницы), уменьшение площадей, недостаток школьной мебели, проблемы с топливом) оказывало негативное влияние на организацию учебно-воспитательного процесса в школах, в том числе на увеличение школьных смен (до 3–4: занятия 1-й смены начинались в 8 утра, третья смена заканчивала работу в 7–8 вечера, четвертая смена училась до 11 часов вечера), возникали проблемы с частым отсутствием электрического освещения, удаленностью расположения школ.

У школ не было транспорта, и одна из острых проблем военного времени – обеспечение школ топливом. Зачастую завезенного топлива не хватало, так что дети вынуждены были заниматься, сидя в верхней одежде. В марте 1942 г. в Вокзальном районе г. Томска был утвержден план дополнительных кредитов на топливо по школам на I кв. 1942 г.: 550 т угля и 1 239 куб. м дров [8. Л. 71]. Если в заготовке дров активно участвовали работники школы и учащиеся старших классов, то вывозка топлива для школ, лечебных и детских учреждений проводилась централизованно. Сохранился архивный документ Чрезвычайной пятачки по топливу бюро Вокзального райкома ВКП(б) и райисполкома от 7 сентября 1942 г., описывающий конкретную ситуацию: «в порядке особо чрезвычайного мероприятия 8 сентября к 9 часам утра выслать к райисполкому сроком на 5 дней транспорт для вывозки топлива: лесокombинат – 10 лошадей, мельница – 5, махорочная фабрика – 3, Союзутиль – 3, ТЭК – 14, окпротребсоюз – 4, “Грузовик” – 10,

спичфабрика “Сибирь” – 5, военстрой – 10, птицекомбинат – 2, фанерно-карандашный комбинат – 4, мясокombинат – 2, мясотрест – 2, ЦИТМ – 1 машину, завод № 625 – 2 лошади, трудколония № 1 – 1 машину, “Сибкабель” – 1 машину, “Шарикоподшипник” – 2 машины. Предупредить руководителей, что непредоставление транспорта будет рассматриваться как срыв важнейшего государственного мероприятия и они будут привлечены к строгой партийной и судебной ответственности» [8. Л. 35]. Не оставались без внимания и учителя. В плане мероприятий по проведению «Месячника помощи школе» с 15 июня по 15 июля 1944 г. было зафиксировано: «выделить для всех учителей топлива из расчета полтонны угля и 2 куб. м. дров на одного учителя и добиться того, чтобы это топливо было завезено на квартиры учителей» [10. Л. 127].

Работа тыловых школ в условиях военного времени привела к расширению их функционала как социального института за счет появления новых видов деятельности: социально-бытовой, социально-медицинской, а также организации общественно-полезного труда, военно-физической подготовки и помощи фронту. Это объясняется ослаблением родительской опеки (отцы – на фронте, матери – на производстве), введением карточной системы социального обеспечения, ухудшением материально-экономического состояния населения.

Одним из главных видов социально-бытового обеспечения, осуществляемого школой в военное время, была организация питания школьников. Попытка обеспечения в 1941/1942 уч. г. детям горячих завтраков (с супами) в школах и тресте столовых себя не оправдала. В некоторых школах детям выдавали только по 50 гр. хлеба. Такая ситуация потребовала от бюро Томского горкома ВКП(б) принять 2 сентября 1942 г. постановление об организации выпечки хлебобулочных изделий – пирожков с начинкой (капустой, картофелем, творогом) и булочек, которые необходимо было выдавать с обязательным сладким чаем, исключив при этом изготовление супов и других аналогичных им блюд. Все овощи и картофель, убранные с пришкольных участков, требовалось передать тресту столовых исключительно на приготовление школьных завтраков в буфетных группах в помещениях школ № 2 и 7 и в столовой № 14 [11. Л. 55–56]. На время школьных каникул в Вокзальном районе в июне 1942 г. была открыта детская столовая на 600 мест в средней школе № 2 [6. Л. 24].

В годы войны школа взяла на себя одну из самых насущных проблем – обеспечение детей одеждой и обувью. Отсутствие одежды и обуви, особенно у эвакуированных детей, являлось, наряду с болезнями и трудоустройством школьников, одной из причин отсева детей из школ. С 1 сентября до 1 декабря 1941 г. в школах Вокзального района г. Томска оказались неохваченными обучением 323 чел. [12. Л. 356]. В мае 1942 г. исполком Вокзального Совета депутатов трудящихся просил Томский горисполком о выделении 200 комплектов детской обуви и верхней одежды для особо нуждающихся школьников Вокзального района [8. Л. 53]. В индивидуальном порядке в апреле 1945 г. ученику Филимонову как сироте была выделена одежда из фонда американских подарков,

а директора фармзавода обязали оказать материальную помощь семье Рассказовой, выдав ее сыну – ученику школы № 16 – обувь [13. Л. 104]. Наряду с этим на кооперативных началах в артелях и мастерских, на швейно-обувной фабрике был организован пошив обуви (из отходов брезента) и ремонт детской одежды (в первую очередь по справкам из школ) и детской обуви. Ремонт обуви был также организован в школах № 16, 17, 14 и 24 к 15 ноября 1942 г. [8. Л. 21].

Дефицит школьных учебников и школьно-письменных принадлежностей частично закрывался сбором у предприятий, учреждений и населения, а также изготовлением школьных принадлежностей (от школьных сумок из отходов швейной фабрики, ученических ручек и металлических перодержателей, грифельных досок, арифметических ящиков, пеналов, чернил, кисточек, линеек, угольников до транспортиров) на предприятиях местной промышленности.

Школа как социальный институт в годы войны шире разворачивала социально-медицинскую помощь населению, что было связано с чрезвычайными эпидемическими условиями в городе в конце 1941 – начале 1942 г. Так, в протоколе исполкома от 30 января 1942 г. говорилось о необходимости в период борьбы с сыпным тифом усилить санитарный надзор и медицинское обслуживание школ, контроль за работой школьных врачей, обеспечить прием одежды на вешалку только в индивидуальных мешках, провести в школах генеральные уборки [8. Л. 81]. Систематически велась работа с завшивленностью в школах Вокзального района. «Завшивленность по школам резко упала в результате проведения ряда мероприятий, по всем школам имеются индивидуальные мешки для хранения одежды, ежедневно проводится осмотр ребят, систематически проводятся генеральные уборки с настоем табачной пыли и пр. Наряду с этим исполком отмечает, что школами не приняты меры к наведению чистоты во дворах школ, в запущенном состоянии уборные и т.д. Обязать принять меры к полной очистке дворов и уборных, произвести побелку в ближайшее время. В целях обеспечения школьников баней считаем необходимым установить специальный день для мытья ребят. В связи с этим просить горисполком обязать трест бытового обслуживания обеспечить это мероприятие» (протокол от 13 февраля 1942 г.) [8. Л. 76].

К социально-медицинским мероприятиям, осуществляемым школами в военное время, относится организация летнего отдыха школьников. Летом 1944 г. в Вокзальном районе было организовано 5 летних детских площадок для оздоровления детей при школах № 3, 14, 17, 24 и 42. За два сезона отдохнули на площадках 520 детей, из них льготы по 50% оплаты получили 12 чел., бесплатно – 6 чел. [14. Л. 191]. А после открытия в 1944 г. новой 4-комплектной начальной школы для 1-х и 2-х классов для детей калмыков (№ 28) на Черемошниках был привлечен к работе врач по глазным болезням для лечения трахомных больных [14. Л. 171].

Тыловая школа в годы войны стала участницей трудового фронта: школьники работали на оборонных заводах, колхозных полях и пришкольных участках, на субботниках и воскресниках по постройке городских

железнодорожных веток, собирали металлолом, бутылки и лекарственные растения, делали кольца для лыжных палок, собирали теплые вещи для бойцов и посылки на фронт. Так, осенью 1941 г. 2 763 школьника Томска вместе с учителями до октября убрали урожай в районах Новосибирской области [12. Л. 368]. На лето 1942 г. для работы на школьных участках в Вокзальном районе было закреплено 346 учащихся 6–7 классов [8. Л. 56]. Архивные документы свидетельствуют о том, что на 13 декабря 1941 г. школа № 2 собрала 1 750 бутылок, школа № 16 – 1 540 бутылок, школа № 19 – 1 523 бутылки, средняя школа № 43 – 500 бутылок; по Вокзальному району собрано 3 543 шт. теплых вещей и 21 290 руб. на приобретение теплых вещей. Все учителя этого района сдали от 5 до 10 вещей каждый. Особенно большую работу провели учителя средней школы № 3, собравшие 365 вещей и 2 430 руб. Школа № 17 собрала 301 вещь, 2 100 руб.; школа № 16 – 349 вещей, школа № 24 – 385 вещей и т.д. Неполная средняя школа № 20 собрала только 700 бутылок, а неполная средняя школа № 11 – 2 450 бутылок [12. Л. 368].

Учителя Вокзального района проявили замечательную инициативу. Обсуждая доклад Сталина, сделанный им на торжественном заседании в Москве 6 ноября 1941 г., они взяли на себя обязательство по улучшению работы школ и вынесли решение собрать средства на создание фонда для постройки противотанковой эскадрильи «Советский учитель». Эта инициатива была поддержана всеми учителями города, и на 10 декабря 1941 г. для этой цели было собрано 22 558 руб. [12. Л. 369].

Особой заботой тыловой школы были эвакуированные: дети помогали тяжелораненым приспособляться к мирной жизни. Осенью 1941 г. была проведена большая работа по обслуживанию госпиталей детской самостоятельностью, отличились школы № 3, 14, 17, 19, 24, 27, 38, 43 [12. Л. 367]. Штаб пионерской дружины школы № 43 распределил пионеров по госпитальным палатам, в которых они читали книги, писали письма домой, вели переписку с ранеными бойцами, готовили конверты, собирали художественную литературу для бойцов, организовывали художественное обслуживание раненых. Подводя итоги работы школ Вокзального района за первое полугодие 1944/1945 уч. г., районо Вокзального района характеризует работу в подшефных госпиталях (школы № 2, 27), клубах (школы № 42, 21, 27, 19), тимуровских командах как яркое проявление патриотизма [13. Л. 24].

В годы войны широко развернулась шефская помощь школам со стороны промышленных и транспортных предприятий, вузов, эвакуированных военных академий и училищ, лечебных учреждений: они оказывали безвозмездную помощь материально-техническими и людскими ресурсами – в ремонте школ, подвозке топлива, выделяли тягловую силу и инвентарь для работы на пришкольных участках и в пригородных хозяйствах. За каждой школой были закреплены шефы, работу которых отслеживали руководящие советские и партийные органы. Эта шефская сеть носила мобильный характер: например, после реэвакуации шефов шефская помощь восстанавливалась за счет других организаций (таблица).

Шефство над школами Вокзального района г. Томска в 1942 г., 1944 г. [14. Л. 42; 17. Л. 266–267]

№ п/п	Школа	Шефы 1942 г.	Шефы 1944 г.
1	№ 2 СШ	Тульское оружейно-техническое училище, Центральный институт труда и механизации (ЦИТМ, Москва)	Центральный институт труда и механизации (ЦИТМ, Москва), Дрожжевой завод
2	№ 3 СШ	Тульское оружейно-техническое училище, Завод «Республика»	Махорочная фабрика
3	№ 11 НСШ	Военная академия связи им. Буденного	
4	№ 14 СШ	Военная академия связи им. Буденного, Подшипниковый завод	Государственный подшипниковый завод (ГПЗ-5)
5	№ 16 СШ	Тульское оружейно-техническое училище, Госмельница	Госмельница
6	№ 17 СШ	Томское артучилище № 1, Завод № 625	Пристань
7	№ 19 СШ	Военная академия связи им. Буденного, Спичечная фабрика «Сибирь»	Спичечная фабрика «Сибирь»
8	№ 21	Психобольница	
9	№ 24 СШ	Военная академия связи им. Буденного, Завод № 631	
10	№ 27 СШ	Лесоперевалочный комбинат	
11	№ 30 НШ	Тульское оружейно-техническое училище	Фармацевтический завод
12	№ 31		Военстрой
13	№ 42	Колония № 5	
14	№ 43 ж/д	Вагонное депо	
15	№ 44 ж/д	Дорожно-кузнечные мастерские	

Примечание: наличие пустых клеток в таблице свидетельствует об отсутствии данных в архивных источниках.

Следует признать, что в условиях острого материально-технического дефицита военного времени шефская помощь оказалась одним из самых действенных рабочих механизмов поддержания функционирования школ. При этом шефам вменялось в обязанность и организация трудового воспитания школьников. В протоколе бюро Новосибирского обкома ВКП(б) «О недостатках в руководстве работой пионерских организаций и о мерах по устранению этих недостатков» от 2 декабря 1942 г. указывалось: «Для улучшения трудового воспитания пионеров поручить ГК и РК ВКП(б) прикрепить ко всем школам для шефства предприятия и шахты, поставив перед ними задачу создать при школе небольшие производственные мастерские, выделить лучших инженеров и практиков для ведения производственной работы в пионерских отрядах, создания кружков конструкторов и освоения наиболее простых производственных навыков. В селе прикрепить к школам МТС, МТМ и лучшим колхозам, с тем, чтобы трактористы учили школьников работать на технике» [15. Л. 40].

Тыловая школа, решая комплекс специфических задач военного времени, осуществляла и свою главную функцию – образовательно-воспитательную, сталкиваясь при этом с проблемами организации всеобщего обучения (всеобуча). С 1 сентября до 1 декабря 1941 г. из школ г. Томска отсеялось 1 226 учащихся, главным образом по следующим причинам: отсутствие обуви и одежды – 233 чел., по болезни – 119 чел., устройство на работу – 627 чел. [12. Л. 356]. В связи с этим в январе 1942 г. решением Вокзального райисполкома было запрещено директорам предприятий принимать на работу подростков без справки и согласия школы. На 20 июня 1942 г. количество детей, не охваченных

обучением в Вокзальном районе, составляло 199 чел. [8. Л. 47]. Отсев детей из школы заставил руководство школ и педагогические коллективы проводить подворовый учет детей школьного возраста, искать одежду и обувь, особенно для эвакуированных детей, организовывать летние занятия для неуспевающих, убеждать родителей. Вопрос нехватки учительского контингента решался специальным решением «О возвращении на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности» от 24 сентября 1942 г., в котором предлагалось немедленно отчислить с предприятий и учреждений лиц, имеющих педагогическое образование, и направить в распоряжение горно [16. Л. 21].

Наряду с проблемой всеобуча ежедневно проводилась работа по повышению успеваемости школьников. За первую четверть 1941 г. лучшими по успеваемости были признаны школы: средняя № 2 – 78,7%, неполная средняя школа № 17 – 78,3%, начальная школа № 30 – 89,5%.

Но если на общем фоне низкой успеваемости учащихся перечисленные школы можно было назвать относительно лучшими, то имелось много школ, в которых не успевало большое число учащихся: средняя школа № 3 – 62%, средняя школа № 43 – 64,8%, неполная средняя школа № 14 – 65%, средняя школа № 7 – 67%, неполная средняя школа № 20 – 69% [12. Л. 361]. Работа по выполнению закона о всеобуче и качестве обучения являлась основной на протяжении всего военного времени. По итогам работы за первое полугодие 1944/1945 уч. г. закон о всеобуче школами Вокзального района (кроме школ № 42, 30, 3, 36) не был выполнен, не обучалось 80 детей, из них 38 детей фронтовиков.

Недостаточно использовалась помощь родительского и общественного активы. Успеваемость продолжала оставаться низкой: из 4 945 учащихся в конце полугодия не успевали 1 191 чел. По русскому языку особенно: по 1–4-м классам из 685 учащихся не успевал 571 ученик, в том числе по 4-м классам из 186 – не успевали 139 детей, по 5–7-м классам из 483 чел. не успевали 250 чел. [13. Л. 24]. Далее в архивном документе был констатирован низкий уровень грамотности из-за неизжитого формализма в преподавании русского языка и отсутствия систематической работы по повышению культуры устной и письменной речи. Видимо, причины неуспевания большого количества школьников в большей степени крылись в ослабленном здоровье детей из-за уменьшения калорийности питания и трудоемкости школьной и внешкольной деятельности.

При этом встречаются положительные примеры организации школьного процесса: хорошо была поставлена работа по внеклассному чтению в неполной средней школе № 21, которая работала в своем здании. В школе были развешены списки литературы для чтения, а книги все учащиеся брали в библиотеке; во внеурочное время проводились читки боевых эпизодов, сводки информбюро и на основании прочитанного составлялись монтажи. К сожалению, хорошие образцы работы по внеклассному чтению являлись почти исключением. Многие учителя не проводили этой работы, некоторые школы в связи с переездом до декабря 1941 г. не выдавали книг из школьных библиотек.

Специфической чертой тыловой школы была подготовка к противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО) – она включалась в программу допризывной военной подготовки Наркомпроса. Работа по ПВХО с начала 1941 уч. г. проводилась во всех школах как с учителями, так и со старшими учащимися в кружках и на уроках военного дела, а с младшими школьниками – в порядке работы классного руководителя по программе «Готов к ПВХО». С 1 декабря 1941 г. для военных занятий учеников, подлежащих всеобучу, было отведено помещение неполной средней школы № 20, куда один раз в неделю (на 5-часовой курс) собирались учащиеся каждой школы. Подготовка к ПВХО осенью 1941 г. описана в архивных данных об организации в средней школе № 3 учительницей-инструктором Черных сдачи норм ПВХО всеми учителями (всего 27) этой школы; в средней школе № 7 сдавали нормы ПВХО все, кто состоял в педагогическом коллективе, и 653 школьника [12. Л. 358].

Радостным диссонансом среди архивных документов военного времени выделяются строки о проведении в 1942 г. зимних каникул с организацией в городском саду лыжных прогулок и катания на салазках для младших школьников, елок в городском театре и выдачей новогодних подарков (с хлебобулочными изделиями, пряниками и конфетами) [17. Л. 257]. На организацию зимних каникул 1943 г. было запланировано израсходовать 8 тыс. руб.: на установку елок в театре, во всех детских столовых, на Белом озере, стадионе

«Динамо» и по возможности организовать выдачу подарков детям, в первую очередь детям фронтовиков [18. Л. 100–101].

11 июня 1944 г. ровно в 12 часов начинается городской школьный праздник – с парада школьников на площади Революции, затем в 14 часов на стадионе «Динамо» проходят военно-спортивные соревнования школьников и лучших команд г. Томска, с 16 до 19 часов в городском саду игры, танцы, концерт и другие мероприятия для школьников 3, 4, 5 и 6-х классов, а с 20 часов в городском саду началось гулянье для школьников старших классов [10. Л. 91]. Необходимость проведения таких мероприятий для детей во время войны диктовалась насущной потребностью сохранения традиций проведения детских праздников и создания радостных впечатлений о каникулах, которые бы надолго запомнились детям, в детстве которых было больше горестей и слез, чем веселых праздников.

Таким образом, проведенное архивное исследование, посвященное анализу функционирования тыловой школы (на примере школ Вокзального района г. Томска), позволяет сделать следующие выводы: во-первых, в годы Великой Отечественной войны изменились условия существования школ, связанные с передачей зданий школ эвакуированным предприятиям, военным учебным заведениям и госпиталям. В восьми школах Вокзального района, перемещенных в другие здания, был заново организован учебный процесс с учетом трудностей военного времени.

Во-вторых, выявлена специфика тыловой школы как социального института за счет расширения социальных функций: социально-бытовых (школьное питание, обеспечение одеждой и обувью, школьно-письменными принадлежностями); социально-медицинских (обеспечение санитарного надзора, медицинского обслуживания, профилактика противоземических мер, организация летнего оздоровления, специального медицинского обслуживания в школах); функции трудового воспитания (организация общественно-полезного труда в тылу, в том числе в госпиталях); функции патриотического воспитания (военно-физическая подготовка вместе с подготовкой к противовоздушной и противохимической обороне, организация непосредственной помощи фронту (сбор металлолома, бутылок, изготовление лыжных колец, отправка посылок и писем на фронт, сбор средств на боевую технику)).

В-третьих, тыловая школа в годы войны выполняла свою главную функцию – образовательно-воспитательную посредством обеспечения всеобуча и улучшения успеваемости учащихся. Следовательно, школа как тыловой объект являлась непосредственным участником трудового фронта, специфический потенциал которого был направлен на обеспечение государственной заботы о молодом поколении страны. Приведенные достоверные факты из истории томских школ являются основанием для дальнейшего изучения школьниками истории родной школы

Список источников

1. Глок Л.Э., Андрейко О.Г. Образование вчера и сегодня // Земля Томская. Томск, 1998. С. 89–98.
2. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.
3. Шевляков А.С., Горбунова О.А. Школы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/82/16
4. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАТО. Ф. Р-1393. Оп. 2. Д. 2.
6. ГАТО. Ф. Р-1393. Оп. 2. Д. 1.
7. ГАТО. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 24.
8. ГАТО. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 23.
9. ГАТО. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 7.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 322.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 94.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 25.
13. ГАТО. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 50.
14. ГАТО. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 31.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 97.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 205.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 95.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 208.

References

1. Glok, L.E. & Andreiko, O.G. (1998) *Obrazovanie vchera i segodnya* [Education yesterday and today]. In: *Zemlya Tomskaya* [Tomsk Land]. Tomsk. pp. 89–98.
2. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dnei* [Tomsk. The history of the city from its foundation to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Shevlyakov, A.S. & Gorbunova, O.A. (2023) Tomsk schools in the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 137–141. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/82/16
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 1. File 15.
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 2. File 2.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 2. File 1.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 1. File 24.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 1. File 23.
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1005. List 1. File 7.
10. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 322.
11. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 94.
12. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 25.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 1. File 50.
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1393. List 1. File 31.
15. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 97.
16. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 205.
17. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 95.
18. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (CDNI TO). Fund 80. List 3. File 208.

Информация об авторе:

Галкина Т.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: galkina@tspu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Galkina, Cand. Sci. (History), associate professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galkina@tspu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 27.08.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 930, 303.4.02
doi: 10.17223/15617793/512/13

Национальный характер в начале XXI в.: эволюция методологических поисков в западной и постсоветской науке

Станислав Витальевич Мажинский¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия,
mzhnsky@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция методологических поисков в изучении национального характера, характерная для западных и постсоветских исследователей. Западные подходы в основном сконцентрированы на количественных исследованиях, которые обусловлены психологическим детерминизмом. В постсоветской науке происходило несколько параллельных процессов: интеграция западных методов и дискуссии о методах исследования национального характера, их месте в исследованиях на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: национальный характер, методология, история, концепция, историография

Для цитирования: Мажинский С.В. Национальный характер в начале XXI в.: эволюция методологических поисков в западной и постсоветской науке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 115–126. doi: 10.17223/15617793/512/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/13

National character at the beginning of the 21st century: Evolution of methodological searches in Western and post-Soviet science

Stanislav V. Mazhinskiy¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation,
mzhnsky@yandex.ru

Abstract. The article examines the evolution of methodological searches for national character in Western and post-Soviet science. At the beginning of the 21st century, the scientific community returned to the problem of national character as a concept by means of which it is possible to explain the cultural specificity of a nation. The aim of this article is to examine the features of methodological searches among scientists in Western countries and the post-Soviet space. At the beginning of the century, Western science had a huge methodological reserve. The main component of this reserve was the methods of cross-cultural psychology for working with personal characteristics, in particular, the use of popular test systems such as the FFM (five-factor model) and NEO-PI-R (extended personality questionnaire). This allowed Western science to use large empirical data in understanding cultural characteristics, behavioral models and worldview features. The main methodological focus of Western scientists was stereotypes, on the basis of which extensive comparative studies began to be conducted. However, the definition of a stereotype as a cultural characteristic has no consensus among Western scientists due to the ambiguity of its formation, which has led to contradictory results in many studies. Another characteristic of Western science has become the concept of national identity. This approach is developed mainly by the British school. In post-Soviet science, the study of national character occurred in two directions: the advancement of Soviet developments in terms of concepts of mentality and the theory of ethnos, on the one hand, and the integration of Western methodological developments, on the other. The first direction led to a broad discussion among philosophers, historians, linguists, and ethnologists about the place of concepts of national character and mentality in the study of national characteristics. Several new methods for studying national character appeared, in particular, Gachev's ideological approach, Kustova's system-complex approach, Melnikova's language approach. However, they remained mainly within the framework of theoretical premises. The second direction tested Western methodological approaches in the field of post-Soviet science. In particular, the use of Western test systems and questionnaires was proposed, and methods for studying personality and stereotypes were adapted. But despite the large amount of research and the development of research methods, questions related to the structure of national character and its formation remained unanswered.

Key words: national character, methodology, history, concept, historiography

For citation: Mazhinskiy, S.V. (2025) National character at the beginning of the 21st century: Evolution of methodological searches in Western and post-Soviet science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 115–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/13

В начале 2000-х гг. возрос интерес к национальному характеру, выразившийся в линейном росте статей, связанных с концепцией [1. Р. 1]. Очевидно, что, несмотря на критику национального характера, вплоть до отрицания концепции, в начале века для описания национальных особенностей вновь потребовался концептуальный подход. Также национальный характер стал использоваться в работах западных ученых по изучению кросс-культурных особенностей, например в работе Р.М. Томаса по этнической психологии в 2001 г. [2. Р. 201–203]. Особенностью в изучении национального характера в XXI в. стало то, что учеными из разных стран была использована возможность проведения масштабных исследований национального характера и личностных характеристик с использованием технологий кросс-культурной и личностной психологий.

Западные методы и подходы

Главная проблема, которая была обозначена в начале XXI в. в западной науке, касается национального характера и его связи с усредненными личностными качествами [3. Р. 2–3]. К началу века были собраны обширные данные о личностных характеристиках посредством кросс-культурных исследований, проведенных с начала 1970-х по конец 1990-х гг. То есть начался поиск моделей, в рамках которых можно уравнивать национальный характер и собранные эмпирические данные личностных характеристик. С этого момента стал вновь появляться интерес к изучению взаимодействий культуры и личности посредством больших эмпирических данных. Одну из первых моделей предложили Герт Хофстеде и Роберт МакКрей в 2004 г. Они предположили, что с помощью эмпирических данных, которые описывают измерения культуры и личности, возможно проследить связь между личностью и культурой в процессе взаимодействия [4. Р. 55–56].

Однако, несмотря на рост в начале XXI в. исследовательских статей, касающихся проблематики концепции национального характера, британский социолог Энтони Д. Смит в 2001 г. пришел к выводу, что концепция национальной идентичности заменила концепции национального характера, а затем и национального сознания, и стала главенствующей. Хотя ученый признавал, что термин «национальная идентичность» не поддается простому определению, а также по данному термину отсутствует консенсус у ученого сообщества [5. Р. 18]. Очевидно, такая точка зрения была предложена, чтобы привести концепции национального характера и национального сознания к одному общему пониманию, так как термин «национальная идентичность» связан с национальными чувствами и используется при описании двух упомянутых концепций. Эту точку зрения Смит развивал и в своих поздних работах [6. Р. 15; 7. Р. 122–125].

В середине 2000-х гг. было признано, что в период психологического детерминизма, когда культура в рамках исследования личности была отодвинута на

второй план, в рамках национального характера произошла маргинализация такого явления, как социокультурный конфликт, и отдельных социальных институтов. Также было обозначено, что и в период психологического детерминизма, и в период школы «Культура и личность» мало внимания уделялось отношениям между индивидуальными и групповыми процессами, структурным и историческим перспективам. Более того, главный фокус с 1970-х по 2000-е гг. в антропологии был сделан на когнитивный и лингвистический аспекты личности [8. Р. 458].

В то же время была сделана попытка эмпирически оценить национальный характер в рамках исследования, проводившегося в 49 странах мира. В исследование были включены такие модели опроса, как NEO PI-R (пересмотренный личностный опросник NEO) и FFM (пятифакторная модель). В рамках FFM и NEO PI-R рассматривались следующие аспекты личности: невротизм, экстраверсия, открытость, приятность в общении, добросовестность. Также был предложен опросник, который измерял национальный характер (NCS). Итогом исследования стал вывод о том, что национальный характер является социальной конструкцией с различными функциями. Более того, в заключении основные выводы сделаны по национальным стереотипам, а не по национальному характеру [9. Р. 96].

Однако после столь масштабного исследования делались попытки обозначить важность стереотипов в изучении национального характера. Невозможность получения четких эмпирических данных в рамках изучения национального характера сменилась возможностью измерить национальные стереотипы. Хотя сами методы измерения были проработаны не совсем глубоко и вызывали у научного сообщества много вопросов по точности результатов [10. Р. 158–160]. То есть при изучении национального характера основной фокус в данном международном исследовании был сделан на изучение особенностей национальных стереотипов, которые отождествлялись с национальным характером. Позже на эту особенность указали кросс-культурные психологи Юри Аллик и Ану Реало [11. Р. 195]. Это в очередной продемонстрировало, что полностью перевести концепцию в эмпирическую плоскость не удалось.

Также британскими учеными Д. Нигбуром и М. Синниреллой была предпринята попытка отождествления концепции национального характера с национальной идентификацией. Они, используя национальную идентификацию, попытались через различные контексты сравнения (межгрупповые, временные и т.д.) описать общие черты национального характера. Ими было доказано, что национальная идентификация играет важную роль в понимании национального характера [12. Р. 688]. Стоит заметить, что данная попытка исследования была сделана на стыке двух концепций: национального характера и национального сознания. Национальная идентификация основывается преимущественно на национальных чувствах индивида. А национальные чувства, в свою очередь, составляют основу изучения национального сознания.

Группой ученых из Европы и Америки сделана попытка понять стереотипы национального характера, исходя из влияния на них климатических особенностей. Их исследования были построены на рассмотрении особенностей стереотипов Севера и Юга, ассоциации богатства с климатическими условиями в 49 странах, а также на исследованиях национальных ценностей и верований. Учеными была найдена поддержка гипотезы о том, что климатическая теплота и национальное процветание приводят к проявлению межличностной теплоты и страсти и деловой компетентности соответственно [13]. Данное исследование показало, что климатический подход Монтескье актуален в исследовании стереотипов национального характера в XXI в.

Концепция национального характера, несмотря на возросшее внимание со стороны западного научного сообщества, обрела определенную специфику. Например, психолог Роберт Дж. Смит заметил, что национальный характер стал «жертвой» технологий. Очевидно, что здесь подразумеваются технологии исследования, принятые в кросс-культурной психологии. Смит отметил, что в XXI в. концепция национального характера развивалась в рамках парадигмы факторно-корреляционных исследований. Несмотря на то, что такое развитие дает большое количество данных о личностях различных культур, в рамках данной парадигмы существуют ограничивающие факторы, к примеру невозможность оценки культурных ценностных установок. Еще одна особенность, которую заметил Смит, стала тенденция перехода национального характера в международный. В основе этой тенденции лежат рыночный капитализм и глобализация, которые размывают национальные характеры стран, и основным фокусом исследования в этом случае является социальный характер [14. Р. 478–479]. К тому же эмпирические исследования национального характера, проводимые МакКреем, основанные на изучении национальных стереотипов, показали, что есть лишь слабые доказательства того, что стереотипы национального характера в полной мере отражают культурный этос [15. Р. 223–224.].

В 2009 г. вышла обобщающая статья двух эстонских психологов из Университета Тарту Ю. Аллика и А. Реало. Данная работа обозначила основные шесть направлений, реализуемых исследованиями в понимании культурных особенностей и личности. Во-первых, указывались исследования американского психолога Т. Черча, которые обсуждают возможность интеграции черт личности с аспектами культурной психологии. Во-вторых, канадский ученый Стивен Хайне исследовал такое понятие, как саморазвитие, через тесты жителей западных стран и азиатских. Поднимался вопрос о методах оценивания, которые бы вносили более четкие эмпирические данные. В-третьих, американский психолог Роберт МакКрей ввел новую концепцию – этос – в дополнение к более изученным оцениваемым чертам личности и стереотипам национального характера. Этос – это социальные институты, отражающие действие черт личности. В-четвертых, эс-

тонский психолог Ану Реало пыталась решить проблему отсутствия согласования стереотипов национального характера с оцениваемыми чертами личности. Один из возможных ответов состоит в том, что стереотипы национального характера не описывают стереотипы личности нации, а формируются в противовес восприятию доминирующей соседней нации или самооценке личностных качеств людей. В-пятых, американские ученые Мацумото, Ни Ю, Фонтэйн и их коллеги вводят концепцию, называемую дифференциацией контекста, демонстрирующую, как культурные правила отображения эмоциональных выражений связаны с контекстом. Результаты показывают, что культуры были надежно связаны с показателями дифференциацией контекста. В-шестых, швейцарский ученый Клаус Шерер и его коллеги пытались выяснить, как культурные факторы могут способствовать развитию аффективных черт личности или эмоциональных predisposedностей, вызывая или вознаграждая определенные оценочные предубеждения [16. Р. 150–151].

В начале 2010-х гг. было сформировано два подхода в рамках изучения национального характера – широкий и узкий. Широкий взгляд подразумевал использование большого спектра характеристик, включая интеллект, внешний вид, пищевые предпочтения и спортивные способности, узкий – в своей основе сконцентрирован на качествах личности, в рамках которого используются всеобъемлющая модель личностных черт и пятифакторная модель (FFM) [17. Р. 832]. С одной стороны два подхода направлены на получение эмпирических данных, что создает иллюзию исчерпаемости национального характера, с другой – очевидна тенденция на уравнивание национальных стереотипов с национальным характером.

За десять лет поисков методов исследования национального характера в западной науке было сформировано два больших направления: британское и американское. В рамках британского направления основной фокус был направлен на национальную идентичность, которая должна дать ответы на вопросы формирования и структуры национального характера. Американское направление было сконцентрировано на продолжении и развитии традиций психологического детерминизма. В частности, огромное внимание было уделено национальным стереотипам и личностным характеристикам как исследовательским фокусам.

В 2013 г. кросс-культурными психологами Дэвидом Матсумотой и Линдой Цзюан было представлено видение концепции национального характера, которое, по их наблюдениям за исследованиями, относилось к восприятию средней личности людей разных культур. Представления о национальном характере являлись, по сути, стереотипами об обычных личностях людей разных культур. Но представления о национальном характере, по мнению Матсумоты и Цзюан, оказались неполными и в большей степени необоснованными [18. Р. 273–274].

Развитие и апробация подходов кросс-культурной психологии привели к тому, что использование пятифакторной модели (FFM) по изучению личностных ха-

рактических было признано универсальным среди психологов. Универсальность заключалась в том, что с помощью данной модели можно оценить личностные характеристики любого общества. Практически это означало, что культурные психологи во всем мире могли опираться на установленные открытия в понимании личности в своей культуре и вносить вклад в общую совокупность знаний, используемых во всем мире. Теоретически это предполагало, что черты личности являются глубокой частью человеческой натуры, структурируя не только самооценку и восприятие других, но и групповые стереотипы. Все культуры должны учитывать индивидуальные различия в личностных чертах FFM, и, возможно, сама культура частично формируется по образцу пятифакторной модели. Благодаря этому личность и культура снова стали центральным направлением социальных наук в начале XXI в. [19. Р. 64]. Хотя в то же время было высказано предположение, что пятифакторная модель не способна показать особенности личности во всех культурах [11. Р. 195].

Западными учеными стали подниматься вопросы отношений национального характера и интернационализации культуры, которая была вызвана процессами глобализации. В частности, профессор антропологии Гарвардского университета Клаудия Стресс высказала мнение, что, с одной стороны, в XXI в. началась критика так называемых механистических теорий отношения личности и культуры, т.е. когда психология, в которой культура, особенно в форме практики воспитания детей, определяет личность, а затем личность воспроизводит культуру. С другой – интернационализация культуры игнорировала способность людей взаимодействовать с другими людьми и объектами или адаптироваться к определенным контекстам. Ответом на эти первую точку зрения, по мнению Стресс, должны быть более совершенные модели культуры в людях, а не отказ от всей идеи культуры в людях. Более того, она указала основную проблематику исследований психологической антропологии прошлого века, которая заключалась в игнорировании внутрикультурной вариации, которая позволяла формировать новые культурные модели в людях [20. Р. 113–114].

Концепция национального характера в начале XXI в. осталась востребованной, даже несмотря на критику и отождествление ее в социологии с национальными стереотипами. Ирландские ученые Лойал и Куилли определили его как иносказательное слово в популярной науке, к которому происходит постоянная апелляция. Как отмечают ученые, в начале века национальный характер стал сопоставляться с концепцией национального габитуса, которая используется социологами и которая была введена французским социологом и этнологом Пьером Бурдьё. Габитус понимается как часть жизни общества, включающая в себя модели поведения, ориентации, когнитивные категории, определенные психологические ограничения и культурные табу, которые в некотором смысле схожи с соматической «мышечной памятью», – автоматичны и неосознаваемы [21. Р. 226–231]. Такой же точки зрения ра-

нее придерживался другой ирландский социолог Стивен Меннелл. По его мнению, национальный характер является «рискованной концепцией» для объяснения устройства национальной жизни и ее особенностей, в отличие от габитуса [22. Р. 239]. Поэтому габитус представляется для ирландских ученых более понятной социологической категорией, с помощью которой можно изучать особенности того или иного сообщества. Таким образом, введение в изучение нации концепции габитуса, с одной стороны, может дополнить концепцию национального характера, с другой – национальный характер и габитус могут отождествляться.

Некоторые авторы все же считают, что изучение национального характера было окончено в 1970-х гг., и на его смену пришла психологическая антропология. Ирландский исследователь К. Шихан предложил одно из направлений, которое будет воплощать синтез психологической антропологии и медицинской антропологии. По его мнению, это позволит более глубоко понять, как представители той или иной нации переживают болезни и страдания, узнать особенности ментального здоровья и отношения к болезням [23. Р. 117–119].

Основная линия дискуссий в западной науке посвящена поиску более точных и достоверных эмпирических данных, которые бы могли дать ответы на проблемные вопросы, связанные со взаимодействием личности и культуры. Более того, в западной науке остается весомое влияние психологического детерминизма на логику исследований.

По развитию концепции национального характера в западной науке можно сделать следующие выводы:

В-первых, несмотря на то, что в конце XX в. подавляющее большинство западных ученых отказались от использования термина «национальный характер», за неимением более полной концепции произошло возвращение и переосмысление национального характера.

Во-вторых, продолжились кросс-культурные исследования концепции. Была сделана попытка уравнять национальный характер с национальным стереотипом и на нем построить эмпирическую доказательную базу. Вследствие этого фокус изучения сместился с личностных черт к национальным стереотипам, хотя изучение личностных характеристик продолжилось отдельными учеными. Однако из-за того, что универсальный подход так и не был сформирован, продолжают поиски методов и подходов для получения адекватных данных о национальных обществах.

В-третьих, в данном периоде сохраняются междисциплинарные подходы к изучению национального характера: к психологическим подходам и методам добавляются социологические.

В западной науке заметно влияние методов кросс-культурной психологии, которое обусловило стремление западных исследователей уравнять национальный характер с исчисляемыми категориями, например с национальным стереотипом. Такой подход должен привести к тому, что национальный характер будет исчисляемым и, соответственно, иметь прикладную основу, а не концептуальную. Именно поиск методов ис-

числяемости может привести к методологическому тупику в изучении концепции. Безусловно, какие-либо отдельные узкие части концепции национального характера можно измерить и закодировать в таблицы, однако применить такой метод ко всей концепции крайне проблематично и практически невозможно. Ведь любая концепция должна отвечать преимущественно на вопрос «как?», а не на вопрос «когда?» и «сколько?». Поэтому поиски исчисляемых категорий и уравнивание концепции с ними можно считать утопическими.

Постсоветский опыт

Прекращение существования советского государства и начало вхождения России в международные культурные, политические и экономические процессы оказало огромное влияние на отечественных ученых. В соответствии с новым политическим и экономическим курсом начали меняться исследовательские подходы в рамках изучения нации, национальных процессов, национальной психологии и культуры.

В 1992 г. была издана работа украинского исследователя П.И. Гнатенко «Национальный характер». Данная монография основывалась на предыдущей работе автора, изданной в 1984 г., «Национальный характер: мифы и реальность». Гнатенко попытался данной монографией подвести итоги процесса развития национального характера в период СССР, а также рассмотреть подходы украинских авторов к проблеме национального характера. С точки зрения Гнатенко, национальная психология состоит из трех компонентов: национальный характер, национальные чувства и национальное самосознание. По его мнению, основной проблемой в разработке национального характера являлось отождествление понятий национального характера и национального темперамента. Это привело к упрощению и схематизации национального характера. Еще одной немаловажной проблемой оставался не разработанный вопрос о структуре национального характера и его составных элементах [24. С. 65–69].

Доктор психологических наук И.Г. Дубов в 1993 г. продолжил разработку теории ментальности или менталитета, начатую в конце 1980-х А.Я. Гуревичем. Дубов указывал на то, что менталитет пересекается с национальным характером, и предложил разграничить эти два понятия. В частности, он указал на то, что менталитет выражается в когнитивной сфере, прежде всего знаниями конкретной общности об окружающем мире, о своем историческом, культурном и цивилизационном опыте. Основным исследовательским фокусом при изучении менталитета являются элементы языка, мотивации, стереотипы, типовое поведение индивида [25. С. 21–24].

В середине 1990-х гг. философом и культурологом Г.Д. Гачевым была написана книга «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос». Самым сложным в исследовании народов для Гачева было понимание логики мышления другого народа, национальный разум, национальный Логос. Метод, к которому обращался Гачев, сводился к тому, что у каждого народа есть так

называемое силовое поле, некий априоризм. Эти понятия вытекают из бытия народа, включая окружающую среду, быт, язык, историю, этнос и психику. И для описания перечисленных характеристик Гачев предложил понятие Космо-Психо-Логос, в котором объединены тело (окружающая среда, природа), душа (национальный характер) и дух (язык и логика). В качестве метода исследования комплексного понятия он предлагал сравнительный метод национальных образов мира через художественно-бытовое описание [26. С. 20–31].

В постсоветское время среди некоторых исследователей продолжилось обсуждение вопросов развития теории этноса. Философы В.Г. Бабакова и В.М. Семенова рассматривали советский и российский опыт в измерении характеристик нации. Авторы пришли к выводу, что обсуждаемая в советский период совокупность психологических явлений, выраженных в понятиях «психический склад нации», «национальный характер», «национальные особенности», «национальная психология», не получила однозначного определения. Концепции национальной психологии, которые обсуждались советскими учеными и учеными постсоветской России, философы разделяли на два типа. Первый тип составляли концепции, построенные на личностной характеристике, типичной для конкретного этноса. Второй тип – концепции, изучающие распространенные культурные характеристики в рамках нации или этноса. Из-за отсутствия однозначности определений и понимании перечисленных понятий Бабаков и Семенов сфокусировались на понятии «национальное сознание». По их мнению, данное понятие включает и раскрывает психологические особенности нации, этноса и народа с учетом их развития. Философы отмечали, что национальному сознанию присущи проблемные вопросы, касающиеся неуловимости национального сознания, сложность объекта исследования, отсутствие методики исследования [27. С. 15–17].

В 1998 вышла дополненная работа Г.Д. Гачева по Космо-Психо-Логосу в виде лекций. В данной работе он высказал мнение, что при понимании нации можно не обращать внимание на национальный характер и психологию, а сосредоточить внимание на национальных воззрениях и национальную логику [28. С. 14–15]. Но в двух работах Гачева не ясно где проходит черта между истинно культурными картинами мира и политическими или стереотипными представлениями, которые сформировали ложное понимание.

Переосмысление проблемы национального характера в было представлено в работе психолога И.С. Кона в 1999 г. Как заметил Кон, проблема национального характера относится к двум областям – истории и психологии и в советское время рассматривалась в рамках проблемы общностей. Кон отвергал индивидуально-психологический подход, так как он не способен описать национальный характер или иные национальные феномены. Важное замечание, которое вносит Кон, заключалось в относительности этнических характеристик. А все этнопсихологические исследования, по мнению автора, могут быть либо социокультурно-психологическими, либо психологическими. И как раз психо-

логическая методология, применительно к исследованиям, требует большей разработанности [29. С. 321–323]. Данные заключения по разработанности национального характера на конец 1990-х гг. лишь подытожили советский и ранний постсоветский опыт, а также направления разработанности темы.

Решить проблему национального характера также пробовали и украинские ученые. В частности, работа философа Р.А. Додонова «Теория ментальности» поставила вопрос о месте ментальности. Основная мысль Додонова состояла в том, что ментальность уравнивали с такими понятиями, как «национальный характер», «национальный дух». Но ментальность, по мнению автора, растворяется в массовом сознании и национальном характере, хотя и занимает в нем стержневое положение. А сама ментальность, как и архетипы, нерегистрируемая категория и может проявляться только через национальный характер [30. С. 117]. В этом случае Додонов предлагает рассматривать национальный менталитет как один из элементов структуры национального характера верхнего порядка. Тут также стоит обратить внимание на то, что менталитет и ментальность – это разные переводы на русский одного понятия, которое означает ум, сознание. К тому же среди отечественных социологов и этнологов в конце 1990-х гг. считалось, что исследования национального характера уступили место исследованиям национальных черт и ментальности.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. в России возрос интерес к проблеме национального характера. С одной стороны, появился запрос на изучение социальных, психологических, национальных процессов не только в России, но и за ее пределами в связи с новыми политическими и социальными условиями. С другой – повышение интереса к концепции национального характера происходило и среди западных ученых. Также в 1990-е гг. зарождается дискуссия о месте концепций менталитета и национального характера в структуре и их взаимодействии в рамках национальных особенностей.

Тема национального характера в 2000-х гг. стала отражаться в трудах филологов, философов, психологов, социологов, политологов и этнологов. Особенно рассмотрение тем национальной психологии и этнической психологии отразилось в учебных пособиях и учебниках для высших учебных заведений. Вышли работы, в которых перерабатывался советский опыт изучения проблем национального характера и рассматривались достижения западных ученых. К этим работам можно отнести труды Н.М. Лебедевой, М.О. Мнацаканяна, Ю.П. Платонова, Л.С. Кустовой, В.В. Кочеткова, Т.Г. Стефаненко, А.Е. Тараса, В.Г. Крысько, О.В. Галустовой, С.В. Лурье, А.А. Белика.

В начале 2000-х гг. ставились вопросы о выборе методов исследования менталитета и национального характера. В частности, выносилось три блока вопросов – соотношение национального характера и менталитета, соотношение социального и биологического в рамках национального характера и изменчивость национального характера. Но менталитету придавали более широкое содержание, чем национальному характеру.

Также были указаны сложности отечественных исследователей в 1990-е гг. и начале 2000-х гг., заключавшиеся в большом количестве западных методов исследования, которые появились после распада СССР. Требовалось значительное время на интеграцию западного опыта в российское научное поле. К тому же исследователи столкнулись с дефицитом научной базы и фактов и данных по проблеме изучения национального характера [31. С. 46, 53]. Также стали появляться отечественные взгляды на методы исследования национального характера, особенности его структуры и формирования.

В работе публициста и журналиста Д.В. Ольшанского «Психология масс» при описании концепта «русской души» были предложены три набора факторов, которые формируют национальный характер. К первой группе относятся геоклиматические факторы, вторая группа состоит из исторических факторов, третья – особенности социального устройства [32. С. 137]. Сочетание всех перечисленных факторов образует специфические культурные черты и психологические особенности наций и этносов.

В 2003 г. вышла работа филолога Л.С. Кустовой «Тайна национального характера». В данной работе Кустова предложила новый метод изучения национального характера – системно-комплексный подход. Данный подход представляет собой синтез подходов В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, М.М. Бахтина, Л.Н. Гумилева, А.И. Герцена, П.Н. Сакулина и Н.С. Трубецкого. Особое внимание уделено подходам Сакулина и Трубецкого, так как именно они являются стержневыми в предложенном подходе. Философский метод Н.С. Трубецкого заключался в изучении народов и национальных характеров с позиции единства духовной и материальной культуры в контексте исторического развития. Во втором подходе представлен вертикально-горизонтальный инструментарий, который заложен в «пирамиду Сакулина», которая используется в изучении литературного процесса с позиции культурологии. Вертикаль и горизонталь представлены категориями времени и пространства, позволяющими выявить обстоятельства, при которых возникли те или иные элементы национального характера. С помощью пирамиды Сакулина можно проследить возникновение самобытности народа и черт национального характера. Что касается применения пирамиды Сакулина в изучении национального характера, то Кустова предлагает использовать три пирамиды, вписанные друг в друга, имеющие общее основание – мир, народ и личность. В данной работе Кустова применила пирамиду Сакулина в отношении основ национального характера Великобритании. Но с ее помощью она выделила веховые исторические события на примере британской истории, которые повлияли на социальные процессы и культурную динамику [33. С. 9–11, 60–61, 92–126].

В том же году вышла работа философа А.А. Мельниковой, посвященная роли языка в национальном характере. Мельникова, обсуждая проблемы исследования национальной психологии и культуры, придерживалась взглядов Г. Гачева при рассмотрении национальных картин мира. Рамки картины мира, по мнению

автора, закладываются структурой языка и словарным запасом. Ими же закладываются основные характеристики того или иного народа. Мельникова пришла к выводу, что посредством языка кодируются национальные культурные установки [34. С. 24, 311].

Национальный характер стал рассматриваться в рамках философских исследований. Исследователем И.В. Храмовым была сделана попытка изучения национального характера и его ментальных оснований. Философ указывал на две формы проявления национального характера – субъективированную и объективированную. К субъективированной форме он относил национальное сознание, к объективированной – ментальность, социальное поведение и отличие одной национальной группы от другой. Храмов считал национальный характер специфическим социальным образованием, в котором воплощена совокупность идей, интересов, ценностей, чувств, языковой специфики, психического склада, религии, морали и т.д. К функциональным качествам национального характера философ относил структурирующую роль, т.е. воспроизведение и поддержку ценностей и норм. При этом национальный характер объединяет в себе как устойчивые черты, так и изменчивые.

Храмов также обозначал, что фактором формирования национального характера является историческая память. Именно в исторической памяти заложены события прошлого, поведение, отношение к уже минувшим событиям и явлениям. К тому же историческая память способствует формированию концентрации событий, потребностей, интересов, процессов, сказывающихся на становлении национального характера [35].

Проблематика национального характера и национального менталитета рассматривалась и белорусскими философами А.П. Мельниковым. Философ, исследуя понимание двух понятий среди западных, российских и белорусских ученых, пришел к выводу, что рассматриваемые понятия синонимичны, хотя общепринятых трактовок и подходов не существует. Изучив подходы к определению национального характера, Мельников отметил, что его содержание трактуется исследователями с позиции природных либо социальных факторов [36. С. 147–149].

Соотношение национального характера и ментальности исследовала В.Б. Тихонова. По ее мнению, два эти понятия различны по своей сути, к тому же понятие ментальности шире, чем понятие национального характера. Однако она признавала, что данные понятия имеют общее основание, которое ведет к коллективному бессознательному. Тихонова придерживалась мнения, что ментальность увязывается с коллективной психологией, а национальный характер – с архитипической природой народа [37. С. 26–27]. С позицией В.Б. Тихоновой в том, что ментальность шире, чем национальный характер, соглашалась филолог Е.В. Мишенькина [38. С. 90].

Отечественный философ Ж.В. Четвертакова обозначила исследовательскую проблему связи национального характера и языка, а также методологических подходов к проблеме изучения национального характера. Исследователь указывала на плотную связь языка

и национального характера. Через язык выражается уникальная и неповторимая картина мира конкурентной общности посредством пословиц, поговорок, идиом, выражений. Именно эти языковые проявления формируют групповую идентичность и солидарность [39. С. 155–156].

Четвертакова сделала обзор на методологические проблемы изучения национального характера, представленные как в западной литературе, так и в отечественной. Она выделила два больших подхода в изучении: культуру-центрированный и личностно-центрированный. Эти два подхода реализуются как в России, так и в западных странах [40. С. 10–13].

Исследователями Баженовыми была сделана попытка разобраться в определении концепции национального характера. Они сравнили более десяти определений национального характера и пришли к выводу, что некоторые определения схожи по сути, другие – противоречат друг другу. Это объясняет разные подходы и разный взгляд представителей социальных наук на данную проблему. Они предложили синтез подходов и методов из разных наук. К примеру, ими были использованы метод географического детерминизма, этностереотипы, исторический метод, метод исследования художественной литературы, социологические методы и тестовые системы для определения черт национального характера, картины мира Гачева, подходы Гумилева и др. Все эти методы и подходы были применены в сравнении русского и немецкого народов [41]. Авторы подошли с позиции комплексного исследования. При сравнении двух наций они использовали различные методы, чтобы на примере непохожести выделить национальные черты. Такой подход целостен и требует больших исследовательских усилий, так как необходимо применять методы сразу к обеим нациям, а для этого требуются комплексные знания о двух народах.

Белорусский филолог В.А. Маслова определяла национальный характер как целостное отражение ментальности, стереотипов, поведенческие склонности, реакции и стереотипы. Но, по мнению филолога, национальный характер нации не может быть всесторонне исследован. Маслова указывала на то, что национальный язык является основным фокусом в исследовании национального характера. Также она предлагала обращать внимание на этнические стереотипы и коллективное бессознательное, которое соответствует коллективным представлениям [42. С. 31–62].

Национальный характер привлек исследовательский фокус отечественных философов. Ж.В. Четвертакова сделала попытку описать процесс формирования национального характера и закономерности, которые есть в этом процессе. Взаимодействие с другими культурами является основой для формирования своеобразия, непохожести, где важным фактором служат расово-этнические особенности. Естественно-географические характеристики и результаты взаимодействий общности в конкретных условиях представляют собой необходимые этапы в становлении психологических и культурных особенностей нации или этноса [43. С. 224].

Дополнение концепции национального характера предложила историк Л.П. Репина. Она рассматривала концепцию национального характера в оппозиции к «образу другого», который есть у каждого этноса. Оппозиция «свой-чужой» может в рамках исследуемого этноса складываться на разных уровнях. Основываясь на этом, необходимо сфокусировать исследования на «образе другого» для более глубокого понимания этнических черт и особенностей. К тому же «образ другого» служит инструментом складывания национальных стереотипов, которые тоже находятся в поле исследования ученых [44. С. 11–18].

Исследователь А.Ф. Телякаева рассматривала национальный характер как определяющий фактор ориентации людей по отношению к политике. По ее мнению, национальный характер определяет политическое поведение людей, так как обуславливает глубинные пласты сознания и мировоззренческие основы [45. С. 174].

По мнению психолога А.В. Юревича, менталитет или ментальность являются синонимами в ряду понятий, таких как национальный характер, душа народа, психический склад, национальный дух и др. Юревич придерживался точки зрения, что ментальность является более емким понятием, чем национальный характер, ввиду его точности определения. Рассматривая ментальность, исследователь предложил набор базовых компонентов, образующих ядро понятия. К базовым компонентам Юревич относил: 1) коллективную память; 2) социальные представления; 3) коллективные эмоции, чувства и отношения; 4) нормы, ценности, идеалы; 5) национальный характер и темперамент; 6) язык; 7) ментальные репрезентации культуры; 8) стиль мышления и социального восприятия; 9) поведенческие образцы; 10) национальную идентичность [46. С. 7–8]. Как видно из перечисленных базовых компонентов ментальности, национальный характер является ее частью.

Также среди отечественных ученых поднимались и вопросы поиска истоков национального характера. Отечественный исследователь С.Г. Тер-Минасова ссылалась на то, что составные части национального характера являются противоречивыми. Более того, сам национальный характер и его существование является предметом споров и дискуссий. Чтобы решить данный вопрос, она сконцентрировалась на рассмотрении феномена национальных стереотипов. Итогом ее исследований стало подтверждение существования национального характера посредством проявления следующих характеристик. Во-первых, международные стереотипы, которые закрепляют за страной определенные качества или свойства, являются отражением национального характера. Во-вторых, национальные классические произведения выражают национальные психологические и культурные черты. В-третьих, фольклор, где представлены национальные герои, персонажи и сюжеты, которые передаются из поколения в поколение в виде сказок и легенд и которые несут в себе базовые и психологические черты [47. Р. 22–24].

Отечественный этнопсихолог С.В. Лурье рассматривала национальный характер как совокупность

культурных констант. Культурные константы конкретного этноса или нации, по ее мнению, проявляются в динамике. Отсюда этнос необходимо исследовать в динамике, чтобы понять национальный характер. В частности, Лурье рассматривала проявление национального характера через особенности освоения территорий на примере Англии и России. Важной характеристикой в таком изучении является проследить особенности развития этноса в переломные моменты истории, так как именно там наиболее выражено проявляются культурные константы [48. С. 87–113].

В контексте отношений национального характера и менталитета исследователями Е.А. Колмаковой и Н.В. Соломиной была предложена система распределения понятий относительно друг друга. Исходя из их рассуждений, национальный характер встроен в менталитет. Менталитет, в свою очередь, встроен в структуру национального самосознания, которое встроено в национальное сознание [49. С. 224–225].

Группа отечественных ученых из Донского университета предложила оценку исследований национального характера. Они выделили четыре парадигмы, с позиции которых происходит изучение национального характера: психическую, философско-культурную, этнографическую и социологическую. Перечисленные подходы дополняют друг друга, несмотря на концептуальное различие. Важным аспектом, который, по мнению авторов, будет способствовать формированию целостного представления о национальном характере, является культурная идентичность. То есть интеграция идентичности в исследовательские подходы национального характера позволит решить многие вопросы [50. Р. 1139–1140].

В конце 2010-х гг. Н.Н. Анисимовой было предложено разъяснение связи между национальным характером и менталитетом. Анисимова, как и некоторые отечественные авторы до нее, признавала, что в объяснении менталитета и национального характера существует путаница. Однако она придерживалась идеи единства двух понятий. С ее точки зрения, национальный характер и менталитет – формы проявления национальной психики. В частности, менталитет определяет проявление культурного содержания, а характер обуславливает проявление поведения представителей нации или этноса. Национальный характер и менталитет являются взаимно проницаемыми и смешанными, что вызывает путаницу среди исследователей [51. С. 7–9].

С середины 1990-х гг., как видно из вышеприведенного изложения, интерес к проблеме национального характера в России существенно вырос. Это было связано с тем, что Россия как новое государство становилась активным участником международных и глобализационных процессов. Внешняя политика, направленная на сближение с западными странами, происходила не только в торговле, дипломатии или культуре, но и в науке. Более того, на постсоветском пространстве появляются новые государства, с которыми России необходимо было выстраивать отношения, и знания о национальных чертах в период новых государственных отношений были актуальны.

Основной проблемой в рассматриваемый период стала нехватка исследований и литературы, освещающей проблематику национального характера. Отечественные исследователи начинают постепенно восполнять нехватку научных текстов по проблематике национального характера. Особенно активно работа в данном направлении проводилась в начале 2000-х гг. и ознаменовалась выходом существенного количества учебных пособий и монографий.

Рассматриваемый период в постсоветской науке характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, постсоветский период выделяется дискуссией об отношении национального характера и менталитета или ментальности. Теория менталитета, введенная А.Я. Гуревичем еще в начале 1980-х гг. и исследуемая в конце 1980-х, получила развитие в трудах отечественных авторов. Несмотря на то, что изучение и разработка теории менталитета осуществляется отечественными исследователями более тридцати пяти лет, ученые не пришли к единому выводу. С одной стороны, делались попытки заместить понятие «национальный характер» понятием «менталитет», так как национальный характер в период СССР не был до конца исследован, и концепция национального характера некоторыми учеными признавалась несостоятельной. С другой стороны, «национальный характер» и «менталитет» представляются понятиями одного уровня. Менталитет является основой проявления культуры, а национальный характер – проявлением поведения. Общим фундаментом в таком понимании выступают национальные архетипы. С третьей – национальный характер является составной частью менталитета, так как некоторые исследователи придерживаются позиции, что менталитет как явление гораздо шире, чем национальный характер. С четвертой – менталитет является частью национального характера, так как национальный характер образует основу для проявления менталитета.

Во-вторых, делались попытки введения новых методологических подходов в исследование национального характера. Здесь стоит указать на попытки Г.Д. Гачева (национальные образы мира), Л.С. Кустовой (пирамида Сакулина и философия Трубецкого), А.А. Баженова и М.А. Баженовой (комплексный подход), А.А. Мельниковой (национальные образы мира и национальный язык). Однако практических исследований с применением указанных методов достаточно мало. В основном в отечественной научной литературе можно встретить общие сравнительные методы, сфокусированные на отдельных признаках конкретных наций.

В-третьих, в рассматриваемый постсоветский период основные исследования, связанные с национальным характером, проводились филологами – исследования национального характера в национальной или этнической прозе либо поэзии, психологами – поиски взаимодействия психических особенностей представителей нации и национального характера, лингвистами – рассмотрение национального языка и его функций как проявления национального характера, этнологами – связь культуры и быта с национальным характером, философами – связь бытия народа с национальным характером и т.д.

Заключение

Среди общих особенностей изучения национального характера в западной и отечественной науке стоит выделить отсутствие солидарности ученого сообщества к феномену национального характера. Одна часть ученых его признает, другая – отвергает. К тому же нет четкого и общепринятого определения национальному характеру. Это обуславливается как историческим развитием гуманитарной науки и методов исследования – каждое поколение ученых трактует концепцию по-своему, исходя из накопленных знаний и внедрения новых методов исследования, так и отраслевой спецификой науки – психологи, филологи, философы, историки, этнографы трактуют понятие исходя из теоретических основ своей науки. Такая ситуация характерна для многих социально-гуманитарных концепций. К примеру, понятие «культура» имеет более тысячи определений.

Важной проблемой в многолетнем изучении концепции как в отечественной, так и в западной науке остаются вопросы, связанные со структурой и генезисом национального характера. Среди западных и отечественных ученых поднимались вопросы о составляющих элементах национального характера. Ими были предложены перечни составляющих элементов, но не была представлена четкая структура расположения представленных элементов и их функциональные характеристики уже в рамках структуры национального характера. Что касается вопроса генезиса феномена, то среди исследований можно встретить те, в которых описаны условия, влияющие на национальный характер, например климатические, нравственные, социальные, политические и т.д. Но нет исследований, которые бы отвечали на вопросы, связанные с формированием феномена национального характера, механикой его формирования.

Список источников

1. Sneffella B., Schmidtke D., Kuperman V. National character stereotypes mirror language use: a study of Canadian and American tweets // PLOS ONE. 2018. Vol. 13, № 11. P. 1–37. doi: 10.1371/journal.pone.0206188
2. Thomas R.M. Folk psychologies across cultures. Thousand Oaks, California : Sage Publications, 2001. 335 p.
3. The Five-Factor Model of Personality Across Cultures / Ed. by. R.R. McCrae, J. Allik. Boston, MA : Springer US, 2002. 333 p.
4. Hofstede G., McCrae R.R. Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // Cross-Cultural Research. 2004. Vol. 38, № 1. P. 52–88. doi: 10.1177/1069397103259443
5. Smith A.D. Nationalism: theory, ideology, history. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity, 2010. 209 p.
6. Smith A.D. The cultural foundations of nations: hierarchy, covenant and republic. Malden, MA, USA : Blackwell Publishing, 2008. 245 p.
7. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. London ; New York : Routledge, 2009. 184 p.
8. A companion to psychological anthropology: modernity and psychocultural change / Ed. by C.C. Casey, R.B. Edgerton. Malden, MA ; Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2005. 523 p.

9. Terracciano A. et al. National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures // *Science*. 2005. Vol. 310, № 5745. P. 96–100. doi: 10.1126/science.1117199
10. McCrae R.R., Terracciano A. National Character and Personality // *Current Directions in Psychological Science*. 2006. Vol. 15, № 4. P. 156–161. doi: 10.1111/j.1467-8721.2006.00427.x
11. Allik J., Realo A. How valid are culture level mean personality scores? // *The Praeger handbook of personality across cultures* / ed. by A.T. Church. Santa Barbara, California : Praeger, 2017. P. 193–224.
12. Nigbur D., Cinnirella M. National identification, type and specificity of comparison and their effects on descriptions of national character: Identification and context in national identity // *European Journal of Social Psychology*. 2007. Vol. 37, № 4. P. 672–691. doi: 10.1002/ejsp.382
13. McCrae R.R. et al. Climatic warmth and national wealth: some culture-level determinants of national character stereotypes // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21, № 8. P. 953–976. doi: 10.1002/per.647
14. Smith R.J. In defense of national character // *Theory & Psychology*. 2008. Vol. 18, № 4. P. 465–482. doi: 10.1177/0959354308091826
15. McCrae R.R. Personality profiles of cultures: Patterns of ethos // *European Journal of Personality*. 2009. Vol. 23, № 3. P. 205–227. doi: 10.1002/per.712
16. Allik J., Realo A. Personality and culture // *European Journal of Personality*. 2009. Vol. 23, № 3. P. 149–152. doi: 10.1002/per.718
17. McCrae R.R. et al. The inaccuracy of national character stereotypes // *Journal of Research in Personality*. 2013. Vol. 47, № 6. P. 831–842. doi: 10.1016/j.jrp.2013.08.006
18. Matsumoto D.R., Juang L.P. *Culture and psychology*. Belmont, CA : Wadsworth Cengage Learning, 2013. Ed. 5th. 524 p.
19. McCrae R.R. The five-factor model across cultures // *The Praeger handbook of personality across cultures* / Ed. by A.T. Church. Santa Barbara, California : Praeger, 2017. P. 47–65.
20. Strauss C. The complexity of culture in persons // *Advances in culture theory from psychological anthropology. Culture, mind, and society* / Ed. by N. Quinn. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2018. P. 109–138.
21. Loyal S., Quilley S. State Formation, Habitus, and National Character: Elias, Bourdieu, Polanyi, and Gellner and the Case of Asylum Seekers in Ireland // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2020. Vol. 45, № 1 (171). P. 226–261. doi: 10.12759/hsr.45.2020.1.226-261.
22. Mennell S. National Character, History of // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / Ed. by J.D. Wright. Amsterdam : Elsevier, 2015. 2nd ed. P. 237–240.
23. Sheehan C. Psychological anthropology and medical anthropology: a brief history of ideas and concepts // *Irish Journal of Psychological Medicine*. 2022. Vol. 39, № 2. P. 115–120. doi: 10.1017/ipm.2021.34
24. Гнатенко П.И. Национальный характер. Днепрпетровск : Изд-во ДГУ, 1992. 140 с.
25. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // *Вопросы психологии*. 1993. № 5. С. 20–29.
26. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. 480 с.
27. Бабаков В.Г., Семенов В.М. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М. : Ин-т философии РАН, 1996. 70 с.
28. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : курс лекций. М. : Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
29. Кон И.С. Социологическая психология. Москва; Воронеж : Моск. психолого-социальный ин-т; МОДЭК, 1999. 560 с.
30. Додонов Р.А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов. Запорожье : р/а «Тандем», 1999. 264 с.
31. Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) // *Социологические исследования*. 2003. № 2 (226). С. 45–55.
32. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с.
33. Кустова Л.С. Тайна национального характера. М. : Изд-во ИКАР, 2003. 164 с.
34. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры и языка и ментальности. СПб. : Речь, 2003. 320 с.
35. Храмов И.В. Национальный характер и его ментальные основания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь : Северо-Кавказский гос. технический ун-т, 2004. 22 с.
36. Мельников А.П. К вопросу о сущности понятий национального сознания, национального характера, национального менталитета // *Сацьяльна-эканамічні і правові дослідження*. 2007. № 2. С. 141–156.
37. Тихонова В.Б. Национальный характер и менталитет // *Академический журнал*. 2007. № 5. С. 19–28.
38. Мишенькина Е.В. Понятия «национальный характер» и «национальный менталитет» в рамках социолнгвистики // *Чтения Ушинского : материалы конф. (4 марта 2010 г.)*. Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2010. С. 87–92.
39. Четвертакова Ж.В. Язык как форма выражения национального характера // *Аналитика культурологии*. 2008. № 3 (12). С. 154–156.
40. Четвертакова Ж.В. Методологические подходы к проблеме изучения национального характера // *Аналитика культурологии*. 2009. № 2 (14). С. 7–13.
41. Баженова М.А., Баженов А.А. Русские и немцы. Какие мы и какие они? Методы исследований национального характера. Саров : РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2009. 504 с.
42. Маслова В.А. Национальный характер сквозь призму языка. Витебск : Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2011. 76 с.
43. Четвертакова Ж.В. Закономерности формирования национального характера // *Аналитика культурологии*. 2011. № 1 (19). С. 222–229.
44. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // *Диалог со временем*. 2012. № 39. С. 9–19.
45. Телякаева А.Ф. Национальный характер как фактор формирования политической культуры // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 7 (143). С. 171–175.
46. Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета // *Психологические исследования*. 2013. № 29 (6). С. 1–15. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/702/385> (дата обращения: 07.10.2024).
47. Ter-Minasova S.G. In Search of National Character // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 200. P. 20–25. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.08.004
48. Лурье С.В. Утопанная тропа сквозь темный лес. Введение в этнопсихологию. СПб., 2017. 240 с.
49. Колмакова Е.А., Соломина Н.В. К вопросу о соотношении понятий «национальное самосознание», «менталитет» и «национальный характер» // *Успехи современной науки и образования*. 2017. № 7. С. 224–226.
50. Polomoshnov A.F. et al. National character research paradigms // *Opción*. 2018. Vol. 34, № 87. P. 1119–1143.
51. Анисимова Н.Н. Национальный характер и национальный менталитет // *Вестник Донского государственного аграрного университета*. 2019. № 1–2 (31). С. 5–10.

References

1. Sneffjella, B., Schmidtke, D. & Kuperman, V. (2018) National character stereotypes mirror language use: a study of Canadian and American tweets. *PLOS ONE*. 13 (11). pp. 1–37. doi: 10.1371/journal.pone.0206188
2. Thomas, R.M. (2001) *Folk psychologies across cultures*. Thousand Oaks, California: Sage Publications.
3. McCrae, R.R. & Allik, J. (eds) (2002) *The Five-Factor Model of Personality Across Cultures*. Boston, MA: Springer US.
4. Hofstede, G. & McCrae, R.R. (2004) Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture. *Cross-Cultural Research*. 38 (1). pp. 52–88. doi: 10.1177/1069397103259443

5. Smith, A.D. (2010) *Nationalism: theory, ideology, history*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity.
6. Smith, A.D. (2008) *The cultural foundations of nations: hierarchy, covenant and republic*. Malden, MA, USA: Blackwell Publishing.
7. Smith, A.D. (2009) *Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach*. London; New York: Routledge.
8. Casey, C.C. & Edgerton, R.B. (eds) (2005) *A companion to psychological anthropology: modernity and psychocultural change*. Malden, MA; Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
9. Terracciano, A. et al. (2005) National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures. *Science*. 310 (5745). pp. 96–100. doi: 10.1126/science.1117199
10. McCrae, R.R. & Terracciano, A. (2006) National Character and Personality. *Current Directions in Psychological Science*. 15 (4). pp. 156–161. doi: 10.1111/j.1467-8721.2006.00427.x
11. Allik, J. & Realo, A. (2017) How valid are culture level mean personality scores? In: Church, A.T. (ed.) *The Praeger handbook of personality across cultures*. Santa Barbara, California: Praeger. pp. 193–224.
12. Nigbur, D. & Cinnirella, M. (2007) National identification, type and specificity of comparison and their effects on descriptions of national character: Identification and context in national identity. *European Journal of Social Psychology*. 37 (4). pp. 672–691. doi: 10.1002/ejsp.382
13. McCrae, R.R. et al. (2007) Climatic warmth and national wealth: some culture-level determinants of national character stereotypes. *European Journal of Personality*. 21 (8). pp. 953–976. doi: 10.1002/per.647
14. Smith, R.J. (2008) In defense of national character. *Theory & Psychology*. 18 (4). pp. 465–482. doi: 10.1177/0959354308091826
15. McCrae, R.R. (2009) Personality profiles of cultures: Patterns of ethos. *European Journal of Personality*. 23 (3). pp. 205–227. doi: 10.1002/per.712
16. Allik, J. & Realo, A. (2009) Personality and culture. *European Journal of Personality*. 23 (3). pp. 149–152. doi: 10.1002/per.718
17. McCrae, R.R. et al. (2013) The inaccuracy of national character stereotypes. *Journal of Research in Personality*. 47 (6). pp. 831–842. doi: 10.1016/j.jrp.2013.08.006
18. Matsumoto, D.R. & Juang, L.P. (2013) *Culture and psychology*. 5th Ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning.
19. McCrae, R.R. (2017) The five-factor model across cultures. In: Church, A.T. (ed.) *The Praeger handbook of personality across cultures*. Santa Barbara, California: Praeger. pp. 47–65.
20. Strauss, C. (2018) The complexity of culture in persons. In: Quinn, N. (ed.) *Advances in culture theory from psychological anthropology. Culture, mind, and society*. New York, NY: Palgrave Macmillan. pp. 109–138.
21. Loyal, S. & Quille, S. (2020) State Formation, Habitus, and National Character: Elias, Bourdieu, Polanyi, and Gellner and the Case of Asylum Seekers in Ireland. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 45 (1 (171)). pp. 226–261. doi: 10.12759/hsr.45.2020.1.226-261
22. Mennell, S. (2015) National Character, History of. In: Wright, J.D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. Amsterdam: Elsevier. pp. 237–240.
23. Sheehan, C. (2022) Psychological anthropology and medical anthropology: a brief history of ideas and concepts. *Irish Journal of Psychological Medicine*. 39 (2). pp. 115–120. doi: 10.1017/ipm.2021.34
24. Gnatenko, P.I. (1992) *Natsional'nyy kharakter* [National character]. Dnepropetrovsk: DSU.
25. Dubov, I.G. (1993) Fenomen mentaliteta: psikhologicheskii analiz [The phenomenon of mentality: a psychological analysis]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 20–29.
26. Gachev, G. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiko-Logos* [National images of the world. Cosmo-Pscho-Logos]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress"- "Kul'tura".
27. Babakov, V.G. & Semenov, V.M. (1996) *Natsional'noe soznanie i natsional'naya kul'tura (metodologicheskie problemy)* [National consciousness and national culture (methodological problems)]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
28. Gachev, G.D. (1998) *Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsii* [National images of the world: a course of lectures]. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya".
29. Kon, I.S. (1999) *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociological psychology]. Moscow; Voronezh: MPSI; MODEK.
30. Dodonov, R.A. (1999) *Teoriya mental'nosti: uchenie o determinantakh myslitel'nykh avtomatizmov* [Theory of mentality: the doctrine of determinants of mental automatisms]. Zaporozh'e: r/a "Tandem".
31. Moiseeva, N.A. & Sorokovikova, V.I. (2003) Mentalitet i natsional'nyy kharakter (O vybere metoda issledovaniya) [Mentality and national character (On the choice of research method)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2 (226). pp. 45–55.
32. Ol'shanskiy, D.V. (2002) *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. St. Petersburg: Piter.
33. Kustova, L.S. (2003) *Tayna natsional'nogo kharaktera* [The secret of national character]. Moscow: Izd-vo IKAR.
34. Mel'nikova, A.A. (2003) *Yazyk i natsional'nyy kharakter. Vzaimosvyaz' struktury i yazyka i mental'nosti* [Language and national character. The relationship of structure and language and mentality]. St. Petersburg: Rech'.
35. Khranov, I.V. (2004) *Natsional'nyy kharakter i ego mental'nye osnovaniya* [National character and its mental foundations]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Stavropol: North Caucasus State Technical University.
36. Mel'nikov, A.P. (2007) K voprosu o sushchnosti ponyatiya natsional'nogo soznaniya, natsional'nogo kharaktera, natsional'nogo mentaliteta [On the essence of the concepts of national consciousness, national character, national mentality]. *Satsyial'na-eknamichnyya i pravavya dasledavanni*. 2. pp. 141–156.
37. Tikhonova, V.B. (2007) Natsional'nyy kharakter i mentalitet [National character and mentality]. *Akademicheskii zhurnal*. 5. pp. 19–28.
38. Mishen'kina, E.V. (2010) [The concepts of "national character" and "national mentality" in sociolinguistics]. *Chteniya Ushinskogo* [Ushinsky Readings]. Conference Proceedings. March 4, 2010. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 87–92. (In Russian).
39. Chetvertakova, Zh.V. (2008) Yazyk kak forma vyrazheniya natsional'nogo kharaktera [Language as a form of expression of national character]. *Analitika kul'turologii*. 3 (12). pp. 154–156.
40. Chetvertakova, Zh.V. (2009) Metodologicheskie podkhody k probleme izucheniya natsional'nogo kharaktera [Methodological approaches to the problem of studying national character]. *Analitika kul'turologii*. 2 (14). pp. 7–13.
41. Bazhenova, M.A. & Bazhenov, A.A. (2009) *Russkie i nemtsy. Kakie my i kakie oni? Metody issledovaniya natsional'nogo kharaktera* [Russians and Germans. What are we and what are they? Methods of researching national character]. Sarov: RFYaTs-VNIIEF.
42. Maslova, V.A. (2011) *Natsional'nyy kharakter skvoz' prizmu yazyka*. Vitebsk: Vitebsk State University.
43. Chetvertakova, Zh.V. (2011) Zakonomernosti formirovaniya natsional'nogo kharaktera [Patterns of formation of national character]. *Analitika kul'turologii*. 1 (19). pp. 222–229.
44. Repina, L.P. (2012) "Natsional'nyy kharakter" i "obraz drugogo" ["National character" and "image of the other"]. *Dialog so vremenem*. 39. pp. 9–19.
45. Telyakaeva, A.F. (2012) Natsional'nyy kharakter kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury [National character as a factor in the formation of political culture]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (143). pp. 171–175.
46. Yurevich, A.V. (2013) Strukturnye elementy natsional'nogo mentaliteta [Structural elements of national mentality]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 6 (29). pp. 1–15. [Online] Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/702/385> (Accessed: 07.10.2024).
47. Ter-Minasova, S.G. (2005) In Search of National Character. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 20–25. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.08.004
48. Lur'e, S.V. (2017) *Utoptannaya tropa skvoz' temnyy les. Vvedenie v etnopsikhologiyu* [A trodden path through a dark forest. Introduction to ethnopsychology]. St. Petersburg.

49. Kolmakova, E.A. & Solomina, N.V. (2017) K voprosu o sootnoshenii ponyatii "natsional'noe samosoznanie", "mentalitet" i "natsional'nyy kharakter" [On the question of the correlation of the concepts "national self-consciousness", "mentality" and "national character"]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 7. pp. 224–226.
50. Polomoshnov, A.F. et al. (2018) National character research paradigms. *Opción*. 34 (87). pp. 1119–1143.
51. Anisimova, N.N. (2019) Natsional'nyy kharakter i natsional'nyy mentalitet [National character and national mentality]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1–2 (31). pp. 5–10.

Информация об авторе:

Мажинский С.В. – канд. ист. наук, доцент департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mazhnsky@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Mazhinskiy, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mazhinsky@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 09.10.2024;
approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/512/14

«Отец монахов»: основания духовного авторитета настоятеля в вестготских монастырях VII в.

Елена Сергеевна Марей^{1, 2}

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
^{1, 2} elena.fontis@gmail.com

Аннотация. Рассматривается статус и функции аббата в монастырях раннесредневековой Испании VII в. Источниками статьи стали три устава вестготского времени и Пакт. Показано, что исключительная власть аббата над послушниками объяснялась его особым духовным статусом: именно он должен был заботиться о спасении душ братии. Поэтому авторы уставов предъявляют к аббату жесткие моральные требования, но в то же время наделяют его властью контролировать быт и поведение монахов, а также наказывать провинившихся вплоть до отлучения.

Ключевые слова: Толедское королевство, монашеские правила, история церкви, Исидор Севильский, Фруктуоз Брагский, «Общий устав»

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00723, <https://rscf.ru/project/23-28-00723/>. Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Для цитирования: Марей Е.С. «Отец монахов»: основания духовного авторитета настоятеля в вестготских монастырях VII в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 127–136. doi: 10.17223/15617793/512/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/14

"Father of the monks": Sources of the spiritual authority of the abbot in Visigothic monasteries in the 7th century

Elena S. Marey^{1, 2}

¹ Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
^{1, 2} elena.fontis@gmail.com

Abstract. The article examines the status and functions of the abbot in the monasteries of early medieval 7th-century Spain. The sources for the article are three rules from the Visigothic period: the Rule of Isidore of Seville, the Rule of Fructuosus of Braga, and the "Common Rule" (*Regula communis*), as well as the Pact. The evolution of the abbot's status in the Kingdom of Toledo throughout the 7th century is traced. The status of the abbot and his authority in the Kingdom of Toledo is generally analogous to the position of the abbot in the monasteries of the rest of medieval Europe. Its distinctive feature lies in the fact that the abbot bears colossal responsibility for the salvation of the souls of the monks entrusted to him, which grants him a special status but also obliges him to adhere to a certain moral and ascetic way of life. The abbot controls the life and daily routine of the novices to the extent that any action of a monk must be approved and blessed by the abbot or the elders. The abbot is present at daily readings, explains difficult and obscure passages from the Holy Scripture and hagiographic literature, and controls the monks' reading. He is also responsible for organizing religious services and prayers. The abbot is responsible for the discipline and behavior of the novices; to correct the monks, he can apply a wide range of punishments: from public condemnation to excommunication and corporal punishment with rods. In Isidore's Rule, the abbot's power is very great and is practically unlimited by anyone or anything, except for the requirements to observe the Rule and to be an example for the brethren. Fructuosus presents a broader list of demands for the abbot; furthermore, the abbot's judicial and disciplinary power is limited. The Pact indicates the right of the novices to express a grievance to the abbot that he is leading an impious life and abusing his power (although, even then, the monks must still show respect to the abbot by kissing his feet). If the abbot does not wish to resolve the conflict peacefully, the brethren can seek help from the bishop. Thus, the Rule of Fructuosus and the "Common Rule" outline mechanisms for controlling the abbot's activities, both by the bishop or other abbots and by the brethren themselves.

Keywords: Visigothic Kingdom of Toledo, monastic rules, history of Church, Isidore of Seville, Fructuosus of Braga, "Regula communis"

Financial support: This work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00723, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00723/>. The project was organized by Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

For citation: Marey, E.S. (2025) "Father of the monks": Sources of the spiritual authority of the abbot in Visigothic monasteries in the 7th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 127–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/14

В середине прошлого века известный американский историк-медиевист, специалист по истории монастырей и монастырской культуры Джайлс Констебль обратился к проблематике, связанной со статусом и авторитетом аббата в западноевропейском средневековом монастыре. Своеобразным итогом его штудий стала статья в коллективной монографии, где автор выявил три критерия, лежащих в основе власти аббата, и проследил, пусть и в общих чертах, эволюцию его статуса [1]. Итак, авторитет аббата освящен традицией и уставом; громадную роль играет его место наверху монастырской иерархии, а также не в последнюю очередь набожность настоятеля и его аскетический образ жизни. В этом смысле аббат служил примером поведения для остальной братии. Дж. Констебль показал, что в VI–VIII вв. власть настоятеля основывалась прежде всего на его духовном авторитете религиозного лидера общины: именно аббат отвечал перед Богом за спасение душ братии [1. Р. 190–193].

В своей статье историк рассматривает преимущественно источники, связанные с историей монастырей во франкских (затем французских) и итальянских землях: если говорить о раннем Средневековье, то главным источником тут является устав св. Бенедикта. Что же касается истории монашества на Пиренейском полуострове, то исследователь его почти не касается, разве что отмечает его особый – пактовый характер [1. Р. 191].

Общепризнано, что устав св. Бенедикта получил распространение в Испании не ранее IX в. [2. Р. 1, см. цитируемую там литературу]. В вестготской же монашеской традиции можно выделить две тенденции: условно западную, где важную роль играют институции и общий киновийный образ жизни, и условно восточную, отличительной особенностью которой является строгий аскетизм [2. Р. 2]. Примером первой может служить устав Исидора, второй – устав Фруктуоза и «Общий устав». Можно предположить, что статус и функции аббата в этих традициях при общей схожести все же будут отличаться в каких-то деталях.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе текстов вестготских уставов составить образ идеального аббата, проследив сходства и особенно отличия в источниках. Что делало аббата главой монастыря и отцом монахов? Какие инструменты власти были в его распоряжении? Наконец, мы попробуем выделить различия в интерпретации статуса и функций аббата в разных уставах и объяснить, чем они обусловлены.

Нашими основными источниками будут три устава вестготского времени: устав Исидора Севильского (615–619 гг., 25 глав), Фруктуоза Брагского (645 г., 24 главы) и

так называемый «Общий устав» (660 г., 30 глав). Последний написан под сильным влиянием устава Фруктуоза, так что в рукописях даже называется «Regula (communis) Fructuosi» (см. единственную полную рукопись, хранящуюся в Баварской государственной библиотеке, – Clm 28118. Fol. 118 r. См. также [3. Р. 380]). Устав Исидора носит, скорее, обзорный и обобщающий характер, но мы можем по нему составить представление об образе аббата. Фруктуоз составил свой устав, опираясь, с одной стороны, на существующий устав Исидора [3. Р. 377], а с другой – на восточную аскетическую традицию, известную ему по сочинениям Иоанна Кассиана и житиям египетских монахов. Наконец, самым оригинальным является «Общий устав», составленный, по всей видимости, *ad hoc*, как ответ на некоторую существующую практику поведения в монастыре и для регламентации насущных спорных вопросов [3. Р. 376–381; 4. Р. 340–347; 5. Р. 637–642]. «Общий устав» действовал внутри конгрегации монастырей, объединенных вокруг монастыря Думио близ Браги. Настоятели общин подчинялись аббату Думийского монастыря, который по традиции, идущей от св. Мартина Брагского и затем Фруктуоза Брагского, занимал епископскую кафедру. Исследователи считают, что таким образом был ограничен произвол аббата отдельного монастыря (например, см.: [6. Р. 172–173]).

Все три устава созданы за период менее чем сто лет, что само по себе удивительно. Объяснить это можно бурным ростом монастырей, особенно во второй половине VII в., и адаптацией разных монашеских традиций – галльской, африканской, египетской.

Еще одним важным источником является пакт – письменный документ, который новообращенный подписывал при поступлении в монастырь. Подписывая документ, новообращенный соглашался с тем, что отныне вверяет свою личность и волю во власть аббата монастыря. В отличие от *личной* клятвы послушника, распространенной в обителях континентальной Европы, пакт представлял собой *коллективную* клятву и связывал обязательственными узами настоятеля и всю монашескую общину целиком [2. Р. 3–4; 6. Р. 171; 7. Р. 100]. Вопрос о распространении пактового монашества остается дискуссионным. Некоторые историки, в частности А. Мундо и бенедиктинец фрай Х. Перес де Урбель, полагали, что оно было распространено на всей территории Толедского королевства. Они считали, что пакт появился очень рано, практически одновременно с появлением монастырей. Другую точку зрения наиболее последовательно отстаивал Ч.Дж. Бишко, который доказывал, что пакт появился

лишь во второй половине VII в. и был распространен на северо-западе – в монастырях, живущих по уставу Фруктуоза и «Общему уставу» [2. Р. 42–43]. С идеями Ч.Дж. Бишко согласен испанский исследователь А. Линахе Конде [8. Р. 21] и ведущий современный исследователь вестготского монашества П. Диас Мартинес [9. Р. 153–159] (подробности дискуссии см.: [2. Р. 6–16]). Тем не менее все исследователи признают, что дошедший до нас текст пакта был составлен во второй половине VII в. в Галисии (северо-запад), и отмечают текстуральные совпадения с уставом Фруктуоза и «Общим уставом» [7. 113–115]. Исходя из этого выводы, полученные при анализе данного документа, мы будем распространять на вторую половину VII в.

Теперь перейдем непосредственно к фигуре аббата в уставах. Аббат избирается из числа братии монастыря¹. К сожалению, наши уставы обходят молчанием как процедуру выборов, так и принцип голосования (единодушно или большинством голосов). Мы также не можем сказать точно, кто именно избирал монаха; однако, судя по очень краткому сообщению канона IV Толедского собора, епископ должен был принимать в этом непосредственное участие². Возможно, епископ избирал настоятеля единолично или вместе с монастырскими старцами либо утверждал того, кого они выбрали [9. Р. 17–18, 58–59, п. 283; 12. Р. 151]. Учитывая тот факт, что во второй половине – в конце VII в. епископами часто становились аббаты крупных монастырей, можно предположить, что они сохраняли связи внутри монастыря и могли неформально влиять на его жизнь.

Мы также не можем точно сказать о вмешательстве в выборы короля. Вероятно, корректнее говорить о том, что лица, связанные с королевским двором, скорее становились настоятелями крупных монастырей. В частности, показателен пример Гелладия, «светлейшего мужа при королевском дворе и управителя имуществ», который, удалившись от мира, стал сначала аббатом монастыря Агали близ Толедо, а потом и епископом этого города³ [9. Р. 42–43].

Составители уставов предъявляют довольно четкие требования к претенденту. Это должен быть монах той самой киновии, очевидно, поскольку он хорошо знаком и с устройством монастыря, и с монахами. Далее, если говорить о возрасте, лучше всего избрать аббатом того, кто «в расцвете сил», но «уже близок к старости»⁴: такого аббата скорее будут слушаться монастырские старцы. Той же цели – снискать уважение братии и старцев – должны служить поведение и образ жизни аббата, на который наши авторы обращают пристальное внимание. Так, Исидор предписывает аббату «явить себя достойным подражания во всех примерах», чтобы слова настоятеля не расходились с его образом жизни⁵. Главными же качествами аббата, по мнению Исидора, являются справедливость (*iustitia*) и милосердие (*miserecordia*)⁶. Примечательно, что подобные качества – справедливость и доброта (*pietas*) являются, по Исидору, качествами идеального правителя [14. С. 235–239]. Таким образом, автор на лексическом уровне сближает короля и настоятеля монастыря, только первый несет ответственность за благополучие

всех подданных, тогда как аббат отвечает только за вверенных ему монахов.

В уставе Фруктуоза список требований к аббату гораздо шире, хотя, конечно, не противоречит Исидору. Интересна композиция уставов: если у Исидора образ аббата описывается уже во второй главе, то Фруктуоз обращается к нему только в 19-й главе *De abbate vel praeposito*. К этой самой главе у исследователей есть текстологические вопросы: дело в том, что она отсутствует в Эскориальской рукописи а I.13 (начала X в.), известной как кодекс Леодегунды [15. Р. 48–49; 16. Р. 21–25; 17. Р. 561, п. 79]. Между тем именно этот кодекс считается близким к архетипу первоначальной версии рукописи. Издатели устава Фруктуоза считают, что глава об аббате была дописана несколько позже, чем основной текст устава, и написана под влиянием соответствующих глав «Общего устава» и устава Исидора [10. Р. 134–135]. Хотя она и отсутствовала в первоначальной редакции, но была добавлена в текст явно очень рано, возможно, при жизни Фруктуоза, поскольку у нас есть рукописи начала IX в. (т.е. даже более ранние), которые эту главу содержат. И даже если автором данной главы был не Фруктуоз, то это сделал кто-то из его круга. Можно предположить, что сначала Фруктуоз не считал нужным специально останавливаться на нравственных качествах настоятеля обители, ведь это было прописано в уставе Исидора, который, несомненно, был ему известен. Однако во второй редакции «Правил» сам Фруктуоз или кто-то из его учеников добавил подробный список требований к будущему аббату, дополнив и раскрыв мысли Исидора. Из текста устава Фруктуоза возникает образ аббата как строгого, но справедливого и милосердного отца, который является примером для всей братии, а также помощником нуждающимся⁷ [8. Р. 16–17].

Важно, чтобы проповеди и беседы аббата находились в полнейшей гармонии с его образом жизни: и то и другое вместе образуют мощное духовное оружие, подобное обоюдоострому мечу, с помощью которого настоятель может исправить души заблудших и впавших в грех. Далее автор устава рассуждает о том, что для аббата, как и для музыканта, важен порядок и гармония⁸. Заметим, что в остальных главах устава никаких метафор и поэтических сравнений нет. Это является доказательством того, что автором 19-й главы был не Фруктуоз.

В «Общем уставе» мы не найдем столь же подробного описания моральных качеств аббата: и это было бы избыточно, поскольку *Regula communis* целиком или в отрывках всегда шла в рукописях вместе с уставом Фруктуоза [17. Р. 561]. Однако какие-то сведения из него извлечь можно. Так, в «Общем уставе» указано, что аббат должен раз в месяц совершать литанию вместе с другими аббатами; на этих же ежемесячных собраниях настоятели разбирают образ жизни и поведения друг друга, чтобы возвращаться в свои кельи пристыженными и униженными⁹ [7. Р. 99–100]. Итак, контроль за поведением аббата и его моральным обликом возлагается на настоятелей других монастырей, живущих по тому же уставу.

Кроме того, в «Общем уставе» специально прописываются два требования: будущий аббат должен уже достаточно долго жить в монастыре, дабы «утвердиться в святом образе жизни», а также он должен быть абсолютным бессребреником¹⁰. Авторы устава прямо запрещают аббату участвовать в судебных разбирательствах по поводу имущества монастыря; это следует передоверить благочестивому мирянину. Желательно уладить дело миром; в случае же, если истец будет упорствовать, нужно уступить ему и примириться с потерей имущества¹¹. В самом деле, аббат, погрязший в бесконечных спорах и судебных разбирательствах, вряд ли может вызывать должный пиетет как у братии, так и у живущих по соседству мирян. Аббат (как и остальные монахи) должен стоять как бы вне мира и над мирскими проблемами, дабы не впасть в искушение и не начать предпочитать материальное духовному. В этом смысле фигура аббата становится сакральной (если мы понимаем сакральное как оппозицию мирскому), хотя, в отличие от епископа, к аббату никогда не применяется эпитет *sanctus*. Особый духовный статус настоятеля проявляется в первую очередь в том, что именно на него ложится забота о душах монахов.

Рассмотрим те средства, которыми достигается спасение душ. Прежде всего, аббат собирает монахов для чтения священных книг и уставов: эта обязанность оговаривается в уставах Исидор и Фруктуоза. Очевидно, что цель совместных чтений – воспитывать братию, наставлять ее в христианской доктрине, через чтение житий явить примеры благочестивого поведения [12. Р. 149].

Для чтения есть определенные часы: с третьего по шестой летом и от зари до третьего часа, а потом еще после девятого часа – осенью, зимой и весной. В своем уставе Исидор разделяет практику индивидуального чтения в келье (для этого монаху даже выдаются тексты из монастырской библиотеки – правда, с определенными ограничениями) и практику совместного чтения и разъяснения трудных мест¹² [7. Р. 87–88; 17. Р. 535–537]. В то же время Фруктуоз говорит только о совместном чтении¹³. Один из монахов читает жития Отцов (вероятно, египетских) и книгу правил, среди которых мог быть и устав Исидора, аббат или препозит должны объяснить суть прочитанного. В «Общем уставе» нет отдельной главы, посвященной чтениям, но очевидно, что аббат должен изучать священные тексты, возможно, жития святых отцов¹⁴. Нельзя сказать, что монахи чужды чтению: в 5-й главе, осуждая непослушных монахов, автор говорит, что они из-за своего ропота погибли, как евреи в пустыне, с той лишь разницей, что читали Священное Писание¹⁵. Примечательно, что безоговорочное послушание аббату является гораздо более ценным качеством, чем образование и чтение Библии: оказывается, что одного только чтения священных текстов для спасения не достаточно. По всей видимости, в монастырях, живущих по «Общему уставу», совместное чтение все же практиковалось, просто авторы решили не прописывать правила подробно, ведь нормы чтения были прописаны в уставе Фруктуоза, который тоже хорошо знали.

Итак, если сравнить три устава, то мы увидим, что аббату принадлежит почти исключительное право на толкование трудных мест из Священного Писания и святоотеческой литературы, причем постепенно устанавливается своего рода монополия настоятеля на трансляцию знания. В самом деле, монахи монастыря, описанного Исидором, имеют право читать самостоятельно (хотя под контролем настоятеля), в обителях северо-запада полуострова практиковалось только совместное чтение с разъяснениями аббата или препозита. У Фруктуоза, вслед за Исидором, эти чтения были регулярными, а вот относительно частоты и регулярности чтений в монастырях, живущих по «Общему уставу», мы ничего не можем сказать. Таким образом, очевидно, что аббат из последнего монастыря является чуть и не единственным носителем сакрального знания, или по крайней мере одним из немногих.

Другой не менее важной обязанностью аббата является участие в богослужении и в общей молитве. В частности, «Общий устав» прямо свидетельствует о том, что служба часов – главное дело аббата, ради которого он должен отложить все остальные заботы и дела¹⁶. Вторая глава устава Фруктуоза довольно пространная, целиком посвящена службе; правда, там службой руководит препозит, но есть основания полагать, что под этим словом подразумевается именно аббат. Так, практически во всем тексте устава Фруктуоза мы видим связку *abba vel praepositus* (аббат или препозит): даже в 19-й главе, о которой речь шла выше, Фруктуоз или кто-то из его учеников прописывает требования, одинаково предъявляемые как к аббату, так и к препозиту. Можно с осторожностью заключить, что Фруктуоз использует слово *praepositus* не в «техническом» смысле, подразумевая главного помощника настоятеля, а в широком, в значении «первенствующего».

Первенство аббата на службе и вообще функция организации богослужения делает аббата самой значимой фигурой в монастыре, ведь молитва – одно из главных дел монаха. Очевидно, что даже самые усердные и благочестивые порой по рассеянности, из-за усталости или по иной причине молятся недостаточно ревностно; некоторые (насколько можно судить по тексту уставов) пытаются и вовсе не явиться на службу (особенно ночную) или уйти раньше [10. Р. 141]. Аббат, таким образом, отвечает за то, чтобы послушники могли исполнить свое предназначение, ради которого они и пришли в монастырь. В этом смысле примечательно, что, по мнению раннесредневековых авторов, именно аббат несет ответственность за своих подопечных, вплоть до того, что должен будет дать за них ответ на Страшном суде¹⁷. Таким образом, спасение душ монахов зависит не только от их личных усилий, но и от аббата (ср.: [1. Р. 192]). Поскольку на настоятеля возлагается столь большая ответственность, его дисциплинарная власть над монахами тоже очень велика.

Аббат отвечает за дисциплину внутри монастыря и за то, чтобы послушники следовали уставу. Монахи должны беспрекословно повиноваться аббату или старшим, действующим по его санкции. Иноки лишаются любой инициативы, отказываясь от собственной

воли и ее проявлений. Ярким подтверждением тому является повторяющаяся во всех уставах норма, согласно которой никто не может ничего сделать без благословения аббата или старшего¹⁸. В «Общем уставе» этой норме посвящена целая глава, где приводятся основания, почему монахи всегда должны слушать аббата и вообще старцев. В частности, в пример послушникам приводится Христос, который был послушен Отцу вплоть до самой смерти¹⁹. Здесь явно имеем дело с игрой слов, поскольку, как мы видели выше, отцом (*pater monachorum*) называется также аббат монастыря. Заметим, что появление специальной главы о том, что все послушники должны беспрекословно повиноваться аббату, свидетельствует, скорее, о непрочности авторитета настоятеля. Действительно, послушание является одним из неперменных качеств послушника, так что дополнительное требование повиноваться аббату кажется избыточным и может объясняться только тем, что в реальности монахи не всегда выполняли приказы настоятеля.

Правило слушаться аббата и старцев, разумеется, не является специфически вестготским изобретением: напротив, требование полностью отказаться от своего волеизъявления и исполнять волю старшего можно увидеть в самых ранних монашеских правилах, в частности в правиле Василия Великого. В «Установлениях» Кассиана, в *Regula magistri* и, что особенно важно, в «Правиле» Бенедикта Нурсийского это требование многократно воспроизводится [1. Р. 191–193]. Оно логичным образом объясняет, почему на аббата возлагается столь большая ответственность в вопросе спасения душ послушников: каждый монах отказывается от своего «я» и как бы вверяет себя и свою судьбу в руки аббата. В частности, об этом прямо сказано в Пакте: «Поэтому, охваченные божественным рвением, мы тут все, кто ниже должен подписаться, передаем Богу и тебе, господину и отцу нашему, души наши, чтобы, согласно распоряжениям апостолов и уставу и согласно тому, как предписал святой авторитет предыдущих отцов, мы обитали в одном общежитии, Христом предваряемые и тобой научаемые»²⁰ (пер. М.Ю. Биркина).

В реальности, однако, иноки далеко не всегда вели примерный образ жизни. Авторы вестготских уставов вынуждены обращаться к теме проступков и наказаний за них. Исследователи неоднократно отмечали, что самым суровым в этом отношении является устав Фруктуоза: там проступкам и наказаниям посвящены 5 из 24 глав [4. Р. 343; 5. Р. 640; 18. Р. 75–80; 19. Р. 203–204]. Фруктуоз довольно подробно перечисляет основные проступки и прегрешения монахов и четко регламентирует наказание за каждый из них. В арсенале у него не только отлучение как самое страшное наказание, но и розги [10. Р. 151–156]. В уставе Исидора также есть главы (гл. 14–18), которые посвящены греху и наказанию. Для Исидора главным средством исправления является раскаяние или покаяние; в целом преодоление греха – прежде всего духовный труд самого монаха. В частности, если братья поссорились, а потом помирились, то об этом не следует сообщать аббату: Исидор

считает, что раскаянием и извинением они уже искупили вину²¹. К дисциплинарным мерам можно отнести также увещание, публичное покаяние, в тяжелых случаях – отлучение от причастия, карцер с хлебом и водой, а также проклятие. Исидор и Фруктуоз понимают наказание не как самоцель, а как средство исправление грешника. Конечной целью является искреннее раскаяние.

В вестготской монашеской традиции за дисциплину отвечает аббат монастыря, и обо всех серьезных случаях ее нарушения следует докладывать именно ему. Аббату дана власть отлучать монаха от церкви, т.е. временно исключать его из монастырского сообщества, лишая не только нормальной пищи, но и радости молитвенного общения. Правда, наряду с аббатом этой же властью обладает и препозит монастыря – главный помощник настоятеля²². Аббату же принадлежит право снимать отлучение, если, по его мнению, грешник искренне раскаялся и исправился²³.

Однако судебная власть аббата ограничена публичностью разбирательства прегрешения или проступка. По мнению Исидора, порицание грешника перед лицом всей братии служит исправлению не только провинившегося, но и остальных²⁴. Если у Исидора идея необходимости публичного разбирательства и порицания выражена весьма общими словами, то Фруктуоз четко пишет, что судить провинившихся должен не один аббат, а некая коллегия «духовных и правдивых братьев», для того чтобы исключить возможный пристрастный и несправедливый приговор аббата²⁵. Подробнее эта процедура прописана в Пакте. Ропщущий на устав, непослушный, строптивый или клеветник должен быть осужден на собрании всех монахов монастыря. В присутствии всех послушников должно быть зачитано правило (видимо, та норма, которую нарушил монах), и, таким образом, вина нарушившего правило должна быть доказана публично²⁶. Это служит в качестве воспитательной меры для остальных и одновременно ограничивает дисциплинарную власть аббата или препозита.

Однако и аббат не должен нарушать устав. Мы не знаем, как можно было урезонить аббата в монастырях, живущих по уставу Исидора: можно предположить, что при сильных злоупотреблениях мог вмешаться епископ (ср.: [12. Р. 153]). Зато в монастырях, живущих по уставу Фруктуоза и «Общему уставу», послушники могли контролировать поведение настоятеля. В Пакте указано, что братия могла обратиться к аббату не напрямую, а через препозита; в свою очередь тот должен донести до аббата претензии братии лишь после того, как поцелует ноги настоятелю. Этот, в общем-то, униженный ритуал подчеркивал, с одной стороны, смирение монахов и препозита и, с другой – исключительный статус аббата. В то же время стоит обратить внимание на то, что от аббата требуется признать по пунктам свою вину и изменить поведение. Если же он будет продолжать нарушать устав и не захочет решить дело миром, то братия может обратиться к епископу (очевидно, епископу Думио) и даже к королевскому комиту²⁷ [7. Р. 110–112]. И тут важно, что,

несмотря на исключительный статус аббата в монастыре, все же его власть и авторитет не абсолютны, а напрямую зависят от его поведения и образа жизни. И это не просто подразумевается, а прямо прописано в Пакте, который является юридическим документом, порождающим обязательства.

Необходимо упомянуть еще об одной важной сфере деятельности аббата, а именно об управлении хозяйством монастыря. Эта проблематика была в деталях исследована П. Диасом Мартинесом [9], так что, следуя его идеям, я попытаюсь обозначить, как контроль над имуществом и хозяйственной жизнью влиял на статус и авторитет аббата. В вестготских уставах аббат является главным распорядителем монастырского имущества как движимого, так и недвижимого. При этом с самого начала – уже в уставе Исидора – рядом с аббатом появляются препозит и деканы, которые непосредственно организуют монахов на работу и следят за ее выполнением²⁸ [8. Р. 18–19]. Ежедневная рутинная работа по организации монашеского труда и труда зависимого от монастыря населения лежит именно на препозитах²⁹. Аббат же, как можно заключить по тексту уставов, осуществляет общее управление имуществом³⁰. Однако именно аббат представляется хранителем и гарантом неотчуждаемости монастырского имущества. Так, аббат должен защищать монастырское имущество в суде, хотя бы и не лично, а через посредника – благочестивого мирянина [9. Р. 144]. При этом по тексту уставов видно, что хозяйственная деятельность аббата при всей ее значимости не является главной. За эту сторону жизни отвечает препозит. Основная функция настоятеля состоит в том, чтобы молиться, организовывать службу, следить за дисциплиной и пояснять монахам непонятные места из Священного Писания. Иначе говоря, его главной заботой была забота о душах монахов, за которых он и будет отвечать на Страшном суде.

* * *

Итак, источники власти и авторитета аббата в Толедском королевстве вестготов не отличаются от тех,

которые выделил Дж. Констебль применительно ко всему латинскому средневековью. В этом смысле раннесредневековая Испания при всех особенностях развития там монашества не является уникальным регионом.

Аббат называется в уставах «отцом монахов» и действительно наделяется отеческой властью над послушниками. Он обеспечивает жизнедеятельность монастыря в самом прямом смысле, поскольку является распорядителем имущества обители. Хотя важную роль в хозяйственной жизни играют помощники аббата – препозиты и деканы, но они являются лишь исполнителями решений настоятеля.

Но главное, аббат несет колоссальную ответственность за спасение душ вверенных ему монахов, и это наделяет его особым статусом. В уставе Фруктуоза и в Пакте, который идет в связке с «Общим уставом», буквально прописывается отказ послушников от собственного волеизъявления, а послушание старшим преподносится как обязательное условие будущего спасения. Аббат является толкователем трудных и непонятных мест из Священного Писания (подчас единственным), на него же ложится обязанность участвовать во всех богослужениях и следить за тем, чтобы послушники усердно молились. Он же отвечает за дисциплину в монастыре и поведение иноков, притом отвечает на Страшном суде перед самим Господом. Именно поэтому аббат наделяется дисциплинарной властью и, в частности, правом отлучать от церкви тех, кто особенно упорствует во грехе.

Однако наряду с исключительным статусом к аббата предъявляются весьма жесткие моральные требования. Его образ жизни должен быть безупречен и служить примером для всей братии. Аббат подчиняется нормам устава и не может злоупотреблять своей властью. Ответственность аббата, как кажется, яснее осознается авторами второй половины – конца VII в., и поэтому в уставе Фруктуоза, в «Общем уставе» прописываются механизмы контроля над деятельностью аббата как со стороны епископа или других аббатов, так и со стороны братии.

Примечания

¹ RI. 2, 31: Abba interea deligendus est... (Аббата, однако, следует выбирать... Здесь и далее русский текст устава Исидора цитируется в переводе С.А. Воронцова) [10. Р. 92]; RF. 19, 369: Abba uel praepositus e propriis semper coenobii monachis eligantur (Аббат или препозит всегда пусть всегда избираются из монахов той самой киновии) [10. Р. 157].

² Conc. Tol. IV (anno 636), can. 51: ...hoc tantum sibi in monasteriis vindicent sacerdotes, quod recipiunt canones, id est monachos ad conuersationem sanctam praemonere, abbates aliaque officia instituere atque extra regulam facta corrigere. (...пусть епископы в монастырях оставят за собой только на то, что поддержано канонами, то есть увещевать монахов вести святой образ жизни, поставлять аббатов и других служителей, а также исправлять, что было сделано вопреки уставу) [11. Р. 209].

³ Ильдефонс Толедский. Книга о знаменитых мужах. 6 [13. С. 389].

⁴ RI. 2, 31–35: Abba interea deligendus est institutione sanctae uitae duratus atque inspectus patientiae et humilitatis experimentis, qui etiam et per exercitium uitae laboriosam tolerauit; ac transcendens aetatem adulescentiae in iuuentute sua senectutem tetigerit; cui et maiores non dedignentur parere obediens ei, tam pro aetate quam etiam pro morum probitate (Аббата, однако, следует выбирать, закаленного в обычае святой жизни и испытанного в трудах терпения и смирения, который на деле проводил многотрудную жизнь; и <который>, выйдя из юного возраста, в расцвете своих сил был бы уже близок к старости, кому бы и старшие не признавали недостойным подчиняться, послушные ему как в силу его возраста, так и в силу порядочности его нравов) [10. Р. 92].

⁵ RI. 2, 36–37: Iste enim se imitandum in cunctis operum exemplis exhibebit. Neque enim aliquid imperare cuiquam licebit, quod ipse non fecerit (Он явит себя достойным подражания во всех примерах. И притом не позволено <ему> будет приказывать кому-либо <делать> что-либо, что он сам не делал) [10. Р. 92].

⁶ RI. 2, 40–42: ...circa omnes quoque seruans iustitiam, contra nullum liuore odii inardescens; omnes ex corde amplectens nullum conuersum despiciens, paratus etiam quorumdam infirmitati conpatiendi misericordia... (...соблюдая справедливость в отношении ко всем, ни к кому не пылая гневом и завистью, любя всех от всего сердца, не презирая никого из послушников, готовый милосердием сострадать любой немощи...) [10. P. 92].

⁷ RF. 19, 370–379: Vir sanctus, discretus, grauis, castus, karus, humilis, mansuetus et doctus, qui diutinis experimentatus est documentis, omnibus praefatis rebus bene fuerit eruditus, qui in abstinentia praecellat, in doctrina refulgeat, exquisitas epulas et mensae lautioris consuetudinem contemnat. Vini nimis perceptionem respuat. Cunctis in commune fratribus ut pater proprius piissimusque prouideat. Quem nec ira subita immoderate deiciat, nec superbia extollat, nec maeror ac pusillanimitas frangat, nec libido corrumpat. Qui et in patientia discretionem, et cum ira exhibeat leuitatem. Quique sic egentibus atque pauperibus pareat ut ministrum se et non praelatum tantum Xpi uisceribus recognoscat. (Муж святой, строгий, серьезный, целомудренный, [всем] приятный, смиренный, добрый и ученый, разбирающийся в старых документах (?), который был хорошо обучен всем перечисленным вещам, пусть он превосходит всех в воздержании, сияет ученостью, презирает утонченные яства и привычку к роскошному столу. Чрезмерное потребление вина пусть с презрением отвергает. Да печется от обо всех братьях вместе как их собственный милосерднейший отец. И не сокрушит его совершенно внезапный гнев, не вознесет гордыня, не будут удручать грусть и малодушие, не источит похоть. Да проявит он и в терпении строгость, и в гневе снисходительность. Пусть он так помогает нуждающимся и беднякам, что сознает себя слугой для детей Христовых, а не только поставленным впереди) [10. P. 157–158].

⁸ RF. 19, 379–386: Cuiusque tanta debet sermonis et uitae consonantia esse, ut id quod docet uerbis confirmet operibus sedulis; et bis acuto praecedens gladio quicquid alios informat uerbo iugi ipse gerat studio. Ut nec sermonem operatio destruat, nec e contra operationem bonam sermo inconueniens frangat, sed sint sibi cuncta in parte conuenientia, sicuti cordarum concordia in lira uel cithara, quae tunc dulciffium ex se sonum reperiunt reddunt, cum artificis pulsante manu, temperato aequitatis ordine, et non confusa inaequalitatis praecipitatione feriuntur (Такое должно быть согласие его жизни и беседы (проповеди), что то, чему он учит на словах, он прилежно подкреплял бы делами; и шествуя впереди с обоюдоострым мечом, то, что он в других воспитывает словами, сам совершал бы с непрестанным усердием, так что ни его деяния не нарушали бы беседы, ни неподходящая беседа не противодействовала бы добродетели, но такая была бы в каждой части гармония, как согласие струн в лире или кифаре, которые только тогда от удара издают столь сладкозвучный напев, когда по ним ударяют побуждающей рукой мастера равномерно определенным порядком, а не смешанными беспорядочными ударами) [10. P. 158].

⁹ RComm. 10, 309–315: Secundo ut per capita mensium abbates de uno confinio uno se copulentur loco, et mensuales laetantias strenue celebrent, et pro animabus sibi subditis auxilium Domini implorent. Quia de ipsis in tremendo iudicio cum grandi discussione sperent se Deo reddere rationem. Tertio qualiter cotidie uiuere debeant ibi disponant, et tamquam a saionibus comprehensi ad cellas reuertant subplacitati (Во-вторых, пусть в начале [каждого] месяца аббаты одной местности собираются в одном месте и усердно совершают ежемесячную литанию и ради душ вверенных им людей слезно просят о помощи Господа, ведь они о самих себя надеются, что при тщательном разбирательстве на Страшном суде дадут Богу отчет. В-третьих, пусть там решают, как должны каждый день жить, и пусть возвращаются в свои кельи униженные, будто их разоблачили сайоны. *Здесь и далее русский текст «Общего устава» цитируется в переводе М.Ю. Биркина*) [10. P. 187].

¹⁰ RComm. 3, 91–94: Primum praeuidendus est abbas uitae sanctae institutione duratus; non conuersatione nouellus, sed qui per diuturnum tempus in monasterio sub abbate desudans inter multos est conprobatus, et non habet hereditatem in saeculo <...> (Сначала нужно предусмотреть, чтобы аббат утвердился в святом образе жизни, не новообращенный [монах], но тот, кто, усердно протрудившись под началом аббата в монастыре в течение длительного времени, получил среди многих одобрение, и [тот, кто] не имеет наследия в веке сем, <...>) [10. P. 177].

¹¹ RComm. 3, 91–107: Si certe aliquis insequitur monasterii accesserit et aliquid auferre conauerit et per uim tollere uoluerit uni de laicis causam iniungat, et ipso fidelissimo christiano <...> Quod si persequitur in sua perseuerauerit contumacia et plus lucra dilexerit quam animam, statim causator cum eo contendere dimittat (Если, конечно, какой-либо преследователь монастыря нападет, попытается что-то похитить и захочет вынести [это] силой, аббату следует поручить судебную тяжбу одному из мирян <...> Но если истец будет упорствовать в своем упрямстве и больше любить наживу, чем душу, ответчику следует тотчас прекратить с ним спорить) [10. P. 177–178].

¹² RI. 8, 211–216: Omnes codices custos sacrarii habeat deputatos a quo singulos singuli fratres accipiant quos prudenter lectos uel habitos semper post uesperum reddant. Prima autem hora codices diebus singulis expetantur. <...> De iis autem quaestionibus quae leguntur nec forte intelleguntur unusquisque fratrum aut in conlatione aut lectione ab eo expositionem suscipiat, ita ut dum uni exponitur ceteri audient (Все книги должны быть доверены ризничему, от которого братия получают каждый по одной и, когда они благоразумно прочитаны или использованы, всегда возвращают после вечерни. Пусть запрашивают книги в первый час каждый день. <...> О тех вопросах, которые читают и вдруг не понимают, каждый из братии пусть спрашивает аббата или на собеседовании, или после вечерни, и, когда место будет зачитано, примет от него разъяснения, так, чтобы пока одному объясняют, другие слушали) [10. P. 103].

¹³ RF. 2, 59–62: ...sic post mediam noctem si hyemis tempus est, sedentibus cunctis unus in medio residens releget librum et abbate uel praeposito disserente, ceteris simplicioribus quod legitur patefiet. Quod quidem et aestate post uesperam conseruetur... (После полуночи, если на дворе зима, когда все рассядутся, один, стоя посредине, пусть читает книгу и благодаря объяснениям аббата или препозита пусть суть прочитанного станет понятной прочим простецам. То же самое пусть соблюдается и летом после вечерни...) [10. P. 140].

¹⁴ RComm. 10, 315–317: Quarto, retroacta sanctorum patrum per scripturas sciscitantes reuoluant, ut ab ipsis quid facere debeant agnoscant, et intus ac foris ante et retro plenam mentem oculis habeant (В-четвертых, пусть они, внимательно снова и снова изучают написанное о деяниях святых отцов прошлого, чтобы оттуда узнать, как надо поступать и иметь разум, исполненный очей внутри и снаружи, спереди и сзади (пер. М.Ю. Биркина с изменениями)) [10. P. 189–190].

¹⁵ RComm. 5, 147–152: ...et quicquid fecerint absque murmuratione faciant; ne, quod absit murmurando ea sententia pereant, qua perierunt hi qui in deserto murmurauerunt. Illi perierunt manna manducando, et isti in monasterio murmuratores scripturas recitando. Illi manna manducando mortui sunt; et isti scripturas legendo et audiendo spiritali fame cotidie moriuntur (И что бы ни делали, пусть делают это они без ропота. И чтобы они – да не случится так – не погибли из-за ропота по тому же приговору, по какому

погибли роптавшие в пустыне. Те погибли, вкушая манну, а эти ропщущие в монастыре, читая вслух Писания. Те умерли, вкушая манну, а эти, читая и слушая Писания, от духовного голода умирают каждый день» [10. P. 180].

¹⁶ RComm. 10, 300–303: *Proinde ergo abbates per monasteria tota mentis intentione cum fletu et cordis contritione tuita laboris aut itineris occasione cum omni monachorum congregatione celebrare debent* (По этой причине, следовательно, аббаты по монастырям должны вместе со всей братией монахов, отбросив всякую причину для работы и путешествия, служить [часы] в полном сосредоточении ума, с плачем и сердечным сокрушением) [10. P. 187].

¹⁷ RComm. 10, 309–313: *Secundo ut per capita mensium abbates de uno confinio uno se copulentur loco, et mensuales laetantias strenue celebrent, et pro animabus sibi subditis auxilium Domini implorent. Quia de ipsis in tremendo iudicio cum grandi discussione sperent se Deo reddere rationem* (Во-вторых, пусть в начале [каждого] месяца аббаты одной местности собираются в одном месте и усердно совершают ежемесячную литанию и ради душ вверенных им людей слезно просят о помощи Господа, ведь они о самих себя надеются, что при тщательном разбирательстве на Страшном суде дадут Богу отчет) [10. P. 187].

¹⁸ RI. 24, 579–580: *Nullus monachorum inconsulto abbate audeat uspiam progredi, nec aliquid praesumere sine inperio eius seu praepositi* (Никто из монахов пусть не осмеливается, не спросив аббата, куда-либо отбывать или позволять себе что-либо без распоряжения его или препозита) [10. P. 124]; RF. 8, 201–202: *Nullus alicui manum teneat, aut ad punctum temporis uspiam sine benedictione secedat* (Пусть никто не держит другого за руку и не удаляется куда-либо на некоторое время без благословения) [10. P. 148].

¹⁹ RComm. 5, 140–141: *In tantum debent monachi praecepta oboedire maiorum sicut Christus Patri oboediens fuit usque ad mortem* (Настолько монахи должны повиноваться предписаниям старших, насколько Христос Отцу был послушен вплоть до смерти) [10. P. 180].

²⁰ Pactum, 74–78: *Proinde diuino ardore accensi ecce nos omnes qui subter notandi sumus, Deo et tibi Domino et patri nostro tradimus animas nostras, ut secundum edictum apostolorum et regulam et sicuti sancta patrum praecedentium sanxit auctoritas uno nos in coenobio Christo praecedente teque docente habitemus* [10. P. 209].

²¹ RI. 16, 390–393: *Qui sibimet inuicem conuicia obiciunt, si iterum inuicem sibi celeriter laxando ignoscunt ii ab alio indicandi non sunt quia pariter sibi ueniam dare festinauerunt, si tamen excedere in semetipsos frequentius non praesumant* (О тех же, кто будет ругаться друг с другом, если быстро друг друга, примирившись, простят, не следует доносить другому, поскольку они вместе поспешили даровать себе прощение, если они не будут позволять себе часто впадать в то же самое) [10. P. 113].

²² RI. 18, 461–462: *Excommunicandi potestatem habebit pater monasterii siue praepositus* (Власть отлучения пусть будет только у отца монастыря или препозита) [10. P. 117]; RComm. 11, 350–351: *Excommunicandi tamen causam sic abba, sic praepositus habeat* (Властью отлучать пусть обладают как аббаты, так и препозиты) [10. P. 191].

²³ RF. 13, 269–271: *Similiter quoque et refectiois tempore coram refectorio adstabit uulto deposito et habitu quousque fratrum compassione et patris miseratione solutus ueniam percipiat, quam deposcit* (Также и во время отдыха пусть стоит перед отдыхающими, опустив лицо в преклоненной позе, пока из сострадания остальных братьев и милосердия аббата не получит искомого прощения) [10. P. 152]; RComm. 14, 445–447: *Abbas uero sollicitus et prudenter tractet utrum ueram an imaginariam habeat patientiam per quam possit se ad fratrum reconciliare karitatem* (Аббат же тщательно и рассудительно разберет, истинное ли, или показное имеет терпение провинившийся, с помощью которого он может вновь соединить себя с любовью братьев) [10. P. 197].

²⁴ RI. 15, 381–385: *...si negauerit qui deliquit peccatum palam commissum, palam est arguendum, ut dum manifeste peccans emendatur, ii qui eum in malo imitati sunt corrigantur. Si autem per unius delictum saepe multi pereunt, ita per unius emendationem plerumque multi saluantur* (Если будет отпираться тот, кто совершил грех публично, публично же надо его опровергать, чтобы пока явно грешащего поправляют, те, кто ему подражали в дурном, исправлялись. Ведь если через проступок одного часто гибнут многие, так и через исправление одного в большинстве случаев многие спасаются) [10. P. 113].

²⁵ RF. 13, 276–281: *Ne fortasse dolositate uel malitia senioris innocens iunior opprimatur, abbati uel praeposito iuxta personarum acceptionem non liceat indicare, neque aliquem fraudulenter uel iniuste damnare, sed ut dictum est, spiritalium et ueridicorum fratrum huiusmodi rebus est referenda sententia, qui sibi dei iudicium ponentes prae oculis non permittant pessime obprimi animam innocentis* (Чтобы невинный юнец не пострадал из-за хитрости или злоумышления старца, аббату или препозиту не дозволяется судить лицепрятно, осуждать кого-либо обманно или несправедливо, но, как сказано, приговор по такого рода делам надлежит выносить духовным и правдивым братьям, которые, имея перед глазами Суд Божий, не осмелятся наихудшим образом угнетать душу невинного) [10. P. 152].

²⁶ Pactum, 682–687: *Quod si aliquis ex nobis contra regulam et tuum praeceptum murmurans, contumax, inoboediens, uel calumniator, existeret tunc habeamus potestatem omnes in unum congregare, et lecta coram omnibus regula culpam publice probare; et flagella seu excommunicationem secundum intuitum culpaе unusquisque suum reatum conuictus suscipiat* (Но если среди нас объявится кто-нибудь, на правило и твое предписание ропщущий, строптивый, непослушный или клеветник, да будет у нас право всех собрать вместе и, прочитав в присутствии всех правило, публично доказать вину. И каждый, уличенный в своем проступке, да получит порку или отлучение в соответствии с [его] виной (пер. М.Ю. Биркина) [10. P. 210].

²⁷ Pactum, 705–719: *Tibi uero domino nostro suggerimus, si uelles, quod credi certe nefas est et quod Deus fieri non patitur, aliquem ex nobis iniuste aut superbe aut iracunde habere aut certe unum diligere et alterum liuoris odio contempnere, unum imperare, alterum adulare, sicut uulcus habet, tunc habeamus et nos concessam a Deo potestatem non superbe, non iracunde, per unamquamque decaniam praeposito nostro querimoniam inferre; et praepositus tibi domino nostro humiliter pedes deosculari et nostram querellam ad singula pandere et tu patienter iubeas auscultare, et in communi regula ceruicem humiliare et corripere et emendare; quod si corripere te minime uolueris, tunc habeamus et nos potestatem cetera monasteria comis mouere aut certe episcopum qui sub regula uiuit uel catholicum ecclesiae defensorem comitem et aduocare ad nostram conlationem ut coram ipsis te corripas, et coeptam regulam perficias et nos simus discipuli subditi seu adoptiui filii humiles oboedientes in omnibus quae oportet, et tu demum Christo sine macula offeras nos inlaesos. Amen.* (Тебе же, господин наш, мы сообщаем, что – в это, конечно, нельзя, поверить, и Бог это не допустит, если ты станешь с кем-либо из нас несправедливо, или горделиво, или гневливо обращаться, или даже одного почитать, а другого презирать из зависти и ненависти, над одним властвовать, другому – льстить, как поступает чернь, тогда пусть и у нас будет дозволенное Богом право – без гордости и гнева – через своего декана передать жалобу препозиту. А препозит [будет иметь право] смиренно поцеловать тебе, господин наш, [твои] ноги и изложить нашу жалобу по пунктам, и ты терпеливо соизволишь выслушать и смирить выю свою под ярмо Общего устава, повиниться и исправиться. Но если ты совсем не захочешь

повиниться, тогда пусть и у нас будет право привлечь другие монастыри или даже епископа, который живет согласно уставу, или комита, правоверного защитника церкви, и призвать на наше собрание, чтобы в их присутствии ты повинился и установленное наказание выполнил, а мы были бы покорными учениками или приемными сынами, смиренными и послушными во всем, что нужно, и ты, наконец, принесешь нас Христу непорочными и нетронутыми. Аминь» [10. Р. 211].

²⁸ RI. 5, 166–167: Quaecumque autem operantur monachi manibus suis praeposito deferant, praepositus autem principi monachorum (Монахи то, что они сделали своими руками, пусть передают препозиту, а препозит — начальнику монастыря) [10. Р. 100]; RF. 4, 113–115: Dicta prima conmonentur decani a praeposito suo quale opus debent exercere, adque illi reliquos admonet fratres (Когда будет прочитана молитва первого часа, пусть деканы получают от своего препозита наставления, каким трудом им следует заниматься, а они пусть дадут наставления остальной братии) [10. Р. 143].

²⁹ RI. 21, 506–509: Ad praepositum enim pertinet sollicitudo monachorum, actio causarum, cura possessionum, satio agrorum, plantatio et cultura vinearum, diligentia gregum, constructio aedificiorum, opus carpentariarum siue fabrorum (К [должности] препозита относятся: попечение о монахах, ведение дел, забота о собственности, засев полей, насаждение и возделывание виноградников, уход за стадами, постройка зданий, труд плотников и мастеров) [10. Р. 120].

³⁰ RComm. 11, 345–355: Omnem uero monasterii substantiam praepositi accipiant dispensandam, et si quispiam captiuorum aliquid alimenti petierit abbatem aut pro quacumque causa ipse praepositus hoc provideat et ut abba nullum laborem habeat exceptis quae supra praediximus, omni intentione sollicitudinem gerat. <...> Et quod per singulos menses expensum fuerit, per omnium capita mensium rationem suo abbati faciat; et hoc cum tremore et simplicitate ac uera cordis humilitate tamquam redditurus Domino rationem; et quod fecerit, semper in arbitrio pendeat abbatibus. Nihil de sua temeritate praesumat... (Заведование же всем имуществом монастыря пусть примут препозиты, и даже если кто-либо из несчастных обратится к аббату ради [получения] чего-либо из еды или какой другой причине, сам препозит это и обеспечит, и пусть препозит со всем усердием заботится о том, чтобы у аббата не было никакой работы, кроме той, о которой мы сказали выше <...> О том, что ежемесячно будет тратиться, пусть препозит в начале каждого месяца дает отчет своему аббату, да с таким трепетом, честностью и истинным смирением сердца, как будто должен будет предоставить отчет самому Господу. И что он сделает, зависит от воли аббата. Пусть ничего по своему произволу не предпринимает...) [10. Р. 191–192].

Сокращения

RI – Regula Isidori;
RF – Regula Fructuosi;
RComm – Regula Communis;
Conc. Tol. – Concilium Toletanum.

Список источников

1. Constable J. The Authority of Superiors in Religious Communities // La notion d'autorité au Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident. Colloques internationaux de la Napoule (23–26 octobre 1978) / ed. G. Maksidi, D. Sourdell, J. Sourdell-Thomine. Paris, 1982. P. 189–210.
2. Bishko Ch.J. The Pactual Tradition in Hispanic Monasticism. London : Variorum Reprints, 1984. P. 1–43.
3. Díaz y Díaz M.C. La vie monastique d'après les écrivains wisigothiques (VIIe siècle) // Theologie de la vie monastique (Theologie 49). Paris, 1961 (= Díaz y Díaz M.C. Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles. London : Variorum reprints, 1992).
4. Díaz Martínez P. Visigothic Monasticism. Written Sources and Everyday Life // La vie quotidienne des moines en Orient et en Occident (IVe–Xe siècle). Vol. I. / Ed. O. Delouis, M. Mossakowska-Gaubert. Caire, 2019. P. 337–355.
5. González T. La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe // Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. Vol. 1. P. 401–748.
6. Salisbury J.E. Iberian Popular Religion 600 B.C. to 700 A.D. Celts, Romans and Visigoths. New York, 1985.
7. Orlandis J. Estudios sobre las instituciones monásticas medievales. Pamplona, 1971.
8. Linage Conde A. La autoridad en el monacato visigótico // Ligarzas. 1975. Vol. 7. P. 5–24.
9. Díaz Martínez P. Formas económicas y sociales en el monacato visigodo. Salamanca, 1987.
10. San Leandro, San Isidoro, San Fructuoso. Reglas monásticas de la España visigoda. Los tres libros de las “Sentencias” / introducciones, versión y notas de J. Campos Ruiz, I. Roca Melia // Biblioteca de autores cristianos. Madrid, 1971.
11. Vives J., Marin Martínez T., Martínez Díez G. (eds.) Concilios visigóticos y hispano-romanos. Barcelona; Madrid, 1963.
12. Barata Dias P. L'idéal monastique, les moines et les monastères du monde wisigothique selon Isidore de Séville // Antiquité Tardive. 2015. Vol. 23. P. 143–154.
13. Mater Hispania: Христианство в Испании в I тысячелетии н.э. / сост. А. Кордочкин. СПб., 2018.
14. Маре́й Е.С. Энциклопедист, богослов, юрист. Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.
15. Díaz y Díaz M.C. La tradición de la “Regula Isidori” // Studia monastica. V. Montserrat, 1963. P. 27–57 (= Díaz y Díaz M.C. Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles. London : Variorum reprints, 1992).
16. Antolín P.G. Catálogo de los códices latinos de la Real Biblioteca del Escorial. Vol. 1. Madrid, 1910.
17. Velázquez Soriano I. Reflexiones en torno a la formación de un Corpus Regularum de época visigoda // Antigüedad cristiana (Murcia). XXIII. 2006. P. 531–567.
18. Cantera Montenegro C., Rodríguez de la Peña A. Conciencia hispana y tradición monástica en la *Vita Fructuosi* // Cuadernos de estudios gallegos. LIV (120). P. 71–102.
19. Díaz Martínez P. Social Plurality and Monastic Diversity in Late Antique Hispania (VI to VIII century) // The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West. Vol. 1: Origins to the Eleventh Century / ed. A.I. Beach, I. Cochelin. Cambridge, 2020. P. 195–212.

References

1. Constable, J. (1982) The Authority of Superiors in Religious Communities. In: Maksidi, G., Sourdell, D. & Sourdell-Thomine, J. (eds) *La notion d'autorité au Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident*. Colloques internationaux de la Napoule. 23–26 octobre 1978. Paris. pp. 189–210.
2. Bishko, Ch.J. (1984) *The Pactual Tradition in Hispanic Monasticism*. London: Variorum Reprints. pp. 1–43.

3. Díaz y Díaz, M.C. (1961) La vie monastique d'après les écrivains wisigothiques (VIIe siècle). In: *Theologie de la vie monastique (Theologie 49)*. Paris. (= Díaz y Díaz, M.C. (1992) *Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles*. London: Variorum reprints).
4. Díaz Martínez, P. (2019) Visigothic Monasticism. Written Sources and Everyday Life. In: Delouis, O. & Mossakowska-Gaubert, M. (eds) *La vie quotidienne des moines en Orient et en Occident (IVe–Xe siècle)*. Vol. I. Caire. pp. 337–355.
5. González, T. (1979) La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe. In: Villoslada, R.G. (ed.) *Historia de la Iglesia en España*. Vol. 1. Madrid. pp. 401–748.
6. Salisbury, J.E. (1985) *Iberian Popular Religion 600 B.C. to 700 A.D. Celts, Romans and Visigoths*. New York.
7. Orlandis, J. (1971) *Estudios sobre las instituciones monásticas medievales*. Pamplona.
8. Linage Conde, A. (1975) La autoridad en el monacato visigótico. *Ligarzas*. 7. pp. 5–24.
9. Díaz Martínez, P. (1987) *Formas económicas y sociales en el monacato visigodo*. Salamanca.
10. Campos Ruiz, J. & Roca Melia, I. (eds) (1971) *San Leandro, San Isidoro, San Fructuoso. Reglas monásticas de la España visigoda. Los tres libros de las "Sentencias"*. Biblioteca de autores cristianos. Madrid: La Editorial Católica.
11. Vives, J., Marin Martínez, T. & Martínez Díez, G. (eds) (1963) *Concilios visigóticos y hispano-romanos*. Barcelona; Madrid.
12. Barata Dias, P. (2015) L'idéal monastique, les moines et les monastères du monde wisigothique selon Isidore de Séville. *Antiquité Tardive*. 23. pp. 143–154.
13. Kordochkin, A. (ed.) (2018) *Mater Hispania: Khristianstvo v Ispanii v I tysyacheletii n.e.* [Mater Hispania: Christianity in Spain in the 1st millennium CE]. Sankt-Peterburg.
14. Marey, E.S. (2014) *Entsiklopedist, bogoslov, yurist. Isidor Sevil'skii i ego predstavleniya o prave i pravosudii* [Encyclopedist, Theologian, Jurist. Isidore of Seville and his ideas about law and justice]. Moscow.
15. Díaz y Díaz, M.C. (1963) La tradición de la "Regula Isidori". *Studia monastica*. V. Montserrat. pp. 27–57 (= Díaz y Díaz, M.C. (1992) *Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles*. London: Variorum reprints).
16. Antolín, P.G. (1910) *Catálogo de los códices latinos de la Real Biblioteca del Escorial*. Vol. 1. Madrid.
17. Velázquez Soriano, I. (2006) Reflexiones en torno a la formación de un Corpus Regularum de época visigoda. *Antigüedad cristiana* (Murcia). XXIII. pp. 531–567.
18. Cantera Montenegro, C. & Rodríguez de la Peña, A. (n.d.) Conciencia hispana y tradición monástica en la Vita Fructuosi. *Cuadernos de estudios gallegos*. LIV (120). pp. 71–102.
19. Díaz Martínez, P. (2020) Social Plurality and Monastic Diversity in Late Antique Hispania (VI to VIII century). In: Beach, A.I. & Cochelin, I. (eds) *The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West*. Vol. 1: Origins to the Eleventh Century. Cambridge. pp. 195–212.

Информация об авторе:

Марей Е.С. — канд. ист. наук, приглашенный сотрудник Лаборатории исследования церковных институций Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия); доцент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: elena.fontis@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Marey, Cand. Sci. (History), visiting researcher, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena.fontis@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 16.11.2024; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 16.11.2024; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 94(47).084
doi: 10.17223/15617793/512/15

Реконструкция состава флотилии завода № 74 на Ижевском пруду

Николай Витальевич Митюков¹, Светлана Леонидовна Баутина²

¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия, nico02@mail.ru

² Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Ижевск, Россия, bautinasvetlana@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования является водный транспорт завода № 74 (до 1939 г. № 180, ранее № 10, ныне ПО «Ижмаш», входящее в состав концерна «Калашников»), для которого водные перевозки никогда не были основной сферой деятельности. Для создания полной картины на основе документации составляется каркас, дополняемый данными публицистической, краеведческой литературы и фотоматериалами. Установлено, что в период 1916–1956 гг. завод имел по три-четыре катера. За это время флотилия прошла полное техническое перевооружение лишь один раз, а средний срок службы катеров составлял порядка 20 лет.

Ключевые слова: Ижевские заводы, водный транспорт, заводская флотилия, реконструкция судовых биографий

Для цитирования: Митюков Н.В., Баутина С.Л. Реконструкция состава флотилии завода № 74 на Ижевском пруду // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 137–148. doi: 10.17223/15617793/512/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/15

Reconstruction of the flotilla of Plant No. 74 on the Izhevsk Pond

Nicholas W. Mitiukov¹, Svetlana L. Bautina²

¹ Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation, nico02@mail.ru

² Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technology, Izhevsk, Russian Federation, bautinasvetlana@mail.ru

Abstract. Domestic literature on river transport of the Soviet period usually considers only shipping companies and other structures subordinate to the Ministry of River Fleet. Even in works reviewing water transport of the region, all conclusions, as a rule, are based on data on the work of shipping companies. The reasons for this should be sought in the source base, which is usually optimized for the main activity of the enterprise, mentioning the fleet only occasionally. In this regard, the development of methods that make it possible to reconstruct the biographies of ships based on existing office documentation, as well as to identify the composition and evolution of fleets for organizations where this activity is not their core business, is a topical issue, without which it is impossible to compile a picture of the development of water transport in the entire region and the country. Using the example of Udmurtia, it can be argued that the total fleets of the ministries and departments not subordinate to the Ministry of River Fleet exceeded the composition of the Kama River Shipping Company fleet operating in the region by more than two times. The object of the proposed study is the water transport of Plant No. 74 (until 1939 No. 180, previously No. 10, now PO Izhmash, part of the Kalashnikov concern), for which water transportation has never been the main area of activity. Because of this, the plant's water transport is mentioned in the office documentation extremely eclectically, and it is not possible to form a complete picture of the composition and evolution of the plant's flotilla. In this regard, the following methodology was used to resolve this issue: based on the office documentation contained in the enterprise's archival fund in the Central State Archive of the Udmurt Republic, a reconstruction framework is compiled, which is supplemented by data from journalistic and local history literature, as well as available photographic materials. As a result, it was established that in the period 1916–1956 Plant No. 74 had eight boats, with three to four vessels on its balance sheet at a time. The constancy of the number of personnel proves the relative constancy of the enterprise's transport tasks. During the period under review, the plant's flotilla underwent a complete technical re-equipment only once, and the average service life of the boats was about two decades. It was established that the plant was engaged in its own shipbuilding, having built at least two boats: *Temp* and *Planeta*, and, possibly, *Epron*. The remaining boats were received mainly "by chance": after nationalization (*Besposhchadny* and No. 22) or for the protection of the water area during the war (*Kirovets*).

Keywords: Izhevsk factories, water transport, factory flotilla, reconstruction of ship biographies

For citation: Mitiukov, N.W. & Bautina, S.L. (2025) Reconstruction of the flotilla of Plant No. 74 on the Izhevsk Pond. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 137–148. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/15

Введение

Традиционные исторические исследования предполагают что имеется набор фактов, обычно недостаточный для проведения процессуальной реконструкции. Из-за этого проводится поиск дополнительного фактического материала в архивах, на основе которого и производится реконструкция событий. Но, как оказалось, делопроизводственная документация заводов, составляющая основу их архивных фондов, может непреднамеренно вводить в заблуждение, особенно касательно вопросов водного транспорта. Так получилось с заводской флотилией завода № 74 (ранее предприятие «Ижевские заводы», потом завод № 10, после чего № 180; ныне ПО «Ижмаш», входящее в состав концерна «Калашников»). Поскольку сам завод подавал ежегодные секретные отчеты в свой наркомат, а запросы на отчеты по водному транспорту грифа не имели, как правило, форма 26-вод и ей аналогичные сопровождались проставлением прочерков по всем графам. Возможно, некоторую правомочность этих действий давал тот факт, что практически вся заводская флотилия находилась на замкнутой акватории заводского пруда, и потому, по-видимому, не подпадала под регистрацию контролирующими органами по линии наркомата речного флота. В связи с этим немногие упоминания о водном транспорте в заводской делопроизводственной документации выглядят довольно эклектично и не дают возможность составить целостную картину. Поэтому предлагаемой методикой исследования логичным видится следующая. На основе делопроизводственной документации завода строится каркас фактов, зачастую несвязанный и противоречащий друг другу, после чего на основе публицистической и краеведческой литературы происходит уточнение этого каркаса и построение реконструкции эволюции заводской флотилии. В качестве главного принципа исследования послужил известный из естественных наук принцип минимума энтропии. Применительно к историческим исследованиям его можно сформулировать следующим образом: из всех реконструкций наиболее вероятна та, для реализации которой требуется минимум усилий.

Имеющиеся сведения из делопроизводственной документации о флотилии завода № 74

Первый пароход на Ижевском пруду «Иж» доставили на завод в середине 1890-х гг. Позднее к нему добавились «Шрапнель» и «Граната». Однако по целому ряду производственных задач использовать пароходы, достаточно дорогие при эксплуатации, оказалось неудобно. Поэтому уже перед Первой мировой войной встал вопрос о приобретении мотокатера – «лодки для перевозки пиломатериалов».

В 1913 г. из-за боязни пожаров склад пиломатериалов и лесопилку перенесли на другой берег Ижевского пруда в район Колтомы.

В связи с чем заведующий техническими артиллерийскими заведениями в докладе начальнику завода просил заказать специальную моторную лодку, кото-

рая «облегчит сообщение с противоположным берегом, так и доставку пиломатериала» [1. Л. 84 об.]. В том же году судно заказали на Воткинском заводе, документация которого говорит о постройке моторной лодки для Ижевских заводов. Это был заказ № 290, за 1913 г., ценой 1 500 руб. Длина по ватерлинии составила 8,23 м (27'), ширина – 1,83 м (6'), высота борта – 0,99 м (3'3"), осадка – 0,53 м (1'9") [2. Л. 22]. Двигатель завод-строитель не устанавливал, он лишь планировал, что тот будет с эффективной мощностью 10 л. с.

Следующим достаточно информативным документом из истории завода являются «Месячные сведения о наличии оборудования» Ижевских заводов, подробно освещающие заводскую флотилию в период с ноября 1921 г. по ноябрь 1924 г. Анализ этого источника ранее нами была посвящена отдельная работа [3]. К сожалению, мотоплот в них идентифицируется лишь по мощности двигателя. Известно также, что на сентябрь 1921 г. флотилия имела «2 железные [лодки] с моторами, 2 деревянные с моторами и 5 деревянных без моторов, на которые моторы устанавливаются по надобности» [4. Л. 170].

Единственная моторная лодка на начало рассматриваемого в «Сведениях» периода – это судно в 25 л. с., проходящее там через весь период, т.е. с ноября 1921 г. по ноябрь 1924 г. С сентября 1923 г. по апрель 1924 г. ее мощность указана как 25/50 л. с. Возможно, имеется в виду эффективная и индикаторная мощности. Поэтому практически нет сомнений, что она указана в сентябре 1921 г. как одна из железных лодок. Еще два катера в 10 и 40 л. с. непрерывно проходят в «Сведениях» с сентября 1922 г. по ноябрь 1924 г. Они значатся как железная и деревянная лодки в сентябре 1921 г. Установление еще одного деревянного катера со стационарным мотором в рамках данного источника не представляется возможным.

Имеется также описание имущества заводов, датированная началом 1927 г., в числе прочих форм, там есть «Список транспортных средств, <...> числящихся на инвентаре Ижзаводов». Кроме деревянных лодок с подвесными моторами, в ней имеются три мотокатера: «Ижзавод» (инв. № 33725), железный, 8,9 × 2,0 × 1,1 м, 150 руб.

№ 22 (инв. № 33726), деревянный, 10,0 × 1,9 × 1,0 м, 810 руб.

«Беспощадный» (инв. № 33727), железный, двигатель «Болиндер», 5,8 × 1,5 × 0,9 м, 137 руб. 80 коп. [5. Л. 32].

Следующее по хронологии упоминание заводских катеров в документации происходит в 1932 г. Среди норм расхода материалов транспортного цеха за этот год имеется статья, связанная с катерами. Под номером 37 списка числится моторная лодка «Буффало» с двигателем 60 л. с., на которую запланировано на один час работы: 13 кг керосина, 6 кг бензина, 0,013 кг тавота, 0,5 кг автола и 0,08 кг ветоши. Под номером 38 числится еще одна моторная лодка № 22 с двигателем 40 л. с., для которой отводилось на час работы: 12 кг керосина, 7 кг бензина, 0,013 кг тавота, 0,5 кг автола и 0,06 кг ветоши [6. Л. 8а]. Расходных материалов на

другие лодки в том году не планировалось. Для обслуживания лодок транспортный цех в сводке на рабочую силу прописывал потребность в одном мотористе 7-го разряда, одном – 6-го, и двух – 5-го. При этом должность одного моториста 5-го разряда была вакантна [6. Л. 10]. С учетом информации об эксплуатации двух катеров, а также принимая во внимание, что в команде каждого из них не более двух человек, можно предположить, что катера планировались не слишком активно использоваться.

Следующая группа источников, упоминающая о заводских катерах, – промфинпланы завода. В промфинплане 1935 г. флот завода не указан, но в штате перечислены три моториста с месячной зарплатой 250 руб., три – с зарплатой 225 руб., два – 190 руб. и один штурвальный – 170 руб. [7. Л. 38]. Учитывая, что в команду обычно включались два человека для сменности, получается, что флотилия завода должна состоять из четырех или даже пяти катеров.

На 1936 г. у завода числятся четыре катера: «Темп», «Буффало», «Эпрон», «Беспощадный» [8. Л. 57]. Потребный фонд зарплаты характеризует предполагаемую интенсивность использования судов: для «Темпа» он составил 2 400 руб., «Буффало» – 4 480 руб., «Эпрона» – 4000 руб. Что касается «Беспощадного», то он составлял 4 400 руб., но, учитывая, что на нем запланировано два моториста, на одного получается по 2 200 руб. Как видно, сильнее всех эксплуатируются «Буффало» и «Эпрон», интенсивность использования «Темпа» и «Беспощадного» ниже почти в два раза. По сравнению с 1935 г. можно предположить, что в этом году один катер списан (вероятно, № 22) или же снизилась нагрузка на суда, из-за чего уменьшились их команды.

В 1937 г. в составе Транспортного цеха (отдел № 4) числятся «Моторо-лодочная станция», где имеются катера «Темп», «Буффало», «Эпрон» и «Беспощадный» [9. Л. 20]. Что интересно, фонд заработной платы, выделяемый на разные катера, распределен следующим образом: «Темп» – 2 310 руб., «Буффало» – 3 990 руб., «Эпрон» – 2 812 руб., «Беспощадный» – 1 350 руб. и прочие лодки – 1 350 руб. По этим суммам можно составить представление о загруженности судов: наиболее интенсивно эксплуатировался «Буффало», на треть меньше – «Эпрон» и т.д.

В 1939 г. в отчете завода присутствует статистическая форма «Основные показатели по транспорту и связи». Но в графах речного транспорта составители поставили прочерки [10. Л. 31], хотя флот точно был.

В промфинплане 1941 г. прямо указано лишь название «Буффало», на котором запланировано два моториста. Кроме того, в штате Мотолодочной станции также указаны еще два моториста и два штурвальных, их фонд часов предполагаемого времени в сумме меньше, чем у мотористов «Буффало», но вполне достаточно для работы еще двух неуказанных катеров [11. Л. 15].

Информация о трех катерах, которыми располагал завод в 1941 г., подтверждается ответом администрации завода на запрос республиканского Освода, которому требовались моторные суда для создания сети спасательных станций на Ижевском пруду. 12 апреля

1941 г. директор завода Новиков писал в СНК УАССР: «*Наш завод не использует Ижевский пруд как водный путь, а транспортных средств кроме трех моторных лодок не имеет*» [12. Л. 47].

Наконец, рассмотрим наиболее плотно покрываемый документацией период 1947–1956 гг. В это время существовало Главное управление речного транспорта, по-видимому, жестко контролировавшее заполнение отчетных форм по водному транспорту. После его ликвидации завод снова стал ставить прочерки в формах о наличии своего флота, несмотря на то, что он у него был. В отчетах за некоторые годы на подаваемых формах – поскольку завод подчинялся оборонному министерству и его отчеты были секретными – сведения о названии завода отсутствуют. Флотилия как бы существует вне завода. Однако если комплексно рассматривать все отчеты по Удмуртии, то проблема идентификации – какому анонимному отчету принадлежит какой флот – решается достаточно просто [13]. В результате получается, что через весь период проходят неназванный полуглиссер с двигателем мощностью 63 л. с. и катер «Кировец» (75 л. с.). В 1953 г. в последний раз был указан катер «Стальной» (50 л. с.), в 1954 г. и 1955 г. форма в отчете отсутствует, а в отчете 1956 г. его уже нет. В 1949 г. отправился на слом катер «Эпрон» (50 л. с.), но вместо него завод построил катер «Планету» (90 л. с.).

Кроме того, имеются формы 26-вод за 1968 г. В ответ на запрос статистического отдела руководство завода № 74 ответило, что «*наше предприятие на 1 января 1969 года не имеет речного флота необщего пользования*» [14. Л. 11].

В итоге имеющиеся в делопроизводственной документации сведения можно свести в схему (рис. 1). Как видно из нее, лодка для перевозки пиломатериалов стала катером «Ижзаводы», а ее мощность составляла 25/50 л. с. Второй катер, проходящий по многим документам, это № 22. Он проходит как деревянный в 1921 г. и 40 л. с. в «*Месячных сведениях*». По инвентарной описи 1927 г. катер № 22 имеет непропорционально большую цену – 810 руб., более соответствующую пароходу, чем катеру. Для сравнения: по той же описи цена паровоза составляет 12–13 тыс., а пароходов: «Красная звезда» – 10,8 тыс. руб., «Свобода» – 21 тыс. руб., «Иж» – 7,2 тыс. руб., а «Шторм» – 916 руб. Таким образом, получается, что катер № 22, скорее всего, имел богатую внутреннюю отделку, возможно, его построил богатый частник и после революции его национализировали. Указанная мощность в 40 л. с., которую имели двигатели № 22, отсутствует у катеров, заявленных заводом в статистических отчетах. Зато можно обратить внимание, что в промфинпланах завода фигурирует катер «Темп», судя по команде, имеющий немаленькие размеры. Причем судно появилось в середине 1930-х гг. и пропало до войны.

Учитывая, что покупка катеров для пруда обычно широко освещалась в периодической печати, можно предположить, что «Темп» – это новое название старого судна.

1913	1921	1921	1922	1923	1924	1927	1932
Лодка для перевозки пиломатериалов	? (ж.)	25/50 л.с.				«Ижзавод» (ж.)	«Буффало» (60 л.с.)
	? (ж.)	—	40 л.с.			№ 22 (д.)	№ 22 (40 л.с.)
	? (д.)	—	10 л.с.			«Беспощадный» (ж.)	
	? (д.)						

1936	1937	1941	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1956
«Буффало»		«Буффало»	Полуглиссер (63 л.с.)							
«Темп»		?	«Эпрон» (50 л.с.)		—					
«Эпрон»		?	«Кировец» (75 л.с.)							
«Беспощадный»			—		«Планета» (90 л.с.)					
			«Стальной» (50 л.с.)							—

Рис. 1. Схема изменения состава заводской флотилии завода № 74

Третий катер – «Беспощадный» с железным корпусом и дизельным двигателем «Болиндер» в 10 л. с. Поскольку он то появляется, то исчезает, можно предположить, что это буксирный катер, при отсутствии работы находящийся в резерве. Поэтому его нет в 1932 г. и 1937 г. Возможно, он же указан среди трех катеров на пруду в 1941 г. Третий катер в 1941 г. это явно «Эпрон», списанный в 1949 г.

Краеведческая и публицистическая литература как источник о заводской флотилии

Наиболее подробные воспоминания о заводской флотилии Ижевских заводов принадлежат перу Г.М. Кутузова. Ранее мы, проанализировав его свидетельства, сделали вывод, что под видом парохода «Шторм» он описал катер «Ижзаводы» [15]. Судя по всему, этот пароход, приобретенный заводами в 1914 г., работал в Гольянах. В 1918 г. он фигурирует в связи с захватом кораблями Ф.Ф. Раскольниковых «баржи смерти», а в 1919 г. он пострадал от пожара с другими пароходами бывшей колчаковской флотилии в Левшино. Между тем, по данным Кутузова, «Шторм» доставили 13 февраля 1916 г. на Старую улицу Ижевского завода из Гольян на обычной железнодорожной платформе. Он им описывается как небольших размеров и маломореходное судно. По его же данным, в 1921 г. судно увезли обратно на Каму. Это явно не «Шторм», а вот для «Ижзаводов» его данные не только не противоречат информации из делопроизводственной документации, но и хорошо дополняют ее.

Лодка для перевозки пиломатериалов, заказанная в 1913 г., вполне могла быть построена в 1915 г. и до закрытия навигации пришла в Гольяны. Зимой, после открытия узкоколейки между поселком Ижевский завод и селом Гольяны, ее перевезли в числе первых грузов. Вероятно, Ижевским заводам после революции передали и национализированные катера бывших ижевских фабрикантов, которые, возможно, и фигурируют среди

имеющихся катеров в сентябре 1921 г. Поскольку собственно заводской катер лишь «Ижзаводы», он и эксплуатируется в этот период. Но если зимой 1921 г. судно отправили на Каму, вполне логичным видится ввод в строй катеров «Беспощадный» и № 22 к навигации 1922 г., как об этом говорится в «Месячных сведениях». В этой связи интересно еще одно совпадение. В 1947 г. на Каме у завода имеется катер «Стальной» в 50 л. с., что совпадает с мощностью «Ижзаводов». Само название «Ижзаводы» после разделения Ижевских заводов на заводы № 71 и № 74 (в последующем «Ижсталь» и «Ижмаш») утратило свой смысл, что вполне могло послужить основанием для переименования. Да и название «Стальной» видится вполне логичным из-за стального корпуса судна.

Второй катер из инвентаризационного списка 1927 г. – «Беспощадный» (с железным корпусом) единственный из флотилии имеет «нефтяной» (по терминологии того времени) или дизельный двигатель «Болиндер». Вместе с «Ижзаводами» он фигурирует в числе двух катеров с железными корпусами в сентябре 1921 г. В дореволюционной заводской делопроизводственной документации нет ничего похожего на этот катер, а потому, по всей вероятности, он появился на заводе уже в советское время. В 2011 г. ижевский краевед С.А. Жилин опубликовал воспоминания фабриканта Петрова: «На Воложке заготавливали дрова для фабрики и дома. Эти дрова вывозили на большой барже, которую буксировал небольшой нефтяной катер “Садик”» [16]. Сведения об источнике заимствования в работе отсутствуют, но особое упоминание о «нефтяном» катере вряд ли случайно. Скорее всего, это уникальное и исключительное для Ижевска того времени судно. Поэтому вполне закономерно, что после национализации имущества Петрова катер оказался у Ижевских заводов. Разумеется, до обнаружения соответствующих источников это не более чем гипотеза, но она видится весьма вероятной. «Беспощадный» проходит в «Месячных сведениях» как катер с двигателем 10 л. с. Его эксплуатировали, скорее всего, до конца 1930-х гг.

Газетные публикации дают возможность уточнить информацию о следующем катере. В декабре 1926 г. один читателей газеты «Ижевская правда» задал вопрос: *«Почему заводоуправление продало пароходы и будет ли оно покупать взамен их другие?»*. Ответ заводоуправления был следующий: *«Содержание пароходов заводу обходилось очень дорого. Взамен их приобретается паровой катер»* [17]. По-видимому, зимой 1926/1927 гг. искали подходящие варианты, и в мае 1927 г. была опубликована информация: *«Заводоуправление закупило в Ярославле 60-ти сильный катер для буксировки баркаса через пруд. Стоимость катера 18 000 руб. В Ижевск катер прибывает к 15 июля»* [18].

Но, как оказалось, катер не решил транспортную проблему Ижевска. Его двигатель оказался слишком маломощным для буксировки баржи, а вместимость ничтожная для перевозки рабочих. 30 июля в «Ижевской правде» вышел фельетон, написанный по мотивам реальных событий: *«В одно прекрасное утро, вместо парохода у пристани появилась баржа, в которую должны были погрузиться колтоминцы, и небольшой винтовой катер, предназначенный для буксирования баржи... 5 ½ утра. Рабочие погрузились в баржу. Прогудел второй гудок. Катер фыркает, чавкает, а с места тронуться не может... С десятка сажень отъехали от берега. Стоп... Оказывается, буксир попал под корму катера и намотался на винт... Из затруднения вывел лодочник, привязавший с баржи чалку и дотациввший ее на пристань... 1 000 человек опоздали на работу на целый час»* [19]. По-видимому, проблемы с водным сообщением через пруд решить так и не удалось, по крайней мере летом уже следующего 1928 г. один из читателей газеты спрашивал: *«Почему бы к услугам населению не предоставить катер?»* [20]. В сентябре того же года другой читатель предлагал: *«Есть на [водной] станции катер приличный. Почему бы его для перевоза не использовать?»* [21].

Так или иначе, но 60-сильный катер, о котором идет речь в «Ижевской правде», это явно «Буффало». В 1925 г. в журнале «Водный транспорт» была опубликована большая статья про Ярославскую судостроительную верфь [22]. Из приведенной информации следует, что там было организовано серийное производство моторных катеров с длиной корпуса 22, 25, 28, 33, 45 и 50 футов, на которые ставились двигатели «Скриппс», «Буффало» или «Икегай». В частности, четырехцилиндровые двигатели «Буффало» давали мощность 25/30 или 40/60 л. с. Таким образом, странное название катера объяснялось всего лишь маркой стоявшем на нем двигателя. Судно упоминается в промфинпланах завода перед войной. Поскольку оно эксплуатировалось не слишком интенсивно (баржи не буксировало, регулярные рейсы через пруд не совершало), скорее всего, его использовали лишь как развозное судно. Это позволяет утверждать, что к военному периоду оно еще далеко не выбрало свой ресурс. А потому, под 63-сильным полуглиссером, упоминавшимся в статотчетах, выводится именно «Буффало». Дабышний раз не объяснять, почему катер завода имеет иностранное название (тем более в период кампании по борьбе с «безродным космополитизмом»),

его и вывели неопределенно. И, таким образом, судно находилось в заводской флотилии еще в 1956 г.

В 1915 г. Ижевские заводы за 1 200 руб. купили пароход И.И. Бодалева «Пчелка». Согласно приемному акту, он имел длину 12,65 м (41'6"), ширину 2,13 м (7'), высоту борта 1,14 м (3'9"), осадку 0,64 м (2'1") [23. Л. 563]. На пароходе располагалась весьма сомнительная инновация Бодалева – съемный паровой котел и одноцилиндровая паровая машина, которые можно было в зимний период использовать на кирпичном заводе. «Пчелка» вполне могла быть среди судов заводской флотилии. А по своим размерениям она достаточно близка к катеру № 22. Однако анализ газетных публикаций позволяет эту версию полностью исключить. 22 апреля 1926 г. газета «Ижевская правда» писала: *«Около фабрики бывшей Петрова стоит пароход в зимовке по 7-й улице зарекой с 1917 года. На него никто не обращает внимания. Пароход тонет в тине и ржавеет местами. Раз он не нужен – продать его. Больше было бы пользы. Сколько бы тут крестьяне сделали ремонту, исправили бы этим железом свой инвентарь»* [24]. 11 мая газета опубликовала ответ заведующего подотделом неналоговых доходов Бородина: *«Остов парохода взят на учет областной комиссией по учету и реализации государственных фондов в истекшем 1925 году и ныне уже продан на слом»* [25]. Тем не менее даже год спустя судно находилось на прежнем месте. По крайней мере, в наказах депутатам Ижевского совета XIII созыва указывалось: *«Убрать пароход, находящийся по Барановскому переулку»* [26]. Таким образом, пароход «Пчелка», был сдан на слом и в заводской флотилии не фигурирует.

Но в 1927 г. на Ижевском пруду появился еще один катер. История его появления связана с фамилией П.В. Мажарова – будущего конструктора мотоциклов. К сожалению, в литературе история глиссера далее лета 1928 г. не рассматривается. По сообщениям газеты «Ижевская правда» получается следующая картина.

22 марта состоялось заседание президиума областного совета Осоавиахима. Одним из заслушанных вопросов был вопрос о постройке глиссера. Руководство работой поручили инженеру Мажарову. К работам следовало приступить вскоре после заседания, срок постройки предполагался двухмесячный. Вместимость глиссера составляла 26 чел., скорость 60 км/ч, стоимость постройки предполагалась 600 руб. [27]. Но буквально несколько дней спустя вышла менее оптимистичная статья, в которой указывалось, что планируемая скорость составляет от 20 до 24 верст в час (21–26 км/ч), достигнуть скорость в 60 верст в час (64 км/ч), как это писалось раньше, невозможно. Для удешевления постройки вместо стали и дюраля использовался сосновый тес, увеличивший вес корпуса в пять раз. Это полностью исключало глиссирование. Днище имело два редана [28].

Судя по информации, которую сообщил Облсовет Осоавиахима через «Ижевскую правду», постройка глиссера началась 25 апреля 1927 г. и сопровождалась многочисленными трудностями. За год до того, когда возникла идея постройки глиссера, указывалось на

необходимость приобретения воздушного винта, соответствующего мощности мотора и числу его оборотов. В наличии имелся винт, но он ни одному из этих условий не удовлетворял, поскольку был от двигателя Сальмсон в 150 л. с., а в распоряжении имелся мотор в 130 л. с. Но на запрос в центр (вероятно, имеется в виду центр Осоавиахима) требуемый четырехлопастный винт так и не выслали. Поскольку судно было готово, пришлось опробовать его с имевшимся винтом и мотором. В итоге оказалось, что силовая установка развила на динамометре усилие в 35 кг, т.е. столько же, сколько развивает моторная лодка с двигателем в 6 л. с. Понятно, что судно получилось тихоходным. Но даже на скорости 8 км/ч глиссер оказался легок в движении. В ожидании прибытия винта, Осоавиахим решил временно переделать глиссер под водяной винт, оставив раму воздушного мотора на случай прибытия винта [29].

Поскольку аэросани и аэроглиссеры в условиях несудоходных рек, озер и болот являются незаменимым средством передвижения, центральный комитет Осоавиахима снабдил все местные общества авиационными моторами со списанных самолетов для практической реализации этой идеи. Получил такой мотор и Вотский Осоавиахим. Группа активистов во главе с инженером Мажаровым построила аэросани и успешно их испытала. С наступлением лета она начала постройку глиссера. Инженеры Мажаров, Горшков и Лутс разработали чертежи на 26-местное судно. Вся работа проходила в нерабочее время, и только Мажаров на нее затратил около 1 000 часов своего времени. На момент написания статьи глиссер уже был готов и на Ижевском пруду состоялось его первое испытание. Поскольку этот проект стал первым в СССР, от него не следовало ждать выдающихся результатов [30].

Указанные сообщения можно интерпретировать следующим образом. Глиссер построили в конце мая и около двух месяцев он безрезультатно ждал четырехлопастного винта. Поскольку его так и не дождался, в середине августа состоялись испытания, продемонстрировавшие весьма посредственные характеристики. Поскольку винта в Осоавиахиме не дождался, в августе судно переделали на обычный лодочный мотор. В этой связи интересно одно объявление, опубликованное в «Ижевской правде» в 1931 г.: «Срочно продается новый моторный катер на 25–30 человек. Обращаться: Коммунальная, 26. Автотехникум» [31]. Можно достаточно уверенно сказать, что речь идет все о том же глиссере.

Поскольку при строительстве глиссера Ижевские заводы принимали достаточно деятельное участие, вполне вероятно, что именно они и выступили покупателем катера, тем более что в это время они также были главным пассажирским перевозчиком. Все-таки судно емкостью 25–30 чел. это уже масштаб коммерческих перевозок, трудно предположить, что кому-то понадобится такой катер в личных целях. Кроме того, в середине 1930-х гг. флот завода пополнился «Темпом», сведения о покупке которого ни в делопроизводственной документации, ни в периодической печати пока не обнаружены. А судно, проработавшее небольшой срок, буквально несколько навигаций, списали, что

вполне объяснимо, если предположить, что это бывший глиссер Мажарова.

Фотоматериалы о заводской флотилии

На рис. 2 представлены неидентифицированные катера из фондов Национального музея Удмуртской республики [32. Фото № 8546, 8557]. Судя по фотографиям, это один и тот же катер, но на одной фото дается ракурс с кормы, а на другой – с борта. Отличительная особенность – ярко выраженный полубак с пассажирским салоном, на что указывает наличие иллюминаторов. В целом катер имеет современный для 1930-х гг. дизайн и, скорее всего, является серийным. По крайней мере, суда схожего дизайна имелись в составе военноморского флота. На рис. 3 представлены катера Ярославской судостроительной верфи [22]. В целом видна схожесть проекта: пассажирский салон в носовой части и открытая площадка в кормовой. Сравнивая высоту людей, находящихся на верхней палубе, и длину корпуса, можно заключить, что катер длиной примерно 7,5 м, или 25' (7,62 м). 28' это 8,54 м, а 22' – 6,7 м. Первая цифра слишком большая для катера на рис. 2, а вторая – слишком маленькая. Из чего можно достаточно уверенно сделать вывод, что на рис. 2 представлен катер «Буффало».

В газете «Удмурт коммуна» 4 июня 1937 г. была опубликована фотография неназванного катера (рис. 4). Подпись к ней гласила: «*День отдыха работников Ижстальзавода. Пароход отходит с Воложки. Фото Ларионова*» [33].

Хотя в кадр попала лишь кормовая часть катера, находящиеся там люди позволяют оценить габариты судна. Во-первых, обращает на себя внимание чрезвычайная узость судна. Скамейка на четыре человека в самой корме фактически идет от борта до борта. Это дает возможность оценить ширину судна как около полутора метров. Двухметровая ширина давала бы возможность расположить как минимум пять человек, здесь же видно, что люди сидят довольно плотно, с учетом того, что крайний справа это ребенок. Примерно в 3–3,5 м от кормы находится рубка. Это расстояние занято тремя рядами скамеек, и одна скамейка, судя по всему тех же габаритов, стоит вдоль борта. Высота борта примерно соизмерима с высотой скамейки, что позволяет оценить его как 0,7–1,0 м.

В частной коллекции А.А. Коробейникова имеется фотография неизвестного катера на Ижевском пруду из семейного архива его жены Т.В. Грозовой, датированная концом 1940-х гг. (рис. 5). Судно, судя по всему, совершает регулярные рейсы. Видно, что катер несерийной постройки, возможно, даже единичной.

Сравнение его с катером на рис. 4 показывает их полную идентичность. Ширину корпуса катера на рис. 5 оценить сложно, но видно, что она небольшая. Расположение скамеек изменилось, теперь вдоль бортов стоит по две скамейки, а сам транец кормы приспособлен для схода. На рис. 4 для схода использовали пространство между скамейками и рубкой.

Рис. 2. Неидентифицированные катера на Ижевском пруду у парка С.М. Кирова, 1930-е гг.: слева [32. Фото № 8557] (фрагмент), справа [32. Фото № 8546] (фрагмент)

Рис. 3. Ярославские катера [22]

Рис. 4. Катер на пруду [33]

Рис. 5. Неизвестный катер у Соловьевской дачи, Ижевский пруд

В этом отношении количество сидячих мест уменьшилось (четыре скамейки вместо пяти). Но видно, что площадь палубы за рубкой примерно такая же. Длина корпуса 11–12 м, что явно больше имевшихся в описи 1927 г. катеров.

Обращают на себя внимание также габариты и форма рубки, которые практически идентичные. При этом крыша рубки выходит за габариты ее стен, что

сделано на случай осадков, чтобы дождь не заливал окна.

В обоих случаях это выступание одинаковое и составляет примерно 10–15 см. На крыше рубки находятся навигационные огни и рожок звукового сигнализатора. Располагаются они в передней части крыши полностью идентичным образом. Таким образом, очень велика вероятность, что на рис. 4 и 5 изображен

один и тот же катер, особенно учитывая то, что однотипных катеров на заводе не было.

Судя по схеме (рис. 1), одновременно и в 1937 г., и в конце 1940-х гг. в строю было всего два катера: «Буффало» и «Эпрон». Таким образом, на рис. 4 и 5 в кадр попал «Эпрон». Информации о постройке судна нет. Ижевские газеты этого периода обычно информировали своих читателей о доставке катеров на Ижевский пруд. Так, 14 октября 1939 г. «Удмуртская правда» информировала о получении Осводом нового спасательного катера [34].

С другой стороны, в 1935 г. решением конференции молодежи машиностроительного цеха постановили: *«забронировать на водной станции заводского комитета 5-весельных лодок для ежедневного отдыха молодежи на пруду и приобрести один катер на средства цеха»* [35]. Из чего можно предположить, что это был катер собственной постройки *«для ежедневного отдыха молодежи»*, который приспособили для пассажирских перевозок. Отчасти видится логичным, что в 1950 г. завод, списав такой катер, заменил его аналогичным собственной постройки.

На рис. 6 приведена репродукция известной фотографии Ижевского пруда 1933 г. В фондах Удмуртского республиканского музея она есть в двух несколько различающихся вариантах ([32. Фото № 8580] и [32. Фото № 8553]). Детальное изучение фотографий подтвердило, что в носовой части у изображенного катера имеются цифры, похожие на № 22. Фигурки имеющих на палубе людей вполне укладываются пять-шесть раз в длину судна, из чего можно сделать вывод, что оно действительно длиной около 10 м. Ширину катера с приведенного ракурса определить сложно, но сравнивая с фигурками людей, можно сделать вывод, что она составляет около двух метров, что также указывает на № 22. Судно действительно деревянное и, скорее всего, дореволюционной постройки. К сожалению, в литературе упоминаний о том, кто бы мог быть собственником столь крупного катера, нет.

На рис. 7 приведена фотография судна еще одного деревянного катера ижевского предпринимателя Евдокимова [36]. На обороте фотографии имеется надпись, выполненная чернилами, гласящая, что это катер «Фабрикант», построенный по заказу А.Н. Евдокимова мастером Рогозиным в 1910 г. На нем стоял двигатель 7 л. с., длина корпуса 23 фута (7 м), скорость 18 верст в час (20 км/ч). Снимок сделан в 1910 г. у Евдокимовской дачи на Воложке. Сам предприниматель сидит в лодке, Рогозин стоит у руля. Даже зрительно видно, насколько «Фабрикант» меньше № 22. Относительно судна имеется неподтвержденное другими источниками свидетельство Г.М. Кутузова, что незадолго до революции Евдокимов увез «Фабриканта» на Каму. Так что если судно национализировали, оно вполне могло проходить как второй деревянный катер Ижевских заводов в сентябрьской описи 1921 г. И мощность мотора вполне укладывается в мощности катеров, числящихся в «Месячных сведениях».

В 1926–1928 гг. в составе флота треста «Камметалл», куда вошли все суда, имевшиеся в собственности Воткинского и Ижевских заводов, имелся катер «Коммунар» с двигателем мощностью 36 л. с. [37.

Л. 3]. Корпус деревянный, длина 10 м, ширина 1,85 м, двигатель 24-тактный (явно ошибка в документе, 2- или 4-тактный) бензиново-керосиновый, крейсерского типа. Динамо – маловольтная, аккумуляторные батареи емкостью 40 ампер-часов. Гребной винт, каюта для пассажиров с двумя спальными местами [38. Л. 6/н]. Как видно, судно характеристиками походит на № 22, и крупнее «Фабриканта». Так что судьба судна после революции остается невыясненной.

Наконец, относительно глссера П.В. Мажарова также имеется несколько фотографий (рис. 8). Видно, что судно обладает довольно просторным корпусом, из-за чего заявленная пассажировместимость в 26 чел. не кажется преувеличением. Так что при замене воздушного винта на обычный гребной его вполне можно использовать для пассажирских перевозок. На борту написано: «Клементий Ворошилов. Вотский осо-авиахим». Оба снимка лета 1927 г. и, по-видимому, были сделаны до испытаний.

На рис. 9 и 10 представлены фотографии ижевской набережной в момент ее постройки из частных коллекций, опубликованные на форуме «Как жил и развивался Ижевск» [41, 42]. На рис. 9 дается одна из фотографий целиком для воспроизведения городского ландшафта, который может помочь датировать снимок, а на рис. 10 – кадрированные версии с изображением непосредственно катера, стоящего у набережной. Анализ городского ландшафта показывает (рис. 9), что на фотографии запечатлена первая ижевская телевышка, строительство которой закончилось с открытием телецентра в 1956 г. С другой стороны, видна водонапорная башня на центральной площади, снесенная в 1968 г. Переулок Широкий упирается в многоэтажную застройку, за которой видны строительные краны, показывающие, что строительство еще не завершено. В период 1956–1968 гг. производилась застройка улицы Пушкинской, которая и попала в кадр. Поскольку дома возвышаются над всем рельефом, можно заключить, что это холм на улице Пушкинской, по году постройки домов № 235, № 216 и № 224 можно заключить, что это 1963–1964 гг.

Анализ рис. 10 показывает, что в кадр попал серийный катер проекта Я-5. Производство этих судов происходило в годы войны и они шли на комплектование военно-морского флота. Штатные двигатели катеров имели мощность 75 л. с., точно такую же мощность имеет катер «Кировец». Наличие этого судна в Ижевске позволяет предположить, что его доставили сюда в годы войны, скорее всего для вооруженной охраны плотины со стороны акватории, поскольку та имела стратегическое значение.

Диверсия на плотине могла иметь самые печальные последствия для оружейного завода, производившего стрелковое оружие. К 1963–1964 гг. штатное вооружение судна уже демонтировано. Но интересна его кормовая часть. Здесь видны следы переделки – демонтаж имевшихся там элементов с целью выровнять палубу и размещения пассажирских скамеек. Это подтверждается статистическими отчетами завода № 74, показывавшими катер «Кировец» как грузопассажирский.

Рис. 6. Ижевский пруд, 1933 г.

Рис. 7. Катер «Фабрикант»

Рис. 8. Глиссер П.В. Мажарова перед испытаниями [39. С. 174] – слева, [40. С. 173] – справа

Рис. 9. Вид на строящуюся набережную Ижевского пруда

Рис. 10. Снимки неизвестного катера с форума «Как жил и развивался Ижевск»

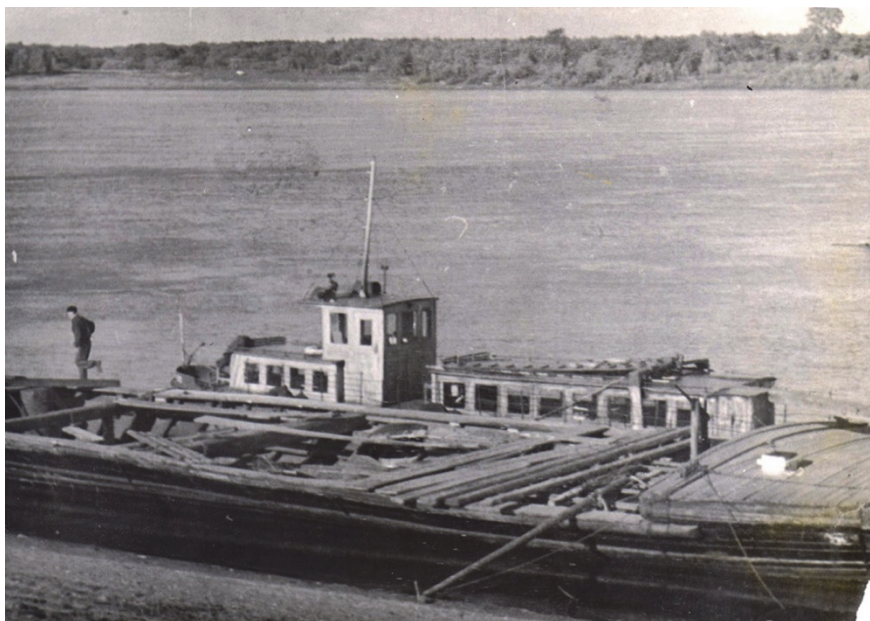

Рис. 11. Неизвестный катер, 1955 г. (коллекция автора)

На рис. 11 представлен неизвестный катер на Ижевском пруду из коллекции автора. Снимок датирован 1955 г. Своим силуэтом судно походит на самоходную баржу проекта Т-81П [43. С. 187]. Этот тип действительно появился в Ижевске в 1956 г. в составе Чуровского леспромхоза – тогда получается дата снимка указана неверно. Однако при анализе изображения выясняются странности, исключающие идентификацию судна как Т-81П. Во-первых, в сравнении с человеком, попавшим в кадр, можно заключить, что ширина корпуса около двух метров – чуть больше роста человека. У «самоходки» же она составляет 3,2 м [43]. Возможно, правда, что человек, попавший в кадр, находится слишком близко от фотографа, создавая оптическую иллюзию. Но вывод о двухметровой ширине подтверждается также размерами капитанской рубки. Видно, что она располагается практически от борта до борта, оставляя узкий проход до леерного ограждения. Высота рубки явно больше ширины. Даже если предположить двухметровую высоту, ширина получается метра полтора, что снова дает ширину корпуса порядка двух метров. Рост человека укладывается в длину корпуса 6–7 раз, из чего длина получается 10–12 м. И снова, для «самоходки» это очень мало, поскольку ее длина составляет 17,4 м [43]. Наконец, если это судно проекта Т-81П, то справа у него должен быть нос, а слева корма. Но на фотографии все наоборот. То, что нос слева, доказывает наклон мачты на крыше рубки. Навигационные огни и рожек звукового сигнализатора обычно устанавливаются в носовой части крыши рубки, и на снимке они ясно видны слева. Для защиты стекол рубки от осадков спереди обычно делается козырек. И снова козырек слева, а справа крыша заподлицо со стенкой рубки. Мало того, здесь явно угадывается дверь в рубку, точно посередине. Так что для навигационного оборудования, если оно помещено справа, просто не остается места. Все надстройки судна деревянные, что создает ощущение кустарности ее производства.

В 1955 г. своими флотами на Ижевском пруду обладали Ижевская эксплуатационная контора, Чуровский леспромхоз и ДОСААФ. Но ничего похожего в их составе не было. Кроме того, рядом с катером стоит деревянная баржа, которыми в указанный период владел лишь завод № 74. Указанные обстоятельства позволяют идентифицировать судно на рис. 11 как катер «Планета». Дополнительную уверенность придают практически идентичные размеры с катером «Эпрон», для замены которого его и построили.

Реконструкция биографий катеров завода № 74 (№ 10, № 180)

Сказанное выше дает возможность реконструировать биографии катеров завода № 74.

«Ижзаводы» (8,9 × 2,0 × 1,1 м, 25/50 л. с.). Заказан Воткинскому заводу как катер для перевозки пиломатериалов в 1913 г. Доставлен на Ижевский пруд по железной дороге зимой 1915/1916 г. Увезен на Каму в конце 1921 г., по-видимому, переименован в «Стальной», эксплуатировался в районе села Гольяны. Списан в 1954–1955 гг.

№ 22 (10,0 × 1,9 × 1,0 м, 40 л. с.). По-видимому, частный катер, национализированный после революции. Начал эксплуатироваться с навигации 1922 г. Списан в середине 1930-х гг. Возможно, переименован в «Темп».

«Беспошадный» (5,8 × 1,5 × 0,9 м, 10 л. с.). По-видимому, бывший буксирный катер фабриканта Петрова «Садик», национализированный после революции. Начал эксплуатироваться с навигации 1922 г. Списан в конце 1930-х гг.

«Буффало» (7,62 × ? × ? м, 60 л. с.). Приобретен на Ярославском заводе для замены пароходов на переправе из Колтомы до заводской проходной в 1927 г. Использовался в 1956 г., дальнейшей информации нет, к 1968 г. списан.

«Темп». По-видимому, бывший глиссер П.В. Мажорова, переделанный в пассажирский катер в 1927 г. и начавший эксплуатироваться с 1931 г. Возможно, также бывший катер № 22. В середине 1930-х гг. списан.

«Эпрон» (50 л. с.). Прогулочный катер, приобретен машиностроительным цехом в 1936 г. По-видимому, собственной постройки. Использовался для пассажирских перевозок, списан в 1949 г.

«Кировец» (18,7 × 3,56 × 0,98 м, 75 л. с.). Серийный катер ярославского завода № 345 типа Я-5, доставленный в Ижевск в годы войны для охраны плотины пруда со стороны акватории. После войны использовался для пассажирских перевозок. Списан в середине 1960-х гг.

«Планета» (90 л. с.). Пассажирский катер, построен заводом № 74 для замены катера «Эпрон» в 1950 г. Эксплуатировался в 1956 г. дальнейшей информации нет, к 1968 г. списан.

Выводы

В ходе реконструкции состава и эволюции заводской флотилии завода № 74 было установлено, что на протяжении 1916–1956 гг. завод имел на балансе три-четыре катера. Постоянство численного состава доказывает относительное постоянство задач. За рассматриваемый период флотилия прошла полное техническое перевооружение лишь один раз, а средний срок службы катеров составлял порядка двух десятков лет.

Установлено, что завод занимался собственным судостроением, построив как минимум два-три катера: «Темп», «Планета» и, возможно, «Эпрон». Остальные катера были получены в основном случайно: после национализации («Беспощадный» и № 22) или для охраны акватории в годы войны («Кировец»).

Список источников

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4512.
2. Музей истории и культуры города Воткинска (МИКВ). Д. 4812.
3. Митюков Н.В., Файзуллин Р.В., Баутина С.Л. «Месячные сведения о наличии оборудования» Ижевских заводов, как источник о заводской флотилии // Вопросы истории. 2022. № 1–2. С. 19–32. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi59
4. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 43.
5. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 337.
6. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 14. Д. 388.
7. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 68.
8. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 98.
9. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 136.
10. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 1499.
11. ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 358.
12. ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 312.
13. Митюков Н.В., Ким Ю.Л. Реконструкция речных флотов хозяйств региона на основе формы 26-вод статистических отчетов на примере Удмуртской АССР 1947–1956 гг. // Русский архив. 2023. Т. 11, № 1. С. 28–41. doi: 10.13187/ra.2023.1.28
14. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 8920.
15. Митюков Н.В., Баутина С.Л., Лошкарев А.Н. Рукопись Г.М. Кутузова как источник по ижевским пароходам // Восточно-Европейский научный вестник. 2018. № 2 (14). С. 50–53.
16. Жилин С. На Ижевском пруду // Автоштрина. 2011. 12 сентября. С. 13.
17. Справочник рабочего // Ижевская правда. 1926. № 297. 25 декабря. С. 3.
18. Катер для перевозки рабочих // Ижевская правда. 1927. № 104. 8 мая. С. 2.
19. Жвакин Н. Простой случай, или путешествие колтоминцев вокруг и около // Ижевская правда. 1927. № 197. 30 августа. С. 3.
20. Бабанов. Есть вода, есть катер, и пешком ходим // Ижевская правда. 1928. № 173. 28 июля. С. 3.
21. Инский. На водной станции // Ижевская правда. 1928. № 204. 2 сентября. С. 3.
22. П.К. Ярославская судостроительная верфь // Водный транспорт. 1925. № 6. С. 427–428.
23. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556.
24. Леканцев. «Я вязну и липну в тине глубокой» // Ижевская правда. 1926. 22 апреля. С. 3.
25. Бородин. Пароход взят на учет // Ижевская правда. 1926. 11 мая. С. 3.
26. Рабочие государственного сталелитейного завода № 10 предлагают новому составу горсовета // Ижевская правда. 1927. 9 февраля. С. 3.
27. С. Работа Осоавиахим (с заседания президиума облсовета Осоавиахим) // Ижевская правда. 1927. № 067. 24 марта. С. 3.
28. Зворыгин Н. О постройке глиссера // Ижевская правда. 1927. № 095. 27 апреля. С. 3.
29. Почему оказался плох глиссер // Ижевская правда. 1927. № 184. 14 августа. С. 3.
30. Мокрушин Н., Будаков Я., Шихов М. Что такое аэросани и глиссер // Ижевская правда. 1927. № 185. 16 августа. С. 3.
31. Ижевская правда. 1931. № 283. 21 декабря. С. 4.
32. Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда (УРМ).
33. Шутэтскон нуналэ [Выходные дни] // Удмурт коммуна. 1937. 4 июня. С. 4 (на удмуртском).
34. В Осводе // Удмуртская правда. 1939. 14 октября. С. 4.
35. Практические мероприятия по политико-воспитательной и культурно-массовой работе среди молодежи Машиностроительного цеха (решение конференции молодежи) // Егит большевик. 1935. 15 апреля. С. 3.
36. Государственный архив общественно-политической истории, филиал ЦГА УР (ЦДНИ). Ф. 4961. Оп. 2. Д. 347.
37. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 141.
38. ГАПК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 439.
39. Шумилов Е.Ф. Два века «Ижмаша». Т. 2: Завод заводов, 1917–2007. Ижевск : Ижмашпринт, 2007. 702 с.
40. Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотографов. Ижевск : Киноград, 2014. 292 с.
41. Форум «Как жил и развивался Ижевск». URL: https://izhevsk.ru/forums/icons/forum_pictures/009989/9989820.jpg
42. Форум «Как жил и развивался Ижевск». URL: https://izhevsk.ru/forums/icons/forum_pictures/009989/9989822.jpg
43. Мелкосидящий грузовой катер Т-81 // Лесосплавные суда с двигателями внутреннего сгорания : учеб. пособие для лесотехнических школ и училищ. М. : Лесбумиздат, 1958. С. 185–191.

References

1. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 4512.
2. Museum of History and Culture of the City of Votkinsk (MIKV). File 4812.

3. Mitiukov, N.W., Fayzullin, R.V. & Bautina, S.L. (2022) "Mesyachnye svedeniya o nalichii oborudovaniya" Izhevskikh zavodov, kak istochnik o zavodskoy flotilii ["Monthly information on the availability of equipment" of the Izhevsk plants as a source on the plant flotilla]. *Voprosy istorii*. 1–2. pp. 19–32. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi59
4. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 15. File 43.
5. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 15. File 337.
6. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 14. File 388.
7. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 18. File 68.
8. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 18. File 98.
9. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 18. File 136.
10. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 15. File 1499.
11. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-543. List 18. File 358.
12. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-551. List 2. File 312.
13. Mitiukov, N.W. & Kim, Yu.L. (2023) Rekonstruktsiya rechnykh flotov khozyaistva regiona na osnove formy 26-vod statisticheskikh otchetov na primere Udmurtskoy ASSR 1947–1956 gg. [Reconstruction of the river fleets of the region's enterprises based on form 26-vod of statistical reports on the example of the Udmurt ASSR, 1947–1956]. *Russkiy arkhiv*. 11 (1). pp. 28–41. doi: 10.13187/ra.2023.1.28
14. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845. List 4. File 8920.
15. Mitiukov, N.W., Bautina, S.L. & Loshkarev, A.N. (2018) Rukopis' G.M. Kutuzova kak istochnik po izhevskim parokhodam [The manuscript of G.M. Kutuzov as a source on Izhevsk steamships]. *Vostochno-Evropeyskii nauchnyy vestnik*. 2 (14). pp. 50–53.
16. Zhilin, S. (2011) Na Izhevskom prudu [On the Izhevsk Pond]. *Avtovitrina*. 12 September. p. 13.
17. *Izhevskaya pravda*. (1926) Spravochnik rabochego [Worker's Handbook]. 297. 25 December. p. 3.
18. *Izhevskaya pravda*. (1927) Kater dlya perevozki rabochikh [Boat for transporting workers]. 104. 8 May. p. 2.
19. Zhvakina, N. (1927) Prosto sluchai, ili putesthestvie koltomintsev vokrug i okolo [A simple case, or the journey of the Koltoma people around and about]. *Izhevskaya pravda*. 197. 30 August. p. 3.
20. Babanov. (1928) Est' voda, est' kater, i peshkom khodim [There is water, there is a boat, and we walk]. *Izhevskaya pravda*. 173. 28 July. p. 3.
21. Inskiy. (1928) Na vodnoy stantsii [At the water station]. *Izhevskaya pravda*. 204. 2 September. p. 3.
22. P.K. (1925) Yaroslavl'skaya sudostroitel'naya verf' [Yaroslavl shipbuilding yard]. *Vodnyy transport*. 6. pp. 427–428.
23. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 4556.
24. Lekantsev. (1926) "Ya vyznu i lipnu v tine glubokoi" ["I get stuck and cling in the deep silt"]. *Izhevskaya pravda*. 22 April. p. 3.
25. Borodin. (1926) Parokhod vzyat na uchët [The steamer has been registered]. *Izhevskaya pravda*. 11 May. p. 3.
26. *Izhevskaya pravda*. (1927) Rabochie gosudarstvennogo staliliteinogo zavoda № 10 predlagayut novomu sostavu gorsoвета [Workers of the state steel foundry plant No. 10 propose to the new composition of the city council]. 9 February. p. 3.
27. S. (1927) Rabota Osoaviakhim (s zasedaniya prezidiuma obshchestva Osoaviakhim) [Work of Osoaviakhim (from the meeting of the presidium of the regional council of Osoaviakhim)]. *Izhevskaya pravda*. 67. 24 March. p. 3.
28. Zvorygin, N. (1927) O postroike glissera [On the construction of a glider]. *Izhevskaya pravda*. 95. 27 April. p. 3.
29. *Izhevskaya pravda*. (1927) Pochemu okazalsya plokh glisser [Why the glider turned out to be bad]. 184. 14 August. p. 3.
30. Mokrushin, N., Budakov, Ya. & Shikhov, M. (1927) Chto takoe aerosani i glisser [What are aero-sleds and a glider]. *Izhevskaya pravda*. 185. 16 August. p. 3.
31. *Izhevskaya pravda*. (1931) 283. 21 December. p. 4.
32. National Museum of the Udmurt Republic named after K. Gerd.
33. *Udmurt kommuna*. (1937) Weekend days. 4 June. p. 4. (In Udmurt).
34. *Udmurtskaya pravda*. (1939) V Osvode [In Osvod]. 14 October. p. 4.
35. *Egit bol'shevik*. (1935) Prakticheskie meropriyatiya po politiko-vospitatel'noy i kul'turno-massovoy rabote sredi molodezhi Mashinostroitel'nogo tsekha (reshenie konferentsii molodezhi) [Practical measures for political, educational and cultural-mass work among the youth of the Machine-Building Shop (decision of the youth conference)]. 15 April. p. 3.
36. State Archive of Socio-Political History, branch of the Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 4961. List 2. File 347.
37. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund R-196. List 1. File 141.
38. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund R-13. List 1. File 439.
39. Shumilov, E.F. (2007) *Dva veka "Izhmasha"* [Two centuries of "Izhmash"]. Vol. 2. Izhevsk: Izhmashprint.
40. Selivanovsky, S.N. (2014) *Staryy Izhevsk. Sobytiya i lyudi v ob'ekte fotografirovaniya* [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers]. Izhevsk: Kingrad.
41. Izhevsk.ru. (n.d.) *Forum "Kak zhil i razvivalsya Izhevsk"* [Forum "How Izhevsk lived and developed"]. [Online] Available from: https://izhevsk.ru/forums/icons/forum_pictures/009989/9989820.jpg
42. Izhevsk.ru. (n.d.) *Forum "Kak zhil i razvivalsya Izhevsk"* [Forum "How Izhevsk lived and developed"]. [Online] Available from: https://izhevsk.ru/forums/icons/forum_pictures/009989/9989822.jpg
43. Lesbumizdat. (1958) Melkosidyashchii gruzovoy kater T-81 [Shallow-draft cargo boat T-81]. In: *Lesosplavnye suda s dvigatelyami vnutrennego sgoraniya* [Timber-floating vessels with internal combustion engines]. Teaching aid for forestry schools and colleges. Moscow: Lesbumizdat. pp. 185–191.

Информация об авторах:

Митюков Н.В. – д-р техн. наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). E-mail: nico02@mail.ru

Баутина С.Л. – проректор по учебной работе Камского института гуманитарных и инженерных технологий (Ижевск, Россия). E-mail: bautinasvetlana@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Mitiukov, Dr. Sci. (Engineering), leading research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: nico02@mail.ru

S.L. Bautina, Vice-Rector for Academic Affairs, Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technology (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: bautinasvetlana@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 10.10.2024;
approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 656.12(47+57)''18''
doi: 10.17223/15617793/512/16

Дороги, средства транспорта и особенности путешествия по Российской империи в XIX в. (на материале путевых заметок немецкоговорящих ученых и путешественников)

Владимир Алексеевич Морев¹, Анастасия Владимировна Морева²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ morev.vladimir52@mail.ru

² stasija@mail.ru

Аннотация. На основе непереведенных или частично переведенных на русский язык путевых заметок немецкоговорящих авторов рассматриваются состояние дорог, русские средства передвижения, специфика езды русских ямщиков и их навыки, а также особенности путешествия по разным регионам Российской империи в XIX в. Делается вывод о том, что состояние дорог в Российской империи, средства передвижения и особенности езды русских ямщиков вызывали неоднозначную реакцию иностранцев. Общим местом в использованных в статье путевых заметках является восхищение иностранцев высокой скоростью, с которой ездили русские ямщики.

Ключевые слова: путевые заметки, немецкоговорящие путешественники, гужевой транспорт, дороги, почтовые станции, ямщики, Российская империя

Для цитирования: Морев В.А., Морева А.В. Дороги, средства транспорта и особенности путешествия по Российской империи в XIX в. (на материале путевых заметок немецкоговорящих ученых и путешественников) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 149–157. doi: 10.17223/15617793/512/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/16

Roads, means of transport, and features of travel around the Russian Empire in the 19th century (based on travel notes of German-speaking scientists and travelers)

Vladimir A. Morev¹, Anastasiya V. Moreva²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ morev.vladimir52@mail.ru

² stasija@mail.ru

Abstract. German-speaking authors' travel notes, untranslated or partially translated into Russian, are used in the article to examine the condition of roads, Russian means of transportation, the specifics of Russian coachmen's driving and their skills, as well as the peculiarities of travel across different regions of the Russian Empire in the 19th century. Some of the most famous works about 19th-century Russia written by foreigners are those of the Frenchmen A. de Custine and T. Gautier, the books of the American G. Kennan, and others. The book *Russia of the First Half of the 19th Century through the Eyes of Foreigners*, compiled by Yu.A. Limonov, contains memoirs and travel notes by Baroness J. de Staël, A. de Custine, F.B. von Gagem, and others. To this day, there remain travel notes by German-speaking authors that are of significant scientific interest but have not been translated or have only been partially translated into Russian. This article focuses precisely on such German-language travel notes that are little known in Russia. The aim of this article is to summarize the facts noted in the travel notes of four German-speaking Western European scholars and travelers concerning the condition of roads, peculiarities of means of transportation, specifics of travel across Russia, conditions for rest, and the availability of horses at post stations in the 19th-century Russian Empire. The sources for the article were travel notes in German, namely the writings of Johann Heinrich Blasius and Edmund Heiking (Heyking), who wrote about their own impressions and experiences; the travel diaries of the Englishman Alexander Michie, revised and published by the German scientist Richard Andrée; as well as the notes of Johann von Blaramberg (known in Russian service as Ivan Fedorovich Blaramberg), which were reproduced by Emil von Sydow. The structure of the main body of the article is as follows: (1) assessments of the condition of roads in the 19th-century Russian Empire by the aforementioned German-speaking authors; (2) their description of Russian means of transportation and harnesses; (3) the peculiarities of Russian coachmen's driving and their skills; (4) the specific Russian conditions for rest at post stations, as well as the problem of the availability or lack of horses at the stations according to these four authors. The authors came to the following conclusions. The condition of roads in the Russian Empire, the means of transportation, and the peculiarities of Russian coachmen's driving

evoked an ambiguous reaction from foreigners. They were largely correct in criticizing Russian roads and the rest conditions at post stations. At the same time, the authors of the travel notes sought to explain to themselves and their readers why the means of transportation in Russia were somewhat different from those in their homelands. A common theme in the travel notes used in the article is the foreigners' admiration for the high speed at which Russian coachmen drove.

Keywords: travel notes, German-speaking travelers, horse-drawn transport, roads, postal stations, coachmen, Russian Empire

For citation: Morev, V.A. & Moreva, A.V. (2025) Roads, means of transport, and features of travel around the Russian Empire in the 19th century (based on travel notes of German-speaking scientists and travelers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 149–157. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/16

Введение

Путешествие через всю Российскую империю в XIX в. порой занимало целые месяцы. Помимо огромных расстояний, другими трудностями, которые переносил путешествовавший по России, являлись: суровый климат, пересеченная местность, необходимость подолгу находиться в пути (в том числе не только днем, но и ночью), вероятность нападения разбойников в глухих местах и т.п. Особенно ощутимыми российские расстояния казались иностранцам, приехавшим из Западной Европы. Они попадали в совершенно другой мир, лишенный того комфорта, к которому многие из них привыкли, мир, насыщенный каждодневными трудностями и иногда опасностями, но вместе с тем по-своему интересный, дававший незабываемый жизненный опыт длительного путешествия.

Среди тех, кто посещал Россию, были австрийцы, англичане, немцы, французы, шведы, швейцарцы и др. Мнения и оценки иностранных путешественников, безусловно, субъективны. Тем не менее внешний взгляд на Россию крайне важен для более полного, всестороннего представления о ней. Так, в предисловии к книге М.П. Алексева, посвященной известиям западноевропейских путешественников и писателей о Сибири, есть такое верное, на наш взгляд, замечание: «эти известия важны для нас еще и потому, что исходят от наблюдателей, поставленных в непривычные для них условия (это, естественно, должно было обострять их внимание)» [1. С. VII]. Историк В.Я. Курбатов, написавший вступительную статью к книге Ж. де Местра «Религия и нравы русских», отметил: «Иностранец в России – тема отдельная, часто болезненная для национального самосознания. На всякую критику родных устоев сердце ошестивается и торопится сказать поперек. Между тем иногда только чужими глазами можно увидеть себя в настоящем виде» [2. С. 5].

С одной стороны, иностранные путешественники являлись представителями своей культуры в России, а с другой – они же в какой-то мере влияли на формирование имиджа Российской империи в Европе. В свою очередь, это оказывало воздействие на принятие политических и экономических решений [3]. Хрестоматийным примером в этом смысле является книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» [4]. В ней сделан акцент в основном на некоторых отрицательных сторонах жизни в Российской империи во время правления Николая I, за что ряд исследователей не без оснований считает эту книгу русофобской.

Вместе с тем иностранные путешественники пытались объяснить себе и своим читателям многие вещи, которые в России им казались непонятными. Вероятно, через нахождение отличий своего народа от нашего и через дальнейшее объяснение причин этих отличий они лучше узнавали себя, свой народ. Здесь нельзя не согласиться с историком Н.П. Таньшиной, которая пишет: «Ведь изучение “Другого” – это, в том числе, исследование самих себя, это попытка, изучая “Другого”, понять свой собственный народ» [5. С. 21].

Путешествуя по России, иностранцы сталкивались с новыми для них особенностями длительного путешествия по стране с иной историей, языком и культурой, нежели их родина. Так, западноевропейский путешественник XIX в., приехав в Российскую империю, не мог не замечать принципиальных различий в процессе перевозки пассажиров и грузов у себя на родине и в России. Эти различия, в частности, были связаны с более суровым климатом, огромными расстояниями между почтовыми станциями (в особенности в Сибири). Свою лепту вносили и иные, нежели на родине авторы, исторические условия развития России, а также этнические и географические особенности. Образ России на Западе складывался во многом под влиянием побывавших у нас западноевропейских путешественников, ученых и писателей.

Многие явления и процессы, происходившие в России в течение XIX в., нашли отражение в путевых заметках западноевропейских путешественников. В частности, эти люди имели возможность на своем опыте узнать, что значит – путешествовать по российским дорогам, своими глазами увидеть и оценить особенности средств передвижения, труд русских ямщиков, а также сравнить все это с тем, что было на их родине [6. Р. 325].

Одними из самых известных работ, написанных иностранцами о России в XIX в., являются труды француз А. де Кюстина [4] и Т. Готье [7], книги американца Дж. Кеннана [8, 9] и др. В книге «Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев», составленной Ю.А. Лимоновым, приведены воспоминания и путевые заметки баронессы Ж. де Сталь, А. де Кюстина, Ф.Б. Гагерна и др. [10]

У иностранцев XIX в. состояние российских дорог в основном вызывало отрицательные эмоции. Особенности езды в России, русские средства передвижения, наличие или отсутствие нормальных в представлении западноевропейского путешественника условий для отдыха, имеющихся вдоль российских дорог, – вся эта информация имела большое зна-

чение для иностранца, посещавшего Российскую империю. Как правило, все выше перечисленное имело свою специфику, и иностранный путешественник XIX в. не преминул бы отметить ряд особенностей, которые могут оказаться интересными и для современного читателя.

В наше время еще остались путевые заметки немецкоязычных авторов, которые представляют значительный научный интерес, но при этом они не переведены или только частично переведены на русский язык. В данной статье нас будут интересовать именно такие путевые заметки на немецком языке, мало известные в России.

В связи с этим *цель настоящей статьи* заключается в обобщении отмеченных в путевых заметках четырьмя немецкоговорящими западноевропейскими учеными и путешественниками фактов, касающихся состояния дорог, особенностей средств передвижения, специфики езды по территории России, условий для отдыха и наличия лошадей на почтовых станциях в Российской империи XIX в.

Материалом для статьи послужили путевые заметки на немецком языке, а именно записи *Иоганна Генриха Блазиуса* [11] и *Эдмунда Хайкинга (Гейкинга)* [12], писавших о своих собственных впечатлениях и опыте; путевые дневники англичанина *Александра Мичи*, переработанные и опубликованные немецким ученым *Рихардом Андре* [13]; а также заметки *Иоганна фон Бларамберга* (известен на русской службе как *Иван Федорович Бларамберг*), которые воспроизвел *Эмиль фон Зидов* [14].

Эти авторы побывали в разных регионах Российской империи. При этом их заметки относятся к разным периодам XIX столетия. Так, воспоминания немца Иоганна фон Бларамберга, перешедшего в российское подданство в 1824 г., относятся в основном ко второй и частично к третьей четвертям XIX в. Э. фон Зидов составил эти воспоминания на основе дневников самого И.Ф. Бларамберга и опубликовал их в 1872 г. под названием «Воспоминания из жизни генерал-лейтенанта Российской Империи Иоганна фон Бларамберга. По его дневникам 1811–1871 гг.». Немецкий зоолог И.Г. Блазиус посетил Россию в 1840–1841 гг., о чем и написал в своей книге «Путешествие по Европейской России» (1844 г.). Путешествие А. Мичи по Дальнему Востоку и Сибири произошло в первой половине 1860-х гг. Р. Андре опубликовал его дневники в 1867 г. Заметки А. Мичи частично были переведены и опубликованы на русском языке в 1868 г. [15] Немецкий ученый Э. Хайкинг побывал на Кавказе в 1877 г.

Исследование и результаты

Структура основной части статьи выглядит следующим образом:

- 1) оценки состояния дорог в Российской империи XIX в. вышеперечисленными немецкоязычными авторами;
- 2) их описание русских средств передвижения и упряжи;
- 3) особенности езды русских ямщиков и их навыки;

4) российская специфика условий для отдыха на российских почтовых станциях, а также проблема наличия или отсутствия лошадей на станциях со слов этих четырех авторов.

1. Все названные авторы нередко отмечали неудовлетворительное *состояние дорог* в тех регионах Российской империи, по которым им довелось путешествовать. В целом скромные средства, отпускавшиеся на обустройство российских дорог, не могли радикально изменить в лучшую сторону их состояние. Исключением являлись лишь главные тракты и шоссе [16. С. 38].

И.Г. Блазиус дал очень образную характеристику российским дорогам: «...везде в России есть дороги, которые, насколько это возможно, соединяют главные пункты по кратчайшим отрезкам, через горы и долины, через болота и топи. Едешь вдоль отвесных склонов в долинах, где проехать можно только под громкие крики галопом, потом часами по шаткой бревенчатой дороге, что всецело завладевает твоим вниманием, и ни одному немцу не придет в голову доставать и читать взятую в путешествие книгу» [11. С. 24] (перевод здесь и далее наш. – В.М., А.М.). И. Бларамберг назвал дороги, по которым он ехал с товарищами от Херсона до Николаева, отвратительными. Кроме того, их маленькие почтовые телеги часто переворачивались, так что художник Дезарно – один из спутников И. Бларамберга – позже нарисовал карикатуру, где каждый из пассажиров был изображен в той позе, в какой находился во время переворачивания телеги [14. С. 85–86]. Э. Хайкинг, путешествовавший в сторону Александрополя (Армения), описывал дорогу, которая являла «собой безрадостную картину, и после первых пятидесяти верст путешествующий начинает опасаться, что погибнет от сильных толчков в телеге и от смертельной тоски...» [12. С. 69]. Р. Андре, описывая путешествие А. Мичи по забайкальскому тракту, восклицал: «Но что за дорога была перед ним! Со всех сторон лужи; каменные мосты разрушены потоками Селенги, а их обломки оказались разбросаны по соседним полям. После разлива дорога стала непроходимой. В спешке прокладывали боковые дороги, а на месте мостов перекидывали покрытые ветками стволы деревьев. Тарантасам приходилось по ним ехать, ямщики ругались, а лошади, оказываясь в воде по самое брюхо, глухо стонали» [13. С. 67].

Вместе с тем Р. Андре пытался быть объективным в оценках сибирских дорог. Он писал и о том, что, к примеру, дорога между озером Байкал и Иркутском была в очень хорошем состоянии [13. С. 70]. Кроме того, он сравнил состояние дорог в разных сибирских губерниях: «В Енисейской губернии дороги уже лучше, чем в Иркутской, покрыты щебенкой, но о мостах и тут нет речи. Насколько это задерживает движение, можно заключить по тому, как Мичи пришлось прождать ночью несколько часов на реке Кан, прежде чем заснувшие на другом берегу паромщики соизволили переправить тарантас» [13. С. 85]. «По всей Енисейской губернии дороги находятся в хорошем состоянии, и чтобы они оставались сухими, сделаны боковые канавы. А вот в Томской губернии уже иначе, так как

дороги там – это самый непроходимый участок всей этой территории и из-за частой езды они совершенно разбиты. В сырые осенние месяцы они превращаются в кашу из грязи, в которой колеса тяжелых нагруженных повозок оставляют за собой глубокие борозды. И вот наступают морозы, оставшиеся в грязи “горы и доли” замерзают, и дорога остается на всю зиму непроезжей. Тогда повозки съезжают с дороги направо и налево или ждут, пока не выпадет столько снега, сколько нужно, чтобы скрыть искусственные горы и доли. Поэтому появилась поговорка о том, что “между осенью и снегом” дорог в Томской губернии нет» [13. С. 86].

Негативные отзывы о состоянии сибирских дорог подтверждаются путевыми заметками А.П. Чехова, ехавшего по Сибири в мае 1890 г. [17. С. 30–32], французского путешественника Жюль Легра [18. С. 59, 62–64, 67, 72, 85, 92, 135, 140, 185, 256, 259, 261–262, 265, 269], а также архивными материалами Государственного архива Томской области (ГАТО). Так, в архивном фонде, посвященном Томскому губернскому управлению (1823–1916 гг.), сохранились копии жалоб, записанных на Воронихинской и Халдеевской почтовых станциях в июле 1896 г. [19. Л. 93–95 об.; 20. Л. 91]. Более подробно состояние дорог и особенности путешествия по Сибири во второй половине XIX в. рассматриваются в статье В.А. Морева и А.В. Моревой [21. С. 146–153]. Что же касается истории дорожного строительства и состояния дорог Томской губернии, то в настоящее время одним из самых подробных трудов на эту тему является «История дорожного дела в Томской области» [22].

Итак, особые трудности в ходе путешествия по России представляли периоды межсезонья. Отрицательные отзывы иностранцев о российских дорогах XIX в. в целом сливаются в общем хоре с жалобами наших соотечественников и других иностранцев. Все четыре упомянутых выше иностранных автора отмечают недостаточную обустроенность дорог. Исключением являются лишь оценки Р. Андре, который сумел найти и позитивные факты, сравнив состояние дорог в нескольких сибирских губерниях.

2. Интересную информацию оставили западноевропейские путешественники о российских *средствах передвижения и упряжи* (упряжь – совокупность принадлежностей для соединения животного с повозкой, сбруя). Э. Хайкинг дал очень красочный комментарий по поводу сбруи: «...так как застежек в сбруе нет, то приходится каждый ремень и каждую веревку завязывать узлом; ни один дамский туалет к костюмированному балу во всем его блеске не требует столько усилий и мук, сколько требует это убогое приготовление трех лошадей. Еще одно сходство такой упряжки с тарлатановым бальным платьем заключается в том, что при использовании и то, и другое всегда рвется и расходится; и то, и другое постоянно приходится подправлять булавами и веревочками». Автор назвал мучения кучера в связи с этим сизифовым трудом [12. С. 70].

Удивляло иностранцев и то, что тормозные приспособления экипажей в России были ненадежны. Р. Андре писал: «В зависимости от местности тракт идет то в

гору, то под гору; здесь не утруждали себя рытьем проходов. На крутых склонах запряженные лошадаками тяжелые повозки несутся вниз вихрем, так как тормозные приспособления скверные и несовершенные» [13. С. 82]. Для сравнения можно привести и мнение француза А. де Кюстина, который сетовал на то, что нанятый им в Москве экипаж вообще не имел тормозных приспособлений [10. С. 618].

У некоторых авторов русские средства передвижения вызывали негативные ассоциации. Например, с дрожками в путевых заметках связываются порой представления о неудобствах перемещения в них. Э. Хайкинг, добравшись до Тифлиса и увидев там вполне европейские коляски, сравнил передвижение в русских дрожках с мучением. Он писал, что в Тифлисе «...ездят лучше, чем во всей России. Вместо причиняющих страдания дрожек здесь удобные и даже элегантные коляски, которые на всех диалектах Кавказа называют поэтическим словом “фаэтон”» [12. С. 65]. И. Бламберг жаловался, что ему и его товарищам пришлось ехать по отвратительным дорогам и на маленьких почтовых телегах, которые часто переворачивались [14. С. 85].

Особенно подробно описывал русские средства транспорта И.Г. Блазиус, который постарался понять, чем и по каким причинам они отличаются от немецких: «Всякая русская повозка имеет ось. Национальная повозка – это *телега*, небольшой, низкий, сужающийся к низу четырехугольный кузов из досок, с четырьмя простейшими колесами, без единого намека на упругость. Спереди с каждой стороны сильно выступающий деревянный борт. Благодаря паре натянутых крест-накрест веревок в передней части кузова сиденье кучера становится невероятно удобным, особенно если кучер постелет один из своих кафтанов; однако он часто садится на высокий край досок и во время стремительного галопа с криками, пением и свистом балансирует свисающими ногами в воздухе. Путешествующий сидит сзади, за неимением мешка или чемодана прямо на сене или соломе, а именно так, что его ноги лежат на дне кузова почти совершенно горизонтально. И так русские ездят сплошь и рядом по двое, хотя кузов настолько узок, что приходится держаться за руки, чтобы случайно не столкнуться друг друга во время быстрой езды» [11. С. 25]. Для сравнения отметим, что американский путешественник Д. Кеннан в середине 1880-х гг. писал о длинных рядах груженых повозок, направлявшихся в Екатеринбург от сибирской границы. Это были небольшие четырехколесные одноконные повозки простой и даже примитивной конструкции, нагруженные доверху сибирскими товарами и накрытые рогожами, укрепленными с помощью деревянных колышков. Каждую лошадь привязывали к переднему возу длинным недоуздом (узdecka без удила и с одним поводом). 50 или 100 возов составляли караван [9. С. 108–109].

Кибитка, по словам И.Г. Блазиуса, имела, в сущности, такое же устройство, что и телега. Но у нее был на случай плохой погоды верх, сплетенный из ивы и покрытый сверху лыком. Он такой низкий, что «почти лежишь под ним, дабы уберечь голову, когда едешь через ямы, бревенчатые настилы и деревянные

мосты» [11. S. 25–26]. И.Г. Блазиус находил и телегу, и кибитку вполне годными для перемещения на них, отмечая, что ни к тому, ни к другому средству «нельзя предъявлять требования с точки зрения немецкого комфорта... На русских дорогах или при отсутствии оных они прекрасно выполняют свое предназначение. Для телеги нет ни одного непроходимого места, разве что густые, дремучие леса. Немецкий экипаж, даже самый простой, застрял бы в сотне мест или развалился бы вовсе, телега же быстро пройдет по ним без особых трудностей». Как видим, И.Г. Блазиус подметил целый ряд особенностей русских средств передвижения, которые делали их наиболее пригодными в российских реалиях XIX в. Затем он добавляет, видимо, явно преувеличивая: «Поэтому телега не признает сословных различий; и даже сам император при случае пользуется ею, с той же ловкостью и с тем же национальным чувством, что и крестьянин. Перед богом и телегой в России все равны» [11. S. 26].

«На больших дорогах в России пользуются повозкой, которая, как полагают, позаимствована у татар и имеет название *тарантас* или *карандас*. Тарантас можно считать идеалом комфорта и безопасности, хотя на первый взгляд так совсем не кажется. Основное отличие от ранее названных повозок заключается в наличии своего рода упругости, неважно, каким образом она достигается. Принцип такой упругости следующий: на середину длины двух гибких березовых стволов длиной от 15 до 18 футов (1 фут = 30,48 см) кладут кузов, спереди и сзади каждого из них крепится ось с двумя колесами. В кузове с дугообразным верхом устраивают багаж, как сиденье, под спину или под ноги, кому как удобно и насколько далеко ехать. Идея не только в том, чтобы сделать кузов местом концентрации всех тяжелых предметов, но и в том, чтобы держать его как можно дальше от обеих осей, и тогда все толчки и удары, которые напрямую получают колеса, благодаря изгибам расположенных параллельно березовых стволов будут ощущаться в двигающемся кузове более мягко. Нельзя не признать, что такая повозка способна на многое: ее можно использовать не только для передвижения, но и во время путешествия с легкостью превращать ее в летний дом, столовую, спальню и даже в рабочий кабинет» [11. S. 26–27]. В свою очередь, Д. Кеннан сравнивал тарантас с лодкой без сидений, у которой есть толстый кожаный верх и занавеска, защищавшая от дождя. Путешественники обычно помещали багаж на дно тарантаса, накрывали его соломой и одеялами и прислонялись к нему спиной, обложившись подушками [9. С. 108].

И.Г. Блазиус пытался понять, каково предназначение разных экипажей и что влияло на особенности конструкции: «Выступающие спереди боковые борта [у телеги] служат для того, чтобы... смягчить падение, а путешествующий со всем своим багажом мог с замедленной скоростью упасть на землю плавно и безопасно... Если, к примеру, сломался один из березовых стволов [у тарантаса], то его можно с легкостью заменить на подобный, и так же легко закрепить этот новый ствол, пусть даже ненадолго. С нами часто бывало, что мы

проезжали больше тысячи футов без снижения скорости, не замечая, что одно из передних колес потихоньку отошло. Кучер спустится, вернет колесо на место, закрепит его за неимением гвоздя остро наточенным куском дерева, который он ввинтит в колесо, и если понадобится, спокойно повторит эту операцию вскоре снова» [11. S. 27]. Описывая кибитку, И.Г. Блазиус отмечал, что неопытному пассажиру достается во время езды много толчков или он рискует их получить, так как кузов закрыт сверху, по бокам и сзади, вследствие чего пассажир, постоянно, но бессмысленно защищаясь, ничего не может толком разобрать [11. S. 27].

Советский специалист в области истории российской почты К.В. Базилевич отмечал, что на почтовые средства передвижения (обыкновенные русские телеги и старые тряские экипажи) имели основания жаловаться не только иностранцы, но и привыкшие к неудобствам в пути русские путешественники [16. С. 42]. Вместе с тем этот же автор писал и о более удобных средствах передвижения – *дилижансах*. В 1820 г. в Российской империи появилось первое частное акционерное общество почтовых колясок. 1 сентября 1820 г. из петербургской конторы был отправлен первый дилижанс в Москву. В 1828 г. общество открыло движение таких же почтовых колясок на других трактах (между Санкт-Петербургом и Царским Селом, между Москвой и Киевом, между Москвой и Калугой и др.). «Способ передвижения в дилижансах отличался от обычных путешествий в России: вес багажа был строго ограничен (20 фунт (1 фунт = 0,4536 кг) бесплатно и 30 фунтов за плату); для перемены лошадей на почтовых станциях полагалась остановка от 10 до 15 минут; для обеда и ужина почтовая коляска останавливалась на один час, а для утреннего завтрака – на полчаса... В летнем дилижансе помещалось 6 пассажиров: 4 внутри кареты и 2 сзади; впереди помещались надзиратель и ямщик» [16. С. 42–44].

Обобщая сведения о средствах транспорта, можно воспользоваться высказыванием И.Г. Блазиуса: «Кто хочет составить себе представление о том, как ездят в России, должен сначала полностью абстрагироваться от мостовых и дорог в Германии и от быстрых, восхваляемых экипажей, которые во множестве встречаются нам на всех этих дорогах и к которым мы предъявляем требования удобства и пунктуальности. В соответствии с потребностями народа и с особенностями страны в России были созданы своеобразные средства передвижения...» [11. S. 23].

3. Еще одной важной стороной записок западноевропейских путешественников являются их свидетельства об *особенностях передвижения и навыках русских ямщиков*, которые они выработали под влиянием необходимости преодолевать большие расстояния подчас с учетом более сурового климата, чем в Западной Европе, и не всегда качественно проложенных и обустроенных дорог.

И.Г. Блазиус обращал внимание на ловкость и практичность русских ямщиков, которые зимой легко снимали колеса со своих средств передвижения, закрепляли сзади сверху, а экипаж в течение четверти часа

ставили на одни или двое саней [11. S. 27–28]. И. Бламберг отмечал, что путь от Херсона до Николаева был труден: была оттепель, снег в степи стал таять, и вся степь выглядела как одно большое озеро, каждую станцию приходилось проезжать в воде. Путники удивлялись «тому, насколько хорошо знали местность наши ямщики, которые обходили все углубления на дороге, хотя они были покрыты водой, чтобы не опрокинуться» [14. S. 85–86].

Практически у любого автора, описывающего средства передвижения в России, мы непременно найдем указание (не без восхищения) на их невероятную для немца скорость, с которой они преодолевают столь большие расстояния [6. P. 327]. И.Г. Блазиус, посвятивший отдельную главу тому, как ездят в России, писал об этом так: «Русский с его практическим и цепким умом ездит не так, как немец со всей своей любезностью в почтовых экипажах. Там, где еще в конце прошлого столетия немец не проходил, не составив предварительно завешания или хотя бы не попрощавшись со всей своей родней до третьего и четвертого колена, жизнерадостный русский бодро пронесется за несколько часов с песнями и свистом, вообще ни о чем не думая» [11. S. 23–24]. Р. Андре восхищался тем фактом, что известия из Кяхты до Петербурга доходили всего за двадцать дней, тогда как расстояние между ними свыше тысячи миль. О важных политических событиях, произошедших в Китае, всегда узнавали в Петербурге раньше, чем в Лондоне [13. S. 85].

Законодательством Российской империи устанавливалась скорость езды: «обыкновенных проезжающих» следовало возить зимой не более 12, летом – не более 10, а осенью – не более 8 верст в час. Однако в действительности эта скорость очень часто не соблюдалась. «Обыкновенные проезжающие» ездили значительно быстрее установленной нормы, употребляя для понуждения ямщиков к быстрой езде различного рода средства, от толчков в спину до обещания «дать на водку». Для фельдъегерей и курьеров ограничений по скорости не существовало – их надлежало возить «столь поспешно, сколь сие было возможно». Для них всегда полагалось иметь наготове особых «курьерских лошадей». Фельдъегеря, курьеры и «высочайшие особы» ездили «вскач». При этом загонялись и калечились лошади, а иногда форейторы (нем. *Vorreiter* от *vor* ‘вперед’ и *reiten* ‘ехать верхом’ – человек, сидящий, при езде четверкой или шестеркой лошадей, верхом на передней лошади и управляющий передней парой) падали с лошадей. «После одного случая, когда под экипажем Николая I упала и сломала ногу одна из лошадей, последовало распоряжение возить «высочайших особ» не «вскач», а самой быстрой рысью. Николай I лично установил среднюю скорость езды: 18 верст в час, не считая остановок» [16. С. 40–42].

Среди авторов используемых путевых заметок, пожалуй, наиболее ярко и образно особенности путешествия по России обрисовал И.Г. Блазиус: «...только от одного вида дико мчащейся тройки служащие самой быстрой срочной почты Германии лишились бы чувств» [11. S. 32]. «На севере хороший кучер на сносной дороге проезжает от двенадцати до четырнадцати

верст в час. К югу скорость растет: если казак проехал за час двадцать или двадцать одну версту, т.е. три немецкие мили, для него это немного. Зимой вообще трудно что-то определить: бесчисленные сани бойко пересекают страну во всех направлениях. В переходное время между летом и зимой наступает полная остановка во всяком передвижении, и только курьеры да немцы терпеливо пробираются по дорожной грязи, не делая и пятидесяти верст в день» [11. S. 31]. Впрочем, в Сибири ямщики ездили еще быстрее, чем в европейской части России. Подтверждение этому находим и у купца Н.М. Чукмалдина [23. С. 203]. Такие рекорды были связаны не только с выносливостью сибирских лошадей, но главным образом с умением ямщиков обращаться с обозными животными и готовить их к длительной поездке [24. С. 142]. Купец И. Завалишин писал, что до отхода обоза с места накладки лошадь тщательно откармливали в течение 10 дней. В первый день пути лошадь не кормили совсем. На второй пряжке (станции) давали только один пуд (1 пуд = 16,38 кг) овса на пять лошадей и каждой только по глотку воды. Умеренность выдачи воды отнимала охоту к еде. После каждой станции выдача овса и воды постепенно увеличивались до того количества, которое лошадь сама хотела принять. Наконец, она получала свободу пить и есть сколько угодно. По уверению ямщиков, без этой предварительной выдержки лошадь могла исхудать за три дня и в течение всей дороги уже не возвратит потерянного жира [25. С. 59].

4. Условия для отдыха на почтовых станциях. Низшим почтовым учреждением на почтовых шоссе и трактах являлась *почтовая станция*. Как правило, это была типовая одноэтажная постройка с двумя отделениями – для станционного смотрителя (чиновника 14-го класса Табели о рангах) с семейством и для проезжающих. При почтовой станции находились *каретники* (сарай для карет и других экипажей) [26. С. 261] и конюшни для лошадей, колодец с колодой для водопоя, сарай для фуража. Обстановка помещения для пассажиров включала стол, лавки вдоль стен, один или два жестких дивана. Лошади в первую очередь отдавались под курьерские и фельдъегерские экипажи, казенную почту и проезжавших по казенной надобности, особенно чиновников и высокопоставленных лиц. Поэтому при значительном разгоне люди, ехавшие по собственной надобности, иногда сутками ожидали лошадей.

По данным К.В. Базилевича, в 1800 г. было подсчитано, что для того, чтобы все почтовые дороги получили достаточное число станционных домов, было необходимо построить 2 975 домов, за исключением уже существовавших. Такого количества станционных домов казна не имела возможности построить. Поэтому сначала они строились лишь на самых главных трактах: по нарвскому, московскому, а также в западных губерниях. В 1806 г. были утверждены планы и фасады домов трех размеров, в зависимости от количества содержащихся на станции лошадей. В 1825 г. особым «именным» указом было установлено устройство оконных форточек «для впуска воздуха», об этом было сделано распоряжение всем

гражданским губернаторам. Но, несмотря на указы и распоряжения, станционные дома, даже на главных трактах, иногда находились в таком состоянии, что, как значилось в одном из указов времени Николая I, «проезжающие не могут найти в оных никакого пристанища» [16. С. 38, 40]. Это подтверждали и сами путешествовавшие иностранцы.

Э. Хайкинг критиковал почтовые учреждения на Кавказе: «За 3–4 часа пребывания на станции путешественнику совершенно ничего не предлагается, ни для сна, ни для питания. Чем живут люди на самих почтовых станциях, трудно предположить. На станциях 1–2 тесные комнаты безо всякой мебели; ночью путешественники располагаются на полу... Если путешествующих много, то такое близкое соседство во сне разных людей делает их похожими на плотно упакованную коробку сардин. Но есть и такие станции, где вообще нет комнат. Ямщик останавливается посреди поля и распрягает лошадей. В ответ на крики и непонятные звуки, как ведро из колодца, из углубления в земле появляется несколько лошадей. Такая станция отмечена на карте, но находится под землей; там несколько лошадей и ямщиков. И если останешься тут из-за отсутствия лошадей, то лучше снести тяготы непогоды под открытым небом, чем наслаждаться комфортом подземного зала ожидания» [12. С. 70–71]. Подобные же сетования о ночлеге на грязном полу в комнате ожидания на почтовой станции Иркутской губернии встречаются и в труде английского путешественника Гарри де Виндта, который проезжал по Сибири в конце 1880-х гг. [27. Р. 271–272].

Р. Андре жаловался, что в почтовом доме на берегу Байкала А. Мичи не смог получить ни стул, ни кровать. Дом «был переполнен мужчинами, женщинами и детьми, спящими на полу меж своего багажа» [13. С. 67]. Автор отмечал, что главным принципом при строительстве почтовых зданий в суровых климатических условиях было «удаление воздуха», а вместе с ним и холода. «Днем за счет большой печи поддерживается комфортная температура, а ночью тепло дают спящие на полу люди – начальник почты, его семья, ямщики и путешественники» [13. С. 88]. Вместе с тем А. Мичи обнаружил на своем пути по Сибири и прекрасно сооруженную почтовую станцию в деревне Усть-Кяхтинское: «Они были готовы увидеть полудивильную почтовую станцию со всеми ее ужасами, но перед ними предстало новое и чистое здание с удобствами» [13. С. 65–66]. Р. Андре обратил внимание и на то, что на Сибирском тракте российские почтовые учреждения еще отстают от европейских. В то же время «этот тракт – один из важнейших торговых путей в мире и вообще единственный в Сибири, к которому сходятся остальные дороги и вдоль которого идет телеграф» [13. С. 81].

Проблема наличия/отсутствия лошадей на почтовых станциях. Для проезжавших на почтовых лошадях действовали специальные правила. По ним проезжавший должен был сообщать на станции звание и фамилию, а также куда направляется. Лошадей записывали в *книгу разгона*, с обозначением когда, кому и сколько лошадей было отпущено. Количество лоша-

дей, которое отпускалось проезжавшему по числу едущих лиц, роду экипажа и времени года, определялось расписанием. Проезжавшие имели право записывать жалобы в установленную для этого *жалобную книгу*. В ней указывались все почтовые маршруты того времени. Так, Р. Андре писал: «так как Мичи не мог найти в Красноярске лошадей, то ему пришлось прибегнуть к черной жалобной книге – это новшество проникло в Сибирь из Европы. Эта книга лежит на цепочке в здании почтовой станции, в ней имеется императорская печать. Раз в год ее читает начальник почты и по большей части принимает к сведению жалобы нарочных и правительственных курьеров, которые в самом деле являются важными особами» [13. С. 85]. Э. Хайкинг, проезжая по главной грузинской военной дороге, жаловался, что путешественнику приходилось «колоться с грязными кучерами на безрессорных телегах с несмазанными колесами, вечно ждать лошадей», и «если поэтичные души находили звон почтовых колокольчиков бесконечно мелодичным, то для меня он всегда был сигналом того, что грядет новое испытание для моих костей и нервов» [12. С. 40].

Итак, европейские путешественники, привыкшие к комфорту, оставили в основном негативные отзывы о том, насколько комфортабельны почтовые станции в Российской империи. Бытовые неудобства раздражали иностранцев.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что путевые заметки немецкоязычных путешественников и ученых являются ценным источником для изучения особенностей путешествия по российским дорогам XIX в. Конечно, нельзя воспринимать любые мнения иностранцев о России XIX в. как истину в последней инстанции. В то же время они подмечали то, чего русские люди уже не могли заметить в силу привычки принимать некоторые свои недостатки в силу привычки принимать некоторые свои недостатки как данность либо вообще не считая их недостатками.

Сопоставление использованных путевых заметок четырех авторов – Р. Андре, И.Г. Блазиуса, И. Бларамберга и Э. Хайкинга с отечественными источниками позволяет судить о том, что во многом, хотя и не без доли субъективности, эти иностранцы были правы, описывая недостаточную обустроенность российских дорог. У некоторых авторов русские экипажи нередко вызвали негативные ассоциации. Например, с дрожками в путевых заметках связываются порой представления о неудобствах перемещения. Вместе с тем И.Г. Блазиус отметил преимущества российских средств передвижения перед немецкими в условиях плохих дорог или полного бездорожья. Средства передвижения и упряжь русские ямщики приспособили под те условия, в которых им приходилось перемещаться, а также исходя из тех средств, которые были в их распоряжении. Р. Андре также сумел найти ряд положительных нюансов в путешествии А. Мичи по России. Общим местом в путевых заметках является восхищение иностранцев высокой скоростью, с которой ездили русские ямщики.

Список источников

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск : ОГИЗ Иркутское обл. изд-во, 1941. 613 с. + LXII с.
2. Курбатов В.Я. Предисловие // Местр Жозеф де. Религия и нравы русских. Анекдоты, собранные графом Жозефом де Местром и о. Гривелем / пер. с фр. А.П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2010.
3. Коваленко Г. Россия глазами иностранцев / беседовал С. Глезеров // Санкт-Петербургские ведомости. 12 мая 2017. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/rossiya_glazami_nbsp_inostrantsev/ (дата обращения: 03.09.2024).
4. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб. : Крига, 2008. 704 с.
5. Таньшина Н.П. «Какой писатель нынче в моде?» Образы России в исторической памяти французов // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 21.
6. Morev V.A., Moreva A.V. Russian Nationally-biased Units in the Sphere of Transportation in German Travel Notes of the XIX Century // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. P. 324–329.
7. Готье Т. Путешествие в Россию / пер. с фр., коммент. Н.В. Шапошниковой. М. : Мысль, 1988. 397 с.
8. Кеннан Д. Сибирь! СПб.: [б. и.], 1906. 398 с.
9. Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб. : Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ, 1999. Т. 1. 392 с.
10. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л. : Лениздат, 1991. 719 с. (Библиотека «Страницы истории Отечества»).
11. Blasius J.H. Reise im Europäischen Rußland in den Jahren 1840 und 1841. Zwei Theile. Erster Theil. Reise im Norden. Braunschweig : Verlag von George Westermann, 1844. 364 s.
12. Heyking E. Reisebilder aus dem Europäischen Rußland und dem Kaukasus. Leipzig : E.F. Steinacker, 1878. 124 s.
13. Andree R. Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Reisen in Theilen der Mongolei, den angrenzenden Gegenden Ostsibiriens, am Amur und seinen Nebenflüssen. Nach den neuesten Berichten, vornehmlich nach Aufzeichnungen von A. Michie, G. Radde, R. Maack u. A. Leipzig : Verlag von Otto Spamer, 1867. 268 s.
14. Sydow E. von. Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg. Nach dessen Tagebüchern von 1811–1871. Erster Band. Berlin : Verlag von E.H. Schroeder, 1872. 374 s.
15. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи с прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / пер. с нем. П. Ольхина. СПб.; М. : Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868. 352 с.
16. Базилевич К.В. Почта в России в XIX веке. М. : Связь, 1927. Ч. 1. 96 с.
17. Чехов А.П. Из Сибири // Чехов А.П. Сочинения. М., 1987. Т. 14–15. С. 5–38.
18. Легра Ж. В Сибири [Дневник французского путешественника. 1897] / пер. с франц. О.В. Крупцевой; науч. ред. проф. В.П. Зиновьев. Тюмень ; Томск : Изд-во ТГУ, 2021. 348 с. с ил.
19. Копия с жалобы, записанной на Воронихинской почтовой станции проезжающим г. Лушниковым 13 июля 1896 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 41. Д. 351.
20. Копия с жалобы, записанной на Халдеевской почтовой станции проезжающим г. Агафоновым 16 июля 1896 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 351.
21. Морев В.А., Морева А.В. «“Между осенью и снегом” дорог в Томской губернии нет»: дороги, средства транспорта и особенности путешествия по Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 146–153. doi: 10.17223/15617793/468/16
22. История дорожного дела в Томской области / Б.К. Андрущенко, В.А. Бузанова, В.П. Зиновьев, В.Г. Зыкова, П.С. Коновалов ; под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. 284 с.
23. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.
24. Морев В.А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 140–145.
25. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Томская губерния. М. : Изд. общества распространения полезных книг, 1865. Т. 2. 277 с.
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994. 928 с.
27. Windt de, H. From Pekin To Calais by Land. Second Edition. London: Chapman And Hall, Ld, 1892. 415 p. URL: <https://archive.org/details/frompekintocala00windgoog> (дата обращения: 10.09.2024).

References

1. Alekseev, M.P. (1941) *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisatelei. Vvedenie, teksty i kommentarii. XIII–XVII vv.* [Siberia in the reports of Western European travelers and writers. Introduction, texts and commentary. 13th–17th centuries]. 2nd ed. Irkutsk: OGIz Irkutskoe obl. izd-vo.
2. Kurbatov, V.Ya. (2010) Predislovie [Preface]. In: Maistre, J. de. *Religiya i nrayy russkikh. Anekdoty, sobrannye grafom Zhozefom de Mestrom i o. Grivelem* [Religion and morals of the Russians. Anecdotes collected by Count Joseph de Maistre and Fr. Grivel]. Translated from French by A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
3. Kovalenko, G. (2017) *Rossiya glazami inostrantsev* [Russia through the eyes of foreigners]. Interviewed by S. Glezerov. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 12 May. [Online] Available from: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/rossiya_glazami_nbsp_inostrantsev/ (Accessed: 03.09.2024).
4. Custine, A. de. (2008) *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Translated from French by O. Grinberg, S. Zenkin, V. Mil'china, I. Staf. St. Petersburg: Kriga.
5. Tan'shina, N.P. (2021) "Kakoy pisatel' nynche v mode?" Obrazy Rossii v istoricheskoy pamyati frantsuzov ["What writer is in fashion now?" Images of Russia in the historical memory of the French]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 9 (3(28)). p. 21.
6. Morev, V.A. & Moreva, A.V. (2015) Russian Nationally-biased Units in the Sphere of Transportation in German Travel Notes of the XIX Century. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 324–329.
7. Gautier, T. (1988) *Puteshestvie v Rossiyu* [Travels in Russia]. Translated from French. Moscow: Mysl'.
8. Kennan, G. (1906) *Sibir'!* [Siberia!]. Translated from English. St. Petersburg: [s.n.].
9. Kennan, G. (1999) *Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.)* [Siberia and the Exile System. Travel notes (1885–1886)]. Translated from English. Vol. 1. St. Petersburg: Russko-Baltiiskiy informatsionnyy tsentr BLITS.
10. Limonov, Yu.A. (ed.) (1991) *Rossiya pervoy poloviny XIX v. glazami inostrantsev* [Russia of the first half of the 19th century through the eyes of foreigners]. Leningrad: Lenizdat.
11. Blasius, J.H. (1844) *Reise im Europäischen Rußland in den Jahren 1840 und 1841. Zwei Theile. Erster Theil. Reise im Norden*. Braunschweig: Verlag von George Westermann.
12. Heyking, E. (1878) *Reisebilder aus dem Europäischen Rußland und dem Kaukasus*. Leipzig: E.F. Steinacker.
13. Andree, R. (1867) *Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Reisen in Theilen der Mongolei, den angrenzenden Gegenden Ostsibiriens, am Amur und seinen Nebenflüssen. Nach den neuesten Berichten, vornehmlich nach Aufzeichnungen von A. Michie, G. Radde, R. Maack u. A.* Leipzig: Verlag von Otto Spamer.

14. Sydow, E. von. (1872) *Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg. Nach dessen Tagebüchern von 1811–1871. Erster Band*. Berlin: Verlag von E.H. Schroeder.
15. Michie, A. (1868) *Puteshestvie po Amuru i Vostochnoy Sibiri A. Michi s pribavleniem statei iz puteshestvii G. Radde, R. Maaka i dr.* [Journey on the Amur and in Eastern Siberia by A. Michie with additions from the travels of G. Radde, R. Maak, and others]. Translated from German by P. Ol'khin. St. Petersburg; Moscow: Izd. knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa.
16. Bazilevich, K.V. (1927) *Pochta v Rossii v XIX veke* [Post in Russia in the 19th century]. Part 1. Moscow: Svyaz'.
17. Chekhov, A.P. (1987) *Iz Sibiri* [From Siberia]. In: Chekhov, A.P. *Sochineniya* [Works]. Vols 14–15. Moscow. pp. 5–38.
18. Legras, J. (2021) *En Sibérie. D'un journal de voyage en Sibérie. 1897*. Tyumen; Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 41. File 351: *Kopiya s zhaloby, zapisannoy na Voronikhinskoy pochtovoy stantsii proezhayushchim g. Lushnikovym 13 iyulya 1896 g.* [Copy of a complaint recorded at the Voronikhinskaya post station by the passing Mr. Lushnikov on July 13, 1896].
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 41. File 351: *Kopiya s zhaloby, zapisannoy na Khaldeevskoy pochtovoy stantsii proezhayushchim g. Agafonovym 16 iyulya 1896 g.* [Copy of a complaint recorded at the Khaldeevskaya post station by the passing Mr. Agafonov on July 16, 1896].
21. Morev, V.A. & Moreva, A.V. (2021) "There Are No Roads Between Autumn and Snow" in Tomsk Province": Roads; Means of Transport, and Features of Travel in Siberia in the Second Half of the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 468. pp. 146–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/468/16
22. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1999) *Istoriya dorozhnogo dela v Tomskoy oblasti* [History of road business in Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Boiko, V.P. (1996) *Tomskoe kupechestvo v kontse XVIII–XX vv. Iz istorii formirovaniya sibirskoy burzhuazii* [Tomsk merchants from the late 18th to the 20th century. From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: Vodoley.
24. Morev, V.A. (2011) Pochtovaya tekhnika i osobennosti perevozki pocht i tovarov v Sibiri v XIX – nachale XX v. [Postal technology and features of transporting mail and goods in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (15). pp. 140–145.
25. Zavalishin, I.I. (1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri. Tomskaya guberniya* [Description of Western Siberia. Tomsk Province]. Vol. 2. Moscow: Izd. obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig.
26. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AZ".
27. de Windt, H. (1892) *From Peking To Calais by Land*. 2nd Edition. London: Chapman And Hall, Ltd. [Online] Available from: <https://archive.org/details/frompekintocala00windgoog> (Accessed: 10.09.2024).

Информация об авторах:

Морев В.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: morev.vladimir52@mail.ru

Морева А.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: stasija@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Morev, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morev.vladimir52@mail.ru

A.V. Moreva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stasija@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 05.09.2024;
approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 94(470+571) «1918/1919»
doi: 10.17223/15617793/512/17

Публицистика генерал-майора А.И. Андогского на востоке России в ноябре 1918 – декабре 1919 г.

Дарья Леонидовна Шереметьева¹

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, dalas83@yandex.ru

Аннотация. В антибольшевистской прессе периода Гражданской войны выявлен комплекс статей, очерков и обзоров начальника Николаевской академии Генерального штаба – профессора, генерал-майора А.И. Андогского, входившего в военно-политическую элиту при диктатуре адмирала А.В. Колчака. Изучены условия и обстоятельства появления, тематика и основное содержание публикаций А.И. Андогского. Интеллектуальный и информированный автор из военной среды стремился формулировать либерально-патриотическую публичную повестку власти, влиять на общественное мнение и воздействовать на настроения в армии.

Ключевые слова: А.И. Андогский, военная публицистика, антибольшевистское движение, Гражданская война

Источник финансирования: статья выполнена по теме госзадания «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

Для цитирования: Шереметьева Д.Л. Публицистика генерал-майора А.И. Андогского на востоке России в ноябре 1918 – декабре 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 158–169. doi: 10.17223/15617793/512/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/17

The publicistic writings of Major General Alexander Andogsky in the East of Russia, November 1918 – December 1919

Daria L. Sheremeteva¹

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, dalas83@yandex.ru

Abstract. During the Russian Civil War, public information about the situation on the fronts was of fundamental importance to contemporaries. The adequacy of many vital decisions, as well as the behavior and actions of both statesmen and ordinary citizens, depended on how accessible, reliable, and complete the information about the combat operations was. In the anti-Bolshevik camp of eastern Russia, military reviews providing a comprehensive picture of the military-strategic situation in the country appeared and became publicly accessible in the periodical press thanks to the head of the Academy of the General Staff, Professor General Alexander Andogsky (1876–1931). Identifying the entire body of his publicistic works from the Civil War period allows us to evaluate the dynamics, purpose, and quality of public military-expert information of the anti-Bolshevik forces. The research is based on materials from the periodical press of Siberia and the Urals, with the involvement of archival documents from the editorial office of the newspaper *Russkaya Armiya* [Russian Army], memoirs and diaries of contemporaries of the events. More than 140 articles, reviews, and essays by Andogsky have been identified in the newspapers of eastern Russia in 1918–1919. More than half of them were published in the leading official newspaper of Alexander Kolchak's military dictatorship, *Russkaya Armiya*. In November – December 1918, Andogsky was the first author of *Russkaya Armiya*, writing as an informed representative of the ruling elite and defending the liberal hypostasis of Kolchak's authoritarian regime. From February to March 1919, the collaboration was terminated due to a reputational scandal surrounding Andogsky. While distanced from power, Andogsky actively collaborated with private socio-political newspapers *Sibirskaya Zhizn'* [Siberian Life] and *Svobodnyy Kray* [Free Land], using the independent press to maintain his own reputation as a military expert and to return to the military-political leadership. In April – June 1919, contact with the editorial office of *Russkaya Armiya* was re-established on the condition of publishing under a pseudonym. Finally, in July – August and October 1919, Andogsky again became a leading author for the military newspaper. By this time, he had joined the high military command, and the task of his publicistic works became the moral support of the defeated army. Throughout the Civil War, the main themes of Andogsky's publications were the events on the fronts of the Russian Civil War, issues of foreign policy, and intervention. The most informative were his texts about the successes of the anti-Bolshevik armies in December 1918, while the failures and the ultimate collapse of Admiral Kolchak's eastern front were not covered. The central themes in Andogsky's works were myths about an "iron ring" encircling the Bolsheviks and their imminent defeat. Andogsky's articles reveal a chronic lack of information about the Red Army, its underestimation, and consistent belittling. Such military reviews could not serve as a basis for correct decisions and effective actions at the highest military-political level, and they also hindered the formation of adequate public opinion.

Keywords: Alexander Andogsky, military journalism, anti-Bolshevik movement, Civil War

Financial support: The article was written as part of a state assignment (Topic FWZM-2024-0008).

For citation: Sheremeteva, D.L. (2025) The publicistic writings of Major General Alexander Andogsky in the East of Russia, November 1918 – December 1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 158–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/17

Во время Гражданской войны в России внимание людей было приковано к событиям на фронтах. Информация о военно-стратегической обстановке являлась основанием для принятия многих жизненно важных решений. От того, насколько сведения о боевых действиях были доступны, достоверны и полны, зависели настроения, поведение и поступки как государственных деятелей, так и рядовых граждан. В этой связи военная публицистика имела особое значение для власти и общества.

На востоке России в лагере контрреволюции появление военных обзоров как специального газетного жанра, дававшего комплексное представление о ситуации на фронтах, было связано с именем начальника Николаевской академии Генерального штаба (далее Академии) профессора, генерал-майора А.И. Андогского. В биографии установлены факты его сотрудничества с газетами «Русская армия» в Омске и «Сибирская жизнь» в Томске, раскрыт псевдоним А.И. Волховской, введено в научный оборот громкое выступление в печати в защиту военной академии [1–4]. Отдельное исследование посвящено текстам А.И. Андогского о событиях на юго-западе России в период Гражданской войны [5]. Эта тема для автора была далекой и трудной в силу неустойчивой связи между восточными и юго-западными территориями бывшей Российской империи. Поэтому выводы исследователей, сделанные на основе такой специфической выборки, об эмоциональности статей и каноничности языкового образа А.И. Андогского для белого офицерства нуждаются в уточнении. То есть о публицистике А.И. Андогского известно в первом приближении. Остаются открытыми вопросы масштаба и динамики сотрудничества генерал-майора с прессой, магистральной тематики и содержания текстов, политических взглядов и задач, которые он решал при помощи нетипичной для высокого военно-политического статуса журналистской работы. Цель статьи – определить роль А.И. Андогского в информосфере востока России в годы Гражданской войны.

Александр Иванович Андогский родился в 1876 г. в семье действительного статского советника, получившего дворянство. Александр был младшим из пятерых братьев, с детства ориентированных на высокое положение в обществе за счет образования и карьеры. В 1898 г. он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Однако сферой приложения полученных знаний было избрано военное дело. В том же году А.И. Андогский поступил на военную службу и продолжил обучение: в 1899 г. выдержал офицерский экзамен при Павловском военном училище, в 1905 г. с отличием окончил высшее военное образовательное учреждение Российской империи – Николаевскую академию Генерального штаба. С 1899 по 1911 г. он продвинулся по службе от чина ефрейтора до подполковника [6].

На военной службе, проходившей в основном на штабных должностях, А.И. Андогский проявлял особую склонность к аналитической деятельности. С 1905 по 1911 г. он опубликовал «Военно-географическое исследование Афганистана как района наступательных операций русской армии» (190[5]), три отдела «Учебника элементарной тактики» (1907–1909), пособие «Служба связи в бою пехотного полка» (1908) и статью о Балтийской линии Северо-Западной железной дороги для «Военной энциклопедии» (1911).

Современники А.И. Андогского, упоминавшие о нем в мемуарах, сходились в том, что среди офицеров он отличался высоким интеллектом: «умный, хитрый, дальновидный» [7. С. 181], «умный, культурный и образованный» [8. С. 200], «умный, хитрый и умевший весьма искусно вести переговоры» [9. С. 355] и др. Характерный образ транслировал в воспоминаниях генерал-майор С.А. Щепихин: «Андогский всегда мне казался человеком не строевым; его все помыслы направлены к письменному столу; в душе военным он отнюдь не был» [10. С. 40].

Высшее образование, интеллектуальные способности, успешная служба и склад характера привели А.И. Андогского в учебно-научную сферу. В 1911 г. он стал штатным преподавателем Николаевской академии Генерального штаба. В начале Первой мировой войны, пока занятия были приостановлены, Александр Иванович работал преимущественно на штабных должностях. С апреля по декабрь 1916 г. он командовал 151-м пехотным Пятигорским полком. В конце 1916 г. А.И. Андогский вернулся в академию в качестве правителя дел.

В революционном 1917 г. А.И. Андогский стал экстраординарным профессором военной академии, возглавил ее и получил чин генерал-майора. Он был довольно молод для такого карьерного скачка в консервативной военно-научной среде. Стремительный взлет был подстегнут, вероятно, политическими обстоятельствами. В первую очередь тем, что он принял и поддерживал Февральскую революцию. Исследователи упоминают о тесном знакомстве А.И. Андогского с военными министрами Временного правительства А.И. Гучковым, затем А.Ф. Керенским [3. С. 48, 4. С. 52, 55]. Однако сам он публично утверждал: «Никакой дружбы с Керенским у меня не было. Я даже никогда не видал его в натуре и даже не представлялся ему после своего назначения» [11. С. 14].

В 1917 г. сфера интересов А.И. Андогского расширилась. В июне он начал сотрудничество с большой ежедневной всероссийской газетой «Русский инвалид», выходившей в Петрограде. Это было главное в стране военное издание. Редакция газеты во главе с генерал-майором Д.К. Лебедевым, бывшим преподавателем военной академии, поддерживала «завоеванные народом свободы», выступала с позиции «глубочайшей сознательной приверженности новому строю»

[12] и публиковала официальные документы военного ведомства Временного правительства.

Первый политический текст А.И. Андогского был опубликован 3 июня 1917 г. под названием «Несоответствие средств с поставленной целью».

Автор полемизировал с «Известиями Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», требовавшими скорейшего установления мира путем международной солидарности трудящихся. По мнению же А.И. Андогского, для скорейшего мира нужен был переход армии в наступление, и момент для него он считал подходящим. За статьей последовали три публикации в жанре военных обзоров. Тем самым в ситуации острой политической борьбы А.И. Андогский выступил противником позиции Петросовета и поддержал Временное правительство, готовившее армию к летнему наступлению.

11 июня 1917 г. вышла статья А.И. Андогского «Причины быстрого разложения русской армии». Главным источником проблемы автор называл «неразвитость крестьянства», из среды которого пополнялась армия, «отсутствие у него здорового государственного эгоизма», «сознания долга перед родиной» и «готовности пожертвовать жизнью ради достижения культурных идеалов». То есть армию А.И. Андогский показал как социально-политический конструкт. При этом в статье он выражал приверженность «гражданским свободам», «культурным идеалам человечества», «равенству» и «братству», а также «родине», «государственности» и «нации». Этот либерально-патриотический текст является самым концентрированным политическим высказыванием А.И. Андогского.

В июле 1917 г. «Русский инвалид» был переименован в «Армию и флот свободной России» и оставался главной военной газетой страны до конца октября 1917 г. В этот период А.И. Андогский стал первым автором издания. Его объемные военно-стратегические обзоры печатались в качестве передовиц почти в каждом номере газеты. Обзоры представляли читателям комплексную картину огромного и сложного театра мировой войны, упорядочивая информацию. С помощью прессы А.И. Андогский зарабатывал авторитет и влияние в армии и обществе во всероссийском масштабе.

В политических высказываниях А.И. Андогский проявлял себя сдержанно, избегая оценок революционных процессов, партий, событий и деятелей. Одним из редких исключений была публичная поддержка выступлений генералов Л.Г. Корнилова и А.М. Каледина на Московском государственном совещании в августе 1917 г.: «Железная дисциплина не страшна свободному гражданину, понимающему, что только на почве ее можно создавать те крепкие организации во всех отраслях государственной и общественной жизни, которые затем станут оплотом этой свободы» [13]. В обстановке тяжелого политического кризиса А.И. Андогский признавал лидерство верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова и выражал солидарность с будущими основателями Белого движения.

Октябрьская революция 1917 г. перевернула государственный, общественный и экономический уклад

России. А.И. Андогский не сочувствовал новым радикальным изменениям и оказался перед сложным жизненным выбором. При советской власти он остался в Петрограде начальником академии, чтобы сохранить систему высшего военного образования. В историографии приводятся убедительные аргументы в пользу того, что он занимал выжидательную позицию и изначально сочувствовал антибольшевистскому движению [4]. Что касается публицистики, то в газетах периода советской власти имени А.И. Андогского не обнаружено. «Армия и флот свободной России» как издание бывшего военного министерства Временного правительства прекратила существование. На ее месте был учрежден орган народных комиссаров по военным и морским делам – газета «Армия и флот рабочей и крестьянской России», не сотрудничавший с авторами-либералами.

После подписания советским правительством сепаратного Брестского мира с Германией в марте 1918 г., вопрос политического самоопределения для А.И. Андогского обострился, но пока академию «не трогали», он продолжал выжидать. В конце мая 1918 г. с антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса совместно с русскими вооруженными формированиями в Сибири началась полномасштабная Гражданская война в России. Летом 1918 г. под предлогом угрозы наступления Германии на Петроград началась эвакуация Академии Генерального штаба на восток России. В августе 1918 г. высшее учебное заведение перешло на сторону антибольшевистских вооруженных сил в Казани и Екатеринбурге [1. С. 195, 3. С. 226, 231]. А.И. Андогский остался начальником Академии. На протяжении августа – октября 1918 г. он осваивался в новом для него контексте антибольшевистского Поволжья, Урала и Сибири. Судя по оглавлению его несохранившихся мемуаров, Александр Иванович хорошо разобрался в политических акторах периода демократической контрреволюции [3. С. 763]. В это время на фоне острой политической борьбы шел процесс объединения различных антибольшевистских сил и конституирование все-российской государственной власти и армии.

Академию было решено разместить в Томске. Сам же А.И. Андогский подолгу находился в Омске, где располагались Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория) и органы высшего военного управления. Однозначной поддержки правительствам и Верховному главнокомандующему генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву он не выражал. При этом устанавливал знакомства с такими политическими деятелями, как министр финансов И.М. Михайлов, военный министр А.В. Колчак, член ЦК Партии народной свободы В.Н. Пепеляев и др.

В Поволжье, на Урале и в Сибири в период демократической контрреволюции вышло большое количество партийных, частных общественно-политических, кооперативных, земских, профсоюзных изданий и прессы органов государственной власти. При этом солидная либеральная общественно-политическая периодика не выходила из-за забастовок печатников. Крупных военных газет не существовало. То есть

«подходящего» издания для Андогского-автора не было. Более того, государственная власть контрреволюции на начальном этапе Гражданской войны ставила армию вне политики, в том числе запрещая военным сотрудничать с прессой. Поэтому А.И. Андогский продолжал оставаться в стороне от публичной сферы.

Ситуация на востоке России резко изменилась в связи с государственным переворотом 18 ноября 1918 г., приведшим к установлению власти Российского правительства во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком. Армия становилась главным субъектом власти. К подготовке этого переворота А.И. Андогский имел отношение [14]. Также он знал о подготовке будущей официальной военной газеты.

В начале ноября 1918 г. А.И. Андогский председательствовал на первом редакционном совещании информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего, готовившего к запуску большую ежедневную официальную военную газету «Русская армия» [15]. Ответственность за разработку программы и структуры газеты, подбор сотрудников и источников информации нес начальник информационного отдела ротмистр С.А. Скрыбин, не имевший знаний и навыков в сфере журналистики, ясно сформулированных идейно-политических позиций и общественного авторитета. А.И. Андогскому предлагали заведывание «Военным отделом» газеты, но от черной организационной работы генерал-майор отказался, оставшись заинтересованным в издании как автор.

На следующий день после государственного переворота, 19 ноября 1918 г., информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего выпустил первый номер первой большой военной газеты «Русская армия». Это событие изменило информационный ландшафт антибольшевистского востока России. Военное издание стало голосом нового политического режима, потеснив прессу органов государственной власти. Одновременно «Русская армия» должна была заполнить информационный вакуум в армии и охватить массовую читательскую аудиторию. Эта газета положила начало процессу «военизации» периодической печати на востоке России и влиянию военных на общественно-политические настроения населения и армии.

В первом номере «Русской армии» на первой полосе была опубликована первая антибольшевистская статья А.И. Андогского «Грядущие военные перспективы». Автор писал в глобальном контексте о Компьенском перемирии, поражении Германии и большевизме как «тяжелом психическом недуге русского народа, полученном в результате мировой войны», «безумии народной массы». Большевизм, по его мнению, был мощным разрушительным социально-политическим явлением, не сводимым к заговорам и проискам внешних врагов. А.И. Андогский использовал в статье слова «народ» и «прогресс» в качестве базовых ценностей и игнорировал национально-патриотическую лексику. Тематика и риторика статьи отличались от основного содержания номера газеты, в котором сообщалось о политических событиях в Омске, Верховном правителе адмирале А.В. Колчаке и провозглашались лозунги «великая единая Россия», «национальная мощь», «национальное самолюбие», «национальный

подъем», «мировая держава», «родная страна», «патриотизм» и «русские, вперед». Публикация в газете текстов с разным идейно-политическим наполнением свидетельствовала о полиморфности идейных оснований нового режима и соперничестве разных группировок внутри него.

На следующий день, 20 ноября 1918 г., в «Русской армии» было опубликовано обращение Верховного правителя адмирала А.В. Колчака «К населению России», ставшее основной политической декларацией нового режима: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, — объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру» [16]. Смысл и стиль данного высказывания был созвучен политической позиции А.И. Андогского.

В этих обстоятельствах А.И. Андогский стал главным автором «Русской армии» и опубликовал в газете семь передовых статей: «Силы, вступившие в борьбу с большевизмом» (20 ноября), «Ближайшая стратегическая задача союзников» (21 ноября), «Уроки прошлого» (23 ноября), «Колесо фортуны» (24 ноября), «Куда полезно направить избыток союзных сил» (26 ноября) и «Жертвы на воссоздание армии» (1 декабря), «Общность целей — залог единения в борьбе, залог близкой победы» (21 декабря). Автор повторял суждения 1917 г. о «неразвитости крестьянства» и «отсутствии у народа здорового государственного эгоизма» как главных причинах нестроений в России. Солидаризовался со словами официальных текстов адмирала А.В. Колчака о том, что главным делом на тот момент являлось создание армии и обеспечение в будущем «возможности избрать форму правления, которую захочет народ». При этом А.И. Андогский много писал в глобальном контексте и обращался через газету к союзникам с требованием военной помощи в борьбе с большевиками. По его мнению, иностранная интервенция была неизбежной для России.

В общем, в ноябре — декабре 1918 г. А.И. Андогский поддерживал Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и подсвечивал демократическую составляющую его публичной риторики. Открытость политических высказываний в тот момент объяснялась отсутствием диссонанса между собственным мнением А.И. Андогского и считываемых им доминирующих настроений верховной власти.

В конце ноября 1918 г. А.И. Андогский начал публиковать в «Русской армии» типичные для его публицистики военно-стратегические обзоры. Первый такой текст назывался «Положение дел на фронте борьбы с большевиками» (28 ноября). Он был составлен по официально публикуемым оперативным сводкам. В обзоре доказывалось, что главная большевистская территория с центром в Москве «сжимается русскими и союзническими войсками, постепенно образующими

кольцо» с севера, востока, юга, юго-запада и запада. Основными фронтами А.И. Андогский называл восточный «чехо-русских войск» и южный «армий генерала Деникина». Он написал о наличии крупных большевистских сил в Туркестане, полагая, что главной стратегической задачей противника является соединение европейской и туркестанской территорий и самый короткий путь для этого – захват Уфы.

После общего обзора, двигаясь от общего к частному, А.И. Андогский написал об основных военных районах восточного фронта: Оренбургском (4 декабря), Уфимском (6 декабря) и Екатеринбургском (8 декабря). Затем он сосредоточил внимание на наступлении антибольшевистских войск на Пермь: «Наш успех» (12 декабря), «Свобода действий» (14 декабря), «На путях к Перми» (15 декабря), «Наша победа» (17 декабря), «Шансы борьбы» (19 декабря), «Пермская операция» (25 декабря), «Взятие Перми» (26 декабря), «Значение пермской победы» (28 декабря) и «Значение пермской победы в отношении исхода борьбы в Уфе» (29 декабря). О Пермской операции А.И. Андогский составлял представление по оперативным сводкам штаба Верховного главнокомандующего, прямой информации от участников событий, в том числе по телеграммам командовавшего операцией генерал-майора А.Н. Пепеляева и письмам боевых офицеров. По свежим следам А.И. Андогский писал хронике «выдающегося маневра войск возрождающейся России». Созданная им героическая картина взятия Перми печаталась в официальной газете «Правительственный вестник» (27 декабря) и других изданиях.

В последнюю неделю декабря 1918 г. деятельность А.И. Андогского была омрачена нападениями на Академию Генерального штаба в связи с ее работой при советской власти со страниц частных газет «Свободное слово» и «Отечественные ведомости». «Свободное слово» было провинциальным, тюменским, «внепартийным, общественно-политическим и литературным» изданием. Редакция решила на публикацию обвинений в адрес высоких чинов Академии с подачи главного начальника Тюменского военного округа, монархиста, генерал-лейтенанта В.В. Рычкова. Против академии высказались в газете не журналисты, а адъютант В.В. Рычкова прапорщик Ф.Ф. Клепиков и бывший старший адъютант строевого отделения штаба Тюменского военного округа подполковник К.Г. Язвин. Они написали оскорбительные тексты, назвав генштабистов «привилегированной челядью» [17], которая «пытается налететь на готовый медок, переходя из одного лагеря в противоположный» [18]. «Господину Андогскому» предлагалось «прекратить деятельность в печати», а всех офицеров, служивших у большевиков после 12 марта 1918 г. и получавших жалование, – лишать званий, чинов и орденов [18].

Большая общественно-политическая екатеринбургская газета «Отечественные ведомости» позиционировалась как «орган государственной и национальной мысли». Она широко распространялась в городах Урала и Сибири, пользовалась влиянием и авторитетом в правых общественно-политических кругах.

Редактором газеты был известный общественный деятель и журналист А.С. Белевский-Белоруссов. Он являлся одним из лидеров мнений на востоке России и инициировал общественно значимые дискуссии. В декабре 1918 г. он получил письма из Тюмени и на их основе написал передовые статьи «Красное офицерство» (26 декабря) и «Необходимое объяснение» (31 декабря). Будучи профессиональным журналистом, А.С. Белевский осветил болезненную тему «коллорабанизма» офицеров, не называя имен и без агрессивных выпадов.

По мнению исследователя А.В. Ганина, публикации в «Свободном слове» и «Отечественных ведомостях» являлись невиданной политической кампанией по дискредитации военной академии и ее начальника. Травля была вызвана борьбой за власть в высшем военном руководстве, в частности стремлением начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора Д.А. Лебедева устранить соперника [3. С. 283–286, 321]. Прямой связи между действиями Д.А. Лебедева и публикацией статей, однако, установить не удалось, что не исключает использования возникшей ситуации для давления на Верховного правителя.

Публичные обвинения наносили серьезный урон репутации Академии Генерального штаба и требовали ответа. К 6 января 1919 г. А.И. Андогский подготовил пятнадцатистраничную брошюру «Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг.». В преамбуле он написал, что в полемику с «отдельными безответственными лицами» вступать не намерен, но для «государственно-мыслящих кругов военного и гражданского общества» осветит «истинную картину деятельности академии за время власти большевиков». Основной текст брошюры был фактографичен, повествовал о положении Академии после Октябрьской революции 1917 г., ее финансировании из собственных бюджетных запасов, истории эвакуации на восток России с целью перехода в антибольшевистский лагерь. Автор подчеркивал доверие, с которым офицеров после перехода встретило руководство Сибирской армии и Временное Сибирское правительство, и назвал фамилии членов Академии, занявших высокие посты в действовавшем военном руководстве. В заключительной части брошюры А.И. Андогский ответил на направленные лично против него обвинения и закончил текст так: «Я подписал не мирный договор, а протест против Брестского мира. <...> Предъявляемое мне обвинение есть наглая ложь» [11. С. 15]. В целом текст получился взвешенным и убедительным.

В Томске 15 января 1919 г. А.И. Андогский заручился согласием членов академии на публикацию брошюры и затем разослал текст в редакции повременных изданий востока России. Первой его опубликовала одна из крупнейших общественно-политических газет Сибири «Наша заря», печатавшаяся в Омске. Она выходила под руководством опытного и энергичного редактора энеса А.И. Галецкого. Издание самоопределялось как «орган русского демократического ревизионизма» и поддерживало военную диктатуру адмирала А.В. Колчака. Газета опубликовала «Академию Генерального штаба» тремя частями 17, 18 и 21 января 1919 г.

Собственное мнение по поднятому вопросу редакция выразила в передовице 25 января 1919 г. По ее мнению, сотрудничество офицеров с большевиками имело разные мотивы, в том числе и благородные, а обличители лишь подрывали авторитет армии.

Почти одновременно с «Нашей зарей» текст А.И. Андогского опубликовала многотиражная ежедневная новониколаевская газета полковника А.П. Степанова «Военные ведомости». Редакция газеты, возглавляемая членом Национального союза доктором Н.С. Григорьевым, добавила комментарий в поддержку Академии и выразила предположение, что близкий ей по идейно-политическим взглядам А.С. Белевский-Белоруссов был введен в заблуждение. Далее 21 января 1919 г. полный текст «Академии Генерального штаба» был помещен в кадетской газете «Сибирская речь» без каких-либо комментариев. Наконец, 22 января 1919 г. выдержку из брошюры А.И. Андогского опубликовала пользовавшаяся заслуженным авторитетом во всей Сибири частная общественно-политическая газета «Сибирская жизнь», издававшаяся в Томске под руководством опытного редактора и амбициозного общественного деятеля А.В. Адрианова. Он не поместил на страницы газеты преамбулу и заключение брошюры, намеренно оставляя полемику за пределами внимания читателей.

На публикацию «Академии Генерального штаба» А.И. Андогского ответили статьями в тюменском «Свободном слове» Ф.Ф. Клепиков («Красная паутина», 1 февраля) и В.В. Рычков («Как они оправдываются?», 7 февраля). Последний пересказал текст А.И. Андогского со своими комментариями, а затем прямо назвал членов академии предателями. Редактор «Отечественных ведомостей» А.С. Белевский-Белоруссов вернулся к теме в статье «Еще о “красном офицерстве”» (22 февраля). Его мнение по поводу службы русских генералов в Красной армии оставалось прежним, но к рядовым офицерам-перебежчикам он предложил относиться сочувственно и прагматично, устранив препятствия для переходов боевого элемента на сторону антибольшевистских вооруженных сил.

Таким образом, факт сотрудничества Академии Генерального штаба с большевиками стал поводом для длительного обсуждения в прессе проблемы перехода офицеров из одного военного лагеря Гражданской войны в другой. Начальник академии А.И. Андогский сумел заручиться поддержкой respectable прессы востока России и перед общественным мнением защитил Академию, но противники остались при своем мнении, продолжая подрывать авторитет офицеров Генерального штаба.

На «репутационный удар» крайне болезненно отреагировали в военном руководстве. Редакция «Русской армии» сторонилась темы службы офицеров в Красной армии. Она не опубликовала текст «Академия Генерального штаба» и минимизировала сотрудничество с А.И. Андогским. В январе 1919 г. в газете было помещено всего четыре его военных обзора: «После Уфы» (11 января), «Контрманевр противника» (16 января), «Значение потери Бирска» (22 января) и «На фронте Сибирской и Западной армий» (30 января).

Более того, из-за публичных обвинений в адрес Академии Верховный правитель адмирал А.В. Колчак 23 января 1919 г. поручил организовать расследование ее деятельности и приказом от 26 января 1919 г. временно отчислил А.И. Андогского от должности начальника, командировав в распоряжение командующего Иркутским военным округом. В свете этого редакция «Русской армии» вовсе отказалась от публикации статей под фамилией А.И. Андогского, несмотря на дефицит авторов и качественных материалов для издания.

При таком нежелательном повороте А.И. Андогский продолжил публичную деятельность. Он стал сотрудником в томской газете «Сибирская жизнь», получив независимую площадку для восстановления и укрепления общественного авторитета. Благодаря новому автору в старейшем сибирском издании появился постоянный «Военный отдел» с экспертными обзорами и статьями по военно-политической тематике.

С 30 января 1919 г. в «Сибирской жизни» публиковалась новая серия военно-стратегических обзоров А.И. Андогского «Положение дел на боевом фронте», составленных по имевшейся у автора информации 1918 г., свежим официальным оперативным сводкам и телеграммам информационных агентств. Как и двумя месяцами ранее, он доказывал, что «зараженная большевистским ядом территория Европейской России» сжимается плотным кольцом. На этот раз автор сделал развернутые экскурсы событий в Прибалтийском крае (9 февраля), Латвии и Литве (11 февраля), Польше (12 февраля), Украине (18 февраля), на Дону (19 февраля), Кубани и Северном Кавказе (20 февраля) и на фронте Западной армии генерала Юденича (27 февраля). В то же время генерал-майор вернулся в печати к мысли о том, что стратегической задачей большевиков на востоке является соединение их европейской и туркестанской территорий путем захвата Уфы. Целых три статьи А.И. Андогский написал об Оренбургском фронте (2, 28 февраля и 4 марта), хотя информации было мало: «Связь с Уральском потеряна с конца января, что там [происходит], не известно» [19]. Автор признавал успех большевиков на Оренбургском фронте и писал о необходимости «напрячь все силы для противодействия проникновению врага в Сибирь» [20].

В марте 1919 г. А.И. Андогский написал для «Сибирской жизни» большой очерк «Положение дел в “Большевизии”», опубликованный пятью частями в номерах от 6, 8, 11, 13 и 15 марта. Первые три текста в очередной раз обрисовывали противобольшевистские фронты как кольцо окружения. В четвертой части А.И. Андогский писал о внутреннем состоянии территории, управляемой Советской властью, скомпоновав широко распространенные в то время на востоке России представления, что под властью большевиков население вымирает от голода, эпидемий и государственного террора, промышленность остановлена, хозяйство разрушено, а народ поднимает восстания. Автор отошел от метафоры большевизма как болезни общества и стал склоняться к тому, что это навязанное извне явление, назвав его «игмом».

Пятая часть очерка «Положение дел в “Большевизии”» представляла собой новый оригинальный текст,

посвященный Красной армии. Автор пытался разобраться в том, обладал ли противник организованной, дисциплинированной и обученной вооруженной силой или сборищем неуправляемых вооруженных банд. На основе отрывочных сведений А.И. Андогский охарактеризовал порядок комплектования, состав командования и организационную структуру Красной армии, описал обучение новобранцев, снабжение армии, оценил уровень дисциплины, настроения внутри войск, их взаимоотношения с местным населением и причины военных успехов большевиков. В результате вырисовывалась картина организованных, многочисленных, хорошо снабженных, боеспособных вооруженных сил, ядром которых являлись комиссары-коммунисты. Одновременно автор делал упор на том, что основная масса войск большевиков мобилизована принудительно и удерживалась террором и потворством грабежам и насилиям над гражданским населением. Сильной стороной Красной армии, по мнению автора статьи, была ее массовость, слабой – низкий моральный дух. Из совокупности приведенных фактов и суждений А.И. Андогский делал вывод: «Такая вооруженная сила долго существовать не может. Распадение ее начнется скоро. <...> Не следует преувеличивать временные местные военные успехи большевистских войск, ибо, несмотря на пышный порою цвет их, корни их уже гниют» [21]. Текст обнаруживал комплексный подход автора к проблеме, скудость фактической базы и оптимизм по поводу борьбы с большевиками.

В марте 1919 г. А.И. Андогский был вынужден уехать в Иркутск [6]. Там он начал сотрудничать с большой частью частной общественно-политической либеральной газетой «Свободный край», не прекратив посылать тексты в томскую «Сибирскую жизнь». Тем временем антибольшевистские войска перешли в наступление и захватили часть территории Поволжья. Однако А.И. Андогский не мог освещать события столь же оперативно и подробно, как это было в декабре 1918 г. с описанием захвата Перми. Об «огромных успехах на участках Сибирской и Западной армий» А.И. Андогский писал с недельным временным лагом в жанре аналитических обзоров: «Положение дел на боевом фронте в половине марта 1919 г.» (16 марта), «Значение взятия Бирска» (19 марта), «Значение взятия Уфы» (19 и 22 марта), «Значение взятия Мензелинска» (28 марта, 2 апреля). Захваченные территории он назвал «базисом для вторжения в глубь Европейской России».

В конце марта – начале апреля 1919 г. А.И. Андогский подготовил очередную серию статей «Положение дел на общем фронте борьбы с большевиками», в которой усиливал метафору «железного кольца» фактами о давлении на Советскую Россию со стороны Мурманско-Архангельского района, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины, Дона, Северного Кавказа, Кубани и Урало-оренбургского фронта [22]. При этом он подробно описывал политическую ситуацию в Финляндии (25 марта), западной полосе России на берегах Финского залива (1 апреля), Эстонии (2 апреля), Латвии и Литве (4 апреля), а также

в Польше (10 и 12 апреля). Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу он описывал как независимые государства, имеющие легитимные правительства и боеспособные вооруженные силы, и считал необходимым их выступление против большевиков. Эти тексты публиковались в иркутском «Свободном крае», затем с редакторскими изменениями в томской «Сибирской жизни».

Не позднее 20 апреля 1919 г. А.И. Андогский вернулся в Западную Сибирь и предпринял усилия, чтобы статьи о государствах-лимитрофах попали на страницы «Русской армии». Ради этого он согласился печататься под псевдонимом, постаравшись минимизировать «маскировку» созвучным именем – А.И. Волховской. В результате статьи были опубликованы в Омске с 20 апреля по 15 июня 1919 г. Так как прошел почти месяц после первой публикации, автор актуализировал информацию и написал дополнительно статью «Ближайшие государственные задачи Польского правительства» (9 мая).

Обзор ситуации на северо-западных границах России А.И. Андогский считал особенно важным и значимым. Он надеялся повлиять на изменение великодержавного внешнеполитического курса адмирала А.В. Колчака в отношении стран Балтии и Польши [23. С. 86, 116, 221]. Благодаря публикации в «Русской армии» обзоры о государствах-лимитрофах были замечены членами российского правительства. Однако МИД через военного министра генерал-майора Н.А. Степанова официально обратил внимание редакции военной газеты на нежелательность публикации подобных текстов [24]. Редактор передал «протест» автору, рекомендовал «переменить район обзора» [25] и две недели не публиковал его статьи. При этом выступление в печати поддержало авторитет А.И. Андогского среди офицеров Генерального штаба, согласных с его мнением [23. С. 116].

Во второй половине апреля 1919 г. А.И. Андогский делал военные обзоры для «Свободного края» и «Сибирской жизни» о положении дел на Украине (17 апреля), в районе Оренбурга (18 апреля), в Поволжье (25 апреля). В мае 1919 г. основной площадкой для публикаций вновь стала газета «Сибирская жизнь», поместившая обзоры о военно-стратегической обстановке на Дону (4 мая) и в Финляндии (8 мая), о поражении советской власти в Венгрии (14 мая) и победах генерала Н.Н. Юденича (24 мая). Эти тексты были наполнены ярким предвкушением победы над большевиками. К теме восточного фронта А.И. Андогский обратился только 27 мая 1919 г. в статье «Оценка событий на общем фронте борьбы с большевиками». В изображении автора наступление войск Верховного правителя развивалось непрерывно, настойчиво и планомерно при некоторых недочетах частного характера на участках Западной и Оренбургской армий. Общую картину событий он изобразил как клещевое наступление на большевиков с севера и юга, которое обещало к июню 1919 г. «выход на Поволжье». В печати он не сообщил о тяжелом положении армий и замолчал известную ему информацию об угрозе окружения Красной армией [26. С. 149].

В конце мая 1919 г. А.И. Андогский откликнулся серией статей «Ко дню годовщины свержения Советской власти в Сибири» (28, 29 и 31 мая) на празднование в Томске годовщины антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса. В комплементарном тоне он написал историю создания корпуса, интерпретировал обстоятельства конфликта чехословаков с большевиками и подробно изложил действия чехословаков под руководством капитана Р. Гайдз в ходе свержения советской власти в Мариинске и Новониколаевске, затем сообщил, что корпус охраняет Сибирскую железнодорожную магистраль и «способствует поддержанию порядка в необъятном сибирском тылу». Автор подчеркивал верность Чехословацкого корпуса идеалам свободы и заключал, что с его помощью «Сибирь сбросила иго советской власти и вступила в новую свободную демократическую жизнь». А.И. Андогский высказал пожелание укрепить связь между русскими и чехословаками «на страх врагам», подразумевая целесообразность возвращения корпуса на фронт. Статьи о чехословаках были опубликованы повторно в «Русской армии» (4, 6 и 7 июня), так как органично вписывались в формируемый официальной прессой позитивный образ Чехословацкого корпуса [27].

В июне 1919 г. А.И. Андогский продолжал интенсивно сотрудничать с «Сибирской жизнью». В статье «Тришкин кафтан» (4 июня) он написал о якобы дырявой обороне большевиков. Затем доказывал эту мысль в обзорах «Переход украинцев в наступление против русских большевиков» (6 июня), «Наступление генерала Деникина и уральских казаков к нижней Волге и к Астрахани» (7 июня), «Начертание нашего фронта по данным к 4 июня» (8 июня), «В железной клетке» (12 июня) и др.

К середине июня 1919 г. закончилась работа комиссии, расследовавшей сотрудничество Академии Генерального штаба с большевиками. Выводы были благоприятными для А.И. Андогского, и А.В. Колчак 16 июня 1919 г. издал приказ об отмене отчисления от должности начальника Академии и назначения в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа. Более того, 18 июня 1919 г. вышел приказ о назначении А.И. Андогского 1-м генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем с оставлением в должности начальника военной академии. В обязанности 1-го генерал-квартирмейстера входило руководство оперативной деятельностью штаба Верховного главнокомандующего. В то время армия А.В. Колчака уступала советским войскам на Восточном фронте в численности и техническом обеспечении, что привело к ряду поражений и общему отступлению [28. С. 46].

Получив высокое назначение в условиях ухудшавшейся обстановки на фронте, А.И. Андогский продолжал сотрудничать с прессой. В «Сибирской жизни» вышли статьи «Неумолимый рок» (24 июня), «Великие решения» (26 июня) и «Подвиг генерала Деникина» (3 июля). Автор делал акцент на поражениях большевиков на юге России и редко упоминал о положении дел на востоке. Он восторженно писал о признании А.И. Деникиным верховенства власти адмирала

А.В. Колчака: «Отныне Верховный правитель признается собирателем земли русской» [29]. А.И. Андогский подкреплял тем самым желанную идею единства всего антибольшевистского фронта и рисовал ореол победоносца Верховному главнокомандующему.

Сотрудничество с «Сибирской жизнью» А.И. Андогский совместил с участием в новом издании, газете Томского губернского комитета помощи армии «Народный вестник». Для нее он написал обобщающие статьи «Железное кольцо» (30 июня) и «Силы, восставшие против большевиков» (7 июля), по содержанию близкие к пропаганде. Он добавил образности против привычного для него фактографичного стиля, украшая мифы о «железном кольце» и начавшейся «заре возрождения России» [30, 31].

По мере погружения в военно-политическую деятельность в Омске А.И. Андогский прервал сотрудничество с томской прессой, а с 8 по 19 июля 1919 г. вовсе не публиковал статей. В это время он участвовал в решении вопроса о реорганизации высшего военного управления, докладывал о положении на фронте российскому правительству [32. С. 46, 47] и Государственному экономическому совещанию [33].

С 20 июля 1919 г. А.И. Андогский вновь стал основным автором в «Русской армии». Под псевдонимом А.И. Волховской до конца августа 1919 г. он публиковал по три-четыре статьи каждую неделю. Условия работы были напряженные, так как командование производило реорганизацию вооруженных сил и руководило контрнаступлением против Красной армии в районе Челябинска. После провала наступления власть начала очередную реформу высшего военного управления, которая привела к слому имевшегося механизма управления и не создавала работоспособного нового [28. С. 49]. Тем временем войска А.В. Колчака продолжали отступление. 10 августа 1919 г. исполнение должностей начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра было возложено на главнокомандующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса. Он назначил А.И. Андогского исполнять должность первого помощника начальника штаба.

На этом этапе задачей публицистической деятельности А.И. Андогский видел поднятие морального духа войск и общества. «Чтобы побороть временные неудачи нужно здраво смотреть в глаза опасности», — писал он и напоминал читателям слова полководца А.В. Суворова: «Если тебе тяжело, то не забывай, что и противнику не легче, а быть может, еще и тяжелее. Только свое тяжелое ты видишь, а противника не видишь и думаешь, что у него все хорошо» [34]. В подтверждение А.И. Андогский написал большой текст «Положение дел в Советской России», опубликованный в «Русской армии» четырьмя частями с 29 июля по 2 августа 1919 г. Автор повторил тезисы своего мартовского очерка «Положение дел в “Большевизии”» о голоде, разрухе промышленности и повсеместных восстаниях населения против советской власти, добавил сюжеты об «издевательствах большевиков над религиозными чувствами населения и преследованиях духовенства», а также финансовой яме, в которую попало

правительство В.И. Ленина. Основное внимание генерал-майор уделил Красной армии, дополнив прежние суждения новыми доказательствами. Противник, по его мнению, обладал организованной, массовой, хорошо снабженной вооруженной силой, спаянной террором. Красная армия в изображении автора была «оторвана от народа» и не могла просуществовать долго.

Образу врага-большевика А.И. Андогский противопоставлял образы героической антибольшевистской борьбы на южном и северо-западном фронтах, на Кавказе и внутри России: «Взаимная выручка» (20 июля), «Военный обзор» (24 июля), «Поучительные параллели» (6 и 8 августа), «Добровольческая армия» (12, 13 и 14 августа), «Великие события» (22 августа), «Разгром большевиков на юге России» (23 августа), «На польско-литовском фронте» (24 августа), «Оценка положения» (28 августа) и др. Героическим ореолом автор награждал также ижевских и воткинских рабочих, посвятив им статью «Знаменательная годовщина» (19 августа). В статье «Великие события» (22 августа) А.И. Андогский описал борьбу с большевизмом в Европе.

В августе 1919 г. среди богатой военной публицистики А.И. Андогского, живописавшего врагов и героев, были две статьи на общественно-политические темы: «Залог и основа возрождения России» (27 августа) и «Собирание Руси» (30 августа). В первой из них автор написал о религиозном подъеме среди населения Советской России, назвав явление «ярким доказательством возрождения народного духа» и «залогом скорого оздоровления и конца советской власти и большевизма» [35]. Однако гражданское единство для него было важнее религиозного, и уже три дня спустя он опубликовал статью по поводу демонстрации в Екатериноде: «Все политические партии юга России, включая и социалистов, провозгласили единый фронт против большевиков». При этом А.И. Андогский напоминал, что «адмирал Колчак является... вестником новой свободной жизни», так как основное его стремление – «установить в стране твердый правопорядок, дабы привести народ к Национальному Учредительному собранию, на котором народ мог бы свободно вывить свою волю и избрать желаемую форму государственного управления» [36].

К концу августа 1919 г. командованию армии адмирала А.В. Колчака удалось пополнить войска и начать контрнаступление. В сентябре фронт на некоторое время стабилизировался [28. С. 50]. А.И. Андогский продолжал исполнять должность первого помощника начальника штаба и на некоторое время прекратил сотрудничество с газетами. Возможно, что он был полностью поглощен военной службой, так как М.К. Дитерихс установил круглосуточный режим работы в штабе.

17 сентября 1919 г. адмирал А.В. Колчак издал приказ о новой реорганизации высших органов военного управления. С этого времени А.И. Андогский перестал исполнять обязанности первого помощника начальника штаба, а с 1 октября 1919 г. он официально числился в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего. Вероятно, А.И. Андогский не

сработался с М.К. Дитерихсом. Последний «всю идейную подготовку и решения принимал всегда единолично сам», а остальные должны были лишь следовать его распоряжениям [9. С. 252], и отличался религиозной экзальтацией [37. С. 116]. Позиция исполнителя, вероятно, мало устраивала стратегически мыслящего и имевшего собственное мнение А.И. Андогского, предпочитавшего светскую мораль.

Во второй половине сентября 1919 г. А.И. Андогский вернулся к сотрудничеству с «Русской армией». На протяжении месяца основной тематикой его военных обзоров были обнадеживающие новости с северо-западного и южного фронтов: «Набег конницы ген[ерала] Мамонтова на Тамбов» (18 сентября), «Около Петрограда» (25 сентября), «Накануне решения судьбы Петрограда» (8 октября), «Последние резервы» (14 октября), «Христос Воскрес!» (18 октября), «Шах королю и королеве» (22 октября), «Под Петроградом» (24 октября). В конце концов, он даже пересказал преждевременную новость французского радио о взятии Петрограда армией генерала Н.Н. Юденича, посчитав такое событие весьма вероятным [38]. Единственный «тревожный» обзор А.И. Андогский посвятил уральским казакам, напомнив про их тяжелое положение и героическую борьбу [39]. Анализируя военно-политическую обстановку, А.И. Андогский обратил особое внимание на происходившее в Закавказье. Для сибирской прессы это была эксклюзивная и даже экзотическая тема. В статьях 5 и 7 октября 1919 г. он описал ситуацию в Грузинской, Азербайджанской, Армянской (Арагатской), Аджарской и Аракской республиках и сделал вывод об общем хаосе, слабости названных республик и необходимости их объединения и присоединения к России.

К концу октября 1919 г. сопротивление армий адмирала А.В. Колчака в Сибири было сломлено. Военная обстановка сложилась угрожающая. Надежды на изменение ситуации на фронте подрывало широко развернувшееся в тылу повстанческое партизанское движение. Более того, расчет на успешное наступление войск Южного фронта под командованием генерала А.И. Деникина на Москву не оправдался [26. С. 196].

В такой обстановке А.И. Андогский написал для «Русской армии» статью «Грядущие замыслы большевиков» (30 октября) о том, что советская власть, ненавидимая населением и проигрывающая войну на юге и на западе, стремится в Сибирь и Туркестан для пропаганды коммунизма в Афганистане, Персии, Северной Индии и Китае. В основании такой гипотезы были, во-первых, устаревшие стратегические выкладки самого А.И. Андогского об «азиатских» планах большевиков, во-вторых, сведения от перебежчика из Красной армии о постановлении Высшего военного совета республики об эвакуации из Москвы в Ташкент и отъезде нескольких комиссаров из Москвы, а также перехваченные советские радио об установлении дружественных связей с афганским эмиром. Эта схема казалась автору правдоподобной, и он отправил похожий текст в томскую «Сибирскую жизнь» [40, 41]. Такая самозащита от ощущения безнадежности оказалась востребована и позднее. Редактор официальных «Томских губернских

ведомостей» опубликовал статью «Грядущие замыслы большевиков» 17 ноября 1919 г., когда Омск был оставлен и на юге антибольшевистские вооруженные силы отступали.

В ноябре 1919 г. А.И. Андогский написал для «Сибирской жизни» статьи «На польско-литовском фронте» (4 ноября), «Германская рука» (6 ноября), «На Кавказе» (11 ноября), «Досадные распри» (13 ноября), продолжая удерживать фокус внимания читателей на информации о южном и западном районах борьбы против большевиков. В ноябре 1919 г. А.И. Андогский присоединился к широко распространенной в то время теории заговора о «подкупленных германским генштабом советских заправилах», сторонником которой раньше не был. Это могло указывать на смятение А.И. Андогского, не имевшего достаточной информации для анализа причин поражения антибольшевистских сил.

После того как 14 ноября 1919 г. Омск был взят Красной армией, вся система военного управления антибольшевистскими войсками на востоке России рухнула [28. С. 51]. В этих условиях А.И. Андогский занимался эвакуацией военной академии на восток, продолжая интенсивно собирать информацию и искать ответы на вопросы о причинах поражения и возможностях для сопротивления. В результате 28 ноября 1919 г., находясь на станции Тайга, он написал статью «Наше славянское преступление». В объемном тексте, опубликованном 2 декабря 1919 г. в томской «Сибирской жизни», автор цитировал собственные статьи «Германская рука» и «Досадные распри», указывал на находившиеся в Сибири чешские и польские войска и высказывал уверенность, что их «сил было бы достаточно для необходимого выигрыша». А.И. Андогский умолчал о том, что Чехословацкий корпус занимал железную дорогу, блокируя передвижение и перегруппировку войск адмирала А.В. Колчака. Вероятно, негатив был слабее, чем надежда на помощь тех, чье антибольшевистское выступление 1918 г. он недавно прославлял. В финале статьи автор звал славян «слиться вместе в решительном отпоре истощенному, но наглому врагу».

В декабре 1919 г. А.И. Андогский некоторое время пробыл в Иркутске, находившемся под властью российского правительства. Там он возобновил сотрудничество с газетой «Свободный край» и опубликовал «томские» тексты «Опять немецкая рука» (12 декабря) и «Наше славянское преступление» (24 декабря). Повлиять на позицию Чехословацкого корпуса через прессу, однако, не удалось. Когда в Иркутске началось восстание Политического центра и остатки армий адмирала А.В. Колчака должны были прорываться за Енисей, чешское командование было озабочено только скорейшей эвакуацией из Сибири.

Вскоре сам А.И. Андогский уехал в Харбин. Сведения о его публикациях в прессе за 1920 г. не обнаружено, так как основная масса источников утрачена. В 1921 г., по меньшей мере с июня по декабрь, А.И. Андогский публиковался под псевдонимом А.И. Волховской во владивостокской газете особого отдела штаба Дальневосточной армии «Русская армия». В этом же году он издал очерк «Как создавалась Красная армия Советской России», написанный по

следам статей 1919 г. Во введении автор констатировал, что «противобольшевистские вооруженные силы оказались как бы выброшенными с территории России и вместо них в России образовалась новая вооруженная сила, которая до последнего времени поддерживает узкоклассовую пролетарскую недемократическую власть большевиков в Европейской России и Сибири». Задачей очерка А.И. Андогский называл «извлечение из имеющегося тяжелого революционного опыта проверенных жизнью данных для строительства мощной вооруженной силы, могущей стать действительной и прочной основой великой обновленной России» [42. С. 5]. Тем самым он переосмысливал свою «сибирскую» публицистику, в которой постоянно недооценивал противника.

Таким образом, пик публицистической деятельности начальника Академии генерального штаба, профессора, генерал-майора А.И. Андогского пришелся на период с ноября 1918 по декабрь 1919 г., когда он входил в военно-политическую элиту при диктатуре адмирала А.В. Колчака. За это время А.И. Андогский написал для прессы не менее 140 статей, обзоров и очерков, почти каждый месяц делая более десятка публикаций, наравне с профессиональными журналистами. Благодаря ему в периодической печати Сибири появился жанр «военный обзор» и одноименная рубрика стала непременной для влиятельных газет. Феномен участия генерала в публичной общественно-политической сфере противоречил пренебрежительному стереотипному отношению офицерства к журналистике.

На протяжении Гражданской войны А.И. Андогский активно сотрудничал с несколькими массовыми газетами. Первым и предпочтительным местом для публикаций была официальная военная газета «Русская армия», для которой он сделал не менее 67 текстов. При этом сотрудничество с изданием складывалось неровно. Во время успешной интеграции А.И. Андогского в военно-политическую элиту контрреволюции, в ноябре – декабре 1918 г., он являлся первым автором «Русской армии», говорил от власти, отстаивая либеральную составляющую идеологии колчаковского режима и рекламируя победы на фронте. После публичной травли недоброжелателями в печати имя А.И. Андогского стало нежелательным для официального органа, и с февраля по март 1919 г. сотрудничество было прекращено. Затем в апреле – июне 1919 г. взаимодействие налаживалось при условии публикации под псевдонимом. В это время А.И. Андогский был автором, сообщавшим правящим кругам свое мнение через газету. Наконец, в июле – августе и октябре 1919 г. он снова стал ведущим сотрудником «Русской армии», но задачи публицистики изменились. Вместо политического обрамления режима и экспертной поддержки генерал-майор направил силы на моральную помощь терпящему поражение антибольшевистскому Восточному фронту.

Во время отдаления от власти А.И. Андогский сотрудничал с частными общественно-политическими газетами «Сибирская жизнь» и «Свободный край», используя независимую прессу для поддержания собственного реноме эксперта и военно-политического деятеля.

Единичные публикации А.И. Андогский поместил в «Правительственном вестнике», «Нашей заре», «Военных ведомостях», «Сибирской речи» и «Народном

вестнике», расширяя связи в газетном мире, но не распыляя усилия.

Основной тематикой публикаций А.И. Андогского были военно-политические события на фронтах Гражданской войны в России, вопросы внешней политики и интервенции. Самыми информативными были тексты об успехах антибольшевистских армий. Слабо освещенными оставались неудачи и конечный крах Восточного фронта адмирала А.В. Колчака. Много внимания А.И. Андогский уделил мифам о близком поражении

большевиков и «заре возрождения России». Причем имел место хронический недостаток информации о противнике, недооценка и последовательное принижение врага. С публичной информацией такого рода сложно было принимать адекватные решения как на высшем военно-политическом уровне, так и рядовым гражданам.

На протяжении Гражданской войны А.И. Андогский выполнял роль ведущего военного эксперта в прессе и использовал знания в интересах политического режима А.В. Колчака.

Список источников

1. Лосунов А.М. «Дело» генерала А.И. Андогского // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 193–200.
2. Каминский В.В. А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 91–100.
3. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М. : Книжница, 2014. 768 с.
4. Кожевин В.Л. Политический выбор генерала А.И. Андогского: к историографии проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 22, № 6. С. 51–59.
5. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. События Гражданской войны на юго-западе России в военных сводках и публицистике начальника Николаевской академии Генерального штаба профессора А.И. Андогского // Русин. 2018. № 53. С. 82–96. doi: 10.17223/18572685/53/6
6. Ганин А.В. Андогский Александр Иванович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922 : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2020. Т. 1. С. 97.
7. Арнольдов Л.В. Жизнь и революция: гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай : Книгоиздательство А.П. Малых и В.П. Камкина, 1935. 278 с.
8. Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 198–218.
9. Рязиков П.Ф. «Довелось мне пережить...»: записки генерала русской разведки 1904–1924 гг. : в 2 т. / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2023. Т. 1. 520 с.
10. Ганин А.В. Из воспоминаний С.А. Щепихина «Тыл в Омске» // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике : сб. док. и мат. М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 31–53.
11. Андогский А.И. Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг. Омск : [Б.и.], 1919. 15 с.
12. От редакции // Русский инвалид (Пг.). 1917. 3 июня. С. 1.
13. Андогский А.И. Военный обзор. Пути для создания мощной боевой силы // Армия и флот свободной России (Пг.). 1917. 19 августа (1 сентября). С. 1.
14. Ганин А.В. «Академическая группировка»: участие в подготовке и реализации омского переворота 18 ноября 1918 года // Личность, общество и власть в истории России : сб. науч. ст. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2018. С. 272–294.
15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 173. Л. 21.
16. Русская армия (Омск). 1919. 20 ноября. С. 1.
17. Клепиков Ф. [Ф.] Воспоминания о событиях при занятии Казани чехословаками // Свободное слово (Тюмень). 1918. 18 декабря. С. 3.
18. Язвин К. [Г.] Герои и предатели нашей родины // Свободное слово (Тюмень). 1918. 27 декабря. С. 3.
19. Андогский А.И. На фронте Оренбургской армии // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 28 февраля. С. 2.
20. Андогский А.И. Оценка событий на Оренбургском фронте // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 4 марта. С. 2.
21. Андогский А.И. Положение дел в «Большевизии». Характеристика Красной армии // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 15 марта. С. 2.
22. Андогский А.И. Положение дел на общем фронте борьбы с большевиками // Свободный край (Иркутск). 1919. 21 марта. С. 2.
23. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2017. С. 86, 116, 221, 222.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4911. Оп. 1. Д. 3. Л. 142.
25. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 176. Л. 35.
26. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
27. Конев К.А., Шевелев Д.Н. Чехословацкий корпус в символических и коммеморативных практиках антибольшевистских правительств востока России летом 1918 – осенью 1919 г. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 230–250. doi: 10.17223/18572685/54/13
28. Симонов Д.Г. Восточный фронт армий адмирала А.В. Колчака (июнь – ноябрь 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 45–52.
29. Андогский А.И. Великие решения // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26 июня. С. 3.
30. Андогский А.И. Железное кольцо // Народный вестник (Томск). 1919. 30 июня. С. 2–3; Единая Россия (Омск). 1919. № 1. [6 июля]. С. 16–17.
31. Андогский А.И. Силы, восставшие против большевиков // Народный вестник (Томск). 1919. 7 июля. С. 2.
32. Дневник Пепеляева // Красные зори (Иркутск) 1923. № 5. С. 32–50.
33. ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
34. Волховской А.И. [Андогский А.И.] Военный обзор // Русская армия (Омск). 1919. 24 июля. С. 2.
35. Волховской А.И. [Андогский А.И.] Залог и основа возрождения России // Русская армия (Омск). 1919. 27 августа. С. 1.
36. Волховской А.И. [Андогский А.И.] Собрание Руси // Русская армия (Омск). 1919. 30 августа. С. 1.
37. Симонов Д.Г. К вопросу о причинах поражения армии адмирала А.В. Колчака (июнь – декабрь 1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4 : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. С. 115–139.
38. Андогский А.И. [Волховской А.И.] Под Петроградом // Русская армия (Омск). 1919. 24 октября. С. 1.
39. Волховской А.И. [Андогский А.И.] На фронте уральских казаков // Русская армия (Омск). 1919. 12 октября. С. 1.
40. Андогский А.И. Оценка положения на общем фронте борьбы с большевиками // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 30 октября. С. 2.
41. Андогский А.И. В Туркестане // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 31 октября. С. 2–3.
42. Андогский А.И. Как создавалась Красная армия Советской России. Уроки недавнего прошлого. Критико-исторический очерк. Владивосток : [Б.и.], 1921. 77 с.

References

1. Losunov, A.M. (1999) "Delo" generala A.I. Andogskogo [The "Case" of General A.I. Andogsky]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 7. pp. 193–200.
2. Kaminskiy, V.V. (2008) A.I. Andogskiy v dni "russkoy smuty" v 1917–1919 gg. [A.I. Andogsky during the Days of the "Russian Turmoil" in 1917–1919]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 91–100.
3. Ganin, A.V. (2014) *Zakat Nikolaevskoy voennoy akademii 1914–1922* [The Decline of the Nicholas Military Academy, 1914–1922]. Moscow: Knizhitsa.
4. Kozhevnikov, V.L. (2022) Politicheskiy vybor generala A.I. Andogskogo: k istoriografii problemy [The Political Choice of General A.I. Andogsky: On the Historiography of the Problem]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22 (6). pp. 51–59.

5. Fominykh, S.F. & Stepanov, A.O. (2018) Events of the Civil War in the South-West of Russia in military reports and journalism of the head of the General Staff Academy (Imperial Russia), professor A. I. Andogsky. *Rusin*. 53. pp. 82–96. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/53/6
6. Ganin, A.V. (2020) Andogskiy Aleksandr Ivanovich [Andogsky, Alexander Ivanovich]. In: *Rossiya v Grazhdanskoj vojne. 1918–1922* [Russia in the Civil War. 1918–1922]. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. p. 97.
7. Arnoldov, L.V. (1935) *Zhizn' i revolyutsiya: groza pyatogo goda. Belyj Omsk. Shankhay* [Life and Revolution: The Storm of the Fifth Year. White Omsk. Shanghai]. Shanghai: Knigoizdatel'stvo A.P. Malykh i V.P. Kamkina.
8. Il'in, I.S. (1963) Omsk. Direktoriya. Kolchak [Omsk. Directory. Kolchak]. *Novyy zhurnal* (New York). 72. pp. 198–218.
9. Ryabikov, P.F. (2023) "Dovolos' mne perezhit'...": zapiski generala russkoj razvedki 1904–1924 gg. ["I Had to Survive...": Notes of a General of Russian Intelligence, 1904–1924]. In 2 vols. Vol. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
10. Ganin, A.V. (2016) Iz vospominaniy S.A. Shchepikhina "Tyl v Omske" [From the Memoirs of S.A. Shchepikhin "The Rear in Omsk"]. In: *Kul'turnoe i nauchnoe nasledie russkoj emigratsii v Chekhoslovatskoj respublike* [Cultural and Scientific Heritage of the Russian Emigration in the Czechoslovak Republic]. Collection of documents and materials. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 31–53.
11. Andogskiy, A.I. (1919) *Akademiy General'nogo shtaba v 1917–1918 gg.* [The Academy of the General Staff in 1917–1918]. Omsk: [s.n.].
12. *Russkij invalid* (Petrograd). (1917) Ot redaktsii [From the Editorial Board]. June 3. p. 1.
13. Andogskiy, A.I. (1917) Voennyj obzor. Puti dlya sozdaniya moshchnoy boevoy sily [Military Review. Ways to Create a Powerful Combat Force]. *Armija i flot svobodnoj Rossii* (Petrograd). August 19 (September 1). p. 1.
14. Ganin, A.V. (2018) "Akademicheskaya gruppirovka": uchastie v podgotovke i realizatsii omskogo perevorota 18 noyabrya 1918 goda [The "Academic Group": Participation in the Preparation and Implementation of the Omsk Coup of November 18, 1918]. In: *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, Society and Power in Russian History]. Collection of articles. Novosibirsk: SB RAS. pp. 272–294.
15. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39499. List 1. File 173. List 21.
16. *Russkaya armiya* (Omsk). (1919) November 20. p. 1.
17. Klepikov, F.[F.] (1918) Vospominaniya o sobytiyakh pri zanyatii Kazani chekhoslovakami [Memories of the Events during the Occupation of Kazan by the Czechoslovaks]. *Svobodnoe slovo* (Tyumen). December 18. p. 3.
18. Yazvin, K.[G.] (1918) Geroi i predатели nashey rodiny [Heroes and Traitors of Our Motherland]. *Svobodnoe slovo* (Tyumen). December 27. p. 3.
19. Andogskiy, A.I. (1919) Na fronte Orenburgskoy armii [On the Front of the Orenburg Army]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). February 28. p. 2.
20. Andogskiy, A.I. (1919) Otsenka sobytiy na Orenburgskom fronte [Assessment of Events on the Orenburg Front]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). March 4. p. 2.
21. Andogskiy, A.I. (1919) Polozhenie del v "Bol'shevizii". Kharakteristika Krasnoy armii [The State of Affairs in "Bolshevism". Characteristics of the Red Army]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). March 15. p. 2.
22. Andogskiy, A.I. (1919) Polozhenie del na obshchem fronte bor'by s bol'shevikami [The Situation on the General Front of the Struggle Against the Bolsheviks]. *Svobodnyy kray* (Irkutsk). March 21. p. 2.
23. Shmelev, A.V. (2017) Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.) [Foreign Policy of Admiral Kolchak's Government (1918–1919)]. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 86, 116, 221, 222.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4911. List 1. File 3. Page 142.
25. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39499. List 1. File 176. Page 35.
26. Lar'kov, N.S. (2017) Sibirskiy belyj general [Siberian White General]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Konev, K.A. & Shelev, D.N. (2018) The Czechoslovakian Corps in the Symbolic and Commemorative Practices of the Anti-Bolshevik Governments in the East of Russia in the Summer of 1918 – The Autumn of 1919. *Rusin*. 4 (54). pp. 230–250. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/54/13
28. Simonov, D.G. (2011) Vostochnyy front armiy admirala A.V. Kolchaka (iyun' – noyabr' 1919 g.) [The Eastern Front of the Armies of Admiral A.V. Kolchak (June – November 1919)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4. pp. 45–52.
29. Andogskiy, A.I. (1919) Velikie resheniya [Great Decisions]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). June 26. p. 3.
30. Andogskiy, A.I. (1919) Zheleznoe kol'tso [The Iron Ring]. *Narodnyy vestnik* (Tomsk). June 30. pp. 2–3; *Yedinaya Rossiya* (Omsk). 1. [July 6]. pp. 16–17.
31. Andogskiy, A.I. (1919) Sily, vosstavshie protiv bol'shevikov [Forces that Rose Up Against the Bolsheviks]. *Narodnyy vestnik* (Tomsk). July 7. p. 2.
32. *Krasnye zori* (Irkutsk). (1923) *Dnevnik Pepel'eva* [Pepelyaev's Diary]. 5. pp. 32–50.
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-190. List 1. File 50. Page 1.
34. Volkhovskoy, A.I. [Andogskiy, A.I.] (1919) Voennyj obzor [Military Review]. *Russkaya armiya* (Omsk). July 24. p. 2.
35. Volkhovskoy, A.I. [Andogskiy, A.I.] (1919) Zalog i osnova vrozhdeniya Rossii [Pledge and Foundation of Russia's Revival]. *Russkaya armiya* (Omsk). August 27. p. 1.
36. Volkhovskoy, A.I. [Andogskiy, A.I.] (1919) Sobiraniye Rusi [Gathering of Rus']. *Russkaya armiya* (Omsk). August 30. p. 1.
37. Simonov, D.G. (2013) K voprosu o prichinakh porazheniya armii admirala A.V. Kolchaka (iyun' – dekabr' 1919 g.) [On the Reasons for the Defeat of Admiral A.V. Kolchak's Army (June – December 1919)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Issue 4. Novosibirsk. pp. 115–139.
38. Andogskiy, A.I. [Volkhovskoy, A.I.] (1919) Pod Petrogradom [Near Petrograd]. *Russkaya armiya* (Omsk). October 24. p. 1.
39. Volkhovskoy, A.I. [Andogskiy, A.I.] (1919) Na fronte ural'skikh kazakov [On the Front of the Ural Cossacks]. *Russkaya armiya* (Omsk). October 12. p. 1.
40. Andogskiy, A.I. (1919) Otsenka polozheniya na obshchem fronte bor'by s bol'shevikami [Scorecard of the Position on the Common Front in the Fight against the Bolsheviks]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). October 30. p. 2.
41. Andogskiy, A.I. (1919) V Turkestane [In Turkestan]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). October 31. pp. 2–3.
42. Andogskiy, A.I. (1921) *Kak sozdavalas' Krasnaya armiya Sovetskoy Rossii. Uroki nedavnego proshlogo. Kritiko-istoricheskiy ocherk* [How Soviet Russia's Red Army Was Created. Lessons of the Past. Critical-historical essay]. Vladivostok: [s.n.].

Информация об авторе:

Шереметьева Д.Л. – канд. ист. наук, научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: dalas83@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.L. Sheremeteva, Cand. Sci. (History), research fellow, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dalas83@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024;
одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 08.07.2024;
approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 31.03.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 372.881.161.1
doi: 10.17223/15617793/512/18

Генерация учебных текстов по русскому языку как иностранному с помощью российских чат-ботов: опыт автоматизированной сравнительной оценки

Николай Вячеславович Головкин¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, ngolovko@ncfu.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования учебных текстов по РКИ, сгенерированных российскими чат-ботами GigaChat и «Алиса» на основе 25 тематических групп слов, входящих в лексический минимум элементарного уровня (A1). Путём автоматизированного анализа с помощью программного инструмента «Текстомер» установлено, что чат-боты в таких условиях в среднем генерируют тексты I сертификационного уровня владения РКИ. Сделан вывод о том, что применение чат-ботов может способствовать решению ряда проблем, связанных с отбором и адаптацией учебных текстов.

Ключевые слова: лингводидактика, русский язык как иностранный, генеративный искусственный интеллект, чат-бот, лексический минимум

Для цитирования: Головкин Н.В. Генерация учебных текстов по русскому языку как иностранному с помощью российских чат-ботов: опыт автоматизированной сравнительной оценки // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 170–177. doi: 10.17223/15617793/512/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/18

Generation of educational texts in Russian as a foreign language using Russian chatbots: An attempt of automatized comparative evaluation

Nikolay V. Golovko¹

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, ngolovko@ncfu.ru

Abstract. When didactic materials in foreign languages are created, text becomes a significant means of teaching. This leads to the need to select suitable texts, as well as subject them to qualitative and quantitative adaptation, i.e. transform them in order to make them suitable for solving educational tasks. Currently, methods and scenarios for the effective use of generative artificial intelligence are being actively sought, and the potential usefulness of chatbots based on it is being explored both for the methodology as a whole and for individual subject areas. Certain features of generative AI and chatbots based on large language models could mitigate a number of problems associated with the burden of selecting and adapting or independently creating educational texts in foreign languages. For example, chatbots based on generative AI are capable of generating texts based on sets of keywords, one of such possibly being a part of the lexical minimum in a foreign language. However, when a text is generated, arbitrary lexical and grammatical material can be added to the words of the lexical minimum, making it impossible to use it without adaptation at the target level of language proficiency. In order to establish the magnitude and significance of such deviations, an automated comparative study was carried out on a set of educational texts in Russian as a foreign language, generated through popular Russian public chatbots based on generative AI. For generation purposes, an elementary-level lexical minimum for Russian as a foreign language, divided into topical groups, is used. Based on these topical groups, small texts are created using GigaChat and Alisa (YaGPT) chatbots and then evaluated using a specialized automated analyzer called Textometer. Results were obtained, according to which 50 texts of 25 topical groups have an average size of 1070.4 characters with spaces, an average level of "Early B1" (1st certification level of proficiency in RFL), an average coverage of the elementary-level lexical minimum equal to 71% and an average level of lexical diversity equal to 0.58 on a scale between 0 and 1. The Textometer's assessment, according to which the generated texts would be useful in studying 13 grammatical topics (9 of elementary level, 4 of 1st certification level of proficiency in RFL) was also taken into account. Notably, the average performance of the GigaChat chatbot is biased towards generating more complex texts, and that of the Alisa chatbot is inclined towards simpler texts. It is concluded that popular Russian chatbots intended for general use can be applied without further modifications for the purpose of generating educational texts on RFL of a certain level of complexity; this neutralizes or mitigates a number of problems related to selection and adaptation of educational texts, but at the same time does not solve these problems completely.

Keywords: linguistic didactics, Russian as a foreign language, generative AI, chatbot, lexical minimum

For citation: Golovko, N.V. (2025) Generation of educational texts in Russian as a foreign language using Russian chatbots: An attempt of automatized comparative evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 170–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/18

Введение

При создании дидактических материалов и пособий для нужд преподавания иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного (РКИ), требуется решать ряд практических задач, в число которых входят подбор и обработка текстов. Учебный текст по иностранному языку может рассматриваться как одно из основных средств обучения [1]. В связи с этим к нему предъявляется ряд требований: он должен иметь надлежащий объём, быть посильным для обучающегося, но в то же время репрезентативным с лингводидактической точки зрения, т.е. содержать лексические и грамматические единицы, которые учащемуся требуется освоить. Как следствие, возникает потребность либо в том, чтобы создать подходящий текст самостоятельно, либо в том, чтобы подобрать уже существующий текст и выполнить процедуру его адаптации.

По мнению О.Ю. Редькиной, при обучении русскому языку как иностранному отбор учебных текстов должен производиться с учётом следующих требований: образцовость (быть образцом речи), стимулирующий характер (побуждать студентов к собственным высказываниям), преемственность и перспективность (учитывать пройденный материал и предоставлять доступ к новому), лингвокультурологическая нагруженность (нести информацию о культуре страны изучаемого языка), коммуникативность (служить фундаментом для способности студента участвовать в различных формах коммуникативного взаимодействия) [2].

Лингводидактическая адаптация текста, по мнению А.В. Петрухиной [3], это упрощение, приспособление, облегчение или усложнение текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся [3]. Согласно диссертационному исследованию А.В. Коротышева, адаптация преследует цель трансформировать текст в соответствии с новыми – учебными – условиями его функционирования, обеспечить его соответствие таким требованиям, как информативность, смысловая завершенность, делимость, связность планов содержания и выражения, фиксированная доля неизвестной лексики и объём [4]. Адаптация может быть количественной или качественной; в первом случае из текста изымаются менее существенные элементы с целью акцентировать его суть, во втором случае лексика и грамматика подвергаются изменению, чтобы текст достиг уровня языковой подготовки учащегося [5].

Значимую роль при адаптации текстов играют лексические минимумы – списки лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на соответствующих уровнях владения русским языком, согласно Н.П. Андриюшиной и соавт. [6]. Лексический минимум играет роль эталона, с которым сверяются учебные и тестовые материалы.

Н.П. Андриюшина и соавт. упоминают в цитируемом выше фрагменте об уровнях владения русским языком. В российской системе тестирования выделя-

ются такие уровни владения, как элементарный, базовый и I–IV сертификационные; они соответствуют европейским уровням системы ALTE A1, A2, B1, B2, C1 и C2 [7].

Выполнение упомянутых ранее процедур и обеспечение соответствия текстов приведённым критериям требуют, как представляется, существенных затрат времени и других ресурсов. Кроме того, при использовании текстов, которые охраняются авторским правом, составителям дидактических материалов или пособий необходимо учитывать ряд юридических ограничений. Эти проблемы могли бы быть смягчены, например, посредством использования возможностей генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Данная тема ранее обсуждалась, в частности, на II Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка как неродного / иностранного: российские и зарубежные практики» (Северо-Кавказский федеральный университет, 18–22 сентября 2023 г.) [8].

Применение генеративного ИИ и диалоговых приложений на его основе (чат-ботов) в последнее время обсуждается как потенциально полезное для методики обучения в целом и для отдельных предметных областей в частности [9]. В лингводидактике чат-боты часто рассматриваются как эффективные, хотя и отчасти ограниченные, партнёры по диалогам, с которыми можно в комфортной обстановке отрабатывать языковые навыки [10, 11]. В то же время, на наш взгляд, ещё не в полной мере оценены возможности генеративного ИИ по созданию учебных текстов, в том числе на основе лексических минимумов определённого уровня. Представляется вполне вероятным, что чат-бот на основе генеративного ИИ мог бы порождать учебные тексты, которые сразу соответствовали бы определённым критериям, состояли бы из лексики строго заданного уровня сложности и не создавали бы юридических рисков. Это позволило бы составителям дидактических материалов и пособий уменьшать трудозатраты, минимизируя объём работы по отбору и адаптации текстов. При этом лингводидактика, по нашему мнению, в определённой мере «защищена» от возможной фактологической некомпетентности генеративного ИИ, которая могла бы иметь значение в другой предметной области: будучи в первую очередь материалом обучения языку и речи, лингводидактический учебный текст может в общем случае иметь произвольное смысловое наполнение при условии его соответствия языковой норме, т.е. его план выражения более значим, чем план содержания.

Руководствуясь вышеизложенным, мы поставили следующую цель: использовать один из существующих стандартных лексических минимумов по русскому языку как иностранному для генерации набора учебных текстов с помощью популярных российских чат-ботов общего назначения на основе генеративного

ИИ, а затем выполнить автоматизированный сравнительный анализ полученных текстов и определить степень их пригодности для использования в учебном процессе. Под «пригодностью для использования» в контексте настоящей статьи мы понимаем соответствие сгенерированных текстов целевому уровню владения русским языком как иностранным; целевой уровень определяется лексическим минимумом, на основе которого выполнялась генерация текстов. Задача апробации полученных текстов в ходе учебной работы с иностранными студентами в рамках данного отдельно взятого исследования не ставилась и не решалась.

Исследование, таким образом, позволит понять, насколько успешно составители дидактических материалов и пособий по русскому языку как иностранному могли бы в настоящее время использовать российские чат-боты общего назначения для генерации учебных текстов, соответствующих определённому уровню владения РКИ. Очевидно, что при генерации текста чат-бот будет использовать не только предложенный ему набор слов из лексического минимума, но и другие лексические единицы, а также грамматические конструкции различного характера; эти включения могут существенно увеличить степень сложности текста и сделать его малоприспособленным для использования на определённом уровне владения языком без той же самой предварительной адаптации, которой пришлось бы подвергнуть обычный текст, созданный человеком. Автоматизированная оценка даст возможность судить о том, насколько в среднем велики подобные отклонения.

Материалы и методы

В качестве опорного лексического минимума используется «Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение» (сост.: Н.П. Андрушина, Т.В. Козлова) [7]. Согласно предисловию к электронному изданию, его объём составляет 780 единиц.

Для нужд исследования применяется раздел «Тематические группы слов» части II. Единицы лексического минимума, сгруппированные по темам, последовательно включаются в состав стимулирующих запросов («промптов») для чат-ботов. Например, для тематической группы слов «1.6. Одежда, обувь» в чат-бот вводится запрос следующего вида:

Напиши небольшой текст, в котором будут слова: одежда, костюм, платье, рубашка, шапка, шарф, обувь, покупать, дарить, современный, красивый, лёгкий.

Запрос намеренно примитивизирован с целью упростить его обработку чат-ботом.

Если тематическая группа велика по размеру, то она делится на части по 20–30 слов. Каждая часть используется для генерации отдельного текста. Малые группы объединяются.

Используются те тематические группы слов, для которых возможна генерация связного текста. Характерным контрпримером может выступать группа «5.6.

Вопросительные слова». В редких случаях исключаются тематические группы или их части, для которых чат-бот отказывается сгенерировать текст из-за встроенных в него ограничений.

В качестве популярных российских чат-ботов общего назначения на основе генеративного ИИ используются GigaChat и «Алиса» (YaGPT). Диалоговое взаимодействие ведётся с веб-версиями чат-ботов, доступными по адресам <https://developers.sber.ru/gigachat/> и <https://a.ya.ru> соответственно. В каждый чат-бот вводится один и тот же стимулирующий запрос. Соответственно, в таблице результатов (см. далее) нечётные тексты сгенерированы GigaChat, чётные – YaGPT.

В охват исследования включаются только связные тексты. В ходе генерации были отмечены, например, случаи, когда чат-бот не мог установить смысловых связей между предложенными ему словами и заменял текст последовательным перечислением словарных определений каждого слова. В таких случаях вводился запрос на повторную генерацию. В отдельных ситуациях после нескольких неудачных попыток применялось изменение стимулирующего запроса: вместо «напиши небольшой текст» указывалось «напиши небольшой рассказ».

Специальные инженерные команды для управления чат-ботами (так называемый промпт-инжиниринг) в ходе генерации текстов не использовались.

Автоматизированная оценка полученных текстов выполняется с помощью онлайн-инструмента «Текстометр» [12]. Основным предметом оценки является уровень текста, определяемый «Текстометром» по количествам и соотношениям лексических единиц, входящих в те или иные лексические минимумы по русскому языку как иностранному. В качестве сопутствующих показателей нами учитываются размер текста в знаках с пробелами, степень охвата лексического минимума элементарного уровня (т.е. какова доля лексических единиц элементарного уровня в тексте), степень лексического разнообразия текста в размере от 0 до 1, а также мнение «Текстометра» о том, при изучении каких грамматических тем этот текст был бы наиболее полезен. Совокупность этих показателей позволяет, на наш взгляд, в достаточно полной мере оценить степень соответствия полученных текстов ожидаемому уровню владения РКИ. Иными словами, по этим показателям можно судить о том, насколько сильно текст отклоняется от целевого элементарного уровня (A1 по европейской системе ALTE).

Результаты

В охват исследования включены 50 сгенерированных чат-ботами текстов по 25 тематическим группам слов лексического минимума элементарного уровня по русскому языку как иностранному.

Размер полученных текстов варьируется от 711 до 1 638 знаков с пробелами, среднее значение – 1 070,4.

Уровень сгенерированных текстов по оценке «Текстометра» также различается во вполне широких пределах, от элементарного до II сертификационного.

Средняя величина составила 1,9, что соответствует началу I сертификационного уровня.

Наименьшее значение охвата целевого лексического минимума отмечено в тексте № 9 и составляет 48% (т.е. менее половины слов в тексте относятся к лексическому минимуму элементарного уровня, все остальные имеют более высокий уровень). Максимальное значение зафиксировано в тексте № 7 и составляет 93%. Средняя доля – 71%.

Степень лексического разнообразия текстов, выражаемая «Текстометром» в виде числа от 0 до 1, находится в пределах диапазона от 0,35 до 0,75. Среднее значение – 0,58.

Возможные грамматические темы, при изучении которых могли бы использоваться сгенерированные

тексты согласно оценке «Текстометра», – «Вид глагола», «Модальные глаголы», «Прилагательные», «Деепричастия», «Родительный падеж», «Порядковые числительные», «Творительный падеж», «Краткие формы прилагательных и причастий», «Причастия», «Предложный падеж», «Числительные», «Наречия» и «Пассивные формы». Последняя из перечисленных тем является наиболее редкой и встречается 1 раз. Наиболее частотная грамматическая тема – «Причастия» (14 упоминаний).

Все результаты представлены в таблице. Уровень текста в таблице указан в соответствии с оценочной шкалой инструмента «Текстометр», где A1 – элементарный уровень, A2 – базовый уровень и т.д.

Результаты автоматизированного исследования сгенерированных текстов

№	Раздел	Размер	Уровень	Охват A1, %	Разнообразие	Возможные грамматические темы
1	1.1. Фазы жизни, возраст	897	Начало B2	62	0,60	Вид глагола
2		825	Конец B1	59	0,64	Модальные глаголы, Прилагательные, Деепричастия
3	1.4. Питание, продукты	760	A1	76	0,35	Родительный падеж, Порядковые числительные, Творительный падеж
4		989	A1	69	0,55	Модальные глаголы, Порядковые числительные, Творительный падеж
5		725	A1	75	0,61	Краткие формы прилагательных и причастий, Деепричастия
6		808	Начало A2	72	0,70	Причастия, Краткие формы прилагательных и причастий, Родительный падеж, Деепричастия, Творительный падеж
7	1.5. Жильё, мебель	1 140	A1	93	0,42	Причастия, Прилагательные
8		1 246	Середина B1	67	0,68	Порядковые числительные
9	1.6. Одежда, обувь	1 063	Начало B2	48	0,58	Деепричастия
10		964	Конец B1	58	0,68	Деепричастия
11		1 108	Середина B1	70	0,52	Модальные глаголы
12	2.1. Интеллект, воля, желание	1 082	Середина B1	76	0,53	Предложный падеж, Модальные глаголы
13	2.2. Черты характера, эмоции, состояние	1 288	Середина B1	73	0,51	Нет
14		1 226	Начало B2	65	0,70	Прилагательные
15	2.3. Действия, направленные на кого-либо, на что-либо	1 425	Середина B1	77	0,45	Краткие формы прилагательных и причастий, Причастия, Прилагательные
16		1 198	Конец B1	73	0,56	Краткие формы прилагательных и причастий, Порядковые числительные
17	2.4. Оценка чего-либо, кого-либо, значимость	1 278	Середина B1	74	0,43	Нет
18		1 089	Середина A2	79	0,54	Краткие формы прилагательных и причастий
19	3.1. Государственное устройство; 3.2. Наименование человека, его характеристика	972	A1	84	0,41	Предложный падеж, Родительный падеж, Причастия, Прилагательные
20		929	Начало A2	85	0,41	Прилагательные, Творительный падеж
21	3.3. Семья, родственники	1 638	Середина A2	77	0,59	Причастия, Числительные
22		1 084	Начало A2	75	0,53	Краткие формы прилагательных и причастий, Причастия, Прилагательные
23	3.4. Профессия, специальность; 3.5. Обозначение человека по статусу и роду деятельности	960	Начало B2	64	0,67	Вид глагола, Прилагательные, Деепричастия, Творительный падеж
24		939	Начало A2	73	0,69	Краткие формы прилагательных и причастий
25	3.7. Сферы деятельности	1 314	Начало B2	55	0,70	Модальные глаголы, Числительные, Деепричастия
26		1 043	Середина A2	77	0,59	Порядковые числительные, Деепричастия, Творительный падеж
27	3.8. Образование, наука	1 092	Середина B1	62	0,65	Вид глагола, Причастия, Деепричастия
28		1 109	Конец A2	57	0,67	Причастия
29	3.9. Искусство	1 219	Конец B1	67	0,69	Прилагательные, Порядковые числительные
30		1 108	Середина B1	73	0,57	Прилагательные
31		765	Середина A2	63	0,75	Деепричастия, Творительный падеж
32		991	A1	83	0,56	Причастия, Прилагательные, Творительный падеж

№	Раздел	Размер	Уровень	Охват A1, %	Разнообразие	Возможные грамматические темы
33	3.10. Спорт	1063	Конец B1	57	0,69	Нет
34		1178	Середина B1	68	0,49	Модальные глаголы, Творительный падеж
35	3.11. Отдых и праздники	1348	Середина B1	62	0,60	Причастия, Порядковые числительные, Творительный падеж
36		736	A1	76	0,69	Краткие формы прилагательных и причастий, Причастия, Творительный падеж
37	3.12. Путешествия, туризм	995	Середина B1	67	0,65	Деепричастия
38		1196	Конец A2	76	0,53	Нет
39	3.13. Транспорт, поездки	1026	Середина A2	70	0,57	Предложный падеж
40		1017	Середина A2	66	0,61	Родительный падеж
41	3.14. Место проживания и работы (городские учреждения)	1069	Середина A2	71	0,58	Родительный падеж, Причастия, Порядковые числительные
42		711	Начало A2	83	0,61	Творительный падеж
43		1142	Середина B1	71	0,56	Предложный падеж, Наречия
44		1161	A1	85	0,57	Предложный падеж, Родительный падеж
45	3.15. Коммуникация	936	Начало B1	76	0,57	Вид глагола, Порядковые числительные
46		1221	Середина B1	75	0,50	Наречия
47	3.17. Документы, печатная продукция	849	Середина B1	75	0,54	Причастия, Пассивные формы, Краткие формы прилагательных и причастий, Прилагательные, Порядковые числительные
48		1202	Середина A2	80	0,53	Нет
49	4.2. Климат	1551	Середина B1	61	0,51	Творительный падеж
50		845	Середина A2	70	0,61	Причастия, Порядковые числительные

Сгенерированные тексты также в определённой мере могут рассматриваться как результаты исследования, поэтому приведём примеры. В частности, как видно из таблицы, по тематической группе слов «Питание, продукты» оба чат-бота сгенерировали тексты, которые оценены «Текстометром» как относящиеся к элементарному уровню (A1). В стимулирующем запросе были указаны слова *завтрак, обед, ужин, суп, хлеб, рыба, яйцо, рис, салат, овощи, картофель, соль, фрукты, яблоко, мороженое, шоколад, сахар, молоко, чай, кофе, сок, вода, пиво, вино, колбаса, сыр, масло*.

Текст № 3:

Завтрак был легким и состоял из чашки кофе и кусочка хлеба с маслом. Обед был более плотным: суп из овощей, картофель с рыбой и салат из свежих овощей. Ужин был еще более сытным: рис с курицей, салат из помидоров и огурцов, а также яблоко на десерт.

На следующий день завтрак был более разнообразным: яйцо всмятку, тосты с джемом и чашка чая. Обед был легким и состоял из салата из свежих овощей и фруктов, а также стакана сока. Ужин был более плотным: суп из рыбы, картофель с мясом и салат из свежих овощей.

На третий день завтрак был более плотным: каша из риса с молоком и чашка кофе. Обед был легким и состоял из салата из свежих овощей и фруктов, а также стакана сока. Ужин был более плотным: суп из овощей, картофель с рыбой и салат из свежих овощей.

Текст № 4:

Завтрак – это самый важный прием пищи за день. Он должен быть сытным и вкусным, чтобы зарядить энергией на весь день. Обычно на завтрак едят яйца, рис, салат, овощи, картофель, рыбу, курицу или мясо. Также не стоит забывать о хлебе, соли и масле, которые являются основой любого завтрака.

Обед – это второй по важности прием пищи за день. Обед обычно состоит из супа, который может быть мясным или рыбным, а также из второго блюда, например, картофеля с овощами или мяса с рисом. Также на обед едят хлеб, фрукты, яблоки, мороженое и шоколад.

Ужин – это последний прием пищи за день, который должен быть легким и не слишком калорийным. На ужин едят фрукты, овощи, курицу, рыбу или мясо, а также пьют чай, кофе, сок, молоко или воду.

В кафе и ресторанах люди обычно заказывают блюда из меню, которые могут включать в себя различные салаты, супы, вторые блюда, десерты и напитки. В столовых же люди могут купить готовые блюда и напитки, а также воспользоваться столовыми приборами и посудой.

Обсуждение

Как видно из таблицы результатов, размер текстов варьируется во вполне широких пределах, однако представляется приемлемым для применения на элементарном уровне владения русским языком как иностранным. Напомним, что среднее значение составляет 1070,4 знака с пробелами. Чат-бот GigaChat в среднем генерирует более объёмные тексты, чем «Алиса»: 1104,9 и 1035,9 знака с пробелами соответственно.

Полученные результаты автоматизированной оценки уровня сгенерированных текстов могут указывать на то, что чат-боты общего пользования на основе генеративного ИИ без дополнительных настроек и доработок порождают, как правило, тексты более высокого уровня по сравнению с целевым. Так, только в 8 случаях из 50 (16%) уровень текста был оценён «Текстометром» как элементарный (A1).

Чат-боты генерировали тексты этого уровня по тематическим группам слов «Питание, продукты», «Жильё, мебель», «Государственное устройство; Наименование человека, его характеристика», «Искусство», «Отдых и праздники», «Место проживания и работы (городские учреждения)». Ещё 7 текстов были оценены как относящиеся к базовому уровню (A2). Большинство текстов (21 из 50, 42%) инструмент «Текстомер» отнёс к I сертификационному уровню. Тексты уровня A2 можно, на наш взгляд, считать не требующими дополнительной адаптации, однако даже при этом допущении 70% сгенерированных текстов будут нуждаться в качественном преобразовании с целью обеспечить возможность их применения на элементарном уровне. В то же время на основании этих данных можно утверждать, что сгенерированные чат-ботами общего пользования на основе генеративного ИИ тексты могли бы без адаптации использоваться на I и II сертификационных уровнях владения русским языком как иностранным.

Следует также отметить, что чат-бот «Алиса» в среднем генерировал более простые тексты, чем GigaChat: для «Алисы» средний уровень текста по оценке «Текстометра» составляет 1,7, что эквивалентно значению «Конец A2», в то время как для GigaChat средний уровень равен 2,1, или «Середина B1». Эти показатели могут свидетельствовать о том, что чат-бот «Алиса» более эффективен для генерации учебных текстов элементарного и базового уровней, а GigaChat – для порождения текстов I и II сертификационных уровней.

Определённая инструментом «Текстомер» доля слов, относящихся к лексическому минимуму элементарного уровня, в сгенерированных текстах в целом вполне велика. Е.А. Мирошникова указывает, что максимальная приемлемая доля незнакомой лексики в иноязычном тексте составляет в общем случае 30% [5]; как следует из таблицы результатов, этому требованию соответствует 31 текст из 50 (62%), и ещё в 13 текстах доля слов, которые не входят в лексический минимум элементарного уровня, не превышает 40%. Эти результаты могут указывать на то, что в определённых сценариях, таких как просмотровое чтение, сгенерированные чат-ботами общего пользования на основе генеративного ИИ тексты могли бы использоваться без лексической адаптации или с незначительной лексической трансформацией даже на элементарном уровне владения русским языком как иностранным. Отметим при этом, что чат-бот «Алиса» в среднем использовал больше слов элементарного уровня, чем GigaChat: 72,8 и 69,2% соответственно. Это также может свидетельствовать о том, что «Алиса» в большей степени эффективна для генерации текстов элементарного и базового уровней.

Параметр «Лексическое разнообразие», оцениваемый «Текстомером» по шкале от 0 до 1, приближается к 0, если в тексте велико количество одинаковых слов. Как следствие, по этой величине можно косвенно судить о степени трудоёмкости текста при работе с ним: повторяющиеся лексические единицы способствуют более простому и быстрому извлечению информации. Большинство текстов, как следует из таблицы резуль-

татов, относятся к диапазону от 0,49 до 0,61, т.е. типичный сгенерированный текст располагается приблизительно посередине шкалы. Средние величины по этому показателю почти одинаковы: общий – 0,58, для GigaChat – 0,57, для «Алисы» – 0,59. Эти показатели могут свидетельствовать о том, что в большинстве случаев при генерации учебных текстов по русскому языку как иностранному чат-ботами порождается текстовый материал умеренной словарной трудоёмкости.

Грамматическая сложность материала, для оценки которой мы используем мнение инструмента «Текстомер» о том, при изучении каких грамматических тем тот или иной текст мог бы быть наиболее полезен, в целом видится нам невысокой. Девять тем из 13 (69%) относятся к числу тех, которые рассматриваются и изучаются уже на элементарном уровне. Следует, однако, отметить, что две грамматические темы I сертификационного уровня – «Причастия» и «Деепричастия» – входят в пятёрку наиболее часто встречающихся (14 и 11 случаев соответственно). В то же время частота встречаемости в целом показывает почти такое же распределение, как и тематика: 61 упоминание из 96 (63,5%) приходится на те грамматические темы, которые рассматриваются на элементарном уровне. При этом GigaChat чаще генерирует тексты, которые «Текстомер» оценивает как полезные для изучения грамматических тем I сертификационного уровня: 22 случая против 13 у чат-бота «Алиса». При оценке данных результатов следует, на наш взгляд, учитывать, что грамматические темы изучаются циклично и к ним возвращаются повторно на последующих этапах изучения языка; соответственно, нет оснований утверждать, что наличие грамматики, которая осваивается уже на элементарном уровне, непосредственно свидетельствует об отсутствии потребности в грамматической адаптации полученного текста. К примеру, падежи изучаются как на элементарном уровне владения РКИ, так и на базовом; в последнем случае к уже известной информации добавляются сведения о склонении имён прилагательных. Соответственно, текст, в котором широко представлены прилагательные в косвенных падежах, может потребовать грамматической адаптации, хотя косвенные падежи как грамматическая тема изучаются уже на элементарном уровне.

Заключение

На основании полученных результатов и их обсуждения может быть сделан ряд выводов.

Российские чат-боты общего пользования на основе генеративного ИИ могут без дополнительных доработок и модификаций применяться для генерации учебных текстов по русскому языку как иностранному с опорой на лексические минимумы, однако тексты, порождаемые ими на основе лексических минимумов элементарного уровня, в большинстве случаев (42%) оцениваются профильным автоматизированным анализатором «Текстомер» как соответствующие I сертификационному уровню владения РКИ, поэтому получаемый таким образом учебный материал потребует

качественной адаптации при необходимости применять его на элементарном или базовом уровне владения русским языком как иностранным.

Учебные тексты по русскому языку как иностранному, порождаемые российскими чат-ботами общего пользования на основе генеративного ИИ с опорой на лексические минимумы элементарного уровня, в большинстве случаев (62%) соответствуют типовому требованию, согласно которому учебный текст по иностранному языку должен содержать не более 30% незнакомой лексики (в данном случае – не входящей в лексический минимум элементарного уровня, согласно оценке анализатора «Текстомер»). Как следствие, в отдельных сценариях, таких как просмотровое чтение, сгенерированные таким образом тексты могут использоваться на любом уровне владения РКИ без лексической адаптации или при незначительной лексической адаптации. Уровень лексического разнообразия таких текстов – средний (около 0,58 по шкале от 0 до 1).

Учебные тексты по русскому языку как иностранному, порождаемые российскими чат-ботами общего пользования на основе генеративного ИИ с опорой на лексические минимумы элементарного уровня, в большинстве случаев (63,5%) полезны, согласно оценке профильного автоматизированного анализатора «Текстомер», для изучения грамматических тем, которые осваиваются уже на элементарном и базовом уровнях владения РКИ («Вид глагола», «Модальные глаголы», «Прилагательные», «Родительный падеж», «Порядковые числительные», «Творительный падеж», «Предложный падеж», «Числительные», «Наречия»). Тем не менее сгенерированные таким образом тексты могут требовать грамматической адаптации, так как одни и те же грамматические темы изучаются на разных уровнях владения РКИ.

Чат-бот «Алиса» (YaGPT) в среднем порождает в описанных условиях тексты уровня «Конец А2» (базовый уровень владения РКИ), где 72,8% слов входят в

лексический минимум элементарного уровня, а чат-бот GigaChat – тексты уровня «Середина В1» (I сертификационный уровень), где 69,2% слов входят в лексический минимум элементарного уровня. Кроме того, чат-бот GigaChat чаще генерирует тексты, которые анализатор «Текстомер» оценивает как полезные для изучения грамматических тем I сертификационного уровня. Это позволяет рекомендовать в настоящее время применять «Алису» в тех случаях, когда требуется сгенерировать учебные тексты по русскому языку как иностранному более низкого уровня, а GigaChat – в тех случаях, когда необходим текст более высокого уровня сложности. Следует, однако, учитывать, что чат-боты общего пользования на основе генеративного ИИ являются самообучающимися системами и могут выдавать различные результаты с течением времени.

Полученные результаты дают, на наш взгляд, основания утверждать, что применение российских чат-ботов общего пользования на основе генеративного ИИ при создании дидактических материалов и пособий по русскому языку как иностранному с опорой на лексические минимумы позволяет быстро создавать тексты определённого уровня сложности, содержащие заранее заданный объём целевой лексики, упрощать и ускорять процедуру отбора текстов, снимать или существенно уменьшать потребность в лексической адаптации текста, смягчать юридические риски, связанные с использованием текстов, которые охраняются авторским правом. В то же время следует учитывать широкий разброс общих итоговых уровней сложности генерируемых текстов, который не позволяет в настоящее время говорить о полном и всестороннем решении проблем, связанных с необходимостью адаптации текстов для их применения в учебном процессе. Перспективы дальнейшей работы по этому направлению могли бы включать в себя, на наш взгляд, создание специализированных больших языковых моделей и приложений на их основе, изначально нацеленных на решение лингводидактических задач.

Список источников

1. Одинцова Е.А. Текст и текстовые категории в преподавании РКИ. Проект учебного пособия для филологов-иностранцев : магистерская диссертация. Екатеринбург : УрФУ, 2021. 124 с.
2. Редькина О.Ю. Требования к учебному тексту в сфере обучения русскому языку как иностранному // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 60. С. 258–260.
3. Петрухина А.В. Лингводидактическая адаптация учебных медицинских текстов для иностранных студентов // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 124–141.
4. Коротышев А.В. Технология отбора и лингводидактической адаптации художественных текстов в целях обучения русскому языку как иностранному : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. : МГУ, 2017.
5. Мирошникова Е.А. Адаптация текстового учебного материала при дифференцированном обучении иностранному языку // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 229–234.
6. Андришина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А. [и др.] Структура лексического минимума как компонента российской государственной системы тестирования // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. кол. М.Л. Ремнёва, Е.Л. Бархударова, А.И. Изотов, В.В. Красных, Ф.И. Панков. М. : МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. 590 с.
7. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андришина, Т.В. Козлова. 5-е изд. СПб. : Златоуст, 2015. 80 с.
8. Головкин Н.В. Рассуждение о возможном способе применения генеративного искусственного интеллекта при создании пособий по русскому языку как иностранному // Актуальные проблемы преподавания русского языка как неродного / иностранного: российские и зарубежные практики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Ставрополь, 18–22 сентября 2023 г. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 126–129.
9. Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М. [и др.] Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27, № 2. С. 36–48.
10. Dauletbayeva A.E. Chatbots as an auxiliary element in learning foreign languages: advantages and disadvantages // Педагогический опыт: идеи и инновации : сб. ст. Междунар. профессионально-исследовательского конкурса, Пенза, 25 января 2023 года. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 11–14.
11. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 1. С. 66–72.

12. Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 331–345.

References

1. Odintsova, E.A. (2021) *Tekst i tekstovye kategorii v prepodavanii RKL. Proekt uchebnogo posobiya dlya filologov-inostrantsev* [Text and Text Categories in Teaching RFL. Draft Textbook for Foreign Philologists]. Master's Thesis. Yekaterinburg: UrFU.
2. Red'kina, O.Yu. (2011) Trebovaniya k uchebnomu tekstu v sfere obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Requirements for Educational Text in the Field of Teaching Russian as a Foreign Language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 33 (248). pp. 258–260.
3. Petrukhina, A.V. (2022) Lingvodidakticheskaya adaptatsiya uchebnykh meditsinskikh tekстов dlya inostrannykh studentov [Linguodidactic Adaptation of Educational Medical Texts for Foreign Students]. *Nauchnyy dialog*. 11 (9). pp. 124–141.
4. Korotyshchev, A.V. (2017) *Tekhnologiya otbora i lingvodidakticheskoy adaptatsii khudozhestvennykh tekстов v tselyakh obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Technology of Selection and Linguodidactic Adaptation of Literary Texts for the Purpose of Teaching Russian as a Foreign Language]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow: MSU.
5. Miroshnikova, E.A. (2016) Adaptatsiya tekstovogo uchebnogo materiala pri differentsirovannom obuchenii inostrannomu yazyku [Adaptation of Textual Educational Material in Differentiated Foreign Language Teaching]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (29). pp. 229–234.
6. Andryushina, N.P., Afanas'eva, I.N. & Dunaeva, L.A. et al. (2013) Struktura leksicheskogo minimuma kak komponenta rossiyskoy gosudarstvennoy sistemy testirovaniya [The Structure of the Lexical Minimum as a Component of the Russian State Testing System]. In: Remnyova, M.L. et al. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Collection of Articles. Issue 47. Moscow: MAKSS Press.
7. Andryushina, N.P. & Kozlova, T.V. (2015) *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Elementarnyy uroven'. Obshchee vladenie* [Lexical Minimum for Russian as a Foreign Language. Elementary Level. General Proficiency]. 5th Ed. Saint Petersburg: Zlatoust.
8. Golovko, N.V. (2023) [Reasoning on a Possible Way of Applying Generative Artificial Intelligence in Creating Textbooks for Russian as a Foreign Language]. *Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo / inostrannogo: rossiyskie i zarubezhnye praktiki* [Current Problems of Teaching Russian as a Non-Native/Foreign Language: Russian and Foreign Practices]. Proceedings of the 2nd International Conference. Stavropol. 18–22 September 2023. Stavropol: NCFU. pp. 126–129. (In Russian).
9. Konstantinova, L.V. et al. (2023) Generativnyy iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: diskussii i prognozy [Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts]. *Otkrytoe obrazovanie*. 27 (2). pp. 36–48.
10. Dauletbayeva, A.E. (2023) Chatbots as an auxiliary element in learning foreign languages: advantages and disadvantages. In: *Pedagogicheskiy opyt: idei i innovatsii* [Pedagogical Experience: Ideas and Innovations]. Collection of Articles of the International Professional Research Competition. Penza. 25 January 2023. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.). pp. 11–14.
11. Sysoev, P.V. & Filatov, E.M. (2023) Chat-boty v obuchenii inostrannomu yazyku: preimushchestva i spornye voprosy [Chatbots in Foreign Language Teaching: Advantages and Controversial Issues]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 28 (1). pp. 66–72.
12. Laposhina, A.N. & Lebedeva, M.Yu. (2021) Tekstometr: onlayn-instrument opredeleniya urovnya slozhnosti teksta po russkomu yazyku kak inostrannomu [Textometer: An Online Tool for Determining the Complexity Level of a Text in Russian as a Foreign Language]. *Rusistika*. 19 (3). pp. 331–345.

Информация об авторе:

Головко Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: ngolovko@ncfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Golovko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ngolovko@ncfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 796.422.14
doi: 10.17223/15617793/512/19

Влияние на спортивные результаты особенностей тренировки и физических данных любителей бега на длинные дистанции

Антон Сергеевич Гричанов¹, Николай Сергеевич Котельников², Александр Александрович Булавкин³

^{1, 3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ g-ton@mail.ru

² kolim005876@gmail.com

³ bulavkin_aleksan@mail.ru

Аннотация. Определены возможности оптимизации тренировочной деятельности широкой категории любителей бега на основании анализа особенностей их физических данных и результатов тренировок на длинные легкоатлетические дистанции. Обнаружено, что среди всех переменных наибольшее влияние на время бега оказала еженедельная тренировочная дистанция. Представлены выводы, касающиеся влияния физических данных бегунов на длинные легкоатлетические дистанции и особенностей тренировки на время пробегания дистанции 10 км. Выявлено улучшение временных показателей бега при увеличении тренировочных дистанций и количества дней еженедельных тренировок.

Ключевые слова: физические данные, особенности тренировки, любители бега, длинные дистанции, легкая атлетика, укрепление здоровья

Для цитирования: Гричанов А.С., Котельников Н.С., Булавкин А.А. Влияние на спортивные результаты особенностей тренировки и физических данных любителей бега на длинные дистанции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 178–184. doi: 10.17223/15617793/512/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/19

Influence of long-distance runners' training characteristics and physical data on their athletic performance

Anton S. Grichanov¹, Nikolaj S. Kotelnikov², Aleksandr A. Bulavkin³

^{1, 3} Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation

¹ g-ton@mail.ru

² kolim005876@gmail.com

³ bulavkin_aleksan@mail.ru

Abstract. Running has gained widespread popularity in Russia. Many people choose running as a means of beneficial leisure. The growing number of running enthusiasts drives the improvement of methods and tools aimed at enhancing participants' running times. Given that many runners differ in their physical fitness levels and training specifics, this study aimed to determine the influence of physical characteristics and training specifics on the 10 km athletics distance completion time among long-distance runners. The study involved 20 male runners who preferred athletics distances exceeding 10 km and had participated in various athletics competitions, including half-marathons and marathons. The participants were asked to run 10 km on a treadmill and, through a questionnaire, provide information about their physical characteristics and weekly training specifics. The relationship between physical characteristics, training specifics, and distance completion time was analyzed using Pearson correlation. It was found that the distance completion time had a positive correlation with body mass index ($r = 0.75$). Negative correlations were observed for variables such as training day of the week ($r = -0.61$), training distance ($r = -0.69$), training duration ($r = -0.61$), running experience ($r = -0.50$), and number of competitions ($r = -0.45$). Opportunities for optimizing training practices for a broad category of amateur runners were identified. Among all variables, weekly training distance had the greatest impact on running time. Conclusions are presented regarding the influence of long-distance runners' physical characteristics and training specifics on 10 km completion time. The key conclusion is that increasing training distances and the number of weekly training days improves performance in the examined distance. Additionally, it is important to emphasize the favorable impact of experience of participating in long and ultra-long athletics competitions on race results.

Keywords: physical data, training characteristics, amateur runners, long distances, athletics, health promotion

For citation: Grichanov, A.S., Kotelnikov, N.S. & Bulavkin, A.A. (2025) Influence of long-distance runners' training characteristics and physical data on their athletic performance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 178–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/19

Введение

Оздоровительный бег – один из видов активного отдыха, который популярен среди людей всех возрастов [1]. Занятия бегом могут проводиться в различных местах, в том числе в спортивных залах с использованием специальных беговых тренажеров. В настоящее время растет число любителей бега, которые регулярно тренируются для поддержания здорового образа жизни и улучшения состояния здоровья. Кроме того, многие любители бега участвуют в соревнованиях на различные дистанции (от 5 км до марафонских забегов). Для повышения своей физической подготовленности бегуны используют различные тренировочные подходы, варьируя дистанцию, день и продолжительность тренировок. Несмотря на некоторые различия в результатах исследований, основные практические выводы говорят о существенном положительном влиянии тренировок на состояние здоровья и физическую работоспособность любителей бега [2, 3]. А.Н. Коробов подчеркивает: «Бег увеличивает функциональную возможность организма за счет повышения адаптации сердечно-сосудистой, дыхательной и других жизненно важных систем и органов человека; способствует закаливанию организма занимающихся вследствие тесной связи с природными факторами внешней среды. С помощью непрерывного равномерного бега в различном темпе могут решаться такие задачи, как: а) укрепление здоровья; б) профилактика некоторых заболеваний; в) сохранение и восстановление двигательных функций; г) общая работоспособность; д) повышение выносливости; е) формирование двигательных навыков» [4. С. 4]. Все эти задачи способствуют воспитанию привычки к систематическим занятиям физическими упражнениями как средству организации свободного времени, активного отдыха и продления творческого долголетия человека. Исследователи отмечают существующие различия в особенностях тренировок бегунов с разным уровнем подготовки и на разные дистанции. Так, С.С. Клименко, А.Э. Болотин и Ю.В. Тихонов указывают на «...обострившиеся противоречия между потребностями и интересами бегунов, с одной стороны, и возможностями их удовлетворения в процессе соревновательной деятельности – с другой; между требуемым уровнем физической готовности к соревновательной деятельности и достигнутым, но явно недостаточным уровнем их подготовленности к такой деятельности... Все это требует дальнейшего поиска путей разрешения данной проблемы» [5. С. 81].

Следует отметить, что объем и интенсивность тренировок увеличивались, если бегуны имели более высокие результаты и готовились к более длинным беговым дистанциям, таким как полумарафон и марафон [6]. Ранее проведенные исследования выявили тенденции тренировочной деятельности высококвалифицированных марафонцев, заключающиеся в повышении средних показателей дистанций от 600 до 1000 км в год [7]. В то время как рекреационные бегуны выполняли довольно низкий тренировочный объем, включающий дистанцию около 20–40 км и частоту тренировок 2–

5 занятий в неделю [8]. Различия в тренировочных дистанциях наблюдались и среди любителей бега: более квалифицированные бегуны преодолевали больший километраж, чем менее квалифицированные. Более того, во многих исследованиях были обнаружены ассоциативные связи между характеристиками тренированности и временем пробегания дистанции у марафонцев и полумарафонцев [9].

В последние годы беговые дистанции до 10 км становятся все более популярными среди любителей бега, особенно новичков, которые рассматривают такие дистанции в качестве начального шага на пути к полумарафону и марафону. Кроме того, большинство бегунов на длинные дистанции обычно выполняют непрерывный бег на 10 км с низкой интенсивностью, чтобы улучшить состояние сердечно-сосудистой системы, повысить общую выносливость, а также скорректировать темп бега для более длительных забегов. Л.И. Ключко указывает: «Под влиянием беговой тренировки у людей среднего возраста по мере возрастания недельного объема бега от 8 до 30 км наблюдалось параллельное снижение ЧСС в покое – в среднем (с 58 до 45 уд/мин)... причем заметное снижение ЧСС отмечалось лишь с 6-го месяца занятий. У опытных бегунов с многолетним стажем и объемом беговых нагрузок 30–50 км в неделю ЧСС в покое составляет 42–54 уд/мин. Таким образом, у людей среднего возраста под влиянием тренировки на выносливость брадикардия достигает почти таких же величин, как и у представителей циклических видов спорта (минимальная ЧСС у бегунов экстракласса 28–38 уд/мин)» [10. С. 52].

Исследования результатов тренировочной деятельности бегунов, которые тренировались для участия в серии забегов Сибирского международного марафона (SIM) в г. Омске на 10 км, выявило различия между более подготовленными и менее подготовленными квалифицированными бегунами, которые касаются количества еженедельных тренировок и величины дистанций. Знание исходных тренировочных переменных и физических данных бегунов (возраст, рост, масса тела и ИМТ) позволило прогнозировать результаты почти 75% забегов в определенных временных рамках.

Однако участниками данного исследования были тренированные молодые спортсмены, занимающиеся бегом профессионально, их физические кондиции в большинстве случаев отличаются от кондиций основной численности непрофессиональных любителей бега.

На сегодняшний день современная практика организации соревнований на длинные и сверхдлинные дистанции говорит о таком феномене, как «любительский прорыв», который заключается в формировании тенденции увеличения количества бегунов-любителей [11. С. 32]. При этом анализ научно-методической литературы позволил сделать вывод о том, что по ряду субъективных и объективных причин рассматриваемый вид бега стал очень популярным среди непрофессионалов. В то же время отмечается недостаточное количество литературных источников, посвященных анализу особенностей тренировки бегунов-любителей,

их физических данных, а также взаимосвязанных с этими особенностями методик, направленных на повышение спортивных результатов. По этому поводу Н.Ю. Петров, В.А. Саватенков, В.В. Грошев отмечают: «Если в работе иностранных специалистов можно найти материалы, касающиеся вопросов подготовки марафонцев любительского уровня, то в отечественной литературе акцент смещен на подготовку высококвалифицированных спортсменов» [12. С. 31]. В связи с этим исследования, посвященные совершенствованию тренировочного процесса непрофессиональных любителей бега, представляют собой перспективное направление и имеют высокую актуальность. Новизна такого рода исследований заключается в углублении знаний в области теории и методики спортивной тренировки. Ведь любая новая информация обогатит теоретические знания в этой сфере как для исследователей, так и для спортсменов. Любители бега пристально следят за результатами теоретических исследований и используют их в своей тренировочной практике.

Категория любителей бега включает большое количество спортсменов, возраст которых составляет 30–60 лет. В большинстве случаев это люди, которые выполняют свои профессиональные обязанности на работе, а оздоровительным бегом занимаются в свободное от работы время. Учитывая ограниченное время для тренировок и относительно низкие результаты данной категории любителей бега, понимание влияния физических данных и особенностей тренировки на беговые результаты будет способствовать совершенствованию методического обеспечения их тренировочной деятельности. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению беговых показателей в полумарафоне и марафоне, интерес представляют материалы, касающиеся оздоровительных эффектов и повышения результативности на дистанциях до 10 км, а также содержащие актуальную информацию в этой сфере деятельности [13]. В такой ситуации рост спортивного мастерства неизбежен и требует определенных средств и методов совершенствования спортивных результатов, что, в свою очередь, представляет широкие возможности для внедрения инновационных технологий, касающихся прогнозирования и повышения эффективности подготовки бегунов на длинные дистанции [14, 15].

Проблемы прогнозирования и повышения спортивных результатов на основе показателей различных предикторов широко представлены в научной литературе [16, 17]. В рамках формирования наиболее эффективных подходов к созданию методического обеспечения процессов прогнозирования выделяют некоторые способы моделирования. В ходе прогнозирования спортивных результатов возможно применение метода множественной линейной регрессии. Вместе с тем данный метод может уступать по точности такому методу, как обучение нейронных сетей. В итоге все используемые методы в процессе прогнозирования спортивных результатов должны быть направлены на оптимизацию организации тренировочной деятельности рассматриваемой категории бегунов. Поэтому целью данного исследования было изучение влияния на время

пробега дистанции 10 км физических данных и особенностей тренировочного процесса любителей бега на длинные дистанции.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 20 бегунов-мужчин. Средние показатели возраста составили 40 ± 5 лет, массы тела $64,6 \pm 8$ кг, роста $170,8 \pm 9$ см. Отбор участников был основан на показателе лучшего времени в беге на 10 км (не более 55 мин). Все участники регулярно тренировались в течение 6 месяцев до участия в данном исследовании. По состоянию здоровья все бегуны были допущены к бегу на длинные дистанции. Участникам исследования предлагалось пробежать 10 км на беговой дорожке CardioPower T10 в утренние часы – с 9.00 до 11.00. Исследование проводилось в разные дни недели с мая по август 2024 г. На начальном этапе все участники прошли анкетирование на предмет получения исходной информации о физических данных (возраст, масса тела, рост) и условиях тренировок (тренировочная дистанция, продолжительность тренировки, тренировочные дни, количество участия в соревнованиях в течение года, опыт занятий бегом). Разминка перед забегами была индивидуальной для каждого спортсмена, но обычно состояла из медленного бега и растяжки в течение 12–15 мин.

На основном этапе исследования бегуны занимали свою беговую дорожку и по сигналу начинали бег. Время прохождения дистанции фиксировалось с помощью секундомера «Интеграл С-01». Во время теста участникам рекомендовалось поддерживать свой обычный темп бега. После завершения теста все участники выполняли заминку. Анализ данных проводился с использованием программного обеспечения Visual Studio Code. Описательная статистика анализировалась с помощью среднего значения и стандартного отклонения.

Результаты и их обсуждение

На основании показателей прохождения дистанции 10 км участники были разделены на три группы по уровню результативности: высокий уровень (40–45 мин; $n = 4$), средний (45–50 мин; $n = 8$) и низкий (50–55 мин; $n = 8$). Основные показатели и физические данные участников представлены в табл. 1.

Анализ результатов исследования выявил различия в физических данных бегунов. В группе бегунов с высокими результатами наблюдались наибольшие значения массы тела и роста по сравнению с другими группами.

Однако индекс массы тела (далее – ИМТ) в диапазоне от 21,2 до 22,3 кг/м² и возрастные данные в пределах 36–41 года были относительно одинаковыми во всех группах. Для учета тренировочных особенностей данные были разделены на различные диапазоны. В целом в группе высокой результативности все основные показатели были выше, чем в других группах.

Особенности тренировочного процесса бегунов на длинные дистанции представлены в табл. 2.

Необходимо отметить, что в рамках исследуемого параметра «тренировочная дистанция» за неделю 60%

высокорезультативных бегунов пробегали более 120 км в неделю, 57,1% среднерезультативных бегунов пробегали более 80 км в неделю, 75% низкорезультативных бегунов выполняли около 80 км в неделю.

Продолжительность тренировки у всех исследуемых групп в неделю всегда составляла более 3 ч. Высокорезультативные бегуны (60%) тренировались от 11 до 18 ч.

Таблица 1

Основные показатели участников исследования

Основные показатели	Уровень результативности		
	Высокий (n = 5)	Средний (n = 7)	Низкий (n = 8)
Возраст, лет	37 ± 6	41 ± 4	36 ± 7
Масса тела, кг	65,1 ± 8	62,3 ± 9	64,5 ± 10
Рост, см	175,4 ± 4	172,5 ± 7	170 ± 9
Индекс массы тела, кг/м ²	21,2 ± 2	21,9 ± 1,8	22,3 ± 2,1

Таблица 2

Особенности тренировочного процесса участников исследования

Особенности тренировок	Уровень результативности, % от кол-ва участников в подгруппе		
	Высокий (n = 5)	Средний (n = 7)	Низкий (n = 8)
Тренировочная дистанция, км/нед.			
5–21	1 (20%)	1 (14,3%)	2 (25%)
22–84	1 (20%)	4 (57,1%)	6 (75%)
85–125	3 (60%)	2 (28,6%)	
Продолжительность тренировки, ч/нед.			
1–3			
4–5		2 (28,6%)	2 (25%)
6–7	1 (20%)	3 (17,4%)	4 (50%)
8–10	1 (20%)	2 (28,6%)	2 (25%)
11–18	3 (60%)		
Тренировочные дни, д./нед.			
1–3		1 (14,3%)	2 (25%)
4–5	3 (60%)	5 (71,4%)	4 (50%)
6–7	2 (40%)	1 (14,3%)	2 (25%)
Количество участия в соревнованиях (в течение года)			
≤3	1 (20%)	4 (57,1%)	5 (62,5%)
4–8	3 (60%)	1 (14,3%)	2 (25%)
≥8	1 (20%)	2 (28,6%)	1 (12,5%)
Опыт занятий бегом, лет			
<3		4 (57,1%)	3 (37,5%)
3–5	2 (40%)	1 (14,3%)	4 (50%)
>5	3 (60%)	2 (28,6%)	1 (12,5%)

Среднерезультативные бегуны только в 28,6% случаев проводили на тренировках около 10 ч. Бегуны, показывающие низкие результаты, в 50% случаев проводили на тренировках около 7–8 ч. Что касается количества тренировочных дней в неделю, то участники всех групп чаще всего тренировались 4–5 дней в неделю (50–70%). Высокорезультативные бегуны в 40% случаев занимались бегом 6–7 дней, как и 25% бегунов с низкими результатами. Это объясняется желанием бегунов рассматриваемой категории пробегать большие расстояния за счет увеличения количества тренировочных дней в неделю, хотя дневные пробеги были относительно небольшими. Среди бегунов с низкими (25%) и средними (14,3%) результатами были отмечены случаи тренировок с частотой 1–3 дня в неделю. Такие случаи объяснялись занятостью на работе, неполным восстановлением после предыдущих тренировок, а также болезнью. Если рассматривать долю участия в соревнованиях по легкой атлетике на длинные и сверхдлинные дистанции в течение года, то всего 20% высокорезультативных бегунов принимали в них участие один или два раза. Бегуны, показывающие средние и низкие результаты, в большинстве случаев (соответственно 57,1 и 62,5%) в течение года принимали

участие в соревнованиях от двух до трех раз. Высокорезультативные бегуны в 60% случаев участвовали в соревнованиях от четырех до восьми раз. Такое количество соревнований не могли охватить бегуны со средними и низкими результатами. В течение года количество участия в соревнованиях у них составило от 14,3 до 25%. Отсутствие соответствующего опыта, возможности поездок к месту проведения соревнований, занятость на работе, семейные мероприятия объясняют невысокое количество участия.

При этом все группы участников показали минимальные результаты, касающиеся участия в соревнованиях больше восьми раз. Так, высокорезультативные бегуны участвовали в 20% случаев (один человек), среднерезультативные бегуны – в 28,6% случаев (два человека), низкорезультативные – в 12,5% случаев (один человек). Полученные результаты в категории «количество участия в соревнованиях» коррелируют с результатами в категории «опыт занятий бегом». Так, 40% бегунов, показывающих высокие результаты, имели опыт занятий от трех до пяти лет, в то время как 60% бегунов этой категории занимались бегом свыше пяти лет. Уже имеющийся опыт позволял им участвовать во многих легкоатлетических соревнованиях на

длинные и сверхдлинные дистанции. Среднерезультативные бегуны в большинстве случаев (57,1%) имели опыт занятий данным видом спорта около трех лет. 14,3% бегунов этой категории занимались бегом от трех до пяти лет, а 28,6% – больше пяти лет. Быстрое прогрессирование результатов в первые три года мотивирует к участию в большем количестве соревнований. Однако без должной подготовки часто происходит застой результатов и, как правило, снижение соревновательной активности. Низкорезультативные бегуны чаще всего имеют опыт от одного года (37,5%) до пяти лет (50%). Стремление к оздоровительному бегу обуславливает желание этой категории бегунов участвовать в соревнованиях и достигать более высоких результатов.

Соотношение между физическими данными, тренировочными особенностями и временем пробега дистанции анализировалось с применением корреляции Пирсона. Предложенный метод позволил проанализировать причинно-следственные связи по всей совокупности переменных. Так, анализ результатов позволил говорить о высокой положительной корреляции индекса массы тела с показателями времени прохождения дистанции ($r = 0,75$). Отрицательная корреляция наблюдалась у таких переменных, как тренировочный день недели ($r = -0,61$), тренировочная дистанция ($r = -0,69$), продолжительность тренировки ($r = -0,61$), опыт занятий бегом ($r = -0,50$), количество участия в соревнованиях на длинные и сверхдлинные дистанции ($r = -0,45$). Однако другие физические характеристики не коррелировали со временем прохождения дистанции. С учетом влияния множества усложняющих факторов полученные в исследовании результаты позволяют говорить о наличии основных предикторов времени прохождения дистанции 10 км. Знание основных показателей бегуна на длинные дистанции предполагает более точное прогнозирование результата. Исходя из еженедельных показателей, среди которых выгодно выделяется еженедельная тренировочная дистанция, можно планировать как тренировочную нагрузку, так и соревновательную.

Ряд авторов описывают тренировочный эффект от пробега дистанций более 10 км. Выполняя забеги на длинные дистанции в медленном темпе или совершая непрерывный бег с низкой интенсивностью можно говорить об улучшении состояния здоровья и некоторых беговых показателей [18]. Физиологические адаптации могут быть более выраженными во время тренировок в длительном беге, поскольку мышцы используют больше энергии, что приводит к увеличению количества митохондрий и размера мышц, а также к увеличению количества медленно сокращающихся волокон. Эти изменения могут повлиять на потребление кислорода и экономичность бега, что является обязательным условием для тренировок выносливости. Кроме того, эти виды тренировок улучшают сердечно-сосудистую выносливость и мышечную силу, тем самым повышая сердечно-сосудистую и мышечную подготовленность, необходимую для бега на длинные дистанции [19].

Логично предположить, что при высоком уровне физической подготовленности бегуны смогут показывать лучшее время на дистанции по сравнению с менее подготовленными спортсменами. При рассмотрении других аспектов тренировочной программы в настоящем исследовании было выявлено влияние количества еженедельных тренировочных дней на время пробега дистанции. Эта переменная является одним из элементов тренировки, который многие бегуны используют при определении тренировочного объема. Более того, большинство бегунов регулярно тренировались в течение 4-5 дней в неделю с относительно большой дистанцией. Это объясняется тем, что при планировании общей недельной дистанции бегуны разбивают общую дистанцию по тренировочным дням, чтобы избежать перетренированности и риска травм опорно-двигательного аппарата.

Что касается опыта занятий бегом и количества участия в соревнованиях в течение года, которые отрицательно коррелировали со временем бега, то можно сказать, что любители бега, имеющие стаж свыше 5 лет, проходят дистанцию быстрее, чем менее подготовленные бегуны. Это объясняется тем, что на протяжении 5–8 лет бегуны, улучшая свои физические и технико-тактические характеристики, достигали более высоких результатов на рассматриваемой дистанции. Однако нельзя забывать о приобретаемом опыте соревновательной деятельности в ходе участия в различного рода соревнованиях. Полученные данные говорят о невысоком количестве участия среднерезультативных и низкорезультативных бегунов в соревнованиях (до 3 раз в год). Но и некоторые высокорезультативные бегуны приняли минимальное участие в соревнованиях. Это объясняется годовым планированием высокорезультативных бегунов своей соревновательной активности и тренировочной деятельности с целью более качественного восстановления и достижения лучших результатов в беге на длинные дистанции.

Заключение

Следует отметить ряд практических выводов, касающихся особенностей планирования и реализации тренировочной деятельности бегунов на дистанцию 10 км. Недельную тренировочную программу следует планировать на длинные беговые дистанции более 70 км, разбивая ее на 4–5 дней в неделю. Участвовать в соревнованиях по бегу на длинные дистанции необходимо не меньше трех раз в год, поскольку полученный соревновательный опыт положительно сказывается на качестве тренировок и мотивации к участию в других соревнованиях.

Исходя из полученных результатов продолжительности бега, рекомендуется уделять тренировкам более 7 ч в неделю. При этом необходимо обращать внимание на поддержание ИМТ в пределах нормы. Исследование показало, что физические данные и особенности тренировочного процесса бегунов на 10 км коррелируют с временем прохождения дистанции.

Среди этих предикторов наибольшее влияние на время бега оказывает тренировочная дистанция. Учи-

тывая подтвержденное влияние объема недельной тренировочной дистанции, объема дневной тренировочной дистанции, можно утверждать, что четкое соблю-

дение тренировочного плана (на неделю, месяц, 6 месяцев) позволит сократить время прохождения длинных и сверхдлинных дистанций.

Список источников

1. Барабаш О.А., Гудков Ю.Э., Мунирова Е.А., Панкрашин Д.А., Мазитова Н.В. Особенности рекреационных занятий с использованием средств оздоровительного бега участников бегового клуба первого зрелого возраста // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. № 11 (189). 2020. С. 41–46.
2. González-Mohino F., González-Ravé J.M., Juárez D., Fernández F.A., Barragán Castellanos R., Newton R.U. Effects of Continuous and Interval Training on Running Economy, Maximal Aerobic Speed and Gait Kinematics in Recreational Runners // Journal of Strength and Conditioning Research. 2016. Vol. 30. P. 1059–1066. doi: 10.1519/JSC.0000000000001174
3. Seiler S. What is best practice for training intensity and duration distribution in endurance athletes? // International Journal of Sports Physiology and Performance. 2010. Vol. 5. P. 276–291. doi: 10.1123/ijspp.5.3.276
4. Коробов А.Н. О беге – почти все. М. : Физкультура и спорт, 1986. 64 с.
5. Клименко С.С., Болотин А.Э., Тихонов Ю.В. Структурное ранжирование факторов, определяющих необходимость проведения тренировки бегунов на длинные и средние дистанции с учетом особенностей метаболизма // Актуальные вопросы совершенствования физической культуры и спорта. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. С. 80–85.
6. Козьмин Р.К., Волков Н.И., Максимов А.С., Нечаев В.И. Тренировочные нагрузки в системе подготовки бегунов к марафонской дистанции. М. : ГЦОЛИФК, 1982. 40 с.
7. Кашапов Р.И., Кашапов Р.Р. Построение годичного цикла в марафоне // Физиологические и биохимические основы и педагогические технологии адаптации к разным по величине физическим нагрузкам. Казань, 2014. С. 249–251.
8. Dallinga J.M., Mennes M., Alpay L., Bijwaard H., Baart de la Faille-Deutekom M. App use, physical activity and healthy lifestyle: a cross sectional study // BMC Public Health. 2015. Vol. 15. Art. No. 833. doi: 10.1186/s12889-015-2165-8
9. Tanda G., Knechtel B. Effects of training and anthropometric factors on marathon and 100 km ultramarathon race performance // Open Access Journal of Sports Medicine. 2015. Vol. 6. P. 129–136. doi: 10.2147/OAJSM.S80637
10. Ключко Л.И. Положительное влияние оздоровительного бега на физиологическое состояние человеческого организма // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2007. № 1. С. 50–54.
11. Рыков С.С. Марафонский бег в системе любительских увлечений россиян: статистический анализ и социокультурная рефлексия // Челябинский гуманитарий. 2021. № 1(54). С. 31–38.
12. Петров Н.Ю., Саватенков В.А., Грошев В.В. Программа подготовки к марафону для бегунов-любителей // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2016. №1 (15). С. 31–34.
13. Marti B. Health effects of recreational running in women. Some epidemiological and preventive aspects // Sports Medicine. 1991. Vol. 11(1). P. 20–51. doi: 10.2165/00007256-199111010-00003
14. Губа В.П. Основы спортивной подготовки: методы оценки и прогнозирования, морфобиомеханический подход: научно-методическое пособие. М. : Советский спорт. 2012. 383 с.
15. Коновалов В.В., Губа В. П. Прогнозирование спортивного результата у юных легкоатлетов. М. : Центр спортивных инновационных технологий и подготовки сборных команд Департамента физической культуры и спорта города Москвы, 2016. С. 929–933.
16. Гайнуллин Р.А., Исаев А.П., Меньшикова Н.В. Корреляционный, регрессионный анализ и возможности моделирования функционального состояния студентов // Теория и практика физической культуры. 2015. № 6. С. 32–35.
17. Bunker R.P., Thabtah R.P. A Machine Learning Framework for Sport Result Prediction // Applied Computing and Informatics. 2019. Vol. 15, Is. 1. P. 27–33. doi: 10.1016/j.aci.2017.09.005
18. Shu D., Wang J., Zhou T., Chen F., Meng F., Wu X., Zhao Z., Dai S. Prediction of half-marathon performance of male recreational marathon runners using nomogram // BMC Sports Science, Medicine & Rehabilitation. 2024. Vol. 16(1). Art. No. 97. doi: 10.1186/s13102-024-00889-3
19. Fountaine C., Feito Y. General principles of exercise prescription // Liguori G (Ed). ACSM's Guidelines for Exercise Testing and Prescription. Hong Kong : Wolters Kluwer, 2021. P. 142–166.

References

1. Barabash, O.A. et al. (2020) Osobennosti rekreatsionnykh zanyatiy s ispol'zovaniem sredstv ozdorovitel'nogo bega uchastnikov begovogo kluba pervogo zrelogo vozrasta [Features of Recreational Activities Using Means of Health Running for Participants of a Running Club of the First Mature Age]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. 11 (189). pp. 41–46.
2. González-Mohino, F., González-Ravé, J.M., Juárez, D., Fernández, F.A., Barragán Castellanos, R. & Newton, R.U. (2016) Effects of Continuous and Interval Training on Running Economy, Maximal Aerobic Speed and Gait Kinematics in Recreational Runners. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 30. pp. 1059–1066. doi: 10.1519/JSC.0000000000001174
3. Seiler, S. (2010) What is best practice for training intensity and duration distribution in endurance athletes? *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 5. pp. 276–291. doi: 10.1123/ijspp.5.3.276
4. Korobov, A.N. (1986) *O bege – pochtly vse* [About Running – Almost Everything]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
5. Klimenko, S.S., Bolotin, A.E. & Tikhonov, Yu.V. (2021) Strukturnoe ranzhirovanie faktorov, opredelyayushchikh neobkhodimost' provedeniya trenirovki begunov na dlinnye i srednie distantsii s uchetom osobennostey metabolizma [Structural Ranking of Factors Determining the Need for Training of Long and Middle Distance Runners Taking into Account Metabolism Features]. In: *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya fizicheskoy kul'tury i sporta* [Current Issues of Improving Physical Culture and Sports]. Saint Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service. pp. 80–85.
6. Koz'min, R.K., Volkov, N.I., Maksimov, A.S. & Nechaev, V.I. (1982) *Trenirovochnye nagruzki v sisteme podgotovki begunov k marafonskoy distantsii* [Training Loads in the System of Preparing Runners for the Marathon Distance]. Moscow: GTsOLIFK.
7. Kashapov, R.I. & Khashapov, R.R. (2014) Postroenie godichnogo tsikla v marafone [Construction of the Annual Cycle in the Marathon]. In: *Fiziologicheskie i biokhimicheskie osnovy i pedagogicheskie tekhnologii adaptatsii k raznym po velichine fizicheskim nagruzkam* [Physiological and Biochemical Foundations and Pedagogical Technologies of Adaptation to Physical Loads of Different Magnitude]. Kazan. pp. 249–251.
8. Dallinga, J.M., Mennes, M., Alpay, L., Bijwaard, H. & Baart de la Faille-Deutekom, M. (2015) App use, physical activity and healthy lifestyle: a cross sectional study. *BMC Public Health*. 15. Art. No. 833. doi: 10.1186/s12889-015-2165-8
9. Tanda, G. & Knechtel, B. (2015) Effects of training and anthropometric factors on marathon and 100 km ultramarathon race performance. *Open Access Journal of Sports Medicine*. 6. pp. 129–136. doi: 10.2147/OAJSM.S80637
10. Klochko, L.I. (2007) Polozhitel'noe vliyaniye ozdorovitel'nogo bega na fiziologicheskoye sostoyaniye chelovecheskogo organizma [Positive Influence of Health Running on the Physiological State of the Human Body]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta*. 1. pp. 50–54.

11. Rykov, S.S. (2021) Marafonskiy beg v sisteme lyubitel'skikh uvlecheniy rossiyan: statisticheskiy analiz i sotsiokul'turnaya refleksiya [Marathon Running in the System of Amateur Hobbies of Russians: Statistical Analysis and Socio-Cultural Reflection]. *Chelyabinskiy gumanitarniy*. 1(54). pp. 31–38.
12. Petrov, N.Yu., Savatenkov, V.A. & Groshev, V.V. (2016) Programma podgotovki k marafonu dlya begunov-lyubiteley [Training Program for a Marathon for Amateur Runners]. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka*. 1 (15). pp. 31–34.
13. Marti, B. (1991) Health effects of recreational running in women. Some epidemiological and preventive aspects. *Sports Medicine*. 11 (1). pp. 20–51. doi: 10.2165/00007256-199111010-00003
14. Guba, V.P. (2012) *Osnovy sportivnoy podgotovki: metody otsenki i prognozirovaniya, morfobiomekhanicheskiy podkhod: nauchno-metodicheskoe posobie* [Fundamentals of Sports Training: Methods of Assessment and Forecasting, Morphobiomechanical Approach: Scientific and Methodological Guide]. Moscow: Sovetskiy sport.
15. Konovalov, V.V. & Guba, V.P. (2016) *Prognozirovanie sportivnogo rezul'tata u yunyh legkoatletov* [Predicting Sports Results in Young Athletes]. Moscow: Tsentr sportivnykh innovatsionnykh tekhnologiy i podgotovki sbornykh komand Departamenta fizicheskoy kul'tury i sporta goroda Moskvy. pp. 929–933.
16. Gaynullin, R.A., Isaev, A.P. & Men'shikova, N.V. (2015) Korrelyatsionnyy, regressionnyy analiz i vozmozhnosti modelirovaniya funktsional'nogo sostoyaniya studentov [Correlation, Regression Analysis and Possibilities of Modeling the Functional State of Students]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 32–35.
17. Bunker, R.P. & Thabtah, R.P. (2019) A Machine Learning Framework for Sport Result Prediction. *Applied Computing and Informatics*. 15 (1). pp. 27–33. doi: 10.1016/j.aci.2017.09.005
18. Shu, D. et al. (2024) Prediction of half-marathon performance of male recreational marathon runners using nomogram. *BMC Sports Science, Medicine & Rehabilitation*. 16 (1). Art. No. 97. doi: 10.1186/s13102-024-00889-3
19. Fountaine, C. & Feito, Y. (2021) General principles of exercise prescription. In: Liguori, G. (ed.) *ACSM's Guidelines for Exercise Testing and Prescription*. Hong Kong: Wolters Kluwer. pp. 142–166.

Информация об авторах:

Гричанов А.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: g-ton@mail.ru. ORCID: 0009-0007-0557-0124

Котельников Н.С. – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: kolim005876@gmail.com. ORCID: 0009-0007-9764-2155

Булавкин А.А. – канд. социол. наук, профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru. ORCID: 0009-0002-6507-7079

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Grichanov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: g-ton@mail.ru. ORCID: 0009-0007-0557-0124

N.S. Kotelnikov, lecturer, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kolim005876@gmail.com. ORCID: 0009-0007-9764-2155

A.A. Bulavkin, Cand. Sci. (Sociology), professor, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru. ORCID: 0009-0002-6507-7079

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрана после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 11.12.2024;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 378.147.227
doi: 10.17223/15617793/512/20

Социокультурный профессионально-ориентированный проект как средство формирования экстралингвистических знаний иностранных студентов-лингвистов

Мария Владимировна Жданова¹, Елена Вадимовна Аликина², Ирина Юрьевна Черникова³

^{1, 2, 3} Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹ talk.maria@mail.ru

² alikina@pstu.ru

³ iyuchernikova@pstu.ru

Аннотация. Проведена проверка эффективности внедрения социокультурных профессионально-ориентированных проектов в качестве средства обучения на первом курсе. Доказывается, что социокультурный профессионально-ориентированный проект позволяет формировать у будущих переводчиков экстралингвистические знания и одновременно психологическую готовность к межкультурному взаимодействию, в том числе благодаря структурированной системе последовательно выполняемых предпроектных и проектных заданий. Качественные методы оценки результатов исследования доказывают, что использование социокультурных профессионально-ориентированных проектов положительно влияет на интеграцию иностранных обучающихся в российскую социокультурную среду.

Ключевые слова: социокультурный профессионально-ориентированный проект, экстралингвистические знания, социокультурема, русский язык как иностранный, иностранные студенты, социокультурная адаптация, профессиональная адаптация

Для цитирования: Жданова М.В., Аликина Е.В., Черникова И.Ю. Социокультурный профессионально-ориентированный проект как средство формирования экстралингвистических знаний иностранных студентов-лингвистов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 185–193. doi: 10.17223/15617793/512/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/20

Sociocultural professionally-oriented project as a means of forming foreign students' extralinguistic knowledge in linguistics

Maria V. Zhdanova¹, Elena V. Alikina², Irina Yu. Chernikova³

^{1, 2, 3} Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

¹ talk.maria@mail.ru

² alikina@pstu.ru

³ iyuchernikova@pstu.ru

Abstract. The authors substantiate the possibility of using a socio-cultural professionally-oriented project as a means of forming extralinguistic knowledge in foreign students-linguists. The relevance of the study is due to the growing number of foreign students majoring in linguistics, which requires finding optimal ways to organize not only language, but also intercultural training in a Russian university. The aim of the scientific work is to study the possibilities of using a socio-cultural project as a means of professionally-oriented training of foreign students-translators in Russian language classes in the 1st year. Based on the theoretical review and the authors' pedagogical experience, it is concluded that the most important component of linguistic education is the formation of the ability for intercultural communication. Particular attention is paid to the problem of integrating foreign linguistic students into the Russian socio-cultural environment by forming a baggage of extralinguistic knowledge and active professionally-oriented project activities. The use of a socio-cultural professionally-oriented project is proposed as one of the didactic tools. The article reveals the concept of a socio-cultural professionally-oriented project, provides examples of projects integrated into the discipline "Oral Speech Practice", and describes the final products. Thematic groups of extralinguistic knowledge that are formed in the course of project activities are identified: social and everyday, ethno-cultural, informational and social, and general professional knowledge. As a unit of selection of extralinguistic knowledge, it is proposed to use a unit-component, which is revealed by a set of verbal, non-verbal, extraverbal, and metaverbal ways of its representation. The article describes in detail the step-by-step technological implementation of socio-cultural professionally oriented projects in four phases: pre-project, indicative, implementing, and final. Examples of pre-project and project tasks and socio-cultural maps are given. As evidence of the effectiveness of using socio-cultural professionally-oriented projects for the formation of extralinguistic knowledge in foreign students, the results of the qualimetric analysis of test tasks completed by students in the experimental and control groups are presented. The study found that the use of socio-

cultural professionally-oriented projects in teaching Russian as a foreign language to students-translators allows developing research skills, stimulating creative activity and initiative in searching for original topics and solutions, promoting the acquisition of experience in intercultural interaction, developing professionally significant extralinguistic knowledge and increasing motivation for future professional activities.

Keywords: sociocultural professionally-oriented project, extralinguistic knowledge, unit-component, Russian as a foreign language, foreign students, sociocultural adaptation, professional adaptation

For citation: Zhdanova, M.V., Alikina, E.V. & Chernikova, I.Yu. (2025) Sociocultural professionally-oriented project as a means of forming foreign students' extralinguistic knowledge in linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 185–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/20

Введение

Глобальная тенденция к интернационализации высшего образования влечет за собой ежегодный и системный рост числа иностранных студентов в российских вузах. Ведущим условием качественного образования иностранных граждан является эффективное и оперативное овладение языком обучения наряду с получением опыта межкультурного взаимодействия [1]. Несмотря на имеющиеся концептуальные основания, раскрывающие в логике гуманистической парадигмы значимость доступного качественного образования для всех категорий обучающихся, системные связи между обучением русскому языку и социализацией иностранных студентов в принимающем обществе не всегда четко прослеживаются, что порождает значительные трудности для всех участников образовательного процесса. Кроме того, иностранным абитуриентам и первокурсникам необходима не только социокультурная, но и профессиональная адаптация, поскольку с начала обучения в вузе важно формировать у будущих специалистов устойчивый профессиональный интерес, профессиональные качества, профессиональное мировоззрение.

По данным международного исследовательского проекта Project Atlas [2], в 2022 г. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов, что объясняется совокупностью социально-экономических факторов, среди которых оптимальное соотношение качества образования и стоимости образовательных услуг, разнообразие направлений подготовки, развитость методических школ и частных дидактик, богатые научные традиции. Если российские медицинские, фармацевтические и инженерные вузы традиционно привлекали внимание зарубежных абитуриентов, то в последние годы наметилась тенденция роста популярности гуманитарных, в том числе лингвистических образовательных программ. Так, по данным ВПО-1, в 2022/23 уч. г. в государственные вузы Пермского края на направление бакалавриата 45.03.02 «Лингвистика» поступили 49 иностранных граждан, тогда как в 2023/24 уч. г. только в Пермский национальный исследовательский политехнический университет (далее – ПНИПУ) на профиль «Перевод и переводоведение» было зачислено более 200 студентов из зарубежных стран, что составило треть от общего контингента иностранных обучающихся вуза.

Важнейшей составляющей лингвистического, а именно переводческого образования, помимо углубленной билингвальной подготовки, является формирование способности к межкультурной коммуникации, что в условиях поликультурных групп, в которых обучаются иностранные студенты, представляется особо

профессионально значимым [3]. Вместе с тем это актуализирует проблему интеграции иностранных студентов-лингвистов в российскую социокультурную среду [4–6], в частности, путем формирования багажа экстралингвистических знаний, активной профессионально-ориентированной проектной деятельности, что, как любая модель социально-педагогического сопровождения, требует учета региональной, культурной, демографической и исторической специфики [7].

Сопряжение педагогической цели (развитие профессионально значимых качеств), дискурсивных рамок (моделирование ситуаций профессиональной коммуникации) и дидактического инструментария (проектная деятельность) соотносится с планируемыми результатами обучения, постулируемыми в ФГОС ВО по направлению 45.03.02 «Лингвистика», и следующими компетенциями, которыми должен овладеть выпускник:

- УК-2. Способность управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла;
- УК-4. Способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия;
- УК-5. Способность анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия;
- ОПК-4. Способность осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах как в общей, так и в профессиональной сферах общения [8].

Формирование перечисленных компетенций диктует необходимость внедрять элементы профессионально-ориентированного обучения уже на первом курсе в рамках дисциплин базового цикла [9], при этом важным становится вопрос о выборе адекватных дидактических методов и средств, которые обеспечат успешную социализацию иностранных обучающихся в условиях межкультурной коммуникации. В качестве одного из возможных средств предлагается использовать *социокультурный профессионально-ориентированный проект*.

Целью исследования является изучение эффективности социокультурного проекта в качестве средства обучения иностранных студентов направления 45.03.02 «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение») на занятиях по русскому языку на первом курсе.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать характеристики социокультурного проекта и описать его структуру; разработать поэтапный план проведения серии проектов в

поликультурной группе иностранных студентов; выделить виды экстралингвистических знаний, формируемых на каждом этапе; создать систему проектных и предпроектных заданий, направленных на формирование экстралингвистических знаний и приобретение опыта межкультурного взаимодействия в процессе профессионально-ориентированной подготовки; реализовать опытно-экспериментальную работу и оценить результаты при помощи квалиметрических методов.

Процедура и методы исследования

Как показывает анализ научно-методической литературы, термин «социокультурный проект» (в некоторых случаях дефисное написание – «социо-культурный» проект [10]) является многозначным. Наиболее широкая трактовка наблюдается в практике социокультурного проектирования как раздела прикладной культурологии, связанного со структурированной и планомерной деятельностью по изменению социокультурного пространства для решения имеющейся социальной проблемы. В этом смысле социокультурное проектирование касается, например, деятельности учреждений культуры по проведению просветительских, культурно-массовых мероприятий и акций. По определению А.В. Лукова, социокультурный проект направлен на достижение социально значимой цели, а его реализация локализована по месту, времени и ресурсам [11. С. 7]. В педагогических практиках социокультурные проекты применяются для активизации творческой и познавательной деятельности субъектов образовательного процесса. В лингводидактическом контексте речь идет об ознакомлении обучающихся с национально-культурной спецификой поведения народа, системой культурных ценностей и социальных отношений [12], что в русле социокультурного подхода соотносится с задачами формирования социокультурной компетенции [13, 14].

В рамках нашего исследования с учетом специфики профессионального образования мы наделяем социокультурный проект профессионально-ориентированной характеристикой и вводим следующее определение: «*социокультурный профессионально-ориентированный проект* – это совокупность координированных и контролируемых действий обучающихся в процессе коммуникативно-познавательной деятельности с целью решения социокультурной проблемы, относящейся к профессионально-ориентированному предметному плану, и с обязательным представлением результатов в виде проектных продуктов» [15. С. 10].

Внедрение социокультурных профессионально-ориентированных проектов в образовательный процесс в ПНИПУ предполагало их интеграцию в программу дисциплины базового цикла «Устная речевая практика (русский язык как иностранный)». Всего за учебный год проводилось три проекта («Знакомимся с профессией переводчика», «Работаем волонтером на выставке», «Принимаем иностранную делегацию»),

каждый из которых предусматривал подготовку соответствующего итогового продукта (инфографика «Портрет современного переводчика», буклет по выставке, фрагмент видеозаписи по объектам культурного наследия Перми).

Содержательное наполнение проекта направлено на моделирование ситуаций профессиональной коммуникации [16], в которых потенциально может участвовать будущий переводчик, а также на формирование у иностранных студентов *экстралингвистических знаний*, необходимых для социокультурной и профессиональной адаптации. Под экстралингвистическими знаниями мы понимаем «результат познавательной деятельности обучающегося в виде единства декларативных и процедурных знаний о контексте коммуникативной ситуации и фактах объективно существующей действительности, а также сведения о способах деятельности в определенной социокультурной среде» [15. С. 10].

Нами были определены четыре тематические группы экстралингвистических знаний: социально-бытовые, этнокультурные, информационно-социальные и общепрофессиональные. Для отбора знаний в каждой тематической группе мы использовали такую единицу, как *социокультурема* [17], определяя ее как «информационное единство лингвистической формы и экстралингвистических факторов, характерных для определенной ситуации общения в заданной социокультурной среде» [15. С. 10]. Репрезентация социокультуремы осуществляется посредством вербальных (лексические единицы и речевые формулы), невербальных (соматизмы, кинесемы, действия ритуального характера), экстравербальных (описание места, времени действия, социальных ролей) и метавербальных способов (иллюстрирующий фрагмент микротекста). В качестве примера приведем карту социокультуремы «Рабочий график» (рис. 1).

Важнейшим аспектом проектной деятельности является ее поэтапная технологическая реализация. Вариации этапов проектов подробно описаны в трудах методистов [14, 18]. Мы выделяем предпроектную, ориентировочную, реализующую и итоговую фазы, которые циклично повторяются при работе над каждым новым проектом.

На предпроектной фазе проводилась диагностика имеющихся экстралингвистических знаний и устанавливалась степень понимания обучающимися специфики и характера профессии переводчика. Во время ориентировочной фазы проходило информирование о предстоящем взаимодействии, осуществлялся психологический настрой на совместную работу, формировались поликультурные микрогруппы. Иностранные студенты работали совместно с российскими студентами и выполняли парные и групповые задания с элементами психологического тренинга, направленные на получение этнокультурных знаний об особенностях поведения, мировоззрения, делового этикета представителей иных культур, снятие психологических ограничений и тревожности.

Рис. 1. Пример карты социокультуры

Реализующая фаза позволяла осуществлять совместную работу российских и иностранных студентов по подготовке к демонстрации итогового продукта. На итоговой фазе проверялся уровень владения экстралингвистическими знаниями студентов, оценивались проектные продукты, проводились контрольные тесты.

Деятельность студентов во время ориентировочной и реализующей фаз была сфокусирована на выполнении предпроектных и проектных заданий. К каждому

заданию были составлены карты социокультуры, которые помогали наглядно представить, какими именно единицами должны овладеть иностранные студенты по итогам выполнения того или иного задания.

Приведем ниже фрагмент формулировки предпроектного задания, предполагающего поиск и анализ профессионально значимой информации.

Изучите информацию о рабочем графике на 2024 год в разных странах. Найдите недостающую информацию и заполните таблицу.

Параметр	Страна				
	РФ	Ирак	КНР	Туркменистан	Алжир
Продолжительность рабочей недели, ч	?	40	?	36 или 40	?
Продолжительность рабочего дня, ч	8–12	?	8–12	7 или 8	?
Продолжительность обеденного перерыва, мин	?	30 – 60	?	?	60
Выходные дни	Суббота, воскресенье	Пятница, суббота	?	?	?
Средняя продолжительность отпуска, дни	28	21	?	?	?

Сопоставьте данные и ответьте на вопросы:
 – В каких странах суббота является выходным днем?
 – В какой стране самая длинная рабочая неделя?
 – В какой стране самая большая продолжительность отпуска?
 Составьте график работы на месяц (см. рис. 2):

– Студент А: сменный график (2/2).
 – Студент Б: пятидневная рабочая неделя.
 – Студент В: шестидневная рабочая неделя; 10 дней отпуска.
 Заполните график работы секретаря-референта в российской компании с учетом праздничных и выходных дней:

УТВЕРЖДАЮ
 Генеральный директор

График работы	
Наименование подразделения	Март 2023
ФИО	
Итого работает человек	

Рабочих дней ...
 Выходных дней ...
 Количество рабочих часов при 40-часовой неделе ...

Условные обозначения:
вых – выходной день
отп – оплачиваемый отпуск

Время перерывов: _____

График составил: _____ График согласован: _____

Рис. 2. Пример предпроектного задания

Следует подчеркнуть, что экстралингвистическая информация, полученная обучающимися при выполнении одного предпроектного задания, становилась необходимой для выполнения последующих заданий. При отборе материалов заданий учитывались такие важные факторы, как актуальность, функциональность, коммуникативная направленность, тематическое и лингвокультурологическое разнообразие и применимость при изучении профессиональных переводческих дисциплин и в будущей профессиональной деятельности.

Проектные задания были направлены на моделирование ситуаций будущей профессиональной деятельности. Именно здесь важную роль играло участие российских студентов в работе микрогрупп. Например, в ходе проекта «Принимаем иностранную делегацию» студентам необходимо было разработать маршрут экскурсии по историческому центру Перми и в паре с российским студентом провести экскурсию для обучающихся и преподавателей группы на русском и английском языках, сменяя друг друга.

Для проведения процедуры измерения эффективности реализуемого педагогического процесса нами применялся квалитетрический анализ, включающий аналитико-синтетическую, критериально-методическую и аналитико-прогнозирующую стадии [19. С. 225].

Результаты и обсуждение

Опытно-экспериментальное обучение было организовано на базе кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод» ПНИПУ. В нем приняли участие 30 иностранных студентов из Китая, Ирака, Алжира и Туркменистана. Студенты были разделены на две равные

по количеству группы: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ). В ЭГ обучение проходило с использованием социокультурных профессионально-ориентированных проектов, тогда как в КГ – при помощи других методов. Помимо этого, для реализации межкультурного взаимодействия привлекались российские студенты (24 человека), для которых проектная деятельность входила в состав межкультурной практики [14].

Для установления степени понимания обучающимися специфики и характера профессиональной деятельности переводчика, а также определения уровня осознанности выбора будущей профессии в КГ и ЭК иностранных студентов-первокурсников были проведены анкетирования в начале и финале экспериментальной работы. Результаты анкетирования представлены на рис. 3.

Как показали результаты анкетирования, использование социокультурных профессионально-ориентированных проектов значительно повышает понимание основ профессиональной деятельности, осознание себя будущими профессионалами. Так, после выполнения работы над тремя социокультурными профессионально-ориентированными проектами у иностранных студентов ЭГ повысился уровень осознанности выбора профессии. Итоговое анкетирование выявило более точное представление о личных качествах, необходимых для успешного ведения переводческой деятельности, знание функционала переводчика, условий труда и характера трудовой деятельности письменных и устных переводчиков. Осведомленность о востребованности профессиональных переводчиков в родной стране обучающихся также оказалась выше у студентов ЭГ, чем у участников КГ.

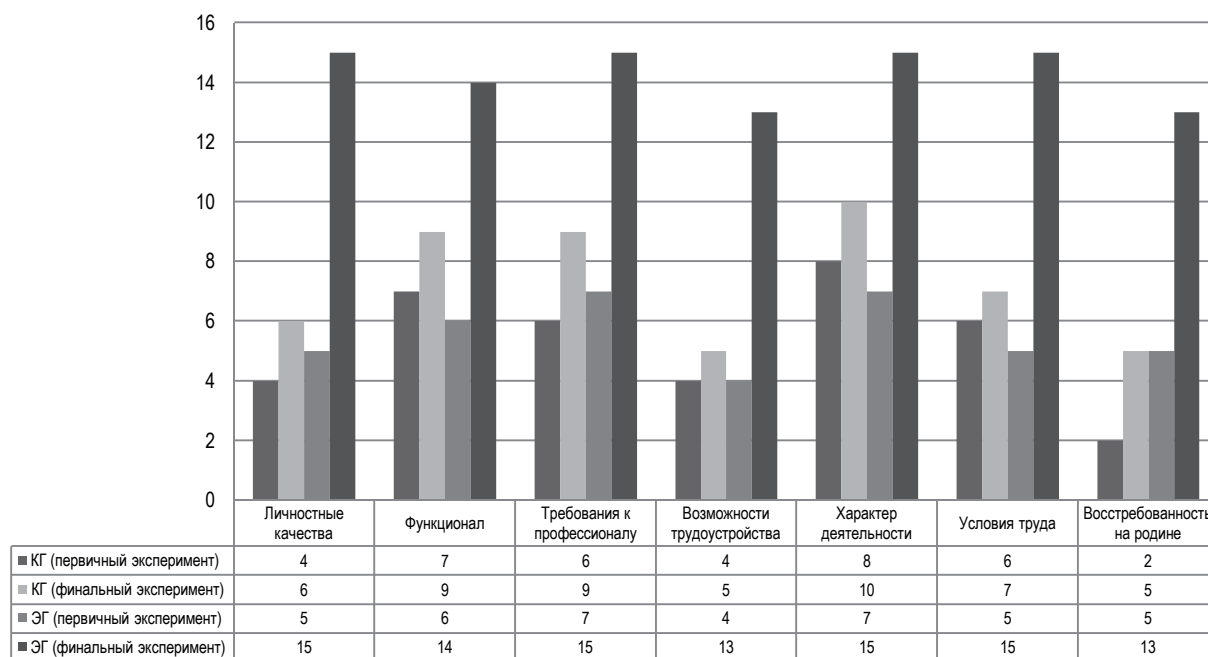

Рис. 3. Результаты анкетирования иностранных студентов-переводчиков

Контрольные мероприятия, направленные на оценку сформированности экстралингвистических знаний, проводились в рамках итоговых этапов проектов. В частности, было проведено тестирование российских и иностранных студентов с целью оценки психологической атмосферы, сложившейся в результате межкультурного взаимодействия. Обучающимся был предложен тест «Методика оценки психологической атмосферы в коллективе» Ф. Фидлера [20]. В основе методики лежит метод семантического дифференциала бинарных понятий: дружелюбие – враждебность, согласие – несогласие, удовлетворенность – неудовлетворенность, сотрудничество – несогласованность и др. Оценивание этих понятий проводилось обучающимися по шкале от 1 до 10. Результаты показали, что иностранными обучающимися ПНИПУ наиболее высоко были оценены следующие признаки (посчитано среднее число в группе): дружелюбие – 9, согласие – 7,5, удовлетворенность – 8, теплота – 9, согласованность – 8, сотрудничество – 8, успешность – 10. Результаты психологической оценки российских студентов лежат в тех же числовых границах, что свидетельствует о высокой эффективности проектной деятельности в снятии психологического напряжения при межкультурной коммуникации.

Что касается оценивания уровня овладения экстралингвистическими знаниями, оно проводилось в виде тестов, выполнения заданий на соотношение, подстановку, дополнение высказываний и диалогов. Контрольные срезы проводились после каждого проекта, анализ результатов позволил установить следующую закономерность: доля сокращения неверных ответов в каждом последующем тестировании иностранных студентов составила в среднем 31,02 %. Динамика роста положительных результатов тестирования по пяти проектам представлена на рис. 4.

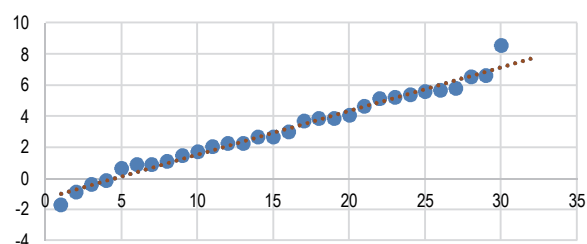

Рис. 4. Динамика роста результатов тестирования по итогам пяти проектов

Более подробного обзора заслуживают результаты финального тестирования на выявление уровня сформированности экстралингвистических знаний у иностранных студентов. Вопросы теста были представлены на русском языке с использованием лексических единиц соответствующего уровня владения. Студентам отводилось достаточно времени на подготовку, что позволило нивелировать помехи в виде языкового барьера при выполнении тестовых заданий. Соотношение результатов входного теста, проведенного до начала проектной деятельности, и итогового теста в обобщенном виде представлено в таблице.

Результаты входного и итогового тестов в рамках проектной деятельности студентов

Диапазон баллов тестового контроля		Входной тест, чел., %		Итоговый тест, чел., %	
0–18	Низкий	57	89%	6	9%
19–38	Средний	5	8%	23	36%
39–60	Высокий	2	3%	35	55%

Дополнительно были рассчитаны средние величины (среднее арифметическое, среднее гармоническое, медиана) по указанной в таблице выборке тестовых результатов.

вых результатов студентов. Все указанные выше средние величины входного теста намного ниже итогового. Важно отметить, что рассчитанная для общей выборки результатов ответов студентов входного теста медиана (15) значительно меньше, чем медиана, определенная по результатам итогового теста (39). Все это также подтверждает, что наблюдается большая результативность обучения с использованием метода социокультурных профессионально-ориентированных проектов.

Анализ результатов итогового теста студентов ЭГ показал высокую степень их осведомленности в социокультурной, социокультурной и общепрофессиональной сферах. Рост среднего значения результатов тестирования прослеживался системно, при этом наибольшее абсолютное (21,072) было получено при сравнении выборки первого и третьего проектов. Это позволило подтвердить, что обучение с использованием социокультурных профессионально-ориентированных проектов статистически значимо, т.е. имеет эффект.

Заключение

Использование социокультурных профессионально-ориентированных проектов в обучении русскому языку как иностранному студентов-переводчиков позволяет достичь следующих результатов:

- развить навыки самостоятельной и поисково-исследовательской работы;
- стимулировать творческую активность и инициативу в поиске оригинальных тем и решений;

– способствовать получению опыта межкультурного взаимодействия;

– формировать экстралингвистические знания для успешной социокультурной и профессиональной адаптации;

– формировать осознанность в освоении профессиональных дисциплин выбранной специальности;

– повысить мотивацию к осуществлению будущей профессиональной деятельности.

Условием успешной интеграции иностранных студентов в социокультурную среду является их вовлеченность в разного рода социокультурные практики. Это позволяет иностранцам делать первые шаги в выстраивании коммуникации с носителями изучаемого языка, включаться не только в учебный процесс, но и в активную внеучебную деятельность, познавая окружающую среду на изучаемом языке и средствами этого языка. В свою очередь, российские студенты – будущие переводчики, участвуя в совместных проектах с иностранными обучающимися, получают возможность прямого взаимодействия с представителями иных культур. Использование такой формы как проектная деятельность, позволяет добиться высоких результатов при формировании различных компетенций: социокультурной, межкультурной и (в определенной степени) профессиональной, поскольку уже на первом курсе студенты оказываются в поликультурном сообществе, а возможность создания проектного продукта наделяет их значимой долей самостоятельности и ответственности.

Список источников

1. Новоселов М.Н., Безукладников К.Э., Новоселова С.Н. Межкультурное взаимодействие как дидактическая стратегия и технологическая основа современного урока в контексте укрепления образовательного суверенитета Российской Федерации и развития общеучебных навыков и умений // Иностранные языки в школе. 2024. № 2. С. 15–21.
2. The Project Atlas 2022. URL: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Infographic_2022.pdf (дата обращения: 04.11.2024).
3. Малкова М.В. Использование интерактивных форм работы для формирования экстралингвистических знаний студентов на занятиях по иностранному языку // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Орел : ОГУ имени И.С. Тургенева, 2019. С. 573–575.
4. Малкова М.В. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде политехнического вуза при обучении русскому языку как иностранному // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 4. С. 121–129.
5. Поморцева Н.В. Лингвокультурная адаптация иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку в условиях языковой среды: социально-психологический аспект // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2008. № 5. С. 69–74.
6. Тьерри Л. Социокультурная адаптация иностранных студентов, обучающихся в российских вузах : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2012. 24 с.
7. Черникова И.Ю. Организационные модели социально-педагогического сопровождения обучающихся профильной школы. 2-е изд. перераб. и доп. Пермь : Титул, 2022. 358 с.
8. Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика: Приказ Минобрнауки от 12.08.2020 № 989 с изменениями от 26 ноября 2020 г., 19 июля 2022 г., 27 февраля 2023 г.
9. Поршнева Е.Р., Папилова Ю.О. Опыт обучения устному переводу в ситуации межкультурного взаимодействия: ситуативно-контекстный подход // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 128–143.
10. Симонова И.Ф. Социо-культурное проектирование: современные подходы и технологии. СПб. : Научное издание, 2020. 250 с.
11. Луков А.В. Социальное проектирование : учеб. пособие. 7-е изд. М. : Издательство Московского гуманитарного университета «Флинта», 2007. 240 с.
12. Палаева Л.И. Использование метода проектов на среднем этапе обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 20 с.
13. Починков Т.В. Формирование у студентов языкового вуза социокультурной компетенции : дис. ... канд. пед. наук. Гомель, 2012. 300 с.
14. Бухаркина М.Ю. Разработка учебного проекта. М., 2003. 152 с.
15. Жданова М.В. Формирование экстралингвистических знаний иностранных обучающихся политехнического вуза в процессе профессионально-ориентированной языковой подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пермь, 2024. 24 с.
16. Аликина Е.В., Починков Т.В. Организация профессионально ориентированной практической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации и переводу: опыт идейного сотрудничества белорусского и российского вузов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 140–147. doi: 10.17223/15617793/495/13
17. Воронина Л.А. Обоснование понятия экстралингвистической (фоновой) интерференции в обучении корейскому языку как иностранному // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2021. № 10. С. 36–47.
18. Полат Е.С. Метод проектов: история и теория вопроса. М. : Академия, 2010. 250 с.

19. Галеева Н.Л., Осипова О.П., Савенкова Е.В., Шклярова О.А., Черникова И.Ю. Подготовка научно-педагогических кадров: разработка и представление диссертационного исследования. 150-летию МПГУ посвящается: учебно-методическое пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. М. : МПГУ, 2022. 266 с.
20. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф. Фидлеру) // Online Test Pad: URL: <https://onlinetestpad.com/ru/testview/37393-metodika-ocenki-psikhologicheskoy-atmosfery-v-kollektive-po-affidleru> (дата обращения: 04.11.2024).

References

1. Novoselov, M.N., Bezukladnikov, K.E. & Novosyelova, S.N. (2024) *Mezhkul'turnoe vzaimodeystvie kak didakticheskaya strategiya i tekhnologicheskaya osnova sovremennogo uroka v kontekste ukrepleniya obrazovatel'nogo suverenita Rossijskoy Federatsii i razvitiya obshcheuchebnykh navykov i umeniy* [Intercultural Interaction as a Didactic Strategy and Technological Basis of a Modern Lesson in the Context of Strengthening the Educational Sovereignty of the Russian Federation and Developing General Educational Skills and Abilities]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2. pp. 15–21.
2. IIE. (2022) *The Project Atlas 2022*. [Online] Available from: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Infographic_2022.pdf (Accessed: 04.11.2024).
3. Malkova, M.V. (2019) [The Use of Interactive Forms of Work for the Formation of Extralinguistic Knowledge of Students in Foreign Language Classes]. *Lingvistika, perevodovedenie i metodika obucheniya inostrannym yazykam: aktual'nye problemy i perspektivy* [Linguistics, Translation Studies and Methods of Teaching Foreign Languages: Current Problems and Prospects]. Proceedings of the I All-Russian Conference with International Participation. Oryol: OSU. pp. 573–575. (In Russian).
4. Malkova, M.V. (2019) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov k obrazovatel'noy srede politekhnicheskogo vuza pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students to the Educational Environment of a Polytechnic University When Teaching Russian as a Foreign Language]. *Vestnik PNI PU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 4. pp. 121–129.
5. Pomortseva, N.V. (2008) *Lingvokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh uchashchikhsya v protsesse obucheniya russkomu yazyku v usloviyakh yazykovoy sredy: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt* [Linguocultural Adaptation of Foreign Students in the Process of Teaching Russian in a Language Environment: Socio-Psychological Aspect]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*. 5. pp. 69–74.
6. Terri, L. (2012) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov, obuchayushchikhsya v rossiyskikh vuzakh* [Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students Studying in Russian Universities]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
7. Chernikova, I.Yu. (2022) *Organizatsionnye modeli sotsial'no-pedagogicheskogo soprovozhdeniya obuchayushchikhsya profil'noy shkoly* [Organizational Models of Social and Pedagogical Support for Students of a Profile School]. 2nd Ed. Perm: Titul.
8. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2023) *On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Field of Study 45.03.02 Linguistics: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 12.08.2020 No. 989 as amended on November 26, 2020, July 19, 2022, February 27, 2023*. (In Russian).
9. Porshneva, E.R. & Papilova, Yu.O. (2018) *Opyt obucheniya ustnomu perevodu v situatsii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya: situativno-kontekstnyy podkhod* [Experience in Teaching Oral Translation in a Situation of Intercultural Interaction: Situational-Contextual Approach]. *Vestnik PNI PU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 1. pp. 128–143.
10. Simonova, I.F. (2020) *Sotsio-kul'turnoe proektirovanie: sovremennye podkhody i tekhnologii* [Socio-Cultural Design: Modern Approaches and Technologies]. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.
11. Lukov, A.V. (2007) *Sotsial'noe proektirovanie* [Social Design]. 7th Ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta "Flinta".
12. Palayeva, L.I. (2005) *Ispol'zovanie metoda proektov na srednem etape obucheniya inostrannym yazykam v obshcheobrazovatel'noy shkole* [The Use of the Project Method at the Middle Stage of Teaching Foreign Languages in a Comprehensive School]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
13. Pochinok, T.V. (2012) *Formirovanie u studentov yazykovogo vuza sotsiokul'turnoy kompetentsii* [Formation of Sociocultural Competence in Students of a Linguistic University]. Pedagogics Cand. Diss. Gomel.
14. Bukharkina, M.Yu. (2003) *Razrabotka uchebnogo proekta* [Development of an Educational Project]. Moscow.
15. Zhdanova, M.V. (2024) *Formirovanie ekstralingvisticheskikh znaniy inostrannykh obuchayushchikhsya politekhnicheskogo vuza v protsesse professional'no-orientirovannoy yazykovoy podgotovki* [Formation of Extralinguistic Knowledge of Foreign Students of a Polytechnic University in the Process of Professionally Oriented Language Training]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Perm.
16. Alikina, E.V. & Pochinok, T.V. (2023) *Organization of Professionally Oriented Practical Training of Specialists in Intercultural Communication and Translation: Experience of Ideological Cooperation between Belarusian and Russian Universities*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 140–147. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/13
17. Voronina, L.A. (2021) *Obosnovanie ponyatiya ekstralingvisticheskoy (fonovoy) interferentsii v obuchenii koreyskomu yazyku kak inostrannomu* [Substantiation of the Concept of Extralinguistic (Background) Interference in Teaching Korean as a Foreign Language]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal "Kontsept"*. 10. pp. 36–47.
18. Polat, E.S. (2010) *Metod proektov: istoriya i teoriya voprosa* [Project Method: History and Theory of the Issue]. Moscow: Akademiya.
19. Galeeva, N.L. et al. (2022) *Podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov: razrabotka i predstavlenie dissertatsionnogo issledovaniya. 150-letiyu MPGU posvyayshchayetsya: uchebno-metodicheskoe posobie dlya magistrantov, aspirantov i soiskateley* [Training of Scientific and Pedagogical Personnel: Development and Presentation of a Dissertation Research. Dedicated to the 150th Anniversary of MPSU: Educational and Methodological Guide for Master's Students, Postgraduate Students and Applicants]. Moscow: MPSU.
20. Onlinetestpad.com. (2024) *Metodika otsenki psikhologicheskoy atmosfery v kollektive (po A.F. Fidleru)* [Methodology for Assessing the Psychological Atmosphere in a Team (by A.F. Fiedler)]. [Online] Available from: <https://onlinetestpad.com/ru/testview/37393-metodika-otsenki-psikhologicheskoy-atmosfery-v-kollektive-po-affidleru> (Accessed: 04.11.2024).

Информация об авторах:

Жданова М.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: malk.maria@mail.ru

Аликина Е.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: alikhina@pstu.ru

Черникова И.Ю. – д-р пед. наук, проректор по образовательной деятельности Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: iyuchernikova@pstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Zhdanova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: malk.maria@mail.ru

E.V. Alikina, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Foreign Languages, Linguistics and Translation Department, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: alikina@pstu.ru

I.Yu. Chernikova, Dr. Sci. (Pedagogics), Vice-Rector for Academic Affairs, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: iyuchernikova@pstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.11.2024;
одобрена после рецензирования 11.12.2024; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 17.11.2024;
approved after reviewing 11.12.2024; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.111.22
doi: 10.17223/15617793/512/21

Реализация интеллектуально-личностной направленности обучения иностранному языку в курсе по выбору «Германия и Россия в глобальной перспективе»

Андрей Александрович Колесников¹

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, kolesnikov@mgpu.ru*

Аннотация. Описана реализация интеллектуально-личностного потенциала языкового образования на основе иноязычного курса по выбору. Концепция курса опирается на интеллектосообразное понимание целей и принципов языкового образования, дополняется концепцией глобального образования и основывается на личностно ориентированной методике профильного обучения иностранным языкам. Описаны система целей, подходов и принципов, положенных в основу проектирования курса. Представлены некоторые технологические особенности организации учебного процесса, даны рекомендации относительно форм и приемов обучения, разработано тематическое планирование курса с использованием модульной системы.

Ключевые слова: интеллектуально-личностное обучение иностранному языку, курс по выбору, курс внеурочной деятельности, учащийся как поликультурный субъект, учащийся как социально-коммуникативная личность

Для цитирования: Колесников А.А. Реализация интеллектуально-личностной направленности обучения иностранному языку в курсе по выбору «Германия и Россия в глобальной перспективе» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 194–204. doi: 10.17223/15617793/512/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/21

Implementation of the intellectually and personally oriented approach to foreign language teaching in the elective course "Germany and Russia in a Global Perspective"

Andrei A. Kolesnikov¹

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation, kolesnikov@mgpu.ru*

Abstract. The teaching of foreign languages is gaining new significance in the context of the socio-humanitarian crises of recent years, the re-evaluation of values, and the increase in conflict and intolerance among various social groups. Language education must respond to these challenges by developing a broadly educated, erudite individual as a social communicative pluricultural personality. Foreign language teaching in high school and linguistic universities can implement its intellectual and personal potential through the elective foreign language course described in this article. The study is based on an integrated approach to developing the curriculum for the extracurricular course "Germany and Russia in a Global Perspective". Methodologically, the course concept relies on an intellect-oriented understanding of the goals and principles of language education, complemented by the concept of global education, and is based on a personally/interculturally/productively oriented cognitive-communicative methodology of foreign language teaching. The research progressed from empirical data obtained by the author through teaching experience to theoretical generalizations and the creation of the course concept and program. The conceptual foundation of the course consists of the system of goals, approaches, and principles described in the article, which form the basis of the program design and thematic plan. Some techniques of organizing the educational process are described according to three groups of principles. Recommendations are provided regarding the sequence of forms and methods of organizing work within the course themes; some of the presented techniques are original developments, such as the linguistic pluricultural self-portrait. A thematic planning of the course using a modular system has been developed. Thus, the described course represents a model for implementing an intellectually and personally oriented methodology for teaching foreign languages. Using the developed course as an example, a system of approaches and principles is demonstrated, reflected in the content and design of the educational process, resulting in the formation of a broadly educated, erudite individual as a pluricultural subject. This individual possesses the ability to understand their place and role in the global multicultural society, their multiple identities (social, cultural, national, professional, etc.), and can develop an individual model of communicative behaviour based on the comprehension, critical evaluation, and selection of speech products, their verification from different sources in different languages, and interpretation based on pluricultural and plurilingual erudition.

Keywords: intellectually and personally oriented foreign language education, elective course, extracurricular course, learner as pluricultural subject, learner as social communicative personality

For citation: Kolesnikov, A.A. (2025) Implementation of the intellectually and personally oriented approach to foreign language teaching in the elective course "Germany and Russia in a Global Perspective". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp.194–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/21

Введение

Обучение иностранным языкам (далее ИЯ) обретает новые смыслы в свете социогуманитарных и технологических трансформаций последних лет. Под социогуманитарными трансформациями мы понимаем социальные и политические кризисы, переосмысление ценностей ориентиров, возрастание конфликтности и непереносимости при взаимодействии разных социальных групп, информационную неопределенность и ненадежность ранее достоверных источников [1–3]. В плане технологических трансформаций нельзя обойти вниманием развитие искусственного интеллекта, который меняет как инструментальный подход к обучению ИЯ, так и способы использования языка [4]. Языковое образование, обладающее высочайшей степенью универсальности и культуроцентричности, не может не реагировать на вызовы последних лет. В складывающихся условиях целевым ориентиром становится не только формирование иноязычной коммуникативной компетенции в ее общепризнанном составе, но и развитие широко образованного, эрудированного человека как социально-коммуникативной поликультурной личности, способной осознавать свое место и роль в глобальном поликультурном обществе, свою культурную, национальную, социальную, профессиональную идентичность и прочие ее виды, разрабатывать индивидуальную модель коммуникативного поведения, основываясь на осмыслении, критическом анализе и отборе речевых продуктов, их проверке с использованием различных источников на нескольких языках, способной критически осмысливать и интерпретировать многоязычные потоки информации благодаря развитой поликультурной и полилингвальной эрудиции.

Очевидно, развитие описанных способностей подразумевает среди прочего очень хорошее владение ИЯ (точнее сказать, даже несколькими языками) на уровне, не ниже B2 (по шкале CEFR). Применительно к старшей ступени общеобразовательной школы указанный уровень превышает существующие требования образовательной программы ФРП СОО [5] к владению первым ИЯ (не говоря уже о втором и, возможно, третьем ИЯ), однако достижим в перспективе с учетом новых технических возможностей организации самостоятельной работы, включая языковой и коммуникативный тренинг с использованием искусственного интеллекта. При этом, как сказано выше, приоритет развития «классической» коммуникативной компетенции в будущем уменьшится и уступит место образовательному результату, имеющему интеллектуальную, личностную и социально-культурную ценность.

Применительно к вузу, особенно если речь идет о подготовке будущих педагогов или лингвистов-переводчиков, названный целевой приоритет представляется еще более значимым. Межкультурное языковое образование выдвигает высочайшие требования к развитию эрудиции и кругозора студента – особенно в эпоху, когда высшее образование становится инструментом «мягкой силы» (см. подробнее об этом в [6]).

Приоритет такого рода образовательной цели ставит непростой вопрос о способах ее достижения в

условиях небольшого количества учебных занятий как в школе, так и в вузе (даже языковом). Выход нам видится в разработке иноязычного курса по выбору, в основе которого лежит ранее обоснованная нами интеллектуально-личностная направленность языкового образования [1, 7].

Материалы и методы

Исследование основано на обобщении преподавательского опыта автора данной статьи в области немецкого и русского языков как иностранных, а также лингводидактики. Элементы описываемого курса, а также представленные в статье методические решения разрабатывались и апробировались автором в рамках следующих периодов преподавательской деятельности:

1. 2003–2006 гг., Лицей № 4 (г. Рязань), курсы по выбору «Германия в диалоге культур» и «Немецкая публицистика».

2. 2005–2018 гг., Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (г. Рязань), «Практический курс немецкого языка», «Лингвострановедение», «Межкультурная коммуникация в деловой среде», курсы по выбору «Немецкая публицистика и основы журналистики», «Профильное обучение ИЯ».

3. 2009–2021 гг., международные образовательные проекты совместно с Тюрингским институтом развития образования ThILLM (Германия: города Бад-Берка, Веймар, Эрфурт, Йена; Россия: города Рязань, Москва), результаты нашли отражение в опубликованных двуязычных пособиях [8, 9].

4. 2018–2023 гг., Московский городской педагогический университет, «Современные педагогические технологии», организация практико-ориентированных исследовательских проектов во время педагогической практики студентов бакалавриата.

5. 2023–2024 гг., Высшая школа экономики, «Развитие межкультурного кругозора обучающихся в контексте глобального образования» (курс по выбору для магистрантов).

Учебные материалы и опыт организации учебного процесса в рамках перечисленных дисциплин был концептуально обобщен и систематизирован в цели и задачах проектируемого курса «Германия и Россия в глобальной перспективе». Методологически концепция курса опирается на *интеллектосообразное* понимание целей и принципов языкового образования. В соответствии с этим пониманием важнейшим образовательным ориентиром является развитие у обучающегося сознательности и эрудиции, способности критически мыслить и самостоятельно находить свое место в культурно обусловленном коммуникативном пространстве как микро-, так и макросоциума. На первый план выходит воспитание социальной ответственности, личной свободы и готовности к самовыражению через осознанно выбранные стратегии коммуникативной деятельности [1]. Теоретические основы курса дополняются концепцией *глобального образования*, где сочетаются осознание общечеловеческой ценностной стратегии и ее актуализация в локальных тактиках действий, философское осмысление и конкретная реализация.

Глобальное образование обучает видению взаимосвязей и взаимозависимостей всех процессов, определяется как образование, системное по своей природе, всестороннее (холистическое) в своем подходе и своей структуре, использующее интеграцию как основную образовательную стратегию [10]. Наконец, концепция курса опирается на личностно- / межкультурно- / продуктивно ориентированную когнитивно-коммуникативную методику *профильного обучения ИЯ*, описанную И.Л. Бим [11].

Учет структурно-содержательных возможностей профильного обучения ИЯ позволил нам обратиться к анализу опыта разработки теоретических основ, создания рабочих программ и учебных пособий иноязычных курсов по выбору для 10–11 классов с углубленным обучением иностранному языку и языковых вузов. Изучение текущей ситуации с проектированием курсов по выбору на основе актуальных публикаций позволило сделать следующие выводы:

а) в настоящее время особое внимание уделяется разработке междисциплинарных, интегрированных предметно-языковых курсов по выбору в 10–11 классах и профессионально ориентированных дисциплин в вузе [12–14], в том числе дальнейшее развитие находит концепция профориентационного обучения ИЯ (А.А. Колесников) при проектировании курсов по выбору для среднего общего и среднего профессионального образования [15];

б) большое количество исследований посвящено разработке цифровой интерактивной образовательной среды и изучению ее возможностей для организации иноязычных курсов, в том числе для обучения отдельным специализированным или профессионально ориентированным аспектам [12, 16–18];

в) целый ряд исследований носит аспектный характер и посвящен развитию компонентов социокультурной, межкультурной и лингвокультурной компетенций в рамках проектируемых курсов [19, 20], отдельным группам речевых умений и их характеристикам (напр., экспрессивности высказывания) [21], в том числе в условиях мультимодальности общения [22], использованию различных методов и технологий обучения в проектируемых курсах [23, 24].

Отдельно отметим проблему некоторого угасания интереса к образовательным возможностям иноязычных элективных и факультативных курсов, что становится заметно при количественном анализе публикаций за последние 10 лет в сопоставлении с периодом 2000–2015 гг. Существующие исследования, как нетрудно заметить, не позволяют раскрыть в полной степени интеллектуально-личностный потенциал языкового образования средствами курса внеурочной/внеучебной деятельности (далее КВД), что и усиливает актуальность нашей работы.

Таким образом, настоящее исследование двигалось по направлению от эмпирических данных к теоретическим обобщениям и созданию на этой основе концепции, программы и содержания курса по выбору. Обоснование концепции и рабочей программы как отражения идей интеллектуально-личностного обучения ИЯ представлено в настоящей статье.

Результаты исследования

Проектирование рабочей программы КВД *«Германия и Россия в глобальной перспективе»* осуществлено на основе интегрированного подхода под эгидой интеллектуально-личностной методики обучения иностранным языкам, концептуальные основы которой представлены нами в [1, 7]. Курс объединяет содержание таких дисциплин, как «Немецкий язык», «Страноведение Германии», «Обществознание», а также привлекает сведения из широкого спектра социогуманитарных и филологических областей (история, литература, культуроведение, русский язык, английский язык и др.) с целью расширения кругозора учащегося, развития эрудиции и глобального мышления. Новизна программы и ее отличие от программ курсов страноведческой/культуроведческой направленности заключается в том, что проектируемый КВД ориентирован на решение наиболее актуальных задач современного языкового образования: развитие стратегий социализации в многополярном конфликтогенном обществе, способности к адаптации в многоязычном и поликультурном мире, готовности к осмысленной самоидентификации и сознательной самореализации с учетом культурной среды своего места жительства и понимания мировых глобальных тенденций. К системе образовательных задач, решаемых в КВД, следует также отнести формирование *индивидуализированной (поли)культуры* обучающегося, под которой мы понимаем развитие жизненного, культурного, ценностного самоопределения субъекта на основе расширения его кругозора, эрудиции, осознанного отбора ценностных ориентаций благодаря осмыслению аксиологических систем и установок как родной культуры, так и различных иных культурных сообществ, имеющих иногда не только различные, но даже противоречащие друг другу картины мира. Обучение иностранным языкам в целом и немецкому языку в частности направлено на формирование личности, способной принимать самостоятельные решения на основе всестороннего и критического анализа проблем. Языковое образование должно быть ориентировано на развитие умений действовать независимо, использовать различные современные форматы коммуникативных действий и брать на себя ответственность за свои поступки как на микроуровне (в рамках локального сообщества), так и на макросоциальном (межкультурном) уровне.

КВД «Германия и Россия в глобальной перспективе» призван усилить интеллектообразующий потенциал профильной дисциплины «Иностранный (немецкий) язык», изучаемой на углубленном уровне в 10–11-х классах (прежде всего, филологического / гуманитарного профиля) и в языковом вузе. Благодаря проблемно- и продуктивно ориентированному, многостороннему анализу исторических, социальных, культурных и геополитических тенденций развития Германии и России в контексте глобального мирового сообщества обучающиеся учатся преодолевать односторонность и узость взглядов, внимательно относиться к восприятию информации и данных на разных языках, понимать необ-

ходимость их верификации, осмысливать выбор коммуникативного формата, осознанно осуществлять социально значимые коммуникативные действия.

Таким образом, ведущей целью данного курса является развитие обучающегося как социально-коммуникативной личности [2, 25], которая

- обладает глубоким и всесторонним пониманием развития Германии, России и мирового сообщества, видя взаимосвязь исторических, социальных, культурных и политических явлений и процессов;
- использует критическое и творческое мышление в учебной и повседневной жизни;
- распознает разные виды информационных манипуляций, пропаганды, преднамеренного искажения информации на разных языках, не поддается влиянию манипулятивных стратегий;
- владеет стратегиями критического отбора и верификации информации на основе разных источников на разных языках;
- готова к постоянному самообразованию и обладает необходимыми навыками для автономного (само)обучения;
- способна к самопознанию и самоопределению в многоязычной и поликультурной среде;
- проявляет эмпатию, толерантность и уважение к разнообразию мнений, убеждений и традиций;
- противостоит всем формам шовинизма и догматическим идеологиям;
- чувствует гражданскую ответственность, начиная с местного уровня (район, город, страна) и распространяющуюся до мирового сообщества;
- принимает обдуманные решения и действует с учетом их долгосрочных последствий.

В соответствии с методологией курса, организация учебного процесса в рамках данного КВД опирается на а) принципы интеллектуально-личностного языкового образования; б) принципы глобального образования; в) принципы профильного обучения иностранному языку.

Принципы интеллектуально-личностного языкового образования [7].

1. *Принцип развития полилингвальной и поликультурной эрудиции*, который реализуется благодаря использованию различных видов полилингвальных заданий (на языковом, текстовом и дискурсивном уровнях), способствующих лучшему осмыслению языковой картины мира носителей немецкого, русского и – в порядке ознакомления и сопоставления – других языков. Например: на основе предложенных примеров на немецком, английском и русском языках проанализируйте объем значений понятия *“Raum”/“space”/«пространство»*. Изобразите поле значений и отметьте особым цветом область каждого языка. Приведите свои примеры и проверьте их корректность, используя инструменты корпуса DWDS и др. Опираясь на полилингвальные задания, мы можем выйти в область межкультурных сопоставлений, анализа и интерпретации, развития (лингво)культурного кругозора.

2. *Принцип интеллектуальной самоидентификации*, который в контексте данного курса означает сознательное и осмысленное личностное, жизненное,

социокультурное самоопределение благодаря выполнению проблемных и аналитических заданий по сопоставлению фактов и явлений социально-политической, исторической и культурной реальности обсуждаемых стран, осмыслению ценностной картины мира в изучаемых культурах и осмысленному поиску своей идентичности, в том числе при работе с «языковым поликультурным автопортретом».

3. *Принцип интеллектуальной социализации*. Этот принцип заключается, во-первых, в моделировании процесса социализации обучающегося через коммуникативную деятельность в межкультурных проблемных ситуациях. Обучающимся предоставляется возможность осознать свои коммуникативные склонности и интересы, а затем определить свои роли в различных видах социальной деятельности. Предлагаемые задания способствуют развитию социальной компетенции. В частности, учащиеся обучаются созданию современных иноязычных медиапродуктов, содержание которых касается локальных особенностей и проблем различных областей социальной деятельности (инфраструктура, туризм, урбанистика, образование, экология и пр.). Эти медиапродукты должны быть представлены глобальному читателю/слушателю/зрителю (носителю других языков и культур) – причем так, чтобы вызвать его интерес. Таким образом происходит социализация в глобальном пространстве через осмысление локальных вопросов и представление собственной позиции; одновременно развивается социальная компетенция при работе в группе или команде и осмысливается роль обучающегося в выбранной области. Вторая составляющая этого принципа направлена на формирование интеллектуальной гражданской ответственности. Языковое образование, обладая поликультурным и глобальным потенциалом, должно способствовать развитию важного социального качества – сознательности гражданина. Это качество включает в себя осмысленное и активное отношение к месту своего проживания, понимание его уникальных характеристик и возможностей развития в рамках глобальных тенденций, а также стремление к сохранению местной уникальности при одновременном усилении ее глобального значения.

4. *Принцип интеллектуальной продуктивности*. Этот принцип предполагает сознательную и ответственную организацию своей учебно-коммуникативной деятельности, направленную на достижение индивидуализированного оптимального результата как в аудиторное время, так и в рамках самостоятельной работы (включая повседневную жизнь). Результат (речевой/коммуникативный продукт) деятельности должен быть важен не только для самого учащегося, но и иметь значимость для его ближайшего окружения (одноклассников/одногоруппников, учителей, родителей и партнеров по коммуникации).

Принципы глобального образования (Я.М. Колкер, А.П. Лиферов и др., R. Hanvey [10, 26]).

1. *Формирование непредвзятого многостороннего взгляда на мир* (Perspective Consciousness; Multiple Perspectives). Взгляды учащегося формируются под воздействием целого ряда источников: родители, СМИ, друзья, школа и пр. Обучение в рамках данного курса

должно научить критически подходить к стереотипам и условностям, которые могут быть распространены в обществе, смотреть на одну точку зрения под разными углами / в разных перспективах, понимая, что в разных сообществах могут быть приняты разные нормы, взгляды и модели поведения.

2. *Осознание состояния планеты* ("State of the Planet" Awareness). Осознание глобальных проблем и рисков нашего мира (прежде всего, социальных: терроризм, войны, политическая и социальная нестабильность, нарушение прав человека, конфликты идеологий и ценностных картин мира и пр.) составляет содержание обучения. Каждая из этих проблем изучается с позиции разных культур и должна найти свое место в глобальной картине мира самого обучающегося. Однако задача обучения в рамках курса еще и в том, чтобы перенести глобальные риски на локальный уровень – определить, что каждый из них означает для родного региона, города, учащегося.

3. *Кросскультурная грамотность* (Cross-cultural Awareness). Понимание вариативности идей и социальных практик, существующих в разных культурных сообществах; способность корректно сопоставлять эти идеи и практики. Сюда же отнесем способность взглянуть на социальные практики своего сообщества глазами иных сообществ, и наоборот; способность определить конфликтогенные области и области, где возможен компромисс и консенсус; понимание важности сотрудничества в сфере глобальных приоритетов (например, экологии, космоса) даже при наличии острых конфликтов в других областях.

4. *Осознание динамики мировых процессов* (Knowledge of Global Dynamics). Исследование причин и следствий разных явлений, предугадывание/прогнозирование основных и побочных эффектов, моделирование процессов, принятие решений о способах избежать или снизить вероятность нежелательных последствий. Этот принцип реализуется в рамках КВД в ходе групповой работы, подготовки микроисследований, проектов.

5. *Осознание возможностей выбора* (Awareness of Human Choices). Этот принцип связан с предыдущим и определяет развитие ответственности за выбор той или иной перспективы, что также означает развитие чувства гражданской ответственности на локальном и глобальном уровнях. Принцип предполагает развитие понимания обучающихся долгосрочных эффектов от определенных действий, что реализуется, например, благодаря проблемно-познавательному заданию на составление и обоснование «цепочки следствий».

6. *Принцип интеграции и холистичности образования*. Глобальная цель учебной интеграции – развитие привычки многостороннего изучения любого явления для целостного представления о нем. Многосторонность означает учет всех подходов к тому или иному концепту – даже неожиданных. Например, ужасное понятие войны, которое в непосредственной перспективе оценивается исключительно негативно, в исторической перспективе приобретает некоторые позитивные «побочные эффекты»: как известно, крупные войны всегда стимулировали технический прогресс и целый ряд изобретений в

дальнейшем был перенесен в мирное использование. Интеграция имеет место, когда объединение отдельных элементов способствует лучшему пониманию как самих элементов, так и общей целостной картины.

Интеграция в рамках глобально ориентированного занятия обеспечивает не только взаимосвязь сухих фактов, но и анализ их значения для разных сфер жизни, вычленение ключевого процесса/явления и осмысление, в каких сферах они могут реализоваться и в каких модификациях, благодаря чему развивается тот самый глобальный кругозор. На занятиях в рамках описываемого КВД интеграция может внедряться благодаря построению содержания вокруг центрального феномена – метаконцепта, имеющего важное значение для социокультурного контекста обеих стран и глобальной культуры в целом, который должен обеспечивать возможность глобального интегративного/междисциплинарного взгляда: например, «Прогресс и общество», «Государственный символ», «Дом и семья» и пр.

Как нетрудно заметить, основанием для данной группы принципов также служит личностная ориентация в обучении ИЯ (в плане становления свободомыслящей индивидуальности, глубоко осознающей ответственность за окружающий мир и принимаемые решения, обладающей многосторонним видением прошлых, текущих и будущих проблем и тенденций развития общества), что гармонично согласуется с отечественным личностно ориентированным подходом.

Обратимся к принципам профильного обучения иностранному языку [11].

1. *Принципы социокультурной/культуроведческой/межкультурной коммуникативно-когнитивной направленности обучения*. Основная цель обучения заключается в развитии речевых и культурных компетенций учащихся через изучение языков. Это предполагает формирование личности с выраженными ценностными установками, осознание культурных особенностей и способность к взаимодействию с представителями других национальных культур. Тем самым реализуется стремление к взаимопониманию в международном контексте. Важным аспектом такого обучения является его роль в социальной адаптации старшеклассников (а также и студентов) в условиях современных международных, экономических и межкультурных вызовов.

2. *Принципы дифференциации и индивидуализации учебного процесса* предусматривают разнообразие форм и методов работы, позволяют учащимся выбирать конечный результат своей учебной деятельности. Это способствует тому, что обучающиеся могут самостоятельно определять свою учебную траекторию, выбирая, например, темы для обсуждения или участвуя в проектной деятельности.

3. *Принцип учета и развития профессиональной ориентации* реализуется благодаря нацеливанию учащихся на дальнейшее более глубокое освоение спектра профессий филологической и социогуманитарной направленности (культуролог, искусствовед, литературовед, переводчик, историк и пр.) как в русскоязычных, так и в немецкоязычных странах.

4. *Принцип возрастания удельного веса самостоятельности обучающихся* с акцентом на их осознанное отношение к организации учебной деятельности,

включая проектирование индивидуального образовательного маршрута.

5. *Принцип усиления речевого и социального взаимодействия обучающихся через использование ИЯ.*

6. *Принцип опоры на уже имеющийся опыт учения.* Обучение строится с учетом уже имеющихся знаний и опыта учащихся как в родном языке и родной культуре, так и в других ИЯ и опыта взаимодействия с другими национальными культурами и культурными слоями общества, что позволяет эффективно развивать их учебную и социальную (см. предыдущий принцип) компетенции.

7. *Принцип реализации преемственности языкового образования между всеми звеньями системы образования.* Применительно к проектируемому КВД этот принцип означает преемственность между филологическим профилем старшей ступени общего образования и различными социогуманитарными направлениями подготовки в вузе как в России, так и за рубежом, а также (в случае реализации КВД на уровне бакалавриата) преемственность между языковым вузом и различными социогуманитарными направлениями дальнейших ступеней образования (магистратура, аспирантура, поствузовское обучение).

8. *Принцип продуктивности* в нашем случае пересекается с принципом интеллектуальной продуктивности (см. первую группу принципов).

Таким образом, интеллектосообразная основа проектируемого курса обогащается личностно ориентированной направленностью языкового образования и создает концептуальный фундамент для разрабатываемой учебной программы.

Как известно, принципы определяют систему методов и приемов обучения. Вместе с тем при их отборе нельзя не учитывать специфические особенности курса по выбору. Совершенно очевидно, что такой курс должен вызывать интерес у учащихся, быть увлекательным для них. Однако фраза «учеба должна приносить радость», ставшая практически трюизмом, вводит в заблуждение многих (даже опытных) разработчиков курсов по выбору, когда во избежание излишних трудностей курсы буквально насыщаются геймификацией и всем, что включает в себя понятие «эдьютейнмент». Изучение иностранного языка всегда требует значительных усилий, и стремление сделать обучение доступным и привлекательным не означает, что учебный процесс должен превратиться исключительно в игру или развлечение. Важно, чтобы обучение приносило удовлетворение через интеллектуальные достижения. Наша практика показывает, что познавательные задачи могут быть так же увлекательны, как и игры, а сами игры могут требовать значительных умственных усилий, как, например, игра в шахматы. Познавательные вызовы не только стимулируют внутреннюю мотивацию, но и имеют важное воспитательное значение. Они прививают способность критически осмысливать информацию от учителя, учебника, интернет-ресурсов, искусственного интеллекта или СМИ, а не принимать ее в готовом виде. Ученики учатся делать собственные выводы, искать, анализировать и сопоставлять данные из различных источников.

С учетом сказанного обратимся к процессуально-технологической стороне организации обучения в рамках КВД и рассмотрим приемы и методы организации занятий, а также некоторые типы заданий, обусловленных совокупностью описанных принципов.

1. *Мотивирующие познавательные задания*, объединяющие коммуникативные и познавательные действия. Например: обсуждение цитат, интерпретация фрагментов художественных или документальных текстов, разбор ситуаций и пр.

2. *«Коммуникативная прогулка по классу».* Учащиеся перемещаются по классу, держа в руках карточки с проблемными высказываниями, вопросами или цитатами. В ходе свободной «прогулки» они находят партнеров, представляют им свои фразы, цитаты или вопросы, обсуждают ответы (проводят краткую дискуссию) и затем обмениваются карточками, продолжая движение по классу в течение нескольких минут.

3. *Полилингвальная работа:* познавательная и аналитико-сопоставительная деятельность с языковыми единицами или небольшими текстами на нескольких языках, в том числе незнакомых (см. некоторые рекомендации об этом в нашей монографии [27]).

4. *«Вихревые группы»* (группы переменного состава). Группы старшеклассников сначала работают над предложенными заданиями или текстом в одном составе (А-А-А, В-В-В, С-С-С), затем составы групп меняются по схеме: А-В-С, А-В-С, А-В-С. Представители из начальных групп презентуют результаты в новых группах. Все этапы строго ограничены по времени.

5. *«Кооперативное чтение».* Группа из четырех учащихся организованно работает над текстом, который разделен на части, используя специальную квадратную «вертушку». На каждой стороне вертушки написаны функции членов группы: «чтец», «переводчик», «аналитик» и «референт». Участники исполняют свои роли в рамках работы над каждой частью текста. По завершении работы вертушка вращается, и участники получают новые функции, что способствует разнообразию и расширению их учебного опыта. Работа может завершиться обсуждением в пленуме, где участники делятся своими выводами и наблюдениями. Также возможна трансформация в «вихревые группы», где учащиеся обмениваются идеями, чтобы более глубоко и всесторонне исследовать текст и его содержание.

6. *«Зиг-заг-дебаты».* Учащиеся формируют две команды: одна поддерживает предложенный тезис, а другая выступает против него. Они располагаются в двух рядах: «за» и «против». Первый участник в ряду «за» представляет аргумент в поддержку тезиса, а следующий участник в ряду «против» называет контраргумент. Дебаты продолжаются, участники поочередно высказывают свои аргументы и контраргументы. Дискуссия ведется до тех пор, пока у одной из команд не исчерпаются аргументы. Этот формат стимулирует учащихся развивать критическое мышление, умение анализировать аргументы и контраргументы, а также улучшает умения обоснованного высказывания.

7. *«Разговор в четырех углах».* Учитель ставит перед учащимися проблемный вопрос и предлагает четыре варианта ответов, каждый из которых ассоциирован с углом

классной комнаты (А, В, С, D). Учащиеся выбирают угол, соответствующий ответу, который они поддерживают, и обсуждают свой вариант в микрогруппах. В процессе обсуждения они разрабатывают аргументы и основания для своей позиции. После дискуссии в микрогруппах учитель проводит обсуждение в пленуме, где каждая группа представляет свои аргументы и отстаивает свою позицию перед всем классом.

8. *Разноуровневая самостоятельная работа.* Учащиеся образуют мини-группы, каждая из которых работает на своем уровне учебной автономии: а) с предложенным в пособии материалом, б) с рекомендованным интернет-источником, в) с самостоятельно отобранными источниками. Более высокий уровень самостоятельности предполагает более высокие требования к результату и повышенные баллы при оценивании. Итоги работы мини-групп следует обсудить либо в пленуме, либо в формате «вихревых групп».

9. *Дискуссия с распределением ролей:* включает независимых экспертов, заинтересованных лиц, представителей различных категорий населения. Обязательно назначается модератор из числа учащихся для руководства дискуссией.

10. *Социальные методы,* предполагающие выход за рамки класса: опрос общественного мнения, интервью, наблюдение, анкетирование и прочее с последующей презентацией результатов в группе.

Обратимся к содержанию и тематическому планированию курса.

Курс состоит из двух учебных модулей – основного и расширяющего – а также модуля самостоятельной работы. На каждый учебный модуль отведено 36 аудиторных часов в варианте КВД для школы и 72 часа – для вуза; для модуля самостоятельной работы выделяется ориентировочно 25 часов. Возможны несколько вариантов освоения курса.

1. При наличии одного занятия в неделю в течение одного года (т.е. всего 36 часов в школе или 72 часа в вузе) может быть изучен первый (основной) модуль при условии некоторого сокращения материала.

2. При наличии двух занятий в неделю на протяжении одного года или одного занятия в неделю в течение двух лет (т.е. 72 часа в школе или 144 часа в вузе) могут быть изучены первый и второй модули курса.

3. При наличии большего количества часов возможно не только изучить два модуля, но и выполнить все дополнительные задания из модуля самостоятельной работы, а также расширить курс дополнительными материалами.

Материал двух модулей постепенно усложняется как с языковой точки зрения, так и в плане актуализации универсальных мыслительных действий. Основной модуль в целом опирается на страноведческий и социокультурный аспект содержания обучения ИЯ при уровне владения языком В1+/В2 и развивает этот аспект благодаря усилению познавательных действий (анализ, синтез, критический отбор, верификация, сопоставление и пр.), в том числе с дополнительными материалами. Расширяющий (второй) модуль уже значительно выходит за рамки учебной программы, ориен-

тирован на расширение кругозора, на глобальное мышление (развитие холистической картины мира) и предполагает уровень владения языком не ниже В2+/С1. Высокие требования как к владению языком, так и к общекультурному развитию учащихся позволяют использовать данный модуль в лингвистических гимназиях, где немецкий язык традиционно изучается на очень высоком уровне, а также в языковых вузах.

Промежуточный контроль осуществляется посредством дифференцированного учебно-исследовательского проекта, в котором на основе самостоятельно выбранного вида учебно-исследовательской деятельности учащиеся создают авторский комплексный социально значимый продукт (чаще всего с использованием ряда языков) и защищают его на занятии. В основу такого вида деятельности положены разработанные профессором В. Халлетом комплексные компетентностно-ориентированные задания [28].

Таким образом, проектируемый курс предназначен для следующих целевых групп:

- 10–11-х классов лингвистических гимназий и лицеев;

- 11-х классов общеобразовательных школ, реализующих профильное обучение (филологический или социогуманитарный профиль при условии раннего начала изучения немецкого языка (со 2-го класса) и не менее 5–6 часов в неделю практического курса ИЯ в 10–11-х классах);

- 1–3-х курсов высших учебных заведений на специальностях/направлениях подготовки «Филология», «Педагогическое образование – Иностранный язык», «Лингвистика» в рамках практического курса немецкого языка (при условии владения языком на уровне не ниже В2 в терминах CEFR) или для организации курса по выбору.

Рассмотрим тематическое планирование.

Модуль 1. Государство и общество.

1. *Знакомство со страной: факты, мнения, стереотипы.*

Факты о Германии и России. Образ страны: из чего он складывается. Вклад стран в мировой прогресс. Понятия о стереотипах и предубеждениях по отношению к другим народам и культурам, способы их преодоления. Аутентичный материал: научно-популярная статья, энциклопедические и словарные статьи.

2. *Государственные символы: значение и интерпретация.*

Роль символов в современной культуре. Государственные символы и их значение. Символы и ценности: сопоставление текстов гимнов. Флаг и гимн. Основы геральдики. Вербальные и невербальные символы государств. Значение Конституции (Основного закона). Аутентичный материал: текст гимна, фрагменты Конституции / Основного закона, научно-популярная статья, телепередача.

3. *Государственное устройство.*

Государство как понятие. Государственное устройство Германии и России. Система власти, структурные принципы государства, политическая система. Межгосударственные объединения и организации (ЕС,

НАТО, ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ВТО и др.): преимущества и противоречия. Аутентичный материал: научно-популярные статьи, телепередачи, энциклопедические статьи.

4. Общественное устройство и нормы.

Что такое общество. Частная и общественная жизнь. Семья, социальные группы, профессия. Возрастные группы. Система образования и воспитания. Нормы поведения. Аутентичный материал: научно-популярные статьи, телепередачи, инфографика.

5. Культура и ценности.

Что такое культура. «Айсберг» как модель культуры, ее интерпретация. «Пирамида ценностей» для Германии, России и других стран. Личностные, общественные, общечеловеческие ценности. Различия в интерпретации ценностей. Обсуждение предметов искусства и литературы как отражения ценностей. Аутентичный материал: научно-популярные статьи, фрагменты фильмов, литературных произведений, пословицы и поговорки.

6. Дифференцированный учебно-исследовательский проект.

Подготовка одного из следующих языковых продуктов: аналитическая статья по одной из рассмотренных в модуле тем/проблем, туристический путеводитель (в том числе интерактивный) со страноведческими и культуроведческими комментариями, видеоподкаст по актуальной проблеме своего региона, ориентированный на немецкоязычного зрителя. Аутентичный материал: названные выше языковые продукты, используемые в качестве примеров-образцов.

Модуль 2. Прошлое, настоящее и будущее.

1. Уроки новейшей истории: достижения, ошибки, ответственность.

Тезисы немецкой и российской истории. Довоенные и военные годы в Германии, России и Европе. Холодная война. Германия как поле битвы Востока и Запада. Создание международных союзов. Конфликты и противоречия XXI в. Аутентичный материал: научно-популярная статья, литературные фрагменты (включая стихотворения), видеоподкаст, энциклопедическая статья.

2. Роль личности вчера, сегодня, завтра.

Проблема роли личности в истории. Выдающиеся люди Германии и России. Сравнительный анализ выдающихся личностей. Прогноз о роли личности в будущем: изучение разных точек зрения. Проблема самоидентификации, самоопределения.

Аутентичный материал: биографическая статья, литературные фрагменты, видеоинтервью, пословицы.

3. История и современность в искусстве, музыке, литературе.

Искусство в широком понимании как феномен. Краткий экскурс в историю немецкой литературы, сравнение с русской литературой. Тенденции в искусстве. Киноискусство. Музыкальная сцена. Приемы интерсемиотики: пересечение видов искусства, использо-

вание приемов одного вида в другом (например, приемов кинематографа в литературе). Самостоятельная творческая проба.

Аутентичный материал: литературные фрагменты, стихотворения, рецензии.

4. Межкультурная коммуникация сегодня: конфликты и компромиссы.

Понятия коммуникации, конфликта, компромисса. Стратегии устной и письменной межкультурной коммуникации. Разбор ситуаций межкультурных недопониманий ("Critical Incidents"). Медиация в межкультурной среде. Аутентичный материал: цитаты выдающихся людей, фрагменты публицистических статей, фрагменты ТВ-передач и фильмов, примеры Critical Incidents.

5. Прогнозы и перспективы.

Что такое прогнозирование. Прогнозы развития общества, культуры, экономики, политики. Прогнозы для Германии, России, ЕС, СНГ и др. Прогноз своего будущего.

Аутентичный материал: цитаты выдающихся людей, фрагменты публицистических статей и литературных произведений, фрагменты ТВ-передач.

6. Дифференцированный учебно-исследовательский проект.

Подготовка одного из следующих языковых продуктов: запись научно-популярного ток-шоу по проблемам, затронутым в модуле; презентация теоретико-экспериментальной работы по одной из тем, затронутых в модуле; короткометражный художественный фильм по рассмотренной в модуле проблематике. Аутентичный материал: названные выше языковые продукты, используемые в качестве примеров-образцов.

Модуль 3. Самостоятельная работа.

1. Дополнительные лексико-грамматические задания.

2. Дополнительные страноведческие и культуроведческие материалы с заданиями.

3. Языковой поликультурный автопортрет.

В проектируемой программе КВД даны рекомендации относительно форм и приемов организации работы в рамках каждой темы. Мы старались придерживаться общей схемы: познавательное интеллектуально-мотивирующее начало, ознакомление и тренировка в формате познавательного проблемно ориентированного поиска, реализация учебной самостоятельности в разных форматах коммуникации (обязательно с подключением полилингвального компонента), социальные практики, работа с языковым поликультурным автопортретом. Приведем примеры для первой и четвертой тем первого модуля.

Тема 1. Знакомство со страной: факты, мнения, стереотипы.

1. Мотивирующие познавательные задания: обсуждение афоризмов, цитат.

2. Организация «коммуникативной прогулки по классу» (*Klassenspaziergang*), обсуждение фактов о Германии, самостоятельный поиск фактов о России и других странах.

3. Полилингвальная работа с лексикой и дефинициями.

4. Кооперативное чтение, «вихревые группы» / группы переменного состава (*Wirbelgruppen*). Использование публицистических материалов на разных языках.

5. Дискуссии.

6. Опрос общественного мнения, презентация результатов.

7. Работа с поликультурным автопортретом.

Тема 4. Общественное устройство и нормы.

1. Мотивирующие познавательные задания: сопоставление содержания понятий, связанных с обществом и нормами, в разных культурах.

2. «Разговор в четырех углах» (*Vier-Ecken-Gespräch*): дискуссия о значимости норм, аргументирование разных позиций.

3. Полилингвальная работа с фрагментами статей на разных языках об общественно значимых нормах.

4. Работа на разных уровнях самостоятельности: а) с предложенным в пособии материалом; б) с рекомендованным интернет-источником; в) с самостоятельно отобранными источниками.

5. Работа с языковым поликультурным автопортретом.

Отметим, что языковой поликультурный автопортрет – наша авторская образовательная технология, ориентированная на осмысление собственной поликультурной идентичности. Последовательно двигаясь по пути освоения культурных универсалий, обучающийся постепенно и осознанно выстраивает собственную иерархию ценностей на основе понимания их значения в разных национальных культурах, социальных субкультурах, принимая для себя ту или иную позицию / точку зрения. Такая работа должна происходить на протяжении всего периода обучения. Один из вариантов реализации данной технологии описан нами в [7].

Выводы

Разработанная нами концепция и рабочая программа КВД «Германия и Россия в глобальной перспективе» представляют собой основу для создания полилингвально и поликультурно ориентированного курса, реализующего интеллектуально-личностную методику обучения ИЯ. Проектируемый КВД развивает стратегии социализации и коммуникативных действий в многополярном конфликтогенном обществе, способности к адаптации в многоязычном и поликультурном мире, готовности к осмысленной самоидентификации и сознательной самореализации с учетом культурной среды своего места жительства и понимания мировых глобальных тенденций. Одной из важных образовательных задач, решаемых в КВД, является формирование индивидуализированной (поли)культуры обучающегося, т.е. развитие жизненного, культурного самоопределения ученика или студента на ос-

нове расширения его кругозора, эрудиции, осознанного отбора ценностных ориентаций благодаря осмыслению аксиологических систем и установок разных культурных сообществ.

Концептуальную основу курса составила обоснованная в статье система целей, подходов и принципов, положенных в основу проектирования. Ведущей целью является развитие обучающегося как социально-коммуникативной личности, что подразумевает становление широко образованного, эрудированного человека как поликультурного субъекта, обладающего способностью к осознанию своего места и роли в глобальном поликультурном социуме, своей множественной идентичности (социальной, культурной, национальной, профессиональной и пр.), способного сформировать индивидуальную модель коммуникативного поведения на основе осмысления, критической оценки и селекции речевых продуктов, их верификации на основе разных источников на разных языках и интерпретации с опорой на поликультурную и полилингвальную эрудицию. Методологию курса составляют интеллектуально ориентированное направление обучения ИЯ, концепция глобального образования и личностно- / межкультурно- / продуктивно ориентированная когнитивно-коммуникативная методика профильного обучения ИЯ. Это определяет три группы принципов обучения в рамках КВД: принципы интеллектуально-личностного языкового образования, принципы глобального образования и принципы профильного обучения иностранному языку.

В соответствии с тремя группами принципов были описаны некоторые технологические особенности организации учебного процесса, а именно приемы и методы, используемые на занятиях курса, а также некоторые типы заданий. Нами даны рекомендации относительно последовательности форм и приемов организации работы в темах курса: познавательное интеллектуально-мотивирующее начало, ознакомление и тренировка в формате познавательного проблемно ориентированного поиска, реализация учебной самостоятельности в разных форматах коммуникации (обязательно с подключением полилингвального компонента), социальные практики, работа с языковым поликультурным автопортретом.

Разработано тематическое планирование КВД с использованием модульной системы: программа курса состоит из двух модулей (основного и расширяющего), каждый модуль – из шести тем. Промежуточный контроль по окончании каждого модуля осуществляется на основе дифференцированного учебно-исследовательского проекта.

Следующим этапом работы станет создание полной версии программы КВД, размещение программы на официальном сайте «Единое содержание общего образования» (раздел «Внеурочная деятельность»), а также разработка пособия курса.

Список источников

1. Колесников А.А. Интеллектуально ориентированное направление развития языкового образования // Иностранные языки в школе. 2023. № 1. С. 6–14.
2. Постмодернизм как доминанта развития системы образования в США и России / Т.Н. Бокова, В.Г. Малахова, Е.Г. Тарева [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2020. 224 с.
3. Тарева Е.Г. Языковое образование в эпоху постмодернизма: кризис системности или новая системность? // Язык и культура. 2021. № 53. С. 270–289. doi: 10.17223/19996195/53/17

4. Сысоев П.В. Использование технологий искусственного интеллекта в обучении иностранному языку: тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29, № 2. С. 294–308. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308
5. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Иностранный (немецкий) язык (углубленный уровень). Для 10–11 классов образовательных организаций. М. : ИСРО, 2023. 96 с. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp-nemeczkij-yazyk_10-11_uql.pdf (дата обращения: 06.07.2024).
6. Тарева Е.Г. Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 94–101.
7. Колесников А.А. Принципы интеллектуально ориентированного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2023. № 2. С. 7–16.
8. Организация обучения речевому взаимодействию на занятиях по немецкому и русскому языкам как иностранным. Интеракция и медиация : Двухязычное научно-методическое издание / У. Бер, А.А. Колесников, Л.А. Алексанова [и др.]; под общ. ред. У. Бер, А.А. Колесникова. Bad Berka : Thüringer Institut für Lehrerfortbildung, Lehrplanentwicklung und Meiden. Gutenberg Druckerei GmbH Weimar, 2014. 160 с.
9. Развитие самостоятельности учащихся на занятиях по немецкому и русскому языкам как иностранным. От теории к практическим решениям / А.А. Колесников, Л.А. Алексанова, У. Бер [и др.]. Bad Berka : Thüringer Institut für Lehrerfortbildung, Lehrplanentwicklung und Medien. Faszination Media+Event GmbH, 2021. 132 с.
10. Образование для будущего в глобальной перспективе / Я.М. Колкер, В.А. Крючков, А.П. Лиферов [и др.]. М. : Азбуковник, 2005. 364 с.
11. Бим И.Л. Профильное обучение иностранным языкам на старшей ступени общеобразовательной школы: проблемы и перспективы. М. : Просвещение, 2007. 168 с.
12. Красильникова В.Г., Донскова Ю.В., Красильникова П.Ю. Английский язык для медицинских целей: в поисках оптимального формата обучения // Перспективы науки и образования. 2023. № 1 (61). С. 185–204. doi: 10.32744/pse.2023.1.11
13. Протасова Н.В. Особенности создания элективных курсов по иностранному языку с учетом межпредметных связей в средней общеобразовательной школе // Наука и образование. 2023. Т. 6, № 2.
14. Тарева Е.Г., Тарев Б.В., Савкина Е.А. Полиподходность и междисциплинарность – perpetuum mobile развития лингводидактики // Язык и культура. 2022. № 57. С. 274–291. doi: 10.17223/19996195/57/14
15. Сысоев П.В., Белоусов А.С. Разработка методики профориентационного обучения иностранному языку обучающихся гуманитарного профильного класса на основе интегрированного подхода // Перспективы науки и образования. 2022. № 5 (59). С. 247–263. doi: 10.32744/pse.2022.5.15
16. Краснощекова Г.А., Лозовой А.Ю., Трещ А.С. Методические основы разработки и реализации онлайн-курса Business writing and e-mailing в рамках формирования цифровой образовательной среды университета // Язык и культура. 2021. № 55. С. 250–262. doi: 10.17223/19996195/55/16
17. Куновски М.Н., Диневич И.А., Майерс Г.Н. Новый взгляд на использование массовых открытых онлайн-курсов в обучении русскому языку как иностранному // Язык и культура. 2021. № 54. С. 224–242. doi: 10.17223/19996195/54/13
18. Салосина И.В., Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Педагогический дизайн электронного курса по письму для иностранных учащихся инженерного профиля // Язык и культура. 2020. № 50. С. 242–257. doi: 10.17223/19996195/50/16
19. Добрицкая М.С., Тамбовкина Т.Ю. Интеграция русскоязычного компонента в обучение иностранным языкам в неязыковом вузе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 3. С. 83–89.
20. Языкова Н.В., Луткова Е.С. Элементарная лингвокультурологическая компетенция как цель обучения в рамках филологически ориентированного элективного курса в профильной школе // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 15-1. С. 211–214.
21. Рубцова Ю.Ю. Предпосылки обучения экспрессивной устной и письменной речи на английском языке на 1–2 курсах языкового вуза // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 9-2. С. 117–121. doi: 10.37882/2223-2982.2023.9-2.31
22. Данилин М.В., Милованова Л.А. Обучение старшеклассников аудированию в условиях англоязычной мультимодальной коммуникации посредством обучающей программы на базе MOODLE // Открытое образование. 2022. Т. 26, № 3. С. 46–55. doi: 10.21686/1818-4243-2022-3-46-55
23. Брыкина И.Е., Деркач А.К. Использование кейс-метода для развития лексических компетенций студентов медицинских специальностей в курсе «Иностранный (французский) язык в профессиональной сфере» // Язык и культура. 2023. № 62. С. 183–198. doi: 10.17223/19996195/62/10
24. Ариян М.А., Татаурова Е.М. Иноязычный коммуникативный тренинг как средство социального развития личности старшеклассника в условиях современного информационного общества // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 182–189. doi: 10.17223/15617793/454/21
25. Esteve O. Was für eine explizite Spracharbeit erfordert die Kompetenzorientierung? Konkretisierung des (noch nicht ganz sichtbaren) Sprachkonzepts im GER // Fremdsprachen in Lehre und Forschung. Der Gemeinsame Europäische Referenzrahmen für Sprachen und seine Adaption im Hochschulkontext. Erträge des 6. Bremer Symposiums / A. Brandt, A. Buschmann-Göbels, Cl. Harsch (Hg.). Bochum : AKS-Verlag, 2018. P. 35–51.
26. Hanvey R.G. An attainable global perspective // Theory Into Practice. 1982. Vol. 21, Is. 3. P. 162–167. doi: 10.1080/00405848209543001
27. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу / О.В. Афанасьева, К.М. Баранова, Н.В. Барышников [и др.]. М. : ООО «Издательский дом ВКН», 2021. 328 с. doi: 10.54449/9785907086890
28. Hallet W. Die komplexe Kompetenzaufgabe // Der fremdsprachliche Unterricht Englisch. 2013. Vol. 47, 124. P. 2–9.

References

1. Kolesnikov, A.A. (2023) Intel'ktual'no or'ientirovannoe napravlenie razvitiya yazykovogo obrazovaniya [Intellectually Oriented Direction of Language Education Development]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1. pp. 6–14.
2. Bokova, T.N., Malakhova, V.G. & Tareva, E.G. et al. (2020) *Postmodernizm kak dominantnaya razvitiya sistemy obrazovaniya v SShA i Rossii* [Postmodernism as the Dominant of the Education System Development in the USA and Russia]. Moscow: Yazyki narodov mira.
3. Tareva, E.G. (2021) Yazykovoe obrazovanie v epokhu postmodernizma: krizis sistemnosti ili novaya sistemnost'? [Language Education in the Postmodern Era: A Crisis of Systemicity or a New Systemicity?]. *Yazyk i kul'tura*. 53. pp. 270–289. doi: 10.17223/19996195/53/17
4. Sysoev, P.V. (2024) Ispol'zovanie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannomu yazyku: tematika metodicheskikh rabot za 2023 god i perspektivy dal'neyshikh issledovaniy [The Use of Artificial Intelligence Technologies in Foreign Language Teaching: Topics of Methodological Works in 2023 and Prospects for Further Research]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 29 (2). pp. 294–308. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308
5. Edsoo.ru. (2023) *Federal'naya rabochaya programma srednego obshchego obrazovaniya. Inostrannyy (nemetskiy) yazyk (uglublennyy uroven')*. Dlya 10–11 klassov obrazovatel'nykh organizatsiy [Federal Curriculum of Secondary General Education. Foreign (German) Language (Advanced Level). For Grades 10–11 of Educational Organizations]. Moscow: ISRO. [Online] Available from: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp-nemeczkij-yazyk_10-11_uql.pdf (Accessed: 06.07.2024).
6. Tareva, E.G. (2016) Obuchenie yazyku i kul'ture: instrument "myagkoy sily"? [Teaching Language and Culture: A Tool of "Soft Power"?]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 3 (23). pp. 94–101.
7. Kolesnikov, A.A. (2023) Printsipy intellektual'no or'ientirovannogo yazykovogo obrazovaniya [Principles of Intellectually Oriented Language Education]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2. pp. 7–16.
8. Ber, U. & Kolesnikov, A.A. (eds) (2014) *Organizatsiya obucheniya rechevomu vzaimodeystviyu na zanyatiyakh po nemetskomu i russkomu yazykam kak inostrannym. Interaktsiya i mediatsiya* [Organizing the Teaching of Speech Interaction in Classes of German and Russian as Foreign Languages. Interaction and Mediation]. Bad Berka: Thüringer Institut für Lehrerfortbildung, Lehrplanentwicklung und Meiden. Gutenberg Druckerei GmbH Weimar.

9. Kolesnikov, A.A. et al. (2021) *Razvitie samostoyatel'nosti uchashchikhsya na zanyatiyakh po nemetskomu i russkomu yazykam kak inostrannym. Ot teorii k prakticheskim resheniyam* [Developing Learner Autonomy in Classes of German and Russian as Foreign Languages. From Theory to Practical Solutions]. Bad Berka: Thüringer Institut für Lehrerfortbildung, Lehrplanentwicklung und Medien. Faszination Media+Event GmbH.
10. Kolker, Ya.M., Kryuchkov, V.A. & Liforov, A.P. et al. (2005) *Obrazovanie dlya budushchego v global'noy perspektive* [Education for the Future in a Global Perspective]. Moscow: Azbukovnik.
11. Bim, I.L. (2007) *Profil'noe obuchenie inostrannym yazykam na starshey stupeni obshcheobrazovatel'noy shkoly: problemy i perspektivy* [Profile-Based Foreign Language Teaching at the Senior Level of Comprehensive School: Problems and Prospects]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Krasil'nikova, V.G., Donskova, Yu.V. & Krasil'nikova, P.Yu. (2023) *Anglijskiy yazyk dlya medicinskih tseley: v poiskakh optimal'nogo formata obucheniya* [English for Medical Purposes: In Search of the Optimal Training Format]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 1 (61). pp. 185–204. doi: 10.32744/pse.2023.1.11
13. Protasova, N.V. (2023) *Osobennosti sozdaniya elektivnykh kursov po inostrannomu yazyku s uchetom mezhpredmetnykh svyazey v sredney obshcheobrazovatel'noy shkole* [Peculiarities of Creating Elective Courses in a Foreign Language Taking into Account Interdisciplinary Links in a Comprehensive Secondary School]. *Nauka i obrazovanie*. 6 (2).
14. Tareva, E.G., Tarev, B.V. & Savkina, E.A. (2022) *Polipodkhnodnost' i mezhdistitsiplinarnost' – perpetuum mobile razvitiya lingvodidaktiki* [Poly-Approach and Interdisciplinarity – Perpetuum Mobile of Linguodidactics Development]. *Yazyk i kul'tura*. 57. pp. 274–291. doi: 10.17223/19996195/57/14
15. Sysoev, P.V. & Belousov, A.S. (2022) *Razrabotka metodiki proforientatsionnogo obucheniya inostrannomu yazyku obuchayushchikhsya gumanitarnogo profil'nogo klassa na osnove integrirovannogo podkhoda* [Development of a Methodology for Career-Oriented Foreign Language Teaching for Students of a Humanities Profile Class Based on an Integrated Approach]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5 (59). pp. 247–263. doi: 10.32744/pse.2022.5.15
16. Krasnoshchekova, G.A., Lozovoy, A.Yu. & Trach, A.S. (2021) *Metodicheskie osnovy razrabotki i realizatsiya onlayn-kursa Business writing and e-mailing v ramkakh formirovaniya tsifrovoy obrazovatel'noy sredy universiteta* [Methodological Foundations for the Development and Implementation of the Online Course "Business Writing and E-Mailing" Within the Formation of the University's Digital Educational Environment]. *Yazyk i kul'tura*. 55. pp. 250–262. doi: 10.17223/19996195/55/16
17. Kunovskiy, M.N., Dinevich, I.A. & Mayers, G.N. (2021) *Novyy vzglyad na ispol'zovanie massovykh otkrytykh onlayn-kursov v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [A New Look at the Use of Massive Open Online Courses in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Yazyk i kul'tura*. 54. pp. 224–242. doi: 10.17223/19996195/54/13
18. Salosina, I.V., Gritsenko, L.M. & Demidova, T.A. (2020) *Pedagogicheskiy dizayn elektronnoy kursa po pismu dlya inostrannykh uchashchikhsya inzhenerenogo profilya* [Pedagogical Design of an E-Course on Writing for Foreign Engineering Students]. *Yazyk i kul'tura*. 50. pp. 242–257. doi: 10.17223/19996195/50/16
19. Dobrivskaya, M.S. & Tambovkina, T.Yu. (2017) *Integratsiya rossiavedcheskogo komponenta v obuchenie inostrannym yazykam v neyazykovom vuze* [Integration of the Russian Studies Component into Foreign Language Teaching at a Non-Linguistic University]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. 3. pp. 83–89.
20. Yazykov, N.V. & Lutkova, E.S. (2015) *Elementarnaya lingvokul'turologicheskaya kompetentsiya kak tsel' obucheniya v ramkakh filologicheskii orientirovannogo elektivnogo kursa v profil'noy shkole* [Elementary Linguocultural Competence as a Learning Goal Within a Philologically Oriented Elective Course in a Profile School]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15-1. pp. 211–214.
21. Rubtsova, Yu.Yu. (2023) *Predposylki obucheniya ekspressivnoy ustnoy i pis'mennoy rechi na angliyskom yazyke na 1–2 kursakh yazykovogo vuza* [Prerequisites for Teaching Expressive Oral and Written Speech in English in the 1st and 2nd Years of a Linguistic University]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 9-2. pp. 117–121. doi: 10.37882/2223-2982.2023.9-2.31
22. Danilin, M.V. & Milovanova, L.A. (2022) *Obuchenie starsheklassnikov audirovaniyu v usloviyakh angloyazychnoy mul'timodal'noy kommunikatsii posredstvom obuchayushchey programmy na baze MOODLE* [Teaching High School Students Listening Comprehension in the Context of English-Language Multimodal Communication Through a Training Program Based on MOODLE]. *Otkrytoe obrazovanie*. 26 (3). pp. 46–55. doi: 10.21686/1818-4243-2022-3-46-55
23. Bryksina, I.E. & Derkach, A.K. (2023) *Ispol'zovanie keys-metoda dlya razvitiya leksicheskikh kompetentsiy studentov medicinskih spetsial'nostey v kurse "Inostranny (frantsuzskiy) yazyk v professional'noy sfere"* [Using the Case Method to Develop Lexical Competences of Medical Students in the Course "Foreign (French) Language in the Professional Sphere"]. *Yazyk i kul'tura*. 62. pp. 183–198. doi: 10.17223/19996195/62/10
24. Aryan, M.A. & Tataurova, E.M. (2020) *Foreign Language Communicative Training as a Means of Senior Students' Personality Social Development in the Conditions of a Modern Information Society*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 182–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/454/21
25. Esteve, O. (2018) *Was für eine explizite Spracharbeit erfordert die Kompetenzorientierung? Konkretisierung des (noch nicht ganz sichtbaren) Sprachkonzepts im GER*. In: Brandt, A., Buschmann-Göbels, A. & Harsch, Cl. (eds) *Fremdsprachen in Lehre und Forschung. Der Gemeinsame Europäische Referenzrahmen für Sprachen und seine Adaption im Hochschulkontext. Erträge des 6. Bremer Symposions*. Bochum: AKS-Verlag. pp. 35–51.
26. Hanvey, R.G. (1982) *An attainable global perspective*. *Theory Into Practice*. 21 (3). pp. 162–167. doi: 10.1080/00405848209543001
27. Afanas'eva, O.V., et al. (2021) *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur: ot dialoga k politologu* [Interaction of Languages and Cultures: From Dialogue to Polylogue]. Moscow: OOO "Izdatel'skiy dom VKN". doi: 10.54449/9785907086890
28. Hallet, W. (2013) *Die komplexe Kompetenzaufgabe*. *Der fremdsprachliche Unterricht Englisch*. 47 (124). pp. 2–9.

Информация об авторе:

Колесников А.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: kolesnikov@mgpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrei A. Kolesnikov, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kolesnikov@mgpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.12.2024;
одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 05.12.2024;
approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/512/22

Сохранение культурной идентичности студентов вуза средствами физической культуры и спорта

Наталья Сергеевна Панчук¹

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия, p_natalya01@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы культурной идентичности, дана конкретизация понятий «культура», «культурная идентичность», «физическая культура», «спорт». Проанализированы способы сохранения культурной идентичности студентов из различных регионов России. Результаты опроса студенческой молодежи по проблеме исследования показали, что для большинства обучающихся культурная идентичность понимается как определенные нормы, ценности, традиции и язык. Исследование показало, что студенты охотно посещают национальные, традиционные и спортивные праздники в своем регионе. По мнению студенческой молодежи, спорт оказывает благоприятное влияние на сохранение культурной идентичности человека.

Ключевые слова: культура, культурная идентичность, физическая культура, спорт, национальные виды спорта, студенты вуза

Для цитирования: Панчук Н.С. Сохранение культурной идентичности студентов вуза средствами физической культуры и спорта // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 205–211. doi: 10.17223/15617793/512/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/22

Preservation of university students' cultural identity by means of physical culture and sports

Natalya S. Panchuk¹

¹ Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, p_natalya01@mail.ru

Abstract. Cultural identity is the attitude of a person towards oneself, other people, and society. The substantiation of the role of physical culture and sports in preserving the cultural identity of university students becomes interesting for us, since sports and national sports provide opportunities to come into contact with the language, customs, and traditions of the region, the republic. Thanks to physical culture and sports, through physical culture and recreational activities (non-traditional sports, national sports, folk games), students have the opportunity not only to acquire sports skills and abilities, but also to strengthen friendship and interaction between students of different nationalities. This paper presents an analytical study of concepts such as "culture", "personal culture", and "cultural identity", and examines the classification of national sports and traditional athletic games of Russia. A survey was conducted among students from various regions of Russia on issues related to the development of physical culture and sports, the organization of national sporting events and festivals, as well as traditional games and competitions. Among the key characteristics of cultural identity, the following were highlighted: conscious self-identification with a specific cultural group through adherence to traditions and customs, and an individual's awareness of belonging to a particular cultural community. According to the students, national sports include those that originated in or are most popular in a specific region, such as mas-wrestling (Yakutia), stone lifting (Khakassia), kereşu wrestling (Chuvashia), lapta (Veliky Novgorod), dog sled racing (Kamchatka), and hunting ski races (Komi). The implementation of sports and national physical culture projects among student youth contributes to the formation of traditional, moral, cultural, and spiritual-ethical values. A focus of state youth policy on improving student health is an important strategic objective. Preparing students for future professional activities and fostering harmoniously developed individuals who are intellectually, psychologically, and physically healthy, and capable of communicating and collaborating with people of different nationalities, cultural backgrounds, and religions, contributes to the development of a competitive state. Cultural identity is a distinct phenomenon that strengthens an individual's historical, cultural, and traditional perspectives. National sports help preserve a person's cultural identity, as engagement in these activities introduces them to the history, customs, culture, traditions, and unique characteristics of a region, republic, or country.

Keywords: culture, cultural identity, physical education, sports, national sports, university students

For citation: Panchuk, N.S. (2025) Preservation of university students' cultural identity by means of physical culture and sports. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 205–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/22

Введение

Ориентир государственной молодежной политики на укрепление здоровья студентов – важная стратегическая задача России. Нацеленность на подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности и формирование гармонично развитых, интеллектуально, психологически и физически здоровых людей, умеющих коммуницировать и сотрудничать с людьми различных национальностей, культурных сообществ, религий, способствует развитию конкурентоспособного государства. Культурная идентичность – определенный феномен, направленный на укрепление исторических, культурных и традиционных взглядов личности. Сохранение культурной идентичности студентов высшей школы средствами физической культуры и спорта – актуальное исследование. Спорт как компонент народной культуры, объединяющий членов общества, способствует укреплению социокультурных связей. Благодаря спорту общество имеет возможности для самоорганизации на основе сложившихся традиций. Успехи спортсменов на спортивной арене способствуют тому, что спорт становится одним из факторов формирования национальной идентичности, элементом бренда и привлекательности региона и страны в целом.

Цель исследования – обосновать роль физической культуры и спорта в сохранении культурной идентичности студентов вуза.

Методы исследования – анализ научной литературы, нормативной документации по проблеме исследования, опрос, беседы со студентами, анализ педагогического опыта.

Культура, культура личности и культурная идентичность

Понятие «культура» рассматривается в различных областях жизнедеятельности человека и общества. В основе определения этого термина лежит человеческая деятельность, создание и организация какого-либо продукта материального или духовного.

В научной литературе понятие «культура» трактуется как возделывание, создание, форма развития, воспитание, образование, динамический процесс развития чего-либо, творческая активность, ценности, принципы, способы и результаты деятельности, иными словами, всё то, что создал человек.

Культура рассматривается как способность человека к наследованию опыта и преобразовательной деятельности [1. С. 103]. В некоторых источниках культура – норма (как правило, предписание), способ (как действие), ценность (как значимость объекта) [2. С. 99]. Ценность рассматривается как важность, значение, что-то нужное, необходимое.

В научных исследованиях представлены различные виды (типы) культуры: духовная, социальная, массовая, языковая, физическая, нравственная, религиозная, национальная, субкультура.

Культура реализована в различных видах деятельности человека – в технологиях, информационных ресурсах, спорте, здоровье, в образовании и науке [3.

С. 28]. В работе Р.А. Эльмурзаевой рассматриваются вопросы научно-методической культуры, которая необходима преподавателю в его профессиональной деятельности. Автор акцентирует внимание на формировании у молодого преподавателя научной осведомленности, инициативности и практического опыта в реализации научных и методических функций [4. С. 23]. Культурная идентичность – отношение, ценностное отношение личности к себе, другим, обществу [5. С. 229], система суждений, наличие устойчивых личностных качеств, в том числе оценочных суждений.

Интересным утверждением является то, что феномен культуры личности есть определенное свойство изменчивости человека. Некоторые авторы под культурой личности рассматривают совокупность знаний (их усвоение и глубина), способностей (стремление к действию), убеждений (основанных на мировоззрении) и нравственных качеств (порядочность, честность, уважение). Культурная идентичность формируется в течение жизни человека в результате овладения языком, соприкосновения с обычаями, традициями, искусством [6. С. 114].

Сходства и различия взаимосвязей «своей» и «иной» культурной идентичности рассматриваются в работах В.Н. Галяпиной, Н.М. Лебедевой [7. С. 112]. Авторами выявлены различия взаимосвязей межпоколенной трансмиссии ценностей у людей различных национальностей. Также подтверждена значимая роль старшего поколения в формировании ценностей. Ценность как важность, значение чего-либо, кого-либо – мотивационный двигатель в жизни людей. Если здоровье будет являться важнейшей ценностью благополучной жизни человека, то теоретически будет мотивация для систематических занятий физическими упражнениями.

Многие студенты (около 90%) понимают, что укрепление здоровья должно быть частью их жизнедеятельности, однако не выполняют целенаправленных действий по его сохранению. Предпосылками укрепления здоровья студентов вуза являются: недостаточная ценность здоровья; отсутствие систематического выполнения физических упражнений; недостаточность воли и ответственности за свое здоровье. В числе проблем отмечаются также несформированные умения заботиться о своем здоровье – соблюдать режим дня и питания (около 20% обучающихся вузов имеют избыточный вес), злоупотребление алкоголем и курением. Одна из задач высшего образования – привить молодежи знания и умения, направленные на формирование здорового образа жизни, приобщить к физической культуре и спорту, создать условия для формирования мотивации и готовности к проявлению компетенций в части сохранения здоровья.

Задача преподавателей вуза – заинтересовать студенческую молодежь в систематических занятиях физическими упражнениями с целью оздоровления, научить самостоятельному планированию занятий и организации физкультурно-оздоровительной деятельности.

Полученный оздоровительный опыт будет способствовать внедрению физической культуры в социальную жизнедеятельность. Культура здоровья и культура физическая закладываются в семье, в детском саду, общеобразовательной школе, колледже, вузе. Большое значение имеет регион, в котором находится учебное заведение, поскольку в регионе могут быть приоритетные спортивные дисциплины, которые зачастую опираются на национальные традиции. Стремление быть спортивным, сильным, ловким – это не только дань моде, но и опыт, который передается из поколения в поколение. Приоритетная задача при формировании здорового поколения – приобщение молодежи к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Поддержание и формирование здорового образа жизни возможно при решении образовательных, воспитательных и оздоровительных задач физической культуры. В широком смысле физическая культура является способом развития гармонично развитой личности, способной использовать свой интеллектуальный и физический потенциал для осуществления социальной и профессиональной деятельности. Необходимо сформировать ценность здоровья, тогда выбор вида двигательной активности будет основан на осознанности. Физическая культура обладает удивительными функциями, способными развивать личность в сфере здоровья, психологических, коммуникативных и физических качеств, ценностных ориентаций, определенного культурного поведения. При этом некоторые виды физической культуры способствуют сохранению культурной идентичности, которая формирует историческую память и чувство гордости за страну [8. С. 37]. Д.Н. Федорова рассматривает спорт как значимую грань культурной идентичности, трибуну для обсуждения различных аспектов жизни общества [9. С. 88].

Вовлеченность студентов в спортивную деятельность (секции, спортивные клубы, спортивные лиги) помогает формированию сплоченных коллективов, направленных на достижение единой цели. Приобщение молодежи к национальным видам спорта позволяет сформировать знания о культуре и традициях различных регионов страны. Например, для жизни в республике Саха (Якутия) человеку необходимо иметь высокий уровень здоровья, выносливости, устойчивости к холоду. Использование в процессе физического воспитания наиболее эффективных и общедоступных упражнений на силу, ловкость, быстроту и выносливость становится важным в процессе воспитания молодого поколения в этом регионе [10. С. 175].

Национальные виды спорта и народные забавы народов России

Исторически сложилось так, что на территории России проводились народные игры, которые впоследствии приобрели статус национального спорта. Наиболее популярными являлись городки, перетягивание каната, хоккей с мячом, лапта, различные виды национальной борьбы. Национальные виды спорта позволяют понимать культуру, традиции региона, сохранять обычаи предков, изучать историю и передавать ее из поколения в поколение. В

некоторых видах спорта, например кавказской борьбе, из поколения в поколение передаются методики, приемы, «хитрости», которые используются во время схватки с соперником, а также уникальные физические упражнения. Национальные виды спорта играют значительную роль в сохранении народных традиций и формировании характера молодежи. Коротко охарактеризуем несколько национальных видов спорта.

Буза – традиционное русское боевое искусство и система самообороны. Включает в себя удары, броски, захваты, удержания, болевые воздействия, борьбу, подготовку к уличному бою с оружием и подручными предметами, специальную физическую подготовку, способы восстановления бойца, а также боевую обрядовую технику боя с оружием.

Перетягивание каната – древний вид забавы на Руси. Позднее перетягивание каната стало входить в программу различных соревнований, праздников, спартакиад и других спортивных мероприятий.

Русские шахматы (таврели) – разновидность шахмат, основанная на древнерусской игре *таврели*. Игра в русские шахматы упоминается в былинах о Владимире Красное Солнышко и Садко. Эта игра отличается от классических (индийских) шахмат. Её особенность – возможность создавать «башни» из фигур.

Гонки на собачьих упряжках (ездовой спорт) – вид кинологического спорта, в котором спортсмены соревнуются в прохождении различных дистанций на время с помощью одной или нескольких собак. Вид особенно популярен на Чукотке и Камчатке.

Гонки на охотничьих лыжах являются национальным видом спорта, который способствует развитию физической активности и спортивного духа. Данный вид признан наследием Республики Коми, региона, где история лыж насчитывает несколько тысячелетий. Соревнования по гонкам на охотничьих лыжах имеют активную поддержку коренного населения, а также способствуют привлечению внимания молодежи к уникальной культуре и сохранению национальных спортивных традиций в России.

Метание тынзяна на хорей – популярный вид спорта народов Севера, одна из пяти спортивных дисциплин северного многоборья. Тынзян – тридцатиметровая кожаная веревка для отлова северного оленя (аркан), хорей – деревянный пятиметровый шест, с помощью которого оленевод управляет оленьей упряжкой. Спортсмен должен максимальное количество раз заарканить тынзяном хорей. На ямальских соревнованиях зафиксирован случай, когда один спортсмен в течение 8 часов метал свой тынзян. Требует от спортсмена ловкости, силы, концентрации внимания.

Русский хоккей с мячом. Данный вид считается русским национальным видом спорта. В русских летописях X–XI вв. при описании популярных в народе забав упоминается *клюшковое*.

Большим поклонником данной забавы был Петр I, при котором игры с клюшкой на льду Невы собирали до нескольких тысяч зрителей.

В России соревнования проводятся во многих регионах, в настоящее время русский хоккей с мячом является популярным международным видом спорта.

Мас-рестлинг – национальный вид спорта Якутии, основан на перетягивании деревянной палки (мас). В настоящее время развивается на всей территории России и имеет свою спортивную федерацию.

Поднятие камня – «хапчан тас» (Хакасия). Соревнования проводятся в рамках традиционных праздников и фестивалей. Упражнения требуют от спортсмена развитых силовых качеств.

Кавказская национальная борьба. На Кавказе мальчики занимаются борьбой с самого раннего детства. Существует несколько видов борьбы, например, банэ, тутуш. Они имеют отличия в технике захватов и условиях победы (положить на лопатки, положить на живот или обхватить руками кисти в замок, чтобы соперник не мог вырваться). В последние годы спортсмены Северо-Кавказского региона являются чемпионами самых высшейрейтинговых чемпионатов и соревнований, занимаясь классической борьбой, включенной в программу Олимпийских игр.

Лапта – русская командная игра, имеющая глубокие корни и зародившаяся на территории России в Великом Новгороде. Упоминание о данной забаве было найдено в летописях XIV в. Петр I включил лапту в образовательную программу по физической подготовке

военных. Лапта имеет активное научное, методическое, техническое развитие. В настоящее время осуществляется подготовка спортсменов и совершенствуется организация соревнований.

Рассматривая проблемы развития национальных видов спорта, можно отметить, что интерес к организации и участию людей в данных соревнованиях не исчез, национальные виды спорта становятся всё более популярными.

Ежегодно повышается количество участников соревнований и спартакиад, совершенствуются научно-методическая база, содержание тренировок.

Отдельные виды народных игр и спорта включены в программу по физическому воспитанию среднего профессионального и высшего образования в части элективного модуля и секций по видам спорта.

Ряд национальных видов спорта официально утвержден в Федеральном реестре видов спорта России, однако многие виды до сих пор не имеют нормативно-правового закрепления.

Классификация национальных видов спорта и народных игр разнообразна (рис. 1).

Региональный аспект в процессе становления и развития национальных видов спорта в России имеет важное значение.

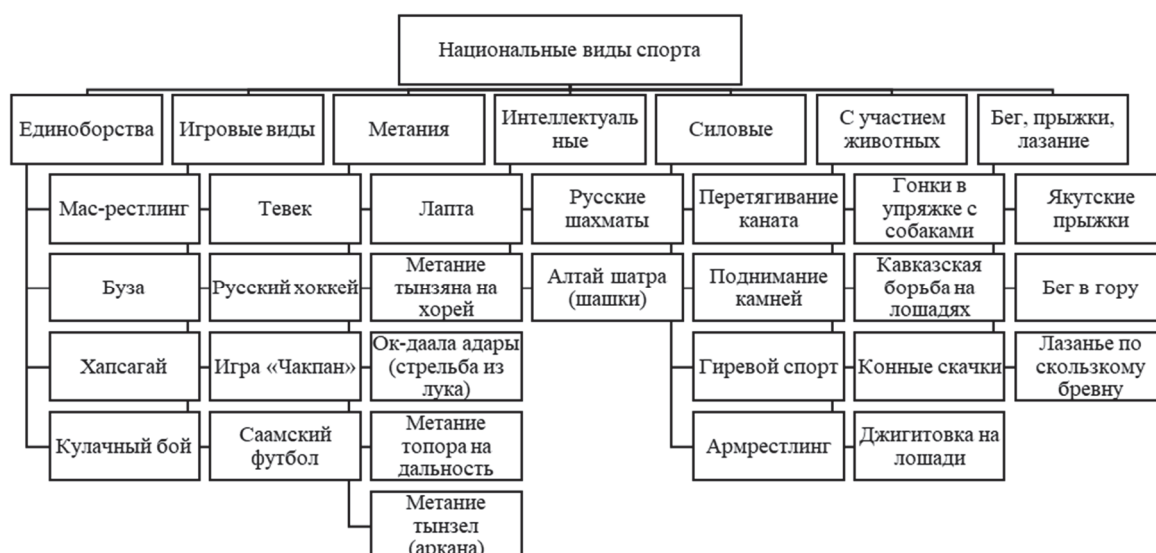

Рис. 1. Классификация национальных видов спорта и народных игр

Каждый регион и каждая республика имеют свои особенности, традиции, обычаи.

Особо следует отметить особенности соревнований (и вида спорта в целом) по северному многоборью.

Данный вид спорта зародился и развивается в северных регионах России (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономный округа, Архангельская область). Несмотря на географические и климатические особенности регионов, северное многоборье полноценно выполняет функции физического воспитания.

Занятия проводятся с оздоровительной, образовательной, воспитательной, спортивной направленностью.

Таким образом, национальные виды спорта являются действенным способом физического воспитания молодежи, при этом в процессе спортивных тренировок и занятий имеется возможность для сохранения

культурной идентичности человека, приобщению к физической культуре, формированию коммуникативных качеств, уважительного отношения к участникам соревнований, имеющих различное происхождение, национальность, культуру.

Взаимосвязь спорта и культурной идентичности глазами студентов вуза

Готовность российских студентов воспринимать культурное многообразие страны показана в исследованиях В.В. Степанова, В.А. Тишкова, Р.Э. Бараш [11]. Опрос показал, что понятие «Родина» у 56,7% студентов ассоциируется с регионом (краем, республикой) где они родились и выросли; около 80% опрошенных молодых людей соблюдают национальные традиции и

обычай, а также традиции семейные [Там же]. В регионах молодежь активно посещает народные спортивные праздники и мероприятия. Например, 82,04% студентов Республики Бурятия посещают народные культурные мероприятия и соревнования по бурятским национальным видам спорта в качестве зрителей и участников.

Организация исследования

В исследовании принимали участие студенты Санкт-Петербургского государственного университета (обучающиеся по программе 49.03.01 «Физическая культура», бакалавриат); Российского университета дружбы народов (обучающиеся на различных не-

спортивных программах бакалавриата); Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (обучающиеся по программе 49.03.01 «Юриспруденция»). При опросе национальность студентов не учитывалась.

Для изучения мнения обучающихся о развитии спорта в регионе был задан вопрос: «По вашему мнению, в вашем родном регионе физическая культура и спорт имеют достаточное развитие?». Студенты ответили следующим образом: 77,23% считают, что физическая культура и спорт имеют достаточное развитие среди детей и молодежи, 12,87% имеют противоположное мнение, около 10% затруднились ответить. В таблице приведены данные по ответам студентов на некоторые вопросы, касающиеся проблемы исследования.

Распределение вопросов по темам и ответы студентов

№ п/п	Вопрос	Количество ответов	Преимущественные ответы	Отрицательные ответы	Другие ответы
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ					
1	Какую роль в вашей жизни занимают физическая культура и спорт?	753	Активно занимаюсь физическими упражнениями – 40,5% ответов	Не занимаюсь физическими упражнениями – 9% ответов	Занимаюсь физическими упражнениями, но не часто – 50,3% ответов
2	Вы являетесь профессиональным спортсменом или любителем спорта?	761	Да, выступаю на соревнованиях, имею спортивное звание или разряд, являюсь тренером, имею спортивное образование – 12,9% ответов	Не являюсь спортсменом – 50,9% ответов	Являюсь любителем (играю в спортивные игры, выступаю по виду спорта в любительской лиге, посещаю спортивный клуб) – 38,1% ответов
КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ					
3	По вашему мнению, что относится к культурной идентичности?	761	Нормы поведения, ценности, традиции, особенности коммуникации, язык – 80,9% ответов	Образец поведения, принятый в обществе, – 22,1% ответов	Осмысление культуры своих предков (обычай, традиции) – 35,1% ответов Другой ответ (описание под таблицей) – 5% ответов
4	Считаете ли вы, что физическая культура и спорт способствуют сохранению культурной идентичности человека?	753	Да – 71,8% ответов	Нет – 12,1% ответов	Затрудняюсь ответить – 16,1%
СПОРТ И КУЛЬТУРА					
5	Считаете ли вы, что спорт позволяет лучше понимать и уважать другие культуры и наследие наших предков?	750	Да – 72,5% ответов	Нет – 13,9% ответов	Затрудняюсь ответить – 13,6%
6	Считаете ли вы, что необходимо сохранить культурные спортивные традиции?	750	Да – 85,2% ответов	Нет – 6% ответов	Затрудняюсь ответить – 8,8%
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА					
7	По вашему мнению, «любовь» к спорту может быть сформирована путем развития национальных видов спорта в регионе?	750	Да – 72,4% ответов	Нет – 12,4% ответов	Затрудняюсь ответить – 15,2%
8	По вашему мнению, целесообразно ли включать в образовательную программу вуза виды спорта различных культур (национальные виды спорта)?	751	Да – 51,9% ответов	Нет – 23,8% ответов	Затрудняюсь ответить – 24,2%

Исследование показало, что студенты следят за развитием физической культуры и спорта в своем регионе. Большая часть опрошенных студентов регулярно занимаются физическими упражнениями, но к профессиональным спортсменам не относятся.

По темам культурной идентичности молодые люди использовали в основном предложенные нами ответы. Самостоятельную формулировку привели только 5%

обучающихся. Среди основных характеристик отмечены, например, сознательное причисление себя к определенной культурной группе путем следования традициям и обычаям; осознание человека, что он принадлежит к той или иной культурной общности.

По мнению студентов, к национальным видам спорта относятся: народные виды спорта, такие как мас-рестлинг (Якутия), поднятие камней (Хакасия), борьба керешу (Чувашия) – 61,6% опрошенных; наиболее

популярные в регионе или стране виды спорта (борьба, гимнастика, плавание, биатлон) – 36,4% опрошенных; своего рода национальный символ, тот вид спорта, который может быть «изобретён» не в той стране, в которой он считается национальным, но прочно укоренившийся в культуре нации – 1% опрошенных; самбо, кулачный бой, хоккей с мячом, гиревой спорт – 0,5% опрошенных; спорт, который зародился в конкретном регионе и которым занимаются местные жители, – 0,5% опрошенных.

Несмотря на разнообразие вопросов и ответов студентов в контексте исследования, считаем, что данная работа позволила пробудить интерес у молодых людей к проблеме сохранения культурной идентичности средствами физической культуры и спорта, прежде всего средствами национальных видов спорта.

Например, в беседах со студентами во время занятий физической культурой выявлено, что молодые люди стали в процессе занятий выполнять некоторые физические упражнения из таких видов национальной борьбы, как куреш; задавали дополнительные вопросы о названии национальных видов спорта; активно обсуждали успехи спортсменов в мас-рестлинге. Многие делились своими переживаниями при посещении культурных фестивалей и спортивных мероприятий, вспоминали знакомых студентов из других вузов, принимавших участие в фестивале национальных культур «Дети Азии».

В конце проведенного исследования нами был задан вопрос: «Считаете ли вы интересной данную тему исследования?». Из 749 ответов доля положительных составила 78,6%, отрицательных – 8,8%, – затруднились ответить 12,6% опрошенных.

Выводы

Исследование показало, что сохранение культурной идентичности студентов вуза связано с необходимостью формирования у молодых людей культурных норм, образцов поведения, ценностных ориентаций, языка, традиций. Этот процесс наиболее успешно может происходить через образовательную среду.

Реализация спортивных и физкультурно-национальных проектов в студенческой среде способствует формированию традиционных, моральных, культурных, духовно-нравственных ценностей.

Национальные виды спорта позволяют сохранить культурную идентичность человека, поскольку в процессе спортивной деятельности знакомят с историей, обычаями, культурой, традициями и особенностями региона, республики, страны.

Опрос студентов вузов показал отклик и интерес к национальным видам спорта и их развитию в России. 51,9% респондентов ответили положительно на вопрос, касающийся целесообразности включения национальных видов спорта в образовательную программу вуза.

По мнению студенческой молодежи, необходимо сохранить культурные спортивные традиции (85,2% опрошенных), спорт позволяет лучше понимать и уважать другие культуры и наследие наших предков (72,5% опрошенных).

Таким образом, организация физкультурных, традиционных, спортивно-массовых и оздоровительных внеаудиторных мероприятий с использованием национальных видов спорта и народных игр в высшей школе в значительной степени способствует сохранению культурной идентичности студенческой молодежи.

Список источников

1. Аликулова Ш. «Культура», «культура личности», «профессиональная культура» как базовые категории исследования педагогической культуры будущего учителя // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2010. № 4(24). С. 100–107.
2. Имангулов Р.Ш., Мугаттарова Э.Р., Хуснетдинова К.И., Тюленева А.А. Роль национальных видов спорта в этническом и физическом воспитании современной молодежи // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 3. С. 98–104.
3. Ултургашев Г.Г. Основы научной культуры (понятие культуры) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 28–31.
4. Эльмурзаева Р.А. Организационно-педагогические условия реализации модели развития научно-методической культуры преподавателя учреждения дополнительного профессионального образования // Современное педагогическое образование. 2019. № 8. С. 23–26.
5. Водопьян В.Г., Хамаганова К.В. Визуальные коды культурной идентичности в современном медиапространстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 229–235. doi: 10.17223/22220836/32/22
6. Рогова Е.Н., Яницкий Л.С. Формирование культурной идентичности у студентов вузов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 1(53). С. 113–119.
7. Ценности, идентичности и межкультурные отношения в России: кросс-региональный анализ / В.Н. Галяпина, Н.М. Лебедева, З.Х. Лепشوкова [и др.]. Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2022. 212 с.
8. Чукин С.Г. Культурная идентичность народа как объект сохранения и защиты // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2019. № 4. С. 37–44.
9. Федорова Д.Н. «Englishness» vs «Britishness», или Поиски национальной идентичности в Британии 1990-х гг. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2009. № 4 (25). С. 87–95.
10. Сараева Н.В., Пачин Г.Р., Пачина Н.Н., Шебзухова Т.А. Национальная идентичность: подходы к исследованию // Современная наука и инновации. 2023. № 4 (44). С. 174–179.
11. Степанов В.В., Тишков В.А., Бараш Р.Э. Штрихи к портрету российского студенчества. Общие наблюдения и рекомендации // Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2014. С. 314–321.

References

1. Alikulova, Sh. (2010) "Kul'tura", "kul'tura lichnosti", "professional'naya kul'tura" kak bazovye kategorii issledovaniya pedagogicheskoy kul'tury budushchego uchitelya ["Culture", "Personal Culture", "Professional Culture" as Basic Categories for Researching the Pedagogical Culture of a Future Teacher]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk*. 4 (24). pp. 100–107.

2. Imangulov, R.Sh., Mugattarova, E.R., Khusnetdinova, K.I. & Tyuleneva, A.A. (2020) Rol' natsional'nykh vidov sporta v etnicheskom i fizicheskom vospitanii sovremennoy molodezhi [The Role of National Sports in the Ethnic and Physical Education of Modern Youth]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 3. pp. 98–104.
3. Ulturgashev, G.G. (2008) Osnovy nauchnoy kul'tury (ponyatie kul'tury) [Fundamentals of Scientific Culture (The Concept of Culture)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5. pp. 28–31.
4. El'murzaeva, R.A. (2019) Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya realizatsii modeli razvitiya nauchno-metodicheskoy kul'tury prepodavatelya uchrezhdeniya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Organizational and Pedagogical Conditions for Implementing the Model of Developing the Scientific and Methodological Culture of a Teacher in an Institution of Additional Professional Education]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 8. pp. 23–26.
5. Vodop'yan, V.G. & Khamaganova, K.V. (2018) Visual Codes of Cultural Identity in the Modern Media Space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 32. pp. 229–235. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/32/22
6. Rogova, E.N. & Yanitskiy, L.S. (2024) Formirovaniye kul'turnoy identichnosti u studentov vuzov [Formation of Cultural Identity Among University Students]. *Professional'noye obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 1 (53). pp. 113–119.
7. Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M. & Lepshokova, Z.Kh. et al. (2022) Tsennosti, identichnosti i mezhkul'turnye otnosheniya v Rossii: kross-regional'nyy analiz [Values, Identities and Intercultural Relations in Russia: A Cross-Regional Analysis]. Krasnodar: Kuban State Technological University.
8. Chukin, S.G. (2019) Kul'turnaya identichnost' naroda kak ob'yekt sokhraneniya i zashchity [The Cultural Identity of a People as an Object of Preservation and Protection]. *Akademicheskyy vestnik voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii*. 4. pp. 37–44.
9. Fedorova, D.N. (2009) "Englishness" vs "Britishness", ili Poiski natsional'noy identichnosti v Britanii 1990-kh gg. ["Englishness" vs "Britishness", or The Search for National Identity in Britain in the 1990s]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 4 (25). pp. 87–95.
10. Sarayeva, N.V., Pachin, G.R., Pachina, N.N. & Shebzukhova, T.A. (2023) Natsional'naya identichnost': podkhody k issledovaniyu [National Identity: Research Approaches]. *Sovremennaya nauka i innovatsii*. 4 (44). pp. 174–179.
11. Stepanov, V.V., Tishkov, V.A. & Barash, R.E. (2014) Shtrikhi k portretu rossiyskogo studenchestva. Obshchie nablyudeniya i rekomendatsii [Touches to the Portrait of Russian Students. General Observations and Recommendations]. In: *Rossiyskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennyye strategii i grazhdanskiy potentsial* [Russian Students: Identity, Life Strategies and Civic Potential]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 314–321.

Информация об авторе:

Панчук Н.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: p_natalya01@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3022-0720

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.S. Panchuk, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: p_natalya01@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3022-0720

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 30.09.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 374+004.9
doi: 10.17223/15617793/512/23

Влияние технологии *mobile first* на цифровую компетентность одаренных детей в системе дополнительного образования

Надежда Анатольевна Соколова¹, Илья Денисович Гуль^{2, 3}

^{1, 2} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

³ Курчатов Центр, Челябинск, Россия

¹ sokolovana@cspu.ru

^{2, 3} gul.ilya@mail.ru

Аннотация. Представлена оценка уровня компьютерной грамотности одаренных детей, исследуются особенности применения мобильных устройств и настольных ПК, а также их роль в образовательной среде. Рассматривается опыт использования цифровых технологий Региональным центром Челябинской области «Курчатов Центр» для реализации дополнительных образовательных программ, направленных на выявление и развитие одаренных детей. Несмотря на устоявшееся мнение о высоком уровне компетентности обучающихся в цифровом образовательном пространстве, наблюдается тот факт, что философия технологии *mobile first* привела к отсутствию позитивной динамики развития навыков работы обучающихся с настольными цифровыми устройствами.

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровые технологии, технология *mobile first*, одаренные дети, дополнительное образование, цифровое образовательное пространство, мобильные устройства, настольные устройства

Для цитирования: Соколова Н.А., Гуль И.Д. Влияние технологии *mobile first* на цифровую компетентность одаренных детей в системе дополнительного образования // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 212–222. doi: 10.17223/15617793/512/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/23

The impact of mobile first technology on the digital competence of gifted children in the supplementary education system

Nadezhda A. Sokolova¹, Ilya D. Gul^{2, 3}

^{1, 2} South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

³ Kurchatov Center, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ sokolovana@cspu.ru

^{2, 3} gul.ilya@mail.ru

Abstract. One of the central problems of modern education, caused by the rapid development of digital technologies, is the decline in skills in working with desktop devices against the background of the dominance of mobile technologies. The article analyzes the positive and negative aspects of using various digital tools in working with gifted children in the system of supplementary education, as well as the influence of the "mobile first" philosophy on the formation of digital competence of students. The authors focus on current trends in the integration of mobile devices into the educational process, their role in the development of key competencies of students and the consequences of shifting the emphasis from desktop platforms to mobile ones. The study is based on the analysis of data obtained during the assessment of the digital literacy of 500 highly motivated and gifted students of Chelyabinsk Oblast aged 11–14 years, participating in the programs of the Regional Center "Kurchatov Center". The results of the study demonstrate that students are much better at using mobile devices than desktop ones. The authors highlight the key factors contributing to the decline in desktop skills: the widespread use of mobile technologies in everyday life, simplified mobile application interfaces, and the lack of systematic training in working with PCs in educational institutions. At the same time, the "mobile first" philosophy, focused on adapting content to mobile platforms, leads to the fact that even gifted children face a deficit of skills that are critical for academic and professional activities. For example, 45% of students demonstrate a low level of understanding of security and privacy principles on mobile devices, while on a PC this figure rises to 63%. This is due to the lack of a habit of deeply customizing parameters and the prevalence of superficial interaction with digital tools. The experience of the Kurchatov Center demonstrates that the introduction of distance learning programs based on mobile platforms increases student engagement, but at the same time exacerbates the problem of the deterioration of PC skills. This indicates an insufficient formation of meta-subject competencies necessary for academic success. In conclusion, the authors emphasize the need to maintain a balance between mobile and desktop technologies in the educational process. To develop the digital competence of gifted children, it is important to integrate both types of devices, focusing on training in working with a PC, in-depth data analysis, and the formation of a systematic approach to solving problems. Only such an approach will overcome the negative consequences of the dominance of the "mobile first" philosophy and ensure that students are prepared for the challenges of the digital age.

Keywords: digitalization of education, digital technologies, "mobile first" technology, gifted children, supplementary education, digital educational space, mobile devices, desktop devices

For citation: Sokolova, N.A. & Gul, I.D. (2025) The impact of mobile first technology on the digital competence of gifted children in the supplementary education system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 212–222. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/23

Введение

Российская система образования переживает значительные изменения, связанные с внедрением цифровых технологий в образовательный процесс. Проект «Современная цифровая образовательная среда в России», инициированный Министерством просвещения совместно с Министерством науки и высшего образования, направлен на создание благоприятных условий для повышения образовательного уровня граждан за счет активного развития цифровой инфраструктуры. Согласно данным пояснительной записки к проекту «Современная цифровая образовательная среда в России» к 2025 г. число учащихся, использующих онлайн-формат обучения, достигнет 11 млн чел. [1].

Ежегодно различные международные организации изучают уровень развития информационно коммуникационных технологий в разных странах и составляют соответствующие рейтинги готовности стран к функционированию в информационном обществе. Согласно отчету «Цифровые тренды» динамика процесса такова:

- в докладе Всемирного экономического форума «Глобальный отчет о развитии информационных технологий 2015» представлены данные о развитии ИКТ в 143 странах мира, где индекс сетевой готовности России составил 45, и согласно ему наша страна занимала 41-е место в рейтинге;

- согласно докладу «Глобальный отчет о развитии информационных технологий 2023» индекс сетевой готовности России уже составил 60, что соответствует 40-й строчке в рейтинге.

По мнению экспертов, низкая стоимость доступа к инфраструктуре ИКТ, грамотность взрослого населения, а также существенно возросшая доля использования устройств с доступом в сеть Интернет детьми в возрасте 5–12 лет способствуют повышению индекса [2].

В последнее десятилетие, согласно данным отчета «Цифровые тренды», наблюдается увеличение доли использования мобильных устройств в повседневной жизни, в том числе и в образовательных целях. Учитывая это, проблема использования мобильных технологий в целях обучения требует пристального внимания и исследования.

По имеющимся данным, приведенным в отчете «Доля мобильных устройств в мировом трафике веб-сайтов за период с 1-го квартала 2015-го по 3-й квартал 2023-го» процент населения онлайн в Российской Федерации составляет 76% из расчета населения в 143 млн чел. При этом 34 млн россиян пришли в онлайн в последние 5 лет в период 2018–2023 гг. Новые пользователи приходят в мобильное пространство в основном из маленьких городов. Показательно, что уже в конце 2014 г. доля запросов с мобильных устройств впервые превысила долю запросов с

настольных компьютеров. Согласно данным отчета на сегодняшний день в России насчитывается 108 млн пользователей сети Интернет и 110 млн активных сим-карт с мобильным доступом. Соответственно, 1/3 новых пользователей Интернета приходит через мобильные устройства [3].

Мобильные телефоны являются основным каналом доступа в Интернет для огромного числа пользователей. В соответствии с данными ресурса Statista во втором квартале 2024 г. мобильные устройства, за исключением планшетов, сгенерировали 59,81% мирового трафика веб-сайтов [3]. При этом аналитики SlickJump отмечают, что по мере роста мобильного трафика меняется не только контент, но и схема потребления информации. Например, пользователи мобильных телефонов и персональных компьютеров проводят меньше времени на одном и том же интернет-ресурсе. Кроме того, мобильные пользователи предпочитают сайты из первых позиций поисковой выдачи [4].

Аналитики компании SimilarWeb в отчете за 2023 г. подчеркнули особенность поведения мобильных пользователей: время, проведенное пользователем на сайте с мобильного телефона, примерно на 61% меньше времени, проведенного на сайте с компьютера [2].

Сфера образования в России также находится под влиянием тренда на активное использование мобильных устройств в обучении. Считается, что мобильные цифровые технологии в образовании способствуют расширению кругозора, развитию интеллектуальных и творческих способностей, формированию ключевых компетенций. Они позволяют обучающимся получить доступ к дополнительным знаниям и умениям, обогащая школьную программу и способствующим личностному и профессиональному росту. Все это позволяет создать условия для развития нестандартного мышления, обеспечить доступ к инновационным образовательным технологиям и практикам, а также сформировать навык самоорганизации у детей. Особенно это актуально в сфере работы с одаренными детьми.

На сегодняшний день сформировалось поколение юных пользователей, предпочитающих мобильные устройства для выполнения образовательных задач. Однако данный сдвиг в использовании технологий имеет значительные последствия для образовательной среды, где универсальность и функциональность настольных устройств остаются критически важными. Настольные устройства являются универсальными устройствами, предоставляющими широкий спектр инструментов, необходимых для эффективного обучения. Они позволяют использовать специализированное программное обеспечение в образовательной деятельности, которое невозможно в полной мере адаптировать к мобильным устройствам из-за ограничений их аппаратной и программной составляющих.

Физическая эргономика настольных устройств также играет важную роль. Полноразмерная клавиатура и мышь обеспечивают высокую скорость и точность ввода данных, что особенно важно при работе с большими объемами информации или выполнении сложных образовательных задач. В сравнении с этим взаимодействие с мобильными устройствами, которое базируется на взаимодействии с сенсорным экраном, менее эффективно и приводит к проблемам в образовательном процессе.

Процесс приобщения детей к мобильным технологиям сопровождается снижением навыков работы с персональными компьютерами (ПК), что обусловлено рядом причин, связанным как с изменениями технологических приоритетов, так и социальными тенденциями. На формирование текущей ситуации существенно повлияло развитие мобильных технологий и сенсорных интерфейсов. В то же время отсутствие активных усилий со стороны педагогов и ближайшего окружения обучающихся по передаче знаний о ПК внесло свой вклад в сложившуюся проблему. В результате современное поколение, активно использующее цифровую образовательную среду, не обладает достаточными навыками работы с ПК. Основная причина этого заключается в том, что мобильные устройства, благодаря своей доступности и популярности, вытеснили персональные компьютеры из повседневного образовательного пространства, что привело к снижению уровня компьютерной грамотности среди обучающихся.

Таким образом, мобильные технологии снижают универсальность и функциональность использования цифровых технологий в образовании. Данный негативный эффект распространяется не только на знания, но также и на навыки, в том числе цифровые, из которых в свою очередь складывается и цифровая компетентность.

Методология и методы исследования

Целью статьи было исследование влияния технологии *mobile first* на культуру работы одаренных обучающихся в цифровом образовательном пространстве, а также анализ опыта работы с одаренными обучающимися на базе Регионального центра выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи «Курчатов Центр» Челябинской области, в связи с чем нами был применен технологический подход. Исходя из целей статьи были использованы следующие методы: анализ литературы, понятийно-категориальный анализ, анализ статистических данных.

Анализ литературы был использован для понимания текущих научных и практических подходов к вопросам цифровизации образовательного процесса, особенно в контексте работы с одаренными детьми, а также сущности технологии *mobile first* и ее влияния на формирование цифровой образовательной среды. Данный метод позволил исследовать обширную базу научных трудов, посвященных применению цифровых технологий в образовательной сфере, а также принципы влияния технологии *mobile first*.

Понятийно-категориальный анализ применялся для определения ключевых понятий, таких как «цифровизация», «технология *mobile first*» и «одаренные дети».

Анализ статистических данных позволил оценить влияние технологии *mobile first* на цифровую компетентность одаренных детей

Обзор литературы

В современной научной литературе представлены исследования, отражающие возможности использования цифровых технологий при организации образовательной деятельности, направленной на работу с одаренными детьми. В работах М.И. Болотовой, В.П. Голованова, А.В. Золотаревой, Н.Л. Селивановой, А.И. Щетинской, В.П. Бедерхановой, Б.В. Куприянова [5–11] отражены особенности организации дополнительного образования и рассмотрены возможности формирования воспитательного компонента образовательного процесса. Исследователи рассматривают вопросы социально-педагогической поддержки развития мотивации обучающихся к осуществлению самостоятельной образовательной деятельности, формирования инициативности в образовательном процессе, педагогического сопровождения самоорганизации обучающихся с целью поддержки склонностей и способностей. В исследованиях В.П. Бедерхановой отражено влияние профессиональной компетентности педагога на результативность реализации инновационных процессов в педагогическом процессе в сфере дополнительного образования [10]. В исследованиях Н.В. Лопатиной, Н.И. Гендиной, Н.Б. Зиновьевой, А.А. Андреевой, Е.Н. Боярова, М.Л. Груздовой [12–17] изучаются возможности внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. В работах рассматриваются принципы цифровизации образования и возможности информационно-образовательной среды учреждения как средства улучшения качества обучения детей. Несмотря на наличие обширной теоретической базы формирования информационно-образовательной среды, на сегодняшний день отсутствуют исследования по определению влияния технологии *mobile first* на культуру работы одаренных обучающихся в цифровом образовательном пространстве.

Термин «цифровизация» (англ. «digitalization»), впервые появившийся в научных кругах западных стран, означает процесс преобразования данных в цифровую форму или их оцифровку [18]. Широкомасштабное внедрение цифровых технологий началось в 60–70-х гг. XX в. с разработкой цифровых форматов данных, что стало важным шагом на пути к созданию глобальной сети Интернет. По мнению О.Г. Щениной, стремительные изменения в таких областях, как экономика, политика, культура, наука и образование, в значительной степени обусловлены процессами цифровизации [19]. Цифровая трансформация оказывает влияние не только на общественные институты, но и на личность человека, преобразуя окружающую среду, инфраструктуру и повседневный быт. Современная эпоха требует от выпускников школ и вузов новых компетенций, а также иных подходов к построению образовательного процесса [20].

Инновационные цифровые инструменты направлены на преодоление ограничений, характерных для традиционных форм обучения, таких как скорость

освоения учебных программ, выбор преподавателя или методики обучения. Цифровизация образовательной сферы предполагает создание системы непрерывного обучения на протяжении всей жизни (*life-long learning*), а также персонализацию образовательных траекторий с использованием передовых технологий (*advanced learning technologies*) [21]. Хотя точное определение термина пока отсутствует, его концепция включает применение больших данных (*big data*) для анализа индивидуального образовательного пути каждого учащегося и мобильную адаптацию процесса обучения на основе собранных данных [22].

Таким образом, цифровизация в сфере образования позволяет создать условия для систематического выявления, поддержки и развития способностей учащихся. Использование цифровых методик обучения открывает доступ к новым образовательным инструментам и способствует формированию у обучающихся основ цифровой компетентности.

В эпоху цифровизации и постоянного технологического прогресса мобильное обучение, или *m-learning*, выходит на передний план в образовательной сфере. Это подход, при котором образовательный процесс осуществляется с использованием мобильных устройств, таких как смартфоны, планшеты и другие портативные гаджеты, открывает новые возможности в доступности, содержательных и методико-технологических аспектах обучения [23]. В настоящее время мобильные технологии не просто дополняют традиционные образовательные подходы, но и преобразуют их, предлагая уникальные возможности для персонализации, гибкости и мотивации в обучении.

Мобильное обучение, или *m-learning*, представляет собой одно из самых быстро развивающихся направлений цифровизации современного образования. Ж. Трахлер в своем исследовании рассматривает мобильное обучение как особую форму обучения, позволяющую интегрировать индивидуальное, групповое и коллективное обучение в классные и внеклассные учебные мероприятия с использованием мобильных технологий [24].

Mobile learning – новая учебно-информационная реальность, где обучаемый, используя мобильное устройство, получает мгновенный доступ к учебным материалам и необходимой информации и имеет возможность осуществлять коммуникацию (с преподавателем или другими обучающимися) в синхронном и асинхронном режимах для организации личностно значимой самостоятельной учебной деятельности [25].

Анализ современных технологий мобильного обучения позволил выделить следующие основные преимущества его реализации в образовательном процессе:

1. Мобильные технологии ускоряют процесс оценки результатов обучения, дают обучающимся и преподавателям возможность быстрее отслеживать достигнутые успехи. Мгновенное получение результата способствует оперативному выявлению слабых мест и проблем в обучении. Отсутствие необходимости проверки работ обучающихся благодаря автоматизации

процессов распределения, сбора, анализа и документирования дает возможность преподавателям сконцентрироваться на непосредственной работе с обучающимися.

2. Мобильные обучающие приложения дают пользователю возможность выбора продолжительности, периодичности обучения, перерывов в занятиях. Мобильность информационных устройств, повсеместное распространение интернет-технологий позволяют организовать процесс обучения в любом месте в любое время.

3. Мобильные устройства позволяют отслеживать процесс усвоения важной информации. Принцип действия некоторых приложений основан на том, что усвоенный материал забывается с течением времени в соответствии с определенной логарифмической зависимостью. Используя тщательно выверенные закономерности, эти приложения заставляют обучающегося повторять новый материал оптимальное количество раз сразу же после изучения и перед тем, как эти сведения могут быть забыты.

4. Применение мобильных устройств позволяет повысить эффективность использования времени, отведенного на аудиторную работу, что достигается путем его сокращения на изучение теоретического материала на занятиях, который студенты могут освоить (прослушать, прочитать) самостоятельно, и увеличением времени для обсуждения идей, обмена собственной интерпретацией полученных знаний, совместной работы, проведения деловых игр, решения практических заданий, кейсов.

5. По сравнению с традиционным процессом обучения в аудиториях, мобильные устройства позволяют переместить его в среду, максимально облегчающую понимание предмета. Существует множество мобильных приложений, предназначенных для изучения различных дисциплин [26].

Несмотря на явные достоинства использования мобильных технологий в обучении, нельзя не остановиться на проблемах, которые они создают. В случае активного использования мобильных устройств и мобильного обучения следует обратить внимание на то, как они влияют на умственные способности и образовательный потенциал обучающихся. В 2012 г. немецкий нейробиолог М. Шпитцер ввел термин «цифровая деменция», чтобы описать ухудшение памяти, связанное с воздействиями цифровых технологий и информационного перенасыщения. М. Шпитцер в своей работе обосновал негативные последствия постоянного взаимодействия с электронными устройствами и современными технологиями для внимания, памяти, креативности и концентрации, а также для других психических и когнитивных функций [27].

Исследования, проведенные сотрудниками Университета Техаса A&M в 2017 г., показали, что даже если мобильное устройство просто находится рядом с пользователем, оно уже оказывает влияние на внимание. Это воздействие приводит к тому, что человек отвлекается от выполнения задач, что в свою очередь негативно сказывается на его способности запоминать информацию. Причина этого явления заключается в том, что мозг постоянно ожидает новых данных с электронных устройств и теряет привычку работать самостоятельно, а это влияет на его способность к концентрации [28].

М. Уимбер (Бирмингемский университет) утверждает, что мобильные технологии в обучении способствуют изменению тактики восприятия информации и способов хранения полученных данных в памяти. Современный человек запоминает не столько сами массивы информации, сколько способы и источники получения информации. Это явление получило название «эффект Google». Постоянный поиск информации в сети может привести к тому, что долговременные воспоминания не успевают формироваться, поскольку человек все реже пытается самостоятельно искать ответы, что ведет к деградации долгосрочной памяти [29].

С одной стороны, широкие технические и функциональные возможности мобильных устройств в современных образовательных средах позволяют обеспечить высокий уровень интерактивности и адаптивности при работе с одаренными обучающимися, снять пространственно-временные ограничения в работе с различными источниками информации, а также реализовать дидактическую систему непрерывного самообучения. Все эти возможности в совокупности позволяют создать бесшовное мобильное образовательное пространство, допускающее многообразие образовательных сценариев [30].

С другой стороны, мобильные устройства, несмотря на их портативность, имеют ряд существенных ограничений, затрудняющих их использование для полноценной образовательной деятельности:

- ограниченный размер экрана существенно уменьшает возможности многозадачности;
- интерфейсы мобильных приложений часто упрощаются, что приводит к потере функциональности, необходимой для образовательных задач;
- низкая производительность мобильных приложений в сравнении с программами для настольных устройств также является значительным недостатком;
- современные мобильные приложения зачастую требуют больших ресурсов и не оптимизированы для выполнения сложных операций, что приводит к увеличению времени выполнения задач;
- мобильные устройства больше рассматриваются как инструменты для доступа к развлечениям, нежели к образовательным ресурсам, что снижает привлекательность мобильного обучения в образовательной среде, выступая фактором, отвлекающим учащихся от образовательного процесса;
- широкое распространение мобильных устройств оказывает влияние на когнитивные аспекты цифровой компетентности обучающихся. Одной из наиболее заметных тенденций является утрата понимания структуры систематизации и хранения данных, при которой иерархическая структура файловых систем становится неочевидной. Обучающиеся нередко предпочитают хранить данные в хаотичном порядке, полагаясь исключительно на функции поиска. С одной стороны, это упрощает краткосрочное взаимодействие с устройством, однако создает существенные трудности при работе с большими объемами информации;
- мобильные устройства способствуют формированию подхода к выполнению задач, ориентированного на быстрый, но менее качественный результат.

Для выполнения сложных операций, таких как анализ данных или написание исследовательских работ, требуются системный подход и концентрация, которых трудно достичь на устройствах с ограниченными возможностями интерфейса и малой эргономикой;

– в рамках цифровой образовательной среды существует ряд инструментов и технологий, применение которых в мобильных устройствах вызывает существенные технические затруднения как у педагогов, так и обучающихся (VR-лаборатории и онлайн-доски совместного пользования и т.п.). В данном случае необходимо использовать в образовательном процессе программы для персональных компьютеров.

Цифровая компетентность предполагает владение не только мобильными, но и стационарными устройствами, поскольку настольные устройства остаются крайне эффективным инструментом образовательной деятельности благодаря своей функциональности, универсальности и эргономике, а чрезмерная зависимость от мобильных устройств негативно влияет на цифровую компетентность обучающихся, снижая их способность к организации информации и системному подходу к решению задач. Для обеспечения эффективного обучения и развития цифровой компетентности обучающихся важно сохранять баланс между использованием мобильных устройств и настольных, а также акцентировать внимание на обучении навыкам работы с ПК и ноутбуками в образовательных организациях.

Разработкой компетентностного подхода занимались А.Л. Андреев, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Г.К. Селевко, Д.А. Иванов и др. [31–35].

В рамках компетентностного подхода компетентность чаще всего трактуется как качество личности, проявляющееся в способности и готовности действовать на основе знаний, опыта, приобретенных в процессе социализации, обучения и ориентированных на самостоятельную успешную деятельность (И.А. Зимняя, Г.К. Селевко и др.); как владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности (А.В. Хуторской); как результат научения (Э.Ф. Зеер); способность эффективно действовать в ситуации неопределенности (О.Е. Лебедев).

В данном исследовании понятие компетентности рассматривается как владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности, как характеристика, даваемая человеку в результате оценки эффективности – результативности его действий, направленных на разрешение определенного круга значимых для данного сообщества проблем. Цифровая компетентность соответственно предполагает обладание обучающимся (в случае нашего исследования) цифровой компетенцией, т.е. знаниями, умениями цифровой сферы, свободное владение навыками работы в ней, необходимыми для решения образовательных, научно-исследовательских, творческих задач.

Цифровые компетенции являются важной составной частью содержания современного образования, а формирование цифровой компетентности ребенка –

одним из его результатов, что важно учитывать при организации работы с одаренными детьми. [36].

Проблемы работы с одаренными детьми освещались в трудах А.И. Савенкова, Д.Б. Богоявленской, Н.С. Лейтес и др. [37–39]. В научной среде до сих пор нет единого подхода к определению понятия «одаренность», но существует несколько подходов к определению детской одаренности:

- одаренные дети рассматриваются как обладающие гармоничным сочетанием интеллектуальных, творческих и специфических способностей, обеспечивающим высокую эффективность в определенной деятельности, а также наличием мотивации, необходимой для достижения выдающихся успехов [40];

- это дети, выделяющиеся выдающимися достижениями в определенном виде деятельности [41];

- каждый ребенок считается потенциально одаренным, обладающим определенными задатками. Педагогам необходимо найти и развить эти задатки посредством обучения и воспитания, иначе потенциал не будет раскрыт [42];

- можно говорить лишь о детях с признаками одаренности, поскольку существуют возрастные факторы, сензитивные для развития отдельных аспектов личности ребенка, сама же одаренность может подтверждаться результатами деятельности в течение длительного периода времени.

В Федеральной целевой программе «Одаренные дети» под понятием «одаренный ребенок» понимается ребенок, выделяющийся яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности. Также данный документ отмечает тот факт, что уровень, качественное своеобразие и характер развития одаренности являются результатом сложного взаимодействия наследственности (задатков) и социально-культурной среды, опосредованного деятельностью ребенка [43].

При работе с одаренными детьми важно понимать, что развитие одаренности является нелинейным процессом, поэтому он рассматривается как неординарная и сложная педагогическая задача, в ходе реализации которой необходимо использовать нестандартные педагогические методы. Цифровые технологии предоставляют систему инновационных методов работы с детьми, что расширяет педагогические возможности в целом.

В процессе работы с одаренными детьми была выявлена проблема деградации навыков уверенного использования программ для персональных компьютеров. Небольшая группа детей демонстрирует высокий уровень владения цифровой техникой в рамках цифровой образовательной среды, однако мы можем наблюдать противоположную тенденцию среди большинства обучающихся, которые в основном пользуются мобильными устройствами. Для многих обучающихся взаимодействие с ПК стало настолько затруднительным, что при переходе от мобильного устройства к ПК наблюдаются значительные сложности. Этот феномен указывает на реальную проблему в рамках образовательного процесса [44].

Число обучающихся, способных эффективно работать с персональными компьютерами даже на базовом уровне, сокращается, несмотря на широкое распространение цифровой техники. Этот парадокс объясняется современными тенденциями в разработке пользовательских интерфейсов программ и вышеупомянутой технологией *mobile first*. В цифровой образовательной среде этот сдвиг привел к тому, что мобильные устройства становятся доминирующими, тогда как навыки работы с персональными компьютерами утрачиваются.

Результаты исследования

Для оценки уровня цифровой компетентности обучающихся в цифровом образовательном пространстве было проведено исследование среди 500 высокомотивированных и одаренных обучающихся Челябинской области. В рамках исследования критерий компетентности рассматривался в рамках использования мобильных устройств и персонального компьютера. Для исследования были отобраны обучающиеся в возрасте от 11 до 14 лет, что соответствует категории 5–8-х классов. В качестве базы исследования была использована цифровая образовательная среда ГБУ ДО «Региональный центр выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Челябинской области «Курчатов Центр» – «Курчатов Центр – Образовательный портал». Исследование проводилось в рамках дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ, реализуемых с использованием дистанционных образовательных технологий и внедренных в экосистему цифровой образовательной среды «Курчатов Центр – Образовательный портал»: 1) «Занимательная математика»; 2) «Есть проект. Разработка идеи»; 3) «История права и государства России»; 4) «Основы химических знаний».

В качестве критериев оценки были выбраны:

- владение основными функциями устройства;
- понимание принципов настроек безопасности и приватности;
- работа с мультимедийным контентом;
- умение адаптировать настройки программ;
- работа с облачными сервисами;
- умение диагностировать и решать технические проблемы;
- навыки поиска и фильтрации информации в интернете;
- работа с платформами для совместного обучения.

Результаты исследования представлены в таблице.

На основании анализа данных о цифровой компетентности высокомотивированных обучающихся Челябинской области можно сделать ряд значимых выводов. По критерию владения основными функциями мобильных устройств меньшинство обучающихся (34 человека – 7%) испытывают трудности с базовым использованием мобильных устройств. Подавляющее большинство (376 человек – 75%) обладает средним уровнем сформированности критерия и лишь 90 человек (18%) демонстрирует высокий уровень владения функциями.

Оценка цифровой компетентности высокомотивированных и одаренных обучающихся Челябинской области

На мобильных устройствах				
Критерий	Уровень	Низкий	Средний	Высокий
Владение основными функциями устройства		34 (7%)	376 (75%)	90 (18%)
Понимание принципов настроек безопасности и приватности		223 (45%)	256 (51%)	21 (4%)
Работа с мультимедийным контентом		49 (10%)	186 (37%)	265 (53%)
Умение адаптировать настройки программ		71 (14%)	314 (63%)	115 (23%)
Работа с облачными сервисами		293 (59%)	193 (39%)	14 (2%)
Умение диагностировать и решать технические проблемы		123 (25%)	288 (58%)	89 (18%)
Навыки поиска и фильтрации информации в интернете		127 (25%)	319 (64%)	54 (11%)
Работа с платформами для совместного обучения		77 (15%)	219 (44%)	204 (41%)
На настольных устройствах (ПК, ноутбуки)				
Владение основными функциями устройства		178 (36%)	196 (40%)	126 (24%)
Понимание принципов настроек безопасности и приватности		316 (63%)	156 (31%)	28 (6%)
Работа с мультимедийным контентом		267 (53%)	189 (38%)	44 (9%)
Умение адаптировать настройки программ		334 (67%)	118 (24%)	48 (9%)
Работа с облачными сервисами		366 (73%)	114 (23%)	20 (4%)
Умение диагностировать и решать технические проблемы		288 (58%)	89 (18%)	123 (25%)
Навыки поиска и фильтрации информации в интернете		279 (56%)	153 (30%)	68 (14%)
Работа с платформами для совместного обучения		297 (59%)	132 (26%)	71 (14%)

На настольных устройствах гораздо больше обучающихся (178 человек – 36%) испытывают сложности при работе с основными функциями на ПК/ноутбуках, 196 человек (40%) владеют основными функциями настольных устройств на среднем уровне и менее четверти обучающихся (126 человек – 24%) демонстрируют высокий уровень.

По критерию понимания принципов настроек безопасности и приватности на мобильных устройствах почти половина обучающихся (223 человека – 49%) испытывают трудности с настройками безопасности, основная доля детей (256 человек – 51%) имеют базовое понимание и лишь 21 человек (4%) демонстрируют высокий уровень сформированности показателя. На настольных устройствах ещё больше обучающихся (267 человек – 53%) плохо ориентируются в настройках безопасности и приватности, 156 человек (31%) демонстрируют средний уровень владения настройками безопасности и приватности, что заметно меньше, чем на мобильных устройствах. 28 человек (6%) демонстрируют высокий уровень сформированности критерия.

По критерию работы с мультимедийным контентом на мобильных устройствах лишь небольшая доля обучающихся (10%) испытывают трудности при работе, многие обучающиеся (186 человек – 37%) демонстрируют средний уровень сформированности показателя и более половины детей (265 человек – 53%) обладают высоким уровнем сформированности данного навыка. На настольных устройствах более трети обучающихся (181 человек – 36%) испытывает сложности при работе с мультимедийным контентом, большая часть детей демонстрирует средний уровень (266 человек – 53%) и лишь 53 человека (11%) обладают высоким уровнем сформированности навыка работы с мультимедийным контентом.

По критерию умения адаптации настроек программ на мобильных устройствах лишь небольшая доля обучающихся (71 человек – 14%) испытывают трудности,

большинство детей имеют средний уровень сформированности данного умения (314 человек – 63%), а высокий уровень владения демонстрируют почти четверть (115 человек – 23%) обучающихся. На настольных устройствах больше половины детей (267 человек – 53%) демонстрируют низкий уровень умений, 186 человек (37%) обладают средним уровнем умений и лишь 10% (48 человек) демонстрируют высокий уровень умений адаптации настроек программ.

По критерию работы с облачными сервисами на мобильных устройствах четверть обучающихся (123 человека – 25%) используют облачные сервисы с большими затруднениями, большинство детей (288 человек – 58%) демонстрируют базовые навыки и лишь 89 человек (18%) работают с облачными сервисами на высоком уровне. На настольных устройствах больше половины детей (258 человек – 51%) испытывают трудности при работе с облачными сервисами, четверть обучающихся (127 человек – 25%) владеют сервисами на среднем уровне и у четверти детей (126 человек – 25%) наблюдаются развитые навыки работы с облачными сервисами.

По критерию диагностики и решения технических проблем на мобильных устройствах больше четверти детей (134 человека – 27%) испытывают затруднения при определении и решении технических проблем, большинство обучающихся (269 человек – 54%) владеют базовыми навыками и лишь 94 человека (19%) демонстрируют высокий уровень. На настольных устройствах большая часть обучающихся (319 человек – 63%) демонстрируют низкий уровень работы с техническими проблемами, 147 детей (29%) имеют достаточный навык определения и решения проблем и лишь 39 человек (8%) обладают высоким уровнем данного навыка.

По критерию навыка поиска и фильтрации информации в сети Интернет на мобильных устройствах у четверти обучающихся (127 человек – 25%)

наблюдаются трудности, большая часть детей (283 человека – 56%) демонстрируют средний показатель данного навыка и 94 человека (19%) показали хороший результат. На настольных устройствах большая часть обучающихся продемонстрировала низкий уровень навыка поиска и фильтрации информации, 176 человек (36%) владеют навыком на базовом уровне и лишь 34 человека (7%) демонстрируют высокий результат.

По критерию работы с платформами для совместного обучения на мобильных устройствах 77 человек (15%) продемонстрировали низкий уровень сформированности навыка работы, 219 человек (44%) обладают базовыми навыками и 204 человека (41%) – это уверенные пользователи платформ для совместного обучения. На настольных устройствах большинство обучающихся (297 человек – 64%) плохо владеют платформами для обучения, 132 человека (28%) демонстрируют базовый уровень и лишь 71 человек (14%) демонстрируют высокий уровень навыка работы.

Таким образом, уровень владения основными функциями на мобильных устройствах значительно выше, чем на настольных, что связано с большей частотой использования мобильных устройств. Проблемы с настройками безопасности у обучающихся выражены как на мобильных устройствах, так и на ПК, но на настольных устройствах ситуация хуже. Сформированность навыка работы с мультимедийным контентом на мобильных устройствах значительно опережает настольные в работе с мультимедийным контентом, что объясняется их повсеместным использованием для развлечений и обучения. Настройка программ на настольных устройствах вызывает серьезные трудности у большинства обучающихся. Облачные сервисы лучше освоены на мобильных устройствах, однако высокий уровень владения встречается чаще на ПК/ноутбуках. Навык диагностики и решения технических проблем находится на низком уровне, особенно на настольных устройствах. Навыки поиска информации значительно лучше развиты на мобильных устройствах, что связано с их более частым использованием. Работа с платформами для совместного обучения на ПК вызывает большие сложности у обучающихся.

Обсуждение

На основе вышеприведенного анализа можно заключить, что обучающиеся демонстрируют более высокий уровень владения мобильными устройствами по сравнению с настольными (ПК и ноутбуками), что объясняется повсеместным использованием смартфонов и планшетов в повседневной жизни. Более половины обучающихся имеют средний уровень владения основными функциями мобильных устройств, тогда как высокий уровень демонстрируют менее четверти. Низкий процент пользователей с продвинутыми навыками можно объяснить тем, что обучающиеся не углубляются в сложные операционные задачи при работе с цифровыми устройствами.

45% демонстрируют низкий уровень понимания принципов безопасности и приватности. Это связано с

тем, что большинство пользователей не видят необходимости в активном управлении настройками безопасности. Высокие показатели работы с облачными сервисами (59% – высокий уровень) и мультимедийным контентом (53%) демонстрируют, что учащиеся активно используют мобильные устройства для хранения и создания цифрового контента. Однако навыки поиска и фильтрации информации в интернете остаются на среднем уровне (64% – средний уровень), что указывает на недостаточное развитие критического мышления в цифровом пространстве.

Работа с настольными устройствами вызывает больше трудностей. Настольные устройства требуют более глубоких знаний, которыми обучающиеся не всегда обладают. Особенно это проявляется в работе с программами для редактирования мультимедийного контента: 53% имеют низкий уровень навыков на ПК, что может быть связано со сложностью этих программ по сравнению с мобильными приложениями. Важной проблемой остается недостаточная способность учащихся решать технические проблемы и грамотно искать и фильтровать информацию в интернете. 58% учащихся имеют низкий уровень диагностики технических проблем, а 56% – низкий уровень работы с информационными ресурсами, что указывает на нехватку практики в этих областях.

Исследование подтвердило высказываемое предположение о факте смещения акцента с настольных устройств на мобильные платформы и широкое влияние технологии *mobile first* на цифровую компетентность высокомотивированных и одаренных обучающихся, что способствует более быстрому освоению первичных навыков, но оставляет позади важные аспекты, такие как анализ данных, работа с периферийными устройствами и настройка безопасности.

В результате это приводит к тому, что высокомотивированные и одаренные дети сталкиваются со значительными техническими затруднениями при обучении, в том числе при использовании образовательной платформы «Курчатов Центр – Образовательный портал». Получается, что, несмотря на устоявшееся мнение о высоком уровне компетентности обучающихся в цифровом образовательном пространстве, мы наблюдаем тот факт, что философия технологии *mobile first* привела к отсутствию позитивной динамики развития навыков работы обучающихся с настольными цифровыми устройствами (ПК, ноутбуки).

В то же время следует отметить, что навыки работы с мобильными устройствами, которые, казалось бы, должны быть более развиты у обучающихся, сформированы на среднем уровне или на уровне ниже среднего, что, прежде всего, вызвано утилитарным отношением к использованию цифровых устройств в повседневной жизни.

Выводы

В настоящее время активно идет процесс внедрения цифровых технологий, в том числе технологии *mobile first*, в образовательный процесс дополнительного образования, что оказывает серьезное

влияние на формирование цифровой компетентности одаренных детей.

Цифровые технологии можно разделить на технологии работы с персональными компьютерами и мобильными устройствами, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Настольные устройства остаются эффективным инструментом образовательной деятельности благодаря своей функциональности, универсальности и эргономике, а чрезмерная зависимость от мобильных устройств негативно влияет на цифровую компетентность обучающихся, снижая их способность к организации информации и системному подходу к решению задач.

Проведенное исследование подтвердило предположение о смещении акцента с настольных устройств на мобильные платформы и широкое влияние технологии *mobile first* на цифровую компетентность высокомотивированных и одаренных обучающихся, что способствует более быстрому освоению первичных навыков, но негативно сказывается на анализе данных, работе с периферийными устройствами, настройками безопасности и т.п.

Уровень владения основными функциями на мобильных устройствах значительно выше, чем на

настольных. Проблемы с настройками безопасности у обучающихся выражены как на мобильных устройствах, так и на ПК, но на настольных устройствах ситуация хуже. Сформированность навыка работы с мультимедийным контентом на мобильных устройствах значительно опережает настольные в работе с мультимедийным контентом. Настройка программ на настольных устройствах вызывает серьезные трудности у большинства обучающихся. Облачные сервисы лучше освоены на мобильных устройствах, однако высокий уровень владения встречается чаще на ПК/ноутбуках. Навык диагностики и решения технических проблем находится на низком уровне, особенно на настольных устройствах. Навыки поиска информации значительно лучше развиты на мобильных устройствах. Работа с платформами для совместного обучения на ПК вызывает большие сложности у обучающихся.

Для обеспечения эффективного обучения и развития цифровой компетентности обучающихся важно сохранять баланс между использованием мобильных и настольных устройств, а также акцентировать внимание на обучении навыкам работы с ПК и ноутбуками в образовательных организациях

Список источников

1. Федеральный проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения: 25.02.2024).
2. Digital trends 2023 // SimilarWeb. URL: <https://www.similarweb.com/corp/reports/2023-digital-trends-report/> (дата обращения: 25.11.2024).
3. Percentage of mobile device website traffic worldwide from 1st quarter 2015 to 3rd quarter 2023 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/277125/share-of-website-traffic-coming-from-mobile-devices/> (дата обращения: 25.11.2024).
4. SlickJump: мобильный трафик в Рунете достиг 80% // Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238151763> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Болотова М.И. Развитие воспитательной системы учреждения дополнительного образования детей на основе событийно-интегративного подхода. Оренбург, 2012. 453 с.
6. Голованов В.П. Развитие полисферности дополнительного образования детей. Тамбов, 2006. 422 с.
7. Золотарева А.В. Дополнительное образование детей: теория и методика социально-педагогической деятельности. Ярославль : Акад. развития, 2004. 303 с.
8. Селиванова Н.Л. Предпосылки создания перспективных моделей воспитания // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 25–29.
9. Щегинская А.И., Тавстуха О.Г., Болотова М.И. Теория и практика современного дополнительного образования детей : учеб. пособие для подготовки бакалавра педагогики по направлению «Педагогика». Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. 401 с.
10. Бедерханова В.П. Становление личностно ориентированной позиции педагога. Краснодар, 2002. 413 с.
11. Куприянова Б.В. Социальное воспитание учащихся в учреждениях дополнительного образования детей. Кострома, 2011. 616 с.
12. Лопатина Н.В. Цифровизация: управление проектом или глобальным трендом? // Информация и инновации. 2018. № 13 (2). С. 32–38.
13. Гендина Н.И. Информационная грамотность и информационная культура личности как условие сохранения цифровой информации: диалектика гуманитарного и технократического подходов // Сохранение электронной информации в информационном обществе : сб. материалов Междунар. конф. (Москва, 3–5 октября 2011 г.). М. : МЦБС, 2012. С. 179–192.
14. Зиновьева Н.Б. Теория документирования : учеб.-метод. пособие. М. : Литера, 2011. 174 с.
15. Андреева А.А. Место цифровой компетенции в структуре профессиональной компетенции преподавателя иностранных языков // Kant. 2022. № 3 (43). С. 204–211.
16. Бояров Е.Н. Методическая подготовка бакалавров к безопасной информационно-средовой деятельности. СПб., 2016. 475 с.
17. Груздева М.Л. Концепция формирования информационной культуры студентов вуза. Нижний Новгород : ВГИПУ, 2011. 267 с.
18. Росс Д. Цифровые технологии в обучении: спекулятивные методы и педагогика / пер. с англ. Ж. Калвин. Нью-Йорк : Routledge, 2023. 212 с.
19. Щенина О.Г. Процессы инфо-цифро-сетевизации и их отражение в образовании // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 75–83.
20. Стабровская А.В. Виртуальная академическая мобильность и формы ее реализации в контексте цифровизации высшего образования // Наука и школа. 2021. № 2. С. 79–85.
21. Фейсер К. Использование цифровых технологий в образовании: создание пространства открытости, будущего и инноваций / пер. с англ. В. Гольшева // The Palgrave International Handbook of Alternative Education. 2016. С. 63–78.
22. Щербанова Е. Неравномерность развития одаренных детей // Школьный психолог. 2022. № 18. С. 15–30.
23. Тележинская Е.Л., Яфаркина Н.И. Мобильное образование – инструмент современного педагога // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 2 (27). С. 88–94.
24. Traxler J. Current State of Mobile Learning // Mobile learning: Transforming the Delivery of Education and Training. 2019. P. 9–24.
25. Куклев В.А. Становление системы мобильного обучения в открытом дистанционном образовании // Школьные технологии. 2021. № 4. С. 45–52.
26. Карпенко О.М., Фокина В.Н., Абрамова А.В., Широкова М.Е. Мобильное обучение в структуре образования // Социология образования. 2020. № 5. С. 30–44.
27. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. М. : АСТ, 2014. 288 с.
28. The mere presence of your smartphone reduces brain power, study shows // Science News. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2017/06/170623133039.htm> (дата обращения: 25.11.2024).

29. «Эффект Google»: стали ли мы глупее из-за технологий? // TeachLine. URL: <https://teachline.ru/blog/effekt-google-stali-li-my-glupee-iz-za-tekhnologiy/> (дата обращения: 25.11.2024).
30. Абдрашева Г.К., Туткышбаева Ш.С., Калибекова Д.Ш. Мобильное обучение и мобильные приложения в образовании // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2022. № 39. С. 126–131.
31. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа // Педагогика. 2005. № 4. С. 19–27.
32. Зеер Э.Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход : учеб. пособие. М. : Изд-во МСПИ, 2005. 215 с.
33. Зимняя И.А., Мазаева И.А., Лаптева М.Д. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение. М. : Аспект-пресс, 2020. 400 с.
34. Иванов Д.А. Ключевые компетенции и профессиональный портрет педагога. М. : Мос. центр качества образования, 2011. 44 с.
35. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении : науч.-метод. пособие. М. : Эйдос, 2013. 73 с.
36. Лейтес И.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия. М. : МОДЭК, 2008. 480 с.
37. Савенков А.И. Одаренные дети в детском саду и школе. М. : Академия, 2000. 231 с.
38. Боговяленская Д.Б. Психология творческих способностей : учеб. пособие, 2002. 317 с.
39. Лейтес Н.С. Психология одаренности детей и подростков. М. : Академия, 2021. 416 с.
40. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2022. 107 с.
41. Ничагина А.В., Колесов В.И. Работа с одаренными детьми в условиях цифровой трансформации образования // Проблемы современного образования. 2022. № 6. С. 221–232.
42. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2022. № 8. С. 107–113.
43. Распоряжение Минпросвещения России от 21 июня 2021 г. № Р-126 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие дополнительного образования детей, выявление и поддержка лиц, проявивших выдающиеся способности» // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/a21dc1dd750423695b02a4d3bdd0c7a6/?ysclid=m2ljo37cgm239406880> (дата обращения: 25.11.2024).
44. Шаповаленко С.И. Выявление и развитие детской одаренности в условиях учреждения дополнительного образования // Педагогические науки. 2022. № 5 (20). С. 51–54.

References

1. Edu.gov.ru. (2024) *Federal'nyy projekt "Sovremennaya tsifrovaya obrazovatel'naya sreda v RF"* [Federal Project "Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (Accessed: 25.02.2024).
2. SimilarWeb. (2023) *Digital trends 2023*. [Online] Available from: <https://www.similarweb.com/corp/reports/2023-digital-trends-report/> (Accessed: 25.11.2024).
3. Statista. (2023) *Percentage of mobile device website traffic worldwide from 1st quarter 2015 to 3rd quarter 2023*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/277125/share-of-website-traffic-coming-from-mobile-devices/> (Accessed: 25.11.2024).
4. Myseldon.com. (2024) *SlickJump: mobil'nyy trafik v Runete dostig 80%* [SlickJump: Mobile Traffic in the Runet Has Reached 80%]. [Online] Available from: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238151763> (Accessed: 20.10.2024).
5. Bolotova, M.I. (2012) *Razvitie vospitatel'noy sistemy uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya detey na osnove sobyitiynoy-integrativnogo podkhoda* [Development of the Educational System of an Institution of Supplementary Education for Children Based on an Event-Integrative Approach]. Orenburg.
6. Golovanov, V.P. (2006) *Razvitie polisfernosti dopolnitel'nogo obrazovaniya detey* [Development of the Polysphere Nature of Supplementary Education for Children]. Tambov.
7. Zolotareva, A.V. (2004) *Dopolnitel'noe obrazovanie detey: teoriya i metodika sotsial'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Supplementary Education for Children: Theory and Methodology of Socio-Pedagogical Activity]. Yaroslavl: Akademiya razvitiya.
8. Selivanova, N.L. (2013) *Predposylki sozdaniya perspektivnykh modeley vospitaniya* [Prerequisites for Creating Promising Models of Education]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 3. pp. 25–29.
9. Shchetinskaya, A.I., Tavstukha, O.G. & Bolotova, M.I. (2006) *Teoriya i praktika sovremennogo dopolnitel'nogo obrazovaniya detey* [Theory and Practice of Modern Supplementary Education for Children]. Orenburg: OGPU.
10. Bederkhanova, V.P. (2002) *Stanovlenie lichnostno orientirovannoy pozitsii pedagoga* [Formation of a Personally Oriented Position of a Teacher]. Krasnodar.
11. Kupriyanova, B.V. (2011) *Sotsial'noe vospitanie uchashchikhsya v uchrezhdeniyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya detey* [Social Education of Students in Institutions of Supplementary Education for Children]. Kostroma.
12. Lopatina, N.V. (2018) *Tsifrovizatsiya: upravlenie proektom ili global'nym trendom?* [Digitalization: Managing a Project or a Global Trend?]. *Informatsiya i innovatsii*. 13 (2). pp. 32–38.
13. Gendina, N.I. (2012) *Informatsionnaya gramotnost' i informatsionnaya kul'tura lichnosti kak uslovie sokhraneniya tsifrovoy informatsii: dialektika humanitarnogo i tekhnokraticeskogo podkhodov* [Information Literacy and Information Culture of the Individual as a Condition for the Preservation of Digital Information: The Dialectics of Humanitarian and Technocratic Approaches]. In: *Sokhranenie elektronnoy informatsii v informatsionnom obshchestve* [Preservation of Electronic Information in the Information Society]. Moscow: MTsBS. pp. 179–192.
14. Zinov'eva, N.B. (2011) *Teoriya dokumentirovaniya* [Theory of Documentation]. Moscow: Literatura.
15. Andreeva, A.A. (2022) *Mesto tsifrovoy kompetentsii v strukture professional'noy kompetentsii prepodavatelya inostrannykh yazykov* [The Place of Digital Competence in the Structure of Professional Competence of a Foreign Language Teacher]. *Kant*. 3 (43). pp. 204–211.
16. Boyarov, E.N. (2016) *Metodicheskaya podgotovka bakalavrov k bezopasnoy informatsionno-sredovoy deyatel'nosti* [Methodological Training of Bachelors for Safe Information and Environmental Activities]. Saint Petersburg.
17. Gruzdeva, M.L. (2011) *Kontseptsiya formirovaniya informatsionnoy kul'tury studentov vuza* [The Concept of Forming Information Culture of University Students]. Nizhniy Novgorod: VGIPU.
18. Ross, J. (2023) *Digital Futures for Learning. Speculative Methods and Pedagogies*. New York: Routledge.
19. Shchenina, O.G. (2021) *Protsessy info-tsifro-setevizatsii i ikh otrazhenie v obrazovanii* [Processes of Info-Digital-Networking and Their Reflection in Education]. *Sotsial'no-humanitarnye znaniya*. 4. pp. 75–83.
20. Stabrovskaya, A.V. (2021) *Virtual'naya akademicheskaya mobil'nost' i formy ee realizatsii v kontekste tsifrovizatsii vysshego obrazovaniya* [Virtual Academic Mobility and Forms of Its Implementation in the Context of Digitalization of Higher Education]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 79–85.
21. Feyser, K. (2016) *Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologiy v obrazovanii: sozdanie prostranstva otkrytosti, budushchego i innovatsiy* [The Use of Digital Technologies in Education: Creating a Space of Openness, Future and Innovation]. Translated from English by V. Golyshchev. In: *The Palgrave International Handbook of Alternative Education*. S.l. pp. 63–78.
22. Shcheblanova, Ye. (2022) *Neravnomernost' razvitiya odarennykh detey* [Uneven Development of Gifted Children]. *Shkol'nyy psikholog*. 18. pp. 15–30.

23. Telezhinskaya, E.L. & Yafarkina, N.I. (2021) Mobil'noe obrazovanie – instrument sovremennogo pedagoga [Mobile Education as a Tool of a Modern Teacher]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*. 2 (27). pp. 88–94.
24. Traxler, J. (2019) Current State of Mobile Learning. In: *Mobile learning: Transforming the Delivery of Education and Training*. S.l. pp. 9–24.
25. Kuklev, V.A. (2021) Stanovlenie sistemy mobil'nogo obucheniya v otkrytom distantsionnom obrazovanii [The Formation of a Mobile Learning System in Open Distance Education]. *Shkol'nye tekhnologii*. 4. pp. 45–52.
26. Karpenko, O.M., Fokina, V.N., Abramova, A.V. & Shirokova, M.E. (2020) Mobil'noe obuchenie v strukture obrazovanie [Mobile Learning in the Structure of Education]. *Sotsiologiya obrazovaniya*. 5. pp. 30–44.
27. Spitzer, M. (2014) *Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg* [Digital Dementia: How We Are Being Deprived of Reason]. Translated from German by A.G. Grishina. Moscow: AST.
28. Science News. (2017) *The mere presence of your smartphone reduces brain power, study shows*. [Online] Available from: <https://www.sciencedaily.com/releases/2017/06/170623133039.htm> (Accessed: 25.11.2024).
29. TeachLine. (2024) *"Effekt Google": stali li my glupee iz-za tekhnologii?* ["The Google Effect": Have We Become Stupider Because of Technology?]. [Online] Available from: <https://teachline.ru/blog/effekt-google-stali-li-my-glupee-iz-za-tekhnologii/> (Accessed: 25.11.2024).
30. Abdrasheva, G.K., Tutkyshbayeva, Sh.S. & Kalibekova, D.Sh. (2022) Mobil'noe obuchenie i mobil'nye prilozheniya v obrazovanii [Mobile Learning and Mobile Applications in Education]. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii*. 39. pp. 126–131.
31. Andreev, A.L. (2005) Kompetentnostnaya paradigma v obrazovanii: opyt filosofsko-metodologicheskogo analiza [The Competence Paradigm in Education: Experience of Philosophical and Methodological Analysis]. *Pedagogika*. 4. pp. 19–27.
32. Zeer, E.F. (2005) *Modernizatsiya professional'nogo obrazovaniya: kompetentnostnyy podkhod* [Modernization of Professional Education: A Competence-Based Approach]. Moscow: MSPI.
33. Zimnyaya, I.A., Mazayeva, I.A. & Lapteva, M.D. (2020) *Kommunikativnaya kompetentnost', rechevaya deyatel'nost', verbal'noe obshchenie* [Communicative Competence, Speech Activity, Verbal Communication]. Moscow: Aspekt-press.
34. Ivanov, D.A. (2011) *Klyucheve kompetentsii i professional'nyy portret pedagoga* [Key Competences and Professional Portrait of a Teacher]. Moscow: Moskovskiy tsentr kachestva obrazovaniya.
35. Khutorskoy, A.V. (2013) *Kompetentnostnyy podkhod v obuchenii* [Competence-Based Approach in Learning]. Moscow: Eydos.
36. Leytes, I.S. (2008) *Vozrastnaya odarennost' i individual'nye razlichiya* [Age-Related Giftedness and Individual Differences]. Moscow: MODEK.
37. Savenkov, A.I. (2000) *Odarennye deti v detskom sadu i shkole* [Gifted Children in Kindergarten and School]. Moscow: Akademiya.
38. Bogoyavlenskaya, D.B. (2002) *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostey* [Psychology of Creative Abilities]. S.l.
39. Leytes, N.S. (2021) *Psikhologiya odarennosti detey i podrostkov* [Psychology of Giftedness in Children and Adolescents]. Moscow: Akademiya.
40. Bim-Bad, B.M. (2022) *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Moscow.
41. Nichagina, A.V. & Kolesov, V.I. (2022) Rabota s odarennymi det'mi v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya [Working with Gifted Children in the Context of Digital Transformation of Education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 6. pp. 221–232.
42. Nikulina, T.V. & Starichenko, E.B. (2022) Informatizatsiya i tsifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravlenie [Informatization and Digitalization of Education: Concepts, Technologies, Management]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 8. pp. 107–113.
43. Ministry of Education of the Russian Federation. (2021) *Order of the Ministry of Education of Russia dated June 21, 2021, No. R-126 "On Approval of the Departmental Target Program "Development of Supplementary Education for Children, Identification and Support of Persons Who Have Shown Outstanding Abilities""*. [Online] Available from: <https://docs.edu.gov.ru/document/a21dc1dd750423695b02a4d3bdd0c7a6/> (Accessed: 25.11.2024). (In Russian).
44. Shapovalenko, S.I. (2022) Vyyavlenie i razvitie detskoj odarennosti v usloviyakh uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya [Identification and Development of Children's Giftedness in the Conditions of an Institution of Supplementary Education]. *Pedagogicheskie nauki*. 5 (20). pp. 51–54.

Информация об авторах:

Соколова Н.А. – д-р пед. наук, зав. кафедрой социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: sokolovana@cspu.ru. ORCID: 0000-0003-2110-8320

Гуль И.Д. – аспирант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия); методист Регионального центра выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Челябинской области «Курчатов Центр» (Челябинск, Россия). E-mail: gul.ilya@mail.ru. ORCID: 0009-0009-1973-4286

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.A. Sokolova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Social Work, Pedagogics and Psychology, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sokolovana@cspu.ru. ORCID: 0000-0003-2110-8320

I.D. Gul, postgraduate student, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation); curriculum developer, Kurchatov Center (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: gul.ilya@mail.ru. ORCID 0009-0009-1973-4286

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025;
одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 30.01.2025;
approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.3
doi: 10.17223/15617793/512/24

Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде

Анна Львовна Боренштейн¹, Юрий Станиславович Кухарев², Константин Геннадьевич Балашов³

^{1, 2} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

³ Адвокатская контора Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия

¹ annalbor@yandex.ru

² yurij.kuharev@yandex.ru

³ balashoffkonstantin@yandex.ru

Аннотация. Обоснована необходимость совершенствования понятийно-категориального аппарата для эффективного расследования преступлений, совершаемых с использованием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде. Проведен анализ существующих подходов к определению данных терминов в юридической науке и практике правоохранительных органов. Выявлены пробелы и неоднозначности в действующем законодательстве и правоприменительной практике, затрудняющие квалификацию и расследование подобных преступлений. Предложены рекомендации по разработке четких легальных определений понятий в сфере киберпреступности. Намечены направления интеграции указанной терминологии в профессиональный лексикон юридических специалистов в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: дроп, дроповод, цифровая среда, киберпреступления, расследование преступлений, понятийно-категориальный аппарат, грей карта, мошенничество

Для цитирования: Боренштейн А.Л., Кухарев Ю.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 223–232. doi: 10.17223/15617793/512/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/24

Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment

Anna L. Borenstein¹, Yuriy S. Kukharev², Konstantin G. Balashov³

^{1, 2} Southwest State University, Kursk, Russian Federation

³ Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation

¹ annalbor@yandex.ru

² yurij.kuharev@yandex.ru

³ balashoffkonstantin@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the debatable issues concerning the nature and legal status of "drops" and "drop handlers" in the context of investigating crimes in the digital environment. The primary emphasis is placed on the need to refine the conceptual and categorical apparatus to effectively counter new forms of cybercrime. The aim of the article is to substantiate the need to develop and clarify the terminological base used in the investigation of crimes involving "drops" and "drop handlers", to identify gaps and conflicts in the current legislation, and to propose directions for their elimination and integration of relevant concepts into the professional lexicon of legal professionals. The study is based on the analysis of existing scientific approaches to the definition of key concepts related to the phenomenon of "drops", materials of law enforcement practice, as well as data obtained by the authors in the course of empirical research of specialised shadow Internet platforms used to organise criminal activity in this area. The methods of formal logic, semantic analysis, classification, statistical processing of data, as well as the comparative legal method were used in the process of work on the article, which allows comparing the approaches of various researchers to the interpretation of the categories under consideration and to develop the most optimal definitions. Based on the results of the study, the authors conclude that the existing conceptual and categorical apparatus is insufficient and incomplete to adequately reflect the specifics of crimes committed with the use of "drops" and "drop handlers" in the digital environment. There

is terminological uncertainty and a lack of unity in the interpretation of basic concepts, which significantly complicates the qualification of the relevant acts and the development of effective countermeasures. Based on empirical data, a classification of "drops" is proposed, which includes categories such as "non-scam-able" and "scam-able", with the specific characteristics of each type described. The typical requirements for candidates for the role of "drop handlers", their functional responsibilities, and the criminal methods they employ were analyzed. Particular attention is paid to the examination of such specific concepts characteristic of the cybercrime domain as "grey card", "manual", "pour", and "seeds". Their content and role in the mechanism of criminal activity are described, and the authors' definitions for these terms are proposed. It is noted that the state of legal regulation in the sphere of countering crimes involving "drops" and "drop handlers" is not sufficient and does not correspond to modern challenges of information society, which substantiates the need for the development and consolidation of clear legal definitions of the relevant concepts, their harmonisation within the framework of an intersectoral approach.

Keywords: drop, drop handler, digital environment, cybercrime, crime investigation, conceptual framework, grey card, manual, fraud

For citation: Borenstein, A.L., Kukharev, Yu.S. & Balashov, K.G. (2025) Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 223–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/24

Общая характеристика категориально-понятийного аппарата юриспруденции основывается на взаимосвязанном использовании категорий, понятий и терминов в языке права. Ядром данной системы являются терминологические единицы, представляющие собой точное, фиксированное обозначение определённых понятий или категорий, которые отражают основные признаки и свойства объектов правовой реальности [1. С. 218].

Категориально-понятийный аппарат юриспруденции представляет собой систематизированное множество концептуальных инструментов, которые обеспечивают теоретическое осмысление и практическое применение норм права [2. С. 139]. Этот аппарат включает в себя категории, понятия, термины и дефиниции, которые формируют основу юридической науки и правоприменения. Он выполняет функцию когнитивного инструмента общей теории государства и права, содействуя всестороннему пониманию и анализу правовых явлений, институтов и процессов.

Познавательное значение категориально-понятийного аппарата заключается в его универсальности и способности адаптироваться к изменяющимся условиям социального и правового контекста. Категории и понятия выступают в роли своеобразных «строительных блоков», из которых формируется правовая реальность, описываемая общетеоретическими моделями и методами [3. С. 35]. Они позволяют систематизировать и классифицировать сложные правовые явления, устанавливая связи между различными правовыми нормами и институтами. Такая систематизация способствует более глубокому пониманию природы права, его содержания и функционирования в обществе.

Особое внимание в структуре категориально-понятийного аппарата следует уделить разграничению значения таких категорий, как «термин» и «дефиниция». Несмотря на их взаимосвязь, данные понятия играют различные роли в правовой теории и практике. Термин в юридическом контексте – это слово или словосочетание, обладающее четко определенным значением и предназначенное для обозначения специфического правового понятия [4. С. 75]. Термины служат лексическим средством передачи правового знания, обеспечивая точность и недвусмысленность юридического языка [5. С. 156]. Они необходимы для эффективной

коммуникации в правовой сфере, позволяя специалистам точно и однозначно выражать свои мысли в процессе правотворчества и правоприменения.

Дефиниция, в свою очередь, представляет собой зафиксированное определение, раскрывающее содержание термина и являющееся его лексическим эквивалентом [6. С. 45]. Это логический инструмент, который используется для формулирования и уточнения смысла правового термина, обеспечивая его концептуальную ясность. Дефиниции помогают правоведам четко разграничивать границы понятий, минимизируя риск их двусмысленности и интерпретационных ошибок. Таким образом, дефиниции способствуют более глубокому пониманию и осмыслению правовых понятий, что имеет решающее значение для научных исследований и правоприменительной практики.

Отметим, что в основании категориально-понятийного аппарата лежат фундаментальные категории, такие как «право», «государство», «норма», «правоотношение», формирующие каркас общетеоретического понимания государства и права [7. С. 37]. Эти базисные категории позволяют юристам осмыслить сложные взаимосвязи между правовыми нормами, институтами и социальными процессами, создавая концептуальную основу для разработки новых теоретических моделей и инструментов [8. С. 30].

Развитие категориально-понятийного аппарата связано с эволюцией юридической науки и постепенным усложнением правовых систем. Каждое новое правовое явление требует своего осмысления и интеграции в существующую систему знаний, что накладывает необходимость адаптации и модификации категориально-понятийного аппарата. В этом контексте важную роль играет междисциплинарный подход, позволяющий заимствовать теоретические инструменты из смежных наук, таких как философия, социология, политология, экономика. Такое взаимодействие способствует появлению новых категорий и понятий, обогащающих юридическую науку и расширяющих ее аналитический потенциал.

Профессор Н.П. Яблоков отмечал, что внедрение инноваций в сфере криминалистики должно осуществляться путем их органичной интеграции в уже сложившуюся систему научных категорий. Такая интеграция

должна основываться на едином научно-теоретическом фундаменте, включающем в себя четко определенные цели, задачи и объект исследования криминалистической науки. Это обеспечивает преемственность и согласованность методологических подходов в рамках дисциплины [9. С. 21].

Кроме того, любые новые положения и концепции должны опираться на проверенные временем основы и принципы, которые формируют фундаментальную структуру криминалистики. Соблюдение этих принципов гарантирует, что инновации не нарушат устойчивость научной парадигмы, а усилят и дополнят ее, способствуя дальнейшему развитию науки и практики.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным исследовать интеграцию новых понятий через призму криминалистической характеристики. Такой подход обеспечит их гармоничное вхождение в уже сложившуюся систему категорий криминалистической науки, учитывая ее методологические и теоретические основы. Анализ с позиции криминалистической характеристики позволит глубже понять сущность новых понятий и установить их место и роль в структуре науки, что будет способствовать развитию криминалистической теории и практики.

Впервые научный термин «криминалистическая характеристика преступлений» упомянут в трудах А.Н. Колесниченко [10. С. 14] и Л.А. Сергеева [11. С. 7], посвященных проблемам расследования отдельных видов преступлений. Однако Л.А. Сергеев и А.Н. Колесниченко не раскрыли в своих работах самого термина «криминалистическая характеристика преступлений», только в 1975 г. И.Ф. Пантелеев впервые сделал это. Он считал, что криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений – это «характеристика типичных ситуаций данного вида преступлений, наиболее распространенных способов их совершения, применяемых преступниками технических средств, характеристика типичных материальных следов, могущих иметь значение вещественных доказательств по уголовному делу, наиболее вероятных мест их обнаружения, тайников, способов сокрытия следов преступления и других средств маскировки преступников, характеристика их профессиональных преступных навыков и преступных связей» [12. С. 26].

С учётом обширного спектра частных криминалистических методик формируется и соответствующее многообразие их криминалистических характеристик, которые, в целях систематизации и удобства практического использования, подразделяют на типовые, видовые и групповые.

Типовая криминалистическая характеристика формируется в качестве методологической модели, раскрывающей принципиальные признаки, функциональное значение и основные структурные элементы анализируемого феномена. В то же время видовые криминалистические характеристики преступлений представляют собой комплексное описание с позиций криминалистики конкретных деяний, обладающих признаками общественной опасности и наказуемости в соответствии с уголовным законом (например, краж, грабежей, разбоев, мошенничества и др.).

Групповые криминалистические характеристики представляют собой системно-аналитическую совокупность сведений о структуре, механизме и закономерностях совершения сходных преступных посягательств, рассматриваемых с позиций криминалистической науки. Данный блок данных служит основой для комплексного анализа и позволяет уточнять видовые криминалистические характеристики конкретных видов преступлений, учитывая характерные способы подготовки, реализации и маскировки противоправных действий, а также персональные особенности правонарушителей. Включение групповых характеристик в более широкие видовые криминалистические модели способствует повышению эффективности методик расследования и оптимизации доказательственного процесса, в том числе за счёт выявления и учёта специфических закономерностей и типичных признаков совершения данных преступлений.

В научной литературе аргументированно отмечается позиция Л.Л. Каневского, указывающего на недопустимость чрезмерно расширительного понимания криминалистической характеристики преступления. Такая трактовка способна воспринять чрезмерно широкий спектр составляющих: от выявления и описания свойств, признаков и черт конкретного вида противоправных посягательств до характеристики субъективной стороны (фактического содержания вины, мотивов, последствий), а также наиболее типичных доказательств и факторов, способствующих реализации преступного умысла [13. С. 62].

В то же время Л.А. Сергеев, раскрывая содержание криминалистической характеристики, выдвигает в качестве её основных элементов особенности способов совершения и характерных следов соответствующих видов преступлений, совокупность обстоятельств, отражающих специфику личности соучастников и их криминальных взаимосвязей, а также объективные факторы – время, место и обстановку совершения деяния, объект посягательства и систему взаимосвязанных условий, влияющих на формирование и реализацию преступного поведения [11. С. 12]. Такое понимание позволяет не только структурировать анализ преступных действий в рамках криминалистической теории, но и обеспечивает эффективность совершенствования методик расследования при учёте многообразия факторов, определяющих динамику и механизм совершения преступлений.

Среди научных исследований, посвящённых содержанию криминалистической характеристики преступления, выделяется концепция И.А. Возгрина, предлагающая методологическую схему анализа состояния и специфики противодействия разнообразным видам преступной деятельности. На раннем этапе своих научных изысканий он утверждал, что под криминалистической характеристикой отдельных категорий преступлений следует понимать всестороннее описание актуального уровня борьбы с ними и присущих им особенностей, выделяя следующие основные структурные элементы:

а) определение сущности указанных видов противоправных посягательств и общих уголовно-процессуальных аспектов, влияющих на особенности их расследования;

б) анализ состояния и значения комплекса мер, направленных на противодействие данным преступлениям;

в) криминалистическую классификацию соответствующих противоправных посягательств по способу их осуществления, характеристикам личности правонарушителей и признакам потерпевших [14. С. 43].

В 1984 г. И.А. Возгрин уточнил и дополнил предложенную структуру следующими положениями:

а) определение предмета исследования или круга обстоятельств, которые подлежат установлению в ходе расследования данных преступлений;

б) разработка специализированных рекомендаций, регламентирующих организацию расследования рассматриваемой категории противоправных действий [14. С. 67].

Согласно подходу Р.С. Белкина, криминалистическая характеристика преступления представляет собой сложное системное образование, включающее несколько взаимосвязанных компонентов. В частности, в её структуре выделяются:

– характеристика типичной исходной информации, формирующей основу для первоначальных следственных действий;

– совокупность сведений о способах совершения и сокрытия преступления, а также типичных последствиях, наступающих в результате их реализации;

– данные о личности предполагаемого преступника, в том числе вероятные мотивы и цели противоправного поведения;

– сведения о личности жертвы и характеристика предмета посягательства, позволяющие уточнить специфику криминальной ситуации;

– комплекс типичных обстоятельств, сопровождающих противоправный акт (место, время, обстановка), дающих возможность выявить особенности механизма преступления;

– факторы, которые способствуют совершению данного вида либо категории преступлений и оказывают влияние на формирование криминальной обстановки.

Все перечисленные компоненты рассматриваются в качестве взаимообусловленных и образуют целостную систему, обеспечивающую комплексный криминалистический анализ, что особенно важно при разработке и реализации методик раскрытия, расследования и профилактики преступлений [15. С. 42].

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с использованием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде, представляет собой систему взаимосвязанных элементов, отражающих специфические особенности данного вида криминальной деятельности. Основываясь на представленном материале, можно выделить следующие ключевые элементы данной характеристики.

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с использованием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде, представляет собой систему взаимосвязанных элементов, отражающих специфические особенности данного вида криминальной деятельности. Основываясь на представленном материале, можно выделить следующие ключевые элементы данной характеристики:

1. Способ совершения преступления. Преступные схемы с участием «дропов» и «дроповодов» реализуются посредством использования банковских счетов и карт, оформленных на подставных лиц. Организаторы противоправной деятельности «дроповоды» осуществляют подбор и координацию действий непосредственных исполнителей «дропов», обеспечивая функционирование преступной сети. Для сокрытия следов преступления применяются специальные методы, такие как «грей карта» (имитация легальной пользовательской активности) и использование анонимных SIM-карт («семечек»).

В англоязычной юридической практике подобных лиц именуют money mule («денежный мул») [16. С. 38].

Д.С. Гордеев, определяет «дропа» как физическое лицо, выступающее в роли номинального участника мошеннических схем. Данное лицо является ключевым звеном, ответственным за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с целью их последующего использования. Существует несколько разновидностей схем, в которых «дропы» участвуют тем или иным образом; иногда такие схемы намеренно усложняются для затруднения эффективного расследования преступления. Однако всех их объединяет общая цель – вывести незаконно полученные доходы в «теневую» экономику и придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем [17. С. 557].

Интеграция понятий «дропа» и «дроповод» в контекст способа совершения преступления как элемента криминалистической характеристики позволяет углубленно изучить механизмы функционирования современных преступных схем в киберпространстве. Способ совершения преступления, являясь ключевым элементом криминалистической характеристики, отражает последовательность действий преступников, средства и методы, используемые для достижения противоправной цели.

Роль «дропов» и «дроповодов» в способе совершения преступления заключается в организации и реализации многоступенчатых схем нелегального перевода и легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем. «Дропы» выступают непосредственными исполнителями, предоставляющими свои персональные данные, банковские счета и карты для проведения финансовых операций. «Дроповоды» же осуществляют подбор, инструктаж и контроль «дропов», координируя их действия и обеспечивая эффективность преступной деятельности.

Способ совершения преступления с участием данных субъектов характеризуется высокой степенью организованности и использованием технологий цифровой экономики. Преступники активно применяют анонимные сети, специализированные мессенджеры и криптовалюты для затруднения обнаружения и отслеживания их деятельности правоохранительными органами. Кроме того, используются методы маскировки операций, такие как «грей карта», имитирующая легитимную пользовательскую активность, и нелегальные SIM-карты для обеспечения анонимности коммуникаций.

Интеграция понятий «дроп» и «дроповод» в анализ способа совершения преступления позволяет сформировать целостное представление о механизме преступной деятельности, выявить закономерности и особенности, характерные для данного вида преступлений. Это, в свою очередь, способствует разработке эффективных методик расследования, направленных на выявление, документирование и доказывание противоправных действий участников преступных схем.

Совершенствование понятийно-категориального аппарата в области исследования способов совершения преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» имеет важное практическое значение. Четкое определение и разграничение ролей данных субъектов позволяет более точно квалифицировать их действия в соответствии с уголовным законодательством, что является необходимым условием для привлечения виновных к ответственности.

Актуализация терминологии и дефиниций в сфере криминалистического исследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, отражает динамику развития способов совершения преступлений и необходимость адаптации научных подходов к новым реалиям. Это повышает эффективность правоохранительной деятельности, обеспечивает более результативное противодействие современным преступным практикам и способствует укреплению правопорядка в условиях цифровизации.

Анализ способов совершения преступлений с участием «дропов» и операторов по легализации денежных средств является ключевым аспектом криминалистической характеристики данных преступлений. В процессе исследования, проведенного в период с 1 февраля по 1 июля 2024 г., был выявлен специфический понятийно-категориальный аппарат, используемый преступниками при осуществлении противоправных финансовых операций с использованием токенов «Криптокардс».

«Дропы» как номинальные участники финансовых операций играют существенную роль в механизме совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом денежных средств и их легализацией. Выявлены две основные категории «дропов»:

1. **«Неразводные» дропы:** данная категория включает лиц, которые осознают противоправный характер своей деятельности и действуют умышленно. Они самостоятельно вступают в контакт с организаторами преступных схем, предлагая свои банковские продукты (в основном банковские карты) для использования в нелегальных операциях. «Неразводные» дропы получают материальное вознаграждение за своё участие и характеризуются социально-экономическими признаками, такими как отсутствие постоянной занятости, стабильного дохода, наличие кредитных обязательств или зависимостей. Их участие позволяет организаторам преступлений создавать видимость легитимности финансовых транзакций и обходить механизмы финансового контроля.

2. **«Разводные» дропы:** эти лица вовлекаются в преступную деятельность без осознания её незаконности. Организаторы используют различные предлоги

для получения доступа к их банковским счетам и картам. Наиболее распространённым методом является фиктивное трудоустройство: под видом официального найма гражданина просят оформить банковскую карту для перечисления заработной платы, привязать её к номеру телефона «работодателя» и передать карту или её реквизиты. В результате организаторы получают полный доступ к банковскому счёту «разводного» дропа, используемому впоследствии в преступных целях.

После первоначального этапа получения неправомерно присвоенных денежных средств на счета «дропов», преступная схема включает этапы, направленные на сокрытие происхождения этих средств и их интеграцию в легальную финансовую систему. Здесь ключевую роль играют следующие операторы по легализации средств:

1. **Ассимиляторы:** специализируются на вводе наличных денежных средств в финансовую систему. Получая наличные от организаторов или других «дропов», они вносят их на свои банковские счета и далее осуществляют переводы по указаниям организаторов. Деятельность ассимиляторов усложняет отслеживание денежных потоков, поскольку они вводят дополнительные звенья в цепочку финансовых операций.

2. **Маскировщики транзакций:** занимаются созданием сложных схем финансовых переводов с использованием различных инструментов и платформ, включая электронные кошельки, криптовалютные обменники и анонимные платёжные системы. Их цель — запутать пути движения денежных средств, затрудняя обнаружение истинного происхождения денег и идентификацию конечных бенефициаров.

Способ совершения преступления с участием «дропов» и операторов по легализации средств характеризуется использованием современных информационных технологий и специализированных методов, направленных:

– на **сокрытие цифровых следов:** применение анонимных сетей, VPN-сервисов, незарегистрированных SIM-карт («семечек») для обеспечения анонимности коммуникаций и действий в электронных системах банкинга;

– **имитацию легитимности операций:** использование программных скриптов и специальных алгоритмов для создания активности по банковским картам («грей карты»), что позволяет обходить автоматизированные системы мониторинга и контроля финансовых операций;

– **многоступенчатые финансовые операции:** разбиение крупных сумм на мелкие транзакции, проведение их через счета различных лиц («дропов», ассимиляторов, маскировщиков) с использованием разнообразных финансовых инструментов, что затрудняет установление связи между исходными преступными средствами и конечными получателями.

Интеграция понятий «неразводных» и «разводных» дропов, а также операторов по легализации средств в анализ способа совершения преступления позволяет детально характеризовать механизм криминальной деятельности и определить узловые точки для эффективного противодействия. Понимание ролей и функций

каждого участника преступной схемы способствует разработке специфических методик выявления, раскрытия и расследования данных преступлений.

«Дроповоды» занимают промежуточное положение между организаторами преступной деятельности и непосредственными исполнителями – «дропами». Их функции включают:

1. Вербовку «дропов»: «дроповоды» проводят активный поиск и привлечение лиц, готовых предоставить свои банковские счета и карты для использования в противоправных целях. Они обращаются к социально уязвимым группам населения, часто через объявления на теневых интернет-ресурсах, включая Darknet.

2. Инструктаж и контроль: после вербовки «дропов» «дроповоды» осуществляют их обучение, разъясняя методы и процедуры, необходимые для успешного выполнения преступных задач. Это включает инструктаж по конспиративным мерам, использованию анонимных технологий и выполнению финансовых операций.

3. Координация деятельности: «дроповоды» обеспечивают оперативное управление действиями «дропов» на локальном уровне, контролируя их взаимодействие с банковскими учреждениями и финансовыми платформами. Они выступают связующим звеном между «дропами» и организаторами, передавая указания и собирая отчеты о проделанной работе.

Способ совершения преступления с участием «дроповодов» характеризуется использованием современных цифровых технологий и методов конспирации:

– **Анонимные коммуникации:** применение зашифрованных мессенджеров, VPN-сервисов и анонимных сетей (например, Tor) для предотвращения идентификации и отслеживания коммуникаций между участниками преступной схемы.

– **Использование анонимных SIM-карт:** применение незарегистрированных SIM-карт («симки на подставное лицо») позволяет скрыть реальные номера телефонов, используемых для связи и получения уведомлений от банков.

– **«Грей карты»:** имитация легитимной активности по банковским картам «дропов» с целью обхода автоматизированных систем банковского мониторинга и предотвращения блокировки счетов.

Таким образом, в криминалистической характеристике современных финансовых преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» особое внимание уделяется анализу способа их совершения, который представляет собой сложную и многоступенчатую схему. Начальным этапом является организация сети «дропов» посредством деятельности «дроповодов». Эти посредники проводят тщательный отбор кандидатов, формируя базу данных лиц, готовых предоставить доступ к своим банковским реквизитам. При выборе «дропов» учитываются факторы их надёжности и возможности контроля их действий, что обеспечивает эффективность последующих операций.

Следующий этап заключается в интеграции неправомочно полученных денежных средств в финансовую систему. Организаторы преступной деятельности переводят преступные доходы, полученные, например, в

результате мошенничества, хищений или кибератак, на банковские счета заранее подготовленных «дропов». Это позволяет замаскировать источник происхождения средств и создать видимость легитимных финансовых операций.

После зачисления средств «дропами», действуя по инструкциям «дроповодов», осуществляют обналичивание полученных денег или перенаправляют их на другие счета, контролируемые преступной организацией. Для усложнения процесса отслеживания денежных потоков используются сложные цепочки транзакций, включающие нескольких «дропов» и дополнительные банковские счета. Такая практика, известная как «слоение» [18. С. 79], служит для запутывания финансовых операций и затруднения их анализа со стороны финансовых институтов и правоохранительных органов.

Совокупность этих действий формирует сложный и многоуровневый способ совершения преступления, нацеленный на максимальное затруднение работы правоохранительных органов по пресечению незаконной деятельности.

Введение в научный оборот специфических понятий «дроп», «дроповод», «неразводной дроп», «разводной дроп», а также в детальной характеристике их роли в механизме преступной деятельности. Это позволяет сформировать целостное представление о функционировании преступных схем и выявить закономерности, присущие данному виду преступлений.

Внедрение указанных понятий в криминалистическую теорию и практику имеет ряд преимуществ. Во-первых, унификация терминологии способствует единообразному пониманию и применению данных категорий среди ученых-криминалистов и практических работников правоохранительных органов. Это облегчает коммуникацию, обмен опытом и разработку общих подходов к выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Во-вторых, использование специфических понятий позволяет более точно отразить сущность и особенности рассматриваемых явлений, что повышает эффективность криминалистического анализа и прогнозирования.

В правоприменительной практике результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методик расследования финансовых преступлений, совершаемых с участием «дропов» и «дроповодов». Знание специфики данных субъектов позволяет следователям-криминалистам более эффективно планировать и проводить следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств преступления и выявление причастных лиц.

Следообразование. Преступные действия, совершаемые «дропами» и «дроповодами», неизбежно оставляют специфические цифровые следы, проявляющиеся в форме электронных финансовых транзакций, записей телефонных соединений и данных об интернет-активности. Криминалистический анализ этих следов позволяет установить связи между участниками преступных схем, проследить маршруты перемещения денежных средств и определить роль каждого участника в противоправной деятельности.

Эффективность исследования виртуальных следов напрямую зависит от понимания структуры и содержания данных, заключённых в них. Под структурой подразумевается формат данных или файлов, определяющий параметры их хранения и обработки. Содержание же представляет собой непосредственно информацию, извлекаемую при анализе различных цифровых носителей в процессе криминалистического исследования.

Разделение информации на эти категории требует детального изучения взаимосвязей между структурой и содержанием данных. Такой подход позволяет не только более эффективно классифицировать собранные сведения в ходе расследования преступлений, но и определить оптимальные методики их дальнейшего использования в доказательственном процессе.

В процессе криминалистического исследования преступной деятельности «дропов» и «дроповодов» особое значение приобретает анализ информационных следов, оставляемых в цифровой среде. Эти следы не только помогают установить механизм совершения преступления, но и являются ключевыми для идентификации участников и определения их роли в преступной схеме. Информационные следы в данном контексте можно классифицировать по их характеру и источнику, что способствует более эффективному их изучению и использованию в доказательственном процессе.

Во-первых, данные об операциях с файлами предоставляют ценные сведения о создании, модификации и удалении цифровых документов. Анализ этих данных позволяет установить последовательность действий пользователя или программного обеспечения, что имеет решающее значение для реконструкции событий и установления временных рамок преступной деятельности. Одновременно сведения об активности пользователей в сетях связи отражают взаимодействия в информационно-телекоммуникационных сетях, что может служить доказательством контактов между субъектами преступной деятельности или доступа к определённым ресурсам, используемым для совершения противоправных действий.

Во-вторых, значимый объем информации содержится в текстовых, аудио- и видеоматериалах. Текстовые файлы, такие как документы, сообщения и записи, могут содержать ключевые детали, относящиеся к расследуемому преступлению, включая планы, инструкции или переписку между участниками преступной группы. Содержимое видеофайлов предоставляет визуальные данные о событиях, местах или лицах, связанных с преступлением, что способствует идентификации участников и уточнению обстоятельств преступной деятельности. Аудиофайлы включают записи разговоров, звуковой фон и другие аудиоданные, которые могут быть полезны для установления фактов коммуникации между участниками, идентификации голосов и определения местонахождения.

В-третьих, графическая информация, представленная в виде изображений и других графических файлов, служит важным источником доказательств. Анализ метаданных фотографий позволяет получить информацию о времени и месте съёмки, а также об устройстве, с помощью которого было сделано изображение, что

может подтвердить присутствие определённых лиц в конкретных местах и времени. Сравнение изображений помогает установить факты причастности к преступлению, сопоставляя внешность подозреваемых с материалами видеонаблюдения или другими визуальными доказательствами.

Комплексный подход к анализу этих категорий информационных следов, основанный на криминалистических методах, позволяет эффективно выявлять и фиксировать доказательства преступной деятельности «дропов» и «дроповодов».

Для размещения объявлений о найме «дропов» и «дроповодов» создаются специальные разделы на нелегальных платформах в теневом интернет-пространстве, обычно именуемые «Работа/Вакансии».

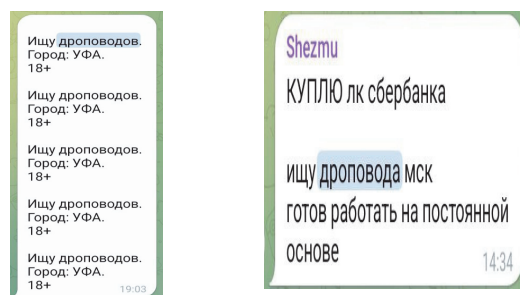

Рис. 1. Объявление о работе «дроповода»

Выявлено около пяти основных нелегальных платформ, используемых для организации дроп-сервисов, функционирующих в форме закрытых каналов в мессенджере Telegram и групп в социальной сети «ВКонтакте».

Анализ типовых условий найма «дроповодов» позволил выделить следующие характерные требования:

1. Наличие гарантийного депозита, размер которого в среднем составляет от 50 тыс. руб.
2. Осуществление сделок исключительно через посредников – гарантов площадки, выполняющих функцию арбитра.
3. Готовность к активной работе, ответственность и определённый уровень «порядочности» в рамках нелегальных правил.
4. Наличие собственной действующей сети «дропов».

Дроповоды принимают на себя обязательства по обеспечению возврата финансовых средств, замороженных на счетах «дропа», и организуют предоставление нелегальных SIM-карт для привязки банковских аккаунтов к новым телефонным номерам. Кроме того, они взаимодействуют с «спортсменами» или «спортсменками», выполняющими функции силового воздействия для принудительного взыскания денежных средств с недобросовестных «дропов».

Анализ динамики цен на услуги «дропов» на примере карт Сбера показал, что с марта по ноябрь 2023 г. стоимость стандартных карт снизилась с 30 до 20 тыс. руб., а карт несовершеннолетних – с 12 до 7 тыс. руб. Это обусловлено усилением мер со стороны банка, направленных на сокращение количества «дропов» среди клиентов.

За одиннадцать месяцев 2023 г. на одном из популярных теневого форумов было создано свыше 6 000 объявлений, связанных с продажей и покупкой услуг «дропов». Высокая конкуренция стимулирует продавцов инвестировать в продвижение своих услуг и внедрять дополнительные меры по обеспечению сохранности денежных средств клиентов. Затраты на рекламу начинаются от 600 тыс. руб., а страхование от кражи средств «дропом» может достигать 50% от стоимости карт.

Наибольшей популярностью пользуются цифровые банки, такие как «Тинькофф», проявляющие большую лояльность к клиентам и позволяющие решать все вопросы дистанционно. Сбер также остается востребованным благодаря своей универсальности и масштабам деятельности. На рис. 2 представлен сравнительный рейтинг банков по степени их вовлеченности в деятельность «дропов».

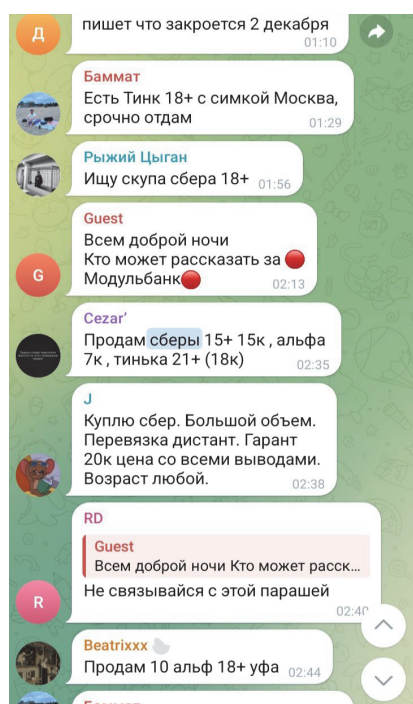

Рис. 2. Рейтинг банков по степени их вовлеченности в деятельность «дропов»

На основании вышеизложенной информации мы предлагаем ввести термин «цифровой криминалистический профиль «дропа» и «дроповода»», который обозначает совокупность характерных информационных следов, оставляемых этими субъектами в процессе их преступной деятельности в цифровой среде. Этот профиль включает в себя данные об операциях с файлами, сведения об активности в сетях связи, текстовые, аудио- и видеоматериалы, а также графическую информацию, связанную с противоправными действиями «дропов» и «дроповодов».

Формирование цифрового криминалистического профиля основывается на комплексном анализе информационных следов с применением специальных криминалистических методов и средств. Этот процесс предполагает выявление взаимосвязей между различными категориями данных, установление временных

рамок и последовательности событий, а также идентификацию участников преступной деятельности. Полученный профиль служит основой для построения доказательственной базы и разработки тактики расследования преступлений, совершаемых «дропами» и «дроповодами».

Внедрение понятия «цифровой криминалистический профиль «дропа» и «дроповода»» в научный оборот и правоприменительную практику имеет существенное значение для развития криминалистической науки и повышения эффективности борьбы с преступностью в сфере информационных технологий. Этот термин позволяет систематизировать знания о специфике преступной деятельности данных субъектов, особенностях механизма слеодообразования в цифровой среде и методах исследования электронных доказательств.

Таким образом, следует отметить, что внедрение понятия «цифровой криминалистический профиль «дропа» и «дроповода»» в научный оборот и практическую деятельность правоохранительных органов представляет собой важный шаг на пути совершенствования методологических основ расследования преступлений в сфере информационных технологий.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо подчеркнуть, что в структуре криминалистической характеристики современных финансовых механизмов с участием «дропов» и «дроповодов» первостепенное значение имеет детальный анализ механизма их осуществления, представляющего собой сложную, многокомпонентную преступную схему. Инициальным этапом данной схемы выступает формирование сети «дропов» посредством целенаправленной деятельности «дроповодов», которые осуществляют идентификацию, отбор и вербовку индивидов, согласных предоставить свои банковские реквизиты для проведения незаконных финансовых операций. Последующие этапы включают интеграцию нелегально полученных доходов в официальную финансовую систему через переводы на счета «дропов» с последующим обналичиванием или перенаправлением средств на иные подконтрольные счета посредством сложных цепочек транзакций, что существенно затрудняет процесс финансового мониторинга и прослеживания денежных потоков.

В целях точного обозначения специфических субъектов и их функциональных ролей в преступной деятельности, в научный лексикон введены специализированные термины: «дроп», «дроповод», «неразводной дроп», «разводной дроп». Унификация и стандартизация данной терминологии способствуют формированию единого понятийного аппарата, что облегчает профессиональную коммуникацию и обмен опытом среди специалистов в области криминалистики. Это также позволяет более точно отразить существенные характеристики и особенности исследуемых феноменов, повышая эффективность аналитических и исследовательских процессов в криминалистическом анализе.

Значимым научным достижением исследования является разработка и внедрение концепции «цифрового

криминалистического профиля «дропа» и «дроповода»». Данный профиль представляет собой совокупность характерных цифровых следов и информационных признаков, оставляемых этими субъектами в киберпространстве в процессе их противоправной деятельности. Формирование такого профиля базируется на комплексном анализе разнородных категорий цифровых данных с применением специализированных методов цифровой криминалистики и техники криминалистического исследования больших данных. Это служит фундаментом для построения обоснованной доказательственной базы и разработки тактически выверенных стратегий расследования.

Практическая ценность полученных результатов проявляется в потенциале их использования для совершенствования методик расследования финансовых преступлений, совершаемых посредством «дропов» и «дроповодов». Глубокое понимание и знание специфики их цифровых криминалистических профилей позволяет следственным органам более эффективно планировать и осуществлять следственные действия, направленные на полное установление всех обстоятельств преступления, идентификацию и изобличение причастных лиц, а также на пресечение деятельности подобных преступных сетей.

Систематизация и обобщение информации о механизмах функционирования данных преступных схем, особенностях коммуникации между участниками и методах конспирации «дропов» и «дроповодов» способствует разработке и внедрению превентивных мер про-

тиводействия данному виду криминальной активности. Это включает в себя разработку рекомендаций по усилению финансового контроля, совершенствованию законодательной базы и повышению уровня осведомленности населения о рисках, связанных с участием в таких противоправных действиях.

Перспективы дальнейших научных исследований в данном направлении связаны с углублённым изучением криминалистически значимых характеристик личности преступников, обстоятельств и механизмов совершения преступлений, а также специфики объектов преступных посягательств. Комплексный анализ этих аспектов позволит сформировать целостную криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых с участием «дропов» и «дроповодов», и разработать научно обоснованные рекомендации и методики их эффективного выявления, раскрытия и расследования.

В заключение следует отметить, что внедрение в научный обиход понятия «цифровой криминалистический профиль «дропа» и «дроповода»», а также проведение детального анализа способов совершения преступлений и функциональной роли этих субъектов представляет собой существенный вклад в развитие теории и практики криминалистики. Это способствует совершенствованию правоприменительной деятельности в сфере противодействия преступности в цифровой среде, повышению эффективности расследования финансовых преступлений и укреплению системы обеспечения экономической и информационной безопасности.

Список источников

1. Антонов М.В. Теория государства и права : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. 497 с
2. Абдулханьянов И.А. О полисемии понятия «фикция» в языке права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 139–146.
3. Пучков В.О. Понятийно-терминологический аппарат юридической науки: генезис, функции, структура : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 261 с.
4. Ефремова А.А. К вопросу о грамматическом способе толкования норм права и дефинициях в праве // Приоритетные направления развития науки и образования : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 12 сентября 2020 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 75–77.
5. Широких А.Ю. Семантические, формально-языковые, контекстуальные характеристики терминологии юриспруденции и учебный дискурс // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 155–158.
6. Цуканова Е.В. Пространственная метафора в терминологии юриспруденции // Филология. 2020. № 3 (27). С. 45–47.
7. Цуканова Е.В. Образ-схема «пространство» как семантическое основание в терминологии юриспруденции (на материале русской терминологии юриспруденции) // Вестник Томского государственного педагогического университета. TSPU Bulletin. 2023. Вып. 4 (228). С. 35–42.
8. Кузовлева Г.В. Терминообразование юриспруденции и закон аналогии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 29–31.
9. Яблоков Н.П., Александров И.В. Криминалистика : в 5 т. Т. 5: Методика расследования преступлений. М. : Юрайт, 2024. 243 с.
10. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 210 с.
11. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 16 с.
12. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. 46 с.
13. Каневский Л.Л. К вопросу о криминалистической характеристике преступления, криминальных и следственных ситуациях и их значении в раскрытии и расследовании преступлений // Следственная ситуация : сб. науч. тр. М., 1984. С. 61–65.
14. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. 210 с.
15. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. 240 с.
16. English for Lawyers : учеб. пособие / А.С. Беляев, Е.В. Волгина, Н.В. Лазовская. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. 106 с.
17. Гордеев Д.С. Легализация (отмывания) денежных средств (на примере использования «дропов», «заливов на карту») // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : сб. науч. ст. Междунар. науч.-теоретической конф. курсантов, слушателей и студентов, проводимой в рамках I Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 30 ноября 2021 г. / сост.: Е.А. Маркова, Т.В. Колпакова. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 556–560.
18. Родионов А.Д., Мельникова Е.Ф. Аспекты уголовно-правовой ответственности «дропов» // Право и образование. 2024. № 9. С. 77–84.

References

1. Antonov, M.V. (2024) *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Theory of State and Law: Textbook and Workbook for Universities]. Moscow: Yurait.
2. Abdulkhannanov, I.A. (2021) O polisemii ponyatiya "fiktsiya" v yazyke prava [On the polysemy of the concept of "fiction" in the language of law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2 (54). pp. 139–146.
3. Puchkov, V.O. (2022) *Ponyatino-terminologicheskii apparat yuridicheskoy nauki: genesis, funktsii, struktura* [Conceptual and terminological apparatus of legal science: genesis, functions, structure]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Efremova, A.A. (2020) [On the grammatical method of interpreting legal norms and definitions in law]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority directions for the development of science and education]. Proceedings of the XIV International Conference. Penza. 12 September 2020. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.). pp. 75–77. (In Russian).
5. Shirokikh, A.Yu. (2013) Semanticheskie, formalno-yazykovye, kontekstualnye kharakteristiki terminologii yurisprudentsii i uchebnyy diskurs [Semantic, formal-linguistic, contextual characteristics of jurisprudence terminology and educational discourse]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*. 1 (30). pp. 155–158.
6. Tsukanova, E.V. (2020) Prostranstvennaya metafora v terminologii yurisprudentsii [Spatial metaphor in the terminology of jurisprudence]. *Filologiya*. 3 (27). pp. 45–47.
7. Tsukanova, E.V. (2023) Obraz-skema "prostranstvo" kak semanticheskoe osnovanie v terminoobrazovanii (na materiale russkoy terminologii yurisprudentsii) [The "space" image schema as a semantic basis in term formation (based on Russian jurisprudence terminology)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 4 (228). pp. 35–42.
8. Kuzovleva, G.V. (2015) Terminoobrazovanie yurisprudentsii i zakon analogii [Term formation in jurisprudence and the law of analogy]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2 (28). pp. 29–31.
9. Yablokov, N.P. & Aleksandrov, I.V. (2024) *Kriminalistika: v 5 t.* [Criminalistics: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Yurait.
10. Kolesnichenko, A.N. (1967) *Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdelnykh vidov prestuplenii* [Scientific and legal foundations for the investigation of certain types of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Kharkov.
11. Sergeev, L.A. (1966) *Rassledovanie i preduprezhdenie khishchenii, sovershaemykh pri proizvodstve stroitelnykh rabot* [Investigation and prevention of thefts committed during construction works]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
12. Panteleev, I.F. (1975) *Metodika rassledovaniya prestupleniy* [Methods of crime investigation]. Moscow.
13. Kanevskiy, L.L. (1984) K voprosu o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniya, kriminalnykh i sledstvennykh situatsiyakh i ikh znachenii v raskrytii i rassledovanii prestuplenii [On the issue of the forensic characteristics of a crime, criminal and investigative situations and their significance in the disclosure and investigation of crimes]. In: *Sledstvennaya situatsiya: Sb. nauch. tr.* [Investigative situation. Collection of articles]. Moscow. pp. 61–65.
14. Vozgrin, I.A. (1976) *Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdelnykh vidov prestupleniy* [General provisions of the methodology for investigating certain types of crimes]. Leningrad.
15. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Criminalistics: problems of today. Pressing issues of Russian criminalistics]. Moscow: NORMA.
16. Belyaev, A.S., Volgina, E.V. & Lazovskaya, N.V. (2024) *English for Lawyers: ucheb. posobie* [English for Lawyers: textbook]. Saratov: Saratov State Law Academy.
17. Gordeev, D.S. (2022) Legalizatsiya (otmyvaniya) denezhnykh sredstv (na primere ispolzovaniya "dropov", "zalivov na kartu") [Legalization (laundering) of funds (on the example of the use of "drops", "card transfers")]. *Bezopasnost lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty* [Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg, 30 November 2021. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 556–560. (In Russian).
18. Rodionov, A.D. & Melnikova, E.F. (2024) Aspekty ugovovno-pravovoy otvetstvennosti "dropov" [Aspects of criminal liability of "drops"]. *Pravo i obrazovanie*. 9. pp. 77–84.

Информация об авторах:

Боренштейн А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: annalbor@yandex.ru

Кухарев Ю.С. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Borenstein, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: annalbor@yandex.ru

Y.S. Kukharev, senior lecturer, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

K.G. Balashov, lawyer's assistant, Law Office of Krasnopereokopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 28.12.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.17223/15617793/512/25

Политико-правовые взгляды Джозефа Раза: основные положения и проблемные аспекты

Максим Дмитриевич Горбунов¹

¹ Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Россия, maxandgor@gmail.com

Аннотация. Исследуются философско-правовые взгляды одного из важнейших правоведов XX в., представителя школы аналитической юриспруденции – Джозефа Раза. Несмотря на то, что политико-правовые взгляды автора развивались в рамках англо-американской традиции, его теория содержит ряд комплексных аргументированных тезисов о природе власти и права, социальных основаниях нормативной системы, формальных и практических аспектах существования права, а также его связи с моральными и иными нормативными регуляторами.

Ключевые слова: философия права, англо-американская правовая мысль, аналитическая философия, аналитическая юриспруденция, правовопонимание, правовой позитивизм, нормативное регулирование, аксиология права, социальные факты

Для цитирования: Горбунов М.Д. Политико-правовые взгляды Джозефа Раза: основные положения и проблемные аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 233–241. doi: 10.17223/15617793/512/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/25

Political and legal views of Joseph Raz: Main provisions and problematic aspects

Maksim D. Gorbunov¹

¹ Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maxandgor@gmail.com

Abstract. The aim of the article is a comprehensive study of the political and legal views of Joseph Raz, one of the leading Anglo-American legal scholars of the 20th century. The relevance of the research objectives of the work is due to a significant gap in studies on the scientific work of Raz in the domestic literature and their non-systemic nature. The methodological basis of the article was a set of general scientific and special methods, including techniques of formal logic, systemic, comparative, and biographical methods. Thanks to the use of these methods, it was possible to analyze scientific publications and the biography of the lawyer and establish that the basis of his views was the key principles of analytical jurisprudence and the research program of his immediate teacher, Herbert Hart. An additional problem area of Raz's scientific work, which also directly influenced his legal views, is moral and political philosophy. In general, the range of topics of the author's concept of Raz includes the following issues: concepts of law and the essence of rules in the legal system, the process of fixing rules in legislation and judicial practice, the relationship and influence of morality on law. It is their consistent study, as well as the need to formulate general concluding critical remarks, that determined the structure of the work. Based on the above-mentioned premises, the legal scholar forms the author's understanding of law as a system of protected exclusive grounds for the actions of individuals established by an authoritative power. Law can only be defined by reference to social facts and has strictly formal-legal characteristics, which Raz describes through the "Sources Thesis", which is fundamental to his theory. Law can be normative only if it meets two requirements – the conditions of agent and identification, that is, it comes from an authority and has an external, easily determinable form. Any additional arguments and value arguments regarding the proper content of legal norms do not meet the above-mentioned conditions and do not affect legal reality, since they complicate the perception of law by individuals. As a result, the article concludes that Raz constructs a legal theory that is "exclusive" of morality and value argumentation, thereby standing at the forefront of Anglo-American legal positivism in the dispute between representatives of a softer direction within positivism and anti-positivists. Despite the significant value of Raz's scientific views, the work also highlights a whole list of controversial points in his theory, which are primarily related to the limited capabilities of the legal scholar and his general unwillingness to construct a single concept of law that would harmoniously include both the formal component and the arguments expressed within the framework of Raz's political and moral theory in favor of the connection of law with the phenomenon of power and the rational nature of the human mind.

Keywords: legal philosophy, Anglo-American legal thought, analytical philosophy, analytical jurisprudence, legal understanding, legal positivism, normative regulation, legal axiology, social facts

For citation: Gorbunov, M.D. (2025) Political and legal views of Joseph Raz: Main provisions and problematic aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 233–241. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/25

Введение

Влияние Джозефа Раза на развитие теории права в рамках англо-американской традиции и мировой правовой мысли в целом сложно переоценить. Являясь непосредственно учеником и продолжателем Герберта Харта, выдающегося правоведа и родоначальника современной аналитической юриспруденции, он стал одним из столпов подлинно позитивистской правовой теории в англо-американской традиции. В последние годы отечественная теория вслед за иностранной научной литературой также отмечает ту высокую значимость, которую имел Джозеф Раз для развития современной философии права [1. С. 75–77]. Тем не менее представляется возможным заключить, что правовые взгляды правоведа до сих пор не нашли системного осмысления в российской правовой науке. Несмотря на растущий интерес к творчеству Раза и аналитической юриспруденции в целом, перечень работ отечественных авторов крайне узок и касается в первую очередь частных аспектов научного творчества Джозефа Раза [2. С. 45–60; 3. С. 13–15] либо его аналитической основы [4. С. 12–15], а отдельные ранние работы даже содержат ошибочные интерпретации и проблемы позиционирования [5].

Научная биография и круг исследовательских вопросов

Джозеф Раз является одним из наиболее заметных правоведов, политическим и социальным философом в современной англо-американской правовой мысли, ключевым представителем направления «исключающего» правового позитивизма, последователем и учеником основоположника аналитической юриспруденции – Герберта Харта. Многоаспектность и комплексность взглядов Раза по-прежнему удерживают его в центре актуального научного дискурса. Основываясь на методологическом базисе неопозитивистской теории Герберта Харта, Раз значительно модифицировал онтологические тезисы британского правового позитивизма за счет средств социальной и политической теории, представив авторскую правовую теорию, центральное место в которой было отдано пониманию права как сложного социально обусловленного явления, существующего в контексте властных отношений нормативной системы общества. За свою долгую научную карьеру, начавшуюся еще в Британской Палестине в Еврейском университете Иерусалима, а затем и в стенах Оксфорда, за авторством правоведа было опубликовано значительное число научных работ, включая более ста публикаций и десяти книг по широкому кругу вопросов правовой и политической философии, что позволило правоведа удостоиться множества званий, в том числе члена Британской академии гуманитарных наук (The British Academy).

В основе всего научного творчества автора лежит триада «Власть, право и мораль» (Authority, Law and Morality), вокруг которой была сосредоточена вся исследовательская деятельность автора, результатом которой стали такие значимые работы, как «Понятие правовой системы» (The Concept of a Legal System, 1970), «Практический разум и нормы» (Practical Reason and Norms, 1975), «Власть права» (The Authority of Law, 1979), «Мораль свободы» (The Morality of Freedom, 1986), «Этика в общественном достоянии» (Ethics in the Public Domain, 1994), «Вовлекающие причины: о теории ценности и действия» (Engaging Reason: On the Theory of Value and Action, 1999), «Практика ценностей» (The Practice of Value, 2003), «Между властью и интерпретацией» (Between Authority and Interpretation, 2009), и «От нормативности к ответственности» (From Normativity to Responsibility, 2011). Довольно характерной особенностью научного творчества Раза и его публикационной активности является то, что труды правоведа неоднократно переиздавались с различными включениями и дополнениями, причем в хронологически невыдержанном порядке. Данное обстоятельство создает дополнительные сложности при выявлении общих фундаментальных оснований концепции и может привести к значительным ошибкам в интерпретации. Другой важный аспект, который нужно учитывать, связан с тем, что с 2000 г. и до смерти автора в 2022 г. Джозеф Раз в значительной степени посвятил свое научное творчество неправовым работам по теории морали и этики. В числе поздних работ можно выделить: «Есть ли причина держать обещание?» (Is There a Reason to Keep Promises?, 2014), «Нравственная специфика самопожертвования» (On The Moral Significance of Sacrifice, 2018). Это также необходимо учитывать при определении взглядов правоведа на право.

Основания для действий индивидов

В основе правовой концепции Джозефа Раза лежит проблема политической власти и ее органическая связь с нормативной системой общества. По данному вопросу Раз стремится занять срединную позицию между двумя полюсами политической теории: с одной стороны, так называемых «политических анархистов», прежде всего в лице Р.П. Вольфа и А.Д. Симмонса, которые в принципе отрицают существование официальной законной власти [6. Р. 20–31; 7], и с другой – сторонников классической командной концепции в лице Дж. Остина и Г. Кельзена, понимающих власть как приказ верховного суверена, опосредованного официальным применением наказания (санкции) [8. Р. 46–67; 9; 10]. Для Раза как правового позитивиста и ученика Герберта Харта обе позиции кажутся крайне неудовлетворительными, поскольку, с одной стороны, власть в обществе является основой позитивных связей, а с другой – «лишь часть из деятельности властных субъектов

можно рассматривать в контексте принуждающих приказов, поскольку иметь полномочия также означает право предоставлять разрешения на совершения действий и выступать экспертом, который может гарантировать надежность конкретной информации» [11. Р. 2].

В своей фундаментальной работе «Практический разум и нормы» Раз впервые формирует собственную теорию власти, лежащую в основе концептуального понимания права. Методологически правовед базируется на широкой основе аналитической юриспруденции и методе концептуального анализа, позволяющего рассматривать социальные явления через призму специфики их практического употребления и призму человеческого восприятия. Правовед указывает, что «только основания для действий (причины), понимаемые как факты, имеют нормативное значение; только они определяют, что следует делать. Чтобы решить, что нам делать, мы должны выяснить, на что похож мир, а не на что похожи наши мысли» [12. Р. 18]. Человек обладает практическим разумом, с помощью которого формируются нормативные связи между индивидом и социальными фактами, поскольку возможности человека совершить какое-либо нормативно значимое действие связывается с наличием соответствующего основания (факта) [12. Р. 19].

В условиях разнообразия социальных связей и отношений к человеку могут относиться различные основания (причины) для действий, которые могут конкурировать между собой. Перед человеком в таком случае ставится задача посредством практического разума установить «баланс причин», из которого уже выявляется относящееся к индивиду основание, и совершить согласно ему определенные действия. При этом сами основания для действий неоднородны и имеют разный уровень приоритета, поэтому реальная ситуация установления такого баланса и идентификации необходимого основания для действия значительно усложняется.

Раз называет основания для действия (причины) первого и второго порядка. Причины первого порядка действуют прямо и буквально рассматриваются индивидами как простое основание для определенного поведения, не имеющее под собой каких-либо дополнительных условий и обстоятельств, определяющих их приоритет в ситуации потенциальной конкуренции и выбора по балансу причин. Основания для действия второго порядка, в свою очередь, имеют значительно более сложную природу и механизм действия. Такие причины обладают приоритетной силой и могут указывать на обязательный характер для конкретной причины первого порядка или вообще исключить какие-либо основания для действия из баланса причин [12. Р. 36]. Причины второго порядка, таким образом, являясь своего рода основаниями для действия по причине или исключающей причиной [12. Р. 39].

Причины второго порядка имеют в представлении Раза нормативное значение, которое обеспечивается авторитетом действующей власти. Последняя определяет их приоритетное действие. При этом сам авторитетный характер власти связывается правоведом с ее

способностью обеспечить принятие субъектом называемые ей причины. Для Раза «принять субъекта в качестве авторитета – значит принять авторитетные доводы к тому, чтобы минимально воспринимать их предписания как исключающее основание либо как обязательную норму» [12. Р. 63].

При этом такие основания для действий являются не только исключающими, но и защищенными, т.е. предписывающими основания для действий и одновременно исключающими другие из баланса причин, будучи обеспеченными авторитетом власти [13. Р. 18].

Принципиальным моментом в общей линии рассуждения Раза является то, что причины второго порядка опосредуются не просто принудительной силой, которой обладает власть, но ее авторитетом, который связывается с возможностью власти предоставлять индивиду лучшие основания для действий, способные удовлетворять его интересы и разрешать конфликты, чтобы индивиду не приходилось действовать по балансу причин. Тот или иной политический субъект может претендовать на обладание авторитетной властью только тогда, когда способен предоставить защищенные основания для действий индивиду и они будут восприниматься субъектом как авторитетные [12. Р. 62]. То есть выбор в пользу оснований второго порядка должен быть для индивида сильным и привлекательным рациональным аргументом. Выбор в пользу защищенных оснований для действий при отказе от самостоятельного установления баланса причин не происходит автоматически и включен в процесс рассуждений практического разума индивида, потому индивид в любой момент вправе отклониться от предписаний таких оснований, если они являются неразумными (несправедливыми, ошибочными и т.д.), и обратиться к общему балансу причин [14. Р. 40–42]. В этом видится общая преемственность Раза концепции внутренней точки зрения Харта [15. С. 94–96] о том, что нормативность и обязательность норм, исходящих от официальной власти, связаны с рациональными аргументами, а не только со страхом перед применяемой санкцией. Более того, Раз идет значительно дальше, признавая значимость рациональных аргументов каждого индивида.

Власть права

Раз значительно расширяет собственную линию аргументации в работе «Мораль свободы» в рамках концепции «служебной функции» власти. Правовед выделяет ряд критериев, в случае соответствия которым власть приобретает свойство легитимности. Данные условия также обуславливают преимущественное значение создаваемых властью защищенных оснований для практического разума индивидов и, соответственно, их статус как исключающих. В числе этих условий (тезисов) выделяется:

1. Условие зависимости: «все авторитетные предписания должны базироваться на основаниях, которые уже независимо применяются к субъектам и имеют отношение к их действиям в обстоятельствах, охватываемых предписаниями» [14. Р. 47], т.е. основания для действий должны отражать реальные общественные

отношения, существующие нормативные связи в обществе и социальные факты.

2. Условие вытеснения (о преимущественном праве): «тот факт, что орган требует выполнения действий, является основанием для его выполнения, которое не должно добавляться ко всем другим причинам при оценке того, что делать, но должно исключать или заменять некоторые из них» [14. Р. 46], т.е. требование власти должно быть не только приоритетным, но и обязательным для субъектов.

3. Условие обычного оправдания (нормального обоснования): «субъект... лучше подчиняется основаниям для действий, которые к нему относятся, если он принимает предписания предполагаемого органа... а не пытается следовать основаниям для действий, которые относятся к нему напрямую» [14. Р. 53], т.е. предлагаемые властью основания для действия должны обладать большей эффективностью, чем другие альтернативы.

Таким образом, Раз предлагает рациональное объяснение необходимости подчинения власти и ее правилам как легитимным. Эти рассуждения в целом являются общей основой понимания Разом сущности права как системы исключающих защищенных оснований для действий индивидов, создаваемых легитимной властью [16. Р. 12]. Право, таким образом, претендует на власть, а точнее на легитимную власть, и имеет нормативную силу тогда, когда складываются необходимые условия легитимной власти, рассмотренные выше. Для Раза претензия права на власть тождественна претензии права на нормативность, поэтому если право легитимно, то оно является обязательным для индивидов и порождает обязанность подчиняться [17. Р. 106]. При этом обязанность подчиняться правовым нормам связана со способностью права предоставлять эффективные защищенные основания для действий индивидов, исключающие другие основания для действий из баланса причин [13. Р. 19–21].

Раз указывает, что нормативный характер права определяет наличие у него обязательных атрибутов. Правовед пишет: «...право – это система предписаний, и она имеет силу тогда и только тогда, когда ее предписания имеют обязательную силу. Обязательность права обеспечивается тогда, когда предписание представлено как чье-то мнение о том, как ее субъекты должны действовать (условие агента) и когда есть возможность идентифицировать предписание как изданное властью, не полагаясь на причины или соображения, по которым предписание должно выносить решение (условие идентификации)» [18. Р. 202]. Такое определение с позиции Раза фактически выступает сильным аргументом в пользу позитивного понимания права, центральным для которого выступает «тезис об источнике». Право устанавливается ссылкой на источник, который может быть определен при установлении атрибутов агента и идентификации. Потому право является результатом общественной практики и сможет быть установлено только ссылкой на социальные факты безотносительно к каким-либо ценностным категориям [18. Р. 195]. Эти условия являются в пред-

ставлении Раза столь же достаточными, сколь и необходимыми, поскольку легитимная власть не способна выполнять свою служебную функцию, если индивид не может идентифицировать властные предписания. Право, таким образом, должно иметь источник (в виде закона, административного или судебного решения) и содержать в себе властное предписание о том, как действовать индивидам без необходимости отсылки к самому основанию для действия и оценки баланса причин [18. Р. 204].

Таким образом, Раз определяет право через систему позитивных общественных связей – социальные факты. Право само по себе исключает другие нормативные основания для действий, в том числе мораль и иные нормы, к которым могут отсылаться доводы индивида.

Суды как правоприменительные институты

Несмотря на то, что тема статуса судебной деятельности и интерпретации в праве не занимает центральное место в творчестве Джозефа Раза, она является принципиально важной для понимания его взгляда в целом и общей преемственности линии позитивистской аргументации в противостоянии с антипозитивистами в рамках англо-американской академической среды, в первую очередь с Рональдом Дворкиным и его концепцией «конструктивной интерпретации» [19. Р. 52–63].

Данной темы правовед так или иначе касается в значительной части своих работ, однако многие принципиальные аргументы были сформулированы в труде «Этика в общественном достоянии». Вопрос суда в теории Раза прямо вытекает из «тезиса об источнике» (sources thesis). Раз пишет: «...право основано на источнике, если его существование и содержание могут быть идентифицированы только на основе социальных фактов, без использования оценочных аргументов» [18. Р. 194–195]. С данным тезисом связана и общая необходимость соблюдения атрибута идентифицируемости правовой нормы для обеспечения ее нормативности. Раз здесь отсылается к той же проблеме, что и его учитель Харт, – проблеме неопределенности правовых понятий и невозможности формальных норм законодательства отразить все реальные ситуации общественной жизни, требующие применения правовой нормы [12. Р. 170]. Так же как и Харт, выход из таких ситуаций Раз видит в признании необходимости судебных процедур толкования и интерпретации.

Подобный ответ позволяет говорить о том, что понимание Разом «тезиса об источнике» несколько шире, чем это ожидается от позитивистской концепции. Избегая излишнего упрощения понимания права ранних классических концепций, Раз признает разнообразие социальных фактов, связанных с правовой системой. В числе таких социальных фактов правовед называет и судебные решения. Важным же здесь является то, что в понимании Раза такие социальные факты носят характер вторичных по отношению действующего законодательства, а потому судебная деятельность ограничена законом и направлена на выявление его внутреннего содержания и подразумеваемого смысла в отношении ситуаций, которые прямо им не предусмотрены.

Таким внутренним содержанием, учитывая все сказанное выше, является воля легитимной власти [20. Р. 1–25]. Определяемое назначение обусловлено свойствами самого права, поскольку условия агента и идентификации прямо обуславливают общую задачу субъектов права определять намерения законодателя в ситуациях правового регулирования. Определяя волю легитимной власти, суд как бы создает вторичные социальные факты, опосредованные действующему законодательству. В итоге, учитывая ту роль, какую суды имеют в процессе правовой идентификации, Раз определяет их как «первичные правоприменительные институты» [21. Р. 212–224].

Несмотря на то, что Раз признает значительную роль суда в преодолении пропасти между действующим и будущим правом, правовед значительно ограничивает роль судебной деятельности, и в первую очередь самой аргументации в правовой системе, и конкретно ее нормативное значение [22. Р. 75–76]. Судебные решения должны не только соответствовать воле законодателя, но и сами быть направлены на обеспечение согласованности. Судебная деятельность должна основываться на общем наборе условий, принятых в правовой системе. Однако Раз, как и Харт, признает потенциальную возможность выхода суда за установленные законодательные рамки в случаях явных пробелов в праве. Но и в этом случае судебное решение, восполняющее данный пробел, должно быть строго доказательно и эффективно, т.е. показать в итоге значительный позитивный результат, который должен заключаться в обеспечении лучшего выполнения служебной функции власти, а подобные случаи носят характер экстраординарных [18].

Раз осознает, что, вынося подобные решения, суд вынужден прибегать к различного рода неправовым ценностным аргументам. Однако правовед видит в этом не преимущество гибкости подобных решений, а значительные риски релятивизации действующих норм и, как итог, снижения степени их идентифицируемости. Раз отказывается признать необходимость построения общей теории аргументации и судебной интерпретации и отрицает ее правовой нормативный характер [20. Р. 1–25]. В представлении Раза вопрос сущности права полезен для философии, но лишен смысла, когда речь идет о его формальных нормативных свойствах. Здесь он соглашается с довольно распространенной позицией правового позитивизма [23. Р. 249].

Раз, таким образом, расширяет собственный «тезис об источнике», указывая, что он охватывает достаточно широкую систему социальных фактов и включает в себя не только законодательство как содержательную текстуальную базу, но и различного рода вторичные элементы, к которым относятся в первую очередь судебные решения, устанавливающие суть предписаний официальной власти. При этом путь, выбранный судом при определении такого предписания, может включать в себя и обращение к неправовым аргументам, если они в конечном счете способствуют обеспечению согласованности в праве и преодолению потенциальных пробелов и спорных ситуаций, т.е. ведут

к установлению социальных фактов. В таком контексте Раз демонстрирует свою твердую приверженность правовому позитивизму и выступает с принципиальным несогласием с аргументами правоведов-антипозитивистов.

Мораль и всеобщая обязанность подчиняться праву

Другое важное следствие принятия Разом «тезиса об источнике» касается его взглядов на проблему связи права и морали. В ряде своих трудов, включая известнейшую работу «Власть права», правовед обращается к этому вопросу достаточно подробно, приводя аргументы тезиса об отсутствии концептуальной связи права и морали [13. Р. 3–33, 53–77, 233–289]. Общая линия аргументации автора в итоге приводит его к убеждению, что вообще нет какой-либо всеобщей обязанности подчиняться праву, поскольку такая обязанность будет основана на ценностных компонентах, затрудняющих определение формальных свойств права [24]. Такой вывод Раз делает еще потому, что субъект всегда автономен в своем выборе оснований для действий. Как говорит правовед, «если человек – величайший из ныне живущих экспертов... то закон не имеет над ним власти» [18. Р. 348].

Раз отрицает возможность существования правовой системы, где тезис «обычного оправдания» был бы настолько сильным, чтобы каждый субъект следовал нормам легитимной власти, нежели ориентировался на собственные соображения, что определяет необходимость обеспечения именно формального компонента нормативной силы права [25. Р. 276]. Кроме того, в этом правовед видит значительные фактические риски, поскольку власть в рамках правовых норм может предоставить худшие основания для действий, проигрывающие в выборе по балансу причин [26]. Как справедливо замечает Раз, «в прошлом слишком часто ошибочность человеческого суждения приводила к подчинению авторитету из-за ошибочного чувства долга, когда это было морально предосудительным» [18. Р. 351]. Убежденность индивида в необходимости выбора того или иного варианта поведения часто складывается из огромного набора факторов, в том числе под влиянием намеренного обмана или собственного заблуждения.

Разница в фактическом качестве права может присутствовать, и она может выступать существенным фактором в определении желания субъекта следовать правилам. Справедливое право и последовательная реализация служебной функции власти действительно способствуют большим гарантиям благополучия индивидов и в целом делают нормативную систему более эффективной, а потому более привлекательной [13. Р. 249]. Однако «мы являемся заложниками человеческой истории, и никакая ценность здесь не гарантирована» [27. Р. 181]. Право в понимании Раза сохраняет свои свойства независимо от того, способствует ли оно достижению высших форм нравственной добродетели или ведет к величайшим гуманитарным катастрофам,

поскольку это вопрос не философских смыслов, а нормативности [27. Р. 170–171].

Вопрос содержания права, как уже было отмечено, – это другой вопрос, и он не составляет условие юридической действительности, поскольку право в любом случае претендует на власть [18. Р. 325].

Раз в целом остается довольно последовательным в своих позитивистских взглядах на мораль, поэтому для него верховенство права – это не «верховенство хорошего закона» [13. Р. 211]. Единственным реальным критерием действительности права является «тезис об источнике» и уже упомянутые выше атрибуты агента и идентификации. Именно эти критерии в совокупности позволяют определить смысл правового предписания [28. Р. 90–91]. Право в понимании Раза формализовано, а включение в вопросы его нормативной силы неформальных ценностных аспектов типа демократизма, справедливости и нравственности создает риски релятивизации права и утраты необходимого формального аспекта [13. Р. 211]. Признание аргументативности права и его ценностной ориентированности как условия действительности ведет к тому, что оно утрачивает преимущественные свойства защищенных оснований для действий второго порядка, поскольку они уже не могут быть исключены из баланса причин и должны оцениваться практическим разумом наравне с остальными. В итоге такая нормативная система потеряла бы всякий смысл, поскольку не обладала бы теми свойствами, которые обуславливают ее привлекательность, эффективность и универсальность.

Однако то же понимание права как системы защищенных исключающих оснований для действий содержит в себе скрытые доводы в пользу моральной ценности права хотя бы на уровне его общей рациональной природы. Как указывалось в самом начале работы, право претендует на авторитет, а власть, лежащая в основе правовой системы, должна быть легитимной [13. Р. 213]. Верховенство права зависит от его легитимности, и чем больше у субъекта рациональных доводов выбрать право среди других альтернатив, тем право в большей степени может претендовать на авторитет. Поэтому эффективное право, гарантирующее и охраняющее фундаментальные ценности справедливости, равенства и гуманизма, в большей степени нормативно [13. Р. 214–218]. Вместе с тем Раз указывает, что злоупотребления и нарушения таких ценностей в праве потенциально не препятствуют его верховенству [13. Р. 221]. Право нормативно только тогда, когда способно выступать системой защищенных оснований для действий, и только для тех, кто такие основания принимает [13. Р. 242, 253].

Необходимо отметить, что Раз здесь делает очень важное уточнение, которое тем не менее скорее разрушает общую последовательность аксиологического компонента теории правоведа. Дело в том, что для тех индивидов, которые выбрали подчинение праву, оно порождает дополнительные моральные обязательства и вызывает соображения морального толка в контексте переживания собственной обязанности разделять общие нормативные установки. Индивиды стремятся

принять те основания для действий, которые способствуют достижению их интересов и разделяются большинством общества, с которым они себя ассоциируют. Тем не менее Раз все же настаивает, что моральная ценность права является независимой характеристикой и должна оцениваться независимо от его верховенства и нормативности как таковой [13. Р. 250].

Раз, с одной стороны, стремится поддержать жесткие аргументы «исключающего позитивизма» о независимости нормативности права от моральных аргументов и его содержательной оценки, а с другой – стремится дать неправовое политико-социальное объяснение установления в обществе властно-нормативной системы. Фактически правовец стремится представить аксиологический компонент своей теории через свойство легитимности [29], которая тем не менее открывает значительный потенциал для признания зависимости права от рациональной оценки индивидов. Такая дихотомия аксиологии правоведа в результате стала предметом рефлексии и масштабной критики его теории.

Критика правовой теории

Подробное рассмотрение философско-правовой теории Джозефа Раза показало, что при всей глубине взглядов правоведа она не лишена ряда частных недостатков. В их числе можно назвать следующие:

- значительная концентрация на «тезисе об источнике» как ключевом критерии определения того, что есть право, ведет к тем же недостаткам, что более ранние позитивистские теории, рассматривающие право через призму формального законодательства;

- отказ от построения теории судебной аргументации и сведение суда до правоприменительного института не в полной мере отражают реальную роль судебной деятельности в юридической практике и не позволяют достаточно подробно рассматривать вопрос о судебном усмотрении;

- декларируемое разграничение между формальной законностью и содержанием права не учитывает возрастающую роль теории прав человека и правовых принципов в современной практике существования государственно-правовых систем [30. Р. 77–78].

Если данные моменты кажутся дискуссионными и могут оцениваться по-разному, исходя из установок правопонимания и принадлежности научного критика к той или иной правовой школе, то следующий момент, как кажется, носит в большей степени фундаментальный характер. В юридической литературе значительной рефлексии подвергается объяснение Раза оснований власти права, которое составляет, по сути, фундамент его теории. Тезисно эти замечания можно свести к следующим аргументам:

- отрицание Разом существования всеобщей обязанности подчиняться противоречит утверждению, что право претендует на власть;

- подчинение авторитету права по балансу причин фактически подразумевает необходимость моральной оценки субъектом содержания такого требования;

– служебная концепция власти, отсылающая к выбору по балансу причин, противоречит тезису Раза о достаточности условия о простом указании на обязательный характер нормы как правовой [26. Р. 59–60; 31. Р. 26–36].

Таким образом, в категориях, описываемых самим Разом, по сути, формальная нормативность права представляет собой соответствие определенному моральному требованию, которому индивид по собственной воле решает подчиниться, а значит, нормативная сила права ценностно обоснована, при этом самим Разом существование такого требования отрицается. Преодоление такого противоречия кажется возможным через признание Разом условия о моральном обосновании действительности правовой системы, чего сам правовед не решается сделать.

Примечательно, что и сам Раз обнаружил слабость собственных аргументов, что привело к публикации в 2006 г. статьи «Проблема власти: пересмотр служебной концепции», в которой он признал, что нормативность требования власти зависит от содержания такого требования, поскольку оно оценивается индивидами [32. Р. 1012]. Однако данная линия размышлений не получила должного развития в теории правоведа.

Таким образом, теория Джозефа Раза действительно содержит в себе значительные проблемные аспекты, однако широкий анализ его взглядов позволяет констатировать, что правовед является одним из столпов современного англо-американского правового позитивизма, сохраняя общую преемственность исследовательской программы, заданной Гербертом Хартом. Раз, с одной стороны, стремится продолжить антиредукционистский импульс Харта, который стал важным достижением методологии аналитической юриспруденции, с другой стороны, его теория в череде новых оценочных концепций стремится к описанию права в его широком многообразии в лучших и худших его проявлениях. Однако чем дальше шло развитие правовой науки, особенно в условиях доминирования либеральных правовых концепций, тем ему это удавалось с большим трудом, учитывая тот напор критики, который обрушился на правовой позитивизм как со стороны антипозитивистов, так и принимая во внимание растущие внутри правового позитивизма противоречия. Кажется, что во многом неопределенность позиции правоведа на мораль и ряд других недостатков его теории обусловлены именно этим давлением и необходимостью соответствовать общей тенденции либеральной правовой мысли.

Действительно, реконструкция взглядов Раза и анализ ключевых критических замечаний обнаруживают значительную непоследовательность в его взглядах. Кажется, что Разу следует признать следующее: право является моральной категорией. Это перевело бы его во фланг «включающих» позитивистов. Представляется, что можно модифицировать теорию Раза при сохранении соответствия его идее о приоритете формальной силы закона.

Следует признать, что право порождает некую моральную обязанность подчиняться, поскольку содержит само в себе требование авторитетной силы исходя из служебной функции. Однако данное утверждение

является принципиально допустимым без необходимого отождествления права и морали, поскольку действие права как защищенного исключаящего основания для подчинения требует формальных инструментов обеспечения императивного подчинения ему, формальной иерархичности и согласованности внутри системы правовых норм. Потому, хотя моральная обязанность подчиняться так или иначе предусматривается концепцией Раза, правоведу достаточно было бы привести утверждения о моральной ценности права и требовании обеспечения формализованного подчинения ему более четко.

Заключение

Таким образом, Джозеф Раз построил глубокую правовую теорию, сочетающую в себе как позитивистский формализм, так и ориентацию на включение широкого социального контекста в понятие права. Тезисно правовые взгляды правоведа можно представить следующим образом:

– индивиды взаимодействуют между собой на основе социальных фактов, которые выражаются в системе нормативных отношений индивидов по поводу действий на основании причин. Причины для действий определяют поведение человека на основе рационального выбора индивида из баланса причин. Легитимная власть способна создавать основания для действий, которые исключаются из общего баланса причин и являются приоритетными для индивидов в силу своей эффективности и апелляции к практическому разуму;

– право представляет собой систему исключаяющих защищенных оснований для действий, которые создаются легитимной властью. Право претендует на авторитет и нормативно тогда, когда оно исходит от легитимной власти и воля власти может быть четко идентифицирована из правовых предписаний. Право базируется на источнике – позитивном социальном факте – и имеет внешнюю форму выражения, значение которой не зависит от ценностных и иных аргументов;

– идентифицируемость права требует четкости и ясности предписаний, чего не всегда возможно добиться, ввиду ограниченных возможностей формальных норм описывать факты реальной жизни. Это обусловливает необходимость судебного усмотрения, которое направлено на выявление воли власти по установлению правовых норм и ограничено ими. Судебные аргументы не являются по своей сути правовыми и имеют вспомогательную силу, иначе возникает риск правовой неопределенности ввиду того, что они всегда ценностно наполнены;

– право обособлено от морали для сохранения своих формальных свойств. Оценка права должна носить ограниченный характер. При этом право, ввиду его роли в общественной жизни, может быть морально ценным институтом, однако его формальная нормативность не зависит от нравственных переживаний субъекта, а потому не порождает всеобщей моральной обязанности подчиняться и не базируется на ней.

В итоге Раз строит одну из наиболее заметных правовых теорий в рамках направления «исключающего»

позитивизма, продолжая общее наследие Герберта Харта по широкому кругу исследовательских вопросов, однако расширяя англо-американский правовой позитивизм за счет социально-политических закономерностей.

Проблемы теории, упомянутые выше, вместе с тем не умаляют амбициозную попытку Раза защитить направление правового позитивизма в новых методологических рамках, заданных Гербертом Хартом. Джозеф Раз внес внушительный вклад в формирование

представлений о праве как социальном факте, предложив широкую аргументацию, объясняющую важные аспекты функционирования власти в обществе и всей нормативной системы, сблизив правовую, политическую и социологическую теорию. Его правовая теория стала фундаментом для современного направления «исключающего» позитивизма в англо-американской правовой мысли, а заявленные правоведом критические тезисы еще долго будут находиться в центре философско-правовой дискуссии.

Список источников

1. Беляев М.А. Памяти Джозефа Раза (1939–2022) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2. С. 75–77.
2. Михайлов А.М. Понимание верховенства права в позитивистском учении Дж. Раза // Право и политика. 2022. № 9. С. 45–60.
3. Малиновская Н.В. Соотношения права и закона в учении Дж. Раза // Центральный научный вестник. 2019. 4S(69). С. 13–15.
4. Бордакова А.Г. Концептуальный анализ идей Дж. Раза о праве: методологические аспекты // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 12–15.
5. Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с.
6. Wolff R.P. The Conflict Between Authority and Autonomy / ed. Raz J. // Authority. New York : NY University Press, 1990. P. 20–31.
7. Simmons A.J., Christopher H.W. Is There a Duty to Obey the Law? New York : Cambridge University Press, 2005. 200 p.
8. Raz J. Kelsen's Theory of the Basic Norm / eds. by S.L. Paulson, B.L. Paulson // Normativity and Norms. Critical Perspectives on Kelsenian Themes. Oxford : Clarendon Press, 1998. 627 p.
9. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / ed. by W. Rumble. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 344 p.
10. Kelsen H. General Theory of Law and State / Wedberg A. trans. New York : Russell & Russell, 1961. 432 p.
11. Raz J. Authority. New York : NY University Press, 1990. 336 p.
12. Raz J. Practical Reason and Norms. London : Hutchinson, 1975. 192 p.
13. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. New York : Oxford University Press, 1979. 245 p.
14. Raz J. The Morality of Freedom. New York : Oxford University Press, 1986. 448 p.
15. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 304 с.
16. Raz J. Authority and Justification // Philosophy and Public Affairs. 1985. Vol. 14. P. 3–29.
17. Raz J. Authority and Consent // Virginia Law Review. 1981. Vol. 67. P. 103–131.
18. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. New York : Oxford University Press, 2001. 380 p.
19. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Mass : The Belknap Press, 1986. 470 p.
20. Raz J. On The Nature of Law // Archive fur Rechts und Sozialphilosophie. 1996. Vol. 82. P. 1–25.
21. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. Oxford : Clarendon Press, 1980. 245 p.
22. Bingham T.H. The Rule of Law // The Cambridge Law Journal. 2007. № 1 (66). P. 67–85.
23. George P.R. Reason, Freedom, and the Rule of Law: Their Significance in the Natural Law Tradition // The American Journal of Jurisprudence. 2001. Vol. 46 (1). P. 249–256.
24. Edmundson W.A. Three Anarchical Fallacies: An Essay on Political Authority. New York : Cambridge University Press, 1998. 206 p.
25. Perry S. Law and Obligation // American Journal of Jurisprudence. 2005. Vol. 50 (1). P. 263–295.
26. Craig J.T. Raz and His Critics: A Defense of Razian Authority. Thesis : Georgia State University, 2009. 62 p.
27. Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford : Oxford University Press, 2009. 424 p.
28. Bennett M. "The Rule of Law" Means Literally What it Says: The Rule of Law // Australian Journal of Legal Philosophy. 2007. P. 90–113.
29. White P.D. Law and Moral Obligation (reviewing The Authority of Law: Essays on Law and Morality by Joseph Raz) // The University of Chicago Law Review. 1982. P. 249–257.
30. Hutchinson A. The Province of Jurisprudence Democratized. New York : Oxford University Press, 2009. 223 p.
31. Molin E. Legitimate legal authority and the obligation to obey: An analysis of Joseph Raz's arguments on legitimate authority. Thesis : Uppsala University, 2016. 36 p.
32. Raz J. The Problem of Authority: Revisiting the Service Conception // Minnesota Law Review. 2006. Vol. 90. P. 1003–1044.

References

1. Belyaev, M.A. (2022) Pamyati Dzhozefa Raza (1939–2022) [In Memory of Joseph Raz (1939–2022)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*. 2. pp. 75–77.
2. Mikhailov, A.M. (2022) Ponimanie verkhoventstva prava v pozitivistskom uchenii Dzh. Raza [Understanding the Rule of Law in the Positivist Doctrine of J. Raz]. *Pravo i politika*. 9. pp. 45–60.
3. Malinovskaya, N.V. (2019) Sootnoshenii prava i zakona v uchenii Dzh. Raza [The correlation of law and statute in the doctrine of J. Raz]. *Tsentrallyy nauchnyy vestnik*. 4S (69). pp. 13–15.
4. Bordakova, A.G. (2024) Kontseptualnyy analiz idei Dzh. Raza o prave: metodologicheskie aspekty [Conceptual analysis of J. Raz's ideas about law: methodological aspects]. *Yuridicheskaya nauka*. 7. pp. 12–15.
5. Didikin, A.B. (2016) *Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura* [Analytical Philosophy of Law: Origins, Genesis and Structure]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Wolff, R.P. (1990) The Conflict Between Authority and Autonomy. In: Raz, J. (ed.) *Authority*. New York: NY University Press. pp. 20–31.
7. Simmons, A.J. & Christopher, H.W. (2005) *Is There a Duty to Obey the Law?* New York: Cambridge University Press.
8. Raz, J. (1998) Kelsen's Theory of the Basic Norm. In: Paulson, S.L. & Paulson, B.L. (eds) *Normativity and Norms. Critical Perspectives on Kelsenian Themes*. Oxford: Clarendon Press.
9. Austin, J. (1995) *The Province of Jurisprudence Determined*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Kelsen, H. (1961) *General Theory of Law and State*. Translated by A. Wedberg. New York: Russell & Russell.
11. Raz, J. (1990) *Authority*. New York: NY University Press.
12. Raz, J. (1975) *Practical Reason and Norms*. London: Hutchinson.
13. Raz, J. (1979) *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. New York: Oxford University Press.
14. Raz, J. (1986) *The Morality of Freedom*. New York: Oxford University Press.
15. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English by E.V. Afonasin et al. St. Petersburg: St Petersburg University.

16. Raz, J. (1985) Authority and Justification. *Philosophy and Public Affairs*. 14. pp. 3–29.
17. Raz, J. (1981) Authority and Consent. *Virginia Law Review*. 67. pp. 103–131.
18. Raz, J. (2001) *Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics*. New York: Oxford University Press.
19. Dworkin, R. (1986) *Law's Empire*. Cambridge, Mass: The Belknap Press.
20. Raz, J. (1996) On The Nature of Law. *Archive fur Rechts und Sozialphilosophie*. 82. pp. 1–25.
21. Raz, J. (1980) *The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System*. Oxford: Clarendon Press.
22. Bingham, T.H. (2007) The Rule of Law. *The Cambridge Law Journal*. 66 (1). pp. 67–85.
23. George, P.R. (2001) Reason, Freedom, and the Rule of Law: Their Significance in the Natural Law Tradition. *The American Journal of Jurisprudence*. 46 (1). pp. 249–256.
24. Edmundson, W.A. (1998) *Three Anarchical Fallacies: An Essay on Political Authority*. New York: Cambridge University Press.
25. Perry, S. (2005) Law and Obligation. *American Journal of Jurisprudence*. 50 (1). pp. 263–295.
26. Craig, J.T. (2009) *Raz and His Critics: A Defense of Razian Authority*. Georgia State University Thesis.
27. Raz, J. (2009) *Between Authority and Interpretation*. Oxford: Oxford University Press.
28. Bennett, M. (2007) "The Rule of Law" Means Literally What it Says: The Rule of Law. *Australian Journal of Legal Philosophy*. pp. 90–113.
29. White, P.D. (1982) Law and Moral Obligation (reviewing The Authority of Law: Essays on Law and Morality by Joseph Raz). *The University of Chicago Law Review*. pp. 249–257.
30. Hutchinson, A. (2009) *The Province of Jurisprudence Democratized*. New York: Oxford University Press.
31. Molin, E. (2016) *Legitimate legal authority and the obligation to obey: An analysis of Joseph Raz's arguments on legitimate authority*. Uppsala University Thesis.
32. Raz, J. (2006) The Problem of Authority: Revisiting the Service Conception. *Minnesota Law Review*. 90. pp. 1003–1044.

Информация об авторе:

Горбунов М.Д. – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: maxandgor@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5266-8852

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.D. Gorbunov, Cand. Sci. (Law), senior lecturer, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: maxandgor@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5266-8852

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.01.2025;
одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 23.01.2025;
approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

Научная статья
УДК 343.14
doi: 10.17223/15617793/512/26

Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора как составную часть права на защиту: анализ явления, ошибки и рекомендации

Владимир Владимирович Конин^{1, 2}, Анна Васильевна Кудрявцева^{3, 4}, Александр Васильевич Петров⁵

^{1, 3, 5} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

² Адвокатская палата Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Санкт-Петербургский городской суд, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} vkonin.kld@yandex.ru

^{3, 4} acifna@mail.ru

⁵ petrov_av2012@mail.ru

Аннотация. Право на защиту в уголовном судопроизводстве гарантировано ст. 48 Конституции РФ и ст. 16 УПК РФ. Это право трактуется исключительно как право на защиту от возникшего подозрения либо выдвинутого обвинения и распространяется исключительно на лиц, имеющих статус подозреваемого и обвиняемого, и действует на досудебной и судебной стадиях. Вместе с тем понимание права на защиту в уголовном судопроизводстве в широком смысле включает в себя не только защиту на досудебной и судебной стадиях от обвинения, но и право на оказание квалифицированной юридической помощи в стадии исполнения приговора, когда обвинение уже реализовалось, приговор суда вступил в законную силу и начал исполняться. Настоящая статья продолжает серию исследований, проведенных различными авторами, по вопросам оказания квалифицированной юридической помощи в стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: право на защиту, посткриминальное поведение, осужденный, органы исполнения наказания, состязательность, предмет доказывания, пределы доказывания, адвокат, ошибки в осуществлении защиты

Для цитирования: Конин В.В., Кудрявцева А.В., Петров А.В. Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора как составную часть права на защиту: анализ явления, ошибки и рекомендации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 242–251. doi: 10.17223/15617793/512/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/26

The right to qualified legal assistance during sentence execution as a component of the right to defense: Analysis of the phenomenon, errors, and recommendations

Vladimir V. Konin^{1, 2}, Anna V. Kudryavtseva^{3, 4}, Aleksandr V. Petrov⁵

^{1, 3, 5} Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg Chamber of Lawyers, Saint Petersburg, Russian Federation

⁴ Saint Petersburg City Court, Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} vkonin.kld@yandex.ru

^{3, 4} acifna@mail.ru

⁵ petrov_av2012@mail.ru

Abstract. The right to defense in criminal proceedings is guaranteed by Article 48 of the Constitution of the Russian Federation and Article 16 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. But, as the analysis of these norms shows, it is interpreted exclusively as the right to protection from suspicion or accusation, and applies exclusively to persons with the status of the suspect and the accused, and operates at the pre-trial and judicial stages. At the same time, the understanding of the right to defense in a broad sense includes not only protection at the pre-trial and judicial stages from prosecution, but also as the right to provide qualified legal assistance in the post-trial stages, in cases where the charge has already been realized, the court verdict has entered into force and has begun to be executed, i.e., at the stage of execution of the sentence. The aim of the study is to prove that at the stage of execution of a sentence a lawyer provides qualified legal assistance to a convicted person, which consists in protecting his rights, and to show, based on an analysis of the principles of criminal proceedings, which tools and means available in the lawyer's arsenal can achieve the greatest favorability for the fate of a convicted person at the sentence execution stage, avoiding mistakes in very evaluative categories of criminal procedure legislation and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the conducted research, it is inferred that the right to defense at the sentence execution stage is manifested in the provision of qualified legal assistance by a lawyer, which is not to defend against the prosecution, but to protect the rights of the convicted person at the stage. The participation of a lawyer in resolving issues listed in Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the side of the convicted person

should be subject to the rules of Article 51 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, applied by analogy, since a person in the status of a convicted person is limited in his rights in connection with the execution of punishment and needs qualified legal assistance no less than a person in the status of the suspect, accused, and defendant. At the same time, at present, the right to protection at this stage is dispositive and does not fully apply. The subject matter and limits of proof also have their own characteristics. Based on the analysis of judicial practice, the mistakes of lawyers have been identified and analyzed, and recommendations for their prevention have been proposed. It is concluded that the convicted person must be protected from unjustified deterioration of his position through the implementation of the principles of competition, equality of the parties and the right to defense, and the opportunity to challenge the possible deterioration of his position in court proceedings.

Keywords: right to defense, post-criminal behavior, convicted person, enforcement authorities, adversarial nature, subject of proof, limits of proof, lawyer, errors in the implementation of protection

For citation: Konin, V.V., Kudryavtseva, A.V. & Petrov, A.V. (2025) The right to qualified legal assistance during sentence execution as a component of the right to defense: Analysis of the phenomenon, errors, and recommendations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 242–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/26

Введение

Любое общество заинтересовано в пресечении и подавлении преступности с тем, чтобы лицо, совершившее преступление, понесло за это заслуженное наказание, назначенное приговором суда, которое должно быть законным и, что не менее важно, обязательно справедливым. Также задачей наказания за совершенное преступление является предотвращение повторного совершения преступления, борьба с рецидивом и профилактика преступлений среди лиц, ранее не совершавших преступления.

Вместе с тем, как было отмечено В.И. Качаловым, в стадии исполнения приговора судом по месту отбывания наказания возможна коррекция приговора в рамках ст. 397 УПК РФ [1. С. 107].

Сразу хотелось бы отметить, что приговор – это окончательное решение суда по рассмотренному уголовному делу по вопросу виновности либо невиновности в инкриминируемом подсудимому деянии, за которое он привлечен к уголовной ответственности. В случае если приговор является обвинительным, в нем дается оценка каждому эпизоду преступных действий, вмененных подсудимому, и назначается наказание за каждое совершенное преступление.

Изменение сущности приговора, фактических обстоятельств уголовного дела возможно в проверочных стадиях уголовного судопроизводства, когда суд вышестоящей инстанции может исключить из приговора какие-либо эпизоды преступной деятельности, переqualифицировать вмененные преступные деяния на иную статью УК РФ, изменить назначенное судом первой инстанции наказание либо отменить приговор суда первой инстанции и вынести новый приговор. При этом коррекция приговора может носить как позитивный, так и негативный характер для осужденного.

Исходя из решений высших судебных органов¹, осужденный в стадии исполнения приговора при решении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, не утрачивает право на помощь адвоката (защитника). При этом по некоторым из них, в частности, когда решается вопрос об ухудшении положении осужденного, например, при отмене условного осуждения, замене назначенного судом наказания на более строгое, полагаем необходимым предусмотреть обязательное участие адвоката в судебном заседании. В юридической

литературе абсолютно верно отмечается, что «в теории уголовного процесса так и не выработано определенных позиций по вопросу права на защиту в стадии исполнения приговора» [2. С. 2–5; 3. С. 90–97], и, в частности, констатируется, что нет ответа на вопросы, о разъяснении осужденному, к которому применяются меры принуждения в стадии исполнения приговора его права, обязанность и ответственность, вопросы возможности рассмотрения вопросов об отмене условного осуждения [4. С. 178]. Необходимо отметить, что вопрос о необходимости участия защитника в стадии исполнения приговора поднимался еще в советское время [5. С. 73].

Основная часть

Возражая В.И. Качалову, полагаем необходимым отметить, что в стадии исполнения приговора коррекции подлежит не сам приговор, а исключительно наказание, назначенное по приговору суда, и только по тем вопросам, которые указаны в ст. 397 УПК РФ, поскольку суд, рассматривающий материалы в порядке ст. 397–399 УПК РФ, не вправе давать иную оценку действиям осужденного, за совершение которых он признан судом виновным и ему назначено наказание. Это относится как к вопросам наказания, так и к так называемым «сомнениям и неясностям», разъяснение которых не может затрагивать сущность приговора.

Одним из оснований коррекции наказания является поведение осужденного после вынесения приговора (посткриминальное поведение), поскольку, как совершенно справедливо было отмечено авторами, «оценивая степень исправления осужденного, важно учитывать не только его поведение в пределах исправительного учреждения, но и готовность вхождения в социум» [6. С. 202].

Следует выделять позитивное и негативное посткриминальное поведение осужденного. Под позитивным посткриминальным поведением осужденного понимается поведение, одобряемое обществом – искреннее раскаяние в совершенном преступлении, принесение извинений потерпевшему, возмещение (заглаживание) вреда, причиненного преступлением, занятие общественно полезной деятельностью, отказ от криминальной идеологии, совершение общественно полезных действий во время отбывания наказания, отсутствие нарушения режима отбывания наказания.

По мнению М.А. Кауфмана, под негативным посткриминальным поведением следует понимать «...отрицательное, имеющее антисоциальную направленность, противоправное, но не содержащее признаков состава преступления деяние лица (действие или бездействие), ранее совершившего преступление» [7. С. 53–60]. К негативному посткриминальному поведению также следует отнести продолжение противоправной, в том числе и преступной деятельности, т.е. совершение лицом как административных правонарушений, так и новых преступлений после осуждения за совершенное преступление.

Рассматривая вопросы стадии исполнения приговора, необходимо отметить, что именно негативное посткриминальное поведение осужденного влечет за собой, соответственно, негативную коррекцию наказания, назначенного судом. Основанием для негативной коррекции наказания служат допущенные осужденным нарушения в виде совершенных административных правонарушений, преступлений, а также неисполнение возложенных на него судом обязанностей.

Так, например, ст. 190 УИК РФ раскрывает, что следует понимать под негативным поведением, которое может служить основанием для негативной коррекции наказания в стадии исполнения приговора. В то же время необходимо отметить, что любая коррекция наказания всегда преследует два интереса – частный и публичный, что нами уже отмечалось ранее [8. С. 106].

Публичный интерес, в случае корректировки наказания в стадии исполнения приговора, будет выражаться в следующем:

- в случае позитивного изменения наказания: общество имеет право не только на наказание за совершенное преступление, но и на прощение в случае позитивного посткриминального поведения, осознания своей виновности и принятия мер по исправлению, возмещению либо заглаживанию причиненного преступлением вреда;

- в случае негативного изменения наказания: назначение справедливого наказания лицу за совершенное преступление, если лицо не восприняло в должной мере назначенное судом достаточно мягкое наказание и не предприняло достаточно мер для осознания своего поведения, возмещения либо заглаживания вреда и последующей ресоциализации.

При изменении наказания в стадии исполнения приговора можно проследить и частный интерес:

- при позитивной коррекции наказания: в улучшении положения осужденного (смягчение вида наказания либо изменение вида исправительного учреждения; условно-досрочное освобождение и т.д.);

- при негативной коррекции наказания: осужденный отрывается от своего окружения, оказывающего на него негативное влияние, прекращает вести антиобщественный образ жизни, получает возможность осознать пагубность своего поведения и может попытаться изменить его.

Рассмотрение вопроса о возможной коррекции наказания производится в судебном заседании, которое, как правило, является открытым, с соблюдением установленного УПК РФ ритуала судебного разбирательства, с соблюдением прав участников судебного

разбирательства, в том числе и с соблюдением принципов уголовного судопроизводства.

Анализ изученных материалов, рассмотренных районными судами Калининградской области, а также Санкт-Петербурга в порядке ст. 397 УПК РФ, позволил сделать вывод о том, что основная масса решений по коррекции наказания выглядит следующим образом:

- нейтрально-позитивная коррекция, связанная с изменением уголовного законодательства (декриминализация или частичная декриминализация деяния в соответствии со ст. 10 УК РФ) [9. С. 95–101];

- позитивная коррекция наказания: улучшение положения осужденного в связи с позитивным посткриминальным поведением;

- негативная коррекция наказания: ухудшение положения осужденного, ранее приговоренного к наказанию, не связанному с лишением свободы, в связи с отрицательным посткриминальным поведением в период отбытия наказания.

Решение суда о корректировании наказания, назначенного по приговору суда, не может быть произвольным и должно базироваться на информации, проверенной и оцененной судом, получившей в процессе судебного разбирательства статус доказательства, которое, в свою очередь, должно соответствовать всем требованиям, предъявляемым к ним УПК РФ.

В связи с этим необходимо отметить, что доказывание в современном российском уголовном судопроизводстве неразрывно связано с состязательностью, поскольку одной из его составляющих является распределение бремени доказывания между сторонами.

Принцип состязательности всегда возникает и реализуется в процессе уголовного судопроизводства исключительно при наличии у сторон разных интересов. Так, на досудебной и судебной стадии задача стороны обвинения заключается в том, чтобы реализуя принцип публичности, доказать виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности. Задача стороны защиты заключается в том, чтобы доказать необоснованность выдвинутого обвинительного тезиса, как в полном объеме, так и в части, и тем самым улучшить положение лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Как реализуется принцип состязательности в стадии исполнения приговора, принимая во внимание отсутствие обвинения и защиты как уголовно-процессуальных функций в этой стадии? В условиях, когда не действует принцип презумпции невиновности, поскольку вступил в силу обвинительный приговор?

Можно утверждать: в стадии исполнения приговора деятельность по доказыванию позитивного посткриминального поведения осужденного фактически возложена на самого осужденного. Таким образом, явочным порядком в одной из стадий уголовного судопроизводства действует принцип презумпции виновности, присущий гражданскому и арбитражному судопроизводству и заключающийся в том, что каждая из сторон доказывает те обстоятельства, на которые ссылается в обоснование своих доводов. Суд по ходатайству осужденного, рассматривая вопросы о возможной позитивной коррекции наказания, может помочь в собирании информации, свидетельствующей о позитивном посткриминальном поведении осужденного².

Тем самым осужденный, доказывая свое позитивное посткриминальное поведение и исправление, фактически состязается не с обвинением, как на досудебной и судебной стадиях, а со сложившемся в обществе негативным и критическим мнением о лицах, совершивших преступление и отбывающих наказание.

Деятельность по доказыванию негативного посткриминального поведения осужденного, фактов неисполнения либо нарушения возложенных приговором на осужденного обязанностей и ограничений лежит на стороне, осуществляющей исполнение наказания и контроль за надлежащим поведением осужденного, которая не является стороной обвинения, в соответствии с п. 47 ч. 1 ст. 5 УПК РФ. Полагаем необходимым отметить, что в УПК РФ никак не определен процессуальный статус этого участника судопроизводства.

Доказывание в данном случае будет заключаться в том, что уголовно-исполнительной инспекцией, как стороной, осуществляющей контроль за надлежащим поведением осужденного, суду должна быть предоставлена информация, бесспорно свидетельствующая о негативном посткриминальном поведении осужденного. При этом информация, предоставляемая органом, исполняющим наказание, несмотря на то, что формально она не является доказательством, в соответствии с требованиями, установленными УПК РФ, все же должна отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и в своей совокупности быть достаточной для придания этой информации судом статуса доказательства и вынесения на ее основе судом законного и обоснованного решения, которым будет ухудшено положение осужденного либо отказано в удовлетворении требований органа, исполняющего наказание.

Решение суда будет являться законным и обоснованным лишь только в том случае, если при рассмотрении материала были соблюдены не только все нормы УПК РФ, но и приняты во внимание принципы уголовного судопроизводства, которые действуют в стадии исполнения приговора.

Рассматривая вопросы действия принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения наказания, полагаем необходимым отметить, что не все принципы уголовного судопроизводства, перечисленные в гл. 2 УПК РФ, действуют в этой стадии, а те, которые действуют, имеют иной объем по сравнению с досудебной и судебной стадиями. Так, например, в стадии исполнения приговора в отношении осужденного не действует конституционный принцип презумпции невиновности, поскольку презумпция невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, опровергнута вступившим в законную силу приговором суда. Некоторые авторы предполагают, что в этой стадии не в полном объеме действует принцип законности [10. С. 269], что опять же объясняется отсутствием обвинения, сформированного в процессе расследования уголовного дела на основе собранных доказательств и их последующей проверки, исследования [11. С. 19–23; 12. С. 47–54] и оценки, и таких участников, как дознаватель, следователь, подозреваемый и обвиняемый.

Принцип права на защиту в рассматриваемой стадии должен толковаться не как защита подозреваемого и обвиняемого от выдвинутого обвинительного тезиса, а как наличие реального доступа к получению квалифицированной юридической помощи, как возможность осужденного в полном объеме оспаривать действия органов, исполняющих наказание при ухудшении его положения. Таким образом, мы видим, что данный принцип наполнен иным содержанием и действует в иных границах по сравнению со стадиями досудебного и судебного производства.

Так, например, О. В. Воронин полагает, что в стадии исполнения приговора действует право осужденного на защиту и предоставление адвокату осужденного статуса защитника обусловлено не только расширенным пониманием защиты, но и соображениями практического плана [2. С. 2–5]. Данное мнение нуждается в уточнении пределов права на защиту, поскольку закон не предусматривает обязательное участие адвоката в стадии исполнения приговора, соответственно, фактически сущность деятельности адвоката в этой стадии ближе к институту представительства, чем к институту защиты. Вместе с тем вполне возможно распространять в этой стадии действие норм ст. 50–53 УПК РФ и на адвоката, имея в виду отсутствие в этой стадии функции обвинения и выполнение адвокатом функции оказания квалифицированной юридической помощи и совершение действий, направленных за защиту законных интересов осужденного.

Так же, в несколько иных пределах и с иным наполнением по сравнению со стадиями досудебного и судебного производства, продолжает действовать принцип равноправия сторон [13. С. 128–133].

Специальные условия действия этих принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения приговора, безусловно, влияют и на содержание права на доступ осужденного к квалифицированной юридической помощи, которая фактически выступает элементом права на защиту.

Изменение пределов действия перечисленных выше принципов связано с отсутствием уголовного дела, сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса и защиты от него, а также иной процедурой судебного разбирательства по сравнению с рассмотрением уголовного дела в суде первой инстанции, иным предметом доказывания и иными пределами доказывания.

Полагаем необходимым отметить, что предмет доказывания в стадии исполнения приговора имеет свои особенности и не совпадает с общим предметом доказывания, перечисленным в ст. 73 УПК РФ, как и пределы доказывания, установленные ст. 252 УПК РФ³.

Эти отличия хорошо просматриваются на примере анализа ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, которая закрепляя право на защиту в уголовном судопроизводстве, устанавливает следующее:

2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения⁴.

Конституционные положения о праве на защиту были конкретизированы и раскрыты в ст. 16 УПК РФ:

1. Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

2. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами.

3. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно⁵.

Как видно из приведенных выше норм, право на защиту в уголовном процессе как в части обязательного участия адвоката-защитника на досудебной и судебной стадиях, так и обязанности властных субъектов обеспечить право на защиту, носит императивный характер, и нарушение этого права дознавателем, следователем либо судом влечет за собой негативные последствия для доказывания виновности лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. Об императивном характере права на защиту свидетельствуют также положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Таким образом, анализ ч. 2 ст. 48 Конституции РФ и ст. 16 УПК РФ позволяет сделать вывод, что направленность этих норм и их детальная реализация в полном объеме возможны только на досудебной стадии и стадии судебного разбирательства.

Иная ситуация с реализацией права на квалифицированную юридическую помощь, которая выступает составной частью права на защиту, складывается в стадии исполнения приговора.

Поскольку в этой стадии отсутствует уголовное дело и обвинение (уголовное преследование), следовательно, отсутствуют и такие процессуальные участники, как подозреваемый и обвиняемый, дознаватель, следователь, государственный обвинитель. Участие прокурора в стадии исполнения приговора носит факультативный характер, что, по мнению В.И. Качалова, является неправильным [14. С. 62].

Как отмечал Ю.К. Якимович, «“защита” в уголовно-процессуальном законодательстве РФ понимается в узком смысле: как защита от уголовного преследования. Необходимость защиты появляется с началом уголовного преследования. Нет уголовного преследования – нет и защиты. Прекращается уголовное преследование (обвинительный приговор вступает в законную силу), прекращается и защита. Правильно это или нет – вопрос непростой, но такова позиция законодателя» [15. С. 80–81].

В стадии исполнения приговора право на квалифицированную юридическую помощь, как составную

часть права на защиту, из императивного превращается в диспозитивное. Это проявляется в том, например, что ч. 4 ст. 399 УПК РФ закрепляет для осужденного возможность (но не обязанность) реализовать защиту своих прав с помощью адвоката. В дополнение к этому ч. 4 ст. 89 УИК РФ устанавливает, что юридическую помощь осужденному могут оказывать и иные лица, не имеющие статус адвоката. Насколько участие указанных лиц эффективно, а оказываемая ими осужденным юридическая помощь является квалифицированной – сказать очень трудно, поскольку анализ изученных материалов в архивах судов не позволяет прийти к какому-либо обоснованному выводу, так как основная масса лиц, заявленных в данном качестве, фактически являлась близкими родственниками осужденного и использовала предоставляемое представителю право на свидание с доверителем совсем не с целью оказания квалифицированной юридической помощи. К этому выводу позволяет прийти и анализ качества процессуальных документов, составленных с участием лиц, допущенных в качестве защитников, но не имеющих статус адвоката (использование общеупотребительных фраз, жаргона, расширительное толкование закона и т.д.).

Вместе с тем, рассматривая реализацию права на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора осужденному как составную часть права на защиту, необходимо обратить внимание на содержание прав, предоставленных УПК РФ обвиняемому и осужденному. По этому поводу В. Корниенко приходит к обоснованному выводу: «...можно констатировать существенное ущемление прав осужденного в судебном разбирательстве по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора. Это не только ущемляет его конституционные права как гражданина России, но и не соответствует Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, принятым ООН в 1955 г.» [16. С. 72–73].

В связи с этим, по мнению некоторых авторов, в стадии исполнения приговора функция защиты не осуществляется [17. С. 543; 18. С. 3]. Действительно, если подходить с позиции формального толкования, защита, как она расписана в Конституции РФ и УПК РФ, в стадии исполнения приговора не осуществляется, поскольку отсутствует обвинение и спор сторон о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении. И все же полагаем, что данная точка зрения является предметом дискуссий.

Попытаемся это объяснить следующими рассуждениями. Право на защиту и функция защиты неразрывно связаны с уголовным судопроизводством и зависят от наличия обвинения как основной структуры уголовного судопроизводства и уголовного дела как главного фактора уголовного преследования. Задача защиты в уголовном судопроизводстве заключается в улучшении положения доверителя (подзащитного). Так, на стадии расследования и стадии судебного разбирательства функция защиты заключается в оспаривании выдвинутого обвинительного тезиса, как в полном объеме, так и в части, предоставление дознава-

телю, следователю и суду доказательств, свидетельствующих в пользу подзащитного и улучшающих его положение, как полностью (оправдание), так и в части (признание виновным в меньшем объеме по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом).

В то же время в стадии исполнения приговора право на защиту от обвинения преобразовывается в право на оказание и получение квалифицированной юридической помощи, имеющее своей целью защиту от возможного ухудшения положения осужденного, на защиту законных интересов осужденного, объем которых значительно меньше, чем у обвиняемого. В стадии исполнения приговора функция защиты заключается в первую очередь в оспаривании действий и решений органов, исполняющих наказание, которые ухудшают положение доверителя, а также отстаивание в суде интересов доверителя в случае возможности позитивной либо негативной коррекции наказания, назначенного по приговору суда.

Таким образом, защита как вид уголовно-процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора существует, что отмечают и другие ученые [19. С. 302–304; 20. С. 34–37], но, необходимо это особо подчеркнуть, в связи с особенностями, свойственными этой стадии, реализуется в ином виде и ином объеме.

В то же время анализ практики показал, что участие адвоката при рассмотрении судами материалов при разрешении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, является достаточно незначительным, чаще всего они участвуют при разрешении судами вопроса о применении УДО или об изменении вида исправительного учреждения на основании ст. 78 УК РФ, либо о замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ, т.е. в ситуации позитивного корректирования наказания, назначенного по приговору суда, которым ранее осужденному было назначено более строгое наказание.

Анализ изученных материалов позволил прийти к выводу о том, что в случаях негативной коррекции наказания, т.е. ухудшения положения осужденного, участие адвокатов должно быть обязательным, особенно если осужденный имеет физические либо психические недостатки, в недостаточной мере владеет языком, на котором осуществляется судопроизводство, либо является несовершеннолетним, т.е. по аналогии должны распространяться некоторые случаи обязательного участия защитника, предусмотренные в ст. 51 УПК РФ, о чем ранее уже отмечалось [21. С. 74–79].

Одновременно с этим из изученных архивных материалов видно, что лицам, в отношении которых органами, исполняющими наказание, ставится вопрос о негативной коррекции назначенного по приговору суда наказания, судом разяснялось право на привлечение адвоката, но по каким-то причинам осужденные, в отношении которых рассматривались материалы о негативной коррекции наказания, в основной своей массе не желали воспользоваться его услугами. Возможно, это было связано с последующим возложением на них расходов на оплату услуг привлекаемого адвоката, при низкой эффективности его участия в процессе.

Помимо того, что само по себе участие адвокатов по таким делам достаточно нечастое, в то же время при изучении материалов в архивах судов нередко выявляются случаи, когда адвокаты занимают неправильную, противоречащую интересам доверителя, либо пассивную, опять же противоречащую интересам доверителя позицию.

Так, например, при изучении материала 4/17-59/2020⁶, рассмотренного Зеленоградским районным судом Калининградской области по представлению руководителя Зеленоградского межрайонного филиала уголовно-исполнительной инспекции в отношении осужденного П. об изменении назначенного ранее приговором суда вида наказания, взятии под стражу и направлении в колонию-поселение для отбытия наказания, было установлено следующее: согласно информации, содержащейся в представлении, гр-н П., ранее осужденный к наказанию, не связанному с лишением свободы, с возложением на него определенных обязанностей, в частности, на него была возложена обязанность встать на учет и отмечаться в органах уголовно-исполнительной инспекции в назначенное инспекцией время. В период отбытия наказания, не связанного с лишением свободы, П. были допущены нарушения в виде неявки для отметки в назначенное уголовно-исполнительной инспекцией время. Согласно протоколу судебного заседания, П. не отрицал допущенные нарушения, не раскрывая причин, по которым эти нарушения были допущены. Интересы П. в судебном заседании представлял адвокат по соглашению К., который выразил свою позицию следующим образом: «Я связан мнением моего подзащитного, он согласен, у меня возражений нет». При этом из протокола судебного заседания не видно, что сторонами, а также судом исследовалась личность осужденного П., выяснялись причины, по которым им были допущены нарушения, его отношение как к допущенным нарушениям, так и возможности коррекции назначенного ранее приговором суда наказания в сторону ужесточения. В связи с этим встает вопрос – с чем был согласен и против чего не возражал адвокат? С тем, что подзащитным были допущены нарушения, или с ужесточением наказания, о чем просила уголовно-исполнительная инспекция?

Судом представление руководителя Зеленоградского межрайонного филиала уголовно-исполнительной инспекции было удовлетворено, осужденный П. был направлен для отбытия наказания в колонию-поселение.

Схожая ситуация произошла и при рассмотрении Зеленоградским районным судом Калининградской области представления об изменении вида наказания в отношении осужденного Г.⁷ В материалах дела отсутствуют какие-либо данные об исследовании личности осужденного, не выяснялись причины допущенных нарушений, сам Г. не отрицал, что им были допущены нарушения. Адвокат Д., участвовавший в рассмотрении материала по назначению суда, заявила: «Я подерживаю своего подзащитного». Как следует из материалов дела, после удаления суда в совещательную комнату адвокат Д. покинул зал судебного заседания, с протоколом судебного заседания не ознакомился, апелляционную жалобу не подавал, а все его участие

было сведено к произнесению одной фразы. Встает вопрос: в чем поддерживал адвокат своего доверителя?

Одновременно с этим выяснилось, что адвокаты не всегда знакомы с особенностями рассмотрения судом материалов в порядке ст. 397 УПК РФ. Так, не все адвокаты знали, что, согласно ч. 7 ст. 399 УПК РФ и правовым позициям Конституционного Суда РФ, в этой стадии не проводятся прения, а лицу, в отношении которого рассматривается материал по представлению органов, исполняющих наказание, не предоставляется последнее слово⁸.

Можно сделать вывод, что в данном случае адвокаты не выполнили свою профессиональную функцию и фактически оставили своих подзащитных без защиты.

Так, следуя формальному толкованию закрепленного в п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»⁹ положения, адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самооговора доверителя.

Но необходимо отметить, что в рассматриваемом положении закона ключевым является слово «воля». Под словом «воля» авторы понимают способность дееспособного человека на основе анализа сложившейся ситуации принимать осмысленные решения и добиваться их выполнения.

При этом воля подзащитного в уголовном судопроизводстве всегда должна быть явно выраженной в высказываниях, не допускающих двойного толкования, например: «Я согласен, что умышленно допустил нарушения возложенных на меня обязанностей, и готов за это понести ответственность в виде ужесточения назначенного мне ранее наказания».

В рассмотренных нами случаях воля подзащитного на ухудшение его положения посредством изменения на более строгий вид наказания не была выражена, следовательно, положение, запрещающее адвокату занимать иную позицию, в данном случае было неприменимо, и, соответственно, в этой ситуации адвокат должен был бороться за улучшение положения своего доверителя.

Можно привести еще один пример, когда адвокат не смог отстоять права своего подзащитного. Так, Невский районный суд Санкт-Петербурга по представлению уголовно-исполнительной инспекции отменил условное осуждение гр-на И. и направил его для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима. Поводом для обращения в суд послужило систематическое неисполнение возложенных на осужденного И. обязанностей и привлечение его к административной ответственности за нарушение общественного порядка. При этом суд рассмотрел материал в отсутствие осужденного, чем нарушил требования закона, в соответствии с которыми отмена условного осуждения в отсутствие самого лица возможна только по такому основанию, как сокрытие от контроля или объявление данного осужденного в розыск. Адвокат в процессе судебного разбирательства общими фразами возражал против рассмотрения материалов в отсутствие осужденного, не ссылаясь при этом на действующее законодательство,

правовые позиции, высказанные Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, в поданной апелляционной жалобе доводы об отмене решения никак не мотивировал, ограничившись общими фразами¹⁰.

И в данном случае также можно констатировать, что адвокат оставил своего доверителя без защиты и не выполнил в полном объеме возложенные на него обязанности.

Заключение

В стадии исполнения приговора такие принципы уголовного судопроизводства, как законность, состязательность, право на защиту, равенство сторон, реализуются в ином формате и в иных границах по сравнению с другими стадиями уголовного процесса. Это, в первую очередь, связано с тем, что системообразующая функция уголовного судопроизводства – обвинение в совершении преступления отсутствует в полном объеме, поскольку в стадии исполнения приговора она реализована вступившим в законную силу и начавшем исполняться приговором.

Вместе с тем отсутствие обвинения не исключает наличие спора между стороной исполнения наказания и осужденным. При этом объектом спора выступают права и законные интересы осужденного. Разрешение этого спора возложено на суд по месту отбывания осужденным наказания.

Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора осужденному как составная часть права на защиту, несмотря на отсутствие спора о виновности доверителя в совершении преступления, реализуется посредством оказания квалифицированной юридической помощи как со стороны адвоката, так и иных лиц для защиты прав и законных интересов осужденного и имеет своей целью улучшение его положения.

Адвокат, исходя из требований действующего законодательства, должен честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами¹¹. Именно отстаивать, а не имитировать защиту и отстаивание законных прав и интересов доверителя. А законный интерес доверителя в данном случае заключался в том, чтобы его положение не было ухудшено по сравнению с действующим на современном этапе.

Алгоритм действий адвоката в случае вступления в дело при рассмотрении судом материалов о негативной коррекции наказания в отношении осужденного должен быть следующим:

- предварительное изучение материалов дела (как показывает анализ, значительное количество дел данной категории содержит те или иные нарушения, которые остаются без реагирования со стороны суда, поскольку стороны на них не обращают внимание¹²);

- выяснение в полном объеме наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ¹³, а также не вошедших в указанный перечень, но выработанных сложившейся судебной практикой (например, наличие заболеваний, участие в боевых действиях и т.д.), в том числе выяснение причин, по которым судом при рассмотрении уголовного дела по существу было

назначено наказание, не связанное с лишением свободы;

- выяснение причин, по которым были допущены нарушения (проживание в отдаленной местности, транспортные сложности при попытке добраться, проблемы со здоровьем, отсутствие связи и т.д.);

- личное отношение к допущенным нарушениям;

- выяснение отношения потерпевшего к ухудшению положения осужденного [22. С. 161–165];

- оценка информации, содержащейся в предоставленных суду материалах, на предмет относимости, допустимости, достоверности и в своей совокупности достаточности для вынесения судом законного и обоснованного решения, в том числе и оценка содержащихся в материалах объяснений, которые зачастую не содержат информации, позволяющей суду сделать законный и обоснованный вывод по представленному материалу [23. С. 82–86; 24. С. 49–53];

- заявление перед судом ходатайства об отложении рассмотрения материала для обжалования действий сотрудников органа исполнения наказания в порядке, установленном КАС РФ. Вполне вероятно,

что в результате обжалования действий сотрудников органа исполнения наказания будет получен позитивный результат для подзащитного, о чем отмечает Е.Э. Попова [25. С. 51].

Выяснение и выполнение всех вышеперечисленных обстоятельств позволили бы адвокату исполнить в полном объеме возложенные на него обязанности, и не исключено, что суд не согласился бы с доводами органа исполнения наказания, тем самым не было допущено негативной коррекции наказания и удалось бы избежать ухудшения положения осужденного.

Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что право на доступ к квалифицированной юридической помощи для осужденного в стадии исполнения приговора является неотъемлемым элементом конституционного права на защиту в уголовном судопроизводстве. Указанное право должно быть доступным и реализовываться посредством привлечения адвоката как единственного субъекта, на которого возложена обязанность по оказанию квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Примечания

¹ «По жалобе гражданина Слюсаря Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Определения Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 351-О; «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича»: Постановление Конституционного Суда от 26 декабря 2003 г. № 20-П // СПС «Консультант Плюс».

² На взгляд авторов, в данном случае необходимо вести речь не о доказательствах, а об информации, которая имеет доказательственное значение, и только после проверки и оценки судом в ходе судебного разбирательства информация либо приобретет статус доказательства и на ее основе будет принято судом решение, либо будет исключена из процесса доказывания.

³ Вопросы предмета доказывания и пределов доказывания в стадии исполнения приговора будут рассмотрены авторами в следующей статье.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей ред.) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Материал № 4/17-59/2020 в отношении осужденного П. // Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области

⁷ Материал № 4/17-75/2020 в отношении осужденного Г. // Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3335-О // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в действующ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Материал № 4/8-47/2024 в отношении осужденного И. // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.

¹¹ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в действующ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

¹² Так, например, при изучении материала 4/17-75/2020 в отношении осужденного Г. было установлено, что представление об изменении ранее назначенного наказания по приговору суда было подписано старшим инспектором Зеленоградского межмуниципального филиала УИИ УФСИН России по Калининградской области, не имевшей на это полномочий, тем не менее судом оно было рассмотрено и по нему было вынесено решение. Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

Список источников

1. Качалов В.И. Способы корректировки судом приговора при его исполнении // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 106–111.
2. Воронин О.В. О функциональном содержании деятельности адвоката осужденного в стадии исполнения приговора // Адвокатская практика. 2012. № 2. С. 2–5.
3. Левченко О.В., Камардина А.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства судом в стадии исполнения приговора. М., 2013. 192 с.
4. Николок В.В. Прав ли Верховный Суд РФ, даже если он «Верховный»? (К вопросу о современной трактовке содержания права на защиту в уголовном судопроизводстве) // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Всерос. конф. 2015. С. 263–270.
5. Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 136 с.
6. Щербаков Г.В., Баламут А.Н., Кряжева С.Г. Психологические критерии исправления осужденных: возможность разработки и проблемы внедрения // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2(66). С. 196–203.
7. Кауфман М.А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53–60.
8. Конин В.В. О публичном и частном интересе в стадии исполнения приговора // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 102–107.

9. Быданцев Н.А. Заметки «на скорую руку» о процессуальном порядке применения статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ) // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 3. С. 95–101.
10. Марьина Е.В. Реализация принципа законности при пересмотре приговора // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 года / под ред. К.Б. Калиновского. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 268–273.
11. Жусипбекова А.М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 19–23.
12. Россинский С.Б. Собираание доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 3. С. 47–54.
13. Крылов А.А. Адвокатская деятельность по модели защиты в уголовно-исполнительном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 128–133.
14. Качалов В.И. Об участии прокурора в стадии исполнения итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 59–64.
15. Якимович Ю.К. Участие адвоката в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 80–84.
16. Корниенко В. Право осужденного на защиту при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовное право. 2006. № 3. С. 69–73.
17. Безлепкин Б.Т. Справочник адвоката по уголовному процессу: [разъяснения текста УПК, решения Конституц. Суда РФ, практика Верхов. Суда РФ, указ. основных уголов.-процессуал. понятий и ин-тов]. М. : Проспект, 2004. 676 с.
18. Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2015. № 2 (35). С. 3–8.
19. Камардина А.А. Проблемы реализации права на защиту и принципа состязательности в стадии исполнения приговора // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. № 4 (28). С. 302–304.
20. Калущих А.М. К вопросу об участии защитника в стадии исполнения приговора // Адвокатская практика. 2016. № 3. С. 34–37.
21. Конин В.В., Суханкина Л.И. Прово осужденного на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора с возложением расходов на бюджет // Современное право. 2020. № 2. С. 74–79.
22. Кругликов Л.Л. Об учете мнения потерпевшего в процессе дифференциации и индивидуализации уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 161–165.
23. Качалов В.И. Ненадлежащие субъекты получения доказательств // Российское правосудие. 2023. № 4. С. 82–86.
24. Конин А.В. Объяснение как основа информационной модели будущего допроса // Допустимость показаний в уголовном процессе: Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 19 декабря 2020 года. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 49–53.
25. Попова Е.Э. Взаимосвязь назначения и исполнения уголовного наказания как показатель эффективности его применения // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 2 (7). С. 49–52.

References

1. Kachalov, V.I. (2017) Sposoby korrektyrovki sudom prigovora pri ego ispolnenii [Ways for the Court to Adjust a Sentence During its Execution]. *Pravovaya paradigma*. 16 (3). pp. 106–111.
2. Voronin, O.V. (2012) O funktsional'nom soderzhanii deyatel'nosti advokata osuzhdenного v stadii ispolneniya prigovora [On the Functional Content of the Activity of a Convict's Lawyer at the Stage of Sentence Execution]. *Advokatskaya praktika*. (2). pp. 2–5.
3. Levchenko, O.V. & Kamardina, A.A. (2013) *Realizatsiya printsipov ugovornogo sudoproizvodstva sudom v stadii ispolneniya prigovora* [Implementation of the Principles of Criminal Proceedings by the Court at the Stage of Sentence Execution]. Moscow.
4. Nikol'yuk, V.V. (2015) [Is the Supreme Court of the Russian Federation Right, Even if it is "Supreme"? (On the Modern Interpretation of the Content of the Right to Defense in Criminal Proceedings)]. *Sovremennoe ugovorno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Modern Criminal Procedural Law of Russia - Lessons from History and Problems of Further Reform]. Conference Proceedings. S.I. pp. 263–270. (In Russian).
5. Sviridov, M.K. (1972) *Poryadok razresheniya del ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot nakazaniya* [The Procedure for Considering Cases of Parole]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Shcherbakov, G.V., Balamut, A.N. & Kryazheva, S.G. (2024) Psikhologicheskie kriterii ispravleniya osuzhdennykh: vozmozhnost' razrabotki i problemy vnedreniya [Psychological Criteria for the Correction of Convicts: Possibility of Development and Problems of Implementation]. *Penitentsiarnaya nauka*. 18 (2) 66. pp. 196–203.
7. Kaufman, M.A. (2018) Uklonenie ot ispolneniya i otyvaniya nakazaniya kak vid negativnogo postkriminal'nogo povedeniya i yego ugovorno-pravovoe znachenie [Evasion of Execution and Serving of Punishment as a Type of Negative Post-Criminal Behavior and its Criminal Legal Significance]. *Ugovolnoe pravo*. 1. pp. 53–60.
8. Konin, V.V. (2016) O publichnom i chastnom interese v stadii ispolneniya prigovora [On Public and Private Interest at the Stage of Sentence Execution]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess*. 3. pp. 102–107.
9. Bydantsev, N.A. (2018) Zametki "na skoruyu ruku" o protsessual'nom poryadke primeneniya stat'i 72 Ugovolnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (v redaktsii Federal'nogo zakona ot 3 iyulya 2018 g. № 186-FZ) [Quick Notes on the Procedural Procedure for Applying Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation (as amended by Federal Law No. 186-FZ of July 3, 2018)]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess*. 3. pp. 95–101.
10. Mar'ina, E.V. (2021) Realizatsiya printsipa zakonnosti pri peresmotre prigovora [Implementation of the Principle of Legality in the Review of a Sentence]. In: Kalinovskiy, K.B. (ed.) *Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh resheniy v ugovolnom protsesse* [Checking the Legality and Validity of Court Decisions in Criminal Proceedings]. Saint Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion". pp. 268–273.
11. Zhushipbekova, A.M. (2022) Issledovanie dokazatel'stv kak element dokazyvaniya po ugovolnomu delu [Examination of Evidence as an Element of Proof in a Criminal Case]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 3 (35). pp. 19–23.
12. Rossinsky, S.B. (2024) Sobiranie dokazatel'stv vs issledovanie dokazatel'stv v kontekste Sheyferovskoy teorii sledstvennykh deystviy (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya) [Gathering Evidence vs Examining Evidence in the Context of Shafer's Theory of Investigative Actions (on the 100th Anniversary of the Teacher's Birth)]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*. 10 (3). pp. 47–54.
13. Krylov, A.A. (2022) Advokatskaya deyatel'nost' po modeli zashchity v ugovolno-ispolnitel'nom sudoproizvodstve [Lawyer's Activity According to the Defense Model in Criminal-Executive Proceedings]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova*. 4 (93). pp. 128–133.
14. Kachalov, V.I. (2017) Ob uchastii prokurora v stadii ispolneniya itogovykh sudebnykh resheniy v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii [On the Participation of the Prosecutor in the Stage of Execution of Final Court Decisions in Russian Criminal Proceedings]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 4 (60). pp. 59–64.
15. Yakimovich, Y.K. (2015) Participation of a Lawyer in Criminal Procedure. *Ugovolnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (5). pp. 80–84. (In Russian).

16. Kornienko, V. (2006) Pravo osuzhdenno na zashchitu pri rassmotrenii sudom voprosov, svyazannykh s ispolneniem prigovora [The Right of the Convict to Defense When the Court Considers Issues Related to the Execution of the Sentence]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 69–73.
17. Bezlepkina, B.T. (2004) *Spravochnik advokata po ugolovnomu protsessu: [raz"yasneniya teksta UPK. resheniya Konstituts. Suda RF. praktika Verkhov. Suda RF. ukaz. osnovnykh ugolov.-protsessual. ponyatiy i in-tov]* [Lawyer's Handbook on Criminal Procedure: [Explanations of the text of the Code of Criminal Procedure. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Index of Basic Criminal Procedural Concepts and Institutions]]. Moscow: Prospekt.
18. Larin, E.G. (2015) Novye raz"yasneniya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii o prave na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve [New Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation on the Right to Defense in Criminal Proceedings]. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2 (35). pp. 3–8.
19. Kamardina, A.A. (2010) Problemy realizatsii prava na zashchitu i printsipa sostyazatel'nosti v stadii ispolneniya prigovora [Problems of Realizing the Right to Defense and the Principle of Adversarial Proceedings at the Stage of Sentence Execution]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 4 (28). pp. 302–304.
20. Kalutskikh, A.M. (2016) K voprosu ob uchastii zashchitnika v stadii ispolneniya prigovora [On the Issue of the Participation of a Defender at the Stage of Sentence Execution]. *Advokatskaya praktika*. 3. pp. 34–37.
21. Konin, V.V. & Sukhankina, L.I. (2020) Pravo osuzhdenno na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v stadii ispolneniya prigovora s vozlozheniem raskhodov na byudzheth [The Right of the Convict to Qualified Legal Assistance at the Stage of Sentence Execution with the Costs Borne by the Budget]. *Sovremennoe pravo*. 2. pp. 74–79.
22. Kruglikov, L.L. (2022) Ob uchete mneniya poterpevshego v protsesse differentsiatsii i individualizatsii ugolovnogo nakazaniya [On Taking into Account the Opinion of the Victim in the Process of Differentiation and Individualization of Criminal Punishment]. *Penitentsiarnaya nauka*. 16 (2 (58)). pp. 161–165.
23. Kachalov, V.I. (2023) Nenadlezhashchie sub"yekty polucheniya dokazatel'stv [Improper Subjects of Obtaining Evidence]. *Rossiyskoe pravosudie*. 4. pp. 82–86.
24. Konin, A.V. (2021) Ob"yasnenie kak osnova informatsionnoy modeli budushchego doprosa [Explanation as the Basis of an Information Model for a Future Interrogation]. In: *Dopustimost' pokazaniy v ugolovnom protsesse* [Admissibility of Testimony in Criminal Procedure]. Saint Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion". pp. 49–53.
25. Popova, E.E. (2022) Vzaimosvyaz' naznacheniya i ispolneniya ugolovnogo nakazaniya kak pokazatel' effektivnosti yego primeneniya [The Relationship Between the Imposition and Execution of Criminal Punishment as an Indicator of the Effectiveness of its Application]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. 2 (7). pp. 49–52.

Информация об авторах:

Конин В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия); адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Кудрявцева А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия); судья Санкт-Петербургского городского суда (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: acifna@mail.ru

Петров А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Konin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation); lawyer, Saint Petersburg Chamber of Lawyers (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

A.V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Law), professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation); judge, Saint Petersburg City Court (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru

A.V. Petrov, Dr. Sci. (Law), professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 342.7, 342.729
doi: 10.17223/15617793/512/27

Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституционализма и непосредственного народовластия

Игорь Александрович Кравец¹, Александр Владимирович Саленко²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, kravigor@gmail.com

² Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия, ASalenko@kantiana.ru

Аннотация. Идентифицируются публично-правовая природа свободы мирных собраний и народных ассамблей, раскрывается природа коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, роль ассамблей граждан в реализации народовластия и учредительной власти в контексте международной научной дискуссии и сравнительного опыта конституционных изменений. На основе сравнительного исследования предпринята их систематизация. Особое внимание уделяется анализу целей, содержания и функциям конституционной свободы мирных собраний, которая составляет важнейший базовый элемент коммуникативного конституционализма и непосредственной демократии.

Ключевые слова: свобода мирных собраний, коммуникационная власть, прямая демократия, ассамблеи граждан, публичные мероприятия, коммуникационные права и свободы, конституирующая власть, коммуникативный конституционализм

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

Для цитирования: Кравец И.А., Саленко А.В. Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституционализма и непосредственного народовластия // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 252–265. doi: 10.17223/15617793/512/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/27

Freedom of peaceful assembly and the idea of people's assemblies as elements of communicative constitutionalism and direct democracy

Igor A. Kravets¹, Alexander V. Salenko²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, kravigor@gmail.com

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ASalenko@kantiana.ru

Abstract. The article identifies the public-legal nature of freedom of peaceful assembly and people's assemblies, and reveals the nature of communication rights and freedoms of man and citizen, the role of citizens' assemblies in the implementation of democracy and constituent power in the context of international scientific discussion and comparative experience of constitutional changes. The authors pay special attention to the analysis of the goals, content and functions of the constitutional freedom of peaceful assembly, which is the most important basic element of communicative constitutionalism and direct democracy. The article also analyzes the concepts of democracy of assemblies and citizens' assemblies in the context of public participation and constitutional changes, notes the special role and constitutional value of freedom of peaceful assembly in a democratic and legal state. Freedom of peaceful assembly in modern constitutional thought is closely related to the forms of political participation and the implementation of democracy, and has substantive components interrelated with the idea of people's, or citizens', assemblies. People's assemblies are assemblies of citizens that are held to implement various forms of democracy, primarily constituent powers, if they are related to constitutional amendments and revision of the constitution. To the same extent, this is a form of citizen participation in the discussion and decision-making not only on constitutional issues, but also on other significant issues in the public sphere. One of the understandings of people's assemblies includes citizen participation in peaceful assembly that can be used to discuss public issues and form the agenda of desired or proposed constitutional changes. The article used epistemological and gnoseological approaches, methods of dialectical materialism, critical research in the field of law, formal-legal, specific-historical, comparative legal and complex analysis. The authors conclude that citizens' assemblies as a public-legal institution combine old and new ideas about citizens' participation in the implementation of various forms of democracy, in the implementation of the generative potential of the constituent power. The institution of people's assemblies (or citizens' assemblies) acquires the features of a new public-law formation that

creates a deliberative environment and actively participates in the formation of the institutional basis of deliberative constitutionalism. The right of citizens to participate in public mass events, including peaceful assembly, on the one hand, and their right to participate in constitutional changes and in discussing their desirability in citizens' assemblies and other mini-societies of a collective nature are the most important communication rights in the public sphere.

Keywords: freedom of peaceful assembly, communication power, direct democracy, citizens' assemblies, public events, communication rights and freedoms, constituent power, communicative constitutionalism

Financial support: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00627 "Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)", <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/>

For citation: Kravets, I.A. & Salenko, A.V. (2025) Freedom of peaceful assembly and the idea of people's assemblies as elements of communicative constitutionalism and direct democracy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 252–265. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/27

Введение

Коммуникационные отношения пронизывают жизнедеятельность человека и человеческих обществ, публичную и частную сферы человеческого поведения. Из всех существ на Земле именно человеку свойственны такие качества, как гуманитарная коммуникация и активное воздействие на окружающий мир. Технологические достижения и ответственное поведение человека как по отношению к окружающей среде, так и по отношению к своей природе и сфере коммуникации создают предпосылки для *коэволюционного развития* технологического и гуманитарного, социального, биологического и правового пространства. Появляется феномен *цифрового гуманизма* [1, 2], который в качестве программной и делиберативной концепции появился под влиянием *Венского манифеста о цифровом гуманизме (май 2019 г.)* (Vienna Manifesto on Digital Humanism, Vienna, May 2019)¹.

Цифровой гуманизм сам становится продуктом делиберации и частью коммуникационного публичного пространства. Он интегрируется с пространством *коммуникативного конституционализма* [3. С. 41] с расширенной сферой участия граждан в конституционных изменениях, обсуждении различных наиболее значимых вопросов в публичном пространстве. Одним из *ключевых принципов цифрового гуманизма*, который отражен в Манифесте, является *принцип взаимозависимости цифровых технологий и расширения инклюзивности в условиях демократического государства*: «Цифровые технологии должны быть разработаны для содействия демократии и инклюзивности». Такой подход «потребует особых усилий для преодоления текущего неравенства и использования освободительного потенциала цифровых технологий, чтобы сделать наши общества более инклюзивными» [1. Р. XII].

Жизнь человека основана на общении и сотрудничестве. Предпосылкой творческой деятельности человека всегда является мышление. Человеческое мышление, в свою очередь, основано на фундаментальной свободе мысли. Свобода мысли, в сущности, абсолютно безгранична как в философском плане (человек в своих мыслях всецело свободен), так и с юридической точки зрения (свобода мысли не может быть никак ограничена – ни фактически, ни юридически).

Можно констатировать, что свобода мысли человека представляет собой территорию абсолютного суверенитета личности, риски ограничить которую возникают в связи с использованием нейротехнологий на основе достижений наук о жизни и технологий в рамках Четвертой промышленной революции [4. С. 422].

Вместе с тем цель мыслительного процесса человека состоит не только в том, чтобы «мыслить для себя», но и в том, чтобы результаты собственного интеллектуального труда попадали во внешний мир. Таким образом, вполне естественным образом человек склонен не только к мышлению, но и к тому, чтобы общаться с другими – участвовать в процессе коммуникации и обмениваться собственными мыслями с другими людьми. Таким образом, неизбежным образом человеческая мысль трансформируется в свободу выражения мнений: *во-первых*, в индивидуальную свободу мнения (например, в выражение собственного мнения в частной беседе, книге, интервью и т.д.), *во-вторых*, в коллективную свободу мнения, средством реализации которой является свобода мирных собраний.

Свобода выражения мнений и свобода мирных собраний реализуются в публичном правовом пространстве, соединяя политическое и конституционное участие граждан, с одной стороны, и формируя в публичной сфере коммуникационное пространство для обсуждения, выражения мнений и в итоге принятия решений по вопросам конституционного характера или имеющим иное публичное значение. Коммуникация в публичной сфере осмысливается в современных демократических государствах благодаря концепции коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [5] и доктринам делиберативного участия в рамках различных форм демократии и демократической теории [6].

Свобода мирных собраний в современной конституционной мысли тесно связана с формами политического участия, с реализацией народовластия и имеет взаимосвязанные содержательные компоненты с идеей народных ассамблей, или ассамблей граждан. Человеку от природы свойственно общение как с точки зрения собственной потребности выговориться, так и исходя из желания признания со стороны единомышленников или же с позиции того, чтобы оказать влияние на мнения других и на мнение общества в целом.

И именно свобода мирных собраний является тем эффективным средством, позволяющем человеку реализовать потребности в коммуникации и кооперации с другими людьми, в том числе в процессе конституционной коммуникации, основная цель которой, в сущности, сводится к тому, чтобы граждане могли оказывать влияние на государство и участвовать в управлении делами государства.

В этой статье мы более детально рассмотрим взаимосвязь *идей свободы мирных собраний и народных ассамблей, их предназначение* в конституционной теории, теории демократического участия и практике конституционных изменений и конституционного развития. *Народные ассамблеи* – это ассамблеи (собрания) граждан, которые проводятся для реализации различных форм народовластия, но прежде всего учредительных полномочий, если они связаны с конституционными поправками и пересмотром конституции, но также эта форма участия граждан в обсуждении и принятии решений не только по конституционным вопросам, но и по иным значимым вопросам в публичной сфере. Одно из пониманий народных ассамблей включает участие граждан в мирных собраниях, которые могут использоваться для обсуждения вопросов публичного характера и формировать повестку желаемых или предполагаемых конституционных изменений.

Свобода мирных собраний: основная идея и демократические цели

Исходной методологической установкой в данной статье является мысль, что свобода мирных собраний может рассматриваться в качестве одного из *коммуникационных прав и свобод человека и гражданина*. Коммуникационный конституционализм предполагает нормативное регулирование и обеспечение реализации в публичном пространстве различных форм политического участия, в том числе свободы мирных собраний в контексте формирования здоровой публичной среды.

Свобода мирных собраний имеет важнейшее значение для развития свободного и плюралистического общества, которое, в свою очередь, является необходимой предпосылкой правового и демократического государства. Фундаментальная сущность или основная идея свободы мирных собраний заключается в том, что данная свобода является средством публичного и коллективного выражения мнения. Конституционная свобода мирных собраний имеет особую важность в качестве субъективного права, которое может быть реализовано меньшинством, понимаемое в широком смысле данного слова. В частности, политические партии и движения, которые в настоящий момент не имеют парламентского представительства, при помощи свободы мирных собраний имеют действенную возможность оказывать влияние на государство и общество. В отношении к таким партиям уместным является термин «внепарламентская оппозиция», которая в демократическом государстве имеет реальные шансы в будущем войти в парламент. Таким образом, при помощи свободы мирных собраний внепарламентская оппозиция может осуществлять роль реальной политической

силы и тем самым оказывать прямое влияние на общественное мнение и отдельных избирателей, которые, возможно, на очередных выборах отдадут свои предпочтения тем политическим партиям, которые пока не представлены в законодательных и представительных органах власти, однако которые проявляют политический активизм и отвечают актуальным запросам общества.

В условиях современного мира, основанного на активной коммуникации людей, свобода мирных собраний приобретает особое значение. С одной стороны, есть множество средств массовой информации; однако, с другой стороны, есть ли у простого человека реальный доступ к СМИ? Крупные СМИ самостоятельно формируют информационную повестку и определяют «информативность» того или иного события. Именно в этом контексте конституционная свобода даёт простому гражданину возможность реального доступа к общественному мнению, эта свобода – прямой инструмент воздействия на убеждения и взгляды других граждан. В этом отношении можно констатировать, что именно свобода собраний даёт возможность «демонстрации флага»: простой гражданин может выразить своё мнение публично и коллективно и убедиться в том, что он не один, что его взгляды разделяет, возможно, значительно большее количество единомышленников. Важно показать физическое присутствие для визуализации решимости и политической воли какой-либо группы граждан.

Таким образом, посредством свободы мирных собраний происходит важная трансформация от процесса выражения своего мнения в частной беседе к процессу открытой и коллективной демонстрации этих взглядов, мнений, убеждений. В этом отношении можно провести следующую юридическую аналогию. Римляне говорили: «Unus testis, nullus testis» – один свидетель – никакой не свидетель. Так и в отношении настроений в обществе важно продемонстрировать флаг, показать своё присутствие и убедить других, в том числе органы публичной власти, в том, что есть иное мнение и возможно, что данное мнение является не только мнением оппозиции, политического меньшинства, но и даже тем мнением, которое в настоящий момент доминирует в обществе и к которому должностные лица органов публичной власти должны прислушаться. В этом контексте уместно будет привести пример г. Екатеринбурга – активной борьбы общественности в 2019 г. за сохранение городского сквера, которая проходила в форме мирных собраний. Именно право на свободу мирных собраний позволило городской общественности мирно и коллективно выразить своё несогласие как с позицией частных физических и юридических лиц, так и органов публичной власти, которые поддерживали планы по строительству на территории Октябрьской площади Екатеринбурга храма Святой Екатерины. Как раз массовое физическое присутствие мирно протестующих граждан, та самая демонстрация флага позволила увидеть, что большинство граждан не разделяют мнения о том, что необходимо осуществить застройку городского сквера и построить там очередное здание религиозного назначения. Данная история с защитой сквера в Екатеринбурге

позволила органам публичной власти произвести переоценку планов и сделать вывод о том, что большинство горожан желают сохранения зелёной городской среды. Таким образом, в Екатеринбурге свобода мирных собраний, несмотря на имеющиеся дефекты российского законодательства, всё же сработала в качестве эффективного инструмента прямой демократии [7. С. 24].

Классическое понимание функционального предназначения свободы мирных собраний в условиях коммуникативного конституционализма

Классическое понимание функционального предназначения свободы мирных собраний (как и иных фундаментальных прав и свобод человека) основывается на научных взглядах немецкого юриста, государственоведа и видного представителя юридического позитивизма Георга Еллинека, который при описании классических функций прав и свобод человека исходил от вопроса о том, какое соотношение при реализации права или свободы складывается между индивидом и государством. Так, по мнению Г. Еллинека [8. С. 87], данное соотношение предопределяет выделение трёх следующих категорий: 1) *Status negativus*, 2) *Status positivus* и 3) *Status activus*, которые позволяют лучше понять функциональное предназначение каждого отдельно взятого права или свободы, в том числе и свободы мирных собраний в качестве элемента коммуникативного конституционализма.

Status negativus предполагает свободу от государства, свободу от всякого вмешательства и ограничений со стороны государства, т.е. *Status negativus* указывает на то правовое поле, в котором человек может и имеет абсолютное право действовать без каких-либо государственных ограничений и запретов, без всякого государственного регулирования. В этом отношении *Status negativus* прямо предопределяет тот допустимый сектор конституционной коммуникации, который граждане могут осуществлять без вмешательства со стороны государства. Так, например, свобода мирных собраний охватывает собой в том числе и право на проведение *спонтанных собраний*, которые в силу стихийного (или неорганизованного) характера не имеют и не могут иметь организатора и какой-либо подготовки. Конституционная природа свободы мирных собраний, по сути, предопределяет только два обязательных элемента – *мирность* и *безоружность* собрания (публичного мероприятия). В настоящий момент российское законодательство не включает в себя такую категорию, как спонтанные или срочные публичные мероприятия, но практика свидетельствует о том, что в России фактически эти виды публичных мероприятий имеют место быть. В качестве дополнительного примера, который вызывает меньше споры и прямо предопределяется классическим пониманием функционального предназначения свободы собраний и следует из *Status negativus*, можно привести *мирные собрания в закрытых помещениях*, которые проводятся без уведомления и без вмешательства и ограничений со стороны государства.

Status positivus подразумевает собой такое состояние, при котором реализация прав и свобод человека сопряжена с позитивными обязательствами государства, а именно для полноценной реализации права или свободы человеку требуется «встречное исполнение» – помощь со стороны государства [9. С. 709].

В сущности, *Status positivus* предопределяет права требования человека и гражданина в адрес государства, поскольку без государства отдельные виды прав и свобод человека будут оставаться не более чем декларативными заявлениями. Права требования могут выражаться в том, что человек или гражданин предъявляет к государству требования о выполнении определённых позитивных обязательств: требование о предоставлении защиты, требование о соблюдении процедуры, требование о выделении материальных ценностей и благ. Безусловно, *Status positivus* в большой степени проявляется в ходе реализации социальных, культурных и экономических прав и свобод человека [10. С. 26].

Вместе с тем, говоря о том, в чём конкретно состоит *Status positivus* в отношении свободы собраний в качестве элемента коммуникативного конституционализма, мы можем тезисно обозначить то, что реализация свободы мирных собраний в демократическом и правовом государстве предопределяет набор позитивных обязательств государства, таких как, во-первых, обязанность государства создать прозрачную и эффективную процедуру подачи и согласования уведомлений о проведении публичных мероприятий; во-вторых, обязательство создать эффективную процедуру разрешения возникающих споров, которая будет позволять разрешить спор до момента проведения публичного мероприятия; в-третьих, обязательство государства создать систему мониторинга и отчетности о числе уведомлений и проведённых публичных мероприятий, а также количестве отказов в согласовании; в-четвертых, позитивные обязательства государства по предоставлению и поддержанию в порядке специально отведённых мест для проведения публичных мероприятий; в-пятых, обязательства по защите мирных и безоружных собраний; в-шестых, позитивное обязательство по поддержанию общественного порядка, регулированию дорожного движения, осуществлению санитарного и медицинского обслуживания в целях обеспечения проведения публичного мероприятия и т.д.

Наконец, *Status activus* предполагает собой такое положение, при котором характеризуется роль индивида в государстве и для государства, т.е. речь идёт о том, какую именно активную роль может выполнять индивид при помощи того или иного конституционного права в ходе осуществления государственных и иных публичных интересов [8. С. 655–670].

Status activus указывает на то, как, в частности, свобода мирных собраний может быть использована в качестве инструмента непосредственной демократии в Российской Федерации. Например, федеральный законодатель прямо указывает на то, что органы публичной власти, которым адресуются вопросы, явившиеся причинами проведения публичного мероприятия, обязаны рассмотреть данные вопросы по существу, принять по ним необходимые решения в порядке, установленном

законодательством Российской Федерации, и сообщить о принятых решениях организатору публичного мероприятия. *Status activus* очевидно прямо указывает на особое функциональное предназначение свободы мирных собраний в условиях коммуникативного конституционализма – на *роль демократии собраний, когда народ осуществляет свою власть непосредственно на мирных и безоружных собраниях*.

**Коммуникационные права и свободы
в правовом и демократическом государстве:
основные функции свободы мирных собраний**

Современная юридическая наука выделяет так называемые коммуникационные права и свободы, которые играют важнейшую роль в процессе конституционной коммуникации [11. С. 5].

Во-первых, фундамент коммуникационных прав и свобод человека и гражданина образуют свобода мысли, слова и свобода выражения мнения, которые неразрывно связаны друг с другом. Во-вторых, следующим элементом коммуникационных прав и свобод человека является свобода информации, которая понимается как в узком смысле – в качестве субъективного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, так и в широком смысле – в качестве свободы средств массовой информации. Следует отметить, что свобода СМИ, в свою очередь, подразделяется на информационные подвиды: свободу печати (свобода прессы), свободу теле- и радиовещания, свободу интернета (свободу интернет-медиа и онлайн-изданий). В-третьих, в качестве наиважнейшего элемента коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, который понимается и действует в неразрывной взаимосвязи со свободой информации, выступает принцип-запрет – конституционный запрет всякой цензуры. В-четвёртых, важным элементом коммуникационных прав и свобод является свобода творчества, которая объединяет в себе свободу искусства, свободу кинематографии, научную и академическую свободу и другие виды творческой деятельности. В-пятых, в группу коммуникационных прав и свобод входит исследуемая нами свобода мирных собраний, которая с сущности представляет собой свободу коллективного выражения мнения. В-шестых, свобода объединений (союзов, коалиций и ассоциаций), которая предполагает собой возможность создавать неправительственные некоммерческие общественные организации и политические партии, которые играют важнейшую роль в процессе конституционной коммуникации. В-седьмых, в качестве следующего элемента коммуникационных прав и свобод выступает право на подачу петиций (обращений). В-восьмых, свобода вести и религии, реализуемая в том числе посредством свободного распространения религиозных идей и взглядов, составляет еще один важнейший составной элемент коммуникационных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, доктринальное выделение особой отдельной категории коммуникационных прав и сво-

бод человека и гражданина указывает нам на важнейшую конституционно-правовую ценность для эволюционного развития современного демократического и правового государства [12. С. 60–68]. Такая классификация прав и свобод человека также имеет и важное прикладное значение, поскольку она позволяет как более системно, так детально преподавать и исследовать содержание каждого из отдельно взятых коммуникационных прав и свобод человека и гражданина [13. С. 69].

Важно отметить, что среди коммуникационных прав и свобод конституционная свобода мирных собраний выполняет несколько специфических функций. Во-первых, при её помощи формируется и изменяется общественное мнение, которое оказывает прямое влияние на органы публичной власти, принимающие решения по политическим вопросам (*функция формирования и изменения общественного мнения*); во-вторых, свобода мирных собраний является правом как на свободу выражения мнения, так и субъективным правом на самозащиту, при помощи которого гражданин вместе с другими гражданами может вести борьбу за те или иные права и свободы (в последнее время получили распространение экологические протесты, при помощи которых удаётся защитить экологические права и свободы) (*функция самозащиты*); в-третьих, свобода собраний выполняет стабилизирующую функцию, поскольку с её помощью в обществе может быть «выпущен пар» – сброшено излишнее социальное напряжение, когда гражданам позволяют мирно и без оружия выразить свой протест, заявить о себе и показать, что есть люди, разделяющие данные протестные настроения, которые указывают на наличие неразрешённых общественно-политических проблем (*функция стабилизирующего клапана*); в-четвёртых, из предшествующего тезиса следует функция защиты меньшинства – оппозиции, которая с помощью мирных собраний может доводить до сведения публичной власти и общества политические требования (*функция защиты меньшинства*). При помощи свободы мирных собраний становятся возможными новые форматы политических дебатов, которые ведутся как в ходе, так и вне рамок избирательных кампаний, что позволяет искать и находить ответы на сложные общественно-политические вопросы, выявлять правду и находить устойчивые долгосрочные компромиссы, которые гарантируют стабильность эволюционного демократического развития в качестве правового государства, основанного не на делебративной демократии и коммуникативном конституционализме (*функция демократической делебратации*) [14–16].

Основываясь на особом функционале свободы мирных собраний в правовом и демократическом государстве, можно сделать вывод о том, что данная свобода имеет важнейшее значение для реализации в повседневной практике прямой (непосредственной) демократии. Именно эта свобода позволяет сделать прямую демократию реально действующей на ежедневной основе, а не только в рамках редких избирательных или еще более редких референдумов. Именно поэтому в конституционно-правовой доктрине появилось понятие демократии собраний.

Конституционная свобода мирных собраний выступает в качестве фундамента демократического государства. Она выступает основой реальной демократии – в качестве естественного непосредственного народовластия, которое реализуется в повседневной практике. Конституционная свобода мирных собраний предоставляет простому гражданину *инструмент реального демократического участия* в жизни государства и местного сообщества на постоянной основе и существенно расширяет возможности влияния рядового избирателя на решение вопросов государственного значения, *не ограничивая это участие только выборами и референдумами*. Таким образом, свобода мирных собраний существенно увеличивает роль простого избирателя в демократическом государстве и даёт ему инструмент прямого влияния на общественное мнение и процесс принятия политических решений, минуя лишних «посредников» – как средства массовой информации, так и политические партии.

Обобщая юридическую оценку демократии собраний, можно сослаться на правовые позиции Конституционного Суда России, согласно которым свобода мирных собраний «обеспечивает гражданам реальную возможность через проведение публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования) оказывать влияние на деятельность органов публичной власти посредством поддержания цивилизованного мирного диалога между гражданским обществом и государством. Это не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом»². Опыт исследования правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам свободы собраний имеет значение и для понимания сферы конституционной коммуникации, и для развития института ассамблей граждан в контексте политического участия [17].

Таким образом, конституционная свобода мирных собраний в этом политическом процессе выступает как в качестве способа коллективного выражения мысли, слова, мнения, так и в качестве средства (инструмента) прямой демократии, при помощи которого у граждан есть реальная возможность управлять делами государства и решать вопросы местного значения. В этом отношении можно сделать общий вывод о том, что *свобода мирных собраний является важнейшим и обязательным элементом коммуникативного конституционализма, а также неотъемлемым элементом непосредственного народовластия (демократии собраний)*, выступая в качестве одного из коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, является одной из *важнейших ценностей свободного и демократического общества и государства* [18. С. 734–742].

О публичной природе ассамблей граждан: основные подходы к пониманию

В конституционно-правовой мысли с конца XVIII столетия прослеживается связь между двумя

важнейшими институтами: *институтом свободы мирных собраний и ассамблеями граждан в контексте политического участия и вовлечения граждан в процесс публичных обсуждений, акций публичного характера и конституционных изменений*. В современных доктринах делиберативного конституционализма и делиберативной демократии широкое использование свободы мирных собраний тесным образом переплетается с новыми институтами демократического вовлечения, с демократическими инновациями, в том числе с институтом ассамблей граждан. Такие *ассамблеи развивают не только формы демократического участия, но и создают публичное пространство для проведения специализированных собраний граждан по конкретным вопросам* (в том числе вопросам конституционных изменений), которые не могут не базироваться на одном из пониманий свободы мирных собраний. Делиберативный конституционализм как публично-правовая концепция стала формироваться в качестве метатеории, интегрирующей знания в области прескриптивного конституционализма и конституционных изменений, с одной стороны, и форм делиберативной демократии, с другой стороны. *Предназначение делиберативного конституционализма многообразно*, но в первую очередь он призван решать две взаимосвязанные задачи: 1) *обосновывать расширение демократического участия для конституционных изменений*; 2) *расширять конституционную основу для демократического вовлечения в публичную сферу* [19]. Делиберативный конституционализм уделяет внимание не только вопросам конституционной коммуникации в публичной сфере [20. С. 224], но и *роли делиберативных институтов, среди которых значимый интерес имеют ассамблеи граждан*, используемые для обсуждения и выработки решений по важнейшим вопросам национального или регионального значения, в том числе по вопросам конституционного, экологического, социального и иного характера.

Для понимания природы ассамблей граждан следует учитывать разнообразие научных подходов. Существует по меньшей мере *три подхода к пониманию ассамблей граждан*, которые применяются в конституционном праве, в доктрине и практике представительного правления и в юриспруденции прав человека (которая опирается на национальную юрисдикцию, но вполне может найти содержательные элементы в наднациональной и международной юрисдикции относительно собраний граждан и гражданских инициатив).

Первый подход возникает на заре конституционных (буржуазно-демократических) революций и связан с *формой осуществления конституирующей власти* в ходе разработки и принятия первых писаных конституций. Полноправные граждане как учредители должны были собираться для разработки, обсуждения и принятия конституции; формой их сбора выступали *национальные собрания, национальные конвенты, учредительные собрания* и другие формы коллективного обсуждения и принятия решений по вопросу проекта конституции (т.е. *конституционных коллективных действий*).

В работах отечественных авторов (В.В. Комаровой [21. С. 61], Д.Г. Шустова [22], Н.Н. Балагуровой [23. С. 14]) отмечается *специфика природы* учредительной власти, *отличие изначальной от производной учредительной власти*, влияние учредительной власти на пределы изменения конституции и границы конституционного контроля за поправками к конституции.

В сравнительном конституционном праве теория конституирующей власти имеет несколько территориальной организации публичной власти, хотя большинство авторов признают её *генеративные потенции* для действующих или создаваемых правовой и политической систем. Несомненно, что основными формами институционального оформления и реализации такой власти были и в настоящее время остаются *конституционные ассамблеи граждан, обладающие конституирующей властью* [24, 25]. По мнению Антонио Негри, «говоря об учреждающей власти, мы говорим о демократии»; «с этой точки зрения учреждающая власть имеет тенденцию отождествляться с самой концепцией политики в той форме, в которой она понимается в демократическом обществе» [26. Р. 7]. Когда мы задаём вопрос, что такое учреждающая власть с точки зрения юридической теории, ответ должен быть вполне отпращенным. Сам Антонио Негри, опираясь на работы итальянских юристов, отвечает, что «это источник производства конституционных норм, то есть права создавать конституцию и, следовательно, диктовать фундаментальные нормы, которые организуют полномочия государства» [27. Р. 2]. Следовательно, в конституирующей власти заключена «власть устанавливать новое правовое устройство, регулировать правовые отношения внутри нового сообщества» [27. Р. 2]. По мнению Мартина Локлина, существуют три основных точки зрения на конституирующую власть, которые являются эманацией трех типов правовой мысли: нормативизма (*normativism*), децизионизма (*decisionism*) и релятивизма (*relationalism*) [28. Р. 219]. Отдавая предпочтение релятивистскому мышлению, он полагает, что для релятивистов эта концепция выражает «отношения прав: это проявление политического права (*droit politique/jus politicum*), выражающее открытые, временные и динамичные аспекты конституционного устройства» [28. Р. 219]. Именно релятивистский подход является ключом к пониманию природы и значения понятия конституирующей власти в современной конституционной мысли. Другие исследователи считают, что конституирующая власть отвечает *потребности в демократической легитимности и позволяет переосмыслить проблему дефицита легитимации публичной власти*, а политику использования такой власти можно рассматривать как явную и ясную самоорганизацию общества, посредством которой граждане совместно призваны быть авторами своей конституционной идентичности и определять основные правила и высшие процедуры, которые будут регулировать их политическую и социальную жизнь [29. Р. 237].

Второй подход является наиболее распространенным и возникает в связи с реализацией права граждан

собираться мирно и без оружия, это форма политического коллективного самовыражения тех или иных позиций, взглядов; это разновидность форм публично-правовой массовой коммуникации и одновременно, как можно полагать, форма политического участия. Многие институты политической системы и гражданского общества (что говорит о сложной, многоплановой природе свободы собраний) используют собрания и (или) конференции граждан для институционализации и работы политических партий, общественных объединений как политического, так и не политического характера, для обсуждения и принятия решений в различных некоммерческих организациях (национально-культурных автономиях, профсоюзах, др.). Исследование права публичных собраний на основе сравнительно-правового анализа представлено в новейшей публикации одного из авторов данной статьи (опыт России и ФРГ) [30].

Третий подход возник сравнительно недавно под воздействием *инклюзивной парадигмы участия граждан в конституционных изменениях и развитии форм делиберативной демократии*. В данной парадигме понимания и развития *ассамблей граждан* важное значение приобретают способы кооптации членов таких собраний, непрофессиональный характер их деятельности, специально предусмотренный круг вопросов для обсуждения и принятия решений по важнейшим публично-правовым проблемам современности, включая вопросы разработки и обсуждения поправок к конституции, проекта новой конституции или вопросы *национального и/или глобального значения*. Новое направление в исследовании роли демократических инноваций, среди которых особое место занимают гражданские ассамблеи, предлагает научную концептуализацию различных форм участия граждан в конституционных изменениях и в публичном пространстве под общим наименованием «ассамблеи граждан» [31]. Перечень инновационных институтов демократического участия достаточно широк: он включает конституционную линию разговоров, мини-публики, ассамблеи граждан, цифровое участие, инициативное бюджетирование проектов, референдумы по инициативе граждан и ряд других форм гражданской активности в последней декаде XX и первой четверти XXI в. [32–34].

Делиберативный конституционализм, в первую очередь, связан с *развитием парадигмы конституционной инклюзии*, которая включает и использование института ассамблей граждан для обсуждения и принятия решений по самым различным вопросам публичного характера [35]. Как мини-публики (мини-общества, мини-общественности), так и более широкое понятие *ассамблей граждан* предназначены в современной конституционной теории для осмысления институтов участия граждан; их продвижение в различные публично-правовые институты и процедуры было связано с достижением *триединой цели*: 1) создание условий для *последовательного демократического обсуждения публично значимого вопроса* (большее количество граждан, хотя очевидно, что не все (как полагает Янина Велп), «будут думать о публичной проблеме,

если у них будет время для обсуждения этого вопроса» [36. Р. 394]; 2) для развития инклюзивной парадигмы демократического участия (включения обычных граждан через процедуры отбора или путем жеребьевки); 3) для оказания влияния на процесс разработки и принятия решений в публичной политике, в том числе на основе учета мнений и различных интересов («влияния на разработку политики»).

Исследователи поколений *делиберативной демократии* ставят вопрос о появлении *четвёртого поколения* в связи с *возрождением научно-прикладного интереса* и к *делиберативным системам*, осмыслением их *нового значения в современном мире*. Авторы используют в своей книге термин «поколения» в качестве обобщающего термина, благодаря которому раскрывается «повествование об изменениях в *делиберативной демократии*», а они «не являются линейными, подобно метафоре «волны» в *феминизме*». Очевидно, что цель авторов – «привнести согласованность и единство в разнообразие подходов к *делиберативной демократии*». «Системный подход к *делиберативной демократии*, – пишут исследователи, – открывает новый способ мышления о публичном обсуждении» [37; 38. Р. 139–151]. Такое обсуждение базируется на *тщательном теоретическом и критическом изучении практики делиберативных систем и освоении и концептуализации эмпирического опыта* в различных государствах.

Делиберативные процедуры и гражданское участие: новое конституционное прочтение учредительной власти

Конституирующая власть – это власть демократического участия не только в периоды принятия новой конституции, но и в процессе её развития и конституционных изменений правовой и политической системы и публичного правопорядка. Развитие теории и практики демократического участия в конце XX в. и первой четверти XXI в. совпало с активным обсуждением трудностей, проблем и успехов *новой волны делиберативной демократии и делиберативных переговоров*, которые стали рассматриваться многими учеными и практиками как *неотъемлемый тренд в конституционном развитии современных демократических государств* и как *фактор влияния на процесс конституционных изменений* [31. Р. 1–36]. Возникает феномен *делиберативного народного конституционализма* [39. С. 37] и развивается доктрина и практика демократического конституционного дизайна.

Одни исследователи утверждают, что опыт демократических государств показывает *влияние различных институтов делиберативной демократии на процесс конституционной модернизации*, где ключевая тема – это «*демократические инновации посредством обсуждения*», полагая, что такой подход может вполне оправданно иметь и своих сторонников, и своих противников [40. Р. 319]. Другие исследователи обращают внимание на изменение публичной сферы, где происходит коммуникация по важнейшим вопросам конституционного характера и демократического участия, появляются демократические инновации, в том числе и в

связи с использованием новых информационных и цифровых технологий. Демократические инновации изменяют представление о *динамических возможностях действующей конституции* и о *социально-политических и социально-технологических аспектах* преобразования конституции. Интерес к социально-правовым технологиям реформирования конституций, осмысление роли новой коммуникационной среды между органами публичной власти и гражданами в процессах конституционных изменений становятся всё более актуальными [41. С. 68–69].

Третьи исследователи, выражая скепсис в отношении эффективности использования новых технологий (в том числе в виде краудсорсинговых парламентских платформ), тем не менее считают возможным их изучение для понимания динамики, востребованности и некоторой концептуализации опыта демократических инноваций. Этот опыт имеет значение в немалой степени и для формирования *права на информационное самоопределение в современном демократическом государстве* [4. С. 11].

Российские конституционалисты (профессор С.А. Авакьян) прозорливо полагают, что конституционное право постепенно «всё в большей мере становится правом общества»; «масштабы влияния общественных сил на государственные дела тоже радикально меняются» [42. С. 6]. Александр Хадсон как зарубежный исследователь проблем «завесы участия» (граждан и политических партий) в процессах разработки конституции отмечает, что «стремление решать сложные проблемы, консультируясь с народом заново» – «это один из великих импульсов нынешней эпохи» [43. Р. 2]. С философско-правовой и политической точки зрения трансформацию публичной сферы исследует Ю. Хабермас, указывая на то, что «публичная сфера представляет собой социальный феномен, выходящий далеко за рамки функционального вклада в демократическое принятие решений в конституционных государствах» [44. S. 10].

Действующее конституционное право пока мало внимания уделяет формам участия граждан в демократическом создании конституций и конституционных поправок; такой подход предполагает *выявление и постулирование нормативного содержания процедур делиберации*. Оправданным является мнение Елены Гарсия-Гитиан как исследователя делиберативного участия граждан, что «конституции являются инструментами, которые выражают суверенную волю народа, но они также являются гарантией его коммуникативной власти» [45. Р. 17].

Обращаясь к делиберативным процедурам в публичной сфере (в том числе и по *конституционным или иным значимым вопросам*), следует понять, насколько важны обсуждения и их сопутствующие процедуры – переговоры для согласования интересов и достижения заявленных целей. В *теории политических переговоров* существует убеждение, что во многих (если не во всех) демократиях *переговоры так же важны, как и правило большинства*. Джейн Мэнсбридж и Кэти Джо Мартин отмечают, что «*делиберативные переговоры* описывают тип политических переговоров, которые с

наибольшей вероятностью приведут к соглашениям, что охватывают интересы и ценности широкого большинства, оставаясь совместимыми с демократическими идеалами» [46. Р. 4]. Влияние *делиберативной доктрины на различные сферы политики* (как внутренней, так и внешней) становится в первые два десятилетия XXI в. особенно актуальным и ощутимым.

Уже в последней декаде XX столетия *технологии делиберативных переговоров* были применены для разработки и принятия Конституции Южно-Африканской Республики в период 1994–1996 гг., в частности использовались некоторые инновационные методы вовлечения граждан (о «Написании и сертификации конституции» в 1994–1996 годах³): например, была создана «конституционная линия разговоров» и запущена программа «*публичных конституционных собраний*» в рамках более широкой «Программы участия общественности» (Public Participation Programme (PPP)). Уникальность южноафриканского опыта была и в том, что впервые была применена процедура *судебной «сертификации» конституции*⁴.

В Бразилии идея «*конституции граждан*» (“*citizens’ constitution*”) стала основой для процессов демократизации при переходе от авторитарного военного правления, разработки и принятия Конституции 1988 года с последующим созданием *инфраструктуры народного включения* («*popular sector inclusion*»)⁵.

В Колумбии и Венесуэле *элементы конституционного популизма и формы демократического участия* нашли закрепление в новых конституциях и отразились на использовании как традиционных, так и новых институтов участия граждан в обсуждении и формировании публичной политики (например, ассамблеи граждан, или *Cabildo Abierto* и др.). Институт «*cabildo abierto*», рождённый первоначально в испанской Кастилии и получивший распространение в колониальных владениях метрополии как элемент городских советов, изменил свой статус, *поднялся до конституционного уровня* и стал в XX и XXI вв. рассматриваться как *модернизированная форма муниципального и народного конституционализма* или в качестве составной части в механизме *народного участия* в некоторых конституциях Латинской Америки: в Колумбии – Конституция Колумбии 1991 г. (ст. 103)⁶ и в Венесуэле – Конституция Венесуэлы 1999 г. (ст. 70 и 348)⁷.

Можно отметить следующие особенности процессов конституционных изменений с участием граждан. Во-первых, опыт и нормативное регулирование форм демократического участия в различных частях мира (*в том числе привлечение граждан для разработки и принятия конституционных поправок и проектов конституций*) говорят нам, что следует отказаться от узкого понимания источников и географии распространения демократических инноваций и делиберативной демократии как «принадлежащие западным демократиям» в современный период. На это вполне оправданно указывает Жюльен Вридаг [47. Р. 3].

Во-вторых, *широкое распространение и использование инструментов делиберативной демократии в различных странах мира* не сопровождается, как пра-

вило, *созданием устойчивых конституционных демократий и усилением влияния граждан на принятие решений в системе представительной демократии*. Например, существует ограниченный или даже сомнительный успех делиберативных и иных форм участия граждан в различных регионах мира, в том числе в странах Латинской Америки.

В-третьих, ряд исследователей отмечают сомнительный оптимизм, другие полагают, что «демократические и авторитарные силы переплетены в политических процессах и институциональном дизайне»; вследствие чего получается такой симбиоз, который не всегда отнюдь конструктивно влияет на процесс и глубину «включения граждан в политические решения». Эта тенденция демонстрирует, что *делиберативная политика может не содействовать демократизации представительного правления*, а текущее состояние можно описать как «закрытие латиноамериканской политики демократическим тенденциям» [48. Р. 1–8].

На рубеже XX–XXI столетий формируется *делиберативная конституционная политика*, которая придает специальное значение *ассамблеям граждан*. Теперь они участвуют не в формировании органов с учредительными полномочиями, а являются делиберативной средой, в которой происходит обсуждение вопросов конституционного или общегосударственного значения (в том числе отдельных поправок к конституции или нового проекта конституции). Помимо этого, закономерно ставится вопрос о легитимности и включении ассамблей граждан в систему представительного правления. По мнению одних, заслуживает внимания вопрос о том, являются ли ассамблеи граждан новой формой демократического представительства? Исследователи отмечают, что подобные собрания граждан («выбранные по жребию») могут приобретать несвойственную им «роль политических представителей»; следовательно, в процессе работы ассамблеи граждан «становятся представителями» и таким образом выходят за рамки «их первоначального мандата» (который, как правило, ограничивается сокращением разрыва между населением и избранными должностными лицами) [49. Р. 5].

Можно отметить несколько специфических черт *ассамблей граждан как инструментов делиберативной конституционной политики*. Во-первых, термин «ассамблея граждан» может использоваться как обобщающее название для различных институтов участия граждан в обсуждении конституционных и публично значимых вопросов в территориальной структуре государства, государственных образований и муниципалитетов [47. Р. 1–18]. Во-вторых, ассамблеи граждан могут формироваться различными способами и включать дееспособных граждан по случайной выборке или желанию участвовать в обсуждении. Они могут выполнять не свойственную для них (первоначально как мини-общества) *функцию демократического представительства, основанного на принципе легитимного доверия и мандата участия*.

В-третьих, лучше, если их статус будет предусматриваться в текстах конституций, хотя они могут быть предусмотрены и в законах ниже уровня конституции,

например, посвященных формам реализации учредительной власти народа или формированию учредительных собраний или конвентов (в России в специальном федеральном конституционном законе). Однако *конституции – акты постоянного действия по преимуществу* (хотя и есть случаи принятия временных переходных конституций, как это было сделано в Южно-Африканской Республике), в то время как акты, устанавливающие порядок созыва и работы учредительных собраний или конвентов, принимаются в период назревших потребностей в конституционной реформе (как правило, накануне созыва учредительного собрания). Аналогичным образом принимаются решения и в отношении *формирования консультативных или совещательных органов для разработки проекта конституции или рабочей группы* для фактического завершения уже разработанного проекта закона о поправках к конституции. Поэтому если *ассамблеи граждан* закреплены в писаной конституции, для них могут быть предусмотрены *определенные учредительные полномочия*, их использование возможно на различных территориальных уровнях, в том числе не только на общенациональном уровне, но и на уровне регионов и муниципалитетов, особенно, когда в государстве для различных территориальных образований предусмотрены учредительные акты с различной сферой действия (конституции субъектов Федерации, уставы муниципальных образований и др.).

Задача современных исследователей, по мнению Янины Велп, заключается в том, чтобы встать «на прагматичную и хорошо документированную почву», когда речь заходит о формах участия граждан и в особенности об *ассамблеях граждан* для обсуждения и решения публично значимых вопросов. Мы должны оставить в стороне «как чрезмерный оптимизм (утопические ожидания в поисках «волшебного решения»», «так и чрезмерно пессимистичные представления» (которые предсказывают, что любые действия, направленные на внесение изменений, ухудшат проблемы, которые должны быть решены, потерпят неудачу или потребуют слишком больших затрат) [50. Р. 391–392]. В европейских странах обращение к институту мини-публик, мини-обществ стало новой вехой в осмыслении *теории и практики делиберативной демократии и делиберативного конституционализма*. Термин «мини-публики», «мини-общества» (“mini-publics”) первоначально введенный Робертом Далем в 1989 г. для обозначения групп граждан, случайно выбранных (подобранных) в том числе по жеребьевке, имел неожиданное и многообещающее продолжение. Во-первых, как отмечают исследователи, произошло «беспрецедентное со времен классических Афин» впечатляющее возрождение ассамблей граждан за последние двадцать лет. Во-вторых, потребовалась многосторонняя концептуализация различных форм и видов мини-публик, мини-обществ, конвентов и других коллективных форм участия граждан, поэтому было вполне оправданно называть всё данное многообразие ассамблеями граждан, которые могут обсуждать и выносить различные решения (рекомендательного или иного характера) по вопросам и общенационального значения, конституционного или законодательного уровня.

Согласно отчету ОЭСР 2020 г. «*Инновационное участие граждан и новые демократические институты*», произошло глобальное распространение делиберативных институтов участия граждан [51]. Делиберативная волна за последние 20 лет формировалась как совокупность инновационных способов вовлечения граждан «в цикл разработки политики». Делиберативные процессы редко затрагивают конституционные основы государств, хотя конституционные конвенты (как показывает опыт Ирландии и Исландии) могут более или менее успешно справляться с обсуждением и принятием поправок к конституции или разрабатывать проект новой конституции (неуспешный опыт Исландии). Делиберативные процедуры имеют различные формы и осуществляются на всех уровнях власти: на местном (52%); региональном (30%); национальном (15%) и международном/наднациональном (3%). По данным ОЭСР, делиберативные технологии и процедуры использовались и для рассмотрения политических вопросов: городского планирования (43 процесса), здравоохранения (32), окружающей среды (29), инфраструктуры (28), стратегического планирования (26 процессов) и других. ОЭСР определила 12 моделей делиберативных процессов, которые группируются по четырем типам целей: (1) информированные рекомендации граждан по политическим вопросам; (2) мнение граждан по политическим вопросам; (3) информированная оценка гражданами избранных мер и (4) постоянные делиберативные модели с участием граждан [52. Р. 3, 16].

Использование в конце XX и первой четверти XXI в. ассамблей граждан и конституционных конвентов для консолидации и выражения конституирующей власти показало, что данная власть как социальный феномен проявляется в процессах публично-правовой и политической мобилизации. Мобилизационная природа конституирующей власти может иметь несколько способов реализации: 1) *самоорганизация* (океаноморф не лишенный смысла) при покровительстве или разрешающем поощрении со стороны действующей Конституции и учрежденных ею органов публичной власти (может применяться и *частичная самоорганизация* отдельных компонентов конституирующей власти, например, бельгийский проект совещательной демократии под руководством граждан «G 1000», «The Ostbelgien Model») [53; 54. С. 21–25]; 2) *вовлекающая публично-правовая мобилизация*, когда органы публичной власти (учрежденные конституцией и действующие на её основе) участвуют в создании и финансировании деятельности ассамблей граждан или мини-публик, мини-обществ для обсуждения важных публично-значимых вопросов и принятия по ним решений (рекомендаций или иных); 3) *принудительная мобилизация органами публичной власти деятелей искусства (например, театра и кино), науки и общественных деятелей* за счет средств государства с целью популяризации разработанных проектов поправок к Конституции или проекта новой Конституции (использование технологий конституционного арт-популизма) с ограничением возможности создавать ассамблеи граждан или мини-общества и альтернативные программы передач и информационные ролики. Если первые два

вида мобилизации могут быть охарактеризованы как *полностью открытые* или *относительно, или частично открытые* с позиций вовлечения и обсуждения разнообразных позиций, мнений и интересов, то *третий вариант* мобилизации является или *полностью закрытым* (ориентированным на государственную публично-правовую пропаганду), или *в значительной степени закрытым*, ограничивающим конкурентную оценку инициатив, проектов поправок или проекта новой конституции, не поощряющим свободное обсуждение и участие широких слоев граждан через мини-публики и ассамблеи.

Выводы

Завершая размышления о конституционно-правовом значении свободы собраний в качестве одного из субъективных коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, а также в качестве *обязательного элемента коммуникативного конституционализма*, можно сделать вывод о том, что данная конституционная свобода представляет собой реально действующий демократический инструмент, при помощи которого граждане могут оказывать непосредственное и постоянное влияние на решение вопросов государственного и местного значения. В сущности, демократия – это система общественных отношений, которая находится в процессе постоянного изменения; демократический правопорядок всегда отличает потребность и способность к улучшениям и преобразованиям; именно поэтому процесс мирной демократической борьбы идей,

взглядов и мнений имеет перманентный характер. Демократическому государству априори свойственно то, что общественное мнение формируется в процессе свободной, открытой и разно векторной борьбы различных точек зрения. При этом правовое государство должно стремиться к тому, чтобы процесс формирования общественного мнения проходил без излишнего давления со стороны самого государства, без чрезмерного государственного регулирования, что, в свою очередь, будет обеспечивать необходимую обратную связь от гражданина, общества к государству, которая является предпосылкой поступательного демократического развития.

Ассамблеи граждан как публично-правовой институт соединяет старые и новые представления об участии граждан в реализации различных форм народовластия, в осуществлении генеративных потенций конституирующей власти.

Институт народных ассамблей (или гражданских ассамблей) приобретает черты нового публично-правового образования, который формирует делиберативную среду и активно участвует в формировании институциональной основы делиберативного конституционализма. *Право на участие граждан в публичных массовых мероприятиях, включая мирные собрания*, с одной стороны, и *право граждан участвовать в конституционных изменениях и в обсуждении их желательности в ассамблеях граждан*, других мини-обществах коллективного характера – с другой, являются важнейшими коммуникационными правами в публичной сфере.

Примечания

- ¹ «Vienna Manifesto on Digital Humanism, Vienna, May 2019. URL: <https://caiml.org/dighum/dighum-manifesto/> (дата обращения: 20.10.2024).
- ² Постановления Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П, от 14 февраля 2013 г. № 4-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П, от 17 марта 2017 г. № 8-П, от 18 июня 2019 г. № 24-П.
- ³ См.: Writing and Certifying the Constitution (1994–1996). URL: <https://ourconstitution.wethepeoplesa.org/timelines/writing-and-certifying-the-constitution/> (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁴ Judgment, 6 September 1996. Constitutional Court of South Africa. Certification of The Constitution of The Republic of South Africa, 1996, Case CCT 23/96. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/1996/26.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁵ См.: CONSTITUIÇÃO DA REPÚBLICA FEDERATIVA DO BRASIL. Constituição Federal de 1988 atualizada até a Emenda Constitucional nº 134/2024. Сайт: Câmara dos Deputados - Palácio do Congresso Nacional. URL: https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/legislacao/constituicao1988/arquivos/ConstituicaoTextoAtualizado_EC%20134.pdf (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁶ См.: Constitución de Colombia, 1991, con enmiendas hasta 2015. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Colombia_2015.pdf?lang=es (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁷ См.: Constitución De La Republica Bolivariana De Venezuela. URL: https://www.oas.org/dil/esp/constitucion_venezuela.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

Список источников

1. Digital Humanism. A Human-Centric Approach to Digital Technologies / Eds. By Marta Bertolaso, Luca Capone, Carlos Rodríguez-Lluesma. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. XXIV, 245 p.
2. Coeckelbergh M. What is digital humanism? A conceptual analysis and an argument for a more critical and political digital (post)humanism // Journal of Responsible Technology. 2024. Vol. 17. Art. No. 100073. doi: 10.1016/j.jrt.2023.100073
3. Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 11 (204). С. 41–56. doi: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056
4. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2023. 560 с.
5. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. М. : Весь Мир, 2022. 880 с.
6. The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / Eds. by A. Bachtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M.E. Warren. Oxford University Press, 2018. doi: 10.1093/oxfordhb/9780198747369.001.0001
7. Кондрашев А.А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 24–44.
8. Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Hrsg. u. eingel. v. Jens Kersten. 2., durchgesehene und vermehrte Auflage von 1905; 2011. XII, Mohr Siebeck Verlag. Tübingen. 366 S.
9. Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Gesamtwerk in 12 (Teil-) Bänden. C.F. Müller Verlag. Heidelberg. 14163 S.

10. Kloepper M. Verfassungsrecht: Grundrechte. Band II. C.H. Beck Verlag. München, 2010. 658 S.
11. Кравец И.А. Стратегический конституционализм и конституционная коммуникация: теоретические и методологические, правовые и информационные аспекты // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 5–22.
12. Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 60–68.
13. Саленко А.В. Европейское пространство высшего образования: германский опыт преподавания конституционного права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. № 9. С. 69–72.
14. Koll B. Liberales Versammlungsrecht. Zum Stellenwert der Freiheit in den Versammlungsgesetzen. Baden-Baden. 1. Auflage. 2015. 430 s.
15. Salat O. The right to freedom of Assembly. A comparative study. Hart Publishing, 2015. 305 p.
16. Ullrich N. Das Demonstrationsrecht. Im Spannungsfeld von Meinungsfreiheit, Versammlungsfreiheit und öffentlicher Sicherheit. Baden-Baden, 2015. 592 S.
17. Колмаков С.Ю. Свобода собраний в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник РУДН: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 215–248.
18. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Издательство НОРМА, 2001. 752 с.
19. The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge, 2018.
20. Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация в современной доктрине и практике: теоретические, методологические и сравнительно-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 224–238. doi: 10.17223/15617793/494/24
21. Комарова В.В. Учредительная власть: теория и механизм ее реализации // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4 (35). С. 61–64.
22. Шустров Д.Г. Теория учредительной власти: пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением. М. : Юрлитинформ, 2021. 656 с.
23. Балагурова Н.Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 14–19.
24. Hardt M., Negri A. Assembly. Oxford University Press, 2017. 369 p.
25. Oklopcic Z. The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form // International Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 6, Is. 2. P. 358–370. doi: 10.1093/icon/mon006
26. Negri A. Il Potere Costituente. Saggio sulle alternative del moderno. Roma : Manifestolibri, 2002. 464 p.
27. Negri A. Insurgencies. Constituent Power and the Modern State. Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 1999. 384 p.
28. Loughlin M. The Concept of Constituent Power // European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13 (2). P. 218–237.
29. Kalyvas A. Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power // Constellations. 2005. Vol. 12, № 2. P. 223–244. doi: 10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
30. Саленко А.В. Право публичных собраний в России и Германии: монография. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. 219 с.
31. Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. doi: 10.1515/9783110758269
32. Chwalisz C. Introduction: Deliberation and new forms of governance // OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. Paris : OECD Publishing, 2020. doi: 10.1787/2884d4c0-en
33. Smith G. Democratic Innovations: Designing Institutions for Citizen Participation, Theories of Institutional Design. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 230 p.
34. Chwalisz C. Reimagining democratic institutions: Why and how to embed public deliberation // OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. Paris : OECD Publishing, 2020. doi: 10.1787/056573fa-en
35. Кравец И.А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 2. С. 33–42. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42
36. Welp Y. Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches // Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. P. 393–406.
37. Elstub S., Ercan S.A., Mendonça R.F. The fourth generation of deliberative democracy // Deliberative Systems in Theory and Practice / Eds. By Stephen Elstub, Selen A. Ercan and Ricardo Fabrinio Mendonça. Abingdon, Oxon, UK : Routledge, 2018. doi: 10.4324/9781351182645
38. Elstub S., Ercan S.A., Mendonça R.F. The fourth generation of deliberative democracy // Critical Policy Studies. 2016. Vol. 10, Is. 2. P. 139–151.
39. Кравец И.А. Народный делиберативный конституционализм как коллективная мудрость: понятие и предназначение в российской и сравнительной конституционной юриспруденции // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 37–46.
40. Eerola A., Reuchamps M. Constitutional Modernisation and Deliberative Democracy: A Political Science Assessment of Four Cases // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. 2016. Vol. 77. P. 319–336. doi: 10.3917/riej.077.0319
41. Конституция и права человека: современная доктрина и практика / И.А. Алешкова, П.Н. Андреева, О.С. Белослудцев [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2021. 400 с.
42. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сб. материалов Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 6–14.
43. Hudson A. The veil of participation: citizens and political parties in constitution-making processes. New York : Cambridge University Press, 2021.
44. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Berlin: Suhrkamp, 2022.
45. García-Gutián E. The meanings of deliberation and citizen participation. Representing the citizens in constitution-making processes // Deliberative Constitution-making. Opportunities and Challenges / eds. by M. Reuchamps, Y. Welp. Abingdon, Oxon : Routledge, 2024. P. 17–28.
46. Political negotiation: a handbook / Eds. by Jane Mansbridge and Cathie Jo Martin. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2016.
47. Vrydagh J. Citizens' assemblies: An introduction // Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. P. 1–36.
48. Valdés-Ugalde F. Democracy in Latin America: The Failure of Inclusion and the Emergence of Autocratization. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. doi: 10.1515/9783110773675
49. Landemore H., Fourniau J. Citizens' assemblies, a new form of democratic representation? // Participations. 2022. № 34. P. 5–36. doi: 10.3917/parti.034.0005
50. Welp Y. Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches // Reuchamps, M., Vrydagh, J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. P. 391–406. doi: 10.1515/9783110758269-031
51. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Report. 10 June 2020 // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://www.oecd.org/en/publications/innovative-citizen-participation-and-new-democratic-institutions_339306da-en.html (дата обращения: 08.10.2024).
52. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Catching the deliberative wave. Paris: OECD Publishing, 2020. doi: 10.1787/339306da-en
53. Caluwaerts D., Reuchamps M. The legitimacy of citizen-led deliberative democracy: the G1000 in Belgium. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2018.

54. Мосберг Е.Ю. Делиберативный конституционализм в странах Бенилюкса // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 6. С. 21–25.

References

- Bertolaso, M., Capone, L. & Rodríguez-Lluesma, C. (eds) (2022) *Digital Humanism. A Human-Centric Approach to Digital Technologies*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Coeckelbergh, M. (2024) What is digital humanism? A conceptual analysis and an argument for a more critical and political digital (post)humanism. *Journal of Responsible Technology*. 17. Art. No. 100073. doi: 10.1016/j.jrt.2023.100073
- Kravets, I.A. (2023) Kommunikativnyy konstitutsionalizm, konstitutsionnoe вовлечение i grazhdanstvo v publichno-pravovom prostranstve algoritmicheskogo i informatsionnogo obshchestva [Communicative constitutionalism, constitutional involvement and citizenship in the public-legal space of the algorithmic and information society]. *Lex Russica*. 76 (11 (2024)). pp. 41–56. doi: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056
- Avakyan, S.A. et al. (2023) *Obespechenie prav cheloveka i osushchestvlenie publichnoy vlasti v sovremennykh usloviyakh: problemy i resheniya* [Ensuring human rights and exercising public power in modern conditions: problems and solutions]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
- Habermas, J. (2022) *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [The Theory of Communicative Action]. Translated from German. Moscow: Ves Mir.
- Bächtiger, A., Dryzek, J.S., Mansbridge, J. & Warren, M.E. (eds) (2018) *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*. Oxford University Press. doi: 10.1093/oxfordhb/9780198747369.001.0001
- Kondrashev, A.A. (2017) Svoboda sobranii v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya praktika [Freedom of assembly in Russia: systemic defects of legislation and political-legal practice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (121). pp. 24–44.
- Jellinek, G. (2011) *System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Hrsg. u. eingel. v. Jens Kersten. 2., durchgesehene und vermehrte Auflage von 1905. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag.
- Merten, D. & Papier, H.-J. (Hrsg.) *Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Gesamtwerk in 12 (Teil-) Bänden*. Heidelberg: C.F. Müller Verlag.
- Kloepfer, M. (2010) *Verfassungsrecht: Grundrechte*. Band II. München: C.H. Beck Verlag.
- Kravets, I.A. (2024) Strategicheskiy konstitutsionalizm i konstitutsionnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i metodologicheskie, pravovye i informatsionnye aspekty [Strategic constitutionalism and constitutional communication: theoretical and methodological, legal and informational aspects]. *Zhurnal rossiyanskogo prava*. 28 (4). pp. 5–22.
- Salikov, M.S. & Goncharov, M.V. (2020) Konstitutsionnye tsennosti na novom etape razvitiya Osnovnogo Zakona Rossiyskoy Federatsii [Constitutional values at the new stage of development of the Basic Law of the Russian Federation]. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 1. pp. 60–68.
- Salenko, A.V. (2012) Evropeyskoe prostranstvo vysshego obrazovaniya: germanskii opyt prepodavaniya konstitutsionnogo prava [European higher education area: German experience of teaching constitutional law]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 9. pp. 69–72.
- Koll, B. (2015) *Liberales Versammlungsrecht. Zum Stellenwert der Freiheit in den Versammlungsgesetzen*. 1. Auflage. Baden-Baden.
- Salat, O. (2015) *The right to freedom of Assembly. A comparative study*. Hart Publishing.
- Ullrich, N. (2015) *Das Demonstrationsrecht. Im Spannungsfeld von Meinungsfreiheit, Versammlungsfreiheit und öffentlicher Sicherheit*. Baden-Baden.
- Kolmakov, S.Yu. (2018) Svoboda sobranii v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Freedom of assembly in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vestnik RUDN: Yuridicheskie nauki*. 22 (2). pp. 215–248.
- Alekseev, S.S. (2001) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to Law. Searches and Solutions]. Moscow: Izdatel'stvo NORMA.
- Levy, R., Kong, H., Orr, G. & King, J. (eds) (2018) *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism*. Cambridge.
- Kravets, I.A. (2023) Communicative constitutionalism and constitutional mobilization in modern doctrine and practice: Theoretical, methodological and comparative legal aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 224–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/24
- Komarova, V.V. (2011) Uchreditelnaya vlast: teoriya i mekhanizm ee realizatsii [Constituent power: theory and mechanism of its implementation]. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 4 (35). pp. 61–64.
- Shustrov, D.G. (2021) *Teoriya uchreditel'noy vlasti: predely izmeneniya konstitutsii i konstitutsionnyy kontrol za ikh soblyudeniem* [The Theory of Constituent Power: The Limits of Constitutional Change and Constitutional Control over Their Observance]. Moscow: Yurlitinform.
- Balagurova, N.N. (2009) Uchreditelnaya vlast: ponyatie i sposoby ee realizatsii [Constituent power: concept and methods of its implementation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (145). pp. 14–19.
- Hardt, M. & Negri, A. (2017) *Assembly*. Oxford University Press.
- Oklopčić, Z. (2008) The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form. *International Journal of Constitutional Law*. 6 (2). pp. 358–370. doi: 10.1093/icon/mon006
- Negri, A. (2002) *Il Potere Costituente. Saggio sulle alternative del moderno*. Roma: Manifestolibri.
- Negri, A. (1999) *Insurgencies. Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
- Loughlin, M. (2014) The Concept of Constituent Power. *European Journal of Political Theory*. 13 (2). pp. 218–237.
- Kalyvas, A. (2005) Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power. *Constellations*. 12 (2). pp. 223–244. doi: 10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
- Salenko, A.V. (2023) *Pravo publichnykh sobranii v Rossii i Germanii: monografiya* [The Law of Public Assemblies in Russia and Germany: Monograph]. Kaliningrad: BFU.
- Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. (2023) *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin, Boston: De Gruyter. doi: 10.1515/9783110758269
- Chwalisz, C. (2020) Introduction: Deliberation and new forms of governance. In: *OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/2884d4c0-en
- Smith, G. (2009) *Democratic Innovations: Designing Institutions for Citizen Participation, Theories of Institutional Design*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chwalisz, C. (2020) Reimagining democratic institutions: Why and how to embed public deliberation. In: *OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/056573fa-en
- Kravets, I.A. (2024) Kult pisanoy konstitutsii i dilemmy konstitutsionnykh izmenenii: nauchnye podkhody i praktika primeneniya deliberativnogo konstitutsionalizma [The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional change: scientific approaches and the practice of applying deliberative constitutionalism]. *Pravoprimenenie*. 8 (2). pp. 33–42. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42
- Welp, Y. (2023) Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches. In: Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin, Boston: De Gruyter. pp. 393–406.
- Elstub, S., Ercan, S.A. & Mendonça, R.F. (2018) The fourth generation of deliberative democracy. In: Elstub, S., Ercan, S.A. & Mendonça, R.F. (eds) *Deliberative Systems in Theory and Practice*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge. doi: 10.4324/9781351182645
- Elstub, S., Ercan, S.A. & Mendonça, R.F. (2016) The fourth generation of deliberative democracy. *Critical Policy Studies*. 10 (2). pp. 139–151.

39. Kravets, I.A. (2024) Narodnyy deliberativnyy konstitutsionalizm kak kollektivnaya mudrost: ponyatie i prednaznachenie v rossiyskoy i sravnitel'noy konstitutsionnoy yurisprudentsii [People's deliberative constitutionalism as collective wisdom: concept and purpose in Russian and comparative constitutional jurisprudence]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 10. pp. 37–46.
40. Eerola, A. & Reuchamps, M. (2016) Constitutional Modernisation and Deliberative Democracy: A Political Science Assessment of Four Cases. *Revue interdisciplinaire d'études juridiques*. 77. pp. 319–336. doi: 10.3917/riej.077.0319
41. Aleshkova, I.A., Andreeva, P.N., Belosludtsev, O.S. et al. (2021) *Konstitutsiya i prava cheloveka: sovremennaya doktrina i praktika* [Constitution and Human Rights: Modern Doctrine and Practice]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
42. Avakyan, S.A. (2017) [Main trends in the modern development of constitutional law]. *Konstitutsionnoe pravo: itogi razvitiya, problemy i perspektivy* [Constitutional Law: Results of Development, Problems and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RG-Press. pp. 6–14. (In Russian).
43. Hudson, A. (2021) *The veil of participation: citizens and political parties in constitution-making processes*. New York: Cambridge University Press.
44. Habermas, J. (2022) *Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik*. Berlin: Suhrkamp.
45. García-Gutián, E. (2024) The meanings of deliberation and citizen participation. Representing the citizens in constitution-making processes. In: Reuchamps, M. & Welp, Y. (eds) *Deliberative Constitution-making. Opportunities and Challenges*. Abingdon, Oxon: Routledge. pp. 17–28.
46. Mansbridge, J. & Martin, C.J. (eds) (2016) *Political negotiation: a handbook*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
47. Vrydagh, J. (2023) Citizens' assemblies: An introduction. In: Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin; Boston: De Gruyter. pp. 1–36.
48. Valdés-Ugalde, F. (2023) *Democracy in Latin America: The Failure of Inclusion and the Emergence of Autocratization*. Berlin; Boston: De Gruyter. doi: 10.1515/9783110773675
49. Landemore, H. & Fourniau, J. (2022) Citizens' assemblies, a new form of democratic representation? *Participations*. 34. pp. 5–36. doi: 10.3917/parti.034.0005
50. Welp, Y. (2023) Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches. In: Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin; Boston: De Gruyter. pp. 391–406. doi: 10.1515/9783110758269-031
51. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2020) *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Report*. 10 June 2020. [Online] Available from: https://www.oecd.org/en/publications/innovative-citizen-participation-and-new-democratic-institutions_339306da-en.html (Accessed: 08.10.2024).
52. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2020) *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Catching the deliberative wave*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/339306da-en
53. Caluwaerts, D. & Reuchamps, M. (2018) *The legitimacy of citizen-led deliberative democracy: the G1000 in Belgium*. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.
54. Mossberg, E.Yu. (2024) Deliberativnyy konstitutsionalizm v stranakh Benilyuksa [Deliberative constitutionalism in the Benelux countries]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 6. pp. 21–25.

Информация об авторах:

Кравец И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: kravigor@gmail.com

Саленко А.В. – д-р юрид. наук, магистр права (LL.M.), профессор Высшей школы права ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: ASalenko@kantiana.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Kravets, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Constitutional and Municipal Law, chief research fellow, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

A.V. Salenko, Dr. Sci. (Law), Master of Laws, professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: ASalenko@kantiana.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья
УДК 342.7
doi: 10.17223/15617793/512/28

О сбалансированности прав и обязанностей как новом принципе социального государства

Евгения Владимировна Макарецова (Раздьяконова)¹

¹ Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, evr505@yandex.ru

Аннотация. Исследуются конституционные нормы, закрепленные в ст. 75.1 как новые принципы социального государства. Акцентируется внимание на условиях реализации права на труд и одновременно исполнения конституционных обязанностей по заботе о детях, их воспитанию, обеспечении получения детьми основного общего образования. Раскрывается содержание конституционных принципов социального государства о сбалансированности прав и обязанностей, социального партнерства в соответствии с позициями Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: сбалансированность прав и обязанностей, социальное партнерство, право на труд, обязанность заботиться о детях

Для цитирования: Макарецова (Раздьяконова) Е.В. О сбалансированности прав и обязанностей как новом принципе социального государства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 266–272. doi: 10.17223/15617793/512/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/28

On the balance of rights and responsibilities as a new foundation for the welfare state

Evgeniya V. Makartseva (Razdyakonova)¹

¹ Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, evr505@yandex.ru

Abstract. The article discusses the new constitutional provisions enshrined in Article 75.1, which represent a new set of principles for the welfare state during Russia's current period of development. It focuses on norms related to the balance between rights and responsibilities, economic, political, and social solidarity, as well as the constitutionalization of social partnerships. These provisions aim to serve as tools and foundations for changing legal regulations regarding the relationship between constitutional rights and obligations. In this study, the author specifically examines the conditions for realizing the right to work, while also fulfilling constitutional duties related to caring for children, raising them, and ensuring their access to basic general education. The aim is to explore the content of these constitutional principles in light of the positions taken by the Constitutional Court of Russia. The use of the comparative legal method allowed the author to draw a correlation between the practices of using and implementing the constitutional principles underpinning the social policies of Ireland, Italy, Germany, and Russia. The author concluded that the Constitutional Court of the Russian Federation, by formulating legal positions in relation to the provision of Article 75.1 of the Constitution, tends to prioritize the general functioning of the constitutional system, which consists of rights and principles. Its decisions are intended to produce the desired effects. At the same time, values and principles are not to be stigmatized but rather to be seen as integral and flexible constitutional provisions open to interpretation by judges and lawmakers. The general content of the principle of balanced rights and freedoms guides not only the Constitutional Court, but also the legislator in reviewing labor standards. This principle takes into account the need to establish a balance between socio-economic rights and constitutional obligations. The legal formal method allows the author to compare the conditions for realizing the right to work with the fulfillment of the constitutional obligation to care for children and their upbringing. The content of this constitutional duty is extensive and energy-intensive, requiring free time. This creates a situation where, all other things being equal, employees without minor children have more freedom in disposing of their leisure time than those with minor children. As a result of the study, conclusions are drawn about the need to change the legal regulations regarding working hours and rest time for employees with family responsibilities. To find a balance between the rights of employees with and without minor children, it is proposed to use social partnership mechanisms to legitimize this change.

Keywords: balance of rights and duties, social partnership, right to work, duty to take care of children

For citation: Makartseva (Razdyakonova), E.V. (2025) On the balance of rights and responsibilities as a new foundation for the welfare state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 266–272. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/28

Мы в ответе за тех, кого приручили.
Антуан де Сент-Экзюпери

Введение

Конституционная реформа 2020 г. заложила концептуальные основы нового социального государства. Отдельные новые конституционные нормы носят социально ориентированный характер. В новой норме ст. 75.1 Конституции РФ закреплено, что в Российской Федерации «обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность», что представляет собой одновременно и цели конституционного развития в социальной сфере, и своего рода принципы, на которых должно строиться современное российское социальное государство. Как указывает И.А. Кравец, «конституции в современном смысле закрепляют и актуализируют в новых условиях конституционные цели развития народов и их ценности, облекаемые в правовую форму и разделяемые обществом» [1. С. 209]. По мнению Н.С. Бондаря, «при всей важности научных дискуссий и многообразии оценок конституционного развития России нельзя не признать, что в плане правовой стратегии, пожалуй, главное, в чем, безусловно, нуждается наше общество – это предсказуемость, научная обоснованность, политическая выверенность перспектив конституционного будущего» [2. С. 54]. Этот подход должен стать базисом при формировании современной модели социального государства, где, по мнению И.М. Ильина, «сохраняются проблемы подлинного утверждения социальных прав. Одно из очевидных противоречий – диспропорция между содержанием социальных прав и гарантий их реализации. Эти проблемы актуальны для современной России, которая до настоящего времени не переориентировала социальную политику на создание более конструктивной перераспределительной системы социальных благ и эффективное внедрение новых технологий повышения качества и уровня жизни людей» [3. С. 100]. В этом контексте нормы обновленной Конституции РФ становятся ориентиром дальнейшего развития, построения иной модели социального государства.

Роль Конституционного Суда РФ в обеспечении сбалансированности прав и обязанностей

За пятилетний срок действия новых конституционных норм Конституционный Суд РФ уже неоднократно ссылался на нормы ст. 75.1, но содержательное толкование норм в актах Конституционного Суда РФ отсутствует. Норма о сбалансированности прав и обязанностей не находит ни прямого применения в актах КС РФ, ни толкования. Между тем именно проблема обеспечения баланса между условиями реализации социально-экономических прав и исполнением конституционных обязанностей может стать предметом научных дискуссий и ставить перед Конституционным Судом РФ новые задачи. Безусловно, Конституционный Суд РФ обращался ранее к вопросу о соблюдении ба-

ланса между правами и обязанностями, сформулировав общую теорию баланса. Как указывает А.Н. Рундквист, ссылаясь на определенные правовые позиции КС РФ, «и только предварительно согласовав все вышеуказанные ценности (выражаясь иначе, определив наиболее важные ценностные ориентиры для дальнейшего правового регулирования), целесообразно приступать к сбалансированному (равномерному) распределению субъективных прав и юридических обязанностей между участниками конкретных правоотношений. Согласно сложившейся практике КС РФ и выраженному в ней содержанию принципа справедливости, такое распределение должно осуществляться с учетом следующих правил: 1) запрета различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях; 2) применения обоснованной дифференциации в отношении субъектов, находящихся в разном положении; 3) осуществления приоритетной защиты интересов заведомо более слабой стороны соответствующих правоотношений путем введения дополнительных ограничений для более сильной стороны, предоставления дополнительных гарантий наименее защищенному субъекту и (или) освобождение последнего от излишних обременений» [4. С. 40–41].

По сути, это общие критерии сбалансированности прав и обязанностей, имеющие универсальный характер. Несмотря на общий подход, именно в социальной сфере необходим поиск критериев для определения значимости той или иной области жизни. Всегда для человека были и остаются значимыми такие ценности как труд, включая возможность профессионального развития, и личная жизнь, в том числе возможность создать семью с детьми. Здесь важно определить, что на данном этапе развития важнее для государства: занятость населения и его вклад в экономику, где просматривается чисто публичный интерес, удовлетворенность работодателя от труда работников – частный интерес, и в то же время дети – новое поколение российских граждан, и это тоже публичный интерес государства. В контексте провозглашения крепкой семьи как традиционной национальной ценности¹, значимости таких национальных целей развития, как сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей², воспитания достойных граждан возникает проблема обеспечения баланса между конституционным правом на труд и конституционным правом и одновременно конституционной обязанностью – воспитывать и заботиться о детях.

Условия реализации права на труд, закрепленного в ст. 37 Конституции РФ, подробно регламентированы Трудовым кодексом РФ, где содержатся нормы о рабочем времени и времени отдыха. Трудовой кодекс РФ, принятый в 2001 г., являясь итогом законотворческой деятельности эпохи «жесткого капитализма», рассматривает трудовые отношения с позиций равноправия сторон в рамках абсолютной рыночной экономики,

оставляя государству роль ночного сторожа, но поправки в Конституцию 2020 г.³ (далее – Закон о поправке 2020 г.) вносят этическую составляющую в эти правоотношения, что должно порождать гуманизацию трудовых правоотношений. В связи с этим одну из основных ролей в этом процессе играет Конституционный Суд, который на основании поправок к Конституции РФ 2020 г. корректирует содержательные характеристики трудовых правоотношений, их целеполагание. Путем формирования правовых позиций в сфере свободы труда и применения норм ст. 75.1 Конституции РФ обуславливается новый виток правовой мобилизации, где он выступает проводником в реализации новых конституционных целей развития социального государства. Примером тому служат правовые позиции, в которых Конституционный Суд стимулирует законодателя по-новому посмотреть на содержание «старых» норм Трудового кодекса. В Постановлении от 11 апреля 2023 г. № 16-П Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности...»⁴.

В Постановлении от 25 июня 2023 г. № 32-П предметом рассмотрения явилась часть вторая ст. 135 Трудового кодекса РФ, которая «не содержит требований к локальным нормативным актам и ограничений для работодателя при их принятии, тем самым предоставляя ему право изменять по своему усмотрению определенную коллективным договором систему оплаты труда в части, касающейся стимулирующих выплат, и не устанавливает приоритета коллективного договора над локальными нормативными актами, а часть первая ст. 193 данного Кодекса не определяет критериев отношения лиц, занятых у работодателя, к числу его представителей, уполномоченных на привлечение работника к дисциплинарной ответственности. <...> Такой пробел в правовом регулировании имеет конституционную значимость, поскольку приводит к нарушению не только права работника на справедливую заработную плату, но и конституционного права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, а также принципов справедливости и равенства и не согласуется с конституционными предписаниями об уважении человека труда и самого труда и с конституционно одобряемыми целями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина»⁵.

Формулировки отсылки в правовых позициях Конституционного Суда к норме Конституции РФ, содержащейся в ст. 75.1, свидетельствует о том, что он еще не избрал для себя приемлемую концепцию использования новых конституционных принципов, адаптируя норму под каждое конкретное дело через взаимосвязь с конституционными правами и свободами, закрепленными в главе 2. При этом законодатель, когда идет по пути конституционализации принципов социального государства, пытается тем самым создать прочный фундамент защиты социально-экономических прав либо через политическую волю, либо через судебный механизм.

К примеру, в Конституции Ирландии 1937 г. содержатся экономические, социальные и культурные принципы, не подлежащие судебному толкованию и использованию; их закрепление в основном законе страны – это способ, чтобы вдохновлять и направлять именно политические действия властей. Этот подход был впервые апробирован в Ирландии, где для разрешения политических разногласий по поводу, казалось бы, подлежащих судебному использованию экономических, социальных и культурных прав в проекте конституции содержатся «директивные принципы социальной политики», которые выступают основой для принятия политических решений в сфере социальной политики [5. Р. 208]. Директивные принципы социальной политики, закрепленные в Конституции Ирландии, как показала практика их последующего толкования, обладают нарративом, который был убедительным для судей, но политический нарратив, сопровождавший принципы, не сработал. Примеров значительного применения принципов очень мало; и нет никаких доказательств того, что правительство когда-либо руководствовалось этими принципами, как это предусмотрено Конституцией [5. Р. 207–236].

Итальянский Конституционный суд, защищая социальные права, опирается на свою функцию «централизованного» судебного надзора, прибегая к богатому перечню прав не только социального характера, но и к основополагающим принципам: главным образом к понятию человеческого (и социального) достоинства, поддерживаемого «фундаментальной ценностной парой», а именно принципами солидарности и равенства [6. Р. 247–255].

В отношении использования в судебной практике конкретных социально-экономических прав в зарубежной литературе отмечается, что закрепление социальных прав в конституции дает возможность органу конституционного контроля широко применять средства защиты к определенным категориям граждан [7. Р. 1910–1911]. В то же время при наличии принципов социального государства, так или иначе находящим отражение в нормах конституции, возможна отсылка именно к ним, что, безусловно, расширяет инструментарий судебного органа, о чем свидетельствует практика Федерального конституционного суда Германии [8. С. 69, 72].

Конституционный Суд РФ через формулирование правовых позиций со ссылкой на норму ст. 75.1 Конституции РФ склонен отдавать приоритет общему функционированию конституционной системы, состоящей из прав и принципов, и в которой его решения призваны производить ожидаемые эффекты. Это явление очевидно в вышеупомянутой прецедентной практике в тех случаях, когда отсутствуют адекватные нормы и стабильные иерархические порядки, но при этом ценности и принципы не следует стигматизировать, а скорее рассматривать как неизбежные конституционные положения, которые являются эластичными и открытыми для судей и законодателя. На этом фоне судебное правотворчество посредством использования ценностей и принципов вследствие бездействия законодательных властей является востребованным и оправданным.

Но следует заметить, что в настоящее время в практике конституционного правосудия еще не появилось дела, в котором он применил бы принцип сбалансированности прав и обязанностей в контексте соотношения каких-либо социальных прав и конституционных обязанностей и дал бы толкование этому принципу. При этом имеющаяся общая теория баланса ориентирует в целом не только суды, а прежде всего законодателя пересмотреть нормы о труде с учетом установления баланса между социально-экономическими правами и конституционными обязанностями.

Соотношение права на труд и обязанности заботиться о детях

В действующем Трудовом кодексе РФ имеется глава, посвященная особенностям регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями, т.е. законодатель уже имеет попытку установления такого баланса через отраслевое регулирование. Но это регулирование носит «точечный характер», не учитывает до конца всю полноту конституционной обязанности по заботе о детях и их воспитанию (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ), а равно и обязанности родителей обеспечить получение детьми основного общего образования (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ). Исполнение данных обязанностей требует от родителей наличия свободного времени, что создает на практике ситуацию, когда работники, не имеющие несовершеннолетних детей при прочих равных условиях, более свободны в распоряжении их временем отдыха, которое они могут потратить на свое профессиональное развитие, дополнительное обучение, переобучение, повышение квалификации, даже просто отдохнуть между рабочими днями более эффективно и восстановить организм к началу нового рабочего дня и, следовательно, быть более конкурентными на рынке труда, чем работники, имеющие несовершеннолетних детей.

Содержание конституционной обязанности родителей заботиться о детях носит объемный, энергозатратный характер, требует наличия свободного времени. Как пишет С.Б. Кордуба, содержание конституционной обязанности включает в себя несколько частных элементов:

– «обязанность родителей по воспитанию детей означает личное воздействие родителей (родителя) на формирование нравственности, мировоззрения, общего культурного уровня личности, правовой культуры ребенка с целью его подготовки к самостоятельной жизни в обществе;

– обязанность родителей (родителя) по содержанию детей предполагает, что родители должны обеспечивать своих детей всем необходимым для полноценного духовного и физического развития, включая обеспечение пищей, одеждой, жильем, создание бытовых условий;

– обязанность родителей обеспечить получение детьми образования подразумевает, что родители должны выбрать образовательное учреждение с учетом мнения ребенка, осуществлять контроль за посещаемостью им образовательного учреждения и его

успеваемостью, поддерживать постоянный контакт с учителями, создавать дома условия для самостоятельной подготовки ребенка к учебе, помогать в обучении, обеспечивать необходимыми средствами обучения;

– обязанность родителей (родителя) заботиться о физическом и психическом здоровье детей предполагает, что родители должны воспитывать в детях отрицательное отношение к употреблению табачных изделий, алкогольных напитков, наркотиков, в том числе и собственным примером, обеспечивать лечение детей в случае их заболевания, ответственно относиться к их питанию, защищать от информации, способной причинить вред здоровью;

– обязанность родителей охранять и защищать жизнь, достоинство, свободу, личную неприкосновенность детей, обеспечивать их безопасность означает, что родители должны контролировать свободное время своих детей, знать, где они находятся, не оставлять детей одних, без присмотра;

– обязанность родителей (родителя) по обеспечению физического развития детей заключается в выявлении и определении способностей и потребностей детей в занятиях физической культурой и спортом, содействии своих детей в устройстве в спортивную секцию и т.п., контроле за посещаемостью.

– обязанность родителей защищать законные интересы детей и нести юридическую ответственность за деяния, совершенные их детьми, в установленных законодательством случаях (гражданско-правовую, административно-правовую) [9. С. 17–18].

Некоторые изменения в трудовом законодательстве в части установления дополнительных гарантий родителям, имеющим несовершеннолетних детей, были внесены на рассмотрение в Государственную Думу в 2024 г. Согласно пояснительной записке к одному из проектов федерального закона о внесении изменений в Трудовой кодекс РФ, это, например, коснется увеличения времени на перерыв для кормления ребенка. «В настоящее время Трудовой кодекс РФ предусматривает право женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет, на перерыв для кормления ребенка продолжительностью не менее 30 минут. Однако зачастую этого времени может быть недостаточно для полноценного ухода за ребёнком и отдыха. Например, в условиях современного крупного города этого времени в большинстве случаев будет недостаточно для того, чтобы женщина могла доехать до дома и вернуться на рабочее место. Законопроектом предлагается увеличить длительность дополнительного перерыва для кормления ребенка до 90 минут (при наличии у женщины одного ребенка в возрасте до полутора лет) или до 2 часов (при наличии у женщины двух и более детей в возрасте до полутора лет)»⁶. Также предлагается установить запрет отзыва женщин из отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, повысить с полутора до трех лет возраст детей, чьи матери в случае невозможности выполнения прежней работы имеют право на перевод их по заявлению на другую работу с оплатой труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе до достижения ребенком возраста трех лет⁷.

Также предлагается дополнить ТК РФ новой ст. 261.1, согласно которой женщине, имеющей ребенка в возрасте до семи лет, по ее письменному заявлению предоставляется дополнительный оплачиваемый выходной день один раз в два месяца⁸. Другим законопроектом, внесенным на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в августе 2024 г., предусматривается право родителей, воспитывающих детей школьного возраста, на освобождение от работы на время участия в торжественной линейке, приуроченной к празднованию Дня знаний (предоставлении выходного дня)⁹.

Но это меры эпизодического характера, которые не учитывают постоянные затраты личного времени работника на выполнение указанных конституционных обязанностей. Ребенок в возрасте до 14 лет нуждается в постоянной заботе со стороны родителей, эта особенность взросления признана гражданским законодательством, в соответствии с которым именно с 14 лет возможность осуществлять свои права и исполнять обязанности, а также нести юридическую ответственность увеличивается. Таким образом, исходя из конституционного принципа сбалансированности прав и свобод, учитывая постоянный характер исполнения конституционных обязанностей по заботе о детях, их воспитанию, обеспечению получения детьми основного общего образования, в трудовом законодательстве следует предусмотреть уменьшение часов рабочего дня/норм выработки и т.п. без снижения заработной платы (т.е. установление сокращенного рабочего времени), увеличения количества дней отпуска для лиц с семейными обязанностями, имеющих детей в возрасте до 14 лет. При этом рациональное снижение рабочего времени, выраженного в количестве часов, увеличение дней ежегодного отпуска без ущемления прав других работников должны являться результатом обсуждения с заинтересованными субъектами: работниками, профсоюзными организациями, объединениями работодателей.

Как справедливо заметила Н.В. Пугачева, «некачественное исполнение государством своей обязанности по надлежащему правовому регулированию общественных отношений может привести (и приводит) к столкновению, как безобидному, так и достаточно жесткому, при котором реализация права одним лицом препятствует осуществлению права другого лица, а удовлетворение частного интереса ставит под угрозу интерес публичный, и наоборот» [10. С. 94]. Поиск оптимального баланса между условиями реализации права на труд, преимущественно с помощью которого человек обеспечивает себя и свою семью, и исполнением конституционной обязанности заботиться о детях, их воспитании и образовании должен строиться на общеправовой теории баланса прав и обязанностей с учетом критериев, заложенных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁰, где «крепкая семья» и «созидательный труд» названы в качестве традиционных ценностей.

С точки зрения общей теории права юридические обязанности, в отличие от субъективных прав, носят императивный характер, их неисполнение влечет за собой меры государственного принуждения. В то же время необходимо учитывать, что качественное исполнение конституционных обязанностей в отношении детей порой невозможно без реализации права на труд. К примеру, обязательства родителей (родителя) по содержанию детей невозможно реализовать без материальных затрат, что, в свою очередь, подразумевает в большинстве случаев получение источника дохода за счет продажи своего труда.

В этом контексте российская конституционная модернизация обуславливает необходимость применения новых способов регулирования общественных отношений, в том числе в сфере социально-экономических прав, и возможность консенсуса между заинтересованными субъектами дополнительно легитимируется через конституционализацию принципа социального партнерства. В этих условиях потенциал правового содержания принципа социального партнерства, который тоже закреплен в Конституции РФ в 2020 г., распространяется на гораздо более широкий круг общественных отношений, выходя далеко за пределы трудовой сферы, усиливая роль государства как в регулировании социально-трудовых отношений, так и повышая ответственность субъектов экономической деятельности и институтов гражданского общества. «Государство должно взаимодействовать с обществом, не навязывая обществу решение тех или иных социальных проблем, не получающих отклика в обществе, а стремиться к поиску компромисса в реализации запросов общества и различных его слоев, к достижению согласия между ними, сопровождая способы и формы такого согласия рациональной государственной поддержкой» [11. С. 90]. Вопрос о том, почему социальное государство само по себе является ресурсом власти, остается открытым. Ответ заключается в том, что наемные работники в условиях рыночной экономики вынуждены объединяться, но они не уверены в себе и зависят от решений и сил, находящихся за пределами их контроля. Это ограничивает их способность к коллективной солидарности и мобилизации. Социальные права, гарантия доходов, их относительное выравнивание и искоренение бедности – это цели, которые преследует универсалистское социальное государство, именно они являются необходимыми предпосылками для силы и единства конституционной коммуникации. Как отмечает С.Ю. Чуча, «государство заинтересовано в вовлечении граждан и их инициатив в решение социальных вопросов. Однако не менее важная роль в функционировании системы должна быть отведена тем формам взаимодействия, инициаторами и движущей силой формирования которых является третий сектор, организованная общественность» [12. С. 252]. В связи с этим конституционализация принципа социального партнерства расширяет возможности конституционной коммуникации. По мнению А.Ю. Бушева, «положения введенной в Конституцию РФ ст. 75.1 являются дополнительным конституционным подтвер-

ждением распространения принципа добросовестности на все сферы деятельности как частных лиц, так и публичной власти, включая отношения между ними, ориентируя на сотрудничество, взаимное уважение, проявление добра, честности и справедливости во имя общего блага» [13. С. 156]. Легитимация норм о снижении рабочего времени, увеличении количества дней ежегодного отпуска работников, имеющих детей в возрасте до 14 лет, должна достигаться путём широкого обсуждения, как это было сделано предварительно при принятии Закона о поправке к Конституции 2020 г., а

также последующего согласования с народом РФ путем вынесения на всеобщее голосование 1 июля 2020 г.¹¹

Применение подобного механизма только с участием сторон социального партнёрства (объединения работодателей, работников, представителей государства) позволит снизить риски неравноправия работников с разным статусом, повысить социальную ответственность работодателей, вызвать интерес бездетных работников к вопросу о наличии детей и доверие к действующей власти со стороны населения страны.

Примечания

- ¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
- ² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.
- ³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 20.01.2025).
- ⁴ По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго части первой статьи 327¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева : Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2023. № 16-П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision674185.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).
- ⁵ По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской : Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 года № 32-П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688260.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).
- ⁶ Законопроект № 805353-8 О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/805353-8> (дата обращения: 16.01.2025).
- ⁷ Законопроект № 752778-8 О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (о дополнительных гарантиях женщинам, имеющим малолетних детей). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/752778-8> (дата обращения: 16.01.2025).
- ⁸ Законопроект № 665857-8 О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации (о предоставлении дополнительных выходных дней женщинам, имеющим детей в возрасте до семи лет). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/665857-8> (дата обращения: 16.01.2025).
- ⁹ Законопроект № 708736-8 О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части введения выходного дня для родителей в День знаний. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/708736-8> (дата обращения: 16.01.2025).
- ¹⁰ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
- ¹¹ Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 июня 2020 г. № 354 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 23. Ст. 3622.

Список источников

1. Кравец И.А. Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 206–217. doi: 10.17223/15617793/450/25
2. Стратегии правового развития России / коллектив авторов ; под ред. О.Ю. Рыбакова. 3-е изд., стер. М. : ЮСТИЦИЯ, 2020. 622 с.
3. Ильин И.М. К вопросу о праве человека на достойный уровень жизни (конституционно-правовой аспект) // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 4-1. С. 95–103.
4. Рундквист А.Н. Категории справедливости и баланса в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2022. № 1. С. 31–41. doi: 10.7256/2454-0706.2022.1.34178
5. Kenny D., McCann L. Directive Principles, Political Constitutionalism, and Constitutional Culture: the Case of Ireland's failed Directive Principles of Social Policy // European Constitutional Law Review. 2022. Vol. 18, Is. 2. P. 207–236.
6. Botelho C., Terrinha L., Coutinho P. (Eds.) Constitutionalism in a plural world. Porto : Universidade Católica Editora, 2018. 270 p.
7. Tushnet M. Social welfare rights and the forms of judicial review // Texas Law Review. 2004. Vol. 82, № 7.
8. Люббе-Вольфф Г. Принцип социального государства в практике конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 67–76.
9. Кордуба С.Б. Конституционная обязанность родителей заботиться о детях в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 25 с.
10. Пугачёва Н.В. Баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов как критерий конституционности ограничения свободы труда // Ежегодник трудового права. 2023. № 13. С. 92–105. doi: 10.21638/spbu32.2023.106
11. Скачкова Г.С. Развитие идеи социального государства и новации статьи 75.1 Конституции Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 3 (27). С. 86–97.
12. Чуча С.Ю. Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнёрства в Российской Федерации. // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3. С. 249–261.
13. Бушев А.В. Принцип добросовестности в решениях Конституционного суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. С. 156–169.

References

1. Kravets, I.A. (2020) Constituent power and constitutional modernization in modern constitutionalism (Russian, comparative and international aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 206–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/25
2. Rybakov, O.Yu. (ed.) (2020) *Strategii pravovogo razvitiya Rossii* [Strategies for the Legal Development of Russia]. 3rd ed. Moscow: YUSTITSIYA.
3. Il'in, I.M. (2023) K voprosu o prave cheloveka na dostoinny uroven zhizni (konstitutsionno-pravovoy aspekt) [On the issue of the human right to a decent standard of living (constitutional and legal aspect)]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 13 (4-1). pp. 95–103.

4. Rundkvist, A.N. (2022) Kategorii spravedlivosti i balansa v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Categories of justice and balance in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Pravo i politika*. 1. pp. 31–41. doi: 10.7256/2454-0706.2022.1.34178
5. Kenny, D. & McCann, L. (2022) Directive Principles, Political Constitutionalism, and Constitutional Culture: the Case of Ireland's failed Directive Principles of Social Policy. *European Constitutional Law Review*. 18 (2). pp. 207–236.
6. Botelho, C., Terrinha, L. & Coutinho, P. (eds) (2018) *Constitutionalism in a plural world*. Porto: Universidade Católica Editora.
7. Tushnet, M. (2004) Social welfare rights and the forms of judicial review. *Texas Law Review*. 82 (7).
8. Lyubbe-Volff, G. (2008) Printsip sotsialnogo gosudarstva v praktike konstitutsionnogo suda Germanii [The principle of the social state in the practice of the German Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 1. pp. 67–76.
9. Korduba, S.B. (2011) *Konstitutsionnaya obyazannost roditelei zabottitsya o detyakh v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional duty of parents to care for children in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
10. Pugachyova, N.V. (2023) Balans konstitutsionnykh tsennostei, prav i zakonnykh interesov kak kriterii konstitutsionnosti ogranicheniya svobody truda [The balance of constitutional values, rights and legitimate interests as a criterion for the constitutionality of restrictions on freedom of labor]. *Ezhegodnik trudovogo prava*. 13. pp. 92–105. doi: 10.21638/spbu32.2023.106
11. Skachkova, G.S. (2021) Razvitie idei sotsialnogo gosudarstva i novatsii stat'i 75.1 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Development of the idea of a social state and innovations of Article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 7 (3 (27)). pp. 86–97.
12. Chucha, S.Yu. (2021) Konstitutsionalizatsiya i rasshirenie yuridicheskogo sodержaniya ponyatiya sotsialnogo partnerstva v Rossiyskoy Federatsii [Constitutionalization and expansion of the legal content of the concept of social partnership in the Russian Federation]. *Pravoprimenenie*. 5 (3). pp. 249–261.
13. Bushev, A.V. (2023) Printsip dobrosovestnosti v resheniyakh Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii: k yubileyu Gadisa Abdulalievicha Gadzhieva [The principle of good faith in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: on the anniversary of Gadis Abdulalievich Gadzhiev]. *Zakon*. 9. pp. 156–169.

Информация об авторе:

Макарцева (Раздьяконова) Е.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия). E-mail: evr505@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Makartseva (Razdyakonova), Cand. Sci. (Law), head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evr505@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 22.01.2025;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 22.01.2025;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2025. № 512. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.03.2025 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,1. Усл. печ. л. 31,7. Тираж 50 экз.
Заказ № 6392. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.09.2025 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru